Г. П. МАКОГОНЕНКО

РАДИЩЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

Г. П. МАКОГОНЕНКО

РАДИЩЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

Г. П. МАКОГОНЕНКО

РАДИЩЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

Государственное издательство
Художественной Литературы
Москва — 1956

Редактор
Ю. Г. Оксман.

Переплет и титульный лист
Ю. Мезерницкого.

ВВЕДЕНИЕ

Радищевым открывается новая эпоха в развитии общественной мысли в России. Человек энциклопедической образованности, свободолюбец и революционер, верящий в творческие силы и будущее своего народа, Радищев за тридцать лет своей общественно-литературной деятельности оставил глубокий след в русской культуре. Философ и социолог, политический деятель и писатель, поэт и критик, историк и законовед, он всегда выступал как новатор, как идеолог нового типа. Радищев воплощает в себе итог блистательного развития русской культуры XVIII века. Он заложил первые камни в фундамент великого здания русской освободительной мысли.

Особо важны заслуги Радищева перед литературой. Крупный мыслитель, Радищев оказался способным изучать и осмыслять опыт событий не только русской, но и мировой истории. При этом революционная борьба народов мира всегда и неизменно обобщалась Радищевым с позиций практических потребностей русского освободительного движения. Это позволило Радищеву выдвинуть идею народной революции как единственного пути разрушения самодержавно-крепостнического государства и завоевания свободы. Революционные произведения Радищева свидетельствуют о формировании в России самостоятельной политической мысли, не только осваивавшей, но критически перерабатывавшей идеи французского Просвещения.

В 1914 году В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов» указал на связь передовой русской литературы с освободительным движением.

«Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика». [1]

Решающая черта неповторяемого своеобразия передовой русской литературы — ее связь с русским освободительным движением, ее беззаветное служение героическому делу борьбы с царизмом, с помещичье-буржуазным гнетом. Борьба с самодержавием была начата еще в первый, дворянский этап революционного движения в России. В последнее десятилетие XIX века эту борьбу повел и возглавил рабочий класс. Именно потому, что русский царизм был оплотом европейской реакции, борьба с ним, как учит Ленин, имела всемирно-исторический характер.

Мировое значение русской революции и определило мировое значение русской литературы. В этих условиях сформировалось в России понимание гражданской роли писателя и общественных задач литературы. Передовой писатель России — это или писатель-революционер, какими были Радищев и Рылеев, Герцен и Чернышевский, или писатель, выразивший коренные нужды народа, отразивший в своих сочинениях важнейшие стороны революции, какими были, например, Грибоедов и Пушкин, Толстой и Чехов. В. И. Ленин, отмечая эту особенность русской литературы, писал: «...если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». [2]

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, стр. 85.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 179.

Радищев принадлежал к России революционной. Весь грандиозный и славный опыт революционной России служит сегодняшним интересам, служит делу победы коммунизма. Этим определяются и насущные задачи научного изучения радищевского наследия и его место в истории русской литературы и освободительной мысли.

Советское литературоведение, приступив к изучению литературы XVIII века, прочно опиралось на марксистско-ленинскую методологию, на концепцию русского исторического процесса, выдвинутую Лениным, на его конкретные оценки деятельности отдельных представителей литературы и общественной мысли. Правильному пониманию последней помогали и труды великих революционных демократов — Белинского, Герцена, Огарева, Добролюбова, Чернышевского, в которых характеризовалось творчество крупнейших писателей и журналистика XVIII века.

Свою ответственную работу советские литературоведы начинали не на пустом месте — в их распоряжении находилось довольно обширное наследие буржуазной науки. В этом наследии было немало ценного. Прежде всего необходимо отметить накопленный в течение XIX столетия богатейший фактический материал, документы, извлеченные из государственных и частных архивов. За это же время силами нескольких поколений ученых был собран огромный рукописный и первопечатный материал, осуществлено издание сочинений почти всех крупнейших писателей XVIII века. Многие из этих собраний сочинений и до сего дня остаются единственно научными изданиями. Таковы, например, собрания сочинений Державина, Фонвизина, Сумарокова. Собрано, подготовлено и издано за то же время большое число памятников мемуарной литературы.

Но буржуазные ученые не только издавали сочинения, собирали материал и описывали его. Они давали идеологическое истолкование творчеству писателей XVIII века, определяли тенденции изучения, создавали определенные традиции. В работах А. Н. Пыпина и П. П. Пекарского, М. И. Сухомлинова и Н. С. Тихонравова, Я. К. Грота и В. В. Сиповского, В. И. Семевского и В. В. Мияковского и многих других русских ученых было высказано немало верных и плодотворных мыслей, и теперь сохра-

нивших свое значение выводов и наблюдений о жизни и деятельности писателей, об их произведениях, о развитии журналистики и общественной мысли века. В то же время часто русские писатели лишались этими учеными идейной и эстетической самостоятельности, их произведения объявлялись подражательными, списанными с западноевропейских образцов, деятельность передовых писателей эпохи искажалась или предвзято истолковывалась. Радищев, например, объявлялся предтечей российского либерализма или воспитанником екатерининского «Наказа», Новиков целиком отдавался масонству, его объявляли вождем русских розенкрейцеров и главой русских мистиков. Привлекая внимание к творчеству второстепенных писателей, сосредоточивая усилия ученых на изучении жизни и деятельности дворянских идеологов (например, Карамзина), широко разрабатывая проблемы развития реакционных течений в общественной мысли эпохи (например, масонства), буржуазная наука всячески замалчивала явления демократической и освободительной мысли.

Советскому литературоведению предстояла ответственная и огромная работа: развернуть изучение демократических сил в литературе и общественном движении XVIII века, восстановить действительное идейно-эстетическое содержание литературного наследия передовых писателей эпохи, преодолеть сложившиеся традиции изучения литературы века, переоценить, проверить и классифицировать накопленные факты, подготовив и осуществив научные издания полных и избранных сочинений писателей. Создание подлинно научной истории русской литературы XVIII века, таким образом, проходило в борьбе с буржуазными теориями и концепциями, искажениями и фальсификацией историко-литературного процесса XVIII века в целом и творчества отдельных писателей.

Наследие Радищева привлекло внимание большой группы советских исследователей, — оно стало в центре всего изучения русской литературы XVIII века. Изучение было сосредоточено прежде всего в двух институтах Академии наук — Институте русской литературы в Ленинграде и Институте мировой литературы им. Горького в Москве, где были созданы группы по изу-

чению литературы XVIII века, объединившие усилия многих десятков ученых.

Результаты исследовательской работы этих ученых были опубликованы в ряде изданий, из которых особого внимания заслуживают: выпуск «Литературного наследства» (тт. 9—10, 1933), три сборника исследований, выпущенных Пушкинским домом — «XVIII век» (т. 1, 1935, и т. 2, 1940) и в 1936 году специальный сборник — «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». В 1940 году Институт мировой литературы им. Горького выпустил сборник работ — «Проблемы реализма русской литературы XVIII века», в котором две статьи были посвящены Радищеву. Помимо сборников статей, большую роль в изучении Радищева сыграли и коллективные труды, и в частности III, IV и V тома «Истории русской литературы» Академии наук СССР. Значительным вкладом в литературоведение были сборники избранных стихотворений поэтов XVIII века, вышедшие в большой и малой сериях «Библиотеки поэта», каждый из которых был снабжен вступительной статьей и комментарием.

В 20-х и 30-х годах широко развернулось издание сочинений писателей XVIII века, и особенно сочинений Радищева. Пушкинский дом с 1936 года приступил к изданию первого полного собрания сочинений и писем А. Н. Радищева. В те же годы появилось несколько монографических работ о Радищеве, из которых следует обратить внимание на три, принадлежащие крупнейшим советским ученым. Две из них подготовлены исследователями, начавшими свою деятельность еще до революции: книга В. П. Семенникова «А. Н. Радищев» (1923), богатая фактами и наблюдениями, но идейно далекая от марксизма, воскрешающая либерально-народнический взгляд на Радищева; первая критическая биография Радищева и ценнейший комментарий к «Путешествию из Петербурга в Москву» в книге «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева» (1935), написанные Я. Л. Барсковым.

Третья книга — «Очерки русской литературы XVIII века» (1938) принадлежит авторитетнейшему историку русской литературы Г. А. Гуковскому. Одним из первых он привлек внимание науки к демократическим

течениям литературы и общественной жизни второй половины XVIII столетия, подготовлявшим возможность появления глубоко народного творчества Пушкина. Радищев и его творчество рассматривались ученым как ведущее начало всего демократического движения второй половины века.

Усилиями советских ученых создано несколько учебных книг по истории литературы XVIII века. В 1918 году вышел в свет курс лекций П. Н. Сакулина, посвященный русскому классицизму XVIII века («История новой русской литературы. Эпоха классицизма»). В 1939 году Г. А. Гуковский первым издал учебник для вузов — «История русской литературы XVIII века»; через два года вышел коллективный труд под общей редакцией В. А. Десницкого «История русской литературы» (т. 1, ч. 2, «Русская литература XVIII века»). Д. Д. Благой в 1946 году издал «Историю русской литературы XVIII века». (В 1951 году появилось второе и в 1955 — третье дополненные издания). Д. Д. Благой, опираясь на опыт советских ученых, строит свою книгу не только как учебник, но и как исследование, являющееся своеобразным итогом изучения истории русской литературы XVIII века. В своей книге «История русской журналистики XVIII века» (1952) П. Н. Берков, обобщая достижения советской науки, дает широкую картину исторического развития журналистики на протяжении целого века.

При несомненных больших достижениях советского литературоведения 20—30-х годов в изучении и русской литературы XVIII века и литературного наследия Радищева было допущено много ошибок вульгарно-социологического и формалистического характера. Партийная печать и научная общественность, обсуждая выпущенные монографии, учебники и сборники коллективных работ, указывали на срывы, извращения, недостатки, им свойственные. Критика помогла исправлению ошибок, способствовала повышению уровня специальной литературы, нацеливала на решение важнейших задач и проблем истории литературы. Могучий рост социалистической культуры и науки определил в послевоенные годы новый подъем в изучении русской литературы XVIII века и Радищева. Ныне Радищева плодотворно изучает широкий

фронт ученых — не только литературоведы, но и философы, историки, экономисты, правоведы: Д. Д. Благой, П. Н. Берков, В. Н. Орлов, М. А. Горбунов, А. И. Старцев, Г. В. Приказчикова, Н. И. Громов, М. П. Алексеев, Н. К. Пиксанов, Э. С. Виленская, В. С. Покровский, Л. И. Кулакова, Л. Б. Светлов, Ю. М. Лотман, Д. С. Бабкин, Л. И. Шмаков, И. Я. Щипанов и др.

Заметными вехами изучения Радищева в последний период явились два юбилея: двухсотлетие со дня рождения и стопятидесятилетие со дня смерти, широко отмеченные советской общественностью и печатью. В 1949 и 1952 годах появилось большое количество книг, статей, сборников, содержащих неизвестные ранее произведения и письма Радищева, интересные публикации новых биографических материалов, исследовательские работы. В крупнейших издательствах страны вышли массовыми тиражами однотомники избранных сочинений А. Н. Радищева. В 1952 году Академией наук было завершено полное собрание сочинений и писем Радищева. Последний, третий том ввел в научный оборот много неизвестных ранее произведений писателя.

Достижения советского литературоведения, решение учеными важнейших проблем творчества и мировоззрения первого русского писателя-революционера, восстановление исторической правды о нем, разоблачение реакционных концепций и легенд буржуазных идеологов, собрание и научное издание всего литературного наследия Радищева, широко развернувшаяся исследовательская работа по изучению и литературы, и истории, и философии, и политической мысли, и искусства XVIII века создали условия для дальнейшего плодотворнейшего изучения жизни и литературного наследия Радищева. На очереди стоят новые, насущно необходимые и актуальные проблемы.

Настоящая книга является итогом изучения Радищева и русской литературы XVIII века, начатого мною еще в 1936 году и продолженного в 1949 и 1951 годах. Вопросы научной биографии Радищева и основные проблемы его творчества, русское Просвещение и Радищев, значение идейно-художественного наследия Радищева

для передовой литературы начала XIX века, особенности литературного развития 800-х годов в связи с кризисом карамзинской школы и восстановлением традиций русского Просвещения XVIII века — таков круг тем, разрабатываемых в книге.

До сих пор мы не имеем научной биографии Радищева, важнейшие периоды его жизни и деятельности не изучены из-за отсутствия точных и достоверных сведений и материалов, благодаря чему исследования часто подменяются беллетристикой, ученые вместо фактов оперируют домыслами. В результате проведенных архивных разысканий удалось собрать более сотни документов, раскрывших по-новому обстоятельства жизни Радищева в различные периоды. Обнаруженные аттестаты профессоров Лейпцигского университета, ранее неизвестные сообщения Бокума о ходе обучения русских студентов, отчеты об их публичных экзаменах, письма русского посла в Дрездене Белосельского об успехах и способностях Радищева позволяют полнее, чем это можно было сделать раньше, оценить значение пяти лет, проведенных Радищевым в Лейпциге. Найденное в архиве Лейпцигского университета «Дело по поводу некоторых порицаемых непристойностей обучающихся здесь молодых русских дворян со всем, что до этого касается» (в деле особый интерес представляет показание самого Радищева), а также донесения Белосельского Панину восстанавливают картину «мятежа» русских студентов против своего гофмейстера Бокума, который произошел 25 июня 1767 года.

Радищев приехал в Петербург в ноябре 1771 года. Новые документы позволяют, наконец, точно рассказать о жизни и службе Радищева после его возвращения из Лейпцига. Он не был вынужден «искать службы», и его не забыли, не бросили на произвол судьбы, как об этом пишется в современной научной литературе. Радищев вместе с Кутузовым и Рубановским был немедленно зачислен в сенат, определен в первый департамент с награждением чином титулярного советника. Найденные протоколы заседания первого департамента, подписанные Радищевым, восстанавливают и круг обязанностей молодого юриста и те впечатления, с которыми его столкнула служба.

Из сената Радищев был отпущен 10 мая 1773 года по ходатайству Брюса. Удалось установить, что Брюс в это время командовал Финляндской дивизией, и Радищев был назначен к нему прокурором дивизии. Материалы Центрального военно-исторического архива помогли установить истинный характер обязанностей Радищева-прокурора, служившего в дивизии в годы пугачевского восстания. Важные сведения о службе Радищева в Коммерц-коллегии, в таможне найдены в других архивах. Особое внимание заслуживают материалы Комиссии по составлению законов, в которую был назначен Радищев в августе 1801 года. Изучение протоколов заседаний Комиссии, журналов, в которые записывались все поручения членам Комиссии, а также всех остальных дел Комиссии позволяет сделать заключение, что свои законодательные проекты Радищев писал не для Завадовского и не по его заданию.

Выявленные новые документы по-новому характеризуют многие ранее неизвестные этапы биографии Радищева, устанавливают реальные условия жизни и деятельности первого русского революционера, развенчивают вредные легенды, помогают раскрытию глубоких и конкретных связей радищевских убеждений с русской действительностью, с условиями русской жизни, с классовой борьбой эпохи. Значение новых биографических сведений о Радищеве еще и в том, что они позволили уточнить хронологию некоторых его произведений, помочь решению давнего и запутанного вопроса — был или не был Радищев автором «Отрывка путешествия» И. Т.

Советские литературоведы сделали много, чтобы развеять легенду об одиночестве Радищева, показать научную несостоятельность тех взглядов, согласно которым революционные призывы Радищева «прозвучали в пустыне среди свинцовой спячки общественного сознания». Появилось множество работ и о Радищеве и о русской литературе XVIII века, в которых раскрывается, как общественно-активна была передовая литература второй половины XVIII века, какую самоотверженную борьбу она вела с екатерининским самовластием, какими многообразными и сложными были связи Радищева и с литераторами и с различными общественными деятелями конца XVIII и начала XIX веков

Но нельзя не обратить внимания на одну особенность решения этой проблемы, ясно определившуюся в нашей науке. Разрушение легенды об одиночестве Радищева понимается только как задача обнаружения «последователей Радищева». Так, почти все, кто попадал в Тайную канцелярию и подвергался допросам за произнесение вольных речей, или за дерзкие слова о Екатерине, или за написание произведений на вольнолюбивые темы, — все, чьи дела были обнаружены в архиве Тайной канцелярии, немедленно зачисляются в последователи Радищева. Радищевцами называются и все те, кто напечатал или написал сочинение, в котором высказывались вольные мысли о власти и о крепостном праве. Такими «последователями» Радищева оказываются Г. Попов, И. К. Стрелевский, И. Н. Буйди, В. В. Пассек, П. И. Челищев, С. А. Тучков и т. д.[1]

Большие и важные проблемы истории литературы XVIII века — связи Радищева с современной ему литературой, место Радищева в историко-литературном процессе, роль наследия Радищева для последующего литературного развития — не могут быть решены путем поисков кандидатов для механического зачисления их в ряды радищевцев. Подобное изучение проблемы отрывает Радищева от главных явлений русской литературы, уводит в сторону от магистрального пути ее развития.

В XVIII веке Радищев был единственным революционером, но никогда не выступал одиночкой. На протяжении тридцати лет он активно подвизался в рядах русского Просвещения как один из его идеологов. Выдвинув идею народной революции, Радищев преодолел историческую ограниченность просветительства, поднял его на новую ступень и политическую высоту. Вот почему, говоря о Радищеве, нельзя его отрывать от русской общественной мысли второй половины XVIII века, и тем более от русского Просвещения.

---

[1] См. Л. Б. Светлов, А. Н. Радищев и политические процессы конца XVIII века — «Известия АН СССР, серия истории и философии», 1949, т. VI, кн. 5; Д. С. Бабкин, Процесс А. Н. Радищева, М. — Л., 1952, и др

В настоящей работе обобщаются результаты моих прежних исследований русской литературы и русского Просвещения XVIII века. Подробно рассматриваются два этапа русского Просвещения, отделенные один от другого крестьянской войной 1773—1775 годов. Важнейшим событием политической жизни страны 60-х годов была деятельность Комиссии по составлению нового Уложения, где был поставлен с небывалой дотоле остротой крестьянский вопрос. Убеждения первых русских просветителей — Новикова, Козельского, Фонвизина, Курганова — складывались именно в эти годы. Демократические по своему существу, отражая интересы и чаяния крепостного крестьянства, они запечатлели слабые стороны народного самосознания. Отсюда их вера в просвещенного, «хорошего» царя, иллюзорные представления о возможности урегулировать на началах разумности отношения между крестьянами и помещиками, боязнь революционных действий.

К моменту возвращения юноши Радищева в Петербург этими деятелями был создан ряд замечательных произведений, в которых уже отчетливо проявились черты складывающегося русского просветительства. Главные произведения просветителей — «Философические предложения» Я. Козельского, «Трутень» Н. Новикова, «Бригадир» Д. Фонвизина и «Письмовник» Н. Курганова подробно анализируются в книге. От новиковского «Трутня» начинается в русской литературе традиция изображения жизни трудящегося человека, крестьянина прежде всего. Вслед за ним другие писатели-просветители стали утверждать эту тему в своем творчестве. Новиков и Фонвизин, а затем и Радищев, разрабатывая реалистическую эстетику, прямо опирались на песню и пословицу. Курганов в своем «Письмовнике» (1769) первый привлек внимание к народному творчеству, оказал практическую услугу литературе, напечатав свод пословиц, опубликовав несколько песен. Молодому Радищеву после его возвращения на родину было что изучать в русской литературе, русской общественной мысли, было чему учиться, было на что опереться. С 1773 года он сам вступает в ряды русских просветителей.

Завершение формирования мировоззрения Радищева проходило в условиях политической и общественной жизни 80-х годов, в обстановке роста авторитета и силы

русского Просвещения. В эту пору ряды просветителей, выступивших еще в 60-е годы, пополнились новыми деятелями. Практическая работа старых и новых просветителей получила небывалый размах. В руках просветителей оказались несколько типографий, около десятка журналов, одна газета; они издавали не только различную художественную литературу, но множество книг по вопросам политики, социологии, истории, философии, морали, юриспруденции, воспитания. Вокруг просветительских центров в Москве и Петербурге объединилось не менее сотни деятелей Просвещения. Создавались не только литературные объединения, но даже была сделана попытка организовать тайное политическое общество, во главе которого стал Кречетов. Вершиной русского Просвещения явилась деятельность Радищева, обогатившего русскую политическую мысль идеей народной революции. Наибольший успех был достигнут в области литературы, которая оказалась в центре внимания просветителей.

Екатерина после подавления пугачевского восстания пыталась активизировать деятельность дворянских писателей, выступая «начальницей Парнаса», организатором правительственного фронта литературы. Главными органами этого лагеря были два журнала: «Собеседник любителей российского слова» и «Растущий виноград».

Против идеологического наступления реакции выступят просветители. Новиков печатает новый цикл сатирических произведений — «Пословицы российские», выпускает педагогическое сочинение «О воспитании и наставлении детей», которое открыто противостояло и педагогическим сочинениям Екатерины и ее официальным планам школьного воспитания юношества. Фонвизин развернул активную борьбу против екатерининского деспотизма, выступив с «Недорослем», с «Рассуждением о непременных государственных законах», с остро сатирическими сочинениями, напечатанными в «Собеседнике любителей российского слова». Давно известно, что между Екатериной и Фонвизином на страницах этого журнала разгорелась полемика. Научная традиция эту полемику сводит к напечатанию Фонвизиным «Нескольких вопросов, могущих в умных и честных людях возбу-

дить особливое внимание» и ответа на них Екатерины. Как показало изучение «Собеседника», опубликование «Нескольких вопросов» и ответов на них Екатерины в июле 1783 года было лишь началом завязавшейся ожесточенной борьбы просветителя с императрицей. Через несколько месяцев она разгорелась с новой силой. В октябрьском номере журнала Фонвизин напечатал (вновь анонимно) новое сатирическое письмо, подписавшись «Ни одной звезды во лбу не имеющий», приложив к нему политическую статью «Петр Великий». В том же «Собеседнике» Фонвизин напечатал еще одно свое замечательное, к сожалению неоконченное, сатирическое сочинение «Путешествие мнимого глухого и немого». Это «Путешествие» совершенно не подвергалось изучению исследователями творчества Фонвизина.

После 1783 года Новиков станет работать с еще большей активностью, деятельность его примет еще больший размах. В конце десятилетия на поприще общественно-политической борьбы выступят со своими сочинениями еще два деятеля — Крылов и Радищев. В середине десятилетия, в 1786 году, в Петербурге станет действовать новый просветительский центр, который объединит группу ученых-просветителей во главе с историком Федором Туманским. Органами этой группы были журналы «Зеркало света» и «Лекарство от скуки и забот». Наибольший интерес представляет журнал «Зеркало света» — боевой орган русского просвещения, который подробно анализируется в книге.

Радищев отлично понимал, как в сложившихся исторических обстоятельствах русскому Просвещению нужна была революционная идея. Проповедь мирного пути, ставка на просвещенный абсолютизм, непонимание созидательной революционной энергии народа, боязнь революции неизбежно должны были привести просветителей в тупик. Вывести русское просвещение, русскую политическую мысль из тупика — такова историческая задача, выпавшая на долю Радищева. Вот почему он подхватил выдвинутые его старшими союзниками проблемы и решал их заново с революционных позиций. Поэтому все написанные им произведения живыми и нерасторжимыми узами связаны с идейной жизнью России 80-х годов.

В современной научной литературе о Радищеве существует крайне противоречивая оценка его политических взглядов. Некоторые историки считают Радищева революционным демократом. Большинство литературоведов справедливо рассматривает Радищева как дворянского революционера. Но дело не только в существовании противоречивых оценок, а в том, прежде всего, что и те и другие исследователи ограничивают свою задачу не выяснением существа проблемы — как и в силу каких обстоятельств Радищев, оставаясь дворянским революционером, выступил сторонником крестьянской революции, — а выдвижением лишь той или иной формулировки — дворянский ли он революционер или революционный демократ. В своей книге я ставлю этот вопрос, стремясь раскрыть своеобразие убеждений дворянского революционера Радищева.

Еще более вредной оказывается противоречивая оценка «Путешествия из Петербурга в Москву». Одна группа исследователей считает Радищева последовательным революционером, утверждая, что свои революционные взгляды Радищев полнее всего выразил в «Путешествии из Петербурга в Москву». Другие ученые настойчиво повторяют, что Радищев хотя и «приветствовал» революцию, но, в духе времени, полагал надежду и на преобразовательную деятельность просвещенного монарха. Концепция либерализма Радищева мотивируется «исторической ограниченностью» первого русского революционера. Основанием для подобных утверждений является глава «Хотилов». Так решение проблемы мировоззрения Радищева оказывается связанным с пониманием композиции «Путешествия». Еще в статье «О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», написанной в 1936 году,[1] мною была высказана мысль о художественном единстве «Путешествия», и само «Путешествие» рассматривалось не как собрание лирических исповедей автора, написанных в духе Стерна с субъективистских позиций, а как оригинальное произведение с единым сюжетом, рассказывающим о крушении заблуждений и обретении новой веры героем-путешественником. Опираясь на анализ «Путешествия», на факты,

[1] «XVIII век», сборник 2, АН СССР, 1940.

я доказывал, что герой-путешественник не Радищев. Эта точка зрения получила поддержку в работах ряда исследователей.[1] В то же время многие другие специалисты не согласились с моим анализом «Путешествия» и по-прежнему продолжают рассматривать его как собрание разрозненных очерков, как книгу, написанную в «духе Стерна». Такое толкование «Путешествия» давало право свободно оперировать главами книги, рассматривать их как самостоятельные очерки и обосновывать любую точку зрения о либерализме, об ограниченности, об исторических заблуждениях Радищева. Поскольку определились две различные точки зрения на первую русскую революционную книгу, а от той или иной оценки «Путешествия» зависит исторически верное понимание политических взглядов Радищева, — постольку, очевидно, необходимо решить этот спорный вопрос в свободной дискуссии. В своей книге, в главе пятой, я подробно анализирую «Путешествие», разбираю и критически рассматриваю всю аргументацию сторонников идеи об исторической ограниченности и либерализме Радищева.

Когда книга была уже написана, вышел в свет девятый номер журнала «Вопросы истории» за 1955 год. В передовой статье был затронут важнейший в радищевской литературе вопрос, но не для того, чтобы попытаться его решить. «Снимая вопрос о сложности пути идейного развития Радищева, о свойственных его мировоззрению противоречиях, Г. П. Макогоненко утверждает, что в «Путешествии из Петербурга в Москву» выступает будто бы не сам Радищев, а другой, «неизвестный «путешественник», «заблуждения» и «иллюзии» которого развенчивает в своей книге Радищев, подводя современников к революционным выводам». Вряд ли подобные безапелляционные суждения помогут решить сложные, подлежащие тщательному изучению и свободному обсуждению проблемы.

---

[1] Д. Деге, «XVIII век» — «Литературное обозрение», 1940, № 19; С. Александров, Обзор юбилейной литературы об А. Н. Радищеве — «Известия АН СССР, отд. экономики и права», 1949, № 6; Н. И. Громов, О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» — сборник «Радищев», ЛГУ, 1950; С. Ф. Елеонский, Книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — «Знание», М., 1952, и др.

О недостаточной обоснованности позиции журнала «Вопросы истории» свидетельствует появление в 1955 году на страницах «Вопросов философии» статьи Ю. Ф. Карякина и Е. Г. Плимака «О двух оценках «Путешествия из Петербурга в Москву» в советской литературе» (№ 4). Статья констатирует, что среди советских исследователей нет необходимого единства мнений по принципиальным вопросам радищевского творчества и радищевского мировоззрения, и призывает достигнуть единства в ходе свободной борьбы мнений. Сами же авторы считают, что точка зрения на «Путешествие» как художественное единое и цельное произведение, в котором главным героем является не Радищев, а путешественник, правильна по существу, что она помогает «преодолеть остатки либеральных извращений в мировоззрении Радищева». Опираясь на факты, они справедливо пишут, что «ныне появляется все больше работ... подтверждающих и уточняющих взгляд на «Путешествие» как на произведение, «обладающее единой логикой».

Только установив действительное содержание политических взглядов Радищева и раскрыв истинные его связи с русским Просвещением, можно верно решить вопрос о значении радищевского наследия для передовой литературы начала XIX века. Тема — декабристы и русские просветители XVIII века — почти не подвергалась научному изучению. Главной причиной этого является неразработанность идейного наследия Новикова и Радищева, недооценка творческих достижений русских просветителей XVIII века. Намерение царизма отнять у русского народа первых борцов за свободу было подхвачено и осуществлено дворянско-буржуазной литературоведческой наукой. В течение многих десятилетий, фальсифицируя идейный облик дворянских просветителей, эти «ученые» сделали все возможное, чтобы оторвать декабристов от национальной традиции.

Появившиеся в последние годы исследования, посвященные декабристам, широко разработав связи декабристов с политическими и историческими событиями начала века, очень слабо, лишь в намеках поставили тему о связях декабристов с творчеством русских передовых деятелей XVIII века. При этом, как правило, когда эта тема

появляется в работах, дело обычно ограничивается лишь упоминанием о Радищеве. Исключение составляет исследование М. Нечкиной «Грибоедов и декабристы», где впервые была широко поставлена тема воспитания будущих декабристов в атмосфере просветительских, патриотических и революционных идей русских просветителей XVIII века. Актуальнейшая задача советской науки состоит в том, чтобы поставить и разработать проблемы преемственности и связи между общественно-литературной деятельностью русских просветителей XVIII века и декабристами, Пушкиным, Грибоедовым.

Учение Ленина о первом, дворянском периоде русской революции — основа для исторически верного понимания этих идеологических и практических связей. При этом речь должна идти именно о наследии просветителей XVIII века, а не о наследии одного Радищева. Радищев — единственный в XVIII веке революционер. Но его величие, значение, между прочим, состоит в том, что он не одинок как идеолог, ибо он сам был участником, а его творчество — высшим достижением просветительства, могучего идейного и общественного движения последней трети XVIII столетия. Это движение оказывало огромное и плодотворное влияние на весь облик русской культуры этой поры — на литературу, театр и живопись, на социологию и философию, на эстетику и политику. Сведéние же богатейшего наследия русского Просвещения к одному Радищеву обедняет не только наше представление о передовой русской идеологии XVIII века, но и о Радищеве.

Отлично зная, что в избранном пути революционной и просветительской деятельности уже были предшественники, декабристы не могли не воспользоваться их богатейшим идейным и практическим опытом, не могли не продолжить русской традиции освободительного движения. В этом смысле и должно понимать признание Пушкина, что он «вслед Радищеву» восславил свободу, формулу Герцена о том, что мечты Радищева есть мечты декабристов; ответ декабриста Штейнгеля в Следственной комиссии, что вольномыслие в России началось с распространения Новиковым «деятельного просвещения»,[1]

---

[1] А. Бороздин, Из писем и показаний декабристов, СПБ., 1906, стр. 64—65.

утверждение Огарева: «Обе струи — струя Радищева и струя Новикова — оживали с удвоенной силой и сливались в одну потребность положить начало гражданской свободы в России».[1] Так исторически определились единство и связь идеологической и практической работы русских просветителей XVIII века и декабристов.

В сегодняшней же научной литературе и соответственно в школьном преподавании Радищев и декабристы разобщены. Научная периодизация подменяется или формально-хронологическим принципом: Радищев — деятель XVIII века, декабристы — 10—20-х годов XIX века, или антиисторической концепцией «карамзинского периода», сменяющегося периодом декабристов и Пушкина.

Поскольку черты своеобразия литературы декабризма, литературы Пушкина и Грибоедова могут быть отчетливо выявлены только при условии показа воздействия наследия русских просветителей XVIII века на творческую деятельность писателей начала века, в последней главе настоящей работы пересматриваются традиционные представления о литературе 800-х годов. Первое десятилетие XIX века характеризуется как важный и знаменательный этап развития русской литературы. В эти годы, с одной стороны, обнаружился кризис карамзинской школы, с другой — начался активный процесс восстановления, после десятилетней ликвидаторской деятельности Карамзина и его последователей, традиций просветительской литературы XVIII века.

С начала XVIII века особенно бурно проходил процесс формирования русской национальной культуры. Русские писатели, от Кантемира и Ломоносова до Фонвизина и Радищева, проявляли пристальное внимание к достижениям мировой науки и искусства, считали себя обязанными знакомиться в подлинниках с лучшими прозаическими, поэтическими и драматическими сочинениями французской, немецкой и английской литературы. Вопрос об отношении русской литературы XVIII века к другим литературам мира, и прежде всего к французской, — один из важнейших, стоящих перед наукой.

---

[1] Н. Огарев, Стихотворения и поэмы, 1937, т. 1, стр. 308.

Долгое время проблема взаимоотношений русской и французской литератур, и, шире, двух культур в XVIII веке, трактовалась с глубоко неверных позиций. Презрительное отношение к родной культуре, барское неверие в творческие возможности русского народа, холопское преклонение перед всем иностранным порождали глубоко фальшивую, антиисторическую, противоречащую реальным фактам концепцию о подражательности, несамостоятельности и эклектичности всей русской культуры XVIII века.

Несомненной заслугой советских ученых является развенчание подобной концепции, раскрытие действительного богатства русской литературы. Но, к сожалению, в ходе важной и плодотворной работы были допущены серьезные ошибки, возрождавшие с новых позиций в сущности старый принцип антиисторизма. Увлечение проблемой выяснения национально самобытного характера русской литературы и науки XVIII века приводило к ложным преувеличениям, к принижению великих достижений французской культуры, к умалению роли передовой литературы мира в той борьбе, которую вели русские писатели за создание своей родной литературы.

Решение этого важнейшего вопроса должно быть осуществлено с подлинно исторических позиций, без преувеличений, в строгом соответствии с точными фактами. И тогда окажется, что отношения между двумя литературами — Франции и России — были не только тесными и глубокими, но и носили сложный, диалектический характер. Русские писатели и начала и, особенно, второй половины века широко осваивали опыт передовой литературы и науки мира, брали его на вооружение, выступая пропагандистами и комментаторами лучших сочинений Вольтера, Гельвеция, Гольбаха, Руссо. В то же время русские писатели и просветители подходили критически и самостоятельно к прочитанной литературе. То, что не соответствовало условиям русской жизни, русскому освободительному движению, не совпадало с их пониманием путей социальных изменений в отечестве и нравственного воспитания человека, они и критиковали и отбрасывали.

Критика вовсе не означала нигилистического отношения к чужой культуре и менее всего была проявлением

национальной ограниченности. Критика рождалась в ходе политической борьбы. Как свидетельствуют факты, во второй половине XVIII века некоторые слабые стороны французского Просвещения, и прежде всего его политическая теория просвещенного абсолютизма, были использованы в своих целях Екатериной. Французские просветители, и прежде всего Вольтер и Дидро, оказались вынужденными *поддерживать личные контакты* с Екатериной. Русские же просветители именно в это время *повели борьбу* с Екатериной. Логика борьбы и требовала критического отношения к тем теориям, которые оказывалось возможным использовать русской императрице. Замалчивать реальный исторический факт критики русскими писателями некоторых слабых сторон французской просветительской идеологии — значит вновь вступать на антиисторические позиции, значит сознательно приукрашивать историю.

Как свидетельствуют факты, диалектически сложные, живые отношения русских и французских просветителей не мешали созданию единого просветительского фронта против сил феодальной реакции. Эти взаимоотношения составили одну из ярчайших страниц истории русской общественной мысли XVIII века. Русские просветители и учились у французских своих единомышленников и смело использовали их всесокрушающее идейное оружие в своей мужественной борьбе. Но были в России и мыслители, подобные Радищеву, которые не только учились и осваивали идейное богатство «великих мужей» Франции. Развернув учение о революции как единственном пути уничтожения самодержавно-крепостнического строя и завоевания свободы, Радищев тем самым выступил их подлинным наследником и продолжателем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Александр Николаевич Радищев родился 20 (31) августа 1749 года в Москве.[1] Отец писателя, богатый дворянин, имел собственный дом в Москве, несколько подмосковных деревень, но предпочитал жить в глуши, в своем родовом и самом крупном имении — селе Верхнее Аблязово Саратовского наместничества (ныне Пензенской области). Туда и был увезен первенец Александр. В кругу родной семьи Радищев провел только первые семь лет своей жизни, затем был отправлен учиться сначала в Москву, потом в Петербург и, наконец, в Лейпциг.

«Начальное образование души» падает на период пребывания в Верхнем Аблязове. Отец — Николай

---

[1] В большей части работ о Радищеве местом рождения писателя обычно указывается село Верхнее Аблязово (Преображенское). Факты противоречат этому утверждению. Оба сына Радищева — Николай и Павел — в своих воспоминаниях засвидетельствовали, что отец их родился в Москве. Это подтверждается новыми данными, и в частности сведениями, записанными в рукописной «Лейпцигской летописи» Риммера. В записи, помеченной февралем 1776 года, сообщается о приезде в Лейпциг двенадцати русских молодых людей. Против фамилии каждого указывалось его место рождения. О Радищеве сказано «Equ. Moscoviens», то есть московский дворянин, о П. Челищеве «Equ. Smolensky», то есть смоленский дворянин, о Ф. Ушакове «Equ. Novogardiens», то есть новгородский дворянин, о Янове «Equ. Calugiens», то есть калужский дворянин, и т. д. (Лейпцигский городской архив, «Лейпцигская летопись», стр. 1779). Выписку из «Лейпцигской летописи» сделала по моей просьбе студентка Ленинградского гос. университета Э. Мюллер.

Афанасьевич, человек образованный, начитанный, знавший несколько иностранных языков, был рачительным хозяином. Полученное наследство он успешно умножал, обеспечивая большой семье богатый достаток. Занятый больше имением, нежели детьми, Николай Афанасьевич ограничивал воспитание своих двух старших сыновей — Александра и Моисея — преподаванием «учения любомудрия своим примером». По воскресеньям, когда благочестивая, верующая семья проводила досуг дома, Николай Афанасьевич излагал бесхитростные моральные правила. Верхнеаблязовские крестьяне, многочисленные дворовые, с которыми мальчик Радищев проводил целые дни, жили в скудости, трепетали перед его отцом — справедливым по понятиям того времени, но строгим и взыскательным хозяином, не спускавшим ни малейшей провинности.

Первыми воспитателями мальчика были крепостные — нянюшка Прасковья Клементьевна и дядька Петр Мамонтов, по прозвищу Сума. Дни принадлежали Суме, вечера — Прасковье Клементьевне. Дядька наставлял мальчика, водил вместе с деревенскими ребятами в лес по грибы и ягоды. Леса в тех местах были густые, непроходимые, скрывавшие удалых и смелых молодцов, «гулявших» по Волге и прятавшихся в этих глухих углах Российской империи. Сума был и увлекательным рассказчиком и учителем, который открыл мальчику грамоту, научив читать и писать, толкуя первые прочитанные книги — «Часослов» и «Псалтырь». Прасковья Клементьевна по вечерам рассказывала мальчику сказки, напевала ему песни, всегда мягкие, грустные, западавшие в сердце ребенка. О нянюшке и дядьке Радищев сохранил благодарную память на всю жизнь. Через много лет, после тяжелых испытаний, тревог и волнений, возвращаясь мысленно к далекому детству и короткой поре жизни в деревне у родителей, он в своих сочинениях с нежностью и любовью вспоминал и Прасковью Клементьевну и Петра Мамонтова.

Дальнейшее воспитание определялось дворянским обычаем того времени: в качестве учителя и воспитателя приглашался француз. Был завезен француз и в Верхнее Аблязово. Но он оказался невежественным, неграмотным беглым солдатом, которого вскоре же пришлось выгнать.

Предстояли поиски нового, более подходящего учителя-француза. Но дело неожиданно повернулось иначе. В Москве весной 1755 года открыли первый русский университет. Директором университета был назначен Алексей Михайлович Аргамаков. Мать Радищева, урожденная Аргамакова, была родственницей М. Ф. Аргамакова — племянника директора университета.[1] Дети М. Ф. Аргамакова не ходили в классы, а занимались дома с преподавателями и профессорами университетской гимназии. Воспользовавшись этим, Николай Афанасьевич привез семилетнего Александра в Москву и поселил в семье своего родственника.

Учреждение Московского университета было большим и важным событием русской культурной жизни. С укреплением русского государства, ростом его могущества и международного авторитета все острее осознавалась в передовом обществе исторически насущная необходимость широкого и интенсивного развития в России национального Просвещения. Понимая и чувствуя эту историческую потребность, Ломоносов писал: «Россия, распространяясь широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущества в храбрости и самым высокомысленным супостатам, поставив свои пределы в безопасности и привлекши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей Европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия»[2] в науках и художествах.

Кто же в самодержавном государстве должен был принять на себя исполнение этого общенационального дела?

Организаторами и пропагандистами русского Просвещения выступили молодые ученые, виднейшие писатели-разночинцы Ломоносов и Тредиаковский. Штабом предпринятой ими гигантской работы они сделали Академию наук. Из стен Академии и вышли известные деятели в области просвещения, культуры, литературы, искусства,

---

[1] Об идейном облике М. Ф. Аргамакова см. новейшие сведения, опубликованные А. Храбровицким в «Московском комсомольце», 1952, № 190.

[2] Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, СПБ., 1871, т. VIII, № 1, стр. 307.

их ученики Поповский, Барсов, Козельский и другие. Ломоносову же принадлежит мысль создания русского университета с возможно бо́льшим числом русских ученых и учителей.

В открывшемся университете началось обучение по программе, которая должна была подготовить новое поколение деятелей русской культуры, «национальных достойных людей в науках». Из числа первых учеников, пришедших в университет в год открытия, вышла замечательная плеяда ученых, писателей и философов второй половины XVIII века. Среди них первое место занимают Фонвизин, Новиков, Аничков, Десницкий.

Радищев лишь формально не состоял в университетской гимназии, но по существу был ее воспитанником. В самом деле, в период от восьми до тринадцати лет занимался он с преподавателями гимназии и университета по общей программе, разбирал на уроках словесности те же, что и в гимназии, сочинения русских авторов, Ломоносова и Сумарокова в первую очередь, читал газету «Московские ведомости», а затем выходивший с 1760 года университетский журнал «Полезное увеселение», где печатались не только известные русские поэты Сумароков и Херасков и молодые литераторы Богданович и Майков, но и студенты и гимназисты, публиковавшие свои первые поэтические опыты; посещал наряду с другими гимназистами единственную в Москве книжную лавку при университете; присутствовал на публичных экзаменах и диспутах гимназистов и студентов, принимал участие в общеуниверситетских празднествах. И то, что Радищев жил не с родителями, был свободен от обычной мелочной опеки, был самостоятелен и в поступках и в выборе книг и товарищей, — все это помогало ему, общительному по натуре, сходиться со сверстниками, удовлетворять запросы «чувствительного сердца» — главного, по мысли зрелого Радищева, образователя человеческого характера.

Но жизнь мальчика, а затем юноши не ограничивалась лишь учебными занятиями, общением с университетской молодежью и чтением книг. Наступали годы бурных политических событий. Эти события не только волновали дворянское общество и подвергались горячему обсуждению в семье Аргамаковых, но властно вторглись и в жизнь юноши Радищева, определив его судьбу.

В 1761 году умерла Елизавета. На престол вступил новый монарх — Петр III. Недовольство его политикой охватило и столичное и московское дворянство. Дошли в Москву слухи о растущем в Петербурге дворянском возмущении, об оппозиции, сгруппировавшейся вокруг жены нового императора — Екатерины Алексеевны. За слухами пришли известия: Петр III скоропостижно скончался «от геморроидальных колик», и на престол взошел новый монарх, но не законный наследник, сын Петра — Павел, а жена Петра — Екатерина. Доставленный в Москву манифест новой императрицы читался в церквах. Там и услышал о нем Радищев.

Все в этом манифесте было необычным, достойным удивления и интереса: утверждение новых принципов власти, оправдания и обещания и, главное, неслыханное дотоле обличение самодержавства Петра III. «Самовластительный государь Петр III, — говорилось в манифесте, — ненавистью к отечеству, презрением к православию, старанием отечество в чужие руки отдать», «развращением всего того, что великий в свете монарх ⟨Петр Великий⟩ в России установил», прихотью самовластия «законы в государстве все пренебрег, судейские места и дела презрел», открытием «кровопролитной» и «государству Российскому крайне бесполезной» войны возбудил «неудовольствие народное», довел «все отечество» до того, что оно «к мятежу неминуемому» стало «наклоняться».

Обличая самодержавие Петра III, новая монархиня давала и свое, дотоле неслыханное, определение природы самодержавия, исключавшее «необузданное самовластие»: «Самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственною бывает причиною».[1] Кончался же манифест почти прямым обещанием реформ.

13 сентября 1762 года в Москве состоялась коронация. За коронацией последовали торжества и праздники. В начале их, 15 ноября 1762 года, Екатерина издала указ об определении в пажи «исключительно детей дворянских

---

[1] В. А. Бильбасов, История Екатерины II, СПБ., 1891, т. II, стр. 76.

достоинств». В число сорока пажей, которым положено было находиться при Екатерине и наследнике Павле, 25 ноября был определен и Радищев, представленный директором университета Аргамаковым среди прочих отлично образованных юношей. Так круто изменилась судьба Радищева — он должен был покинуть занятия, друзей и стать придворным. Первые полтора года новой службы прошли в Москве. Екатерина проводила коронационные празднества небывало пышно и щедро, с открытой целью — снискать себе популярность, завоевать доверие широких кругов дворянства.

В 1764 году большой двор Екатерины II отбыл в Петербург. Для Радищева начинался новый, петербургский период жизни.

На берегу Невы, против угрюмой каменной громады Петропавловской крепости, среди множества одноэтажных домов, огороженных ветхими заборами, одиноко возвышался Зимний дворец, только что законченный архитектором Растрелли. Это была новая резиденция русских царей. А рядом, возле стен великолепного здания, у самого устья Зимней канавки, ютился полуразрушенный дом. Это доживала свои последние дни много раз перестраивавшаяся петровская хоромина. В новом дворце жила императрица Екатерина II, в старом — помещался Пажеский ее величества корпус.

Несколько десятков юношей знатного дворянского происхождения были собраны в этот ветхий дом для обучения и подготовки к придворной службе.

Пажам преподавали случайные и бессистемно подобранные предметы: иностранные языки — французский и немецкий, артиллерию, географию и фортификацию, механику и танцы, алгебру и фехтование, геральдику — особо важную для пажей науку о гербах и титулах русских дворян — и верховую езду, историю дворянских домов в России и «науку составления коротких комплиментов, по вкусу придворному учрежденных». Это называлось изучением наук. Это составляло попечение о «даре духа» пажа.

Преподавать все предметы доверили единственному учителю корпуса — французу Морамберту. Невежда-учитель был высочайшим указом признан годным для этой должности.

Розги, карцер не были забыты и толковались как средство попечения о «даре нрава» пажа, как средство «негорчительного» воспитания юноши.

Практическая деятельность пажа сводилась к унизительным дежурствам в Зимнем дворце при «особах» императорской фамилии. Быть на посылках, ловко подавать упавший платок, составлять экстракты пьесам, игравшимся в Эрмитажном театре, говорить во-время изящные комплименты, дежурить у стола — подавать приносимые лакеями кушанья, проявлять ловкость, услужливость, послушание — вот к чему сводилась служба пажа.[1]

Быть придворным, приближенным ко двору сановником — таково будущее пажа, к которому готовил корпус.

И все же годы пребывания в Петербурге не пропали даром. Понятно, не науки Морамберта, не дворцовые дежурства формировали характер и убеждения Радищева. В столице он прожил с 1764 по 1766 год, то есть когда ему было пятнадцать — семнадцать лет. Новые политические события и обстоятельства во многом стали определять духовное развитие и судьбу юноши.

С первого же дня царствования Екатерина ожидала, как она выражалась, «беды». В одном из писем к оберпрокурору Вяземскому она писала, что всякая малость может привести крестьян в отчаяние: «Прошу быть весьма осторожну... дабы не ускорять и без того довольно грозящую беду... ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокости и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то против нашей воли оную возьмут рано или поздно».

Укрепляя самодержавную власть, покровительствуя крепостникам и в то же время боясь мужика, Екатерина начинает свое царствование с либеральных обещаний, с лживых заверений изменить и упорядочить законодательство, с демонстративного увлечения сочинениями энциклопедистов, с поощрения русского помещичьего «вольтерьянства». Так стал осуществляться план показного, внешнего просветительства, который должен был, по мысли Екатерины, убедить недовольных в искренности

[1] Наиболее полно этот период жизни Радищева освещен в работе В. В. Мияковского «Годы учения А. Н. Радищева» — «Голос минувшего», 1914, кн. 3.

ее обещаний. Пушкин с гневом писал об этом: «Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».[1]

Во дворце на глазах юноши Радищева и была начата показная игра Екатерины в либерализм. Он видел «отвратительное фиглярство» царицы в сношениях с Дидро и Вольтером. Будучи пажом, он только наблюдал. Через несколько лет он окажется среди деятелей, которые активно выступят против лицемерной политики, против фальшивой игры Екатерины. Но произошло это после того, как вновь круто изменилась судьба Радищева. Указом 19 декабря 1763 года Екатерина повелела сенаторам «присутственные места наполнить членами честными и достойными».[2] Потребность в образованных юристах определила решение императрицы послать в Лейпцигский университет группу молодых людей для обучения на юридическом факультете. Вот как об этом рассказал Радищев: «Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу государства, восхотела, чтобы между людьми, в делах судебных или судопроизводных обращающимися, было некоторое число судей, имеющих понятие, каким образом отличившиеся законоположением своим народы оное сообразовали с деяниями граждан на суде. На сей конец определила послать в Лейпцигский университет двенадцать юношей для обучения юриспруденции и другим к оной относящимся наукам».

В Лейпциг должны были отправиться лучшие из пажей. Радищев оказался одним из этих лучших — образованных, серьезных, увлеченных идеей служения отечеству юношей.

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, 1949, т. XI, стр. 15—16.

[2] В. А. Бильбасов, История Екатерины II, СПБ., 1891, т. II, стр. 536.

2

20 сентября 1766 года из Иностранной коллегии были потребованы паспорта двенадцати молодым дворянам для поездки в Лейпциг: Челищеву, Рубановскому, Янову, Кутузову, Радищеву, Римскому-Корсакову, князьям Несвицкому и Трубецкому, Зиновьеву, братьям Федору и Михаилу Ушаковым, Насакину. Первые шесть были пажами. Самым старшим среди будущих студентов был Федор Васильевич Ушаков, бросивший службу при статс-секретаре Екатерины Теплове для того, чтобы поехать в университет и продолжать образование.

22 сентября Екатерина вручила гофмейстеру будущих студентов, майору Бокуму, наставление. Молодым людям предстояло «обучаться всем латинскому, немецкому и, если возможно, славянскому языкам», «моральной философии, гистории, а наипаче праву естественному и всенародному и несколько и Римской империи праву. Прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение». [1]

Дополнением к наставлению императрицы было письмо графа В. Орлова профессору Лейпцигского университета Беме. Поскольку в последующем именно курс профессора Беме вызвал возражения у русских студентов, приведу это письмо: «Господину надворному советнику и профессору Беме. Русские пажи и дворяне, которые должны приехать в Лейпциг, уже выехали двенадцать дней тому назад, и я написал об этом также господину профессору Зейдлицу. Я неоднократно хвалил их гофмейстеру, которого они везут с собой отсюда, ваши лекции по истории и в особенности рекомендовал не отдавать в этой области никому предпочтения перед вами». [2]

Из Петербурга Радищев вместе со своими новыми друзьями выехал 23 сентября 1766 года. [3]

Путь до Лейпцига оказался долгим: ехали четыре месяца. Судя по сообщению «Лейпцигской городской хроники», русские студенты прибыли в Лейпциг не осенью

[1] «Сборник русского исторического общества», т. X, стр. 107.

[2] Архив Лейпцигского университета имени Карла Маркса, III, Li HR, Nr. 6.

[3] ЦГАДА, Госархив, р. XVII, д. 62, л. 23.

1766 года и не в январе 1767 года, как принято считать,[1] а только 11 февраля 1767 года.[2]

Четыре месяца, проведенные в пути, оказали большое влияние на жизнь студентов в Лейпциге. Ехать пришлось через Ригу, Данциг и Кенигсберг. Дорога оказалась трудной. Особенно тяжело переносили юноши захватившие их холода. Зимнюю одежду Бокум из Петербурга не взял. Так он начал экономить. Пришлось покупать ее в пути. Многие простужались и заболевали. Это, в частности, было одной из причин задержек в больших городах. Тяжело заболел самый младший из пажей — Римский-Корсаков, и умер в Данциге.

Вырвавшись из Пажеского корпуса и попав в чужие земли, молодые люди не только с любопытством осматривали достопримечательности больших городов. В последующем Бокум доносил в Петербург о «беспорядочном поведении» юных путешественников: одни проявили невоздержанность в еде, другие увлеклись азартными играми (карты и бильярд), третьи затевали ссоры и драки.[3]

Будущие студенты за эти четыре месяца не только познакомились друг с другом; бесчисленные испытания и столкновения с Бокумом сплотили их. Выдвинулся из их среды и руководитель. Заступником своих младших товарищей стал старший по возрасту, более опытный в житейских делах Федор Ушаков. Воспитанник Шляхетного корпуса, отлично образованный, хорошо знающий иностранные языки, он сразу по окончании обучения, в семнадцатилетнем возрасте, был определен к Те-

---

[1] Н. П. Павлов-Сильванский в статье «Жизнь Радищева» («Очерки по русской истории XVII—XIX вв.», СПБ., 1910, т. 2, стр. 107) указывает, что Радищев приступил к занятиям в университете осенью 1767 года. В работе Я. Л. Барскова «А. Н. Радищев. Жизнь и личность» («Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», «Academia», 1935, стр. 77) сообщено, что Радищев прибыл в Лейпциг в январе 1767 года. Та же дата приезда указана М. А. Горбуновым в его книге «Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева», 1949, стр. 49.

[2] В книге «Die inngere Matrikel der Universität Leipzig», Leipzig, 1909, стр. 305, указана дата зачисления Радищева в университет — 26 февраля 1767 года. В тот же день были зачислены и остальные русские дворяне.

[3] ЦГАДА, Гос. архив, р. XVII, д. 62, л. 48.

плову, занимавшему пост статс-секретаря Екатерины II. В 1764 году Ушаков участвовал в подготовке нового Устава рижской коммерции, за что и был награжден, как свидетельствует Радищев, чином коллежского асессора. Указом от 12 сентября 1765 года он был пожалован «в секретари кабинета» императрицы «в ранге маиорском».[1]

Благодаря своим знаниям, опыту, твердому характеру, возрасту и, наконец, положению — студент имел звание майора — Федор Ушаков, естественно, стал идейным вождем колонии русских студентов. Это не могло не злить Бокума. Он понимал: то, что можно было делать с несовершеннолетними и неопытными юношами — держать впроголодь, обкрадывать, помыкать ими на каждом шагу, унижать и оскорблять их, — нельзя было допускать с равным ему по чину майором Ушаковым.

Первые столкновения между двумя майорами произошли в дороге. Радищев свидетельствует, что именно во время путешествия из Петербурга в Лейпциг Ушаков, с одной стороны, «навлек на себя ненависть путеводителя нашего», а с другой, «приобрел нашу приверженность». Началось все с протеста против «худой пищи», которой Бокум сразу стал кормить студентов по выезде из столицы. «Худая по большей части пища и великая неопрятность в приуготовлении оной, — сообщает Радищев, — произвели в нас справедливое негодование. Федор Васильевич взялся изъявить оное перед нашим начальником». Бокум с презрением отверг это негодование. С тех пор с еще большим усердием Ушаков стал заступаться за права студентов, защищать истинную справедливость, втягивая всех своих младших товарищей в борьбу с Бокумом. Гофмейстер, возненавидя Ушакова, уже в дороге начал «помышлять, как бы погубить его».

Общий смысл тех происшествий, которые произошли за четыре месяца путешествия, состоит в том, что русские студенты, возненавидев Бокума, открыто вступили в борьбу с ним, что во главе юношей стал Ушаков. «Мы стали отважнее в наших поступках, — вспоминает Радищев, — дерзновеннее в требованиях и от повторяемых оскорблений стали, наконец, презирать его власть. Если бы желание учения не остановляло нас в поступках

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1329, кн. 115.

наших и не умеряло нашего негодования, то Бокум на дороге бы испытал, колико безрассудно даже детей доводить до крайности».

Радищев с воодушевлением и благодарностью характеризует замечательную натуру Федора Ушакова и его роль в воспитании русских студентов. «Единое негодование на неправду бунтовало в его душе и зыбь свою сообщало нашим, немощным еще тогда самим собою воздыматься на опровержение неправды».

Приехав 11 февраля 1767 года в Лейпциг, Радищев и его товарищи через две недели были зачислены на юридический факультет, но только через месяц приступили к занятиям по выработанной профессорами программе. Радищев стал заниматься не только по программе юридического факультета, но изучал языки, литературу, естественные науки, медицину, брал уроки музыки (пять лет обучался игре на скрипке).

По мнению многих исследователей, в Лейпцигском университете господствовал дух рутины, схоластики. Оторванность от жизни, религиозное ханжество, апологетика монархического строя — характерные особенности немецкой науки того времени. О том же свидетельствует и современник — учившийся с Радищевым на юридическом факультете великий немецкий писатель Гете. «Часто встречались в лекциях совершенно необъяснимые места... С курсом юридических наук дело также плохо шло на лад... Во всех четырех университетских факультетах царил мертвящий педантизм». [1]

Но среди профессоров университета, которых пришлось слушать Радищеву и его товарищам, были и замечательные ученые, передовые люди своего времени. Это профессор философии Эрнст Платнер, читавший и метафизику, и психологию, и эстетику; профессор канонического права Гоммель, читавший уголовное право, судопроизводство, сочувственно отзывавшийся о знаменитой книге итальянского юриста Беккария «О преступлениях и наказаниях» (1764); профессор философии Шмидт, пропагандировавший в своих лекциях этические теории французских энциклопедистов.

---

[1] В. Гете, Собрание сочинений, изд. 2-е СПБ., 1895, т. VIII, стр. 150, 151, 158.

Лекции этих профессоров пользовались успехом и, конечно, давали очень много и русским студентам. Нельзя недооценивать и общих занятий с другими профессорами. Русские студенты и слушали их лекции, и читали рекомендованную ими огромную литературу, и выполняли многочисленные практические задачи, и писали самостоятельные сочинения на заданные темы, и участвовали в диспутах. Все это, конечно, обогащало юношей, позволяло довольно широко и глубоко овладеть юриспруденцией, для изучения которой они прибыли из далекого Петербурга.

К сожалению, до сегодняшнего дня мы точно не знали, какие курсы слушал Радищев, у каких профессоров занимался. Первой серьезной работой, посвященной лейпцигскому периоду жизни Радищева, было исследование М. И. Сухомлинова. Он напечатал учебные программы, по которым должны были заниматься русские студенты в последние два года (1769—1770), рассказал о лекциях и учебниках того времени.[1] С тех пор факты, установленные Сухомлиновым, пересказываются во всех работах о Радищеве без каких-либо добавлений. Но и Сухомлинову не было известно, у кого именно занимался Радищев в последние два года, каков объем полученных им знаний. Сам же Радищев, подробно рассказавший о годах пребывания в Лейпциге в повести «Житие Федора Васильевича Ушакова», об учебных занятиях почти ничего не сообщил. Достоверен лишь факт, изложенный Карамзиным. Попав во время путешествия в 1789 году в Лейпциг, писатель беседовал с профессором Платнером. Старый профессор вспомнил и тепло отозвался о двух своих учениках — Радищеве и Кутузове.

Интересным и достоверным биографическим материалом могли быть отзывы и аттестаты профессоров, полученные всеми окончившими курс обучения в Лейпцигском университете. Что эти аттестаты были получены, и в частности Радищевым, было известно уже давно. Русский посланник при саксонском дворе князь Белосельский, отправляя окончивших курс наук Радищева, Кутузова и Рубановского в Петербург, писал Олсуфьеву:

---

[1] М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, СПБ., 1889, т. I, статья «Радищев».

«Гг. Радищев, Кутузов, Рубановский и Янов окончили их науки по данной майору Бокуму инструкции. Первые три теперь немедленно отъезжают в Петербург и снабдены аттестатами от профессоров, у которых они учились».[1] Это письмо было опубликовано несколько десятилетий тому назад, но самые аттестаты удалось обнаружить только сейчас, в результате специальных разысканий.[2]

Аттестаты профессоров, у которых занимался Радищев, позволяют довольно полно представить картину его учебных занятий в Лейпциге. Ведущими дисциплинами были юриспруденция, философия, история. Начиная с февраля 1767 года по 1771 год Радищев вместе с Кутузовым, Рубановским и Яновым слушал лекции профессора Фридриха Шотта, который последовательно читал: право естественное, право народное, право государственное, юридическую энциклопедию и методологию и права римские. В аттестате профессор Шотт записал, что все эти курсы русские студенты «выслушали у меня порядочно, с прилежностью и с желаемым мною вниманием».[3]

С августа 1767 года до пасхи 1769 года Радищев занимался у профессора философии Иоганна Швабе, который преподавал немецкий язык и вел практические занятия по чтению специальной юридической литературы. В аттестате Радищеву он написал, что «в немецком языке под моим руководством по Готшедовым и Юстия сочинениям прилежно упражнялся, и в оном успел, и даваемые задачи делал исправно».[4]

Большое место в учебных планах занимала история. В течение всех лет, проведенных в Лейпциге, Радищев, Рубановский, Янов, Кутузов слушали лекции профессора истории Иоганна Вемиуса. В аттестате им сказано: «Четверо благородных юношей — Сергей Янов, Андрей Рубановский, Александр Радищев и Алексей Кутузов — несколько годов в здешней академии прилежно обучались наукам, а особливо таким, кои молодых людей приуго-

---

[1] «Сборник русского исторического общества», т. X, стр. 129.

[2] Документы эти были обнаружены участницей радищевского семинара филологического факультета Ленинградского гос. университета М. А. Арзумановой.

[3] ЦГАДА, ф. 249, д. 6465, л. 517.

[4] Там же.

товляют к исправлению государственных дел, и ходили ко мне приватно и публично на исторические лекции; также приватно преподавал им историю о состоянии Европы. И сверх того еще приватно и публично слушали историю и общенародное право империи немецкой». [1]

В первый год Радищев выслушал курс универсальной истории Готлиба Кребеля. Философию Радищев вместе с друзьями слушал у Эрнста Платнера. В аттестате записано, что «метафизические лекции» и психологию молодые люди слушали «по желанию» и «закончили» в 1770 году. [2] Логику читал русским студентам Фридрих Рейц. В аттестате он отозвался о своих учениках с большой похвалой — «с прилежностию и с желаемым мною вниманием слушали и оную совсем окончили, задаваемые же из оной задачи так хорошо делали, что их старание, разум и искусство мне сделали удовольствие, а от меня себе похвалу заслужили». [3] Учитель французского языка Гюберт дал всем превосходный отзыв, заявив, что он «не только всегда был очень доволен их честными и учтивыми поступками, но и их вниманием и прилежанием». [4]

Все аттестаты свидетельствуют, что дисциплины, изучавшиеся по плану, составленному профессорами университета во главе с Гоммелем, были отлично усвоены всеми русскими студентами, и в частности Радищевым. О том же говорят и сообщения о публичных экзаменах, которые проводились каждую весну. Приведу два отчета об экзамене 1768 года, то есть после двухлетнего обучения.

Первый принадлежит Белосельскому. «Все генерально с удивлением признаются, что в толь короткое время оказали знатные успехи и не уступают в знании самым тем, которые издавно там обучаются. Особливо же хвалят и находят отменно искусными: во-первых — старшего Ушакова, а по нем Янова и Радищева, которые превзошли чаяния своих учителей». [5]

Второй отчет о публичном экзамене мы находим на страницах «Лейпцигской летописи»: «2 и 3 ⟨мая⟩ майор

---

[1] ЦГАДА, ф. 249, д. 6465, л. 546.
[2] Там же, л. 536.
[3] Там же, л. 529.
[4] Там же, л. 521.
[5] М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи, СПБ., 1889, т. I, стр. 546—547.

русской службы фон Альтен Бокум устроил публичный экзамен по наукам и языкам обучающимся в здешнем университете под его наблюдением 12 русским кавалерам, а именно г. князю Алексею Несвицкому, г. князю Василию Трубецкому, г. П. Челищеву, г. Ф. Ушакову-старшему, г. М. Ушакову-младшему, г. А. Рубановскому, г. С. Янову, г. А. Кутузову, г. А. Радищеву, г. И. Насакину, г. В. Зиновьеву и г. Д. Олсуфьеву. При этом присутствовал его высокоблагородие надворный советник курфюрста Саксонского и саксонский историограф, а также профессор истории г. Иоганн Готлиб Беме, ныне ректор академии, приглашенный вместе с другими выдающимися учителями. Господа русские кавалеры отвечали на вопросы, которые им ставили их профессора и другие учителя, из логики, естественного права, всеобщей истории и словесности с большой полнотой, а их образцовые ответы из древних и новых языков имели заслуженный успех». [1]

В конце третьего года обучения все русские студенты обязаны были представить письменные сочинения на самостоятельно избранные темы. Радищев об этом писал следующее: «По прошествии трех лет обязаны мы были к наступившему для нас времени на испытании показать наши успехи в учении, представя письменно связь мыслей о какой-либо материи». Федор Ушаков «избрал для сего наиважнейшие предметы, до человека касающиеся в гражданском его отношении». Это сочинение под названием «О праве наказания и о смертной казни» Радищев опубликовал в качестве приложения к своей повести «Житие Ф. В. Ушакова». Письменные работы подводили итоги занятиям с профессорами университета; работа Ушакова явилась результатом его занятий под руководством профессора Гоммеля. [2] До сих пор до нас дошло только сочинение Ушакова. Оно — свидетельство серьезности тех знаний, которые получали русские студенты в университете. «Письменную связь мыслей о какой-либо материи» осуществил и Радищев. [3]

---

[1] Лейпцигский городской архив, Rimer, Leipzigsches Jahrbuch.

[2] См. об этом в работе В. В. Мияковского «Годы учения А. Н. Радищева» — «Голос минувшего», 1914, март — май.

[3] В Центральном государственном архиве древних актов удалось обнаружить письмо к Бокуму из Кабинета от 17 августа

Занятия в университете много дали Радищеву — он овладел в совершенстве французским и немецким языками, основательно изучил юриспруденцию, историю, философию, литературу. Но профессора университета не были единственными воспитателями молодых людей. Сам Радищев неоднократно на вопрос, что «соделывает» из чувствительного человека гражданина, что определяет его чувствования и убеждения, что воспитывает человека, категорически отвечал: воспитывает человека жизнь, обстоятельства делают гражданином. Воспитание жизнью и было едва ли не главным в формировании убеждений и характера Радищева во время пребывания его в Лейпциге.

3

Что же это была за жизнь? Отправляя в Лейпциг двенадцать юношей, как мы знаем, Екатерина написала инструкцию, определив правила их жизни в колонии. Все студенты были отданы под единодержавную власть гофмейстера майора Бокума. Для опеки над «духом» был послан иеромонах отец Павел. Так восторженные юноши превратились в подчиненных своего жадного до денег, глупого, самодовольного и невежественного начальника. Они должны были жить в специально отведенном для них доме, по двое в маленьких грязных сырых комнатах, жить под вечным надзором, обязаны носить казенное обмундирование, при этом носить долго, даже тогда, когда оно становилось ветхим, обязаны слушать проповеди глупого иеромонаха Павла, ходить в церковь, говеть, исповедоваться, читать молитвы.

1769 г., которым он извещался, что его рапорт о ходе обучения, отзывы профессоров и сочинения студентов «поднесены Екатерине». Тем самым документально подтверждается существование сочинений русских студентов, написанных в Лейпциге, в том числе и сочинений Радищева. Предпринятые нами поиски, к сожалению, не дали результатов. Но эти поиски необходимо продолжить общими усилиями советских ученых. Письмо от 17 августа 1769 года указывает и возможное местонахождение этих сочинений — личные дела и бумаги Екатерины. Обнаружить студенческую работу Радищева — его первое самостоятельное произведение — долг советских литературоведов.

Но каждый день такой жизни преподавал юношам, бывшим пажам, «деятельное нравоучение». Они видели, как Бокум становился из месяца в месяц все наглее, все циничнее в своих поступках. Они отлично знали, что их обкрадывали, и возмущались, когда их кормили скудно, а часто и несвежей пищей. Они понимали, почему не дают положенных им новых мундиров и шинелей,— все деньги идут в карман Бокума; они мерзли зимой, болели, так как Бокум предпочитал оставлять себе деньги, предназначенные на отопление комнат студентов. Они на каждом шагу, ежедневно были оскорбляемы именно за попытки выступить со справедливыми требованиями или просьбами.[1]

Ничто, по словам Радищева, «толико не сопрягает людей, как несчастие. Сия истина подкрепляется и нашим примером. Худые с нами поступки нашего гофмейстера сделали нас единомышленными». Изучение книг о естественном праве, знакомство с формами государственного управления подкреплялось у русских студентов опытом жизни в колонии под началом Бокума.

Чем сильнее и наглее были притеснения Бокума, тем неодолимее росло чувство негодования, тем тверже становилась воля. «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений, — пишет Радищев об этой поре жизни. — Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темницы, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности». Студенты, доведенные до крайности, и поднялись на бунт. Вождем этого бунта стал Федор Ушаков. Он первым, раньше других, восстал против «всесилия» Бокума, смело противореча ему и требуя справедливости к себе и к товарищам.

О бунте первым рассказал Радищев («Житие Ф. В. Ушакова»). Затем появились в печати некоторые документы об этом бунте, из которых наибольшее значение имеет жалоба студентов на Бокума, изложенная

---

[1] В десятом томе «Сборника русского исторического общества» опубликовано множество документов, подтверждающих и деспотическое обращение со студентами Бокума, и тяжелые условия их жизни. В деле, хранящемся в архиве древних актов, имеются еще не опубликованные письма разных лиц, в которых сообщается много новых сведений о преступных, жульнических махинациях Бокума.

в виде письма Олсуфьеву. Но документы эти при всей своей ценности не восстанавливали полной картины «мятежа» (определение Бокума), — мы не знали его непосредственной причины, хода событий, поведения участников и т. д.

Новые документы, обнаруженные в архиве Лейпцигского университета, позволяют, наконец, воссоздать во всей полноте историю мятежа русских студентов против Бокума. Главным в этих документах является следственное дело. В него входят: объяснения Бокума, протоколы допросов служащих колонии, показания студентов, в том числе и показания Радищева. [1]

Мятеж произошел 25 июня 1767 года, то есть через четыре с половиной месяца после приезда в Лейпциг. Радищев так объяснил причину бунта: Бокум преследовал их, плохо кормил, довел до крайности, и они вынуждены были восстать против его притеснений. Непосредственная причина не была раскрыта Радищевым. Ценность новых материалов прежде всего в том, что из них мы узнаем эту непосредственную причину. Вот что пишет Бокум в своем объяснении университетскому суду: «Руководствуясь своей инструкцией, а также при одобрении некоторых здешних господ профессоров, я с самого начала установил им курсы лекций и уроки, а так как им указано в особенности на необходимость основательного изучения немецкого языка, я, кроме того, дал им немецких учителей и репетиторов. Они же, напротив, то ли из склонности к преувеличенной свободе, то ли из ненависти к видимости покорности, позаботились навязать мне собственный план».

---

[1] «Дело по поводу некоторых порицаемых непристойностей обучающихся здесь молодых русских дворян со всем, что до этого касается». Архив Лейпцигского университета имени К. Маркса. Дело разыскано по моей просьбе студенткой Ленинградского гос. университета Э. Мюллер. Документы даются в переводе.

В архиве министерства иностранных дел находится изложение этого «Дела», подготовленное по просьбе Белосельского профессором Лейпцигского университета Штрекком. Документ носит заглавие: «Извлечение из протокола опроса князей и дворян, сделанного Лейпцигским университетом и их гувернером майором Бокумом» (Сношения России с Саксонией, д. 99, л. 75—88). Там же подробные донесения Белосельского Панину, письма Панина Белосельскому с изложением приказов Екатерины и т. д.

Как видим, студенты боролись с Бокумом не только за улучшение своего положения, но и за право самостоятельно решать важнейший вопрос: чему учиться в университете. Как мы помним, Екатерина в своей инструкции предлагала изучить им комплекс юридических наук, и они честно и успешно занимались по установленной программе. Но инструкция разрешала «прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение». Бокум же решил отнять у них это право свободного выбора и запретил им слушать тех профессоров, которых они избрали «по собственному произволению». Бокум доносит: «Некоторые из них вскоре начали посещать французский курс по морали господина Шмидта, продолжать посещение которого я им запретил».

Положение осложнилось тем, что Бокум, действуя согласно указанию Владимира Орлова, включил в число обязательных дисциплин курс профессора Беме по основам истории. Русские студенты сначала аккуратно посещали курс истории Беме. Но после знакомства с его лекциями, да еще, видимо, после сравнения их с лекциями Шмидта, на которые они ходили по собственному желанию, молодые люди сделали выбор: Беме не слушать, а слушать курс Шмидта. Бокум, узнав об этом, запретил посещать лекции Шмидта. Видимо, сначала студенты не хотели обострять положение и «уверили его (Бокума), что они хорошо посещали его (Беме) и почерпнули у него много полезного». Но Трубецкой и Несвицкий (и тот и другой князья), «взбешенные запрещением поступать по собственному усмотрению и продолжать посещать курс господина профессора Шмидта», пришли к Бокуму и заявили, что не будут слушать курс Беме на немецком языке. Бокум резко ответил на это; «тогда князь Трубецкой возразил с неприличной горячностью, что он не будет больше посещать упомянутый курс, что я не могу его к этому принудить и что найдутся другие честные люди, у которых он может прослушать этот курс». Приставленных к студентам немецких учителей Трубецкой назвал «бестиями». Разозленный Бокум решил принять крутые меры и припугнуть тем самым уже всю ненавистную ему колонию студентов. Вот как он объясняет свои действия все в том же письме университетскому суду: «Тут я увидел себя вынужденным,

чтобы показать им, что они ничего не добьются ни своеволием, ни дерзким поведением (которое, если бы я отнесся к нему безразлично, сорвало бы милостивые намерения моей монархини и расстроило бы всю проведенную подготовку), согласно недавно опубликованного рескрипта всемилостивейшего курфюрста Саксонского, посадить этого князя под арест, для примера прочим, и сделал это немедленно, еще до обеда».

Арест Трубецкого, первым открыто заявившего, что он не будет слушать Беме, а станет посещать лекции Шмидта, заставил студентов принять решительные меры. Узнав об аресте товарища, молодые люди пришли к Бокуму и потребовали немедленного освобождения Трубецкого. Бокум отказался выполнить их требование. Обсудив в комнате Федора Ушакова создавшееся положение, они вторично пошли к майору и повторили свое требование об освобождении Трубецкого, но при этом уже пригрозили своему наставнику. Далее произошло то, что описано в «Житии Федора Васильевича Ушакова». Дополнением к этому может служить показание Радищева, данное 3 июля 1767 года, то есть через восемь дней после ареста.

Александр Радищев показал, что «он и молодые русские господа, названные на л. 156, во вторник 8 дней тому назад, т. е. 25 июня, после обеда пошли к господину маиору фон Бокуму, чтобы спросить его об аресте князя Трубецкого и попросить выпустить его. Он не слышал, чтобы, когда господин маиор захотел вернуться в свою комнату, старший Ушаков сказал по-французски: «черт бы побрал тебя или меня». После этого они опять собрались, они все время были вместе. Возможно, что это было в 3 часа. Он не может вспомнить, было ли это в комнате Ушакова и созывал ли их старший Ушаков. Подтверждает, что, прежде чем во второй раз в этот день идти к господину маиору, они обсудили это между собой. Говорит, что пошли для того, чтобы еще раз спросить господина маиора по поводу князя Трубецкого и попросить освободить его. Он не знает, что, перед тем как идти второй раз к господину маиору, младший Ушаков выкрикивал бранные слова, он не слышал, что младший Ушаков сказал при этом: «если дойдет до драки, я один посажу его на шпагу». Подтверждает, что они затем, во второй раз в этот день, пошли к господину маиору фон Бокуму

и еще раз спрашивали его о князе Трубецком и просили освободить его. Отрицает, что он сказал, что если господин маиор его не освободит, то он освободит его сам; не знает, кто еще это говорил; знает только, что господин Насакин потребовал ответа у господина маиора, за что он недавно дал ему пощечину, на что тот сказал ему, что он должен молчать, и дал ему еще одну пощечину; тогда Насакин хотел ударить господина маиора, но они, собравшиеся, удержали его. Он не знает и не видел, чтобы господин Насакин хотел ударить господина маиора своей шпагой, он не вытаскивал шпаги, она была у него на боку. Он не знает, кто еще был при шпаге. На вопрос, были ли при шляпах молодые господа, когда они снова пошли к господину маиору, он отвечает, что он был при шляпе, так как собирался выходить, но не знает, были ли шляпы у остальных, так же как не знает, имели ли они при себе палки или трости; не знает, заперли ли они за собой дверь; неизвестно ему также, что, когда господин маиор вернулся в свою комнату, кто-то из них кинулся за ним и хотел открыть его дверь насильно; он также не знает, кто ударил писца Зеллиуса. Насколько он видел, Зеллиус отнял у Насакина шпагу в ножнах, которая была у него на боку. Ему неизвестно, кто снова отворил дверь, когда они уходили. Наконец, он вынужден сознаться, что во всяком случае господин маиор фон Бокум поставлен над ними гувернером по приказу ее величества русской императрицы, он получил ее инструкцию по этому поводу; ему известно также, что его превосходительство русский посол добился приказа курфюрста сажать их под арест за провинности. На убеждения суда слушаться господина маиора и поладить с ним полюбовно, он сказал, что предпочел бы уйти от него и остаться здесь, о чем хочет просить ее императорское величество. Больше ему нечего сказать». [1]

В этом показании не все точно. И это понятно — Радищев отвечал только на поставленные вопросы, всячески выгораживая товарищей. Так, он заявил, что не помнит, где и у кого собрались для обсуждения плана дальнейших действий после первого посещения Бокума.

---

[1] Архив Лейпцигского университета имени К. Маркса, III, Li HR, Nr. 6.

Федор Ушаков сам признался, что это происходило у него в комнате. Он скрыл, что Насакин, в ответ на пощечину Бокума, ответил майору двумя пощечинами. Радищев заявил, что он не помнит, были ли у студентов палки и трости. По ходу же следствия выяснилось, что палка была прежде всего у Радищева, и этой палкой он в жаркий момент схватки, судя по всему, и ударил ненавистного майора.

Посаженные под арест у себя в комнатах, студенты сумели сговориться между собой и выработать план действий, определить, что и как следует показывать на суде, как надо освещать ход событий в письмах Белосельскому и в донесении Олсуфьеву. Так они дружно отрицали сговор, преднамеренность своих действий, выгораживали своего вдохновителя Федора Ушакова, утаили факт своей борьбы за право слушать Шмидта. Ход событий они освещали так: Трубецкой отказался посещать лекции Беме потому, что плохо знал немецкий язык. Его же совершенно ни за что арестовал Бокум, в чем проявился деспотизм и произвол Бокума. Они, студенты, узнав об этом, пришли и мирно попросили освободить ни в чем не виновного товарища. Бокум стал кричать и оскорблять их. Более того, вторично ударил Насакина (первый раз он его ударил еще в апреле, о чем студенты жаловались Белосельскому и Олсуфьеву). «Насакин, не могши того стерпеть, сам его хотел ударить», но студенты вмешались в ссору и удержали Насакина. Вот и все. А Бокум решил им отомстить и посадил всех под арест, несправедливо обвинив их в мятеже.

Полнее всего такое объяснение мятежа изложено в письме студентов Олсуфьеву от 9 июля 1767 года:

«Милостивый государь Адам Васильевич. Ваше превосходительство из общего нашего письма ⟨его при деле нет⟩ усмотреть могли, в коль несчастную и горестную жизнь ввергнул нас г. маиор Бокум, но он, и тем не удовольствовавшись, начал привлекать многих профессоров на свою сторону, взводя им на нас то, чего мы никогда и не думали, — поступки, которые приставнику отнюдь не приличны.

Он всячески к нам придирался, но, не могши сыскать случая, воспользовался мнимым и посадил князя

Трубецкого под арест, приставив к нему солдат, за то только, что он хотел перестать ходить в историческую коллегию профессора Бема, представляя ему, что он не знает еще довольно немецкого языка, чтоб понимать скорый сего профессора выговор. Толь бесчеловечный г. маиора против нас поступок всемерно оскорбленные нами сердца еще стократно больше опечалил, чего для пошли мы его уговаривать и просить, чтоб он выпустил князя Трубецкого, потому что он никакого наказания не заслужил. И подлинно, милостивый государь, можно ль наказывать за незнание языка?»[1]

Письмо подписали девять студентов. Первой стояла подпись Радищева, а Трубецкой, видимо, не подписал его потому, что в письме шла речь о нем.

Письмо Олсуфьеву было послано после того, как мятежники не дождались ответа на свое первое письмо, адресованное Белосельскому в Дрезден. Обратились же они к русскому посланнику в Дрездене сразу после бунта. Радищев так вспоминал об этом эпизоде: «В сем тягчительном для нас положении мы прибегнули к российскому в Дрездене министру, описав ему случившееся во всей подробности: но письмо наше до него не дошло, как то мы после того узнали, ибо Бокум тамошнему правительству сказал ложно, что ему велено было все наши письма останавливать и не прежде отправлять в Россию, как он уведомлен будет о их содержании. Таким образом ни министр нашего двора в Дрездене, ни в Петербурге не могли быть известны о истинном нашем положении, сколько мы о том ни писали». Новые документы, обнаруженные в архиве министерства иностранных дел, не подтверждают этого заявления Радищева. Оказывается, что письма, посланные студентами к Белосельскому в Дрезден и Олсуфьеву в Петербург, дошли по назначению. Переписка Белосельского с Паниным, сохранившаяся в архиве, освещает историю бунта русских студентов против Бокума совершенно по-новому.

Документы свидетельствуют, что о событиях, развернувшихся в Лейпциге, Белосельский, узнавший о них и от студентов, и от Бокума, и от иеромонаха Павла,

---

[1] «Сборник русского исторического общества», т. X, стр. 113—114.

немедленно сообщил в Петербург Панину, а тот доложил обо всем императрице. Екатерина, узнав о случившемся, лично вмешалась в ход следствия, затребовала подробные донесения и, получив их, стала из Петербурга давать указания и распоряжения послу Белосельскому.

Императрица рассматривала историю о непослушании студентов как политический акт — ее оскорбило и возмутило то обстоятельство, что молодые русские осмелились выступить против наставника, которого она, российская императрица, облекла полной властью. Ее мало волновали конкретные причины возникшего конфликта. Она считала, что бунт против Бокума косвенно был направлен против нее, против ее выбора, против ею написанной инструкции, против ее доверенного лица.

Еще в апреле 1767 года русские студенты впервые написали жалобу Белосельскому на Бокума, посмевшего дать пощечину студенту Насакину. Белосельский, не доверяя их письму, счел нужным предупредить молодых людей, что всякое неисполнение приказов Бокума будет рассматриваться русскими властями как неповиновение воле императрицы. «Ваше подчинение воле Бокума соответствует намерениям императрицы... Что может быть более лестного для подданного, как найти случай доказать свое усердие своей повелительнице». [1]

После событий 25 июня 1767 года Белосельский приехал в Лейпциг и решительно потребовал от студентов повиновения Бокуму, объявив им, что их бунт вызвал гнев императрицы. В отчете Панину о своей поездке в Лейпциг Белосельский писал: «Я рассказал... что прибыл в Лейпциг по повелению ея императорского величества, чтобы объявить им ее возмущение, заслуженное их бунтом против их гувернера, утвержденного и выбранного ея величеством и в руках которого, они знали, находится инструкция, одобренная ея императорским величеством, в которой сказано, каким образом они должны подчиняться Бокуму». [2]

Итак, студенты в ходе своей борьбы с Бокумом были осведомлены о том, что они выступают и против воли

---

[1] АВПР, ф. Сношения России с Саксонией, д. 99, л. 35.
[2] Там же, л. 82.

Екатерины, что императрица возмущена их поведением, что она грозит «заводчиков» — братьев Ушаковых, Челищева и Насакина — вызвать в Россию, — знали обо всем этом и все же не отступились от своих требований. Только в свете новых фактов понятно многозначительное уподобление Радищевым действий Бокума самодержавному монарху в автобиографической повести «Житие Федора Васильевича Ушакова»: «Имея власть в руке своей и деньги... подобно правителям народа возмнил, что он не для нас с вами», «Бокум отвергал их (жалобы студентов. — *Г. М.*) толико же самовластно как и король французский».

Важнейшее свидетельство Радищева о том, как в ходе бунта сложилось удивительное «единомыслие» среди студентов, находит подтверждение в документах. У Радищева написано: «Подобно как в обществе, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начиналися сходбища, частые советования, предприятия и все что при заговорах бывает... Тут отважность была похваляема, а робость молчала». Белосельский после бесед с «мятежниками» был поражен их единодушием, их смелостью. Он счел нужным даже сообщить Панину: «Я могу сказать вашему сиятельству, что я никогда не видел такого единодушного и объединенного общества, как эти господа, которые поистине смотрят на оскорбление одного лица как на общее оскорбление».

Белосельский обратился к студентам с увещеваниями, еще раз напоминая им, что их единство «должно служить» только для воздействия на того, кто «грешил против своего долга непослушанием», что они обязаны подчиняться Бокуму, «который является для них передатчиком воли нашей государыни», и никогда «они не должны все за одного объединяться», ибо это может привести «к преступлению». [1]

Понимая, что разгневанная Екатерина может сурово расправиться с бунтовщиками, Белосельский в своих отчетах всячески выгораживал молодых своих соотечественников и даже написал, что они после его увещеваний искренне раскаиваются. Только после этого бунтовщики

---

[1] АВПР., ф. Сношения России с Саксонией, д. 99, л. 83.

были «прощены». В письме от 4 августа 1767 года Панин сообщил решение Екатерины: «Должен я... объявить вашему сиятельству и новое ея величества повеление, чтоб вы вторично съездили в Лейпциг и по приезде туда собрали к себе тех молодых дворян, для объявления им... от имени ея императорского величества, что ея величество не инако, как только снисходя на ваше о истинном их раскаянии... представление, изволит им ныне все по сю пору происшедшие непорядки всемилостивейше прощать и что по причине как ради того сделаться прощения достойными так и наипаче для приобретения себе вновь всей прежней монаршей милости, долженствуют они теперь сугубою ревностию устремить все свои силы и старания к точному и совершенному во всем пространстве исполнению воли ея императорского величества». [1]

Значение мятежа для последующей жизни студентов в Лейпциге определил Радищев: «С того времени жили мы с ним ⟨Бокумом⟩ почти как ему не подвластные, он рачил о своем кармане, а мы жили на воле и не видали его месяца по два». Победа учила: насилию, неправде, самодержавному гнету надо противиться. Только в сопротивлении, в мятеже человек, живущий под игом деспотической власти, может сохранить себя как личность, отстоять свою свободу и достоинство. История бунта против Бокума, раскрываемая на основе новых, извлеченных из архивов документов, объясняет, почему для Радищева она — «одна из знаменитейших эпох жизни».

Добившись свободы, отстояв свои права и улучшив условия жизни уже в первый год обучения в Лейпциге, русские студенты могли заниматься многими интересующими их науками «по собственному произволению». Верные себе, они слушали те лекции, которые их устраивали, и категорически отказывались слушать неугодные им реакционные курсы. Так, когда уже к самому концу обучения вновь всплыл вопрос о необходимости прослушать курс лекций Беме, Янов, Радищев, Кутузов и Рубановский ответили категорическим отказом. Мотивированный письменный отказ составил Янов, остальные сделали приписки, согласившись с Яновым по существу. Письмо это — интересное свидетельство самостоятельности студентов

---

[1] АВПР., ф. Сношения России с Саксонией, д. 100, л. 21.

в учении, их серьезных знаний и, наконец, замечательной осведомленности в иностранной научной литературе.

«Так называемые государственные дела, — пишет в своем объяснении Янов, — не что иное, как учение о тех обязательствах, которые должны сблизить европейские государства в силу законодательных друг с другом договоров. Этот предмет превосходно изложил, по мнению всего света, аббат Мабли в своей книге «Публичное право Европы» («Droit publique de l'Europe»). И так как изучение этого труда, который состоит только из трех маленьких глав и, конечно, содержит в себе гораздо больше, чем может быть сказано об этом предмете в каких бы то ни было лекциях, требует не более трех месяцев, чтобы философски быть прочитанным, то я полагаю, что нам будет гораздо полезнее и что мы сбережем гораздо больше времени, если мы покинем аудиторию и будем держаться исключительно чтения названного труда».

Радищев сделал следующую приписку: «Так как я несколько месяцев назад ходатайствовал перед Олсуфьевым, чтобы нас отозвали из Лейпцига, то я полагаю, что в ожидании исполнения моей просьбы мне нет нужды слушать ни эти лекции, ни все прочие. Что же касается образа обучения, то я вполне разделяю мнение г. Янова».[1]

Самостоятельное чтение сочинений французских просветителей несомненно определило тяготение русских студентов к политике. А политикой приходилось заниматься в русской колонии и тогда, когда обсуждали деспотическое правление Бокума, и когда думали о родине и самодержавном режиме Екатерины, и когда под руководством Ушакова изучали правовые вопросы положения человека в гражданском обществе. Но с философскими, социологическими и этическими взглядами великих мужей Франции русские студенты знакомились и на лекциях некоторых профессоров и прежде всего на лекциях уже известного нам профессора Шмидта.

---

[1] ЦГАДА, Гос. архив, р. XVII, д. 62, л. 212—213. Я. Л. Барсков неточно перевел приписку Радищева: «Так как я уже извещен кабинет-министром Олсуфьевым, что я могу быть отозван обратно из Лейпцига» и т. д. — см. «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», «Academia», 1935, стр. 90.

Профессор Шмидт, немецкий публицист, читал в университете курс морали. В 1761—1763 годах он выпустил два тома своего сочинения «Опыт о различных интересных предметах политики и морали» («Essais sur divers Sujets intéressants de Politique et de Morale»). Вряд ли можно сомневаться в том, что проблемы, разбиравшиеся в книге, подвергались обзору и обсуждению и на лекциях, которые так привлекли внимание русских студентов.

Книга Шмидта была вдохновлена просветительской идеологией. Выступая страстным пропагандистом дорогих ему идей о величии человека, о силе разума, о могуществе человеческих знаний, Шмидт яростно обрушивался на реакционно-схоластическую науку, сеявшую невежество, обличал спекулятивный дух, царивший в школах, ратовал за сближение науки с жизнью, требовал, чтобы философия служила насущным потребностям человека и общества.

В школах, пишет Шмидт, стараются сделать из нас добрых христиан, внушают спекулятивный дух и делают нас бесполезными гражданами. Нас учат мертвым языкам, которые мы скоро забудем, риторике, которая учит софистическим рассуждениям, истории, которая не содержит ничего, кроме дат. Нужно полагать, что подобные мысли и привлекали к себе молодых слушателей.

Критикуя школьное и университетское образование, Шмидт призывал к самостоятельным критическим занятиям. Ссылаясь на опыт великих философов и ученых нового времени — Бэкона, Ньютона, Локка, Лейбница, Шефтсбери и других, — он утверждал, что если бы они подчинились школьной науке, их гений бы померк под влиянием ограниченных наставников. Философия и науки вообще, учил Шмидт, не должны заниматься только мелочами. Они обязаны уметь обобщать. Роль философии в обществе огромна. Но в то же время в действительной жизни она всюду недооценивается. Происходит это оттого, что знатные люди плохо образованы. Образование хозяев земли направляется министрами и осуществляется священниками. Министры-политики заинтересованы в невежестве своих повелителей, чтобы управлять ими. Священники же предпочитают покорных христиан образованным людям. Если философия станет заниматься важными

для человека интересами, учил Шмидт, она обретет свое прежнее достоинство. А это важно потому, что народы будут счастливы, когда философы станут министрами или министры — философами. Тогда-то и наступит всеобщее благоденствие.

Лекции Шмидта знакомили студентов с просветительской этикой, направляя внимание на решение практических вопросов гражданского законодательства, требовали сближения науки с жизнью. И в этом их плодотворное значение. Но не все, даже в лекциях наиболее уважаемых профессоров, принимал Радищев. В самом деле, политические убеждения Шмидта опирались на теорию просвещенного абсолютизма энциклопедистов. Радищев не усвоил этой теории. Она не привлекла его ни в сочинениях Гельвеция, ни в лекциях Шмидта. Позиция другого французского мыслителя, аббата Мабли, противника политической концепции энциклопедистов, оказалась по душе Радищеву.

Совершенно естественно, что до сих пор речь шла об учебных занятиях, о самообразовании и условиях быта русских студентов в Лейпциге, — ведь они были посланы сюда учиться. Но было бы неверно представлять себе их жизнь полностью изолированной от жизни их родины. С Россией студенты были связаны теснейшими узами. Они переписывались с родными и кабинет-министрами Екатерины, в первую очередь с Олсуфьевым. За годы обучения в их колонии побывали десятки соотечественников, и среди них поручик П. И. Фонвизин, брат автора нашумевшего в России «Бригадира», писатель и прославленный актер И. А. Дмитревский, секретарь посольства при саксонском дворе писатель и поэт И. Ф. Богданович, Н. Е. Муравьев, графы Алексей и Федор Орловы, писатель С. Г. Домашнев, кабинет-курьеры Гуляев, Яковлев и многие другие. Русские книги, журналы, газеты были в распоряжении студентов. [1]

Посланные для получения юридического образования с тем, чтобы по возвращении занять места в судебных учреждениях России, молодые люди не могли не думать

---

[1] Имеются документы, свидетельствующие о получении Олсуфьевым и Зиновьевым «российских книг» из Петербурга (ЦГАДА, Гос. архив, р. XVII, д. 62).

ежедневно о том, что́ ждет их дома, в каких условиях они будут служить, как станут исполнять свой долг, как встретятся с передовыми деятелями, с чьими книгами и журналами они познакомились в Лейпциге.

Что же происходило в эту пору в России?

4

В шестидесятые годы XVIII столетия в России стала складываться просветительская идеология. Процесс этот шел бурно — тому причиной были и вставший на повестку дня самодержавно-крепостнического государства крестьянский вопрос, и рост крестьянских восстаний, и созыв Комиссии по составлению нового Уложения, и многое другое. К началу 70-х годов в России уже начали действовать несколько пока еще не связанных между собой просветителей — философ Яков Козельский, писатель и издатель Николай Новиков, драматург Денис Фонвизин, популяризатор и пропагандист просветительской идеологии Николай Курганов.

В XVIII веке в ряде государств Европы, и прежде всего во Франции, активно развернулась борьба с феодализмом. Капитализм во Франции наступал особенно решительно. В обществе зрели силы, которые должны были покончить с политическим и экономическим режимом господствующего класса — дворянства. Просвещение как идеология окончательно и сформировалось в эту эпоху борьбы с феодализмом.

В уничтожении абсолютизма, крепостничества и всех его порождений, в ликвидации господства дворянства заинтересованы и крестьянство, и городское плебейство, и буржуазия, и ее антипод — еще не развитый рабочий класс. Но в ходе революционных боев решающую роль играли два класса — крестьянство и буржуазия. Как свидетельствует история многих западных стран, буржуазия выступила в этой революции гегемоном. По своему характеру антифеодальная борьба была борьбой за буржуазное преобразование, за буржуазную свободу. При гегемонии буржуазии «все историческое движение сосредоточивается, таким образом, в руках буржуазии; каждая одержанная в таких условиях победа является

победой буржуазии».[1] Но при этом, следуя указаниям Ленина, должно отличать буржуазную демократию и революционную буржуазную демократию. Только тогда станет ясным, что буржуазия как класс не была безусловным выразителем интересов трудящихся масс, не была творцом тех великих и бессмертных идеологических и культурных ценностей, которые порождались борьбой трудящегося народа за свою свободу в эпоху уничтожения феодального государства.

Во Франции мощное и идейно богатое движение буржуазного Просвещения сложилось в 40—50-е годы XVIII века: «Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции»,[2] и прежде всего Вольтер, Дидро, Гельвеций, Гольбах, Руссо, выступили сами решительно и революционно, став во главе великой борьбы. Просветительство во Франции было последовательной воинствующей антифеодальной идеологией. Религию, взгляды на общество, государственный строй и природу просветители подвергли уничтожающей критике; все существовавшие дотоле государственные порядки и воззрения прошлого они объявили неразумными, достойными уничтожения. Поскольку просветительство выступало решительно и революционно против феодального правления, оно выражало общие интересы всех классов, борющихся с дворянством, с абсолютизмом. Именно поэтому просветительство принимала на вооружение и буржуазия. Она использовала его, потому что оно помогало осуществлению ее цели — уничтожению феодального государства.

Но просветительство не только критиковало старый феодальный государственный строй и все его надстройки — оно и открыто отстаивало интересы народных масс. Ленин дал классическое определение просветительства.[3] Как западные, так и русские просветители были одушевлены горячей враждой к крепостничеству и всем его порождениям в социальной, экономической и юридической областях, выступали с защитой свободы, отстаивали

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, М., 1955, т. I, стр. 16.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 357.

[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 459—501.

интересы народных масс, главным образом крестьян. Таким образом, просветители отстаивали интересы народных масс, а буржуазия, хотя и выступала гегемоном борьбы, прежде всего отстаивала свои собственные классовые интересы. Но поскольку проповедоваемое просветителями «царство разума» не чем иным, как буржуазным обществом, быть не могло, — они были буржуазными просветителями, вожаками буржуазии. Будучи буржуазными просветителями, они выражали идеалы буржуазно-революционной демократии. Этим и объясняется, что буржуазия (класс капиталистов), воспользовавшись Просвещением для своих целей, во время борьбы за власть отбросила его, отказалась от великого наследства после своей победы так же, как отказалась от бывших своих союзников, обманув и предав их, поведя даже борьбу с ними. Истинный демократизм просветительства питался борьбой «низов», «плебейства», буржуазно-революционной демократии. История свидетельствует, что крестьянство, борясь с феодальным абсолютизмом за буржуазную свободу, может в то же время в ходе этой борьбы выходить за рамки буржуазных идеалов. Вот что писал Ленин:

«В своей борьбе против помещичьей собственности на землю, против помещичьего землевладения, крестьяне с необходимостью доходят и дошли уже, в лице передовых своих представителей, до требования отмены всей частной собственности на землю вообще».[1] Ленин подчеркнул, что уже Маркс видел, как в ходе борьбы буржуазной революционной демократии вырабатывается идеология, прямо предшествующая коммунистической идеологии, а само это движение оказывается первоначальной формой пролетарского движения. «Стоя на диалектической точке зрения, т. е. рассматривая движение всесторонне, принимая во внимание и прошлое и будущее, Маркс отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность, Маркс признает мелкобуржуазное движение за своеобразную первоначальную форму пролетарского, коммунистического движения».[2]

Что творцами подлинно прогрессивной идеологии, идеологии, отстаивающей интересы трудящихся масс,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 157.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 299.

выступали сами трудящиеся массы, а не класс эксплуататоров, которым всегда на всех стадиях своего развития была буржуазия, указывали Маркс и Энгельс. Энгельс, например, писал о противоречиях между буржуазией и рабочим классом (еще не развитым) даже в ходе революционных битв с феодализмом, когда буржуазия являлась и гегемоном в общей борьбе и представителем его интересов. Эти противоречия рождали самостоятельные действия классов, которые, в свою очередь, определяли формирование самостоятельных и враждебных друг другу идеологических течений.

«И хотя в общем и целом буржуазия *в борьбе с дворянством* имела известное право считать себя также представительницей интересов различных трудящихся классов того времени, тем не менее при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата. Таково было движение анабаптистов и Томаса Мюнцера во время реформации и крестьянских войн в Германии. левеллеров — во время великой английской революции, Бабёфа — во время великой французской революции. Эти революционные вооружённые восстания еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII веках, а в XVIII веке — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли)». [1]

История свидетельствует, что даже во Франции в период буржуазной революции XVIII века три класса, действовавшие в союзе во имя общей цели свержения абсолютизма, уничтожения дворянства, имели не только общие цели в антифеодальной борьбе, но и отличные интересы. Отсюда и отличные друг от друга идеологические программы. Не сложившийся еще рабочий класс, оказывается, все же сумел определить коммунистическую теорию Морелли и Мабли. Крестьянство, «плебейство», «низы» — революционная буржуазная демократия выдвинула просветительство. Буржуазия, используя для своих

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, М., 1955, т. II, стр. 108—109.

целей просветительство, в то же время творила собственную идеологию, которая обслуживала ее классовые нужды, которая должна была закрепить и закрепила ее господствующее положение в обществе после победы.

Просветители в силу того, что антифеодальная борьба носила буржуазный характер, могли чувствовать себя идеологами буржуазии, предтечами нового общества, где должно было осуществиться «царство разума». Буржуазия участвовала в революционном движении со своими целями, как класс эксплуататоров, ибо она не могла существовать без эксплуатации чужого труда, и борьба за свободу для нее в тех условиях была прежде всего борьбой за свободу эксплуатации. Просветители, представляя буржуазную революционную демократию, лишены были всякого своекорыстия. Наоборот, им были свойственны иллюзии. Они верили, что в результате уничтожения господства дворянства наступит царство истинной свободы, они мечтали об уничтожении «сразу» всей и всякой эксплуатации. Но эти иллюзии были свойственны им, а не буржуазии, чье классовое самоутверждение достигалось жестокой эксплуатацией. В. И. Ленин так характеризует эти иллюзии просветителей, «вожаков буржуазии»: «То были иллюзии неизбежной, немедленной *и* полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человецех благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность которого не сознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно». [1]

В ходе великой войны с абсолютизмом буржуазия, выступавшая гегемоном, не только использовала в своих целях просветительскую идеологию, но и влияла на нее. Как «низы», захватывая на короткие промежутки времени гегемонию, определяли, благодаря этому своему положе-

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 36.

нию, степень демократизма утверждавшихся в стране порядков, так буржуазия, в силу положения гегемона, определяла степень влияния своих, собственно буржуазных идей на экономические, политические, юридические учреждения, на идеологию других классов, и в частности на идеологию союзников в общей антифеодальной борьбе.

Печать собственно буржуазных идей лежит и на Просвещении. Буржуазное влияние определяет ограниченность просветительства, порождает слабые, объясняемые характером развития буржуазной революции во Франции стороны просветительской идеологии. Эта буржуазная ограниченность проявилась и в понимании идеала человека, выдвинутом просветителями, и в стремлении искать свои идеалы не в героической борьбе трудящихся масс своей родины, а в классически строгих преданиях Римской империи. Маркс прямо указывал, что «гладиаторы буржуазного общества» даже во время революции вынуждены были для того, чтобы скрыть от самих себя ограниченность своей борьбы, рядиться в римскую тогу. Влияние собственно буржуазной идеологии на просветителей определило и созданную ими теорию просвещенного абсолютизма. Боязнь революционной энергии народа привела к тому, что даже в период назревающей революции героем искусства не стал борющийся народ.

Политические убеждения просветителей порождали и соответственную тактику. «Проводить свои цели при дворе, осуществлять их при помощи государей — такая тактика характеризует определенную историческую и довольно продолжительную фазу развития буржуазного Просвещения. Государи и их дворы остаются всегда для этого Просвещения только средствами для осуществления их целей». [1]

Политическую теорию французских просветителей и решила использовать Екатерина в своих целях. Сознание, что все эти страшные вольнодумцы — в сущности сторонники монархии, проповедующие мирный путь к общественному благу, определило отношение Екатерины к просветительству, определило ее ведущую роль в возникших

[1] Ф. Меринг, Литературно-критические статьи, М. — Л., 1934, т. I, стр. 471.

личных связях с энциклопедистами, сделало ее изобретательной и дерзкой во всех затеваемых демонстративных действиях.

Отлично зная просветительскую литературу, Екатерина после восшествия на престол сразу начала действовать смело и широко. В первый же год она спешит установить личные контакты с некоторыми крупными философами той поры, открыто провозглашая себя их ученицей и последовательницей. Вступив в переписку с Вольтером, Даламбером, Дидро и Гриммом, Екатерина делает демагогический жест и приглашает их в Россию, ко двору, обещая приблизить к себе, изъявляет желание отдать своего сына, будущего императора, на воспитание любому из них.

Наблюдая преследования энциклопедистов во Франции, она, ловко используя это обстоятельство, изъявляет готовность предоставить возможности для продолжения крамольного издания «Энциклопедии» в России. Узнав о нужде, одолевавшей Дидро, она не пропускает случая продемонстрировать свою щедрость и находит благовидный предлог, чтобы пожертвовать ему настолько крупную сумму, которая свидетельствовала бы о поддержке не только философа, но и его великого труда.

С понятным волнением следила «республика философов» за этими действиями. В самом деле, возлагая все надежды на просвещенного монарха, великие мужи Франции отлично знали, что реальная жизнь, история не балуют человечество случаями появления мудрых королей. Поэтому Дидро, выражая общее настроение, писал: «Философ знает: сменится пятьдесят королей, прежде чем он дождется такого, который воспользуется его трудом». [1] И вдруг — появление на политическом горизонте Екатерины; ее покровительство философам, ее щедрые подарки, ее настойчивые требования руководить ею, помогать, давать советы!

Вольтер спешит поделиться своей радостью с Дидро: «Ну, вот, прославленный философ, что скажете вы о русской императрице? В какое время живем мы! Франция преследует философию, скифы ей покровитель-

---

[1] Д. Дидро, Собрание сочинений, М., 1946, т. X, стр. 264.

ствуют...» Он же торжественно сообщает Екатерине о признании ее «республикой философов». «Всякая черта вашей руки есть памятник славы вашей. Дидерот, Даламбер и я созидаем вам алтари». Через два месяца Вольтер подтверждает желание философов служить Екатерине с новой силой: «Ученые мужи будут еще при жизни вашей боготворить вас». Еще через месяц: «Полагая себя в числе имеющих рассудок, умру, признавая себя в душе моей подданным вашего императорского величества, благодетельницы рода человеческого». [1]

Следом за Вольтером Екатерину приветствовали Даламбер и Дидро.

С годами энтузиазм не проходил. Данное Вольтером слово создавать общими усилиями «алтарь» Екатерине было сдержано с пылом, заслуживающим лучшего применения.

Русскому и французскому Просвещению свойственны общие черты — ненависть к крепостничеству и его порождениям, вера в мирный, просветительский характер социальных преобразований, отстаивание интересов народа. Но своеобразие исторических и социальных условий развития России определило и некоторые особенности идеологии русского Просвещения.

История России XVIII века насыщена событиями военной и политической жизни, имевшими всемирно-историческое значение. XVIII век ознаменовался созданием и укреплением русского национального государства, которое определилось как государство помещиков и торговцев. Государство упрочило власть дворянского класса, усилило кабалу крепостничества, довело «тяжесть порабощения» до наивысшего предела. Но это был в то же время век борьбы за национальную независимость России с очередными претендентами на мировое господство. Одержанные победы укрепили национальную мощь России, обусловили выход России на международную арену, рост политического престижа русского государства, оказывавшегося с тех пор способным решать исход многих мировых собы-

---

[1] «Переписка российской императрицы Екатерины II с Вольтером», М., 1803, стр. 18.

тий. Россия именно в XVIII веке стала крупнейшим государством мира.

Однако за всеми фактами истории государства должно и необходимо видеть то, что в конечном счете определяло успех всех предприятий государственной власти, что обусловило общенациональный рост и движение всей страны, видеть то главное, что составляло особенность, своеобразие, самобытность именно XVIII столетия. Этим главным было бурное развитие новой нации, развертывание сил молодого, деятельного, верящего в свое будущее народа. Долго накапливавшаяся энергия, наконец, прорвалась и неодолимо устремилась вперед.

Вслед за победами Петра в Северной войне русские войска разбили лучшую в Европе прусскую армию в так называемой Семилетней войне. Но великие победы могли быть одержаны только потому, что на полях сражений полководческий гений сочетался с патриотизмом тысяч крестьян в солдатских шинелях, проявивших такие драгоценные человеческие качества, как находчивость и мужество, самоотверженность и изобретательность, неутомимость, выносливость и твердость. При этом должно помнить, что не только на полях битв бурно проявлялись в эту эпоху лучшие свойства русского национального характера, — но на всех поприщах государственной, культурной, экономической жизни народ творчески проявил себя, дав государству тысячи талантливых людей, общественных деятелей, которые обнаружили свое личное достоинство, свои дарования в больших и малых патриотических делах.

В битвах с иноземными захватчиками русский народ развивал патриотические традиции. В непрерывной борьбе крепостных крестьян со своими поработителями — помещиками создавались революционные традиции. Во второй половине XVIII века глухая и часто скрытая борьба крепостных вылилась в открытую войну вооруженного крестьянства под руководством Пугачева. Вопрос о правах крестьянина, о судьбе закабаленного хлебопашца становится в центр внимания.

Небывалая до тех пор активность широких народных масс — отличительная особенность исторического развития России в XVIII веке. «Быстро растущая Россия», бур-

ное развитие «поднимающейся нации», — это главное в жизни русского общества XVIII века, это то, что формировало его патриотические чувства. В условиях преобразования «Московии в Россию», когда были приведены в движение огромные массы народа, когда народная энергия, инициатива и творчество определяли исход великих исторических событий, культура складывающейся нации испытывала на себе мощное и плодотворное влияние демократической идеологии. Этому способствовал особый, присущий только России, характер антифеодальной борьбы, развернувшейся в это время.

В XVIII веке в России темп развития капитализма возрастал из десятилетия в десятилетие. Исторически это было глубоко прогрессивным явлением. Появившаяся и развивавшаяся буржуазия создавала идеологию, которая, несмотря на ее ограниченность и нереволюционность, все же являлась относительно общественно важным и исторически прогрессивным фактом уже в силу своего антифеодального, антидворянского содержания. Но русская буржуазия предпочла политике борьбы в союзе с крестьянством за революционное обновление России политику ожидания реформ и приспособления старых форм государства к своим нуждам. Не оказалась русская буржуазия способной создать и расцвет производительных сил в стране, ликвидировать экономическую отсталость России. Вот отчего, например, в XVIII веке, в период великой антифеодальной борьбы русских крепостных, русская буржуазия потребовала, чтобы ей разрешили наряду с дворянством владеть крепостными. Трудно найти другой пример такого откровенного выявления антидемократической сущности собственно буржуазной идеологии, чем это требование права владения крепостными.

В статье «Памяти Герцена», характеризуя своеобразие и специфику идейной и общественной позиции писателя, Ленин при оценке движущих сил русской революции указывает на коренное «различие *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции» [1]. Отсюда глубокое своеобразие русского освободительного движения: «Главная

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 12.

классовая опора буржуазной демократии в России есть крестьянство».[1]

Русское крестьянство в течение почти двух столетий боролось самоотверженно и беспрестанно, но одиноко. Отсутствие союзника-гегемона, которым в эпоху борьбы с феодализмом могла быть только буржуазия, рождало трагизм крестьянских восстаний крепостнической эпохи. Прежде всего они оказывались обреченными. Будучи стихийными, неорганизованными, они были лишены ясной политической программы борьбы. Более того, крестьянское движение оказывалось не в состоянии самостоятельно создать свою политическую теорию, выработать свою политическую программу. Идейному движению крестьян свойственны такие, например, черты, как патриархальная вера «в доброго барина», как царистские убеждения, всегда разоружавшие народ в подлинно демократической борьбе за свободу.

В XVIII веке революционность крестьянства, — поскольку не было другого класса, способного вести революционную борьбу, — все же оказывала огромное влияние на развитие передовой русской общественной мысли, на облик складывающейся русской культуры. Это влияние было тем значительней, что в России отсутствовала революционная буржуазия и борьба против феодализма проходила под знаком подлинно демократических идей. Демократичность антифеодальной борьбы, беспримерно широко развернувшейся в XVIII веке, составляет вторую особенность крестьянского движения этого столетия. В XIX веке окончательно проявится особый характер русской буржуазной революции, как революции крестьянской.

В ходе беспрестанных восстаний русских крепостных под влиянием подлинно демократического движения складывалась демократическая идеология, определялись и вырабатывались народные требования, народные чаяния и идеалы. Замечательной особенностью русского общественного развития XVIII века явилось прямое, непосредственное выражение этих демократических убеждений в виде письменных документов. Впервые народные чаяния были

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 339.

изложены в наказах и речах крестьянских депутатов в Комиссии по составлению нового Уложения в 1767 году. Через несколько лет они с еще большей силой и определенностью были записаны мужиками в указах и манифестах Пугачева. Речи крестьянских депутатов и манифесты Пугачева можно рассматривать как особые формы боевой народной публицистики.

Своеобразие социально-исторического развития России определило особенности русской революции. Три класса действовали в этой революции. Буржуазия не была тем классом, который определил хотя бы один из этапов русской революции. Первых революционеров дало дворянство. В дальнейшем освободительное движение шло по пути все большей его демократизации.

Декабризм опирался на замечательные традиции русского Просвещения XVIII века, начавшего борьбу с царизмом и крепостничеством. Важнейшей особенностью развития русской общественной мысли XVIII столетия и было формирование в России просветительской идеологии. Русское Просвещение XVIII века (с шестидесятых годов) подняло впервые знамя антифеодальной борьбы. Не буржуазия, а дворянство выдвинуло из своей среды первых просветителей. Не буржуазным, а дворянским было это Просвещение, то есть прямым идейным предшественником дворянской революционности. Радищев, деятель огромного исторического масштаба, связал два этапа русской общественной мысли. Он — высшее достижение русской культуры XVIII столетия, идейный вождь русского Просвещения и в то же время — революционер, идейный предтеча дворянских революционеров XIX века.

В своем развитии русское Просвещение прошло через два этапа: первый — 60-е — начало 70-х годов, второй — 80-е — начало 90-х годов. Рубежом было пугачевское восстание. Но и первые просветители начали свои труды в 60-е годы не на пустом месте. Они опирались на опыт огромной практической работы и идейное наследие своих непосредственных учителей — Ломоносова и Поповского прежде всего. В 40-е и 50-е годы — время деятельности Ломоносова и его учеников — вопрос о крепостном праве и положении крестьянина не встал с такой силой, как он встал в следующие два десятилетия. Вот почему

не крестьянский вопрос определял всю деятельность Ломоносова.

В то же время, несомненно, научная и литературная работа Ломоносова носила общепросветительский характер. Ему пришлось выполнить колоссальный труд по созданию основ новой русской культуры, отвечающей потребностям исторического развития России. Воспитание первого поколения русских ученых, хлопоты об открытии первого русского университета, увенчавшиеся блестящим успехом, определение путей развития науки, литературы, пропаганда естественно-научных знаний — все это и многое другое подготовляло почву для развития русского Просвещения.

Глубокая вера в творческие силы народа определила все практические начинания Ломоносова. Сам выходец из народных низов, он был лишен сословных предрассудков. Поэтому он смело и, главное, успешно осуществлял план воспитания «собственных Платонов», «национальных достойных людей в науках». Создание и обогащение русской науки, вера в просвещение, в его преобразующую силу, величайшие усилия в его распространении, наконец сами научные труды Ломоносова, практическая работа по воспитанию первых кадров русских ученых, забота о распространении грамотности и знаний в народе несомненно дают право считать Ломоносова и его ближайших учеников деятелями раннего русского Просвещения.

В области политики Ломоносов стоял на позициях просвещенного абсолютизма. Но эта политическая теория не плод книжной мудрости, не дань времени и определенной социологической школе. Убеждение, что именно просвещенный монарх может осуществить программу социальных преобразований в отечестве, было обобщением практической деятельности Петра Великого. Именно поэтому политическая теория Ломоносова была лишена умозрительности, она опиралась на реальную практику и на недавний опыт одного из царей. Вот почему в обращении к Елизавете, а затем и к Екатерине Ломоносов, призывая вернуться к политике Петра и следовать его пути, разрабатывал обширные программы экономического, промышленного, политического и культурного развития России. И при этом важно подчеркнуть, что в ломоносовских программах совершенно отчетливо проступает забота

о благосостоянии народа, о процветании отечества. Вся деятельность Ломоносова носила в этом смысле своеобразный представительный характер — он выступал от имени народа, народ говорил его голосом. На выступлениях Ломоносова несомненно лежит печать просветительства.

Тема просветительских убеждений Ломоносова и его окружения ждет специального научного изучения. Но сказать хотя бы бегло об этом необходимо потому, что без учета деятельности Ломоносова и его учеников нельзя понять содержание и характер работ русских просветителей 60—80-х годов, когда Просвещение стало мощным движением.

Формирование русского Просвещения определялось реальными условиями политической жизни страны, обострением социально-политических противоречий крепостнического государства. «Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России».[1] Во второй половине XVIII века гнет крепостничества принял особо жестокие формы. Возраставшие из десятилетия в десятилетие права дворян были записаны в специальных самодержавных указах «о вольности дворянской» и «жалованных грамотах». Крестьян полностью отдали на «милость и попечение» помещиков. Ответом на эту политику самодержавно-помещичьего государства явились крестьянские восстания. Умножавшиеся из года в год крестьянские бунты становились фактором внутренней политики — их боялись уже не только помещики, но и правительство. Год восшествия на престол Екатерины II ознаменовался десятками бунтов. Царствование ее проходило в зареве больших и малых восстаний. Напряженный характер борьбы крестьянства за свои права в 60—70-е годы определил лицемерно либеральную, полную фарисейских обещаний реформ, а на деле цинично крепостническую и деспотическую политику Екатерины.

Созыв Комиссии по составлению нового Уложения в 1767 году был одним из спекулятивных политических маневров Екатерины. Пушкин с полным основанием назвал эту затею Екатерины «отвратительной фарсой». Она

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 8, стр. 300.

нужна была новой императрице для обмана дворянской оппозиции, для распространения легенды, что в лице Екатерины взошел на русский престол «просвещенный монарх», желающий «советоваться с представителями нации» по поводу создания нового законодательства, жаждущий искоренить «злоупотребления и неустройства». На практике вся законодательная работа Комиссии была сведена правительством Екатерины к нулю, ее деятельность оказалась бесплодной. Но в то же время созыв и работа Большого собрания Комиссии были самым крупным политическим событием в жизни страны до восстания Пугачева. В этой Комиссии очень энергично был поднят вопрос об ограничении крепостного права, в этой Комиссии впервые перед лицом дворянских деятелей выступили со своими требованиями крестьянские депутаты.

К 30 июля 1767 года в Москву съехались 564 депутата. Из них 28 назначены от правительственных учреждений, 161 выбраны дворянами, 206 представляли города, преимущественно купечество, 57 выделили казачьи войска. Крепостные крестьяне не были допущены в Комиссию. От податных крестьян (пахотных солдат, черносошных крестьян, однодворцев) в Комиссии было 112 депутатов. Все крестьянские депутаты привезли с собой наказы избирателей, которые были наполнены скорбным перечнем «нужд и забот». Все они прибыли сюда с деловым намерением заняться составлением таких законов, которые бы покончили с отягощениями. Настроения крестьянских депутатов разделяли в известной мере некоторые представители передового дворянства, такие, например, как майор Козельский, Коробьин.

Главной в работах Комиссии была, бесспорно, деятельность Большого собрания. Здесь читались наказы, здесь обсуждались поставленные властью и демократическими депутатами вопросы, здесь разгорались споры, здесь определялись характер и содержание работ всех частных комиссий. Изучение дневных записок Большого собрания позволяет сделать вывод, что из множества частных вопросов два — права дворянства и права крестьянства — оказались определяющими, заполнившими большую часть заседаний, вызвавшими самые ожесточенные прения.

Крестьянская проблема возникала беспрестанно при обсуждении различных наказов, всегда как косвенная

тема, ибо специально ею Екатерина заниматься не позволила. Обсуждение Комиссией проекта прав дворянства разделило ее на два враждебных лагеря. Дворянские лидеры стремились добиться еще бо̀льших прав и укрепления своей власти, пытаясь предотвратить возможность со стороны правительства какой-либо регламентации их взаимоотношений с крепостными. Демократические же депутаты решительно отстаивали необходимость безотлагательного вмешательства власти в отношения помещиков и крестьян с целью ограничения прав дворянства и защиты «питателей всякого состояния людей». Они же заговорили о дворянской жестокости, о бесчеловечных притеснениях лишенного всякой защиты крепостного, о неслыханных «разорительных отягощениях». Как видим, Комиссия оказалась втянутой в обсуждение самых коренных проблем экономической и политической жизни России тех лет. Выступления демократических депутатов, как бы ни были они осторожны, как ни ограниченны оказывались их требования, все же связаны в своей основе с грядущим пугачевским движением.

Используя легальные возможности Комиссии, крестьянские депутаты при всяком удобном случае начинали громогласно и настойчиво говорить о «нуждах», об «отягощении» крепостных, об их надеждах и желаниях. Но эти депутаты выразили не только интересы крепостных, но и их идейные заблуждения и предрассудки. «Темнота мужика» объясняет и веру в то, что Екатерина может улучшить положение крепостных, и отсутствие революционных выступлений в Комиссии. Мужицкие депутаты не отрицали крепостного права, а развивали утопическую идею возможного мирного урегулирования отношений помещиков и крестьян.

В речах крестьянских депутатов в 1768 году в итоге были сформулированы следующие требования: а) изменить существующий в России режим крепостного права; путь изменения — законодательные акты правительства; основа — урегулирование отношений между барином и мужиком на началах «справедливости», «человеколюбия»; б) ограничить личную власть помещика над крестьянами; защитить человеческие и гражданские права крестьян; в) строго следить за исполнением существующих законов;

г) способствовать распространению грамотности в деревне, разрешив крестьянам получать образование.

Эти требования народа были поставлены и перед русской передовой литературой как первоочередные. Она уже не могла пройти мимо них. Обстоятельства способствовали усвоению народных требований, знакомству с народными чаяниями: «литература» в лице некоторых своих лучших деятелей присутствовала в Комиссии, когда произносились речи крестьянских депутатов, когда читались крестьянские наказы. Около двадцати писателей сидело на заседаниях Большого собрания то ли в качестве депутатов, то ли в качестве лиц, «состоящих у письменных дел». Здесь была группа писателей, сочувствовавших речам крестьянских депутатов, — Николай Новиков, Александр Аблесимов, Михаил Попов. Здесь были дворянские литераторы и политические идеологи помещичьего класса — Щербатов, Козицкий, Козловский, сама Екатерина. В Комиссии же в должности «сочинителя» были Гавриил Державин и Василий Майков, работали молодые литераторы, воспитанники Московского университета (Золотницкий, братья Карины и другие).

Деятельность литераторов после роспуска Комиссии показывает, что они, так же как и депутаты, разделились на два лагеря — одни продолжали отстаивание интересов крестьян, другие с еще большей активностью стали защищать сословные дворянские привилегии.

Прежде всего Комиссия «разбудила» Новикова — ее политические споры оказались школой его гражданского воспитания. Требования, выдвинутые крестьянскими депутатами, стали в известной мере его программой, их он развивал как писатель-публицист и как просветитель сначала в своих журналах «Трутень» и «Живописец», а потом в своей книгоиздательской и общественной деятельности.

Значение публицистических выступлений крестьянских депутатов в идейно-политической жизни России конца 60-х годов очевидно и безусловно: в литературе появилась крестьянская тема. При этом характер обличений помещичьего произвола, убеждение, что благоденствие крестьянина наступит в результате частичного ограничения прав помещиков, смягчения гнета крепостничества, вера в «доброго барина» и возможное воцарение «благополучия» в деревне, если помещик захочет быть «отцом» своих

крепостных, — все это теснейшим образом связано с речами крестьянских депутатов, с их политическими заблуждениями. Таким образом, сила литературы, поднявшей крестьянскую тему, — в ее творческой связи с настроениями и чаяниями самого угнетенного народа. Ограниченность ее также в значительной мере определена народной публицистикой. Передовая литература 60—70-х годов не оказалась способной преодолеть идейные слабости крестьянства, и в частности его веру в «хорошего царя» и «доброго барина».

5

Философ Яков Козельский не был депутатом и потому не принимал участия в заседаниях Комиссии. Книга же его «Философические предложения», вышедшая в 1768 году, как бы подводила идеологическую базу под выступления демократических депутатов. Разработка Козельским актуальнейших политических вопросов в момент, когда сотни депутатов занимались практической работой по созданию нового законодательства, несомненно свидетельствует о зрелости политической мысли первого русского просветителя, являет собой одну из важнейших черт русского Просвещения, его связь с практическими потребностями освободительного движения, выдвижение перед обществом насущных вопросов государственного и социального бытия народа. Вот почему в наследии Козельского именно этой книге принадлежит главное место. Но, прежде чем перейти к ее характеристике, к оценке политических убеждений ее автора, необходимо остановиться на удивительной, чтобы не сказать больше, путанице, которая существует в научной литературе, посвященной Козельскому.

Деятельность Якова Павловича Козельского, переводчика и философа, давно привлекла к себе внимание ученых. Первая развернутая биография Козельского появилась в 1903 году в Русском биографическом словаре (том Кнаппе — Кюхельбекер). Среди других сведений в заметке сообщалось, что Яков Павлович Козельский-философ был в то же время депутатом Комиссии и участвовал в заседаниях Большого собрания. Основанием для такого утверждения явилось обнаружение в списках депутатов

Козельского, которого звали так же, как и философа, — Яковом Павловичем. Но уже через семь лет В. Л. Модзалевский опроверг это утверждение, заявив, что Козельский-философ и Козельский-депутат — два разных лица, два брата. [1] Отец Козельских, Павел Степанович, назвал своих двух сыновей Яковами. Старший, уехав учиться в Петербург, остался затем служить в столице, занимаясь литературной работой. Младший жил с отцом, служил в Полтавском малороссийском полку и в 1767 году в звании майора был выбран депутатом в Комиссию.

Несмотря на сведения, опубликованные В. Л. Модзалевским, в науке продолжала гулять легенда, пущенная Русским биографическим словарем, о том, что Козельский-философ был депутатом. В последнее время эту легенду популяризировал на страницах «Вопросов истории» профессор И. Бак. [2] Ссылаясь на только ему одному известные документы, но без указания их местонахождения, И. Бак решительно заявил, что Козельский-философ и Козельский-депутат — одно и то же лицо. В 1950 году Ю. Коган обратил внимание на противоречащие один другому факты биографии «единого» Козельского: согласно списку депутатов от 24 февраля 1769 года депутат майор Козельский числился при армии, а Козельский-философ в это же время в чине надворного советника состоял в 3-м департаменте Сената. [3]

В 1953 году студентка Ленинградского государственного университета О. Коробкина, по моему заданию, приступила к сбору сведений в ленинградских архивах о Козельском-депутате и Козельском-философе. Ею обнаружен обширный и интересный материал, позволивший составить научную биографию Козельского-философа и окончательно подтвердить правильность выводов В. Л. Модзалевского о том, что Козельский-философ и Козельский-депутат — братья. На последний вопрос, в частности, точный ответ дает «Дело о дворянстве Козельских». [4] В нем со-

---

[1] В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, Киев, 1910, т. II.

[2] «Вопросы истории», 1947, № 1.

[3] «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1950.

[4] ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 23, д. 4780. На основе собранных документов О. Коробкина написала работу, которая в мае 1954 г. была защищена в Ленинградском гос. университете как диплом-

браны все указы Екатерины о последовательном награждении Якова Козельского-философа чинами и званиями, родословная Козельских и другие документы. [1]

Яков Павлович Козельский родился в 1726 или 1727 году в Полтавском малороссийском полку. Начальное образование получил в Киевской академии. С осени 1750 года он уже в Петербурге учится в гимназии при Академии наук. Через два года он подает прошение о переводе в академический университет. При «освидетельствовании» профессором С. Крашенинниковым Козельский проявил бо̀льшее «разумение в науках», чем те, кто уже учился в университете, и потому был зачислен в академические студенты. Вместе с ним занимались Антон Барсов, Николай Поповский — известные ученики Ломоносова, будущие профессора Московского университета, воспитатели Новикова, Фонвизина и других передовых деятелей русской культуры. В 1757 году Козельский заканчивает университет. В университете, под руководством Ломоносова, Крашенинникова и других профессоров, Козельский получил солидные математические, естественнонаучные и философские знания, определился как материалист.

В 1758 году Козельский поступает в Преображенский полк гренадером. С этого времени начинается военная карьера Козельского. В течение ряда лет он служит в армии. Вскоре его назначают преподавателем артиллерийского и инженерного Шляхетного кадетского корпуса. К 1764 году он подготовляет и издает сразу два учебных пособия для своих воспитанников: «Арифметические предложения» и «Механические предложения». На титуле этих книг помечено, что они сочинены артиллерии капитаном Яковом Козельским в Санкт-Петербурге в 1764 году.

Указы Екатерины уточняют картину продвижения по службе Козельского. В 1763 году Козельский числился

ное сочинение. Сокращенный вариант его опубликован в Ученых записках филологического факультета Ленинградского гос. университета. (№ 200, 1955).

[1] Вот начало одного из таких документов: «1784 года сентября 18 дня по указу ее императорского величества Киевского наместничества дворянское собрание рассматривало доказательства, представленные от статского советника Якова Козельского ⟨философа. — *Г. М.*⟩ о себе и о родных его братьях — майоре Якове, сотнике Стефане» (ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 23, л. 4780. л. 44).

артиллерии подпоручиком. Указом 9 сентября 1765 года ему был пожалован чин артиллерийского поручика, что «равен с армейским капитан-поручиком». В мае 1766 года Козельский уже артиллерии капитан (равный армейскому званию премьер-майора). В связи с переходом в должность секретаря 3-го департамента Сената Козельский получает чин надворного советника в «ранге сухопутного подполковника». [1]

Успешная преподавательская деятельность в Артиллерийском и Инженерном корпусах, создание нужных корпусу учебников было, видимо, причиной такой быстрой карьеры недавнего академического студента. Не ограничиваясь преподаванием в корпусах, Козельский занимается переводами. В том же 1764 году он издал в переводе с немецкого трагедию Томаса Отвея «Спасенная Венеция» под названием «Возмущение против Венеции». В следующие годы было переведено и издано несколько исторических сочинений: «История о переменах, происшедших в Швеции в рассуждении веры и правления», «История датская» Голберга (с пространными и принципиальными примечаниями переводчика) и ряд других работ.

Во второй половине 60-х годов он готовил две новые книги: оригинальное сочинение по философии, политике и юриспруденции «Философические предложения» и двухтомный сборник статей из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. «Философические предложения» вышли в 1768 году, «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии» — в 1770 году. Именно в этих книгах с наибольшей полнотой проявились философские и политические убеждения Козельского.

Перевод «Статей о философии и частях ее из Энциклопедии» несомненно имел политическое значение: Козельский выступал против екатерининской интерпретации идейного содержания сочинений французских просветителей. Для того, чтобы был понятен политический смысл книги, подготовленной Козельским, напомню о том, что предшествовало ее появлению.

Понимая, что политическая теория энциклопедистов весьма подходит для намеченной ею тактики, Екатерина потому и составляет программу широкой пропаганды

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 23, д. 4780, лл. 25, 26, 27.

прежде всего политических сочинений французских «властителей дум». Вслед за серией писем к Вольтеру, Даламберу и Дидро с предложением посетить Россию и перенести сюда печатание «Энциклопедии», вслед за выдачей вспомоществования Дидро было дано указание подготовить переводы на русский язык важнейших книг этих мыслителей.

В 1763 году княгиня Е. Р. Дашкова, в этот период ближайший друг Екатерины, в московском журнале «Невинное упражнение» напечатала отрывки из сочинения Гельвеция «Об уме». Хераскову, продолжавшему работать в университете, было предложено подготовить серию переводов из «Энциклопедии». Екатерина действовала с расчетом на эффект: пусть видят все — она разрешает печатать труд, гонимый во Франции. К этой работе Херасков привлек своих почитателей и учеников — Домашнева, Ржевского, Нарышкина и других. Вышедшие в 1767 году три тома «Переводов из Энциклопедии» содержали лишь совершенно «безопасные» общеобразовательные сведения из медицины, промышленности, экономики, ремесел и т. д. Философские, политические статьи отсутствовали. Если исключение философского раздела соответствовало желаниям Екатерины, то исключение политической теории просветителей было противоположно ее намерениям. Поэтому вряд ли работа Хераскова могла удовлетворить Екатерину.

Тогда она сама решила показать пример использования идей просветителей для своих целей. Готовя «Наказ», Екатерина использует ту книгу, которая формулировала основы социально-политической и общественной теории просветителей — «О духе законов» Монтескье. Летом 1767 года во время поездки по Волге Екатерина с помощью близких ей придворных переводит последнюю новинку — книгу Мармонтеля «Велизарий», пропагандирующую политическую теорию энциклопедистов. После роспуска Комиссии Екатерина вновь вернулась к переводам из «Энциклопедии» и поручила Ивану Туманскому, одному из переводчиков специально созданного ею «Общества, старающегося о переводе иностранных книг», перевести из «Энциклопедии» политичсские статьи и собрать их в одну книгу. Книга названа демонстративно «О государственном правлении и разных родах оного из Энцикло-

педии». В ней были собраны статьи, трактовавшие политические доктрины французского Просвещения, так устраивавшие Екатерину. Книга вышла в 1771 году в издании Академии наук. В большинстве статей развивались взгляды Монтескье; принадлежали они главным образом популяризатору этих идей, секретарю «Энциклопедии» Жокуру. Здесь мы встретим статьи: «О демократии», «Об аристократическом правлении», «О деспотии» и целый цикл статей о монархии — ограниченной, совершенной, о самодержавии, самодержце и т. д. и т. п. Вот несколько определений из гонимых во Франции и пропагандируемых в России политических статей «Энциклопедии»:

«Монархия (правление). Существо монархии состоит в том, что государь есть источник всякия государственныя и гражданския власти и что он один управляет государством по законам, в основание положенным».[1] «Ежели государь добродетельный, ежели он разделяет награждения и наказания справедливо и благоразумно, все с великим тщанием стараются заслужить его милость, и царствование его есть век златый».[2]

«Монарх или государь. Самодержец монархического государства. Престол есть самое лучшее место, которое смертный занимать может, ибо на оном можно делать наибольше добра».[3]

Особого внимания заслуживает статья о самодержавном образе правления:

«Самодержавство (правление). Можно сказать с Пуффендорфом, что самодержавство есть право повелевать решительно во гражданском обществе, которое право члены общества поручили одной или многим особам для содержания в оном внутреннего порядка и внешнего защищения; а вообще, для приобретения под таковым покровительством истинного благоденствия и надежного пользования своею вольностию. Сказал я, во-первых, что самодержавство есть право повелевать решительно в обществе, дабы показати, что существо самодержавства состоит наипаче в двух вещах: первое, во праве повелевати членами общества, сиречь управлять их деяниями со властию, или силою принудительною; второе, что сие право должно иметь такую силу, чтобы все честные люди за должность почитали покоряться оной безо всякого сопротивления: впрочем, если бы таковая власть не была вер-

---

[1] «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии», СПБ., 1771, стр. 57—58.

[2] Там же, стр. 60.

[3] Там же, стр. 73.

ховная, не могла бы содержать в обществе порядка и безопасности, яко намерения, для которого учреждена оная».[1]

Сборник переводов из «Энциклопедии», подготовленный Козельским, разоблачал фальсификаторские издания и прежде всего трехтомное собрание статей из «Энциклопедии», выпущенное Херасковым в 1767 году. В своем двухтомном труде Козельский собрал только то, что удовлетворяло его как русского философа-просветителя, с чем он соглашался. Поэтому он исключил из сборника статьи о государственном правлении. Перед русским читателем он развернул действительные идейные богатства просветительской философии, очищенные от ее слабых и используемых русским самодержавием учений. На вооружение русского Просвещения поступало то, что помогало ему выносить на суд разума весь строй рабовладельческого и деспотического режима Екатерины II, — прежде всего материалистическая философия и учение о природе.

С наибольшей полнотой философские, социологические и политические взгляды Козельского были изложены им в его капитальном произведении «Философические предложения». Книга содержала разделы: логика, метафизика, философия и политика. В дни обостренного внимания к юридическим вопросам работы законодательной Комиссии Козельский учил, что юриспруденция это не только знание *законов,* как это обычно утверждается, а прежде всего знание *прав*. Своей книгой Козельский помогал читателям понимать свои права. Говоря о политике, и в частности о «политике, касающейся до начальствующих особ», он предупреждает, что писать на эту тему весьма опасно, «потому что все говорят, что рассуждать о политических происхождениях — одних министров дело, а другие-де люди не имеют к тому способностей». Но сознание опасности не останавливает Козельского, он вмешивается в политику и прежде всего доказывает право философии — науки, обязанной служить целям практическим, — вмешиваться в дела законодательные.

Философское сочинение Козельского сыграло значительную роль в теоретической разработке основ идеологии русского Просвещения. В нем впервые с такой последова-

[1] «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии», СПБ., 1771, стр. 75—76.

тельностью и принципиальностью высказано требование бережного и в то же время самостоятельного и даже критического отношения к наследию великих мыслителей.[1] Козельский раскрывает идейные богатства прежде всего французских просветителей, кладет в основание своего труда то, что обогатило человечество, что «просветило разум», что «открыло истину». Руссо, Монтескье, Гельвеций, «сии великие мужи... — пишет Козельский, — первые вывели на приятное позорище всего света покрытую завесою темноты прекрасную и неоцененную истину». Особо велика перед человечеством, указывает Козельский, заслуга Руссо. Этот «бессмертия достойный муж, как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов», он «проповедует правоту и истину с прямою философскою вольностию».

Но политические обстоятельства России 60-х годов, а также конкретные условия идейной борьбы определили и критическое отношение Козельского ко многим философским и политическим положениям и Руссо, и Гельвеция, и Монтескье. Во многих философских сочинениях, говорит Козельский, «полезные для человека истины ограждены почти непроходимым лабиринтом мелочных и ненужных вещей». Более того, часто прославленные философы «представляют философию в виде парадных посольских речей». Вот почему Козельский считал нужным заявить читателю, что когда он писал свои «Философические предложения», «основываясь на опытах», то «не ласкал никому из других авторов, как бы он велик ни был». «Философические предложения» — это и есть обобщение того, что сделали великие мужи, и «прибавление» нового, открытого Козельским. «Как я в прежней философии много оставил непременным и много исключил из нее ненужного, а напротив того, не меньше в ней переменил и прибавил, смотря

---

[1] Подробнее о мировоззрении Я. Козельского см. в работах: Г. А. Гуковский, Очерки русской литературы XVIII века, ГИХЛ, 1938; И. Бак, Я. П. Козельский. Философские, общественно-политические и экономические воззрения — «Вопросы истории», 1947, № 1; его же статья «Экономические воззрения философа-просветителя Я. П. Козельского» (в кн. «История русской экономической мысли», М., 1955, т. I). В этой последней работе И. Бак отказался от ранее отстаиваемой им точки зрения, что Я. П. Козельский-философ и Я. П. Козельский-депутат — одно и то же лицо.

по случаю материи, то для сличения читателем моих определений и прочих предложений с определениями и предложениями других писателей, чтоб узнать им, которые из них вернее, писал я мои определения и предложения точно от моего имени, а изобретенные другими писал я вообще».

Козельский приглашал читателя с вниманием отнестись к его критическим оценкам прославленных философов, просил понять причину, побудившую его выступать против авторитетов: «И как в таком случае мнения мои могут показаться отважными, то прежде порицания их прошу рассудить то, что мы часто самыми важными изобретениями одолжены бывали отважным покушениям».

Прежде всего Козельский выступает против одной из важнейших просветительских доктрин: освобождение крестьян возможно лишь после просвещения их, когда они «научатся понимать драгоценность свободы». Как известно, эта мысль развивалась не только Вольтером, но и Дидро и Руссо. Козельский решительно отвергает подобную точку зрения: «Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; и я думаю, что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу». [1]

Идейный спор, начатый Козельским, носил остро политический характер. Речь шла не об отвлеченном теоретическом предмете, но о насущной задаче просветительства. Признание крепостного мужика недостойным свободы из-за его непросвещенности обрекало передовых деятелей на пассивность, и забота о просвещении целиком падала на просвещенного монарха. Вера Козельского, что только свобода, только ликвидация рабства может до конца просветить, «выполировать» народ, вдохновляла просветителей на практическую работу, в конечном счете открывала широкие перспективы развития освободительного движения.

Еще большее значение имел поднятый Козельским вопрос о взаимоотношении «обидчика» и «обиженного». По

---

[1] «Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским», СПБ., 1768, § 420.

сути дела, в решении этого кардинального вопроса просветительской этики Козельский вплотную подошел к идее оправдания протеста угнетенных, их права на мщение, на революцию. Теоретически учение Козельского «о праве воздаяния за обиду» подготавливало концепцию Радищева о народной революции как единственном пути к свободе.

«Состояние человеческого общества или сожития, — пишет Козельский, — требует от нас того, чтоб мы друг другу делали взаимную помочь и добро». [1] В действительной жизни «человек в обществе имеет из подобных себе трех разных образов людей: беспристрастных, приятелей и неприятелей». [2] Как же следует относиться к действиям неприятеля? Верный своему методу, Козельский сначала сообщает известные и пропагандируемые передовой философией правила: «Философы повелевают нам вообще благодетельствовать неприятеля», «Философы говорят, чтоб не воздавать за обиду неприятелю». Кто же эти философы? В книге своей Козельский ссылается на Гельвеция. На самом деле не только Гельвеций, но и Гольбах решительно выступали против мщения, против воздаяния за обиду, веруя, что можно воспитывать «всех людей без разбору». «Кротость», «незлобие» поэтому главные добродетели в их этике.

Самостоятельность Козельского ярко проявилась и в пересмотре важнейшей просветительской доктрины и в развертывании своего учения. Трезвый и практический мыслитель, он задается вопросом: что же произойдет от рекомендуемого философами прощения неприятеля за его обиды? «Такой злой человек, избаловавшись безбоязненностью воздаяния за свои беззакония и ободрившись к тому строптивостию своего сердца, устремляется, как алчный волк на овец, на кротких и добродетельных людей, и ищет во всем их вреда; а право гражданское повелевает нам предпочитать благосостояние многих людей, обществу полезных, благосостоянию одного вредного человека». [3]

Козельский считает, что проповедь прощения обиды поощряет неприятеля, умножает зло и пороки в обществе. Он формулирует замечательный этический закон, вошед-

---

[1] «Философические предложения», § 163.
[2] Там же, § 167.
[3] Там же, § 171.

ший краеугольным камнем в идеологию русского Просвещения: «Математики говорят, да и натура то утверждает, что во всех телах действию равно есть сопротивление; а философы в людях, хотя они также суть тела, не хотят признавать действию равного сопротивления. Обиженный имеет некоторое право к равному воздаянию, а обидчик к обиде — какое право? Волчее свое качество». [1]

В следующих параграфах это положение развертывается в целое учение. И тут Козельский, естественно, не только решительно отвергает «простительные правила» современных философов, но и показывает их антидемократичность, поскольку они не защищают интересов простых трудящихся людей, всегда оказывающихся обиженными. Он пишет: «Законная любовь человека к самому себе больше, нежели к другим, заставляет его заранее отвращать от себя вдали направленные от злости стрелы пристойными мерами, когда он имеет разум; да ежели подумать о сем и натурально, то правило, чтоб не обижать ближнего, и правило, чтоб прощать умышленную обиду обидчику, несколько противоречат между собою; первое из них ласкает человечество и нежит его чувствительность, а другое наказывает его без вины и преступления, или, как яснее сказать, учит его преступать первое правило о нечинении обиды, и по сему рассуждению видеть можно, сколь легче исполнять первое правило, нежели другое; но чудно, что противное тому делается на свете: одни люди с крюку, а другие, глядя на сих мудреных предводителей и начальников зла, с дубу ругают, поносят и проклинают мстителей, а об обидчиках не говорят ни слова, как бы они не имели пристойного человечеству дарования, то есть здравого ума, чтобы рассудить, кто был начальник и родитель зла, мститель ли или обидчик, и что коварных людей жадность к обиде произвела на свет правило не воздавать за обиду, чтоб тем спокойнее было им ловить в мутной воде рыбу, и такие люди и без благодати из человеков делаются человеколовами». [2]

Козельский приходит к выводу, что созданные философами «простительные правила» «исправляют людей, да таких, которые никогда не обижают и никогда не желают

---

[1] «Философические предложения», § 172.
[2] Там же, § 174.

обидеть»,[1] что их проповедь идеи «об исправлении разума в наших неприятелях» противоречит «натуральному закону» и что настаивать на ней значит «помогать расплаживаться саранче».[2] Вот почему рассуждение о необходимости прощать обиды, стремление воспитывать и «неприятеля», с точки зрения Козельского, объективно направлено против «обижаемых» и служит оправданием бесчеловечных действий «начальников зла»: «Ежели кто всем людям без разбору захочет благодетельствовать и погонится за титулом, чтоб быть всемирным благодетелем, то не обойдется без того, чтоб он в иных случаях не сделал лучше неприятелю, нежели приятелю; а самая такая поступка, хотя она и без намерения, а по простоте, будет уже не добродетель, а нарушение добродетели; и не чудно, ежели ему доведется вместо незлобного голубя посадить в пазуху блистательную змею».[3]

Заслуживает внимания и общий вывод Козельского о таких философах: «Из тех правил, которые пишут философы о благодеянии неприятелям и прощении обид, заключить натурально следует, что выдумывали их те счастливые люди, которые всегда других людей обижали, а сами ни от кого не видали обиды».[4]

Отмечая значительность затронутой Козельским проблемы, самостоятельность позиции русского просветителя, важность его полемики с «простительными правилами» энциклопедистов, следует обязательно указать и на слабость в ее решении. Все рассуждения Козельского ограничиваются лишь этической сферой. Этика у него не переходит в политику. Мщение обидчикам не оказывается для Козельского политическим актом, оно не переходит в восстание, в мятеж. Как истый просветитель, он продолжает доказывать спасительность воспитания, полагая, что только таким путем можно увеличить число добродетельных людей в обществе. Став большинством, добродетельные люди принудят порочных людей не делать обиды и зла другим. И те вынуждены будут подчиниться им. Эта позиция высказана Козельским ясно, четко и категорично.

---

[1] «Философические предложения», § 177.
[2] Там же, § 179.
[3] Там же, § 183.
[4] Там же, § 184.

Еще в 1766 году в предисловии к книге Мозера «Государь и министр» Козельский показал себя сторонником теории просвещенного абсолютизма. Через два года в «Философических предложениях», несмотря на критику «простительных правил», он продолжает верить только в один путь к будущему благоденствию — в путь воспитания. «Я не нахожу легче средства ко введению добронравия в общество, как через доброе воспитание детей».[1]

Козельский делает попытку примирить свое учение о праве на воздаяние за обиду с просветительской идеей могучей, преображающей силы «доброго воспитания». «Я и сам при усильном моем внушении хранения справедливости и добродетели не думаю того, чтоб можно было всех людей сделать добродетельными, а только говорю, чтоб не ослабевать оттого, что всех нельзя сделать добродетельными, и стараться по возможности об умножении добродетельных людей, а когда число добродетельных людей превзойдет число порочных, то тогда уж порокам весьма трудно будет усилиться, и порочные люди принуждены будут поневоле стараться быть добродетельными; а ежели б они того не захотели, то в таком случае можно будет поступать с ними так, как иудеи с прокаженными»,[2] то есть подвергнуть «неприятелей» изгнанию. Утопичность и наивность этих убеждений Козельского очевидны.

Выход «Философических предложений» Козельского — замечательное событие в истории русского Просвещения вообще и философии в частности. Как увидим дальше, поднятые Козельским проблемы подверглись в 80-х годах новому обсуждению. В иных исторических обстоятельствах начатая Козельским работа была продолжена и завершена. Пересмотр проблем личной и социальной этики повел за собой пересмотр коренных проблем и политики. Наиболее решительно такой пересмотр осуществит Радищев. Но это произойдет через полтора десятилетия. В 60-х годах опыт Козельского был подхвачен и продолжен только что вступившими на арену общественной деятельности молодыми просветителями Новиковым, Фонвизиным, Кургановым. В 1768 году вышли в свет «Философи-

---

[1] «Философические предложения», § 408.
[2] Там же, § 407.

ческие предложения» Козельского. 1769 год был годом новых, замечательных успехов складывающегося русского Просвещения — появился «Трутень» Новикова, «Бригадир» Фонвизина, «Письмовник» Курганова.

6

Просветительские убеждения Николая Новикова сложились в 60-е годы. Важнейшим обстоятельством общественной биографии просветителя оказалось его участие в работе Комиссии по составлению нового Уложения.[1] Споры, разгоревшиеся в Комиссии, определили желание Новикова издавать собственный журнал: он хотел принять участие в обсуждении вопросов, поднятых в Комиссии. Любой депутат, согласно правилам, написанным самой Екатериной, мог подать свое мнение, или, как говорили тогда, «свой голос». Журнал должен был стать «голосом» Новикова. Но не к закрытому собранию депутатов, а к относительно широким кругам общества, и в частности к многочисленным «среднего рода людям», хотел он обратиться, вынося на суд общества споры закрытого Большого собрания.

В Комиссии был поднят вопрос об улучшении положения крепостных, но рассматривался он не с политических, а с моральных позиций. Через три месяца после ухода из Комиссии Новиков будет взывать со страниц «Трутня» к «человеколюбивым» дворянам, станет рисовать картины бедствий и страданий крестьян.

В Комиссии демократические депутаты говорили о моральных достоинствах крестьянина-труженика, о его благородном нравственном облике. И «Трутень» во многих статьях подчеркивал благородство, честность, трудолюбие, высокие нравственные достоинства крестьян. В Комиссии разгорелась борьба между дворянскими депутатами Глазовым, Нарышкиным, Щербатовым, отстаивавшими своекорыстные интересы дворянства, и крестьянскими депутатами Чупровым и Жеребцовым, защищавшими бесправных крепостных, сочувствовавшими бедам и страда-

[1] Подробнее об этом в моей книге «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», Гослитиздат, 1951.

ниям миллионов хлебопашцев. В «Трутне» в «Крестьянских отписках» Новиков показал, что между бессердечным, утратившим человеческий облик барином Григорием Сидоровичем и его крестьянами, умевшими поделиться последним с попавшим в беду товарищем, глубокая пропасть, непримиримая вражда.

В Комиссии демократические депутаты резко выступили против употребления слова «подлый» по отношению к хлебопашцу. Новиков в «Трутне» обрушится на «глупых дворян», которые называют «подлыми» тех, кто родился от «добродетельных и честных мещан».

В Комиссии был поднят голос в защиту «среднего рода людей», которые «обитают в городах и, не быв дворяне или хлебопашцы, в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах упражняются». И в «Трутне» мы находим много выступлений Новикова в защиту этих людей: он отстаивает их права, подчеркивает их достоинства и заслуги перед отечеством.

Одной из важнейших тем журнала стала тема борьбы за национальные основы русской культуры, против варварского преклонения перед чужой — и прежде всего внешне показной культурой французского дворянства — и против враждебных идеологических влияний. Сатирически изображая дворян-французоманов, Новиков смело выступил и против самой Екатерины. Ведущим началом своего журнала Новиков сделал борьбу с легендой о просвещенном характере русского «самодержавства», с «алтарем» Екатерине, создаваемым ею лично и ее французскими «друзьями». Так Новиков прямо продолжил дело, начатое до него философом Яковом Козельским.

Прежде всего Новиков хотел сорвать маску просвещенного монарха с Екатерины-писательницы, показав обществу подлинное лицо монарха-деспота, занимающегося литературой. Свой замысел Новиков осуществил великолепно. В ряде статей — двух письмах Правдулюбова, письме Чистосердова, заметках «Издателя «Трутня» и других — Новиков обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, сколь реакционна позиция правительственного журнала, занявшегося пропагандой вздорной и политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского самодержавства. Более того, в своих статьях

Новиков первым создал резко памфлетный образ Екатерины-деспота, прикрывающей свою жестоко-крепостническую политику болтовней о «златом веке» в России. Екатерина — это пожилая дама «нерусского происхождения», плохо знающая по-русски и «похвалами избалованная», болтающая о «человеколюбии», но в то же время действующая так, что во всем видны «кнуты да виселицы» — средства, «самовластию свойственные». Екатерина — «неограниченный самолюбец» — издает журнал «Всякий вздор», чтобы показать себя «единоначальным наставником молодых людей», «всемирным возглашателем добродетели». Но, заявляет Новиков, как ни старается «неограниченный самолюбец» переодеться в тогу наставника и мудрого государя, он «из-под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера» (Цербера).

После выступления демократических депутатов в Комиссии полемика Новикова с Екатериной является новым этапом в русской общественной мысли. Передовые идеи журнала формировали политическое сознание многих русских людей, воспитывали их в духе нетерпимости к произволу, к деспотизму, звали на борьбу за «вольность» и «человеческие права». Идеология русского Просвещения и определила достоинства новиковской прозы, прежде всего ее идейность, ее политическую остроту.

Отважная борьба издателя «Трутня» с правительственным журналом «Всякая всячина», с коронованным автором, не могла пройти безнаказанно: в апреле 1770 года надоевший самодержавию своим «шмелиным жужжанием» журнал был закрыт. Попытка Новикова в том же году издавать через подставное лицо новое сатирическое издание «Пустомеля» успеха не имела: на втором листе и этот журнал был прикрыт. Только через два года Новикову удалось продолжить свою деятельность писателя-сатирика. С начала 1772 года, применяя тактику «осторожности», он начал издавать новый журнал «Живописец», в котором тема антидворянская, антикрепостническая была главной. Издание наделало много шуму. Ряд статей вызвал переполох в широких помещичьих кругах. В июне 1773 года, в канун пугачевского восстания, Новиков выпустил последний лист «Живописца».

Если в «Трутне», как правило, обличались злоупотребления крепостным правом, сатирически изображались

отдельные примеры бесчеловечности и тиранства, то в «Живописце» Новиков уже говорит об аморальности крепостного права вообще. В ряде произведений, и прежде всего в цикле «Писем к Фалалею» и «Писем дяди к племяннику», в «Отрывке путешествия» и т. д., показана не только бесчеловечность рабства, но и гибельность его для России, так как оно ведет крестьянское хозяйство к разорению.

Зло обличив русское «благородное» сословие, беспощадно «сняв личину» с погрязших в пороках дворян-крепостников и «представив их свету таковыми, каковы они в самом существе есть», Новиков указал и причину, их породившую, — крепостное право.

Добролюбов высоко оценил деятельность Новикова-сатирика: «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражавшую порок сильный и господствующий. Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца». [1]

Но, указав на крепостничество как на источник бедствий России, сняв «личину» со всех этих Ермолаев, Трифонов Панкратьевичей, Скупягиных, Худовоспитанников, пригвоздив их к позорному столбу российской гласности, Новиков вместе с тем не смог понять того, что только революция может уничтожить крепостнический режим, может обновить любимое отечество. Как просветитель, он верил в силу просвещения, полагая, что главный и единственный путь к уничтожению зла крепостничества — воспитание. Сатирически изображая Екатерину, воюя против ее политики, против деспотизма и фаворитизма, он никогда не выступал против самодержавия вообще. Более того, монархия — просвещенная или ограниченная — представлялась ему законной формой правления. Вот почему в книге был помещен цикл статей, в которых много говорилось о воспитании и просвещении, но ни слова о политике

[1] Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, ГИЗ, 1934, т. I, стр. 258.

и об отношении к самодержавию. В центре этого цикла две статьи: «Письмо Любомудрова к издателю «Живописца», «Ответ сочинителя «Живописца» Любомудрову».

Объясняя крепостной режим моральными причинами, Новиков соответственно определил и свою практическую задачу писателя и просветителя: начать воспитание новых поколений просвещенных русских людей, которые покончат с преступным «владением себе подобными» людьми и утвердят новые, истинно разумные отношения между существующими сословиями в России. Главным в этих отношениях должно было быть равенство. Новиков беспрестанно повторял: «Крестьяне такие же люди, как и дворяне». В напечатанных в «Трутне» «Рецептах» Новиков внушал помещику Безрассуду: «Разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? Разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком». В «Отрывке путешествия» говорится: «Крестьяне подобные вам человеки». В письме к секретарю Екатерины II Козицкому Новиков писал: «Крестьяне во всем подобны дворянам». Идея равенства, по Новикову, должна была составлять основу нового, созданного путем просвещения и воспитания общественного строя. Политический смысл идеи равенства определен Лениным: «Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества...» [1]

План воспитания нового поколения «единоземцев» в духе гражданских и национальных «добродетелей» должен был осуществляться путем создания просветительского центра из частных людей, который бы издавал и распространял по России нужные книги, газеты и журналы. Так Новиков в канун пугачевского восстания высказал свою мечту, а через четыре года в Москве он начал воплощать ее в жизнь.

«Новиков, — писал Белинский, — распространил изданием книг и журналов всякого рода охоту к чтению и книжную торговлю и через это создал массу читателей», [2] а «повсюду распространяющееся чтение приносит нам

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 12, стр. 316.

[2] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений под редакцией С. А. Венгерова, т. XII, стр. 88.

величайшую пользу: в нем наше спасение и участь нашей будущности». [1]

Заговорив смело и открыто о судьбе крепостного крестьянства, о паразитизме дворянства, Новиков-писатель объективно отразил грозную борьбу «хлебопашцев» за свою вольность. Острота социальных и политических проблем, поднятых на страницах «Трутня» и «Живописца», обусловила новаторскую эстетическую позицию Новикова-писателя.

За его плечами был опыт русской литературы — Кантемира, с одной стороны, и Ломоносова, с другой. Деятельность Кантемира открывала плодотворнейшую линию развития русской литературы. По словам Белинского, «сатирическое направление со времени Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы». [2] Оно было «благодетельно» и «важно» и в конечном счете определило появление и расцвет сатирической журналистики 1769 года и писательскую деятельность Новикова. Руководствуясь живой потребностью русской жизни, Новиков тем самым вставал на путь отрешения от канонов дворянского классицизма, создавая свою эстетику «действительной живописи». Новиков-писатель требовал, чтобы предметом искусства был реальный, исполненный мучительных контрастов и противоречий, социальный мир, чтобы литература активно вмешивалась в жизнь, боролась с ее уродствами. Сатира для Новикова была поэтому главным оружием в этой борьбе.

Политические убеждения «чувствительного к крестьянскому состоянию» писателя формировали его эстетику, его стремление правдиво, достоверно, порой документально изобразить жизнь порабощенного крестьянства. Вот отчего в своем показе крестьянских нужд и «отягощений», в своем обличении помещичьих притеснений и преступлений, «грабежей и насильств», чинимых «нижнему и среднему роду людей» в судах и воеводствах, Новиков открыто опирался на крестьянские наказы своим депутатам, на речи крестьянских депутатов, в которых вскрывался с исторической достоверностью чудовищный произ-

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 127.

[2] Там же, т. IX, стр. 184.

вол дворян-помещиков, дворян-чиновников. Новаторством Новикова было использование в художественных произведениях точных фактов и сведений, которые он нашел в документах, составленных самими крестьянами.

Но этим Новиков не ограничился. В своих эстетических исканиях он стремился опереться иногда на художественный опыт трудового народа. В этом отношении примечательно внимание Новикова к пословицам как той форме народного творчества, в которой наиболее ярко и лаконически запечатлелось отношение народа к вершителям его судеб. Пословица, начиная с «Трутня», сопровождает Новикова во всей его литературной деятельности. Она служит и орудием сатиры и средством нравоучения.

Кроме того, Новиков стремится использовать пословицу при создании характера сатирического персонажа. В многочисленных «Письмах дяди к племяннику» и «Письмах к Фалалею» писатель стремится создать национально и социально точный образ русского помещика. Поэтому для характеристики дяди Ивана и дяди Фалалея он использует пословицу: «Вор слезлив, плут — богомолен»; действительно, эта народная пословица с поразительной силой вскрывает социальную природу подобных мошенников и плутов и стоит как бы эпиграфом ко всему сатирическому циклу рассказов. Новиков-писатель начинает оценивать практику крепостников пословицами народа и его социальный опыт кладет в основание своей эстетики «действительной живописи».

Все эти новаторские черты новиковской прозы оказали плодотворное влияние на русскую литературу, и то, что в ближайшие же годы эстетика «действительной живописи» оказалась мощно развитой в творческой практике современников Новикова — Фонвизина и Державина, молодого Крылова и Радищева, — свидетельствует, как жизненно и как важно было творчество Новикова-писателя.

7

«Из перерусских русской», — так охарактеризовал Пушкин Фонвизина. Жизненный путь писателя, его государственная и политическая деятельность, его творчество

посвящены благу горячо любимого им отечества. В этом отношении он был верным учеником Ломоносова.

Первым воспитателем и образователем Фонвизина был Московский университет. Там учениками Ломоносова воспитывались «национально достойные люди в науках». В университете Фонвизин «получил вкус к словесным наукам», здесь же созрело его решение стать писателем, и здесь же в 1761 году появился его первый литературный опыт — перевод басен Гольберга. После переезда в Петербург Фонвизин проявляет интерес к политическим событиям 60-х годов, которые выводят молодого писателя на дорогу общенародных важнейших социальных проблем, помогая преодолевать сумароковские политические идеалы, его своекорыстную защиту дворянских интересов, его эстетику классицизма.

Следом за первыми опытами переводов появляются и оригинальные произведения Фонвизина. Он пишет две (дошедшие до нас) сатиры: «Лисица-казнодей» и «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». В «Послании» изображается мало отрадная картина русской жизни, где господствует всеобщая продажность, где все «неправдою живут». «Лисица-казнодей» — это уже остро политическая сатира, в ней подвергается осмеянию самая запретная «материя» — достоинство монарха; целью басни являлось разоблачение лживости официальных похвал монархам.

Как известно, Новиков с мая 1769 года приступил к изданию сатирического журнала «Трутень», привлекая к сотрудничеству в нем своих друзей. С первых же листов в журнале станут принимать активное участие Фонвизин, Майков, Попов, Аблесимов. В 1770 году во втором своем журнале «Пустомеля» Новиков публикует фонвизинское сатирическое сочинение «Послание к слугам моим». В это же время Майков пишет свою сатирическую поэму «Елисей, или раздраженный Вакх», которая, помимо обличения екатерининских порядков, содержала в себе прямой выпад против Екатерины, будучи пародией на перевод придворного поэта Петрова Вергилиевой «Энеиды», где под видом Дидоны прославлялась Екатерина. [1]

---

[1] См. А. М. Кукулевич, Майков — «История русской литературы», АН СССР, М. — Л., 1947, т. IV.

Политические события давали Фонвизину богатый материал для сатирического изображения русской действительности. Выведя на сцену российских помещиков, Фонвизин высмеивал и судил их с позиций начавшей складываться идеологии русского Просвещения. Так он стал в ряды деятелей молодого русского Просвещения, в числе которых были философ Яков Козельский, писатель и издатель Николай Новиков.

Когда написан «Бригадир», мы точно не знаем. По этому поводу нет единого мнения. Обычно называют две даты: 1766 или 1768 год. В обоих случаях в качестве доказательств приводятся лишь формальные аргументы. Идейная проблематика «Бригадира» не принималась в расчет при определении года написания. Между тем именно идея комедии, ее тематика прямо ведут нас к эпохе работы Комиссии. Вот почему первая дата — 1766 год — решительно должна быть отвергнута, а вторая — 1768 год — не подкрепляется фактами биографии писателя. Последнее исследование П. Н. Беркова убедительно доказывает, что комедия написана весной 1769 года в Москве.[1] Вот почему «Бригадир» рассматривается мной на фоне политических проблем, поднятых Комиссией и сатирическими журналами Новикова, как произведение 1769 года.

В «Бригадире» действуют две семьи провинциальных помещиков. Образ Ивана стоит в центре комедии. Его создание — первая удача Фонвизина. Обогащенный опытом жизни, насыщенной крупнейшими политическими событиями, писатель сумел по-новому взглянуть на проблему воспитания. Иванушка — плод жизненных условий помещиков, плод «культуры» дворянства. И эти паразитические условия существования воспитывают не только тупого, невежественного и жестокого тунеядца, но и холодного, расчетливого эгоиста, циника и развратника, ярого ненавистника отечества, не знающего рода и племени.

В «Бригадире» Фонвизин весело и зло смеется над уродствами жизни. Иногда и мы улыбаемся, видя нелепую французоманию или идиотически бессмысленную жизнь молодого бездельника. Но в большинстве случаев появле-

---

[1] П. Н. Берков, К хронологии произведений Фонвизина, II, «Бригадир» — см. «Научный бюллетень Ленинградского государственного университета», 1946, № 13.

ние Иванушки, его речь вызывают негодование и возмущение. Когда он, «дурачина», по словам отца, заявляет: «Я должен... французскому кучеру за любовь мою к Франции и за холодность к русским», или «тело мое родилось в России, это правда, однако дух мой принадлежит короне французской», или «я пренесчастный человек: живу уже двадцать шесть лет, а имею еще отца и мать», или когда он ухаживает за чужой женой, или когда жестоко оскорбляет мать, — не смех, а гнев закипает в сердце зрителя и читателя. И в этом заслуга драматурга: образ Ивана строится резко сатирически и обличительно. Иваны — молодое поколение русских дворян-крепостников — враги Фонвизина.

Общественный опыт Фонвизина помог ему углубить характеристику и других персонажей. Главной задачей писателя стал показ не абстрактных пороков, понятых как уклонение от идеальных норм человека, а реальной практики, живой будничной жизни рядовых членов «благородного сословия».

В «Бригадире» на сцене предстали реальные характеры русских провинциальных помещиков. Быт вводится в комедию довольно смело, но он подчинен все той же цели — дать социальную характеристику персонажам. Уже первая ремарка — «Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобеняся, пьет чай. Советник, в казакине, смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит советница в дезабилье и корсете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит (одаль) и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре» — вводит нас в атмосферу социально точно обозначенного дома помещика средней руки. Поведение героев — и это было главным новшеством — уже в какой-то мере обусловлено их местом в семье: по-хозяйски расхаживающий в чужом доме бригадир; модница и кокетка советница; в стороне сидящая и скромно вяжущая чулок, забитая своим мужем бригадирша; наглый и развязный Иван, который даже чай пьет «кобеняся», — эти черты бытового облика персонажей уже являются внешним проявлением их сущности.

Все дальнейшее действие комедии раскрывает в полной мере то, что намечено в ремарке. И бригадир и совет-

ник — помещики. Несмотря на разность имущественного положения (бригадир побогаче, и советник уже мечтает прибрать к рукам его деревеньки), они чувствуют себя равными, и это равенство понимается ими в социальном плане: «Мы все дворяне — мы все равны», — заявляет советница.

Хозяйство в доме бригадира ведет его жена. Глупая и невежественная, она без труда управляет и дворовыми и деревенскими крепостными. Советник же все держит в своих руках. Оба скупы, властны и жадны до денег. За внешней благопристойностью скрывается хищный облик собственников, готовых перегрызть друг другу горло. Характерна в этом отношении сцена любовного объяснения советника с бригадиршей. Пытаясь признаться в своей любви, советник необдуманно произносит роковое слово: «Могу ли я тебя просить», на что вся насторожившаяся и ощетинившаяся бригадирша отвечает: «А чего ты у меня просить хочешь? Если только, мой батюшка, не денег, то я всем ссудить тебя могу. Ты знаешь, каковы ныне деньги: ими никто даром не ссужает». Слово «деньги» немедленно заставляет прийти в себя и одурманенного «наваждением» советника: «Не о деньгах речь идет, я сам для денег на все могу согласиться».

Бригадир, за долгие годы службы дотянулся, наконец, до мало-мальски значительного чина и вышел немедленно в отставку. Единственной целью его жизни было получить чин. Став бригадиром, он не устает чваниться перед женой, советницей, сыном. От бригадира ведет свою родословную Скалозуб.

Советник — родня Фамусову. Дворянин-чиновник, взяточник, наглец, ханжа, он не стыдясь признается, что служил он только ради личного обогащения. «Меня благословил бог достаточком, который нажил я в силу указов». В разговоре с дочерью советник открыто заявляет, что смысл царской службы в наживе. «Я сам бывал судьею: виноватый, бывало, платит за вину свою, а правый — за свою правду, и так в мое время все довольны были: и судья, и истец, и ответчик».

Показ социальной практики дворян-чиновников объективно как бы продолжал те обличения, с которыми выступали не только Козельский и Коробьин, но и крестьянские

депутаты Чупров, Жеребцов, Олейников и Маслов, которые с трибуны Комиссии заявляли, что в России господствует беззаконие, что ни государственный крестьянин, ни крепостной, ни горожанин не могут найти правды в суде потому, что там сидят только дворяне. Подобные выступления депутатов вызвали многочисленные сатирические статьи Новикова в «Трутне» о судьях-взяточниках. А эти обличения так обеспокоили Екатерину, что она в своем журнале «Всякая всячина» решительно выступила против «шмелей», осмелившихся утверждать, что в России нет правосудия. Прикрывшись псевдонимом Тихона Добросоветова, Екатерина со страниц «Всякой всячины» заявила, что обличения «Трутня» ложь, что в России, под руководством мудрой Екатерины, неправосудие искоренено, а что если и есть отдельные «порочные» судьи, то обсуждать в печати их «проступки» нельзя, ибо взятки берутся по «слабости человеческой», над которой грешно смеяться. [1] Фонвизин, живший весну 1769 года в Москве и оттуда следивший за отважной полемикой одного из своих друзей с монархом, немедленно включился в борьбу, заставив советника выдавать свои пороки за слабости человеческие. Советник заявляет: «Челобитчик толкует указ на один манер, то есть — на свой, а наш брат — судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может». На возмущение дочери — зачем же он совершает преступление, осуждая невиновного, — советник отвечает в духе объяснения Екатерины: «Для того, что все грешны человецы».

Социальная характеристика бригадира и советника позволяла показать, что присущие им пороки — корыстолюбие, жестокость, ханжество, преступность, невежество, развращенность проистекают из их паразитического существования. Подобная характеристика создавала возможность раскрывать пороки в своей социальной и исторической конкретности. Образы бригадира и советника не сатира на отвлеченные пороки, они порождены реальной практикой российского дворянства. Вот почему Фонвизин мог главное свое внимание перенести на изображение

---

[1] «Всякая всячина», 1769, стр. 214.

моральной развращенности российских помещиков, — эта аморальность выступала как следствие их образа и уклада жизни.

Комедия носит памфлетный характер. Долгие годы дворянский идеолог писатель и драматург Сумароков доказывал благородство дворянского сословия, разрабатывал кодекс дворянской чести, взывал к своим собратьям по классу следовать этому кодексу, ибо только в сочетании благородства «породы» и благородства «служения» оправдание их права на чужой труд, на чужую жизнь. Дворянские депутаты, и прежде всего Щербатов и Нарышкин, Вяземский и Мотонис (друг Сумарокова), в течение полутора лет доказывали Комиссии свои политические и юридические права на чужой труд, на безделье, на паразитизм, ссылаясь на благородство происхождения, на знатность и древность своей «породы».

Важнейшей задачей передовой литературы и стала борьба с проповедью сословных, кастовых преимуществ, феодальных привилегий, оправдываемых «благородством происхождения». Против этого, как мы видели, выступили и Яков Козельский и Николай Новиков.

Фонвизин в своем «Бригадире» продолжил борьбу дворянских просветителей с идеологией рабовладельцев. Комедия вывела на сцену не одного «недостойного» из дворянского корпуса, как это делал, например, Сумароков, а рядовых и типических представителей российского дворянства. И оказалось, что над их «благородством» можно только весело смеяться, что их поступки могут заставить негодовать: так неприменимы к ним, реально существующим людям, все созданные для оправдания их паразитизма правила кодекса чести. Памфлетность и помогла Фонвизину броско, ярко, неотразимо показать истинное лицо российского помещика. Писатель поражал своих противников самым сильным оружием — правдой и смехом. И в бригадире, и в советнике, и в Иване именно потому, что они были жизненны, читатели сразу узнавали своих современников. Никита Панин, например, немедленно по прочтении Фонвизиным комедии сказал ему: «Я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете, ибо бригадирша ваша всем родня». Вяземский через много

лет, рассказывая о комедии Фонвизина, сообщал: «Влияние, произведенное комедией Фонвизина, можно определить одним указанием: от нее звание бригадира обратилось в смешное нарицание». [1]

8

Первые русские просветители начали свою деятельность с завоевания читателя. Они обращались к широкой аудитории, которую в то время представляли передовое дворянство, разночинцы, «среднего рода люди», стремясь и привлечь на свою сторону будущих читателей, и просветить их, и сделать сознательными участниками просветительского движения.

Козельский предпослал своему сочинению специальное обращение — «Благосклонный читатель». Философ обращался к молодым людям, «любящим правду и сходных с автором мыслей». Он убеждает, что «философия направляет в юношестве волнующиеся в них и кипящие страсти к общему добру, утверждает мужество в постоянной добродетели». Книга писалась не для министров и государя, но «для россиян», будущих единомышленников, «товарищей». «Обращаю речь мою к вам, любезные, в искании прямой добродетели и прямого разума, товарищи россияне».

Новиков подхватил опыт Козельского. Он неоднократно сам обращался к своим читателям — и единомышленникам и врагам, — печатал присылаемые ими письма и сочинения, снабжая их своими примечаниями. Новиков первым сумел добиться живого общения с аудиторией, обмена мнениями, сумел завязать общественный разговор. За год издания «Трутня» была проделана колоссальная общественно важная работа по выявлению и своеобразному объединению разрозненных и не связанных между собой единомышленников Новикова вокруг «Трутня». Ими были читатели, корреспонденты, писатели.

Отсюда рост тиражей «Трутня» при падении тиражей «Всякой всячины». Отсюда письма читателей с выражением сочувствия борьбе Новикова, письма, которые печа-

---

[1] П. А. Вяземский, Фонвизин, СПБ., 1848, стр. 60.

тались не только на страницах «Трутня». Так, в месяцы, когда читатели с напряжением следили за мужественным поединком издателя «Трутня» с коронованным автором «Всякой всячины», в журнале писателя Федора Эмина «Смесь» появилось письмо под названием «Господину издателю «Трутня». «Прочитав вашего издания листы, начал я иметь к вам почтение», — говорится в нем. «Вы выводите пороки без околичностей, осмеиваете грубость нравов испорченных». «Г. издатель, не смотрите на клевещущих на вас, презирайте их, они достойны вашего презрения, и, не смотря, продолжайте свой труд так, как вы начали, выводите порочных, ибо пороки, вообще высмеиваемые, не исправят порочных настоящего времени. Вы тем самым не раздражите истинных сынов отечества, ибо они сплетают за сие вам похвалы», помните, «что вы прямой друг истинного человечества». [1]

Трудно переоценить заботу первых русских просветителей о создании среды «сочувственников» — единомышленников, их практическую работу по объединению передовых кругов общества вокруг выпускаемых ими книг и журналов. Значение этой среды в первые годы определялось еще и тем, что именно из нее рекрутировались всё новые и новые деятели русского Просвещения.

Одним из таких «истинных сынов отечества», активных читателей и «Философических предложений», и «Трутня», и «Смеси», был старший учитель Морского корпуса капитан Николай Курганов. Вдохновленный примером, он решил поддержать деятельность славных «товарищей россиян» и принялся сам готовить задуманную им книгу. Вышла она под названием «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей». В 1777 году Курганов выпустил второе издание этой книги, дав ей новое название: «Книга письмовник, а в ней наука российского языка с седмью присовокуплениями». Под таким новым названием эта книга и стала известна широкому читателю и русской литературе.

«Письмовник» — удивительная и по своему содержанию, и по своей композиции, и по своей судьбе книга.

---

[1] «Смесь», 1769, л. XX.

Открывалась она грамматикой. Ученик Ломоносова решил созданную им грамматику приспособить для детей, сделать доступной простому человеку, помочь ему в овладении русским языком. Курганов не только ясно и просто излагал грамматические правила, не только ориентировал своего читателя на изучение русского языка, отделяя его от славянского, но он сумел сделать грамматику увлекательной. В этом смысле особого внимания заслуживают многочисленные литературные примеры, которые помогали усваивать правила и, главное, вызывали любопытство, страсть и любовь к чтению.

После грамматики шло первое «присовокупление»: обширное собрание русских пословиц. До «Письмовника» не было примера такого мощного вторжения в литературу образцов народного творчества. В тысяче пословиц, собранных и отпечатанных Кургановым, перед литературой, перед молодым русским Просвещением встал мир художественного творчества трудящегося человека, этический кодекс русского народа, богатство, сила, красота и энергия языка русского.

Вслед за пословицами шли «краткие замысловатые повести» (более трехсот). Часть их была заимствована из иностранных источников. Живо рассказанные Кургановым маленькие новеллы передавали читателю известные всей Европе исторические анекдоты, забавные сатирические или нравоучительные истории, сюжеты которых уже давно стали бродячими. Одной из особенностей «замысловатых повестей» был их лаконический стиль. В этом проявилось, несомненно, мастерство Курганова-писателя, который не только умело переводил, но и обрабатывал собранный в различных книгах материал. Тем самым читатель обогащался не только любопытными познаниями, но и запоминал афоризмы, остроумные ответы различных исторических деятелей, иронические заключения автора.

Другая часть повестей уже оригинального происхождения и написана на русские сюжеты. Основное их содержание — сатирическое. Прямо следуя за «Трутнем» и «Смесью», Курганов подхватил главные их темы: обличение дворянства, чиновничества, особенно судей, представителей «благородного» сословия — бесконечных щеголей и щеголих, вертопрахов, чужехватов и т. д. Сатирические повести, собранные в «Письмовнике», — интереснейшее

явление русской сатиры, и их необходимо рассматривать в связи с сатирической журналистикой 1769 года, в ряду с «Трутнем» прежде всего.

Третье присовокупление Курганов озаглавил «Древние апофегмы и Епиктетово нравоучение». В этом разделе содержались краткие характеристики различных исторических героев, описывались запомнившиеся человечеству их дела, решения различных сложных задач, их мудрые и остроумные ответы. Особого внимания здесь заслуживают повести о философах древности — Сократе, Платоне, Аристотеле, Диогене, Фалесе, Эпиктете, Зеноне, Анаксимене, Питтаке и других. В увлекательной и доступной форме читатель знакомился и с их жизнью и с некоторыми сторонами их учения. По сообщению самого Курганова, все сведения для этого раздела взял он из книги «Краткие витиеватые и нравоучительные повести», вышедшей еще в петровскую эпоху, в 1711 году.

Четвертое приложение состояло из различных учебных разговоров, в том числе «Разговора между книжником и мальчиком». В доступной форме неискушенному читателю сообщалась масса полезных и необходимых сведений. Курганов рассказывал о философах и различных философских учениях, об основах языкознания и поэтики, научая практически разбираться в жанрах и стихосложении, просто и увлекательно пересказывал известные мифы древности. Тут же Курганов изложил целую систему научно-естественных знаний: о происхождении и составе метеоров, о ветрах и их причинах, об обстоятельствах образования облаков и туманов, о дожде, снеге, росе, громе, радуге и т. д. и т. п. Сведения, полученные читателем при чтении этого раздела, помогали ему освобождаться от суеверий, вселяли веру в науку, в величие человеческого разума, познающего тайны природы. Объясняя явления природы, Курганов находился на уровне современной ему науки. Многие из его определений не устарели и до сих пор. Верный своему плану сообщать полезные и нужные сведения, Курганов изложил в том же отделе основы навигации, или кораблеплавания, познакомил читателя с историей мореплавания и типами кораблей, рассказал об устройстве компаса и т. д.

Пятый отдел — «Сбор разных стиходейств» — представлял собою литературную хрестоматию — стихи

Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Волкова и многих других поэтов (все печаталось без имени автора). Но и здесь Курганов проявил новаторское понимание литературы и в ряд с произведениями известных поэтов включил народные песни. Так, в «Письмовнике» появилось первое печатное собрание русских песен.

Пожалуй, самой важной частью «Письмовника» было приложение шестое: «Обстоятельное изъяснение порядка знаний человеческих, или всеобщий чертеж наук и художеств». Читатель, исподволь подготавливаемый Кургановым, наконец, вступал в область «обстоятельных изъяснений» важнейших проблем естественных, философских, исторических наук. Здесь им даются и определения предмета науки, и ее содержание, и ее происхождение. Сообщаются важнейшие практические сведения из истории, из учения о природе, из философии, о состоянии гражданского общества, об обязанностях человека, о законах и правах, о добродетели и политике и т. д. В этом же приложении существует особый раздел медицинских наук «Наказ врачебный», «Краткая опись состава человеческого и прочих животных». Завершается приложение списком «Знатных изобретений, с некоторого времени в Европе учиненных», определением хронологии и «Кратким повестным летописцем».

В шестом приложении полнее всего проявились сильные и слабые стороны мировоззрения Курганова. Не будучи атеистом, да и не желая иметь столкновения с цензурой, он поместил здесь официальный материал в разделе под заглавием «Священная история». В статьях этого раздела повторялись все церковные мифы о происхождении мира, о грехе первого человека, о потопе, о пророках, о рождении и смерти Иисуса Христа и т. д. Все это резко противоречит самим же Кургановым сообщенным научным сведениям о происхождении земли, о природе, о человеке. Доказательством того, что Курганов был вынужден печатать официальный церковный материал, что он, как истый ученый и просветитель, не разделял церковно-религиозных доктрин, является статья, помещенная в том же шестом приложении под названием «Размышление о физике и проч.». В «Размышлении» Курганов делает смелую попытку отстоять права науки от церкви, объяснить явления природы. Он заявляет, что только невежды прини-

мают буквально все то, что написано в священном писании, и полагают, что там дано научное объяснение происхождения мира.

«Богословы западныя церкви, — заявляет он, — принимают слова Иисуса Навина, гл. 10, стих 12, в точном грамматическом смысле и потому утверждают, что земля стоит». Благодаря такому толкованию, продолжает Курганов, «астрономы принуждены выдумать для изъяснения небесных явлений неистовые и с механикой несогласные пути планетам. Коперник возобновил, наконец, солнечную систему, коя имя его ныне носит; показал преславное употребление ее в астрономии, которое после Кеплер, Невтон и другие великие математики и звездочеты довели до такой точности, какую ныне видим в предсказании небесных явлений, кои весьма сходствуют с нашими наблюдениями, чего по земностоятельной системе отнюдь не можно достигнуть».

Как истый просветитель, Курганов смело заявляет о праве ученых толковать священные книги, об отказе от догм священного писания, которые возникают от нелепого «грамматического» разумения. «Толкование священных книг, — заявляет Курганов, — не токмо позволено, да еще и нужно, где ради метафорических выражений с натурою кажется быть несходственно». Отстояв права науки исследовать и объяснять мир, Курганов в то же время не сумел подняться до того, чтобы отказаться от истин священного писания, отбросить церковные легенды, разоблачить их перед читателем. Он заявляет, что, изучая природу, ученые, и в частности астрономы, в конечном счете «открывают храм божеской силы и великолепия, изыскивают способы и ко временному нашему блаженству». С этим связан и общий вывод — «христианская вера состоит непреложна».

Каковы же идеологические позиции Курганова, какое место занимает его «Письмовник» в русской литературе? К сожалению, эти вопросы не разрешены, поскольку историки, литературоведы, фольклористы, филологи, философы и историки науки дружно замолчали «Письмовник», прошли мимо него. Поэтому даже ученые, занимающиеся сатирической журналистикой, считая себя обязанными говорить о сатире Екатерины II и Рубана, обходят молчанием сатирические повести «Письмовника». Даже

Кургановская первая публикация народных песен и пословиц не привлекла внимания исследователей. Стало традицией говорить, что первая публикация народных песен якобы осуществлена Чулковым, в то время как это противоречит фактам. Замалчивание имени Курганова, его деятельности, его книги можно объяснить лишь тем, что занимающиеся XVIII веком исследователи, видимо, не читали «Письмовника».[1]

Между тем трудно найти книгу, изданную в XVIII веке, которая была бы так популярна, как эта. Только в течение XVIII века при жизни автора «Письмовник» издавался шесть раз; седьмое, восьмое и девятое издания вышли в 1802, 1809 и 1818 годах. Несколько изданий вышло в тридцатые годы. «Письмовник» читал прежде всего широкий демократический читатель, на которого он и был рассчитан. Но с ним знакомились и люди образованные, даже спустя много десятилетий после его выхода. Эту книгу читали литераторы и ученые.

Кюхельбекер, познакомившись с «Письмовником» в крепости, записал в дневнике: «При нынешней перемене книг получил я путешествие Сарычева и Курганова «Письмовник». Впрочем, этот последний вовсе не так дурен, как я воображал; напротив, по времени, когда был написан, может назваться очень порядочною, даже хорошею книгою. И ныне можно в нем найти довольно много любопытного, не говоря уже об очень полном собрании русских пословиц, между которыми я нашел много мне вовсе неизвестных и чрезвычайно замысловатых, — но и анекдоты, то есть те, которые у него названы анекдотами, а не повестями, все почти хороши, по крайней мере гораздо лучше большей части печатаемых ныне». [2]

Герцен дал такую характеристику «Письмовника»: «Между прочим открыл и «Письмовник» Курганова —

---

[1] Это проявляется с особой наглядностью в тех случаях, когда почему-либо тому или иному исследователю надо писать о «Письмовнике». Так, в примечании к пушкинскому «Литературному известию», где упоминается Курганов, комментатор написал следующее: Курганов — «автор популярного «Письмовника», сборника образцов для писем всякого рода». См. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в девяти томах под ред. М. А. Цявловского, М., 1935, т. 2, стр. 549.

[2] «Дневник В. К. Кюхельбекера», изд. «Прибой», 1929, стр. 51—52.

этот блестящий предшественник нравственно-сатирической школы в нашей литературе. Богатым запасом истины и анекдотов украсил Курганов мою память».[1]

Серьезным исследованием о Курганове и его «Письмовнике» была работа А. И. Кирпичникова, написанная во второй половине XIX века.[2] Собрав много важных сведений о личности Курганова, о его службе, Кирпичников дал описание «Письмовника», установил источники многих повестей, раскрыл имена поэтов, чьи стихи без подписи напечатал Курганов, и т. д. Кирпичников привлек внимание ученых к этой замечательной книге. К сожалению, работа Кирпичникова продолжает до сих пор быть единственной.

«Письмовник» — замечательный образец просветительской литературы. Этим и определяется его роль в истории русской общественной мысли. В сущности книга эта — первая русская энциклопедия, которая отвечала насущным потребностям складывающегося просветительского движения. Для того чтобы успешно вести пропаганду просветительских идей, нужно было привить любовь к книге, приучить читать, искать в книге ответы на важнейшие вопросы жизни. И «Письмовник» был сделан увлекательной, полезной, нужной читателю книгой. Было необходимо помочь самообразованию — и «Письмовник» сообщал начальные сведения о науках, литературе, философии. Было необходимо бороться с суевериями, вселять веру в человеческий разум, в науку — и «Письмовник» наполнялся истинами и фактами, изложенными ясно, доступно и убедительно. Было необходимо воспитывать любовь к родине, к русской культуре, к русскому языку — и «Письмовник» печатал исторические повести о замечательных русских людях — изобретателях, открывателях земель и т. д., публиковал народные песни и пословицы, сатирически изображал дворян, преклоняющихся перед внешней иностранной культурой, смеялся над их невежеством. Было необходимо вселить

---

[1] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем под ред. М. Лемке, т. II, стр. 388—389.

[2] А. И. Кирпичников, Очерки по истории новой русской литературы, М., 1903, изд. 2-е, т. I, стр. 40—75.

уважение и доверие к философии, показать, что философия обязана помогать людям — и Курганов сумел выступить пропагандистом этических учений французских, английских и русских просветителей.

Только в эпоху развития просветительской идеологии возможны такие книги-энциклопедии. «Письмовник» был и учебным пособием, и справочником, источником серьезных знаний в области гуманитарных наук, и приятной книгой для чтения, наставником и помощником во многих практических делах.

Николай Гаврилович Курганов родился около 1725 года в семье бедного унтер-офицера. Начал учиться в Московской навигацкой школе. С 1741 года он учится в Петербургской морской академии. Отличные успехи в науках, особенно в астрономии, определили его судьбу — он стал преподавателем. Начал свою службу с преподавания астрономии в бывшей гардемаринской роте. В 1746 году он уже подмастерье математических и навигацких наук. Помимо преподавательской работы он занимается научными разысканиями; поэтому его часто посылают в экспедиции для астрономических наблюдений. В 1755 году он приготовил свой первый учебник для корпуса — «Универсальная арифметика, или сокращенное основание математических наук». Вышла книга из печати через два года. С тех пор Курганов успешно сочетает педагогическую и научную работу в Морском корпусе. Его успехи определяют продвижение по службе. Он последовательно получает воинские звания подпоручика, поручика, капитана. Вслед за «Универсальной арифметикой» Курганов издает еще ряд учебных пособий. В 1765 году выходит его перевод «Нового сочинения о навигации» Бугера, в 1769 году — «Элементы геометрии по Евклиду» и т. д.

С 1773 года он назначается исполняющим должность профессора. В 1774 году после экзамена получает звание профессора и воинский чин секунд-майора. В должности профессора Курганов служит в Академии до конца жизни, то есть до 1796 года. В 1791 году он получает свой последний воинский чин подполковника. Так разночинец Курганов благодаря энергии и таланту добился профессорского звания, стал видным русским ученым и педагогом. Этот свой опыт ученого и педагога он и принес в русское Просвещение, издав «Письмовник».

«Письмовник» вышел в конце 1769 года.[1] Его издание — крупная победа русского Просвещения. Талантливо и разнообразно Курганов пропагандировал просветительские идеалы, нес их в широкие читательские массы. Идея равенства людей лежит в основе убеждений Курганова. Пропагандируя сочинение английского просветителя Попа «Опыт о человеке» (переведенное Николаем Поповским), он так излагает содержание 4-й песни: «Мы по природе все равны, и нет достойнейшего; ибо бог всех равно любит; посему и счастье должно быть одно и общее. Итак, здоровье, красота, порода, богатство и прочее не могут быть первым и общим добром».

Вслед за Новиковым, который издевался над дворянской спесью, Курганов тоже печатает сатирическую повесть: «Некий шляхтич, будучи на кладбище и увидя несколько головных черепьев, из коих одни были белые, а другие черные, сказал своему слуге: «Знаешь ли, Пахомка, различие сим головам? Ведь белые-та дворянские, а черные — разночинские». Но после случилось оному шляхтичу с тем же слугою в семик быть в убогом дому, где из множества человечьих черепьев больше было белых; что увидя, Пахомка спросил своего господина: не все ли это, сударь Фалалей Егупьич, дворянские головы? Но помещик, осердясь, не знал, что ему на то отвечать».[2]

Не будучи философом, Курганов великие истины просветительской философии излагал в образной, легко запоминающейся форме, то в виде притчи, то в виде афоризма. В разделе «Хорошие мнения» мы находим такие

---

[1] А. Западов в статье «Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьё» и его литературное окружение», напечатанной в сборнике «XVIII век», т. II., М., 1940, решительно заявил, что «Письмовник» вышел в начале 1770 года, поскольку публикация о его продаже в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась 2 марта 1770 года. Однако публикация в газете могла появиться значительно позже выхода книги в свет. На титульном листе 1-го издания указан 1769 год. Новиков в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» указал, что «Письмовник» вышел в 1769 году. Сам Курганов в объявлении о выходе 3-го издания «Письмовника» писал, что «Письмовник» — книга, им сочиненная и изданная в 1769 году». См. «Санкт-Петербургские ведомости», 1788, № 61.

[2] См. «Рецепт Безрассуду» в «Трутне»: «Безрассуд должен всякой день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские, до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином» («Трутень», 1769, л. XXIV).

полезные истины: «Порода без достоинства мало сиятельна», «Кто породою хвалится, тот чужим хвастает», «Порода, чин, петь, играть, плясать, разноязычно говорить суть дарования нули, к коим надобно числа, дабы они что значили: то есть потребны к тому прочие качества, чтоб быть честным человеком».

Не породу, не чин, не богатство учит ценить в человеке Курганов. Он выдвигает идеал «честного человека». «Того можно назвать честным человеком, — пишет он, — который творит дела добрые и добродетели, кои не утверждаются на суетной мирской чести и прибытке; так должно именовать и того героем, который ходит путем добродетели самому себе со вредом и с неудовольствием».

Вслед за Новиковым Курганов делает дворян главным объектом своего сатирического изображения. После многих повестей о судьях и воеводах, взяточниках и казнокрадах, у которых мужик не может добиться правды, Курганов сообщает читателю такое «хорошее мнение»: «Трудно оправдаться, у кого истец сам судья». После нескольких рассказов о произволе вельмож вновь «хорошее мнение»: «У гордого вельможи и туфли чин имеют», или «Вельможи употребляют людей как деньги, коих они ценят во что хотят, но мы принуждены принимать оных по их курсу, а не по истинной цене».

Политическим содержанием были насыщены и многие повести об иностранных королях. Среди них выделяется повесть № 291. «Италианец, будучи вопрошен французом, у кого бы он лучше хотел быть в подданстве — у короля ли французского или у ишпанского? Я бы желал видеть одного повешена на кишках другова».

Обращает внимание в этой повести не только резкий выпад против королей, не только призыв к их истреблению, но и сама формула расправы: один король должен быть повешен на кишках другого короля. Этот вид расправы с королями был предложен французским философом-материалистом и утопическим коммунистом Жаном Мелье. После смерти Мелье в 1729 году в его бумагах было обнаружено политическое сочинение под названием «Завещание», в котором он резко осудил политический режим королевской Франции, эксплуатацию человека человеком и религию, освящавшую эксплуатацию. В 1762 году Вольтер ознакомился с рукописью и напе-

чатал ее, предварительно выбросив наиболее резкие суждения философа. В этом-то «Завещании» Мелье, в частности, писал о своем страстном желании, «чтоб последний король был удавлен кишкою последнего попа». Фраза эта стала крылатой. Ее, например, использовал Дидро в своих стихах «Элевтероманы, или Одержимые свободой»:

Господ и слуг природа не творила
Я править не хочу, но пусть не нудит сила.
И вот кишки попов он рвет рукой своей,
Чтоб их стянуть петлей на шее всех царей.[1]

Дифирамб был написан в 1772 году, но опубликован только в 1795 году. Один из активных участников «Заговора равных», поэт и публицист Сильвен Марешаль переложил в стихи финальные строки «Завещания» Мелье. Стихи эти оказались переведенными на русский язык и получили широкое распространение:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.[2]

Пока не удалось установить источника 291-й повести Курганова. Не исключена возможность, что он был знаком с самим «Завещанием» Мелье, которое опубликовал Вольтер. Стоит подчеркнуть, что в кургановской повести формула Мелье несколько изменена — из нее выброшен выпад против церкви. Можно предположить, что именно сам Курганов изменил эту формулу, так как избегал какого-либо столкновения с церковью. После переработки формула не потеряла своей радикальности, а, пожалуй, выиграла, поскольку вся ненависть перенесена на королей. Опубликование и пропаганда Кургановым революционного призыва французского утопического коммуниста расправиться с королями несомненно делает честь русскому просветителю.

---

[1] Д. Дидро, Собрание сочинений, 1937, т. IV, стр. 527.

[2] Об этом переводе стихов Марешаля см. статью Ю. Г. Оксмана «Из истории агитационной литературы 20-х годов XIX века» в сборнике «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 481.

Большое место в «Письмовнике» занимает «Практическая философия». Не будучи философом, Курганов все же популярно излагал читателю задачи философии и ее предмет, учил относиться к философии с доверием и уважением. Так появились статьи, популяризирующие основные принципы просветительской философии.

«Когда же добро есть то, что человека благополучным и совершенным делает, — учит своего читателя Курганов, — а добродетель есть способность, коя приводит всякого в состояние все свои дела по сему закону учреждать, следовательно, *практическая философия* нас к добродетели и ко всякому ее благополучию ведет». Далее Курганов разъясняет, что человек, живя в обществе, находится «в двояком состоянии». Когда он «живет самовластно», «не имея над собою кроме бога никакого начальства», то это зовется «природным состоянием». Когда же человек «имеет над собою начальство, повелевающее, как дела свои к собственному его и других благополучию учреждать», то это «гражданским состоянием именуется».

«Об оных должностях, кои человек в первом состоянии исполнять повинен, учит особливая наука деятельной философии, называемая *натуральная юриспруденция,* или *естественное правосудие,* и единый сей закон основанием всех дел быть должен. К оному присовокупляются и другие данные от начальства полезные законы, как есть уложения, уставы, указы и проч., коих требует само состояние общества и кои нас в гражданстве обязуют и бывают описаны в особливой части философии, именуемой *гражданское правосудие*».

Знакомый с литературой европейского Просвещения, Курганов, выступая пропагандистом и популяризатором просветительских истин, черпает необходимые сведения из самых различных источников. Так, он пускает в обращение знаменитый тезис о том, что мнения правят миром. В «Разговоре между книжником и мальчиком» мы читаем: «Книжник, осердясь больше, сказал: каким способом управляют народами?» Мальчик ответил: «Мнениями». Выше уже говорилось о пропаганде Кургановым сочинения английского просветителя Попа «О человеке». В то же время заслуживает всяческого внимания обращение Курганова и к книге первого русского просветителя

Козельского «Философические предложения». Прочтя ее, Курганов усвоил многие положения Козельского и счел нужным немедленно познакомить широкого читателя с учением русского философа. Так, перейдя к изложению сведений о философии, Курганов, говоря о ее разделении, прямо следует за тем делением философии, какое он обнаружил в «Философических предложениях».

Так же, как и Козельский, Курганов разделяет философию на две части: теоретическую и практическую. Теоретическая часть делится на две науки: логику и метафизику. Логика, определяет Курганов, есть «наука рассуждать», она «к понятию острит разум и приготовляет его к разумению прочих мудрований». Далее, вслед за Козельским, он пишет, что логика «толкует о трех душевных силах: чувствии, рассуждении, умствовании».

Не ограничиваясь этим, Курганов пропагандирует выдвинутое Козельским понятие о юриспруденции как знании прав, популяризирует его учение о политике. «*Философия нравоучительная,* а в ней: 1. *Юриспруденция* или знание всех возможных прав, то есть о законах и учреждениях по ним добродетелей, о должности человека к самому себе и к ближнему; 2. *Этика,* о способах исполнения правил, предписанных в натуральном законе; 3. *Политика,* а в ней: 1. Политика, касающаяся до каждого человека особо, о познании качеств людских и прямой добродетели и разума, для учреждения на том наших поступок с другими людьми. 2. Политика начальствующих особ, состоящая, как им должно пещися о внутреннем благосостоянии и о наружной безопасности общества». [1]

Несамостоятельный в пропаганде философских и научно-естественных сведений, Курганов в вопросе о национальной культуре русского народа выступал и самостоятельно и как новатор. Он не ограничился выпадами против тех дворян, которые с презрением относились ко всему русскому; он не только с гордостью рассказывал об успехах многих русских изобретателей, ученых, открывателей земель, но им была проявлена прежде всего забота

---

[1] См. в книге «Философические предложения» разделы «Юриспруденция», «Политика» и в последнем разделе параграфа I — «О политике, касающейся до каждого человека особо» и II — «О политике, касающейся до начальствующих особ», и т. д.

о русском языке. Именно поэтому в «Письмовнике» мы находим грамматику и 7-е присовокупление — «Словарь разноязычных или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземных, употребляемых в русском языке, и некоторых славянских слов».

В «Объяснении словаря» Курганов изложил свою позицию: «Восприятие иностранных слов, а особливо без нужды, есть не обогащение, но порча языка, говорит некто знаменитый писатель.[1] Предки наши несколько присвоили русскому языку татарских слов, немцы наплодили в него немецких, петиметры ввели французских, педанты — латинских, переводчики духовных книг — греческих. Греческие слова вошли в наш язык по необходимости и делают ему некоторое украшение, а французские и немецкие его обезображивают, кроме изъяснения таких вещей, каких в России не бывало».

Борясь за чистоту русского языка, Курганов проделал огромную работу. Составленный им «Словарь» преследовал две цели: во-первых, помочь тем, кто сталкивался в книжках с непонятными иностранными словами или сам употреблял их «без смысла», дав русский их перевод («не говоря о ненаблюдении русского правописания, многие из нас обыкли употреблять иноземские слова в разговорах и, не смысля их силы и значения, говорят немало некстати. В здешнем словаре довольное число оных изъяснено ради незнающих оных языков»); во-вторых, показать, что «русский язык изобилен своими словами» и потому во многих случаях нет нужды употреблять иностранные слова, когда есть свои, русские, точно и великолепно передающие нужный смысл.

Приведя множество примеров, Курганов заявлял: зачем писать *пассия, променаж, имитация, сантименты* и т. д., когда есть такие слова, как *страсть, прогулка, подражание, мнение* и т. д. Он предлагал вместо *виктория* употреблять *победа,* вместо *вояжировать* — *путешествовать,* вместо *виват* — *да здравствует, обсерватора* звать *наблюдателем, артизана* — *художником* и т. д. История

---

[1] А. П. Сумароков; см. его статью «О истреблении чужих слов из русского языка» в девятом томе Полного собрания всех сочинений в стихах и прозе, М., 1782.

русского литературного языка свидетельствует, как прав был в своих предложениях Курганов.

Замечательны по смелости рекомендации Курганова использовать просторечие для обозначения иностранных слов. *Багаж* он предлагает именовать *пожитками, бал* — *вечеринкой, боты* — *полусапожками* и т. д. Курганов в данном случае не возражает против того, чтобы в русском языке были слова *багаж* или *бал*. Перед нами ясно выраженное убеждение, что слова просторечия должны быть также широко использованы в литературном языке, что они имеют больше прав, чем иностранные.

Вся эта практическая, огромная по объему работа Курганова имела прямое отношение к литературе. Вот почему призыв Курганова «истреблять» без нужды и смысла употребляемые слова, и «в лучшее состояние приводить отеческой язык, и не вводить в него чужого ничего, но собственною своею добротой украшаться» был подхвачен передовыми писателями, и писателями-просветителями прежде всего. Новиков, Фонвизин, а затем Радищев будут также бороться за чистоту и богатство русского языка.

Свою теоретическую позицию Курганов подкрепил практически, показав действительное богатство, «доброту» и «изобильность» «отеческого языка», напечатав собрание русских пословиц и народных песен. Пословицы и песни обогащали язык литературы новым запасом слов, фразеологических единиц, замечательными идиомами. Никогда до тех пор так мощно не вторгалось в литературу просторечье, никогда так последовательно и принципиально не разрушался привычный строй высокого и низкого стиля в господствующей литературе (см., например, такие пословицы: «Из одного дерева икона и лопата», «Бог не выдаст, свинья не съест», «Голенький — ох, ох, а за ним бог» и т. д.), никогда не было в литературе столько замечательных примеров афористичности, лаконизма, простоты фразы; все это несомненно помогало отказываться от условного, навязанного языку литературы синтаксиса.

Но значение пословиц и песен для литературы этим не ограничивалось. В эпоху, когда в русской общественной жизни крестьянский вопрос оказался главным, перед литературой встала новая тема — народ, его положение,

условия жизни, его права и место в историческом процессе, его самосознание, его культура, его духовный мир. Писателям-просветителям принадлежит заслуга в художественном воплощении этой темы. Как мы помним, первые попытки предпринимал еще Новиков, когда в «Крестьянских отписках» изобразил крепостную деревню, жизнь крестьян, когда предоставил крепостному Филатке трибуну в журнале «Трутень». Курганов своей публикацией пословиц и песен оказал неоценимую услугу литературе.

Песни, а еще более пословицы, раскрывали в яркой, художественной форме духовный мир русского народа, его историческую деятельность, его морально-этический кодекс.

Среди песен обращают на себя внимание песни исторические. Одна из них вдохновлена победой русских войск под командованием Шереметева над шведами в январе 1702 года. Значение битвы близ Дерпта в том, что это была первая победа над шведами. Оттого она и отмечалась как всенародный праздник. Петр одарил солдат, Шереметева произвел в фельдмаршалы. Совсем недавнее событие русской истории, событие текущего века и было воспето народом. Героями песни оказались солдаты. Ведь благодаря их мужеству, их умению, их отваге был сломлен и растоптан швед. Поражает песня и точным изображением событий: верно указано место, где происходило сражение, движение армии, ее боевая техника со всеми новинками (мушкеты с примкнутыми штыками и т. д.).

Перед боем Шереметев спрашивает солдат: «Ой вы детушки драгуны и солдаты! Можно ли мне на вас понадеяться, супротив неприятеля постояти. Да что взговорят драгуны и солдаты. Мы ради государю послужити, един за единого умерети».

Сама битва изображена так: «Запалила тут Шереметева пехота из мелкого ружья и из мортиров: как не гром пред тучею грянул: троиль пушка разрядилась, у боярина сердце разъярилось. Не сыра мати земля расступилась, не сине море всколебалось: примыкали штыки на мушкеты, бросали ружья на погоны, вынимали вострые сабли, приклоняли булатные копья. Гналися за шведским генералом до самого до города до Дерпта. Как расплачутся шведские солдаты, во слезах они едва сие промолвят:

лихая де московская пехота, что часто на вылазку выступает и тем нас жестоко побеждает».[1]

Подобные песни, прославляя подвиг простого солдата, наглядно свидетельствовали об исторической деятельности народа. Народ, сознавая свою силу, понимая свою роль в государстве, сам же и рассказал о своих ратных подвигах.

Огромный прекрасный мир народной жизни представал в пословицах. В яркой, эмоциональной и выразительной форме тысяча пословиц, собранных Кургановым, рассказывала о народе — о его труде, семейной жизни и отдыхе, передавала отношение трудящегося человека к религии, властям, богатым, характеризовала нравственные устои, обычаи, быт деревни. Но главное — из всех этих пословиц вырастал характер человека из народа, полный достоинства, ясного, мудрого ума, немного лукавого и насмешливого, уверенного в себе, исполненного здоровой нравственной силы.

Вот человек с издевкой судит тех, кто кичится родословной: «И по рылу знать, что не простых свиней»; вот он же советует: «Не хвались отцом, хвались молодцом»; вот он с гордостью и достоинством констатирует: «Нищета не отнимает ни ума, ни чести», «Как лапотника не станет, так и бархатник не встанет».

Опыт определил его мудрость. Он знает и смело говорит о том, что «Близ царя, близ смерти», что у «Царя руки долги», что «Царь далеко, а бог высоко», что «Худо овцам, где волк воеводой», что «Закон как паутина — шмель проскочит, а муха увязнет», что «Богу молись, а сам не плошись», что «Белые руки чужие труды любят», что «Не бойся истца, бойся судьи».

Иногда пословица передает даже интонацию трудящегося человека, его презрение к своим господам: «Я вашец, ты вашец, а кто же хлеба напашец?» Или о бога-

---

[1] Песня эта, к сожалению, не вошла в сборники исторических песен и осталась неизвестной фольклористам. Вместо нее печаталась другая песня — «В тысяча семьсот первом году» — в позднейших записях, представлявших собою контаминацию песни о бое под Полтавой и приведенной мною песни о первой победе над шведами в январе 1702 года (отсюда, видимо, и название песни «В тысяча семьсот первом году»). В результате контаминации замечательная солдатская песня оказалась искаженной.

теях: «Разжился как вошь в коросте». Немало в них затаенной угрозы: «Кому повешену быть, тот не утонет», «Еду — не свищу, а наеду — не спущу», «Отольются волку коровьи слезки».

Удивительно вырастающий из пословиц характер русского человека чужд отчаяния, страха, раболепия. «Лучше плыть пучину, нежели терпеть кручину», «Не вкусишь горько, не видать сладко». Бывает худо в жизни, напасти сыплются одна за другой, тогда ирония помогает сносить беду: «Не до поросят, как самую свинью палят», «Привыкай, коровка, ко ржаной соломке». И всегда свойственна этому характеру вера в будущее: «Терпи, казак, атаманом будешь», «Исподволь и ольху согнешь, а в круте и вяз переломишь», «Будет и на нашей улице праздник».

Важным в пословицах было то, что они повествовали именно о трудящемся человеке, о жизни деревни, что они не являлись собранием отвлеченных моральных правил и добродетелей. Демократичность в описании и быта, и условий жизни, и строя чувств передавалась прежде всего лексикой: коровка, ржаная соломка, поросята, лапотник, коровьи слезки и т. д. и т. п.

Наиболее полно пословицы рисовали житейские и семейные отношения деревни. До того, как литература изобразила жизнь крестьянина, такой свод пословиц давал довольно широкую картину быта, нравов, радостей и горя деревни, а главное — раскрывал этический кодекс народа. Трудящийся человек представал и в своем достоинстве, и в своих предрассудках, и в своих житейских заботах, и в своей мечте. «Не дери глаз на чужой квас, ране вставай да свой затирай», «Хлеб да вода — здоровая еда», «Лес сечь — не жалеть плеч», «Есть калачи — не сидеть на печи», «Поп да петух и не евши поют», «Как тонул — топор сулил, а вытащил — и топорища жаль», «Добра была деревня, да слава плоха», «Иван был в орде, а Марья вести рассказывает», «Воля добру жену портит», «Девичий стыд до порога, как переступила, так и забыла», «Любо видеть, как девка с парнем идет», «На что клад, коли в семье лад», «Муж жену любит здоровую, а брат сестру богатую», «Не верь коню в поле, а жене в воле», «Не рада баба повою, рада покою», «На что было жениться, когда рожь не родится», «Холопье слово что рогатина», «Крестьянин пьян — сам себе пан», «Звонки

бубны за горами, а к нам придут как лукошки», «Вши воду видели, а валек люди слышали», «Погнался за ломтем, да хлеб потерял», «Около костра хорошо щепы обирать», «Жаль батьку да везти на погост», «Умрем, так все останется», «Живучи на погосте, не все оплакать», «Без матки пчелки пропащие детки», «С сыном бранись — за печку гребись, а с зятем бранись — вон торопись» и т. д.

Характерной особенностью русского Просвещения является интерес к жизни народа, его культуре. Писатели-просветители заложили традицию изображения народа в художественной литературе. Величайшую помощь в решении этой задачи оказало народное творчество. И Новиков, и Фонвизин, и Радищев, развивавшие реалистическую эстетику, обосновывая новаторство в изображении трудящегося человека, прямо опирались на народную песню, на пословицу. Тем и определяется значение «Письмовника» Курганова для литературы: он первый привлек внимание к народному творчеству, оказал практическую услугу, напечатав первый свод пословиц, опубликовав несколько песен.

9

К моменту возвращения Радищева на родину, как видим, в России уже появились первые просветители, были одержаны первые, но крупные победы, читатель получил замечательные книги, которые раскрывали основные черты идеологии русского Просвещения. Четко определилось и отношение к европейскому Просвещению: русские деятели, знакомясь с огромным идейным богатством, подходили к нему критически. Отсюда, с одной стороны, пропаганда всего того, что признавалось необходимым для нужд русского освободительного движения, с другой — критика и пересмотр тех учений и теорий, которые признавались несоответствующими потребностям русской жизни. В основном критика была исторически оправданной и справедливой. Но многое, к сожалению, не принималось в связи с ограниченностью русских деятелей. Так, и Козельский, и Новиков, и Фонвизин, и Курганов совершенно не приняли атеизма французских просветите-

лей, замолчали их страстную борьбу с церковью. Новиков, Фонвизин и Курганов оказались далекими от материализма. Факты свидетельствуют о том, что первые русские просветители, справедливо критикуя слабые стороны энциклопедистов, часто сами не могли подняться на уровень идеологических достижений «великих мужей» Франции.

Изучение положения дел в лейпцигской колонии русских студентов показывает, как было много общего в идейном развитии русских деятелей, учившихся в Лейпциге и уже работавших в Петербурге. Философские и правовые учения просветителей привлекали внимание молодых людей. Ушаков, — видимо потому, что ранее всех определился как просветитель, — занял место идейного руководителя в колонии. Он показывал пример критического овладения французской просветительской философией. Занимаясь юриспруденцией, он рассматривал ее практически и как знание прав и как знание закона. Он развивал учение о добродетели как об активной общественной деятельности («Добродетелью я называю навык действий, полезных общественному благу»), подчеркивая практическое значение учения. Его сочинение «О праве наказания и о смертной казни» несомненно свидетельствовало о понимании практических задач подготовки реформы русского законодательства. «В сем-то и состоит различие обыкновенных умов от изящных, — заявляет Радищев. — Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные». Деятельность на благо своего народа, деятельность практическая, исполненная твердости и непоколебимости, выводящая человека из узкого мира лишь своих частных интересов, вот основное качество и свойство характера Ушакова — мыслителя и гражданина. «Деятельность, — говорит Радищев, — есть знаменующая их ⟨людей, подобных Ушакову. — *Г. М.*⟩ отличность».

Радищев читал и Руссо, и Мабли, и Гельвеция, «укрепляя природные силы своя учением», учился мыслить, то есть, «соображая их мнения со мнениями своего учителя», старался «отыскать истину в среде различия оных». Огромное значение имели для Радищева и собственные

сочинения Ушакова: «О праве наказания и о смертной казни», «О любви», «Письмы о первой книге Гельвециева сочинения «О разуме».

Трактат Гельвеция «О разуме» Ушаков получил от проезжавшего Лейпциг русского офицера Ф., видимо Федора Орлова, брата екатерининского фаворита. По свидетельству Радищева, «Ф. толикое пристрастие имел к сему сочинению, что почитал его выше всех других». И тут же, не скрывая своей иронии, добавляет: «Да других, может быть, и не знал». Так вот, получив эту книгу, Ушаков и Радищев принялись ее читать «со вниманием» «и в оной мыслить научилися».[1] Но «учиться мыслить», говорит Радищев, значит сопоставлять мнение автора с собственным и в различии отыскивать истину. Ушаковские «Письмы» — результат самостоятельного и критического подхода к многим вопросам, затронутым Гельвецием. Видимо, это сочинение Ушаков предполагал опубликовать, и, таким образом, оно должно было стать известно Гельвецию; во всяком случае Радищев сообщает, что Гельвеций знал об изучении русскими студентами книги «О разуме». «Гельвеций, конечно, равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить училося». Гельвецию об этих чтениях сообщил Гримм, французский писатель, друг Гельвеция и Дидро, во время своего пребывания в Лейпциге познакомившийся с русскими студентами.

В других сочинениях Ушакова также критически пересматриваются некоторые в высшей степени распространенные теории французских мыслителей. Чаще всего Ушаков оспаривал Руссо. Он решительно возражает против центрального тезиса его философии: человек родится добрым, но условия общественной жизни делают его злым. В ответ на это Ушаков заявляет: «Человек рождается ни добр, ни зол». Это расхождение определило различное понимание задач воспитания. Руссо считает, что человека надо воспитывать в изоляции от общества, давая возможность развиться всем от природы заложенным качествам, воспитывать именно человека, а не гражданина. Ушаков

---

[1] В Лейпциге Алексей и Федор Орловы были в первой половине октября 1768 года. См. письмо кн. Белосельского Панину в АВПР, ф. Сношения России с Саксонией, д. 104, л. 130—134.

придерживается совершенно иного мнения: «Обстоятельства делают человека». Он требует воспитания не индивидуалиста, которого он называет метко «единственником», а человека-гражданина, который «величайшее услаждение находит в том, чтобы быть отечеству полезным и быть известным свету». Так пункт за пунктом Ушаков в своих сочинениях «устремлялся от проложенных стезей» и «вдавался в неизведанные и непроложенные», учил мыслить своих товарищей, и первого своего друга Радищева прежде всего. Именно поэтому Радищев считает Ушакова «вождем своея юности»; исполненный благодарности, открыто называет его своим учителем, печатает и делает достоянием всего общества его сочинения.

При всей оригинальности мышления Ушакова, которую подчеркивает Радищев, его убеждениям свойственны общепросветительские заблуждения. Он далек от идеи революционного ниспровержения враждебных человеку условий политического бытия. Как французские мыслители-учителя и как некоторые русские его единомышленники, Ушаков питает надежды на просвещенного государя, выступает против мщения врагам, категорически возражает против казни вообще и т. д. Установление этого обстоятельства чрезвычайно важно для понимания идейного развития Радищева: в Россию Радищев приехал просветителем, учеником Гельвеция, поклонником Руссо, воспитанником Ушакова. И его политические убеждения отражают исторический уровень политической мысли французского и русского Просвещения: он был сторонником мирных путей социального преобразования отечества, хотя и не принимал политическую концепцию просвещенного абсолютизма. Революционером сделала Радищева русская действительность.

К лейпцигскому периоду жизни Радищева относится и первая его литературная работа, свидетельствующая о политических интересах молодого просветителя. В 1768 году началась русско-турецкая война. Через Лейпциг, на пути в Италию и Албанию, где пребывали тогда русские войска и где находился штаб армии, проезжало множество офицеров, в частности штабных. Около 1770 года в штабе А. Г. Орлова родился политический документ, написанный по заданию Орлова греко-албан-

ским политическим деятелем Антоном Гика, который находился при русских войсках в Архипелаге. Брошюра называлась «Желание греков к Европе христианской». Написана она была от имени греков, страдающих под турецким игом и взывающих о помощи. Этот важнейший политический документ был отправлен для опубликования в Петербург. Он-то и был дан Радищеву проезжавшим в Петербург штабным офицером для срочного перевода на русский язык. В предисловии к манифесту Радищев пишет: «Мы получили из Архипелага через Италию некоторую пиесу, которая по обстоятельствам своим за весьма важную и любопытства достойную почесться может». То, что Радищеву поручили перевод важнейшей политической статьи, свидетельствует о его интересе к русским политическим делам, о его прочных связях с Россией.

История с переводом брошюры Антона Гика показывает в то же время, как отлично Радищеву были известны русские повременные издания. В том же предисловии он заявляет совершенно категорически: «Мы тем охотнее приняли на себя перевод оной, что по всем обстоятельствам думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов». Эта уверенность и заставила его приняться за перевод. Работу свою он начал в июле 1771 года. Полностью осуществить свое намерение он не успел; перевод, дошедший до нас, обрывается на половине. Причиной, прервавшей дальнейшую работу, явилось опубликование брошюры Гика в «Санкт-Петербургских ведомостях» в номере от 16 июля того же года. Получив августовскую почту и прочитав «Желание греков», Радищев прекратил свою работу над переводом.

Так протекала жизнь Радищева в Лейпциге — в напряженной идейной работе, в деятельной подготовке к возвращению на родину, связь с которой год от года крепла и росла. Но накануне окончания срока учения Радищеву суждено было пережить огромное горе: умер его друг и учитель Федор Ушаков, умер в самом начале своего поприща, в возрасте двадцати трех лет. Смерть Ушакова потрясла Радищева, но вместе с тем послужила ему уроком, оказалась той последней каплей «деятельного нравоучения», которым отличалась вся его лейпцигская

жизнь. Смерть друга не только опечалила Радищева, не только «уязвила сердце», но и многое открыла доселе неизвестного. Ушаков наставлял Радищева в «твердости». Заболев тяжелой, неизлечимой болезнью, приговоренный к смерти, он ждал ее прихода спокойно. Собравшиеся у постели умирающего его друзья видели, как слова и дела Ушакова были едины. Умирая, он дал последние наставления, оставил завещание лучшему своему другу и ученику Радищеву. Незадолго до кончины Ушаков вручил ему все свои бумаги: «Употреби их, говорил он мне, — сообщает Радищев, — как тебе захочется. Прости теперь в последний раз; помни, что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть тверду в мыслях, дабы умирать бестрепетно».

Радищев лишился друга, но завещание его «неизгладимою чертою ознаменовалося на памяти». Ушаков воспитал из Радищева человека «твердых мыслей», имеющего «правила» исполнения должности гражданина, мыслителя, отважного человека.

На октябрь 1771 года был назначен отъезд Радищева, Кутузова и Рубановского в Петербург. Князь Белосельский 17/28 октября послал Олсуфьеву письмо, в котором рекомендовал трех студентов, как наиболее отличившихся в науках и потому достойных награждения. «Государь мой! Если рождающиеся достоинства должны быть покровительствуемы, то по справедливости могу вам представить господ Радищева, Кутузова и Рубановского, которые в бытность свою в Лейпциге наиболее оказали прилежности к наукам, хотя и имели неприятные случаи, также вели себя разумно и тихо». Письмо заканчивалось выражением уверенности, что Олсуфьев «с удовольствием доставит им некоторое поощрение, дабы произвесть в них более желания сделаться полезными».[1]

Считая всех трех студентов — Радищева, Кутузова и Рубановского — отличившимися в науках, Белосельский все же особо выделял Радищева. Поэтому одновременно с письмом к Олсуфьеву он написал другое письмо своему начальнику Н. И. Панину, в котором давал высокую оценку не только знаниям Радищева, но и отмечал его

---

[1] ЦГАДА, ф. 249, д. 6465, л. 527.

личные дарования. Это письмо показывает, что к концу своего обучения в Лейпциге Радищев зарекомендовал себя у профессоров университета как талантливый ученик. «Имею честь рекомендовать вашему вниманию господина Радищева, настоящие деловые и умственные качества которого заставили меня представить его вашему превосходительству». Белосельский объясняет свое письмо тем, что он считал «долгом человечности указать на таланты, только еще раскрывающиеся и которые заслуживают поощрения». [1]

---

[1] АВПР, ф. Сношения России с Саксонией, д. 120, л. 121.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

В конце ноября 1771 года Радищев вместе с Кутузовым и Рубановским вернулись из Лейпцига в Петербург.[1] Из показаний Радищева Шешковскому известно, что в том же 1771 году он поступил на службу в Сенат. В протоколе допроса от 11 июля 1790 года записано: «От роду ему 40 лет, из дворян, в службу вступил с молодых лет ко двору пажом, а в 1766 году послан был на казенном коште в Лейпцигский университет для обучения, откуда возвратился в 1771 году. По возвращении в том же году определен в Правительствующий сенат в должность протоколиста с чином титулярного советника. Из Сената в 773 году взят был в штат его сиятельства графа Брюса обер-аудитором, а от него по случаю женитьбы в 775 году вышел в отставку с чином секунд-майора».[2]

Сведения эти, достаточные для Шешковского, не могут удовлетворить биографа Радищева. В высшей степени важно знать, как протекала служба Радищева, что он делал в первые годы по возвращении на родину, с чем столкнула его служба, каковы были те обстоятельства его жизни, которые, по словам самого Радищева, единственно воспитывают человека. Важно знать, какими были его связи — служебные, общественные, литературные — в период с 1771 по 1775 год. Наконец, необходимо точно

---

[1] Это могло быть не позже 25 ноября. См. Русский архив, 1870, т. VIII, стр. 947—948.

[2] А. Н. Радищев, Избранные сочинения, ГИХЛ, 1949, стр. 681.

знать (для того чтобы иметь возможность судить о начале его литературной работы), когда поступил Радищев в Сенат, в какой именно департамент, получал ли он отпуск и уезжал ли из Петербурга к родителям, с которыми не виделся около десяти лет, когда и по каким причинам ушел из Сената и почему оказался в штабе Брюса, в чем заключались обязанности обер-аудитора, какие обстоятельства вынудили его уйти в отставку в 1775 году и т. д. и т. п.

За более чем полтораста лет, прошедших со дня показаний Радищева, в обширнейшей литературе, посвященной его жизни и деятельности, не появилось ни одного документа, ни одного факта, который бы дополнил сведения, записанные в протоколе допроса.[1] До настоящего времени этот период жизни Радищева, особенно важный прежде всего потому, что на него падает такое крупное политическое событие русской жизни, как восстание Пугачева, остается совершенно не изученным. Сложилась даже своеобразная традиция освещения этого периода: одни исследователи ограничиваются констатацией факта — по приезде Радищев поступил в Сенат протоколистом, а затем перешел в штаб Брюса обер-аудитором; другие вступали на путь сочинительства и вымысла. Простая констатация факта службы в Сенате и в штабе Брюса, переходящая из книги в книгу, превратилась по существу в отписку. Сочинительство же наносило прямой вред изучению жизни Радищева. Больше того, сочинительство, подменяя факты вымыслом, творило легенду о Радищеве.

Н. П. Павлов-Сильванский, собравший немало биографических документов о Радищеве, при характеристике этого периода жизни писателя ограничился сообщением сведений о службе, которые он почерпнул в показаниях писателя.[2]

В. П. Семенников, много сделавший для изучения биографии и творчества Радищева, установивший, в частности, что перевод «Офицерских упражнений» при-

---

[1] Исключением является установление факта выхода в 1773 году двух переводов Радищева: сочинения Мабли «Размышления о греческой истории» и книги «Офицерские упражнения».

[2] «Очерки по русской истории XVIII—XIX веков», СПБ., 1910, стр. 110.

надлежит Радищеву, долгое время в своих работах избегал характеристики жизни Радищева в 70-е годы. Практически он начинал изучение мировоззрения, творчества и деятельности Радищева с 80-х годов. Объяснялось такое положение отсутствием каких-либо документов о работе Радищева после возвращения из Лейпцига. Лишь однажды В. П. Семенников отступил от правила держаться только фактов и документов и встал на путь гаданий и предположений, когда решился приписать Радищеву «Отрывок путешествия в***» И. Т., напечатанный в «Живописце» Новикова в 1772 году.

Я. Л. Барсков в своем обширном биографическом очерке «А. Н. Радищев. Жизнь и личность» почти дословно повторил показания самого Радищева о его службе в 70-е годы — сначала протоколистом в Сенате, а затем обер-аудитором у Брюса. Эти скудные, но документальные материалы он дополнил догадками и предположениями. Осенью 1771 года Радищев и Кутузов прибыли в Петербург, сообщает исследователь действительный факт. Но, не удовлетворяясь этим, он кое-что присочиняет от себя: «Планы широких преобразований, в которых Радищев и Кутузов могли бы найти приложение своих юридических знаний, были отодвинуты в будущее. Радищев числился по службе с тех пор, как был пожалован пажом; теперь надобно было или выйти в отставку, или поступить на место в какое-либо из учреждений; русского права он не знал, и не было руководства, по которому он мог бы его изучить; он решил вместе со своим другом поступить под начальство генерал-прокурора князя А. А. Вяземского протоколистом в Сенат. Это была невидная и недоходная должность, на ней можно было ознакомиться «по делам» с судоустройством и судопроизводством, приобрести навык в составлении бумаг... «Думать» в сенатской канцелярии не полагалось, и при новом начальнике нужно было «исполнять», то есть своевременно и не отступая от традиционных форм составлять «бумаги». [1]

С тех же позиций дается и освещение службы Радищева у Брюса. Сначала следует перечень достоверных фактов: «В 1773 году «иждивением общества» изданы

[1] «Материалы к изучению...», стр. 107, 108.

в переводе (с французского) А. Н. Радищева «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастия греков. Сочинение аббата де Мабли...» Радищев получил за перевод 7 мая 1773 года в зачет полной суммы 60 рублей и 6 декабря 1773 года остальные 45 рублей. Так как годы учения в Пажеском корпусе и затем в Лейпцигском университете зачитывались ему в службу, то по приезде в Петербург он был произведен в титулярные советники; этот чин указан в первой его расписке; во второй же он подписался уже как «штаба е⟨го⟩ с⟨иятельства⟩ гр. Я. А. Брюса обер-аудитор». Отсюда определяется приблизительное время, когда Радищев перешел из Сената на службу в штаб Брюса». [1]

Не имея достоверных материалов для обрисовки жизни и деятельности Радищева в штабе Брюса, Я. Л. Барсков вводит в свой очерк непроверенные сведения, сообщенные сыном писателя Н. А. Радищевым. В результате важнейший период жизни Радищева — служба у Брюса, протекавшая в годы пугачевского восстания, — освещается неверно.

Так же на веру Я. Л. Барсков принимает предположение В. П. Семенникова о принадлежности «Отрывка путешествия» Радищеву. «Должно признать, однако, убедительными аргументы В. П. Семенникова... и с уверенностью приписать отрывок Радищеву. Хотя и с трудом, — продолжает Я. Л. Барсков, — но можно допустить, что кто-нибудь кроме Радищева писал тем же языком, но кто же другой имел те же мысли и чувства? Кто другой мог так же представить себе и теми же чертами описать деревню Разоренную?» [2] Ясно, что подобный подход не способствует установлению истины. В самом деле, какое научное значение имеет восклицание — «но кто же другой имел те же мысли и чувства?» Так может писать исследователь, которому известны те же, что и в «Отрывке», мысли и чувства Радищева до выхода «Живописца». Известны ли они Я. Л. Барскову? Нет, неизвестны. Он знает лишь мысли и чувства Радищева конца 80-х годов, Радищева, ставшего революционером, и их-то он приписывает юноше, только что появившемуся

---

[1] «Материалы к изучению...», стр. 114.
[2] Там же, стр. 117.

в Петербурге. Он пишет: «Кто другой мог так же представить себе и теми же чертами описать деревню Разоренную?» Однако этот риторический вопрос противоречит известным фактам. В действительности, как уже было показано нами, таких «других» можно назвать даже по фамилиям: это могли быть и некоторые крестьянские депутаты в Комиссии по составлению нового Уложения, рассказавшие еще в 1767 году об ужасах крепостного состояния мужика; это могли быть и депутаты передового дворянского лагеря — майор Козельский и Коробьин, смело заявившие в Большом собрании о бесправном положении крестьян; это мог быть и Новиков, писавший в «Трутне» в 1769 году об ужасах и бесправии жизни крепостного мужика («Отписки крестьянские»). Игнорировать подобные факты — значит восстанавливать старую концепцию об одиночестве Радищева, значит отрицать воспитательное значение для Радищева и обстоятельств социально-политической жизни России и идеологии русских просветителей, выступавших в 60-е годы.

В последнее время появилось много работ, посвященных Радищеву. Но легенда о его жизни и деятельности в первые годы возвращения из Лейпцига не только не была опровергнута, но и оказалась подхваченной новым поколением ученых.

Вот что пишет о жизни Радищева этой поры П. Н. Берков: «Русские студенты вернулись на родину тогда, когда Екатерина уже явно охладела к своим прежним либеральным затеям. Возвратившимся юношам вовсе не были предоставлены те высокие места в государственном аппарате, для которых они подготавливались в Лейпциге. Радищев был определен в качестве маленького чиновника на службу в один из департаментов Сёната, в котором рассматривались дела, возникавшие на почве злоупотребления крепостным правом. Знакомясь с порученным ему материалом, Радищев наглядно убедился, как далека страшная крепостная действительность екатерининской России от тех свободолюбивых идеалов, которым с юных лет и до последних дней своей жизни был предан этот неукротимый революционер». [1]

---

[1] «Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, 1949, т. VIII, стр. 403 (статья «Гражданин будущих времен»).

К сожалению, все обширные сведения о Радищеве, сообщенные только в одном этом абзаце, — это не факты, а всего лишь предположения, высказанные категорическим тоном. Таким же предположением оказывается и сообщение П. Н. Беркова о том, что уже в самом начале 70-х годов Радищев якобы задумывает произведение, в котором хочет показать не фальшивое «благоденствие российских поселян под милосердым правлением мудрыя матери Екатерины II, а страшную, неумолимую правду об ужасах крепостного строя, о гнойных язвах самодержавного режима».[1]

По тому же принципу строится биография Радищева и в других статьях и книгах, вышедших в последнее время. Новые авторы механически переносят в свои сочинения условную биографию, созданную В. П. Семенниковым и Я. Л. Барсковым. При этом они даже не замечают, какие противоречивые суждения высказывают. Б. Евгеньев, следуя традиции, идя вслед за Я. Л. Барсковым, так рисует идейный облик Радищева после возвращения из Лейпцига: в 1772 году он уже сложившийся мыслитель, воззрения которого носят «радикальный характер», — он отрицает крепостное право и самодержавие, выступает на страницах «Живописца» с защитой крестьян. В следующие же годы, 1773—1775, в эпоху восстания крестьян, Радищев, утверждает Б. Евгеньев, ничем, кроме посещений аристократических салонов, клубов, масонской ложи, не занимался, политические события не привлекали его внимание, поскольку «немалые успехи в «свете»[2] вскружили ему голову.

Д. С. Бабкин в предисловии к «Путешествию из Петербурга в Москву» внес свой вклад в творимую легенду о жизни Радищева в 70-е годы: «Однако первые шесть лет после возвращения из-за границы проходят у него ⟨Радищева⟩ в бесплодных поисках службы, соответствующей его высоким стремлениям».[3] Что Радищев

---

[1] «Известия Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, 1949, т. VIII, стр. 403 (статья «Гражданин будущих времен»).

[2] Б. Евгеньев, Радищев, «Молодая гвардия», 1949, стр. 117—136.

[3] Д. С. Бабкин, А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву» — А. Н. Радищев, «Путешествие из Петербурга в Москву», Лениздат, 1949, стр. 6.

служил, это известно достоверно. Но какой документ доказывает, что Радищев «бесплодно» искал шесть лет службы, «соответствующей его высоким стремлениям»? Что вообще значит это утверждение? Мог ли Радищев-революционер найти службу в самодержавной России, «соответствующую его высоким стремлениям»? И почему такую службу он искал только первые шесть лет? Следовательно, потом он нашел такую службу? Не была ли ею, по мнению Д. С. Бабкина, служба в коммерц-коллегии или в таможне? Все эти вопросы условная, сочиненная биография оставляет без ответа.

М. А. Горбунов, характеризуя в своей книге службу Радищева в Сенате, смело превращает догадки и предположения В. П. Семенникова и Я. Л. Барскова в бесспорные факты. Читателя убеждают, что Радищев знакомился в Сенате в первую очередь с «бесчеловечным обращением помещиков со своими крепостными крестьянами», что «в период работы в Сенате Радищев написал свое первое литературное произведение «Отрывок путешествия в***» И. Т.[1] В период службы у Брюса (1773—1775 годы) главным в жизни Радищева, оказывается, было... изучение русского языка. «В период работы в штабе этого генерала ⟨Брюса⟩ он изучает русский язык под руководством А. В. Храповицкого, устанавливает связи со многими петербургскими литераторами».[2]

Нет нужды увеличивать число подобных примеров: ясно, что до сих пор мы слишком мало знаем достоверных сведений о жизни Радищева после приезда из Лейпцига. Этим и объясняется построение условной биографии. В действительности 70-е годы — важнейший этап в жизни Радищева, когда окончательно сложились его просветительские и революционные убеждения. Именно в эту пору широко образованный юноша, ученик французских философов-материалистов, последователь демократических концепций Руссо, становится самостоятельным мыслителем, политическим писателем, революционером. Произведения начала 80-х годов, и в первую очередь ода «Вольность», «Слово о Ломоносове», явились

---

[1] М. А. Горбунов, Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева, Госполитиздат, 1949, стр. 54.

[2] Там же, стр. 55.

как бы итогом напряженной идейной работы Радищева, происходившей в 70-е годы, в них впервые изложены уже сложившиеся убеждения.

Установление реальных условий жизни и деятельности Радищева в годы после возвращения в Россию должно помочь раскрытию его связей с русской действительностью, с литературно-политической борьбой в России, с русским Просвещением. Прежде всего необходимо собрать документы, характеризующие его службу в 70-е годы, определить круг впечатлений, непосредственные обязанности, связи с литераторами, политическими и государственными деятелями, наконец, точно установить, когда и какие произведения писал Радищев в это время. Где же можно найти необходимые для этого материалы?

2

Мы знаем, что Радищев служил в Сенате. Следовательно, к архивам Сената и необходимо обратиться. Из Сената Радищев перешел к Брюсу. Брюс был человеком военным. Следовательно, надо познакомиться с биографией Брюса, установить, где и кем служил Брюс в годы пребывания в его штабе Радищева, в чем заключались обязанности обер-аудитора Радищева.

Обращение к архивам, как и следовало ожидать, позволило собрать довольно обширный фактический материал. После долгих и тщательных разысканий удалось обнаружить более двух десятков биографических документов (о поступлении Радищева на службу в Сенат, о присвоении ему звания, о переходе из Сената в штаб Брюса, паспорт для поездки в отпуск в 1772 году, челобитная об отставке и т. д.), девять проектов сенатских указов, подписанных Радищевым, двадцать два протокола, которые вел и соответственно подписывал Радищев, указы военной коллегии с предписанием вести следствие по делам о беглых солдатах и конфирмацию по судебному делу, подписанную Радищевым и Брюсом. Помимо того, обнаружен довольно значительный материал, косвенно характеризующий деятельность Радищева, — документы, проходившие через его руки. Собранные сведения позволили по-новому осветить этот период.

В конце ноября 1771 года Радищев, Кутузов и Рубановский в связи с окончанием обучения вернулись в Россию, а уже 9 декабря 1771 года генерал-прокурор Сената князь А. А. Вяземский докладывал на общем всех департаментов Сената собрании об их прибытии из Лейпцига, и о награждении повелением Екатерины за успехи в науках чинами, и о зачислении на службу в Сенат. После доклада Вяземского был составлен следующий протокол:

1771-го года декабря 9 дня Правительствующего сената в общем всех департаментов собрании господин генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский словесно предлагал: о бывших при дворе ее императорского величества пажах Алексее Кутузове, Андрее Рубановском и Александре Радищеве, которые, по выключке их в 1766 году сентября 22 дня из придворного списка, отправлены были в силу именного указа в Лейпциг, для обучения наукам, что они, ныне оттуда возвратясь, о похвальных своих в науках и языках успехах имеют от тамошних профессоров аттестаты.

И ее императорское величество высочайше повелеть соизволила, наградя их по достоинству штатскими чинами, определить к делам. И во исполнение оного ее императорского величества повеления Правительствующий сенат приказали:

помянутым пажам дать чины титулярных советников, предоставя распределение их к делам при Сенате на благорассмотрение господина генерал-прокурора и кавалера, а жалование им производить по чину сенатского протоколиста из штатс-конторы, покуда они в штатное число в Сенате вступят, о чем объявя им указ, привесть к присяге.[1]

Документы свидетельствуют, что выпускникам Лейпцигского университета не приходилось искать службу, они сразу же по возвращении получили назначение. Радищев и Рубановский определены были протоколистами в первый департамент Сената, находившийся под непосредственным руководством генерал-прокурора Сената А. А. Вяземского. Кутузова назначили в третий департамент. В обязанности протоколистов входило составление экстрактов всех разбиравшихся в департаменте казусных дел, а также дел по многочисленным челобитным. Составление экстрактов требовало отличного знания юриспруденции вообще, и русского законо-

[1] ЦГАДА, ф. 268, кн. 11/6300, л. 470. «Клятвенное обещание», подписанное Радищевым, хранится в ЦГАДА, ф. 249, кн. 6465, л. 548.

дательства в частности. Трем протоколистам был присвоен чин 9-го класса — титулярного советника; чин не малый — вспомним, что он соответствовал званию капитана в армии. В Сенате служило множество чиновников: секретари, регистраторы, канцеляристы, подканцеляристы и т. д. Просмотр протоколов и бумаг первого департамента показал, что по чину Радищев, Кутузов и Рубановский резко отделялись от окружавшей их массы чиновников; тем более они отличались по своим знаниям. Первое же знакомство с протоколами, которые вел Радищев, позволяет убедиться, что он отлично знал русский язык и русское законодательство. Таким образом, бытующее в исследовательской литературе мнение о том, что Радищев вместе с другими молодыми людьми якобы предназначался к участию в работе Комиссии по составлению нового Уложения, что за этим он и был послан в Лейпциг, что вследствие роспуска Комиссии в 1768 году образованные юристы остались без службы, брошенными на произвол судьбы, что Радищев не мог служить по юридической части, так как не знал русского законодательства и русского языка, — все это плод сочинительства.[1]

Реформа Сената, проведенная Екатериной в 1764 году, предусматривала разделение его на шесть департаментов: четыре заседали в Петербурге, два — в Москве. Хотя формально права всех департаментов равны, первый в действительности был главным — и потому, что в его ведение входили вопросы политической и хозяйственной жизни страны, и потому, что первый департамент ведал всем административным управлением России, следил за исполнением указов императрицы и Сената местными властями, производил назначения, повышения в званиях и чинах, представлял к награде, и, наконец, потому, что генерал-прокурор, верховное лицо Сената, доверенное лицо Екатерины, председательствовавший в общем собрании всех департаментов Сената, находился при первом департаменте. Первый департамент, как показывают дела архива Сената, руководил через соответ-

---

[1] Дела первого департамента свидетельствуют о том, что А. В. Храповицкий работал вместе с Радищевым в те же самые годы, исполняя обязанность секретаря. Его подпись на протоколах нередко встречается рядом с подписью Радищева.

ствующие конторы и коллегии экономикой страны, занимался внутренней и внешней торговлей, делами таможни, добычей и продажей соли. Он контролировал петербургские и московские банки, определял выпуск ассигнаций, их обмен и т. д. Большие и малые дела управления страной находились в ведении первого департамента: тут решались вопросы внешней политики (заслушивались доклады коллегии иностранных дел), осуществлялся контроль за действием юстиц-коллегии, читались рапорты о борьбе с заразными болезнями и эпидемиями и о ходе строительства казенных и государственных зданий в столичных и губернских городах и т. д. В обязанности сенаторов первого департамента входил разбор многочисленных челобитных, поступавших от разных частных лиц, и решение казусных дел, с которыми обращались государственные коллегии и конторы.

Сенаторы первого департамента собирались трижды в неделю на заседания. Обычно заседания происходили по понедельникам, средам и пятницам с десяти часов утра до часу дня. Не менее одного раза в неделю после часу дня проходило общее всех департаментов Сената собрание. Дела, которые следовало решать сенаторам, докладывал секретарь. Готовили же их для слушания протоколисты. Их было в первом департаменте не менее десяти. Протоколисты обязаны были, разобравшись во всех перипетиях дела, составить экстракт — краткое изложение всех обстоятельств дела, в котором предлагался проект решения, мотивированный соответствующим указом. Экстракт, как правило, и был черновиком для указа Сената, который писался уже после обсуждения дела на собрании сенаторов. Кроме подготовки дел к собранию, составления экстрактов и проектов указов, протоколисты обязаны были вести протоколы собрания. Протоколисты первого департамента вели протоколы не только собраний своего департамента, но и общего всех департаментов Сената собрания.

Все указы Екатерины генерал-прокурор Вяземский зачитывал в начале каждого заседания. Затем разбирались по порядку очередные дела. В 1771—1772 годах среди сенаторов, присутствовавших на собрании, помимо генерал-прокурора обычно бывали Елагин, Олсуфьев, Чичерин, Иван Вяземский и другие.

Изучение журналов первого департамента, указов, принятых после разбора челобитных и доношений, и особенно знакомство с протоколами, которые лично вел Радищев, позволяет сделать заключение, что служба в Сенате была важным этапом в его жизни. Российская империя раскрылась для него не с парадного, но с черного хода. Вся огромная страна, все дела империи, жизнь народов, ее населявших, встала перед Радищевым. Четырнадцать месяцев Радищев читал рапорты губернаторов о положении дел в губерниях, об урожаях и торговле, о побегах крестьян, о бунтах, о болезнях, о смертности населения и т. д., знакомился с многочисленными преступлениями местных властей — воевод, судей, прокуроров, с бедствиями народа в связи с распространившейся по центральным губерниям чумой, внимательно разбирал многочисленные челобитные солдат, купцов, оказавшихся жертвами деспотизма дворян-офицеров, дворян-чиновников, служивших в воеводствах и губернских канцеляриях. Радищев оказывался в силу своих служебных обязанностей не сторонним наблюдателем, а лицом официальным, которое обязано было вникать в суть дела, разбираться в сложных, запутанных крючкотворами вопросах, искать выхода, рекомендовать решение на основании специально подобранного соответствующего указа.

9 декабря 1771 года Радищев был зачислен на службу в первый департамент, а уже 12 декабря на заседании сенаторов слушался рапорт следственной комиссии при Петровских заводах, разбиравшей дело «О возмущении приписанных крестьян». «Возмутителей» решено было жестоко наказать — сечь кнутом и вырывать ноздри. В рапорте излагалась просьба: так как на Петровских заводах не было палача, а из Новгорода посылать далеко, то просить прислать палача из столицы. Первый департамент приказал санкт-петербургскому губернатору выслать требуемого палача «со всеми к публичному наказанию инструментами».[1] 15 декабря слушалось доношение юстиц-конторы о деле отставного секунд-майора Мордвинова, который высек солдата Алексеева. Как свидетельствуют протоколы первого

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3916.

департамента, окончательное решение по делу солдата было принято в 1772 году, и решение это подготовил Радищев.

Первый раз Радищев вел протокол 9 января 1772 года. Затем его подпись находим только под протоколом от 25 июля. С этого числа Радищев ведет протоколы аккуратно, из месяца в месяц, чередуясь с товарищами: в июле два протокола, в августе шесть, в сентябре три, в октябре шесть, в ноябре три, в декабре один. Какие же дела проходили непосредственно через Радищева?

Двадцать два протокола, которые вел Радищев, рассказывают о сотне дел. Число дел, разбиравшихся на заседаниях, определялось и степенью их сложности и практическими потребностями. Поэтому в иной день обсуждали пять — десять дел, в другой — двадцать — тридцать (25 июня, например, слушали двадцать семь дел, 19 сентября — тридцать девять и т. д.). Повестку дня заседания заполняли текущие дела и частные, определявшиеся конкретными обстоятельствами. Регулярно каждое заседание открывалось чтением указов Екатерины, рапортов губернаторов, контор и коллегий, происходило утверждение отчетов банков и т. д.

Для характеристики деятельности Радищева приведу несколько частных дел, которые должен был решить первый департамент. 25 июля собрание сенаторов слушало рапорт начальника екатеринбургской монетной экспедиции полковника Бибикова. Бибиков просил приписать к заводам крестьян, так как ему было недостаточно «приписанных крестьян, разночинцев и военных». Департамент вынес решение: в просьбе отказать, так как по указу монетной экспедиции полагалось пользоваться услугами только военных. В тот же день утверждалась инструкция о порядке захоронения на московских кладбищах умерших «от моровой язвы».[1] 17 августа сенаторы слушали доношение Бецкого о делах воспитательного дома и письмо Панина о делах иностранной коллегии. 21 сентября — жалобу полковника следственной комиссии при Нерчинских заводах на то, что обвинения, предъявленные ему генерал-майором Суворовым, не

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3956.

верны. 31 августа слушали дело «О взыскании с капитана Изъединова за написание им в сказках, поданных в нынешнюю ревизию, крестьян своих живых — умершими, штрафа по 200 рублей за душу», приговор по делу служителей Псковской таможни и т. д. 19 сентября слушался доклад о конфирмировании Екатериной просьбы Бецкого о дозволении ему содержать воспитанников на его иждивении при сухопутном Шляхетном корпусе, Обществе благородных девиц и Академии художеств, о невыполнении подрядчиком петербургским купцом Погодиным условий помола ржи и доставки муки в столицу. По последнему делу принято решение: купца Погодина «держать три дни под караулом в Сенате, давая на то время в пищу хлеб и воду». [1]

Несомненно, вопросы экономики занимали в работе первого департамента одно из важнейших мест. Радищев мог отлично познакомиться и с состоянием торговли в России, и с развитием промышленности, судоходства, и т. п. Так, при Радищеве по рапорту Главной соляной конторы был вынесен указ о заготовке соли в Крыму. Доношение прокурора камер-коллегии послужило основанием для указа, который требовал строжайшего соблюдения откупщиками правил откупа водки. Тогда же приняты указы об организации сообщения по России, о ценах на хлеб, о беспошлинных товарах.

Берг-коллегия обращалась в первый департамент с различными просьбами: то просила приписать к какому-либо заводу государственных крестьян, то ходатайствовала «о выключении находящихся на Липецких казенных заводах приказных и мастеровых людей, также их детей из подушного оклада и другого с них сбора, по причине, что оные находятся беспеременно в работах на жаловании». [2] В первом департаменте часто рассматривались донесения и рапорты Брюса, войска которого несли карантинную службу в Санкт-Петербургской губернии. Челобитные купцов вскрывали злоупотребления различных чиновников, чинивших препятствия в доставке купеческих барж с хлебом «из низовых городов». У шлюзов скапливались десятки барж, ибо чиновники пропускали вперед

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3957.
[2] Там же, кн. 3916.

казенные грузы и задерживали купеческие, требуя с купцов взяток. По каждой челобитной принималось решение и посылался указ Сената.

Обращает на себя внимание довольно большое число приговоров чиновникам за должностные преступления, а также дворянам за «мошенничество», «разбой» и убийство крестьян. 9 мая 1772 года, например, первый департамент утвердил решение юстиц-конторы об отдаче под суд прокурора Исецкой провинции Гуляева за взятки. [1] За время службы в Сенате Радищева отдан был под суд отставной из дворян подпоручик Семен Руднев за посылку им людей жены своей для кражи лошадей к помещице Авдотье Бахиной. [2] За продажу чужих крестьян, за заклад в банк чужих имений и другие преступления лишены дворянства, наказаны кнутом и сосланы в Сибирь бывший гвардии Семеновского полка сержант Варахсов, гвардии капрал Юрьев, отставной поручик Темкин. Дворянин Иван Остолопов «за разбой» лишен дворянства, наказан кнутом и сослан на каторгу в вечную работу.

Из многих жалоб на беззаконные действия дворян и чиновников обращают на себя внимание три челобитные, которые разбирались и подготавливались для обсуждения на заседании первого департамента. Это дела солдат Кондратьева и Алексеева и купца Сазыкина.

17 октября 1772 года первый департамент слушал дело солдата Кондратьева. Протокол вел Радищев. Суть дела сводилась к следующему: у Кондратьева был обнаружен пузырь с водкой; он показал, что нашел его. Солдата судили дважды: гражданским и военным судом в полковом кригсрехте, причем на допросе «под битьем батоги» Кондратьев показал, «что то найденное им вино нес для объявления в караульню». В первый департамент пришла жалоба Военной коллегии на камер-контору. Военная коллегия считала, что она, а не камер-контора должна судить военных, обвиненных в корчемстве, и требовала соответствующего разъяснения. Дело Кондратьева

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3955.
[2] Там же, кн. 3925.

становилось казусным, ибо оно сводилось к распре между двумя учреждениями из-за неверного толкования указов. Нельзя было забыть и о судьбе солдата, который оказался в результате беззаконных действий судим двумя судами и жестоко наказан. Вот какое решение принял первый департамент:

Как из предписанного обстоятельства оказывалось, что солдат Кондратьев и при произведении над ним кригсрехта в допросе показал, что пузырь с вином им найден, а в публикованном в прошлом 1771 году, генваря 31 дня, указе между прочим сказано: если кто при поимке с вином сказывать будет, будто бы оное поднял, или нашел на дороге, или же купил у незнакомых людей, то таковые показания ни от кого в оправдание не принимать, а почитать за прямое корчемство и поступать с таковыми как с прямыми корчемниками, следовательно, и нет такого сумнения, как Военная коллегия почитает, а должно его, Кондратьева, осудить как корчемника, почему и впредь с таковыми равномерно поступать; что ж принадлежит до произведения следствия над оказавшимися в корчемстве военными людьми, то как по корчемному уставу велено все следствие по корчемным делам производить в Москве в камер-коллегии, а здесь в ее конторе, и все прежде состоявшиеся в корчемстве указы и инструкции отставляются, а поступать по тому уставу, следовательно, если и впредь кто из воинских людей приличится по корчемным делам, то об них следствия должны производимы быть в камер-коллегии и ее конторе, почему и ныне видя господину обер-коменданту, что над солдатом Кондратьевым следствие в камер-конторе произведено согласно с тем уставом, то и не надлежало отнюдь сверх того еще учреждать кригсрехт, а тем меньше под битьем батоги допрашивать, ибо по высочайшим ее императорского величества указам велено, сколько можно, кровопролитие уменьшать, а как он, Кондратьев, оное наказание претерпел не по закону, то, вменяя ему вместо ссылки на поселение, от оной свободить и оставить попрежнему при команде.[1]

30 октября первый департамент в четвертый раз вернулся к делу солдата Алексеева. Впервые это дело слушалось в декабре 1771 года. Суть дела сводилась к следующему: отставной секунд-майор новгородский помещик Мордвинов учинил «самовольное сечение на дому» солдата Алексеева. Первый департамент вынес решение по предложению юстиц-конторы: взыскать с Мордвинова в пользу «безвинно потерпевшего» Алексеева 50 рублей.

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3957.

Указ для исполнения был послан в новгородскую губернскую канцелярию. Через несколько месяцев история солдата Алексеева получила неожиданное продолжение: узнавший о приговоре Мордвинов, придя в ярость, подговорил своих приятелей-помещиков схватить Алексеева и жестоко наказать кнутом за то, что посмел пожаловаться. После разбора дела был послан новый указ: взыскать с участников расправы над солдатом Алексеевым по 10 рублей в пользу пострадавшего. По существующему порядку новгородская губернская канцелярия обязана была доложить первому департаменту об исполнении указа. Но этого рапорта не последовало. Тогда из первого департамента был послан «подтвердительный указ». Наконец рапорт пришел. Знакомство с ним убеждало, что губернские чиновники открыто саботировали решение Сената и не желали его выполнять. 30 октября и было поставлено на обсуждение первого департамента дело уже не только об Алексееве, но и о губернской канцелярии. Вот протокол этого заседания, который подписал Радищев:

При слушании определения по данной сего октября 22 дня резолюции касательно до удовлетворения солдата Алексеева за учиненное ему новгородским помещиком Мордвиновым безвинное наказание, вместо прежде данной резолюции приказали: как из производимого дела видно, что о беззамедлительном выше показанных помещиков за самовольное упоминаемого солдата Алексеева безвинное сечение плетьми повеленных денег взыскании, новгородской губернской канцелярии сверх прежде посланного от 1 генваря указа и еще апреля от 11, да и июля 18 чисел было подтверждено с таким при том предписанием, чтоб те деньги по взыскании, в рассуждении, что оный солдат Алексеев ехать сам в Новгород не может, для отдачи пересланы были сюда, а для чего по первым двум указам исполнения не сделано, прислать к рассмотрению ответ; напротиву ж того означенная губернская канцелярия, не ответствуя нимало на те последние указы и умалчивая вовсе об них, доносит только ныне, через столь продолжительное время, об одном отзыве майором Мякининым с товарищи учиненном и что взысканные с прапорщика Мягкова деньги 10 рублей определила она записать в приход, несмотря на то, что те деньги давно уже ей велено по взыскании прислать сюда; и для того как за не репортование, так и за долговременное оною губернскою канцелярией по подтвердительным указом неисполнение определенные ко взысканию с вышеозначенных помещиков в удовлетворение солдату Алексееву претерпенных им неповинно побой деньги 50 рублей, дабы более без удовольствия не оставался, выдать ему, Алексееву, из штатс-конторы, а сей конторе вычесть оные из жалования новгородской губернской канцелярии присутствующих

и секретаря, у которого дело в производстве, с тем что буде оная губернская канцелярия показание маиора Мякинина, капитана Казимирова, подпоручика Базлова и дворянина Арцыбашева, что они солдата Алексеева вторично сечь не приказывали, признает справедливым и маиор Мордвинов оное на них наклепал напрасно, то те деньги. которые с них взять следовало, взамен вычтенных ныне из жалования присутствующих и секретаря, взыскать с самого Мордвинова.[1]

Внимательное чтение челобитных знакомило Радищева с чудовищным произволом чиновников, беззащитностью простых людей перед лицом бюрократического государственного аппарата, наглядно убеждало, что отсутствие законов в России несет неисчислимые бедствия народу. Не имея законов, чиновники обращались к указам, которые часто противоречили один другому. Как известно, писались эти указы по конкретным поводам в различные эпохи, да еще к тому же темным языком. Это обстоятельство открывало путь к бесчисленным злоупотреблениям, мошенничеству. В самодержавном государстве бессильным было даже такое высокое учреждение, как Сенат, и всемогущей оказывалась власть чиновников на местах. Каждый день видел Радищев примеры преступного саботажа и многолетних проволочек по делам, требующим немедленного решения. Но даже когда то или другое дело, после прохождения через различные инстанции, наконец решалось Сенатом — это вовсе не означало конца мытарствам челобитчика. Изданный Сенатом указ попадал к местным властям, которые и саботировали его, пользуясь тем, что практически Сенат не контролировал выполнение своих же решений.

Контроль должен был осуществляться теми чиновниками Сената, которые занимались делопроизводством. В этих пределах: подготовить справедливый разбор дела и проект решения с ссылкой на умело подобранный указ, проследить за выполнением решений Сената местными властями, составить «напоминательный указ» и, наконец, в случае явного и наглого саботажа местных властей представить сенаторам дело об их противозаконных действиях — многое зависело от инициативы, настойчивости,

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3957.

честности, наконец, понимания своих обязанностей такими чиновниками, как протоколисты и секретари.

Дела солдат Кондратьева и Алексеева проливают свет на служебную деятельность Радищева, знакомят нас с пониманием им своих обязанностей протоколиста Сената. Дело с преступным саботажем указов Сената новгородской губернской канцелярией поднято Радищевым. Формально у Радищева было к этому основание: существовали решения Сената, обязывавшие власти немедленно исполнять указы с обязательным рапортованием об исполнении. Невелики были права протоколиста. Но он делал, что мог. По силе существовавших указов в России дворянин за избиение простых людей платит штраф. Сенат и вынес такое решение. Губернская же канцелярия саботировала это решение. Протоколист добивался хотя бы выполнения решения, отстаивая интересы бесправного солдата.

Порядок обсуждения дел в Сенате способствовал проявлению такой инициативы. Секретарь на собрании сенаторов докладывал подготовленное дело с выводами и проектом указа. Сенаторы на общем собрании не формулировали решения, а отвергали или принимали зачитанные им предложения. Поэтому и оказывалось возможным прослушивать в течение одного заседания до тридцати и более дел. А длилось собрание не более трех часов. Дело Алексеева, в частности, разбирали шестым в повестке дня. По тем же самым причинам на заседании почти никогда не присутствовали все сенаторы. Нередки случаи, когда на собрание прибывал всего лишь один сенатор и дела шли своим заведенным порядком: читались экстракты, принимались решения. После собрания заготовленный указ посылался на подпись другим сенаторам.

Работа Радищева в Сенате, а позже в штабе Брюса проясняет некоторые подробности службы героя автобиографической повести «Дневник одной недели», написанной в 1773 году. Вот, в частности, что говорится там о служебных обязанностях героя: «Должность требует моего выезда... От оного зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан». Дело солдат Кондратьева и Алексеева — одна из иллюстраций этого утверждения Радищева. Действительно, «должность его» определяла «успех или неудачу в делопроизводстве», от которого зависели «бла-

госостояние или вред твоих сограждан». Документы свидетельствуют, что Радищев сразу по приезде в Россию рассматривал свою «должность» с позиций гражданина и всеми силами стремился способствовать «благосостоянию» сограждан.

Представляет интерес и дело купца Сазыкина, которым занимался Радищев. В первый департамент поступила челобитная тульского купца Филиппа Сазыкина. По челобитной Радищевым был подготовлен экстракт и проект указа Сената. Суть дела сводилась к следующему: в 1769 году у Филиппа Сазыкина умер отец. За умершим и его компаньоном Сулимовым осталась задолженность по займам в сумме 10 726 рублей. Молодой купец Филипп Сазыкин заявил, что он обязывается уплатить отцовский долг, но при условии, что ему будет дана трехлетняя рассрочка. Это условие было принято, и долг отца переписан на сына. Но как только были составлены официальные бумаги, кредиторы потребовали немедленной уплаты долга. Денег у Сазыкина не было, и тогда его вместе с Сулимовым в 1770 году арестовали и посадили «под крепкий караул». Шли месяцы и годы, а дело Сазыкина не решалось, он продолжал сидеть в тюрьме. Наконец он сумел передать челобитную в Сенат с жалобой на притеснения, чинимые ему магистратской конторой.

Дело Сазыкина слушалось в первом департаменте 20 декабря 1772 года. В принятом решении, между прочим, говорилось: «Означенного тульского купца Сазыкина и Сулимова с кредиторами отца его дело магистратскою конторою продолжается с 1770 года, следовательно, без мала три года, и сам он, Сазыкин, и Сулимов содержатся под крепким караулом в отягощение человечеству; то в рассуждении сего от магистратской конторы для рассмотрения по силе вышеписанных законов потребовать ответа, чего ради помянутое дело столь долговременно продолжается без решения, а он, Сазыкин, содержится под караулом. Между тем же оной конторе оное дело решить на основании законов немедленно, а самого его, Сазыкина, с надежным поручительством до решения того дела из-под караула свободить». [1]

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3958.

3

Служба в первом департаменте ежедневно обогащала Радищева наблюдениями над жизнью государства. Знакомясь с указами русской императрицы, следя за действиями местной и центральной власти, участвуя в контроле за деятельностью всей огромной бюрократической машины самодержавного государства — различных коллегий, контор, губернских канцелярий, магистратов, — Радищев имел богатый материал для размышления о политическом строе своего отечества, о самодержавии. Более того, сидя в Сенате, он знакомился с такими указами, в которых официально говорилось о растущем в народе недовольстве политикой Екатерины. 28 марта 1772 года первый департамент Сената подготовил указ, в котором констатировалось, что «многие дурно воспитанные и праздные люди толкуют и пропускают несбыточные слухи как о нынешних военных, так и политических делах имея рассуждение». Для острастки Сенат решил повторить указы Елизаветы и Екатерины; в них народ призывался к покорности. Из указа Екатерины от 4 июня 1763 года было процитировано знаменательное место, в котором определялось существо русской самодержавной власти. Знаменательно оно было тем, что выражало екатерининскую точку зрения на собственное ее правление: «Нет в свете государства, о благополучии которого не принимали б владетели и правительства их всевозможного старания и трудов к восстановлению в высшую степень благоденствия всех живущих во оных обитателей; нет таких и подданных, кои б, имея благоразумные мысли, не желали себе всякого добра, тишины и спокойствия, тем что благополучие подданных есть истинное и прямое благополучие самих государей».

После такого введения признавалось, что в русском народе не все понимают самодержавное правление как «матернюю» опеку, что есть в России «развращенных нравов и мыслей люди, кои не о добре общем и спокойстве помышляют, но как сами заражены странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих, не имея о том прямого сведения, так стараются заражать и других слабоумных, и даже до того попускают свои сла-

бости в безрассудном стремлении, что касаются дерзостно своими истолкованиями не только гражданским правам и правительству и от ее императорского величества издаваемым уставам, но и самым божественным узаконениям».

Этот указ Екатерины был издан в 1763 году. Прошло восемь лет, и его понадобилось повторить: число людей, зараженных «странными рассуждениями о делах, совсем до них не принадлежащих», стало не меньше, а больше. Больше, хотя уже в первый раз высочайше указывалось, что «таковые зловредные истолкователи праведно заслуживают достойную себе казнь». В указе 1772 года вновь «зловредным истолкователям» предлагалось смириться и поверить в «матернее попечение» русской императрицы о своих подданных. После увещевания шла угроза: «а если сие ея императорского величества матернее увещевание и попечение не подействует в сердцах развращенных и не обратится на путь истинного блаженства, то ведал бы всяк из таковых невеждей, что ее императорское величество тогда поступит уже по всей строгости законов и неминуемо преступники почувствуют всю тяжесть ее императорского величества гнева». [1]

Эти «полезные для каждого увещевания» были напечатаны в «потребном числе экземпляров» и разосланы во все присутственные места столицы, губерний, провинций и воеводств. По всей России читался этот приказ, обращенный к зловредным людям, стремящимся рассуждать «о делах, совсем до них не принадлежащих». А в самом Сенате служил протоколистом человек, который все больше начинал не доверять «матернему попечению» Екатерины. Указ этот был опубликован 28 марта 1772 года. В том же году Радищев, не захотев быть более только чиновником, решает испробовать свои силы на литературно-общественном поприще. Это решение привело его в «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», где для перевода было им избрано сочинение Мабли «Observations sur les Grecs» («Замечания о греках»), которое Радищев перевел под названием «Размышления о греческой истории, или о причинах благоденствия и несчастия греков».

---

[1] ЦГАДА, ф. 259, кн. 3954.

Обучение в Лейпцигском университете на юридическом факультете, как мы уже видели, определило интерес Радищева к социально-политическим теориям французского просвещения. Еще в Лейпциге были усвоены Радищевым основы естественного права, учение Руссо и Мабли об общественном договоре, о народе, единственном законодателе. Служба в Сенате непосредственно столкнула Радищева с законодательной системой самодержавного государства, с политикой Екатерины, цинично обосновавшей свою власть теорией просвещенного абсолютизма. Приобретенный в первом департаменте опыт позволил Радищеву проверить теорию просвещенного абсолютизма на практике и признать ее несостоятельной. Так обстоятельства жизни, опыт убедили Радищева в правоте Руссо и Мабли, активных противников политического учения Монтескье и энциклопедистов. Более того, первые годы жизни в России помогли Радищеву понять, с какой спекулятивной целью Екатерина использовала учение энциклопедистов о просвещенной монархии. «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», созданное Екатериной и ею поддерживаемое, активно переводило отдельные статьи из «Энциклопедии», и прежде всего статьи и сочинения на политические темы. Радищев, взявший для перевода сочинение Мабли, конечно, знал книгу, подготовленную тем же «Обществом»: «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии»; перевел эту книгу правительствующего сената переводчик Иван Туманский, сослуживец Радищева.

Перевод книги Мабли несомненно был сделан с учетом начатой Козельским и Новиковым борьбы против распространения легенды о просвещенном характере русского самодержавства. Радищев, продолжая работу своих предшественников, теории энциклопедистов противопоставляет Мабли, Руссо и свои собственные политические взгляды. Не случайно выбор пал именно на Мабли, наиболее активного противника доктрины просвещенного абсолютизма. Но этим Радищев не ограничился; он снабжает сочинение Мабли примечаниями, усиливающими его направленность против энциклопедистов.

Книга Мабли написана в 1749 году, то есть год спустя после выхода «Духа законов» Монтескье. Во многом она полемизирует с ним. Радищев делает от себя примеча-

ния, точно указывая главы и параграфы «Духа законов», вызвавшие возражения Мабли. Эта форма примечаний позволила Радищеву в книге противника просвещенного абсолютизма изложить и свои мысли.

Особую ценность представляет примечание Радищева к слову «самодержавство». Кстати об этом слове — у Мабли мы находим другой термин — «деспотизм». Радищев же при переводе заменяет его другим термином — «самодержавство». Согласно учению энциклопедистов, деспотия, монархия и самодержавство — разные политические системы. Радищев же позволяет себе, опираясь на авторитет Мабли, ставить знак равенства между крайней формой монархии — деспотизмом и самодержавством. Делал это Радищев сознательно, стремясь подчеркнуть, что для него нет разницы между деспотизмом и самодержавством. Но и этим Радищев не ограничился — заменив «деспотию» «самодержавством», он счел себя обязанным дать русскому читателю исчерпывающее определение политической сущности русского государственного правления — самодержавства. Данное примечание было по сути краткой политической статьей. Оно сразу включало Радищева в начатую русскими просветителями борьбу.

Совершенно очевидно, что Радищев знал перевод Ивана Туманского и, когда писал свое примечание к слову «самодержавство», имел в виду определение того же слова в «Энциклопедии». [1]

Вот что писал Радищев в своем примечании: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но нижѐ закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников, опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем неотменно; но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея *обязанности*. Неправосудие госу-

---

[1] См. определение самодержавства «Энциклопедией» в первой главе настоящего издания, стр. 75.

даря дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. *Государь есть первый гражданин народного общества».*

Подготовка перевода сочинения Мабли, снабжение его политическими примечаниями свидетельствует о сформировавшемся у титулярного советника Радищева самостоятельном представлении о политическом строе России. Естественно, с таким убеждением было трудно исполнять должность протоколиста. И у Радищева стал созревать план ухода из Сената на другую службу, которая открывала бы больший простор для самостоятельных действий. В то время такой службой Радищеву представлялась военная. Вспоминая в «Житии Федора Васильевича Ушакова» об этой поре, Радищев писал, что, возвратясь на родину, три друга были заражены «исступлением», страстным желанием служить родине, «жертвовать и жизнью для пользы отечества». Молодые друзья рвались в армию. Обсуждение планов ухода из Сената, видимо, началось с конца 1772 года, во всяком случае в мае 1773 года этот план, как свидетельствуют архивные документы, был осуществлен. Первым ушел Радищев — 10 мая, вторым Кутузов — 17 мая и третьим Рубановский — 29 мая. [1]

Стремление перейти на службу в армию объясняет, почему Радищев избрал для своего второго перевода военное сочинение «Офицерские упражнения». До сих пор было неизвестно, когда Радищев начал переводить «Офицерские упражнения», и непонятно, почему выбор пал именно на эту книгу. Между тем время работы Радищева над переводом «Офицерских упражнений» точно устанавливается материалами «Санкт-Петербургских ведомостей». В номере от 5 июня 1773 года напечатано объявление «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык», в котором сообщено о напечатанных, переводимых и «отданных в тиснение» книгах. В разделе «Книги, отданные в тиснение» мы находим и «Размышления о греческой истории через Мабли» и «Упражнения офицерские», части I — IV. [2] Следовательно,

---

[1] ЦГАДА, ф. 268, кн. 6303.

[2] Санкт-Петербургские ведомости, 5 июня 1773 г., «Прибавление».

в апреле, то есть до перехода в штаб Брюса, Радищев закончил и второй перевод. Работал же он над ним, видимо, с конца 1772 и в начале 1773 года.[1]

Чем вызван выбор для перевода специального военного сочинения? Три друга собирались перейти служить в армию. Не имея специального военного образования, они, как истинные патриоты, хотели прежде изучить военную науку, чтобы быть грамотными и знающими офицерами. При переходе в армию их должны были определить в полки со званием капитанов. Радищев и выбрал одно из лучших немецких военных наставлений для пехотного офицера. Автор, человек с большим военным опытом, знакомил своих читателей с обязанностями офицера и давал ряд тактических задач, решение которых помогало овладению военной специальностью. Первая часть книги содержала «Упражнения пехотных офицеров от капитана до прапорщика в окружных местах их гарнизона», часть вторая — «Упражнения пехотных офицеров от капитана до прапорщика вне их гарнизона», часть третья — «Упражнения пехотных офицеров от полковника до капитана вне их гарнизона», часть четвертая — «Маневры одного батальона, на восемь плутонгов разделенного, которые равномерно могут представить восемь батальонов, восемь бригад или восемь дивизионов». Последние месяцы службы в Сенате друзья и занимались изучением военных наук: Радищев переводил «Офицерские упражнения», а Кутузов — «Мечты маршала де Сакса».

Переведенная Радищевым книга имела и общественное значение. Автор ее с горечью и возмущением говорит о том, что почти не существует военных сочинений, которые помогали бы рядовым офицерам овладеть военным искусством. Обычно военные авторы пишут наставление полководцам. Оттого в армии масса невежественных офицеров, которые не умеют выполнять поручений старших начальников. «Сие великое невежество, в коем нижнего и среднего чина офицеры стареют и седеют, происходит, по моему мнению, от двух причин: 1) Что нет

[1] В примечаниях к этому переводу в академическом издании сочинений Радищева дата перевода определена ошибочно: 1773—1774 (А. Н. Радищев, Собрание сочинений, АН СССР, 1941, т. II, стр 413).

о военном искусстве книги, которая бы руководствовала поручику, капитану и штаб-офицеру и показывала, как они в таком или другом случае препорученное им по их чину исполнить могут. Все воинские писатели пренебрегают таковые подробности, научающие офицеров нижнего и среднего чина: они дают наставление только полководцам; оттого-то и происходит, что несколько сведущий поручик рассуждает о действиях своего генерала нарочито, а сам, если пошлется с тридцатью человеками в запасный дом за деньгами или хлебом и если ему сквозь неприятеля пробиваться должно, то не знает, что ему делать и с которого начинать конца...»[1] Можно утверждать, что уже сам выбор и перевод такой книги, крайне необходимой русской армии, был патриотическим поступком молодого просветителя.

Свой уход из Сената Радищев подготовил. Установив связь с Брюсом, он договорился о переходе к нему на службу по специальности. В армии были офицерские должности, требовавшие юридического образования: полковые и дивизионные аудиторы (прокуроры). В делах Сената сохранилось следующее письмо Брюса Вяземскому:

Милостивый государь мой, князь Александр Алексеевич!

При Правительствующем сенате находится титулярный советник Александр Радищев, который желает в штате моем быть обер-аудитором; почему прошу ваше сиятельство, буде возможно, его ко мне в штат во оный чин уволить, то для определения и отослать в Государственную военную коллегию, чем почту себя обязанным и пребываю навсегда с совершенным истинным почтением вашего сиятельства, милостивого государя моего, *граф Брюс.*

8 мая 1773 года.[2]

10 мая об увольнении Радищева докладывали на общем всех департаментов Сената собрании. Об этом свидетельствует выписка из протокола:

Докладывано по присланному к его сиятельству господину генерал-прокурору и кавалеру князю Вяземскому от генерал-аншефа графа Брюса письму о увольнении находящегося при Правитель-

[1] «Офицерские упражнения», СПБ., 1773, ч. 1, стр. 4—5.
[2] ЦГАДА, ф. 249, кн. 6470.

ствующем сенате титулярного советника Александр Радищева в штат его. графа Брюса, в обер-аудиторы.

Приказали: по тому представлению отослать помянутого Радищева в военную коллегию к определению в штат его, графа Брюса, и о чем написать протокол. [1]

На основании этого решения и был издан указ об увольнении Радищева:

1773 года мая 10 дня Правительствующему сенату в общем всех департаментов собрании господин генерал-прокурор и кавалер князь Александр Алексеевич Вяземский предложил письмо, полученное к нему от господина генерал-аншефа и кавалера Брюса, которым требует к определению в свой штат обер-аудитором находящегося в Сенате титулярного советника Александр Радищева, объявил, что он со своей стороны его увольняет, и, по указу ее императорского величества, Правительствующий сенат приказали: означенного титулярного советника Радищева для определения в штат господина генерал-аншефа графа Брюса по требованию его отослать в военную коллегию при указе и для того о исключении его из штатского списка сообщить в герольдию, а для ведома и в московские сената департаменты послать ведение. [2]

4

Документы, уточняющие время перехода Радищева из Сената в штаб Брюса, позволяют решить вопрос и о начале его литературной работы. Как мы уже знаем, над переводами сочинения Мабли и «Офицерских упражнений» Радищев трудился с середины 1772 до мая 1773 года. Летом того же 1773 года Радищев написал свое первое художественное произведение — «Дневник одной недели».

Значение «Дневника» чрезвычайно велико не только потому, что это крупная удача Радищева-писателя. Он важен еще и потому, что ярко характеризует начало писательского пути Радищева. Читая «Дневник», мы видим, как еще мал был запас жизненных наблюдений Радищева, понимаем, что «бытие» души своей волновало его как художника куда больше, чем острые социальные вопросы современности. Объектом изображения в своем «Дневнике» Радищев сделал самого себя, свои чувства. Это свидетельствовало, что эстетика сентиментализма,

---

[1] ЦГАДА, ф. 268, кн. 6303

[2] Там же.

и в частности эстетика Руссо, оказала на юношу Радищева сильное впечатление. Но, прежде чем проанализировать «Дневник», необходимо остановиться на проблеме его датировки.

При жизни Радищева «Дневник одной недели» не печатался. Впервые он был опубликован сыновьями писателя в четвертом томе «Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева» (1811). Время его написания осталось неизвестным. В. В. Каллаш, редактор Полного собрания сочинений Радищева, вышедшего в 1907 году, отнес «Дневник» в 80-м годам. Основой такой датировки послужило довольно вольное толкование примечания, которое было сделано к одной фразе главы «Понедельник». В этой главе рассказывается о судьбе героя пьесы «Беверлей». И вот к строкам «Но он сам причина своему бедствию, кто же поручится мне, что и я сам себе злодей не буду» сделано примечание: «Сие сбылося через несколько лет». В. Каллаш без каких-либо доказательств сообщает, что это примечание автора. Затем он дает свое пояснение: «Намек на ссылку в Сибирь. Это указание, а также упоминание о службе заставляют отнести эту статью к 80-м годам». [1]

Редакция академического издания сочинений Радищева, исходя из того, что в «Дневнике» герой посещает театр и смотрит пьесу Сорена «Беверлей», которая, как указывает комментатор, была поставлена в Петербурге 11 мая 1773 года, делает вывод, что это произведение Радищева можно датировать в пределах от 1773 до середины 80-х годов. Д. Д. Благой в своей «Истории русской литературы XVIII века» считает, что «Дневник» мог быть написан в 1773—1774 годах. В книге «Радищев», а также в примечаниях к Избранным сочинениям А. Н. Радищева, вышедшим в Гослитиздате в 1949 и 1952 годах, мною высказано мнение, что «Дневник» написан в 1773 году.

В последние годы двумя исследователями была выдвинута новая точка зрения. Л. И. Кулакова [2] и П. Н. Бер-

---

[1] Полное собрание сочинений А. Н. Радищева, М., 1907, т. I, стр. 81.

[2] В статье «О датировке «Дневника одной недели» в сборнике «Радищев. Статьи и материалы», ЛГУ, 1950.

ков[1] отнесли «Дневник одной недели» к 90-м годам XVIII столетия. Поскольку время написания «Дневника одной недели» стало предметом дискуссии, необходимо подробно остановиться на аргументах и доказательствах исследователей, относящих «Дневник» к эпохе, когда уже было написано «Путешествие из Петербурга в Москву».

Л. И. Кулакова, отвергнув мнение тех, кто относит «Дневник» к 1773 году (Д. Д. Благой, Г. П. Макогоненко), заявляет, что аргументация этих исследователей «вызывает ряд сомнений», поскольку «Дневник» «не укладывается в ход развития Радищева до 1790 года. Он неизбежно звучит как случайность, как срыв, как ошибка, от которой отрекся автор. Между тем в произведении все так сильно, так зрело и с точки зрения философской и литературной, что начинает казаться ошибочным само отречение Радищева от него. Наконец, сам Радищев настолько цельная личность, что стоит всерьез задуматься о причинах, побудивших его написать это своеобразное произведение».[2]

Проследим внимательно за системой дальнейшей аргументации Л. И. Кулаковой. Она останавливает внимание читателя на первой главе «Дневника» — «Субботе». В ней рассказывается о проводах героем своих друзей. После проводов герой уходит на службу. Вернувшись домой в два часа и не найдя, по обыкновению, друзей, он восклицает: «Везде пусто — усладительная тишина! вожделенное уединение! у вас я *некогда* искал убежища: в печали и унынии вы были сопутники, когда разум преследовать тщился истине; вы мне *теперь* несносны!» Эти строки с выделенными исследователем словами «некогда» и «теперь» и объявляются ключом к пониманию идейного содержания «Дневника» и времени его написания.

Каков же тайный смысл, сокрытый за этими безобидными словами? Оказывается, фраза «когда разум преследовать тщился истине» *заставляет вспомнить* «Путешествие из Петербурга в Москву». А если эта фраза произвольно объявляется зашифрованным наименованием

---

[1] В статье «Гражданин будущих времен» в «Известиях Академии наук СССР», Отделение литературы и языка, М. — Л., 1949, т. VIII, вып. 5.

[2] «О датировке «Дневника одной недели», стр. 152.

«Путешествия из Петербурга в Москву» («заставляет вспомнить»), то для дальнейших сопоставлений подбирается что-либо подходящее из написанного Радищевым в 1790 году, то есть в год выхода «Путешествия». Подходящими оказываются письма Радищева с дороги в Илимск от 20 и 22 октября 1790 года, передающие душевное состояние ссыльного. Из этого сопоставления делается второе заключение: «Уже эти строки несколько *напоминают* нам героя «Дневника».[1] Далее: «Эти высказывания в письмах очень *похожи* на цитированные выше мысли «Дневника».[2] Итак, вместо фактов — субъективное сопоставление якобы похожих слов и фраз, вырванных из контекста различных произведений Радищева: «В творчестве Радищева нет ничего похожего ни на подобные переживания героя, ни на этот отрывок. Очень отдаленно приближается к нему лишь начало «Путешествия из Петербурга в Москву». Но буквально те же мысли, слова, синтаксическую структуру, образы мы находим там, где меньше всего их можно было ожидать: в дополнении к завещанию, написанному в Петропавловской крепости 27 июля 1790 года, то есть тогда, когда Радищев узнал о том, что ему вынесен смертный приговор».[3]

Вывод исследователя: если в дополнении к завещанию имеются «слова и синтаксическая структура», похожие на слова и синтаксическую структуру «Дневника», значит «Дневник» написан тогда же, когда и дополнение к завещанию: «Сходство «Дневника» с дополнением к завещанию и письмами к Воронцову, — заявляет Л. И. Кулакова, — *заставляет предположить* (!! — *Г. М.*), что повесть написана не в начале 70-х или 80-х годов, как указывается обычно, а позднее, либо в крепости, либо в Тобольске».[4] Из нового предположения, основанного на целой системе предшествующих предположений, делается уже категорический вывод: «В «Дневнике» дана внутренняя автобиография, раскрыты переживания в крепости».[5]

Согласиться с подобной аргументацией и тем более с подобными выводами нельзя. Позволительно спросить:

---

[1] «О датировке «Дневника одной недели», стр. 152.
[2] Там же, стр. 153.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 154.
[5] Там же.

какое отношение имеет описание жизни героя в «Дневнике» к жизни осужденного на казнь Радищева? Ведь в «Дневнике» речь идет совсем о другом. Герой не сидит в равелине, а ходит по городу, выезжает за город, посещает театр, гульбища. Он не ведет борьбы за свое спасение с самой Екатериной, как это делал Радищев, допрашиваемый Шешковским. Герой «Дневника» всего-навсего томится ожиданием покинувших его друзей, с которыми он привык жить вместе. Как можно игнорировать реальную биографию героя «Дневника», которая никак не похожа, и не может быть похожа, на биографию осужденного на смерть Радищева? В повести есть десятки конкретных фактов, противоречащих в высшей степени неожиданному предположению, что «Дневник» посвящен изображению внутренней жизни сидящего в крепости Радищева. Что делает с этими фактами исследователь? Он не забыл о них. С той же решительностью он отводит их: «Тот факт, что в повести описан Петербург, что внешние данные судьбы героя мало похожи на судьбу Радищева в тот момент, когда он писал «Дневник», не играет большой роли».[1]

Пренебрегать фактами, не считаться с ними не значит помогать выявлению истины, в данном случае — времени написания «Дневника».

П. Н. Берков выдвинул другую гипотезу. Он пишет: «Когда же был написан «Дневник одной недели»? Некоторые основания для ответа на этот вопрос дает следующее историко-литературное обстоятельство. В 1791 году на страницах карамзинского «Московского журнала» печатались «Письма русского путешественника». Первое письмо, посвященное анализу душевных переживаний путешественника, покидающего привычную обстановку, близких друзей и вступающего на путь длительных странствий, начинается словами: «Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!» Если обратимся к началу «Дневника одной недели», то невольно наше внимание остановит первая фраза этого произведения, по тону и структуре поразительно совпадающая с карамзинским «первым письмом». Вот она: «Уехали они, уехали друзья

[1] «О датировке «Дневника одной недели», стр. 154.

души моей в одиннадцать часов поутру... Я вслед за отдаляющеюся каретою устремлял падающие против воли моей к земле взоры. Быстро вертящиеся колеса тащили меня своим вихрем вслед за собою, — для чего, для чего я с ними не поехал?..»

Можно предположить, что, познакомившись в ссылке с литературной новинкой — «Московским журналом» (книги и журналы Радищеву посылал в Илимск его друг и бывший начальник А. Р. Воронцов), — Радищев, вообще интересовавшийся проблемами психологии, задался вопросом — каковы же переживания человека, не уезжающего, а остающегося на месте, в привычной обстановке, но без любимых друзей. Так мог возникнуть замысел «Дневника одной недели». [1]

П. Н. Берков, так же как Л. И. Кулакова, не считается с реальной биографией героя «Дневника». Сначала он указывает, что «сугубо психологическое задание очерка избавляло Радищева от необходимости вводить в текст конкретные факты. Поэтому в «Дневнике» почти нет опорных данных для датировки». [2] Единственным исключением исследователь признает упоминаемый в «Дневнике» факт посещения героем театра, где играли «Беверлея» Сорена. Но и этот факт он считает возможным отбросить: «То обстоятельство, что в Петербурге «Беверлей» (в переводе И. А. Дмитревского) был поставлен 11 мая 1773 года, заставило некоторых литературоведов без каких бы то ни было доказательств исходить из этой даты для определения времени «Дневника одной недели». [3]

---

[1] «Гражданин будущих времен», стр. 415.

[2] Там же, стр. 414.

[3] Следует отметить, как пренебрежение к реальным и точным моментам биографии героя мстит исследователям. В самом деле, если в «Дневнике» рассказано о посещении героем спектакля «Беверлей», то, прежде чем сбросить этот факт со счетов, нужно хотя бы установить точную дату, когда спектакль был сыгран. Все исследователи указывают, что впервые «Беверлей» был сыгран 11 мая 1773 года. Правильная ли это дата? Нет. Откуда же она появилась? Из комментариев к академическому изданию. А комментатор сослался на «Драматический словарь» 1787 года. Проверка показала, что эта ссылка ошибочна. В «Словаре» сказано другое: «Беверлей» впервые сыгран 11 мая *1772 года,* а напечатан впервые в *1773 году.* Комментатор перепутал эти сведения и написал — 11 мая 1773 года. То же время первой постановки — 11 мая 1772 года — указано во 2-м издании «Беверлея» (М., Ком-

Так ли это в самом деле? Избегал ли Радищев вводить в свой «Дневник» конкретные факты? Только ли одно достоверное сообщение о посещении театра, где играют «Беверлея»? Нет, не одно. «Дневник» — не абстрактный опыт из области психологии, это художественное произведение, построенное на автобиографической основе. Автобиографизм характерен для Радищева-писателя. Вспомним «Письмо другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Это очерк, посвященный реальному событию петербургской жизни, открытию памятника Петру I. Открытие состоялось 7 августа 1782 года. Радищев присутствовал на этом открытии. На другой день он написал свои впечатления в виде «Письма другу». Письмо он датирует 8 августа. А в тексте читаем: «Вчера происходило здесь с великолепием посвящение монумента Петру I...» и т. д. Вчера, то есть 7 августа, когда действительно было открытие памятника.

Та же картина и в «Житии Федора Васильевича Ушакова». Повесть эта о жизни в Лейпциге написана с документальной точностью, точностью фактической и психологической. Радищеву-писателю был свойственен психологизм, он умел отверзать последние излучины своего сердца.

«Дневник одной недели» стоит в том же ряду литературных произведений Радищева. Он не случайность, не ошибка, не срыв в его творчестве, и потому «укладывается в ход развития» Радищева до 1790 года. Но именно «в ход развития»: «Дневник» стоит в начале «развития» Радищева-писателя. Между «Дневником» и последующими произведениями Радищева много общего, и эта общность в частности — в автобиографизме. Но есть и различие, которое определяется идейной эволюцией Радищева. В «Дневнике» показана частная жизнь человека, человек раскрыт со стороны «жизни сердца». В «Письме другу» и «Житии Ф. В. Ушакова» показаны «излучины сердца» гражданина и революционера.

Вернемся к «Дневнику одной недели». Присмотримся внимательно к фактам, упоминаемым в произведении.

пания типографическая, 1787). П. Н. Берков и Л. И. Кулакова указывают ошибочную дату первой постановки «Беверлея» в столице: 11 мая 1773 года.

Герой повести расстается со своими друзьями. Проводив их, он уходит на службу: «По обыкновению моему пошел я к отправлению моей должности». Таков первый «опорный момент»: герой служит. Это не случайная обмолвка, а существенный момент биографии героя. С ним связаны и другие подробности его жизни. В дальнейшем он сообщает о себе: «Должность требует моего выезда». Нам становится известным и какого характера была эта должность: от нее «зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан». В свете новых документов можно утверждать, что это не пустая литературная фраза, а точное обозначение службы Радищева: после возвращения из Лейпцига радищевская служба в Сенате и в штабе Брюса определялась «делопроизводством». От исполнения Радищевым своей «должности» действительно зависело «благосостояние или вред твоих сограждан».

В повести дано точное обозначение места действия. События происходят в Петербурге. Герой посещает Волкову деревню — пригород Петербурга, где было городское кладбище. Герой Радищева мог бы сказать, не уточняя названия: «пойдем на кладбище». Но он употребляет иное выражение: «пойдем в Волкову деревню». В этом и проявляется стремление к точности — петербургские жители свое кладбище называли именем деревни: Волково. Герой заходит в театр, где играют «Беверлея». И опять та же точность: «Беверлей» действительно после 11 мая 1772 года ставился в городском театре.

Чрезвычайно важным «опорным моментом» для определения даты написания повести является время действия. Исходя из ряда примет, действие в «Дневнике» происходит весной или летом. Друзья уехали в карете: «Быстро вертящиеся колеса тащили меня своим вихрем вслед». Герой подолгу бродит по городу и «возвращается домой в поту и усталости», потому что был «жаркий день». В городе посещает кладбище, где долго сидит на надгробном камне, и т. д. Из всего текста «Дневника» ясно, что в городе в течение описываемой недели стоит хорошая погода («жаркий день», «утро прекрасное» и т. д.). Совершенно ясно, что это не зима и не осень с петербургскими непрерывными дождями и холодными ветрами, когда, естественно, в садах не могло быть никаких гуль-

бищ, да и вряд ли бы захотелось герою сходить в Волкову деревню во время дождя.

Автобиографически точно раскрыты отношения героя «Дневника» с друзьями. Мы узнаем определенные и точные сведения о друзьях, пренебрегать которыми исследователь не имеет права. «Друзья души моей» — это не дети Радищева, как бездоказательно утверждает Л. И. Кулакова, и не пустая фраза, заимствованная у Карамзина, как заявляет П. Н. Берков. Вспомним, что сообщено о «друзьях души». Упрекая своих друзей в долгом отсутствии, герой «Дневника» восклицает: «Жестокие, ужели толико лет сряду приветствие ваше, ласка, дружба, любовь были обманом». Оказывается, уехавшие друзья — их не меньше двух — это люди, с которыми герой был связан «любовью и дружбой» много лет «сряду». Мало того, дружба определила их образ жизни: они жили на одной квартире. Герой привык, приходя домой, общаться с друзьями: «Второй уже час; я возвращаюсь домой; сердце бьется от радости: облобызаю возлюбленных. Двери отворяются, никто навстречу ко мне не выходит». И здесь Радищев, как всегда, точен. Алексей Кутузов и Андрей Рубановский — его друзья, с которыми много лет «сряду» он был связан тесными узами. Они подружились еще в Пажеском корпусе. Эта дружба закреплена была в Лейпциге и продолжалась по приезде в Петербург. Все трое служили одно время в Сенате, все трое занимались литературной работой. По свидетельству сыновей писателя, Андрей Рубановский был вторым после Кутузова другом Радищева. Характер же дружеских отношений Кутузова с Радищевым общеизвестен. По словам Кутузова, он прожил с Радищевым в одной комнате четырнадцать лет: и в Пажеском корпусе, и в Лейпциге, и в Петербурге по возвращении из-за границы. [1]

В «Дневнике» сказано, что герой жил в одном доме не с одним другом, а с «друзьями». При точности Радищева можно предположить, что по приезде в Петербург

---

[1] Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII в., П., 1915, стр. 65. Правда, цифра четырнадцать, видимо, ошибочна. Кутузов и Радищев сблизились в Пажеском корпусе в 1762 году. В 1773 году Кутузов уехал в армию, и Радищев остался в Петербурге один. Следовательно, они прожили вместе не четырнадцать, а одиннадцать лет.

Рубановский поселился вместе с Кутузовым и Радищевым. Это предположение подтверждают косвенные факты. Отец Андрея Рубановского, Кирилл Степанович, умер в 1768 году. У него было три сына: Василий, Матвей и Андрей. Старшим был Василий. Дом Кирилла Степановича находился в Луговой — Миллионной. В 70-е годы дом этот принадлежал уже Василию Кирилловичу.[1] В 1773 году Андрей Рубановский, уйдя из Сената, поступил в армию, в московский карабинерный полк, а выйдя в отставку в 80-х годах, остался жить в Москве. Ясно, что отношения с братом не были такими близкими, и они не связывали его с Петербургом. Вряд ли и по возвращении из Лейпцига Андрей Рубановский поселился у брата. Видимо, он начал жить самостоятельно и, весьма вероятно, поселился вместе с Радищевым и Кутузовым. Эта картина отношений Радищева со своими друзьями и запечатлена в «Дневнике».

Наконец, о причине отъезда друзей, послужившей поводом к написанию «Дневника». По мнению П. Н. Беркова, в «Дневнике» описано не реальное событие. Отъезд друзей — якобы литературный прием, нужный Радищеву для «психологических упражнений»: Карамзин изобразил психологию уезжавшего, а Радищев, соревнуясь с ним, изобразил психологию остающегося. Документы об уходе Радищева, Кутузова, Рубановского из первого департамента Сената помогают понять причину отъезда друзей — героев «Дневника». Уже говорилось, что в мае 1773 года все три друга ушли из Сената. Радищев получил назначение в штаб Брюса и 22 мая приступил к исполнению обязанностей обер-аудитора. Вот, кстати, почему герой «Дневника» возвращается домой обедать один и ждет встречи с друзьями, с которыми он уже не служит вместе. Ушедшие из Сената Кутузов и Рубановский получили назначение в воинские части вне Петербурга и должны были покинуть столицу. Друзьям предстояла разлука. Видимо, перед окончательным отъездом из столицы Кутузов и Рубановский выезжали из города по своим делам на несколько дней. Первая разлука с друзьями, происшедшая в июне 1773 года, разлука после одиннадцатилетней

---

[1] А. И. Ульянский, Радищев в Петербурге, Лениздат, 1939, стр. 57.

совместной жизни, отъезд «друзей души», так взволновавший Радищева, и послужили поводом к написанию «Дневника». Как я уже показал, события из жизни Радищева весною 1773 года совпадают с событиями, о которых рассказано в «Дневнике». Все это дает нам право утверждать, что «Дневник» написан летом 1773 года.

Но «Дневник одной недели» не бытовой документ, а художественное произведение. Автобиография лишь подчеркивает те эстетические принципы, которые определили его форму. «Дневник» — первое в России сентиментальное произведение. Это исповедь духовно потрясенной личности, пристально вглядывающейся в жизнь своего сердца. Все в «Дневнике» — замысел, тонкость психологического анализа, умелая фиксация быстро сменяющихся впечатлений, язык, передающий интенсивность и напряженность душевной жизни, — обнаруживает талант и мастерство художника, отлично усвоившего принципы и стиль своих учителей, Руссо в первую очередь.

Отношение к Руссо у Радищева даже в пору юности сложное, противоречивое. Собственно такое же, как и к энциклопедистам, — самостоятельное, критическое. На примере перевода Мабли мы видели, как проявилась эта самостоятельность. Принимая и приветствуя философию материализма Гельвеция, Гольбаха, Дидро, Радищев отверг их политическую теорию просвещенного абсолютизма. Высоко ценя демократизм Руссо, его писательское мастерство, Радищев учится у него, но решительно не принимает учения о человеке своего учителя.

Философским обобщением идейно-эстетических воззрений Руссо на человека был его роман «Эмиль, или о воспитании» (1762). Именно там мельком высказанный в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства» тезис об антиобщественной природе человека нашел свое полное, законченное выражение. Центральная идея романа — воспитание человека в полной изоляции от общества. Только в уединении человек может раскрыть все свои душевные качества, заложенные в нем от природы, обнаружить и проявить себя как личность. Нравственный кодекс Эмиля, определяющий путь человека к блаженству, сформулирован в наставлениях его учителя: «Я мечтаю о том моменте, когда, освободившись от телесных

оков, я стану Я без противоречий, без разделения, и не буду нуждаться ни в чем, кроме себя, для того чтобы быть счастливым; в ожидании этого состояния я стремлюсь к нему уже в этой жизни, так как придаю мало значения всем ее бедствиям, считаю ее почти чуждой для своего существа, и всякое истинное благо, которое я могу извлечь из нее, зависит от меня».[1] И еще определеннее: «О человек! Замыкай свое существование внутри себя, и ты не будешь более несчастным».[2]

Радищев перечитывал Руссо, обогащенный своими русскими впечатлениями, опытом своего участия в русском общественном движении. Руссо настойчиво уводил от мира, обосновывал возможность и право человека найти счастье внутри себя.

Основная идея «Дневника» выражена самим Радищевым так: «Как можно человеку быть одному, быть пустыннику в природе». С позиций сентиментализма Радищев стремился дать психологическое обоснование несостоятельности теории уединения. «Дневник» начинался словами: «Уехали они, уехали друзья души моей...» Герой «Дневника», автор записок, остался один. «Везде пусто — усладительная тишина! вожделенное уединение!» И вот тут-то Радищев стремится психологически показать, что требуемое сентименталистами уединение, восхваляемое ими одиночество — нестерпимы, больше того — пагубны для человека.

Уже в первый день герой заявляет: «Не мог я быть один». Занятый собой, герой оказывается «почти глухим и немым». На второй день он записывает: «Я один, — блаженство мое, воспоминание друзей моих было мгновенно, блаженство мое была мечта». Скорбь и отчаяние охватывают его. «Но где искать мне утоления хотя мгновенного моей скорби?» Он прибегает к спасительному совету Руссо: «в тебе самом»; но совет этот оказывается обманом: «нет, тут-то я и нахожу пагубу, тут скорбь, тут ад». И тогда он бросается к людям — «в сад, где общее гульбище», в «позорище» — смотреть, как играют «Беверлея».

---

[1] Ж.-Ж. Руссо, Эмиль, или о воспитании, СПБ., 1913, стр. 288.

[2] Там же, стр. 60.

Герой «Дневника» уговаривает себя насладиться уединением — и томится им, бежит сам от себя. День ото дня все яснее и яснее он понимает, что одиночество — «се смерть жизни, се смерть души». Наконец приходит отчетливое сознание: «Как можно человеку быть одному, быть пустыннику в природе». Счастье и блаженство не в одиночестве. Гонимый тоской уединения, он бежит из дома, где, согласно заветам Руссо, должен «быть блаженным», бежит навстречу вернувшимся друзьям: «О радость! О блаженство! друзья мои возлюбленные!.. Они!.. Они!..»

Как видим, в противовес идее уединения Радищев выдвигает принцип «общежительства». Позже Радищев еще раз вернется к этой теме: «Человек, — заявит он, — рожден для общежития. Поздое его совершеннолетие воспретит да человеки не разыдутся как звери. О Руссо! куда тебя завлекла чувствительность необъятная». Так писал Радищев в 90-е годы в соответствии с уже сложившейся философией и политическими взглядами, но в 70-е годы он еще не смог до конца сформулировать свою позитивную программу. Вот отчего критика Радищева в «Дневнике» опирается пока что лишь на психологические доказательства. Вот отчего его герой, томимый одиночеством человек, дан вне социальной среды и общественной жизни, вот отчего ему чужды интересы других людей, он может перед лицом своих страданий быть глухим и равнодушным к судьбам своих сограждан: «Должность требует моего выезда, — невозможно; но от оного зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан, — напрасно». Впавший в «бесчувственность» герой, предавшись своим страданиям, своим чувствам, не едет туда, куда призывает его долг. Вот отчего своего утешения он ищет в общении не с людьми вообще, не с теми, с кем связан «по должности», а лишь «с друзьями души».

Человек радищевского «Дневника» ненавидит одиночество, страдание, смерть, он ясно понимает, что «тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни». Он жаждет общения с людьми, но он еще не знает своего общественного призвания, не знает, как и в чем он осуществит себя как личность.

Своеобразным комментарием к «Дневнику», к той борьбе с философией уединения, которую вел Радищев

в своем первом художественном произведении, являются письма Кутузова. Правда, письма относятся к более поздней поре, но в них есть лирические отступления, воспоминания о днях юности, о первых годах жизни в России после возвращения из Лейпцига.

В письмах к масонским друзьям Кутузов беспрестанно рассказывает о своей «уединенной жизни». Он пишет, что цель жизни человека «есть шествие к своему средоточию». «Уединение представляю я себе не иначе, как нравственною больницею».[1] В том же письме к Лопухину от 1790 года Кутузов вспоминает, что уже шестнадцать лет «бродят» в нем эти мысли. Шестнадцать лет — то есть начиная с 1774 года. В письме Радищеву в Илимскую ссылку Кутузов советует другу «странствовать в собственной твоей области, в самом тебе». Советуя, он надеется, что уединенная жизнь Радищева в ссылке, «средоточие», «странствия в самом себе» помогут его другу переменить убеждения: «Может быть, многое представится тебе в совершенно новом виде, и кто знает, не переменишь ли ты образа твоего мыслить».[2]

Из писем ясно, что философия «уединенного человека» была усвоена Кутузовым еще в юности и позже стала основой его мировоззрения, которое и привело его к масонам и сделало одним из первых русских сентименталистов, учителем Карамзина. Кутузов заявлял многократно: «Я великий враг всякого возмущения... и я никогда не перестану твердить, что критика настоящего правления есть недозволенное дело». В письме к Лопухину Кутузов, говоря о судьбе Радищева, писал, что он готов «радоваться его несчастью», ибо уверен, что Радищев «войдет в самого себя и усмотрит на самом деле, сколь все нетвердо и скользко в мире сем». В тех же письмах был провозглашен тезис, который показывает, к каким политическим выводам приводила в русских условиях философия уединения, усвоенная у Руссо: «Признаюсь, я люблю вольность, сердце мое трепещет от радости при слове сем; но при всем том уверен, что истинная вольность состоит в повиновении законам, а не

---

[1] Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII в., П., 1915, стр. 60.
[2] Там же, стр. 195.

нарушении оных, и что неимеющие чистого понятия о вольности неудобны наслаждаться сим сокровищем». [1] В этих словах вся философско-эстетическая программа Карамзина. Не случайно Кутузов, расходясь с Радищевым, все больше сближался с Карамзиным.

Письма Кутузова позволяют установить, что «философия уединения», «средоточия», «наслаждающего размышления самого себя» и т. д. сложилась у него еще в юности. «Дневник одной недели» свидетельствует, что та же философия увлекала и юного Радищева и что он по приезде в Россию начал ее критически оценивать. Но пересмотр философии, славящей уединение и «свободу сердца», означал и расхождение с другом, который продолжал исповедовать ее. Кутузов подтверждает это: именно отъезд в армию послужил рубежом в их отношениях. Расхождение началось с 1773 года. В письме к Голенищевой-Кутузовой Кутузов писал: «Нравы наши и характеры были довольно сходны, так что, взяв все сие вкупе, составило между нами довольно тесную дружбу». [2] Разлука, вызванная отъездом в армию, проявила начавшееся еще в Петербурге расхождение друзей, обнаружила, что чувствовали они одинаково, но мыслить начинали разно. «Невзирая, что во время нашей разлуки образ наших мыслей сделался весьма различен, однакож мы спорили, но тем более друг друга любили, ибо оба видели ясно, что разность находилась в наших головах, а не в сердце». [3]

«Дневник одной недели» — произведение автобиографическое. Написанное летом 1773 года, оно отразило идейные искания Радищева. «Дневник» позволяет видеть, как начиналась выработка самостоятельного мировоззрения. Русская жизнь все более властно формировала сознание будущего революционера. Опыт жизни заставлял пересматривать усвоенные книжные теории. Самый сильный удар этим теориям нанесло крестьянское восстание 1773—1775 годов, возглавленное Пугачевым. Служба у Брюса определила силу и характер воздействия

---

[1] «Переписка московских масонов», стр. 22. См. также у Руссо: «Свобода не в какой-либо форме правления, она в сердце свободного человека» («Эмиль, или о воспитании», СПБ., 1913, стр. 481).

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же.

на Радищева этого крупнейшего политического события эпохи.

Годы жизни в России сразу после возвращения из Лейпцига убедили Радищева, что путь идейных исканий и выработки собственного мировоззрения исполнен больших трудностей. Первым испытанием было обнаружившееся расхождение со взглядами своего друга, начавшееся с философского спора. Спор будет продолжаться и в 80-е годы. Но тогда уже будут спорить не просто два друга, а два самостоятельных мыслителя, стоящих на политически враждебных позициях.

5

Прежде чем перейти к новому этапу деятельности Радищева — его службе в штабе Брюса, необходимо остановиться еще на одной легенде — о принадлежности Радищеву «Отрывка путешествия в***» И. Т., напечатанного в «Живописце» Новикова.

Уже около ста лет идут в науке споры об авторе «Отрывка». Первое время в возможные авторы зачислялись различные писатели XVIII века. Но затем из всех этих имен остались в специальной литературе только два: Новиков и Радищев. Одни исследователи склонялись к тому, чтобы приписать авторство Новикову, другие — Радищеву.

Из советских ученых с развернутыми доказательствами в пользу принадлежности «Отрывка» Радищеву в 1923 году выступил В. П. Семенников.[1] Его точка зрения получила в 30—40-е годы признание в науке, она была введена во все книги и статьи, посвященные Радищеву. Сам «Отрывок» стал печататься в собраниях сочинений Радищева. Исследователи, признававшие точку зрения Семенникова, никаких новых аргументов не приводили, ограничивая свою задачу пропагандой его выводов, которые объявлялись бесспорными.

В 1950 году в первом томе сборника «Русская проза XVIII века» мною было перепечатано третье издание

[1] В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, М. — П., 1923, глава — «К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву», стр. 319—364.

«Живописца» Новикова. Во вступительной заметке «Третье издание «Живописца» я критически рассмотрел аргументы Семенникова и на основе ряда новых материалов высказал точку зрения, что «Отрывок» принадлежит Новикову. Некоторые исследователи согласились с моими доводами.[1]

К тем же выводам пришла в результате специального изучения этого вопроса и Л. В. Крестова.[2] Признав «правильным путь изучения деятельности Новикова», который был намечен мною, Л. В. Крестова справедливо упрекнула меня в том, что я, указав на необходимость изучения различных редакций «Отрывка путешествия в***», провел сравнительный анализ его текстов, напечатанных только в отдельных изданиях «Живописца» (1772, 1775, 1781, 1792), и не обратил внимания на перепечатку «Отрывка» в «Московском собеседнике» в 1806 году, когда текст «Отрывка» вновь подвергся самой радикальной переделке. Рассматривая предыдущие точки зрения, проверяя и объективно оценивая их, восстанавливая пробелы, опираясь на уже достигнутое в науке и продолжая правильный путь исследования, наметившийся до нее, Л. В. Крестова приводит дополнительные и очень убедительные доказательства в пользу принадлежности «Отрывка» Новикову.

В 1951 году П. Н. Берков переиздал сатирические журналы Новикова, в примечаниях к тексту которых он решительно выступил защитником точки зрения В. П. Семенникова о принадлежности «Отрывка» Радищеву. Все мои доводы в пользу авторства Новикова остались при этом не только не опровергнутыми, но по сути дела даже не учтенными. К сожалению, исследователь облегчил себе задачу и ограничился, я бы сказал, вольным изложением перед читателем моих доказательств о принадлежности «Отрывка» Новикову.

«В научной литературе, — пишет П. Н. Берков, — определились две точки зрения на возможного автора этой статьи. Одна, опирающаяся на указание сына А. Н. Радищева, П. А. Радищева, считает автором

---

[1] См., например, Д. Д. Благой, История русской литературы XVIII века, изд. 2-е, Учпедгиз, 1951, стр. 287.

[2] «Из истории журналистской деятельности Н. И. Новикова» — «Исторические записки», АН СССР, 1953, т. 44.

«Отрывка» А. Н. Радищева. Наиболее полно и обстоятельно аргументировал этот взгляд В. П. Семенников в своей книге «Радищев»... Вторая группа исследователей признает автором «Отрывка» Новикова, толкуя буквы «И. Т.» как инициалы подписи «Издатель «Трутня» (Л. Н. Майков, Очерки по истории русской литературы XVII—XVIII веков, СПБ., 1889, стр. 407). Эту точку зрения разделяет Г. П. Макогоненко».[1]

К решению спорного в науке вопроса об авторе «Отрывка путешествия в***» П. Н. Берков вновь вернулся в книге «История русской журналистики XVIII века». Из всех моих аргументов в пользу принадлежности «Отрывка» Новикову П. Н. Берков обратил внимание только на один, представлявшийся ему важнейшим. Я утверждал, что в третьем издании «Живописца» Новиков собрал только свои оригинальные произведения, о чем, между прочим, он и сообщил своему читателю в специальном предисловии, заявив, что все собранное в журнале — «мое сочинение». Подобное утверждение, пишет П. Н. Берков, свидетельствует «о невнимании Г. П. Макогоненко к семантике слова «сочинение» и «сочинитель». В действительности, делает он заключение: 1) «слово «сочинение» в XVIII веке значило не только произведение, но и журнал», 2) следовательно, слова Новикова «мои сочинения» и «журнал мой» «имеют один и тот же смысл». 3) Поэтому «все встречающиеся в предисловии «К читателю» выражения «сочинение» и «сочинения» имеют только такой журнально-жанровый смысл». 4) Слово «сочинитель» означает не автор, а редактор. 5) И, наконец, даже «слово «автор» в новиковское время имело не вполне тот смысл, который вкладываем в него мы».[2]

Таково ли было употребление указанных слов в XVIII веке, и в частности у Новикова, как заявляет

---

[1] П. Н. Берков, Сатирические журналы Н. И. Новикова, М. — Л., 1951, стр. 560—561. Мои доводы о принадлежности Новикову «Отрывка путешествия в***» см. в сборнике «Русская проза XVIII века», Гослитиздат, 1950, т. 1, стр. 593—609, а также в книге «Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века», Гослитиздат, 1951, стр. 234—259.

[2] «История русской журналистики XVIII века», АН СССР, 1952, стр. 288—289.

П. Н. Берков? Обратимся к фактам использования этих слов самим Новиковым в годы, когда подготавливался и выходил «Живописец».

Весной 1772 года вышел из печати подготовленный Новиковым «Опыт исторического словаря о российских писателях». «Опыт» открывался предисловием. Читаем первую страницу: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило». Из этой фразы ясно, что для Новикова «сочинитель» значит «автор», а «сочинение» — «произведение». Более того, давая характеристику писателей, Новиков *всегда* употребляет слово «сочинение» в значении «произведение». Вот несколько примеров. Аблесимов «сочинил прозою три комедии, многие другие стихотворные сочиненьица». Барков «писал много сатирических сочинений». Кантемир: «из многих его сочинений на российском языке первое «Симфония на псалмы», «есть также письменные его сочинения» и т. д. Яков Козельский: «сочинил две книги». Ломоносов: «сочинения его следующие: две части разных стихотворений...» [1] и т. д. И так во всем «Опыте исторического словаря» у Новикова «сочинение» всегда «произведение», а «сочинитель» — «автор».

В 1777 году Новиков издавал «Санкт-Петербургские ученые ведомости». В предисловии к журналу он написал: «Мы за благо судили быть утаенным именам нашим, а будем ставить под каждой статьею одну букву из имени или прозвания того сочинителя, который ее писал».

В 1770 году в предисловии к журналу «Пустомеля» Новиков подробно писал о высоких обязанностях автора. Слово «автор» он всегда употреблял в значении «писатель», «сочинитель». В том же журнале Новиков поместил фонвизинское «Послание к слугам моим». В послесловии от издателя было сказано: «Кажется, что нет нужды читателя моего уведомлять о имени автора сего послания». «Многие письменные (рукописные. — *Г. М.*) сего автора сочинении носятся по многим рукам». Там же напечатано известие о театральных делах: «Недавно здесь на придворном императорском театре представлена была

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях, собрал Николай Новиков», СПБ., 1772, стр. 1, 15, 89, 100, 128.

«Синав и Трувор», трагедия г. Сумарокова. Трагедия сия сыграна была по переправленному самим автором подлиннику». [1]

Так употреблял Новиков слова «сочинения», «автор», «сочинитель» в 1770—1772 годах. Обратимся к третьему изданию «Живописца», вышедшему в 1775 году. Посмотрим, в каком значении здесь использует Новиков эти же слова. Журнал открывался посвящением Екатерине («приписанием»): «Неизвестному сочинителю комедии «О время!». «Сочинитель комедии», то есть автор, писатель. Далее: «Я не знаю, кто вы, но ведаю только то, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности». «Сочинение» здесь явно употреблено все в том же значении — «произведение», а именно: комедия «О время!»

Первый лист журнала есть сочинение Новикова — принадлежащая ему статья, обращенная к читателю, под названием «Автор к самому себе». Здесь часто употребляется слово «автор» и всегда в одном и неизменном значении: «писатель», а не «редактор». Вот несколько примеров: «Ты делаешься автором; ты принимаешь название живописца, но не такого, который пишет кистью, а живописца, пером изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки»; «Вить другие пишут, не больше моего имея способности, для чего же не писать и мне»; «Тут найдешь писателя, старающегося забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях; но увидишь, что он больше досаждает и производит скуку, а смеется только сам бедный автор»; «Встречается со мною трагический писатель, он сочиняет трагедию... Но, однакож, ведай, что до сея пищи охотников не много — бедный автор» и т. д. и т. п.

Из всех приведенных примеров (а их можно умножать без конца) видно, что Новиков в год издания «Живописца» в ряде своих произведений, а также в самом «Живописце» употреблял слово «сочинение» в смысле «произведение», слово «сочинитель» в смысле «автор», «писатель» и, наконец, слово «автор» в нашем значении — «писатель». Поэтому категорическое заявление П. Н. Беркова, что у Новикова «сочинение» означает «журнал»,

---

[1] «Пустомеля», ежемесячное сочинение, 1770 год, июль.

а слово «сочинитель» «имело значение, близкое к нашему современному «редактор», и, наконец, «слово «автор» в новиковское время имело не вполне тот смысл, который вкладываем в него мы», — не соответствует истине.

В то же время необходимо отметить, что действительно слово «сочинение» употреблялось в то время, и в частности самим Новиковым, и в значении «журнал». Так, П. Н. Берков справедливо называет академические журналы — «Ежемесячное сочинение» и «Новое ежемесячное сочинение»; сатирический журнал «Смесь», на титульном листе которого было написано: «Новое ежемесячное сочинение». Даже «Живописец» Новиков рекомендовал как «ежемесячное сочинение». Следовательно, исследователь обязан внимательно и тщательно рассмотреть, какое из двух значений слова «сочинение» (журнал или произведение), имевшихся в языке той эпохи, употребляет Новиков в предисловии к третьему изданию «Живописца».

Что же писал в этом предисловии Новиков? «Благосклонное принятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить к третьему. Если бы я был самолюбив, то скорый сей расход «Живописца» неотменно поставил бы на счет достоинства моего сочинения». Здесь Новиков говорит о журнале «труд» и в то же время называет его «сочинением». Ясно, что здесь слово «сочинение» употреблено в значении «журнал».

Признав успех первых двух изданий «Живописца» как журнала, Новиков сообщает читателю о своем желании не переиздать известный читателю *журнал* «Живописец», а дать ему *новую книгу* под тем же названием: «Должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями». [1]

Как понять выражение «из прежде выданных моих сочинений»? П. Н. Берков, верный своему утверждению, что для Новикова «сочинение» и «журнал» всегда одно и то же, говорит, что и здесь «мои сочинения» надо понимать в смысле «мои журналы». Согласимся с этим утвер-

---

[1] «Живописец», еженедельное сатирическое сочинение, издание 3-е, СПБ., 1775, ч. I, стр. XIII, XVI.

ждением. Тогда выходит, что в третьем издании «Живописца» должны быть собраны статьи из других журналов («моих сочинений») Новикова. В действительности там есть только статьи из одного журнала, а именно «Трутня». Ясно, что никак нельзя в данном случае выражение «мои сочинения» толковать как «мои журналы», ибо это не соответствует фактам. Но П. Н. Берков все же не хочет считаться с ними и, приведя слова Новикова: «из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями», дает пояснение: «то есть из других моих журналов, «Трутня» прежде всего».

Что в действительности Новиков говорит не о журналах, а о сочинениях в смысле произведений, подтверждается проверкой содержания третьего издания «Живописца». В «Живописец» включены несколько сочинений из «Трутня», и эти сочинения были перепечатаны с *новыми заглавиями,* как об этом и предупредил Новиков.

Следовательно, если предполагать, что выражение Новикова «мои сочинения» означает «мои журналы», то его утверждение, что эти сочинения раньше были под другими заглавиями, не имеет никакого смысла, ибо в третьем издании «Живописца» были перепечатаны только произведения из одного журнала «Трутень», который, кстати, нигде и не упоминается. Если считать, что выражение «мои сочинения» означает «мои произведения», тогда утверждение Новикова, что они (произведения) раньше были под другими заглавиями, а ныне перепечатаны под новыми, полностью подтверждается и соответствует истине.

Заявление Новикова, что «он многое переменил, иное исправил», относится и к сочинениям, взятым из «Живописца». Исправления текста мог делать только автор, о чем Новиков и предупредил читателя: «Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют для лучшего расхода своих сочинений».

В той же книге «История русской журналистики» П. Н. Берков подкрепил поддерживаемые им доказательства В. П. Семенникова о принадлежности «Отрывка путешествия в ***» Радищеву дополнительной гипотезой: Радищев написал революционное произведение и принес

его Новикову. А тот, будучи либералом, убрал из него все революционное и приписал свое, либеральное. [1]

Какие же основания, факты, документы, доказательства для столь ответственного утверждения?

Исследователь заявляет, что в частях «Отрывка», якобы вписанных Новиковым, употребляются грамматические формы на -ый в именительном падеже единственного числа имен прилагательных мужского рода и на -ыя в родительном падеже единственного числа женского рода, в то время как Радищеву употребление этих форм не свойственно. Данное заявление более чем странно для исследователя Радищева. Кому не известно, что грамматические формы, указанные П. Н. Берковым, широко употребляются Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву»? Но оставим «Путешествие». Оно относится к другой эпохе. Возьмем перевод сочинения Мабли, сделанный в 1772—1773 годах. Чтобы не загромождать работу примерами, сошлемся только на текст широко известного примечания Радищева о самодержавстве: «Закон, извет общия воли», или еще: «Если мы уделяем закону часть наших прав, нашея природныя власти...»

Из сказанного можно сделать вывод, что попытки П. Н. Беркова дополнить новыми аргументами доказательства о принадлежности «Отрывка» Радищеву, выдвинутые в свое время В. П. Семенниковым, несостоятельны. [2] Вот почему попрежнему все сторонники легенды о Радищеве — авторе «Отрывка» (как и П. Н. Берков) прибегают как к спасительному средству к аргументации Семенникова. В свете новых материалов необходимо проверить эту аргументацию еще раз. В данном случае речь будет идти лишь о проверке тех сведений и фактов Семенникова о Новикове и Радищеве, которые объявлены им документальными.

В числе важнейших аргументов, якобы свидетельствовавших о принадлежности «Отрывка» Радищеву, В. П. Семенников назвал установленный им факт личного знакомства Радищева и Новикова в момент выхода

---

[1] «История русской журналистики XVIII века», стр. 205.

[2] Л. В. Крестова, внимательно разобрав аргументацию П. Н. Беркова, также справедливо отметила полную несостоятельность всех его доказательств («Исторические записки», № 44, стр. 262—263).

«Живописца». «Позднее нашими разысканиями, — писал В. П. Семенников, — были установлены *личные отношения Новикова и Радищева,* переводы которого печатал издатель «Живописца» в 1773 году. Это опять-таки несколько усиливало сделанные ранее предположения, что, как стало известно, два деятеля, ратовавшие за улучшение положения крестьян, не только были *лично знакомы во время издания «Живописца»,* но даже имели между собою сношения по литературным делам». [1]

Какими же фактами располагает В. П. Семенников, утверждая, что Новиков и Радищев были знакомы весной 1772 года? В. П. Семенников отсылает нас к своей работе «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II» (1915). Однако там ничего не говорится о «личном знакомстве» Радищева и Новикова во время издания «Живописца». Исследователь установил лишь, что книги, переведенные Радищевым, — сочинение Мабли и «Офицерские упражнения» — Новиков взял для напечатания. И все. Никаких данных о состоявшемся якобы знакомстве у него нет. Но можно ли на основании того, что Новиков напечатал радищевский перевод книги Мабли, делать категорический вывод о личном знакомстве издателя и переводчика?

Разберемся во всем этом подробнее. Обнаруженные В. П. Семенниковым расписки Радищева о получении денег за переводы ясно свидетельствуют, что Радищев перевод обеих книг делал для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на российский язык», от которого и получал деньги. Новиков взял оба перевода для напечатания, но взял не у Радищева, а у «Собрания», в числе многих других книг. Значит, можно только *предположить,* что, когда Новиков решил взять эти книги, возможно, состоялось знакомство с их переводчиком. Следовательно, знакомство *могло* произойти после передачи перевода «Собранию». По свидетельству «Санкт-Петербургских ведомостей» (объявление от 5 июня 1773 года), оба перевода Радищева были сданы в печать в мае 1773 года. Расписка Радищева о получении денег за перевод «Размышлений о греческой истории» поме-

---

[1] «Радищев. Очерки и исследования», П., 1923, стр. 328—329. Курсив наш.

чена тоже маем. Видимо, передача переводов «Собранием» новиковскому «Обществу, старающемуся о напечатании книг» и состоялась в мае 1773 года. Значит, в лучшем случае знакомство могло состояться *в мае 1773 года,* то есть когда уже завершался выход «Живописца». «Отрывок» же напечатан был в пятом и четырнадцатом листах первой части «Живописца», которые вышли *15 мая* и *17 июля 1772 года,* то есть за год до возможного знакомства. Следовательно, утверждение В. П. Семенникова, что им установлены личные отношения Новикова и Радищева, утверждение, так укреплявшее позиции сторонников легенды о принадлежности «Отрывка» Радищеву, при проверке оказалось несостоятельным.

Но, может быть, Радищев и Новиков познакомились до 15 мая 1772 года? Изучение биографических материалов убеждает в том, что есть обстоятельства, противоречащие этому предположению. Радищев приехал в Петербург в конце ноября 1771 года. Поступив в Сенат, Радищев прослужил два месяца и уехал в отпуск, в котором пробыл до 13 июля 1772 года. 17 апреля 1772 года вышел первый лист «Живописца». Во втором, третьем и четвертом листах была напечатана декларативная статья Новикова «Автор к самому себе». Ясно, что она была подготовлена Новиковым до начала выхода «Живописца». Статья кончалась таким обещанием читателю: «Читатель, с позволения твоего, не пора ли оставить рассуждения некоторых наших молодых людей о науках. Кажется мне, что я уже ими довольно тебе наскучил. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее, потерпи, пожалуй, все будет: только, чур, не сердиться». [1] В следующем, пятом листе и было напечатано то, что «поважнее»: «Отрывок путешествия». Вряд ли можно сомневаться в том, что, приступив в апреле к изданию «Живописца», Новиков уже имел и «Отрывок путешествия», и «Письма к Фалалею», и многие другие, лучшие произведения журнала, который и издавался в сущности для напечатания прежде всего произведений, посвященных изображению жизни крепостной деревни.

Итак, Радищев прожил в столице всего два месяца (декабрь и январь) и 27 января уехал к родным

[1] «Живописец», 1772, л. 4.

в Аблязово. Свидетельством того, что за эти два месяца не состоялось знакомство с Новиковым, является «Опыт исторического словаря», который Новиков подготавливал в 1771 и начале 1772 года. 30 марта 1772 года появилось объявление о выходе «Опыта». В него Новиков включил не только известных писателей, но и начинающих и даже еще не печатавшихся: так велико было желание Новикова дать максимально полный список русских литераторов. Среди начинающих, не печатавших ни одного произведения авторов мы находим Андрея Рубановского, друга Радищева. Вот что написал о нем Новиков: «Рубановский Андрей, титулярный советник, сочинил на немецком языке рассуждения: 1. О свойствах неутралитета; 2. О размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Вольтера рассуждения о человеке, поэму «На разрушение Лиссабона» и оду славного Томаса «О должностях общежития», из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года».[1]

Можно предположить, что «Рассуждения» Рубановского на немецком языке — это те сочинения, которые он должен был написать после трех лет обучения. Сочинения, написанные Ф. Ушаковым, Радищев привез с собой и позже издал их. Ясно, что такие же сочинения были и у Радищева. Был у Радищева и перевод: известно, что он переводил брошюру А. Гики «Желания греков». Вне всякого сомнения, если бы Радищев был знаком с Новиковым, то он попал бы в «Опыт исторического словаря» так же, как попал в него Рубановский. И уже совершенно несомненно, что если бы Радищев был знаком с Новиковым, то в «Словаре» появилось бы имя Ф. В. Ушакова, сочинения которого были на руках у Радищева. Все это свидетельствует о том, что и до мая 1772 года Радищев не был знаком с Новиковым.

Выдвигая аргументы о принадлежности «Отрывка» Радищеву, опираясь при этом главным образом на установление стилистического сходства между «Отрывком» и главой «Пешки» из «Путешествия из Петербурга

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», СПБ, 1772, стр. 193.

в Москву», В. П. Семенников не увлекается, как другие исследователи. Он все же считает необходимым напомнить читателю о трудностях, которые мешают окончательно и документально доказать принадлежность «Отрывка» Радищеву.

«Возникает еще вопрос, — пишет исследователь, — где и когда мог бы сделать Радищев изложенные в «Отрывке» наблюдения над русской жизнью. Вернее всего, конечно, что эти «адоньи» хлеба, эти бедные, покрытые соломой развалившиеся «хижины» и картины жизни их обитателей Радищев мог наблюдать в родных местах в Саратовской губернии. От деревенской жизни Радищев был оторван еще мальчиком, когда был отправлен для учения в Москву; но изложенное в «Отрывке» едва ли могло быть детскими впечатлениями».[1] В самом деле — откуда мог знать Радищев русскую деревню, быт крепостных крестьян, если от семи до двадцати трех лет он жил в городах — Москве, Петербурге, а затем за границей, в Лейпциге?

Как же решает исследователь возникший вопрос? Он выдвигает предположение: Радищев по возвращении на родину, видимо, ездил в отпуск к родителям. «Допустимо предположение, что, вернувшись в Россию после долгого пребывания за границей, Радищев мог воспользоваться отпуском и посетить своих родителей, живших в Саратовской губернии».[2] Для одних исследователей предположение В. П. Семенникова сразу приобрело силу достоверности. Другие решительно протестовали: аргумент этот не имеет никакого смысла, поскольку нет данных, что Радищев ездил в отпуск. В последнее время предположение В. П. Семенникова опротестовала Л. В. Крестова: «Между тем никаких подтверждений для такого предположения в биографии Радищева не существует, и оно нарочито выдвинуто для обоснования авторства Радищева. Известно, что в имение своих родителей Верхнее Аблязово, откуда он уехал семи лет от роду, Радищев попал только перед женитьбой, в 1775 году».[3] Л. В. Кре-

---

[1] В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, стр. 357.

[2] Там же.

[3] «Исторические записки», т. 44, стр. 258.

стова опровергает решительно, но доказательств правоты своей позиции также не приводит. Одному предположению (Радищев ездил в отпуск) исследователь противопоставляет другое предположение (Радищев не ездил в отпуск). Как же обстоит дело в действительности?

В архиве Сената мною обнаружен паспорт, данный Радищеву для следования к родителям в Пензенский уезд в отпуск. Привожу текст паспорта: «Объявитель сего титулярный советник Алексей (так! — *Г. М.*) Радищев, правящий в первом Правительствующего сената департаменте протоколистскую должность, по прошении его уволен в Пензенский уезд в деревню на два месяца, а чтоб на срок к должности своей явился, в том обязан он реверсом: того ради на заставах господам, команду имеющим, оного Радищева, как до показанного уезда, так и обратно пропускать без задержек. Во уверение сего дан ему сей пачпорт за моим подписанием и приложением обыкновенной моей печати. В Санкт-Петербурге генваря 27 дня 1772 году». [1]

Таким образом, теперь нам точно известно, что Радищев ездил в отпуск. Но установление факта поездки Радищева в Аблязово зимой 1772 года не подкрепляет, а опровергает гипотезу о Радищеве — авторе «Отрывка». Оказывается, после отъезда из Лейпцига Радищев имел возможность довольно продолжительное время наблюдать жизнь деревни: сначала это были деревни западных губерний (когда возвращался из Лейпцига), затем деревни к востоку от Петербурга (на пути в Пензенский уезд). Наблюдения были различными: и поверхностными во время пути и более основательными — во время жизни в Верхнем Аблязове. Значит, Радищев имел достаточно сведений о русской крепостной деревне, чтобы ее описать. Но если бы он захотел ее описать, то, естественно, он описал бы именно то, что видел, что собственно впервые, как взрослый человек, он наблюдал и оценивал, то есть *зимнюю* деревню. В «Отрывке» же описана деревня *летом*.

Время года в «Отрывке» выбрано не случайно, и изображено оно не условно, а с реалистической точностью.

---

[1] ЦГАДА, ф. 249, кн. 6470.

Путешественник, говорится в «Отрывке», ехал летом, во время жатвы. Погода стояла отличная, способствовавшая полевым работам. («Царь небесный дал нам вёдро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожжи не захватили»,— говорил путешественнику крестьянин.) Оттого путешественник и увидел пустую деревню, оставленных без присмотра ребятишек, которых облепили мухи; духота и вонь выгнали путешественника из избы, и он даже ночь проводит в коляске. Совершенно очевидно, что перед нами реальное описание виденного, а не фантастическая картина крестьянского быта летом, изображенная городским жителем, никогда в деревне летом не бывавшим.

Спрашивается: зачем было Радищеву, впервые так близко познакомившемуся с зимней деревней, получившему свежие, непосредственные впечатления от жизни крепостных зимой и в пути и во время пребывания в Верхнем Аблязове, сочинять картины летней деревни? Если бы в это время Радищев был потрясен жизнью крепостных крестьян настолько, что захотел бы описать свое путешествие и поделиться увиденным, то почему бы ему не описать виденную им зимнюю деревню? Крепостная деревня представляла собою зимой еще более, чем летом, бедственный вид. Зима при вечных неурожаях несла с собой голод, зима с морозами — это новый источник страданий для мужика, не имевшего дров и вынужденного отапливаться соломой, камышом, кизяками и т. д. В деревне, увиденной Радищевым во время путешествия в Пензенский уезд, к тому же свирепствовала чума. Из доношений губернаторов и воеводских канцелярий в первый департамент Сената за январь, февраль, март, апрель и май 1772 года видно, какие бедствия принесла чума мужикам. И живые, непосредственные впечатления не потрясли Радищева, не вдохновили его на изображение увиденного, и он стал якобы, как нас уверяют авторы легенды, сочинять вымышленную, никогда им не виденную, летнюю деревню? Нелепость таких предположений очевидна. Все новые материалы совершенно ясно свидетельствуют о том, что Радищев не был и не мог быть автором «Отрывка».

К сказанному необходимо добавить еще один важный факт биографии Радищева. Оказывается, по приезде

в Верхнее Аблязово Радищев тяжело заболел и потому вернулся из отпуска не через *два,* а через *пять с половиной* месяцев. В делах Сената сохранился рапорт пензенского воеводы о болезни Радищева. Привожу его:

Его сиятельству г-дну генерал-прокурору и разных орденов кавалеру: князю Александр Алексеевичу Вяземскому, надворного советника и Пензенской провинции воеводы Всеволожского:

Репорт

Сего марта 13-го дня 1772 году во время проезду моего во исполнение Правительствующего сената 1771 году декабря 5 дня указа для смотрения в Пензенском уезде за выбранными к предосторожности от опасной прилипчивой болезни частными смотрителями, что они возложенную на них по предписаниям Правительствующего сената должность наблюдают ли, поданным ко мне вотчины титулярного советника и правящего в Правительствующем сенате протоколистскую должность Александра Николаева сына Радищева служитель его Петр Андреев доношением изъясняя, что как означенной господин его по отпуске от вашего сиятельства приехал в дом отца его Пензенского уезду в село Преображенское, заболел так, что и движение с постели мало имеет, и затем-де ныне ему ехать и к порученной должности явиться, стало быть, невозможно, и просил, чтоб показанного господина его в той болезни освидетельствовать, потом за известие к вашему сиятельству представить, почему я с имевшимся при мне пензенским провинциальным лекарем Николаем Ивановым: его, титулярного советника Александра Радищева в доме отца его и свидетельствовал, а по свидетельству моему означенной Радищев оказался весьма больным, а по искусству помянутого лекаря Иванова оказался одержим претяжкою лихорадкою, отчего и всем корпусом слаб. И, за тою его болезнию, до излечения в путь отправиться по нынешнему вешнему времени никак ему, Радищеву, не можно.

Того ради об оном вашему сиятельству чрез сие донесть нахожу.

Воевода *Андрей Всеволожской.*

Марта 19 дня 1772 года. [1]

На обороте паспорта отмечено:

По сему паспорту титулярный советник Алексей (так. — *Г. М.*) Радищев из отпуску явился июля 13 дня, которому срок минул марта 27 дня 1772 года. [2]

---

[1] ЦГАДА, ф. 249, д. 6470, л. 17.
[2] Там же, л. 19 (оборот).

Первая часть «Отрывка» была напечатана в пятом листе «Живописца», который вышел 15 мая 1772 года, то есть когда Радищев еще был болен и находился в Верхнем Аблязове.

Легенда о Радищеве — авторе «Отрывка» — вредная легенда, потому что она построена на домыслах, на игнорировании фактов биографии Радищева, на недооценке воспитательной силы обстоятельств общественной и политической жизни России, сформировавших Радищева-революционера.

Новые достоверные материалы свидетельствуют о том, что ко времени возвращения Радищева на родину русские просветители добились немалых успехов. Главной их заслугой была смелая постановка на общественное обсуждение вопроса о положении русских крепостных. Используя легальные возможности, такие депутаты, как Яков Козельский, Григорий Коробьин, а также крестьянские депутаты Чупров, Олейников, Маслов, Жеребцов открыто заговорили в Комиссии о необходимости изменения условий жизни крепостных крестьян; о том же писали: философ Яков Козельский в своем сочинении «Философические предложения», писатель-просветитель Новиков в «Трутне». Так было в конце 60-х годов, когда Радищев еще жил в Лейпциге. Но просветители продолжали активную деятельность и в 70-е годы: «Живописец» Новикова — это крупная победа русского Просвещения. Антикрепостнические сочинения Новикова, его обличения дворянства привлекали всеобщее внимание, будили мысль, воспитывали, возбуждали споры в дворянском обществе. Радищев тоже читал «Живописца» и не остался равнодушным: после возвращения из отпуска в июле 1772 года он твердо решает заняться литературной работой. Обратившись в «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык», Радищев берет для перевода два сочинения: «Размышления о греческой истории» и «Офицерские упражнения». Завершение работы совпало с переходом на новую службу, в штаб Брюса. Служба обер-аудитором и начавшаяся в том же 1773 году крестьянская война довершили воспитание жизнью, явились для него последним курсом русского университета.

6

На допросе у Шешковского Радищев показал, что из Сената он перешел в штаб Брюса. Что делал Радищев в штабе Брюса? Не располагая достоверными материалами, биографы оказались вынужденными повторять сведения, сообщенные сыном писателя, Н. А. Радищевым. Годы службы рисовались идиллически: «В то время как А. М. Кутузов был на войне за Дунаем, Радищев служил в штабе Я. А. Брюса. В доме начальника он стал «своим человеком». Графиня Прасковья Александровна была другом, наперсницей императрицы... Через дом Брюса А. Н. Радищев, по свидетельству второго сына, «сделался вхож в лучшие петербургские общества, и это была самая приятная эпоха в его жизни»: он пользовался успехом в «большом свете», писал нежные стихи, посещал, не углубляясь в учение масонов, их ложу «Урания» (1773); стал членом Английского клуба (1774); вращался и в литературных кругах».[1]

Некоторые биографы «уточнили» место службы Радищева: штаб Брюса — это штаб петербургского главнокомандующего. Проверка не подтвердила всех этих утверждений. Служба в штабе Брюса не была «самой приятной порой» жизни Радищева. Брюс в эти годы не был петербургским главнокомандующим, а служил командиром Финляндской дивизии. В Финляндскую дивизию на должность дивизионного военного прокурора — обер-аудитора — и поступил Радищев, уйдя из Сената. Обнаруженные в Военно-историческом архиве документы устанавливают и место службы, и время вступления в должность, и обязанности молодого прокурора.[2]

---

[1] Я. Л. Барсков, А. Н. Радищев. Жизнь и личность — Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Academia», 1935, т. II, стр. 118—119.

[2] В 1952 году я впервые опубликовал сведения о службе Радищева в Финляндской дивизии и процитировал часть документов, обнаруженных в ЦГВИА (А. Н. Радищев, Избранные сочинения, Гослитиздат, 1952, стр. 619—620). В статье «А. Н. Радищев и русская общественная мысль XVIII века», напечатанной в «Вестнике Академии наук СССР», 1952, № 9, я сообщил более подробные сведения о круге обязанностей дивизионного прокурора Радищева, опубликовал несколько документов с точной ссылкой на архив, фонд и номер дела. Через два с половиной года, в конце 1954 года,

Государственная военная коллегия указом от 16 мая 1773 года разрешила перевести Радищева из Сената в Финляндскую дивизию: «По доношению вашему господина генерал-аншефа и кавалера, признанного на имеющуюся в штабе вашем обер-аудиторскую ваканцию способным, находящегося при Правительствующем сенате титулярного советника Александра Радищева по истребованию ему от оного Сената увольнения Военная коллегия в помянутой ваш штаб обер-аудитором определить дозволяет, и когда истребован и определен будет, Коллегии репортовать». [1]

22 мая 1773 года Радищев уже был определен в дивизию на должность обер-аудитора. «Присланный при указе Правительствующего сената из 1-го департамента в военную коллегию по требованию вашему господина генерал-аншефа и кавалера бывший в том Сенате титулярный советник Александр Радищев для определения в штаб ваш обер-аудитором посылается при сем». [2]

Финляндская дивизия дислоцировалась на Карельском перешейке. Полки, входившие в ее состав, — Тобольский, Псковский и Рязанский, — стояли в Выборге и в Фридрихсгаме. Штаб помещался в Петербурге. Вступая в новую должность, Радищев принимал на себя огромную ответственность.

Организация военного суда в армии связана с именем Петра. Петр приказал в свое время: «надлежит генералам правду, суд и порядок накрепко смотреть и отнюдь не откладывать до иного времени, разве самой главной нужды, — розыску или суда, но тотчас чинить воинский суд». В связи с этим издано было руководство «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб». Определены были и воинские судебные учреждения, порядок судебного процесса и преступления, подсудные воинскому суду.

вышла книга Георгия Шторма «Страницы морской славы». В ней также сообщается читателю о службе Радищева в Финляндской дивизии. Но почему-то Г. Шторм счел возможным сообщение о службе Радищева в Финляндской дивизии сопроводить примечанием, которое не может не вызвать удивления: «Все сведения, относящиеся к службе Радищева в штабе Финляндской дивизии, публикуются *впервые*» (стр. 64).

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/206, св. 10, д. 12, л. 40.

[2] Там же, л. 32.

Полковому суду (кригсрехту) были подсудны солдаты и младшие офицеры, совершившие преступление. Во главе суда стоял президент (презус), членами его были асессоры. В суде полного состава было тринадцать асессоров, но чаще всего заседало шесть асессоров, назначавшихся из обер-офицеров: два капитана, два поручика и два прапорщика. Основная масса судебных дел — преступления солдат. Кригсрехт судил за непослушание офицерам, за невыполнение «солдатских работ», за небрежение, «проявленное к ружью и мушкету», и главное — за бега и дезертирство.

Суд руководился следующей системой наказания: «Обыкновенные телесные наказания» — ношение ружья, заковывание рук и ног в железо, битье батогами, хождение по деревянным кольям. «Жестокие телесные наказания» — прогнание сквозь строй (наказание шпицрутенами), битие кнутом «посредством палача» и т. д. Рекруты за побег из части наказывались: первый раз шпицрутенами, во второй раз их секли кнутом, вырывали ноздри и ссылали в вечную работу на галеры.

При кригсрехте состояли полковые аудиторы — юристы, которые вели дело, записывали протокол заседания суда и наблюдали за тем, чтобы приговоры соответствовали царским указам. [1]

---

[1] Аудитором Тобольского полка состоял Федор Кречетов. Прямым начальником Кречетова был обер-аудитор Радищев. Они прослужили в одной дивизии почти два года. Следовательно, можно утверждать, что Радищев и Кречетов были лично знакомы. В Военно-историческом архиве находится указ военной коллегии командиру Финляндской дивизии Брюсу от апреля 1775 года, касающийся службы Кречетова. Поскольку в указе содержится ряд новых биографических данных о Кречетове, привожу его: «Минувшего февраля 9-го дня по указу ее императорского величества Государственная военная коллегия по рапорту вашему господина генерал-аншефа и кавалера и по представленной при том Тобольского пехотного полку аудитора Федора Кречетова челобитной и по учиненной в коллегии справе приказали: как объявленный аудитор Кречетов по вступлении его в военную службу в штаб генерал-фельдмаршала писарем сержантского чина 770 года июня 1-го поныне в унтер-офицерском чине прослужил только 4 года и 9 месяцев, следовательно, по силе состоявшейся полковничей инструкции положенных подьячим и церковникам 8-ми лет и не выслужил, то его, Кречетова, по тому вашему господина генерал-аншефа и кавалера представлению и его желанию, от воинской службы отставить за невыслужением положенных по полковничей инструк-

В виду того, что в воинских судах «обретаются токмо офицеры, от которых особливого искусства в правах требовать не можно; ибо они время свое обучением воинского искусства, а не юридического провождают; и того ради держатся при войсках *генерал-, обер-* и *полковые аудиторы,* от которых весьма требуется доброе искусство в правах, и надлежит оным добрым быть юристам», «дабы при кригсрехтах накрепко смотрели и хранили, чтоб процессы порядочно и надлежащим образом отправлялися, и хотя аудиторы при суде голосу в приговорах не имеют (чего ради оных при судейском столе и не сажают, но обыкновенно при особливом столе, купно с секретарем или протоколистом, ежели при том, кто из сих определится, сидят), однако что надлежит оным и должны они всегда добрым порядком, что за непристойно обрящут упоминать, или когда кого в кригсрехте в рассуждении погрешающего усмотрят, тогда оного к правде основательно приводить». [1]

В ходе разбирательства того или иного дела аудитор встречался с затруднениями, а иногда вступал в конфликт с президентами. Тогда аудитор обязан был обратиться к обер-аудитору. Специальное наставление указывало: «Буде же случатся какие дела, которые бы ему (аудитору. — *Г. М.*) вершить было трудно, то требовать совету у обер-аудитора и от него наставления ожидать». [2] Контроль за действиями полковых аудиторов, помощь полковым аудиторам — такова первая обязанность прокурора дивизии.

Вынесенный полковым судом приговор поступал на конфирмацию (утверждение) командиру дивизии. Докладывал дело командиру дивизии обер-аудитор. Власть конфирмирующего начальника была абсолютной. Он мог отменить приговор суда, изменить меру наказания и т. д. Но действовал командир дивизии, также не искушенный

ции в унтер-офицерском чине лет, тем же аудиторским званием заурядом, чего ради, изготовя надлежащий об отставке указ, для отдачи ему отослать (и посылается) при сем к вам господину генерал-аншефу и кавалеру, о чем вам и учинить по ее императорского величества указу» (ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, св. 11, д. 13, л. 13).

[1] И. А. Шендзишевский, Столетие военного министерства. Главное военносудное управление, СПБ., 1902, XII, кн. 1, ч. I, стр. 81.

[2] Там же, стр. 83.

в законах, по заключению обер-аудитора. Поэтому, каким был доклад о деле, заключение о нем, таким, как правило, было и решение командира дивизии. Командир дивизии, указывалось в наставлениях, «какое мнение свое на оное (то есть решение военного суда) объявит, прибавит или убавит, по тому и экзекуция отправляема быть имеет».[1] Следовательно, заключения по решениям полковых судов, доклады о каждом из них командиру дивизии, подготовка окончательного решения — такова вторая обязанность дивизионного прокурора.

Роль аудитора в армии значительна. Поскольку судьями назначались офицеры, невежественные в делах судопроизводства, решения их часто были произвольными и беззаконными. От аудиторов, и прежде всего от обер-аудитора, зависело справедливое решение дела, ибо по своему положению в дивизии и по отношению к командиру дивизии он имел реальное право вмешиваться в судебный процесс, контролировать решения судов и в конечном счете определять приговоры в докладе конфирмирующему начальнику.

Как практически складывалась работа военного суда, мы можем судить по интересному воспоминанию современника Радищева И. М. Долгорукова, рассказавшего о том, как проходили кригсрехты и какова была роль аудиторов. «Адъютантская должность приучила меня к зрелищу физических наказаний, а ныне я в первый раз имел случай писать гражданский приговор по военному суду. Тогда долг службы требовал, чтоб я лично отправлял полковые экзекуции. В первый раз, когда я видел, как солдата гонят сквозь строй, мне сделалось дурно, и меня вывели из фрунта. После я так пригляделся к этому, что часто езжал вдоль фрунта, когда сквозь ряды его бегал преступник, и еще серживался на солдат, кои хлестали лозами воздух, а не тело. Вот что делает механическая привычка в человеке. Ныне нового рода встретился со мною случай. Один солдат украл образ и был судим. По наряду довелось мне быть асессором. Наши суды обыкновенно были скоры и реши-

---

[1] И. А. Шендзишевский, Столетие военного министерства. Главное военносудное управление. СПБ., 1902, XII, кн. I, ч. I, стр. 108.

тельны. Его приговорили к кнуту, и я под сентенцией приложил с прочими руку по одной слепой доверенности к старшим чинам суда, нимало не разумея сам еще ни силы законов, ни степени, в какой они должны быть прилагаемы к вине и виноватому. Я точно так сидел в суде, как ходил на караул. Мне подали толстую тетрадь: не читая я ее подписал, и это был почти смертный приговор мне подобному. Опыты одни приучают нас уважать напастью ближнего, но в двадцать лет какая голова еще? Какие соображения! — все машинально, — все по принятому обряду и без размышления. Счастливо для судьбы человеческой, что приговоры гвардейских военных судов отсылались на ревизию к генерал-аудитору, который выбирался всегда из юрисконсультов опытных и не допускал ни ошибок, ни излишней жестокости; а без того как бы можно было положиться на наши сентенции. Все мы были люди молодые, без сведения о законах, о силе их и существе, и хотя судили беспристрастно, т. е. без даров, без снисхождения к лицам, не оскверняя себя никаким поползновением к корысти, — да и что взять с солдата? При всем том, однако, сколько могли мы с самым честным расположением наделать вреда подсудимому от одного незнания». [1]

Зная место службы Радищева и характер его обязанностей, в высшей степени важно познакомиться с реальными делами, проходившими через его руки, его заключениями, наставлениями полковым аудиторам и т. д. К сожалению, пока еще не удалось обнаружить всех дел, непосредственно проходивших через руки Радищева. Архив Брюса находится в очень плохом состоянии, и многие важные бумаги, о которых известно по описи, ныне утрачены. Необходимо продолжить поиски этих бумаг в других фондах, и в фондах Военной коллегии прежде всего.

В числе найденных в архиве документов, характеризующих деятельность Радищева в Финляндской дивизии, интересна конфирмация по одному из судебных дел, подписанная Брюсом и Радищевым. Подобных конфирмаций должно сохраниться значительно больше. К сожалению,

---

[1] И. М. Долгоруков, Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, П., 1916, стр. 155—156.

обнаружена только конфирмация от 24 мая 1773 года, то есть одна из первых после того, как Радищев пришел в дивизию. Содержание судебного дела таково: три солдата Рязанского полка, Коробов, Архипов и Мамаев, во время пребывания на постое в крестьянской избе оказались участниками драки, в ходе которой был убит хозяин избы. Кригсрехт вынес смертный приговор. В конфирмации, несомненно написанной Радищевым, были названы смягчающие вину обстоятельства, и приговор полкового суда изменен. Обер-аудитор давал следующие объяснения: поскольку, выйдя из своих квартир, обвиняемые Коробов, Архипов и Мамаев «никакого заговора, равно и намерения к сделанию смертного убийства не имели и то учинили, быв пьяны и следуя единственной запальчивости, но не предумышленности намерения, да как оные, довольное время служа, в штрафах никогда не бывали, что и удостоверяет, что они до сего были поведения беспорочного, то, уважая выше объясненные обстоятельства, от смертной казни их и освободить, а прогнать через тысячу человек шпицрутенов восемь раз в два собрания и определить в тот же Рязанский полк попрежнему». [1]

Из донесения главного комиссариата Брюсу от апреля 1774 года видно, что в число обязанностей Радищева как обер-аудитора входила встреча прибывавших в Петербург рекрутов для Финляндской дивизии. Радищев выдавал сопровождающим их офицерам необходимые для дальнейшего следования рекрутов в полки дивизии суммы, которые у него хранились.

Из рапорта Брюса от 10 ноября 1774 года в Военную коллегию мы узнаем, что Радищеву по роду своей службы приходилось производить экзамены лицам, назначаемым на должность полковых аудиторов. Так, в частности, Радищев задал «казус» сержанту Якову Ганичеву, который «данный ему казус на основании законов» решил. По рапорту Радищева Яков Ганичев был назначен аудитором Рязанского полка. [2]

---

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, д. 13. Этот документ был обнаружен в 1954 г. студенткой ЛГУ Р. Пак, работавшей в архиве под моим руководством над темой «Радищев в Финляндской дивизии».

[2] Там же, св. 20, д. 20, л. 197.

В штабе Брюса удалось обнаружить множество документов, раскрывающих круг обязанностей Радищева. Особый интерес представляют бумаги, которые по своей должности обер-аудитора должен был читать Радищев. Среди них указы военной коллегии по армии и по дивизии, касающиеся воинских преступлений. Изучение этих указов, а также других документов позволяет установить, что в центре внимания полковых судов были дела беглых солдат, и более всего — беглых рекрутов.

Рекрутчина в XVIII веке — тяжелое бремя крепостного крестьянства. Армия пополнялась рекрутскими наборами. Дворяне освобождались от этой повинности, купцы и мещане могли откупиться. Во второй половине XVIII века рекрутские наборы стали сопровождаться чудовищными злоупотреблениями. В частности, вопреки правительственным указам, запрещавшим дворянам продавать крестьян во время рекрутского набора, помещики все же продавали своих крепостных. Продавать крепостных во время рекрутского набора было выгодно: богатеи из сословий, обязанных поставлять рекрутов, не желая служить, за большие деньги покупали крепостных в обход закона и сдавали их в армию за себя. Разоренные крестьянские семьи бедствовали. Сданные незаконно рекруты бежали с пути, бежали и из полков. Правительство не предпринимало действенных мер для прекращения преступлений, сопровождавших рекрутские наборы, и в то же время требовало от военных судов жестоко наказывать беглецов.

Русские просветители выступили в защиту крепостного крестьянства и бросили правительству обвинение в покровительстве дворянам-преступникам. Новиков, знавший о преступлениях при рекрутских наборах по своей службе в Измайловском полку, выступил еще в журнале «Трутень» с обличением преступлений, творимых во время рекрутских наборов. В дальнейшем Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал о рекрутчине с гневом и возмущением. В недавно опубликованных бумагах Радищева находится план статьи «О злоупотреблениях при рекрутских наборах». Вот что писал Радищев — явно на основании своих наблюдений в Финляндской дивизии: «В отдаче купленных рекрут, в отдаче вольных иностранцев или других; в насильственной отдаче между казенных крестьян. Об отдаче пьяниц, бродят, ленивцев,

нерадивых о своем хозяйстве, какая куча поводов к злоупотреблению».

Из года в год росло число беглых солдат. Екатерина оказывалась вынужденной издавать специальные указы — обращения к беглым; им объявлялось высочайшее прощение и предлагалось добровольно возвращаться в полки. Такие указы были изданы 4 декабря 1772 года и 29 октября 1773 года. На основании последнего указа суды выносили свои заключения, Радищев писал конфирмации.

Особый интерес в связи с этим представляют указы военной коллегии по поводу беглых рекрутов, адресованные в Финляндскую дивизию. Доставленные или «явившиеся собою» добровольно в военную коллегию солдаты и рекруты направлялись в Финляндскую дивизию с приказом, чтобы «по исследованию о побеге» с ними «поступить по законам». Первым лицом в дивизии, обязанным «поступать по законам» с беглыми, был Радищев. В сопроводительных документах подробно излагалась история каждого беглого рекрута, называлась причина, побудившая его к бегству, а иногда определялась и мера наказания. Эти указы ярко характеризуют и обязанности и ежедневный круг впечатлений Радищева на службе в дивизии.

Указ военной коллегии от 24 декабря 1773 года интересен тем, что он раскрывает одну из главных причин побегов солдат — жестокое избиение их офицерами. «Явившийся собою... из бегов Володимерского пехотного полку 1 гранодерской роты гранодер Иван Овчинников» показал, что он убежал после тяжелых побоев. Били по приказу офицера за то, что из повозки, у которой он стоял на часах, пропал «капитанский снабзак с рубахами». Капитан Александр Самарин гренадера Овчинникова «для чего из-под его часов пропал, — сек батожьем и уграживал еще по две зари сечь, чего он убоясь бежал, с тем чтоб, пришед в Санкт-Петербург, явиться в военной коллегии». [1]

В конце декабря 1773 года Радищев ознакомился с указом военной коллегии о трех беглых рекрутах, Кондратьеве, Фадееве, Игнатьеве. По указу ее императорского величества Государственная военная коллегия при-

---

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, св. 10, д. 19, л. 15.

казала «оных дезертиров рекрут Фадеева и Игнатьева за их побеги прогнать шпицрутен чрез пятьсот человек по три раза и определить в полки Финляндской дивизии, которые для того наказания и отправления в Выборг отосланы к господину генерал-майору и санкт-петербургскому обер-коменданту Чернышеву при указе, а солдат Кондратьев отослан же к подпоручику Коргину при приказе для доставления во Псковский полк, где с ним по исследовании о его побеге и поступить по законам». [1]

Из указа ясно, что дело солдата Кондратьева подлежало рассмотрению кригсрехта Псковского полка. Обер-аудитор Радищев должен был дать полковому аудитору соответствующее наставление, а затем, по получении приговора суда, подать дело на конфирмацию Брюсу.

Как видно из указов только Военной коллегии, Радищеву приходилось сталкиваться на каждом шагу с чудовищными преступлениями офицеров-начальников, которых в конечном счете оправдывали даже тогда, когда они были виновны в гибели солдат. Радищев убеждался, что рекрут и солдат — вчерашний крестьянин — действительно «мертв в законе». Стоит в этой связи сослаться всего лишь на один документ — решение военной коллегии по делу полковника Сталь фон Гольштейна, по приказу которого был безвинно засечен насмерть рекрут Фадеев. Этот случай, получив огласку, стал предметом специального разбирательства военной коллегии. Указ военной коллегии с потрясающей силой раскрывает ужас бесправного положения солдата в екатерининской армии. Радищев пришел в дивизию в мае 1773 года, а в конце августа того же года он по своей должности обер-аудитора читал указ об убийстве рекрута Фадеева. Суть дела такова:

«Полковник, будучи во Пскове у приему рекрут и по окончании оного, следовал в Ригу, взяв с собою 1-го батальона солдат Ивана Вахонина и Трофима Дорохина, да рекрута Алексея Фадеева, который у полковничьей повозки был кучером»; «на переезде пруда у мельницы сего года марта 26-го числа, по худобе льда, полковник лошадей гнал сам, чтоб скорее проехать, а переехав на другую сторону, где берег, как солдаты показывают, был косогор, на котором опрокинулась под ним, полковником, кибитка». «Полковник сидел на облучку и соскочил с оного, а рекрут свалился с козел, и все они трое тотчас кибитку подняли, полковник за оное

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, св. 10, д. 19, лл. 13—14.

в присутствии своем рекрута Фадеева приказал бить палкою, которая толщиною в большой палец, коего солдат Вахонин и бил, и тот рекрут, поднимая руки вверх, просил помилования, почему удары попадали и по рукам, и как та палка об рекрута изломалась, то полковник велел бить другою, тогда рекрут упал на землю, однако и лежачего бил же до тех пор, пока перестал кричать, после чего полковник приказал тому рекруту встать оправлять кибитку, но он со страху и от побой ничего делать не мог. Тогда полковник, осердясь на него, приказал нарезать батожья, между чем полковник того рекрута тоненькою палочкою раза два-три сам по плечам ударил, а как принесены были батожья, то полковник приказал раздеть его и сечь батожьем, по какому повелению те солдаты и секли так жестоко, что перемен до пяти избили, каковые побои видели тамошний мельник с женою и другие, которые его, полковника, и просили, чтоб помиловал, однако он их не послушал, а все побуждал: бей крепче. И когда уже у того рекрута языка не было, тогда полковник приказал перестать его бить... но рекрут на том месте чрез час умер». [1]

За убийство рекрута полковник был присужден к церковному покаянию, лишению чинов; жить ему повелевалось в собственном имении.

В 70-е годы впервые в России все общественные вопросы с беспримерной определенностью свелись к борьбе с крепостным правом. Условия жизни способствовали быстрому просвещению Радищева. О судьбе крепостного крестьянина он узнавал со страниц просветительских сочинений, и новиковских журналов прежде всего. Служба в Финляндской дивизии открыла Радищеву все нужды беззащитного и бесправного в самодержавном государстве крепостного мужика. События вспыхнувшей в конце 1773 года крестьянской войны завершили политическое воспитание молодого просветителя.

7

Осенью 1773 года на далеком Яике вспыхнуло восстание, которое оказалось началом еще небывалого в России по своему размаху вооруженного движения многих тысяч крепостных крестьян, казачества, заводских рабочих, угнетенных башкир. Крестьянское восстание под руководством Пугачева существенно отличалось от всех предшествовавших ему и возникавших впоследствии крестьян-

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, св. 10, д. 15, л. 13.

ских бунтов. Такое же стихийное, неорганизованное, как и всякое крестьянское восстание, проходившее под царистским лозунгом от непонимания крепостными политического содержания своей борьбы, оно вместе с тем многим отличалось от обычных бунтов. Прежде всего оно отличалось количеством участников и решительностью, с которой крестьяне отстаивали с оружием в руках свою вольность; обнажением глубокой, непримиримой ненависти к дворянам-угнетателям; силой нанесенных правительству ударов (больше года самодержавное правительство, мобилизовав все силы государственного аппарата и регулярную армию, не могло справиться с «возмутителями»); первыми, правда крайне робкими, не изменившими стихийную природу восстания, попытками противопоставить крепостническим порядкам свои, демократические. Отсюда объявление Пугачевым в своих манифестах о ликвидации крепостного права, о возвращении народу вольности, о наделении крестьян помещичьей землей, лесами и водами, о создании собственной администрации в деревнях и городах и т. д. Появление в ходе борьбы письменных манифестов, в которых именем Пугачева народ записывал в виде законов свои коренные требования, — особенность лишь крестьянской войны 1773—1775 годов.

«Тяжесть порабощения», возросшая при Екатерине, подняла крестьян на стихийный протест. Пушкин, изучавший пугачевское восстание, отметил антидворянский его характер. «Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства». [1] Так был нанесен решительный удар реакционнейшей патриархальной вере крестьян в «доброго барина». Ход войны, ее массовость, справедливое возмездие, обрушившееся на сотни дворян, свидетельствовали о том, что уже множество крестьян поняло: нельзя ждать подачки от «доброго барина», следует уничтожить все «племя дворян» — «злодеев» и «мучителей».

Но «темнота мужика», выразившаяся «прежде всего в непонимании политической стороны движения», в непо-

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М. — Л., 1949, т. VIII, стр. 357.

нимании, что бороться надо не только против дворян, но и против царя, лежит и в основании пугачевского движения.

Армия Пугачева была и сильной и бесконечно слабой одновременно. Сила ее в народности — в нее шли угнетенные русские люди «с веселием мщения». Шли крепостные крестьяне, шли бурлаки, шли наемные рабочие, шло казачество, шли крепостные, работавшие на заводах, шли башкиры и другие угнетаемые царизмом народности. Народная армия действовала решительно, быстро, отважно, и в то же время она была слабой, лишенной единства, неорганизованной, воодушевляющейся более против непосредственных виновников бедствий крестьянина, ненавистных мучителей — помещиков, управляющих, чиновников, чем против крепостнического государства. Поэтому, не понимая отчетливо своих общеклассовых и национальных задач, она так же быстро распадалась под ударами правительственных войск, как быстро создавалась на почве ненависти к своим угнетателям. Но как ни слаба была пугачевская армия, она почти полтора года победоносно воевала с отлично подготовленными профессиональными войсками Екатерины. Это было возможно потому, что Пугачев нес народу вольность, и народ всюду шел за ним, приветствовал его, помогал ему, поддерживал его.

Но могучее стихийное движение крестьян за свою свободу не могло завершиться победой. Восставших все больше и больше теснили хорошо вооруженные войска правительства во главе с лучшими екатерининскими боевыми генералами. В ноябре 1774 года выданный царским чиновникам Емельян Пугачев был доставлен в Москву, где и казнен 10 января 1775 года. На Волге еще с полгода «гуляли» отдельные отряды разбитой армии. Восстание было жестоко подавлено. Несмотря на разгром, вооруженная борьба русских крепостных оказала огромное влияние как на всю последующую политику крепостнического государства, так и на общественную мысль.

Прежде всего правительство Екатерины и дворянство поспешно стали извлекать по-своему понятые уроки восстания: они начали укреплять административный аппарат, превращая Россию в полицейское государство. Ярые крепостники, несмотря на панический страх, испытанный за годы крестьянской войны, не пожелали ни в чем посту-

питься в своих правах, надеясь предотвратить новую «пугачевщину» усилением власти помещика, усилением полицейской мощи государства.

Крестьянская война, как крупнейшее политическое событие, определила и идеологическую борьбу в дворянском обществе и литературе. Перед лучшими людьми из дворянства встали совершенно ясные политические задачи, от которых нельзя было отмахнуться. И, как свидетельствуют факты, литературное движение в годы после разгрома пугачевской армии протекало под знаком решения именно тех вопросов, которые поставило восстание. Особо важным это восстание оказалось для развития просветительской идеологии. Русские передовые писатели-просветители, каждый по-своему, сознательно или бессознательно, но как-то соотносили свою деятельность с требованиями крестьянства и в меру преодоления своей дворянской сословной ограниченности разделяли чаяния и надежды страдающего в рабстве народа. Большинство из них испытывало общедворянский страх перед восстанием, революционной энергией народа. Но, не принимая революции, они в то же время понимали, что нельзя, занимаясь литературой, забывать о положении русских крепостных, о выдвинутых ими требованиях. Единственным писателем, который не испугался восстания, а оправдал его, кто понял до конца справедливость вооруженной борьбы, кто одобрил требования крестьян, был Радищев.

Усилению влияния событий крестьянской войны на передовую дворянскую литературу способствовали манифесты Пугачева, рожденные в ходе вооруженной борьбы. В манифестах Пугачева, указах пугачевской военной коллегии, в «увещевательных письмах» пугачевских полковников были записаны категорические требования народа о вольности и земле, обнаженно передана ненависть к угнетателям-дворянам, проявлен пламенный дух борьбы и великая революционная энергия народа.

Господствующей в XVIII веке была дворянская литература. Во второй половине века всё активнее стали проявлять себя в печати разночинцы и русская буржуазия. Интересы и чаяния народа не могли быть изложены печатно и легально. Свои чаяния и надежды народ выражал устно, иногда письменно, но всегда нелегально. Новейшие исследования, основываясь на архивных материалах

Тайной канцелярии, устанавливают широкое хождение в больших городах России, и в частности в Петербурге и Москве, подметных писем, подложных манифестов и «пасквилей». [1] В течение всего своего царствования Екатерине приходилось бороться с подпольной литературой народных масс, причем бороться не только тайно, полицейскими мерами, но и открыто, издавая специальные указы о жестоком наказании сочинителей этих «пасквилей».

О зарождении первого манифеста Пугачев рассказывал в Тайной канцелярии (допрос дается в изложении писца): Пугачев со своими товарищами ехал в станицу с намерением объявить о начале восстания. И тогда-то он, обратившись к Зарубину и Почиталину, спросил: «Что мы едим к Толкачеву собирать народ? Ну как народ сойдетца, а у нас письменнова ничего нету, чтоб могли народу объявить». И потом сказал Почиталину: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко», ибо он не знал, чтоб сказать: «манифест напиши». И оный Почиталин и все, остановясь в поле, писал что хотел, ибо он ни одного слова не знал, как бы написать надобно, и по написании ему при Зарубине, Коновалове, Михайле и Сидоре Кожевниковых оную написанную им бумагу прочел». После обсуждения «названный манифест» «пондравился больно, и оного Почиталина как он (Пугачев. — *Г. М.*), так и все хвалили и говорили, что Почиталин горазд больно писать». [2]

При штабе Пугачева была создана группа грамотных людей, которая обязана была письменно излагать народные чаяния в борьбе за вольность. Доподлинно известны имена лишь немногих и, видимо, наиболее отличившихся сочинителей: казаки Иван Почиталин, Максим Шигаев и Тимофей Падуров; кстати, последний — депутат Комиссии по составлению нового Уложения. В правительственном объявлении по делу Пугачева и других активных участников движения о Падурове было сказано, что он «не только предался сам злодею и самозванцу, но и писал многие развратительные в народе письма», «писал угрозительные письма к оренбургскому губернатору». [3] О По-

---

[1] К. В. Сивков, Подпольная политическая литература в России в последней трети XVIII века — «Исторические записки», 1946, № 19.

[2] «Восстание Емельяна Пугачева», ОГИЗ, 1935, стр. 129.

[3] Там же, стр. 194.

читалине и Горшкове записано: «были производителями письменных дел при самозванце, составляли и подписывали его скверные листы, называя государевыми манифестами и указами, чрез что умножая разврат в простых людях».[1] Пугачевские сочинители, авторы манифестов, указов, «угрозительных» и «увещевательных» писем, были сурово наказаны: Горшкова и Почиталина секли кнутом, обоим вырвали ноздри и затем сослали в Сибирь. Падуров, несмотря на свою депутатскую неприкосновенность, повелением императрицы был повешен.

Все политические документы восстания — несомненно плод коллективного творчества. Известные нам авторы Падуров, Почиталин, Горшков или безыменные сочинители лишь записывали то, о чем говорил и мечтал народ. Как подлинное народное творчество, пугачевские манифесты имели огромную популярность в широких массах крестьян и городских жителей.[2] Указов и манифестов ждали, им верили, они помогали крестьянам понять свое отношение к событиям, и в то же время они являлись замечательными вестниками вольности, которую даровал Пугачев, приводя в отряды восставших сотни и тысячи новых «возмутителей». Выражая народные чаяния, пугачевские манифесты, эта страстная публицистика восставшего народа, в известной мере соприкасались с крестьянскими наказами и речами крестьянских депутатов в защиту «утесненного питателя», «нижнего рода людей». То, о чем в наказах выражалось лишь в виде просьбы, что излагалось в качестве жалоб или робких пожеланий, то в манифестах и указах утверждалось как закон, принятый и введенный в действие самим народом. Поэтому публицистика пугачевского восстания — это высший этап в развитии идеологии угнетенного русского народа XVIII века.

Знакомство с народной публицистикой имело большое значение для передовых дворянских писателей, и просветителей прежде всего. Народная публицистика раскрывала просветителям духовный облик их соотечественников, о творческой жизни которых они знали так мало.

---

[1] «Восстание Емельяна Пугачева», стр. 195.

[2] С. Ф. Елеонский, Манифесты Пугачева как памятник художественной литературы — «Художественный фольклор», 1926, вып. II.

В речах крестьянских депутатов была жалоба. С листов манифестов веяло отвагой, благородством, великим воодушевлением борьбы, — сбросивший ярмо народ страстно и красноречиво выражал свои заветные желания. Множество мыслей и чувств порождала народная публицистика у передовых писателей, помогая формировать политическую теорию, открывая глаза не только на положение угнетенного народа, но и на его роль в исторической и социальной жизни отечества.

Особое внимание должен был привлечь в пугачевских манифестах вопрос о законности, справедливости, даже гуманности восстания крепостных. В них многократно говорилось о том, что угнетенные вынуждены были силой оружия добиваться своей свободы, вынуждены защищаться от притеснений дворянина — «мучителя». Мысль о праве народа на восстание нашла свое выражение в формуле «отмщение». [1] Восстание есть лишь восстановление попранной справедливости. Выражалась эта мысль политически ясным языком. Каждый манифест, обращаясь как бы лично к тому или иному крестьянину, требовал: с дворянами поступай так, как они поступали с тобой: «Кои прежде были дворяне в своих поместиях и вотчинах, оных противников нашей власти, и возмутителей империи, и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами». [2] Справедливость мщения мотивировалась так: «По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякий может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет». [3]

В народной публицистике был сформулирован идеал человека, рожденный в ходе вооруженной борьбы. Этот идеал авторы манифестов воплотили в образе Пугачева. Так как манифесты писались от имени Пугачева, то достигалось это включением в текст довольно обширных автохарактеристик. Первый манифест написан еще в подражание официальным бумагам: «самодержавного амператора, нашего великого государя Петра Федоровича всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая». [4]

---

[1] «Пугачевщина», Центрархив, М., 1926, т. I, стр. 36.
[2] Там же, стр. 41.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 25.

Далее пустая формула отметается; появляется оценка личности «народного царя»: «Российского войска содержателя и великого государя, и всех меньших и больших уволитель и милосердый сопротивникам казнитель, больших почитатель, меньших почитатель же, скудных обогатитель».[1] В следующих манифестах образ Пугачева развивается в соответствии с демократическим идеалом: «истинный человек» — это народный защитник: «Я для вас всех един из потерянных объявился, и всю землю своими ногами исходил, и для дарования вам милосердия от создателя создан».[2] Итак, «истинный человек» — защитник народа, отважный «возмутитель», восставший на «всесильного супостата», дворянского монарха и дворян-«злодеев», это «доброжелатель», «утешитель», «делатель благоденствия», «во всем свете вольный» сам и дарующий «вольность навеки» всем томящимся в рабстве. Таков «народом избранный царь». Таковы должны быть и все подданные народного царя: «вольные», «справедливые», свою вольность получившие в борьбе с дворянами, «преступниками законов».

Во время восстания родилась и формула демократического идеала человека, впоследствии воспринятая передовой революционной русской литературой, и прежде всего Радищевым и декабристами: «истинный сын отечества», «настоящий верноподданный отечеству сын».[3] Это определение замечательно и тем, что восставший народ, воюя за вольность, борясь за справедливое дело, понимал борьбу как патриотическое служение родине. Превращение раба в свободного и вольного человека есть патриотическое дело. Свобода, пробуждая дремавшие и задавленные в рабе силы, возвращала отечеству верных сынов, активных, деятельных граждан, мужественных патриотов.

Таким образом, в недрах восставшего народа в период вооруженной борьбы против самодержавно-помещичьего государства определилась и, что особенно важно, была высказана в манифестах и указах русская демократическая мера ценности личности, демократический идеал

---

[1] «Пугачевщина», т. I, стр. 26.
[2] Там же, стр. 36.
[3] Там же, стр. 37.

человека. Историческое значение народной публицистики в том и состоит, что, выразив желания, требования и идеи восставшего народа, запечатлев его идеал человека, она воздействовала в значительной мере на развитие и русского Просвещения, и русской литературы, и всей русской общественной мысли.

Для Новикова Комиссия с крестьянскими наказами и речами крестьянских депутатов была школой гражданского воспитания. Крестьянская война, возглавленная Пугачевым, оказалась своеобразным университетом для Радищева. Радищев был единственным писателем и мыслителем, кто глубоко и исторически верно понял восстание народа, разобрался в идеологии народной борьбы, учел ее политический и философский опыт, сумев в то же время, как гениальный мыслитель, увидеть и слабые стороны крестьянского движения, и прежде всего его веру в «хорошего царя». Для Радищева, ненавистника монархической власти, никакой царь — ни «добрый», ни «просвещенный», ни даже «мужицкий» — не был приемлем.

8

Исполнение обязанностей обер-аудитора дивизии, связи с военной коллегией, с кругом старших офицеров армии помогали Радищеву знакомиться с ходом восстания Пугачева. Через штаб Брюса проходили все указы военной коллегии, касающиеся подавления восстания. Уже в августе 1773 года Радищев читал указ «О сыске Войска Донского казака Пугачева». 23 декабря 1773 года Екатерина оказалась вынужденной издать манифест, в котором официально объявляла о начавшемся крестьянском восстании — скрыть от общества восстание уже было нельзя.

Чем шире распространялось восстание по восточным губерниям, чем бо́льшими были успехи пугачевской армии, тем активнее обсуждали в столице беспримерное событие политической жизни России. Пугачевское восстание заинтересовало западноевропейские государства: послы Пруссии, Англии, Франции получили указание собирать подробные сведения о Пугачеве. В заграничных газетах появлялись известия о ходе восстания, о его причинах,

о вожде крестьянской армии, о переходе на сторону Пугачева солдат и офицеров екатерининской армии.

О «возмутителях» Радищев прежде всего узнавал из официальных документов, с которыми знакомился по долгу службы. Кроме того, он имел возможность, как и многие другие петербургские жители, узнавать о том, что делалось в губерниях, охваченных мятежом, и от многочисленных курьеров — офицеров генералов Бибикова и Панина, и от бежавших из своих имений помещиков, и из писем родных. Пугачевская армия, как известно, докатилась и до Кузнецкого уезда, до родового имения Радищевых, Верхнего Аблязова. Аблязовские крестьяне (те самые, которых видел совсем недавно Радищев), когда отряды пугачевской армии приблизились к селу, видимо, приветствовали их.

Со слов сына А. Н. Радищева — Павла Александровича — нам известно, что во время прихода пугачевских отрядов в Аблязово Николай Афанасьевич «укрывался в лесу, в пяти верстах от своего села Преображенского», а детей своих отдал на сохранение крестьянам.[1] Очевидно, Н. А. Радищева — помещика — крестьяне уважали, если они не расправились с ним сами и не выдали пугачевцам. Но при этом они, жившие на барщине,[2] несомненно были, как и все крепостные, «отягощены» и потому не могли не сочувствовать пугачевским манифестам о воле. Вот донесение полковника Древица от 25 сентября 1774 года П. И. Панину:

Много останавливают меня живущие здесь по тракту, приехавшие из Пензы дворяне, которые просят малых команд для приведения в совершенное послушание их крестьян; хотя оные ныне явно и не бунтуют, но, по объявлению тех дворян, не совсем еще в должном повиновении остаются... Сего числа я отсюда ⟨из села Пенделка⟩ выступаю до села Верхнего Аблязова, где и ночлег иметь должен, для разобрания по жалобе тамошнего помещика на его крестьян.[3]

Вряд ли можно сомневаться в том, что отец сообщил сыну в Петербург о приходе пугачевских отрядов в Аблязово и о сочувствии крестьян «возмутителям».

---

[1] «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. I, стр. 398.

[2] П. Г. Любомиров, Род Радищевых — «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», АН СССР, М. — Л., 1936, стр. 338.

[3] «Пугачевщина», т. III, стр. 82.

Наряду с различными известиями и слухами о ходе восстания широко распространялись сведения о манифестах Пугачева. Вождь восставших мужиков, объявив себя царем Петром Федоровичем, издавал «во всенародное известие» свои указы и манифесты. С чем обращался Пугачев к народу? О чем писал в своих указах? Что обещал? Ясно, что не было в России дворянина, который не проявил бы интереса к пугачевским манифестам. О том, что такие манифесты существовали, отлично знали и в столице. Об указах Пугачева хорошо были осведомлены даже иностранные послы. Так, австрийский посол сообщал в Вену, что в Петербурге появились указы Пугачева и что он постарается «изо всех сил снять копию». Манифесты Пугачева распространялись в Москве, среди народа. Их читали и по кабакам. И в Москве и в Петербурге росло недовольство, и манифесты Пугачева, обещавшие свободу и землю крестьянам, подогревали его. Английский посол доносил в Лондон:

Судя по тому, что мне в течение этого путешествия удалось узнать от лиц, с которыми я разговаривал, мне показалось, что неудовольствие не ограничивается театром мятежа... Неудовольствие повсеместно и ежедневно усиливается.[1]

Он же сообщал, что в Москве и Петербурге многих арестовали за то, что пили за здоровье Пугачева.

Широкое распространение пугачевских манифестов, их популярность вынудили Екатерину вести с ними борьбу. Первым актом было издание указа Сената от 19 октября 1773 года. В указе говорилось:

Примечено, что простой народ по уездам, а особливо ныне с некоторого времени по монастырским волостям нередко обманываем бывал списками ложных от имени ее императорского величества и от Сената указов, каковые вымышляются и составляются единственно от злых людей для приведения оного в неизвестность и смущение.

Подтвердив факт распространения среди народа пугачевских указов, Сенат объявлял о принятых мерах борьбы с ними:

Того ради дабы, истребляя сие зло в самом корене, единожды навсегда освободить подданных ее величества от всяких впредь

[1] «Сборник русского исторического общества», т. XIX, стр. 429.

подобных лжей, ее императорское величество повелевает Сенату обнародовать обыкновенным образом печатными на публичных местах приставляемыми и в церквах прочитываемыми листами во всех провинциях империи ее императорского величества, что отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения от имени ее императорского величества собственно или от Сената издаваемые не должны быть признаваемы за действительные, кроме печатных.[1]

Заканчивался указ настойчивым призывом верить только печатным, а не рукописным манифестам. Данный указ обнаружен в делах штаба Брюса, следовательно, с ним был знаком Радищев. И вряд ли, прочитав его, Радищев не заинтересовался «рукописными указами», которых так боялась Екатерина.

В восстании Пугачева привлекли внимание многих случаи перехода на сторону восставших солдат и офицеров армии. Дворянин в военном мундире начинал действовать совместно с восставшими крестьянами, подчинялся приказам штаба Пугачева — это было беспримерным явлением, которое и волновало и заставляло задумываться.

Из истории декабризма известно, какое огромное значение для возникновения вольнолюбивых мыслей имело общение передового офицерства с солдатами в годы Отечественной войны. То же было и в армии второй половины XVIII века. Эта тема подлежит тщательному специальному исследованию. Должно привлечь внимание историков и такое замечательное, до сих пор не изученное явление общественной жизни России 70-х годов, как переход различных чинов армии из дворян на сторону Пугачева.

Одним из первых обратил на это внимание Пушкин. С тех пор накоплено много новых материалов. В трехтомном сборнике документов, относящихся к пугачевскому восстанию, находятся упоминания и сведения о четырнадцати офицерах, перешедших к восставшим и служивших у Пугачева. Среди них один майор, один капитан, три подпоручика, пять прапорщиков и т. д.[2]

На самом деле военных из дворян, перешедших к Пугачеву, было значительно больше. Только новые доку-

---

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, св. 10, д. 18.
[2] «Пугачевщина», 1929, т. II, стр. 200—202.

менты, извлеченные из Центрального военно-исторического архива, свидетельствуют о переходе к восставшим более двадцати человек. Из указа Военной коллегии от 10 сентября 1775 года, например, известно, что смертная казнь заменена ссылкой «в Оренбург, в работу» одному прапорщику, двум сержантам, фурьеру, трем капралам и семидесяти пяти рядовым.[1] При штурме Пугачевым Саратова на его сторону перешло много артиллеристов — два сержанта, каптенармус, два фурьера, восемь капралов и триста четыре рядовых.[2]

Заслуживает внимания указ военной коллегии, рисующий картину перехода артиллеристов на сторону Пугачева.

Прапорщик Григорий Соснин сперва был командирован на батарею и в команде своей имел капрала 1-го, рядовых 12 и канонира 1-го, а как злодейская толпа пришла к крепостным воротам, то он, оставя пост свой и пришед к гобвахте, кричал обще с караульными солдатами городничему, чтоб он отпирал ворота, которые и отпер бывший в карауле фурьер Донсков, чрез что ту злодейскую толпу в крепость впустили, которою как он, Соснин, так и гобвахтные солдаты взяты были и отведены за форштат к Пугачеву, куда по приходе он, Соснин, тому злодею всем фронтом отдал честь и стал со всеми на колени, и отдали оружие свое; фурьер Афанасий Донсков, рядовые Осип Ефстифеев, которому вверены были крепостные ключи, Кирила Васильев, Игнатий Тимофеев, Ефим Додонов, Иван Бакаев, Максим Горбунов, барабанщики Иван Апушкин, Савелий Полыгчалов, флейщик Федор Сапожников, цирульник Емельян Федоров — все они были с фурьером Донским у крепостных ворот в карауле с пушкою, повиновались и согласное с прапорщиком Сосниным дело имели во отпирании ворот злодейской толпе в противность воинских регулов, а Донсков по приказанию Соснина для поспешного впуску тех злодеев в крепость и вырвал у солдата Ефстифеева городские ключи, чрез что от той толпы как комендант Меллин, так и капитан Агишев и прочие верные к ее императорскому величеству рабы стались убитыми до смерти, а они, не чиня противу злодейской толпы супротивления, к злодею Пугачеву отведены, отдали ему честь и оружие свое и были у того злодея до разбития.[3]

Перейдя на сторону восставших, офицеры и солдаты получали различные назначения в армии Пугачева. Секунд-майор Андрей Саламанов, командуя батальоном,

---

[1] ЦГВИА, ф. 8, св. 564, д. 96/9663, лл. 7—8.

[2] Там же, л. 11. См. также сводку материалов о сержанте И. С. Аристове из костромских дворян, пожалованном Пугачевым в полковники («Литературное наследство», т. 16—18, стр. 455—459).

[3] ЦГВИА, ф. 8. св. 564, д. 96/9963, л. 11.

перешел вместе с солдатами на сторону Пугачева, присягал ему и продолжал командовать отрядом. Капитан князь Баратаев командовал у Пугачева соединением артиллеристов, с которыми перешел к восставшим. Другие офицеры получали самые различные назначения. Так, прапорщик Иван Юматов был назначен воеводою города Петровска, прапорщик Елизар Сулдашев — воеводою в Алатырь, прапорщики Семен Попов и Сила Строев — сотниками и т. д. и т. п. До сих пор нет ни одной работы о дворянах, служивших у Пугачева, и мы ничего не знаем о людях, отважно перешедших на сторону восставшего народа, об их жизненном пути и судьбе. Изучение биографий этих людей чрезвычайно важно для понимания условий развития русского Просвещения. Их деятельность — живое свидетельство того, что в России в 70-е годы XVIII века, в частности в армии, был довольно широкий круг прогрессивно настроенных людей. Из их среды выходили передовые общественные деятели, к ней обращались русские просветители, желая найти себе «сочувственников». Именно среди таких людей оказался Радищев в первые же годы своей литературно-общественной деятельности.

В этой связи обращает на себя внимание и такой факт: в 1778 году Тайная канцелярия вела следствие по делу поручика А. Ф. Мневского и капитана И. В. Иванова.[1] Они обвинялись в написании и распространении «пасквиля» — речи о произволе в судах, взяточничестве и беззаконных действиях судей, якобы произнесенной наследником Павлом в Сенате. «Речь» получила распространение в дворянских и разночинных кругах. Из следствия мы узнаем, что один из авторов «пасквиля», капитан Иванов, в 1773 году служил в Тобольском полку. В том же полку служил, как уже указывалось мною, и Федор Кречетов. Следовательно, служба в дивизии сталкивала Радищева с передовыми людьми, которые находились в армии.

Архивные материалы свидетельствуют, что Радищеву были известны случаи перехода офицеров и рядовых на сторону Пугачева. В конце 1774 и весной 1775 года в различных городах, в том числе в Москве и Петербурге, шли

---

[1] К. В. Сивков, Подпольная политическая литература в России в конце XVIII века — «Исторические записки», 1946, № 19.

суды над «воинскими служителями» за их «предательство бунтовщику и самозванцу Пугачеву». Еще в 1771 году в столице был создан постоянный военный суд — Петербургский кригсрехт. Он находился в подчинении начальника гарнизона. Асессоры и обер-аудиторы назначались из воинских частей, дислоцировавшихся в Петербургской губернии. Следовательно, предстояло заседать в этом кригсрехте и Радищеву. Но неожиданно Радищев решил уйти в отставку и бросить службу, которой добивался. В делах штаба Брюса удалось найти копию рапорта командира дивизии в Военную коллегию, в котором излагается челобитная Радищева об отставке.

Поданные ко мне на высочайшее ее императорского величества имя челобитные Псковского пехотного полку секунд-майора Шестакова и штаба моего обер-аудитора Радищева об отставке их, первого за слабостию здоровья, а последнего по домашним обстоятельствам, от воинской и статской службы в силу указа о вольности, данного дворянству, на свое пропитание, — при сем на рассмотрение Государственной военной коллегии с аттестатами представляю.[1]

Рапорт Брюса записан в «Журнал Военно-походной канцелярии исходящим делам, касающимся по делам Финляндской дивизии» 13 марта 1775 года. Что послужило поводом к отставке — мы не знаем. В своей челобитной Радищев истинную причину скрыл за официальной формулой — «в силу указа о вольности, данного дворянству». Обстоятельства, предшествовавшие отставке, могут пролить кое-какой свет на интересующий нас вопрос. Заключив мир с Турцией и одержав победу над пугачевской армией, Екатерина объявила о проведении празднеств в Москве. В древнюю столицу спешно съезжалось торжествующее дворянство. Туда же, на основании специального указа, поскольку Екатерина собиралась пробыть в Москве весь 1775 год, отправлялись из Петербурга правительственные учреждения — департаменты Сената, военная коллегия и другие. Вместе с другими учреждениями в конце 1774 года выехал в Москву и штаб Брюса. Сама Екатерина отбыла из столицы 8 января 1775 года, с расчетом прибыть в Москву сразу после казни Пугачева.

Очевидно, Радищеву пришлось быть свидетелем казни Пугачева и его товарищей. Казнь состоялась 10 января

---

[1] ЦГВИА, ф. 130, оп. 1/205, св. 20, д. 27, л. 22.

1775 года. Вслед за нею началась жестокая расправа над другими «возмутителями». Вот в это время и созрело у Радищева решение оставить службу. Поскольку уже 13 марта Брюс пишет рапорт в военную коллегию об отставке Радищева, челобитная последнего была подана раньше, видимо в феврале. В связи с тем, что военная коллегия находилась тоже в Москве, решение по рапорту Брюса было принято быстро: 20 марта 1775 года Радищев был уволен в отставку с награждением следующим чином секунд-майора. [1]

Обычно исследователи, ссылаясь на показания Радищева Шешковскому, указывают на женитьбу как на причину его отставки. Вряд ли это так. Радищев не располагал помещичьими доходами и потому вынужден был всю жизнь служить. Для устройства своих семейных дел он мог попросить отпуск, который несомненно бы и получил. Следует помнить, что через два с лишним года он вновь вернулся на службу, но уже на штатскую. Значит, уход из армии не просто определялся домашними обстоятельствами — Радищев больше не хотел служить в армии, куда стремился раньше.

В «Путешествии из Петербурга в Москву», в главе «Зайцово», рассказывается история председателя уголовной палаты Крестьянкина. Зная теперь, чем занимался Радищев в Сенате и в армии, можно высказать предположение, что многое в убеждениях Крестьянкина — сначала его вера в силу законов, в возможность честным исполнением должности делать добро согражданам, пресекать преступления чиновников, не допускать произвола и т. д., а затем разочарование в возможности «творить добро», разочарование, приведшее к отставке, — носит автобиографический характер.

В самом деле, Крестьянкин, поступив в Уголовную палату, верил, что «ему отверзается» «обширное поле на удовлетворение любезнейшей склонности моея души», «упражнение для мягкосердия». «Сокрушим скипетр жестокости, — гордо заявлял он, — который столь часто тягчит рамена невинности». Тем же вдохновлялся и Радищев,

---

[1] ЦГВИА, ф. 2, ч. 10, д. 1019, л. 498. Дату утверждения отставки Радищева Военной коллегией — 20 марта — впервые сообщил Г. Шторм в своей книге «Страницы морской славы».

когда служил в Сенате и особенно когда стремился перейти в армию на должность прокурора.

Крестьянкин быстро разочаровался в возможности творить добро. «Я думал, — говорит он, — что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моея должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терния». То же почувствовал и Радищев во время службы в дивизии. Крестьянкин говорил, что он «прибегал к закону, дабы искать в нем подпору... но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы». Искал в законе «подпоры» и Радищев. Несоразмерность наказания преступлению потрясала и его при исполнении должности обер-аудитора.

Заставляя Крестьянкина уйти в отставку потому, что он больше не в силах делать добро, как предполагал при вступлении в должность, Радищев исходил из собственного опыта службы, закончившейся отставкой. Он несомненно ушел из армии, тоже разочаровавшись в возможности делать добро, «исполнять должность», добиваться того, чтобы «иссякли слезы страждущей невинности» и источались лишь «слезы обновления».

Служба в Сенате и в дивизии была этапом в идейной биографии Радищева. Возвращался Радищев в Россию, по его словам, с горячим патриотическим чувством, с желанием служить родине, с готовностью, если надо, «жертвовать и жизнью для пользы отечества». Столкновение с практикой самодержавного государства, знакомство с системой исполнения самодержавных законов охладило Радищева. Наступило разочарование. «Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том же признаешься, — писал Радищев в «Житии Федора Васильевича Ушакова», обращаясь к Кутузову, — что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило». Отставка и была логическим завершением охлаждения.

В чем смысл приобретенного Радищевым опыта? Ему стало ясно, что, во-первых, добиваться правды в самодержавном государстве исполнением «своей должности» — дело безнадежное и, во-вторых, в самоотверженном стремлении бороться с беззакониями и преступлениями нельзя опираться на законы, ибо в них «вместо человеколюбия»

была «жестокость». Жизнь учила — нельзя ограничиваться исполнением частных добродетелей. Вставал вопрос о политической и общественной деятельности. Русские просветители, начавшие общественную и политическую деятельность в конце 60-х годов, подсказывали Радищеву, какой путь ему надо избрать. Восстание показало, что дело не в исправлении частных неустройств, не в разоблачении преступлений судей, не в проповеди идей честного исполнения обязанностей чиновника, но в политической борьбе с самодержавным государством.

Именно после великой крестьянской войны 1773—1775 годов Радищев понял, что только в результате политической борьбы, революции, вооруженного восстания будут уничтожены самодержавие и крепостное право и утверждена свобода в горячо любимом отечестве.

9

Мощный размах народного движения, потрясший самодержавное государство, вызвавший панику в дворянстве, заставивший правительство стягивать к месту восстания огромные воинские части, не мог не привлечь внимание молодого просветителя. Для него начинался новый этап воспитания жизнью.

Впервые Радищев увидел, как обстоятельства дикого помещичьего произвола и «тяжести порабощения», доведя крепостных «до крайности», заставили их поднять руку на своих господ, вызвали жажду справедливого мщения за притеснения, за обиды, за нищенскую бесправную жизнь. Впервые с такой потрясающей очевидностью раскрылась ненависть крестьян к своим поработителям. Впервые Радищев увидел великую самодеятельную энергию народа в общественном движении, его самостоятельные попытки собрать свои силы, создать свою армию; впервые услышал о выдвинутых «из среды народныя» замечательных руководителях восстания, военачальниках во главе с Пугачевым, одерживавших победы над прославленными генералами; впервые узнал, что крестьянское восстание вызвало сочувствие в армии, следствием чего явился переход воинских команд на сторону «бунтовщиков», что справедливые требования крепостных нашли

отклик даже у некоторых передовых дворян, не побоявшихся порвать со своим классом и стать на сторону Пугачева.

События крестьянской войны оказали могучее влияние на формирование политической теории Радищева, определив демократизм его убеждений. Именно после крестьянского восстания 1773—1775 годов коренные вопросы социального и политического развития отечества стали в центре внимания Радищева. Он начал проявлять интерес к жизни народа, к его творчеству, к многочисленным и постоянным в крепостническом государстве «бунтам» — грозным и кровавым расправам крепостных со своими помещиками. С новых позиций он стал изучать русскую и мировую историю.

Но оправдывая восстание Пугачева, Радищев был далек от его идеализации. Как гениальный мыслитель, он увидел и слабость и неорганизованность крестьянских восстаний; он понимал, что в современных ему обстоятельствах эти восстания победить не могут, что желанная пора победоносной революции придет не скоро. Восставшие не осознавали связи между крепостным правом и политическим режимом самодержавия. Доведенные до крайности крепостные поднялись на мщение под царистским лозунгом: против Екатерины, но за «народного», мужицкого царя. Революционер Радищев, ненавистник всякой монархии, писал поэтому в «Путешествии» о слабости восставших, пошедших «за грубым самозванцем».

В развитии революционных убеждений Радищева сыграли свою роль и манифесты Пугачева, запечатлевшие народные чаяния, народный взгляд на важнейшие социальные явления. Как свидетельствуют ранее приведенные материалы, Радищев не мог не знать пугачевских манифестов. В этой связи хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство: радищевское учение о том, что крепостной только тогда становится «истинным сыном отечества», когда сбрасывает с себя путы рабства, его суждение о праве народа на «мщение» своим прецедентом имело пугачевские манифесты.

Восстание Пугачева является рубежом в идейном развитии Радищева. До него Радищев — патриот, жаждущий служить своему отечеству, гражданин, воспитанный на идеях Ломоносова, Козельского, Ушакова, человек, чьи философские взгляды складывались под воздействием

материализма Гельвеция, Гольбаха, Дидро, мыслитель, доросивший демократизмом Руссо и его социологическими взглядами, деятель, стоявший на мирных просветительских позициях. Мирно-просветительский характер убеждений Радищева сближал его в этот период с французскими просветителями, как известно, далекими от революционных теорий. «Некоторые тогдашние проповедники новых идей (Вольтер, Руссо и другие. — *Г. М.*) замечали, что народ теряет терпение и может, пожалуй, восстать против своих притеснителей... Но, не будучи сторонниками революционного способа действий, они пугались приближавшегося взрыва, а не приветствовали его. Они от всей души предпочли бы мирную реформу насильственной революции. Это *мирное* настроение проповедников *революционных* идей ярко отразилось как в литературе, так и в искусстве». [1]

Точно так же характеризуют убеждения Радищева его произведения, написанные до пугачевского восстания. Как мы уже знаем, Радищев в 70-е годы занимается переводами. Перевод сочинения Мабли — свидетельство его связи с просветительской литературой. Примечание к слову «самодержавство» — главный источник для суждения о мировоззрении Радищева тех лет; оно радикально, оно выполняло ту же роль, что и сочинения Козельского и Новикова, так как разоблачало политический маскарад Екатерины II, которая прикрывала свой деспотизм учением энциклопедистов. Но примечание не содержит призыва к революции, идея насильственного ниспровержения самодержавного строя еще чужда Радищеву.

Единственное художественное произведение, написанное в то время, — «Дневник одной недели», — посвящено жизни «частного» человека. Следовательно, произведения первой половины 70-х годов свидетельствуют, что Радищев еще не встал на революционные позиции. Сочинения второй половины этого десятилетия нам неизвестны. Следующий, второй этап творчества Радищева падает на 80-е годы, когда было написано более десятка произведений; и они все едины по своему духу, посвящены одной цели — пропаганде революционных взглядов. Так сочинения Радищева убедительно доказывают, что

---

[1] Г. В. Плеханов, Сочинения, М. — Л., 1925, т. XXII, стр. 21.

революционером он стал лишь после крестьянской войны 1773—1775 годов.

Уже в конце 70-х годов внимание Радищева привлекло новое крупное политическое событие века — борьба американского народа за независимость (1776—1783). Верный новым убеждениям, он внимательно изучает историю Америки, тщательно следит за ходом восстания, с интересом прочитывает политические документы республики. Через несколько лет Радищев начнет писать оду «Вольность», в которой с радостью приветствует победу американского народа. Современные Радищеву политические события, свидетелем которых он был, изучение истории, и особенно истории борьбы народов за свою независимость и свободу, — все убеждало Радищева в правильности его политических выводов — уничтожить рабство, угнетение можно только революционным путем, и совершить революцию может только народ, создатель всех материальных ценностей мира, которому свойственно и высшее творчество — революция.

Годы, последовавшие за разгромом пугачевского восстания, — это годы огромной и напряженной духовной деятельности Радищева по идеологическому обобщению опыта народных движений, это годы выработки нового, революционного мировоззрения. Энциклопедически образованный человек, бывший в курсе идейной жизни России и Запада, он впервые встал на путь проверки усвоенных им идей, учений, теорий практикой, опытом истории, и прежде всего истории своего отечества, опытом народной борьбы. «Опыты суть основание всего естественного познания», — формулирует свою мысль революционер Радищев. Только руководствуясь «светильником опытности», только «взяв на помощь историю», можно увидеть метафизичность воззрений, можно вскрыть заблуждения, понять вред «умствований» и открыть для себя «правила, народным правлениям приличные».

Выйдя в отставку в чине секунд-майора, Радищев в Москве сыграл свадьбу, женившись на племяннице своего друга Андрея Рубановского, Анне Васильевне Рубановской. Сын писателя Н. А. Радищев сообщает: «В женитьбе своей он не искал богатства... Жена его, дочь члена придворной конторы, была не богата, но имела все то, что могло составить счастье хорошего человека.

А. Н. женился в Москве; жена его лишилась отца незадолго до замужества, быв уже помолвлена, и Александр Николаевич вместе с нею возвратился в Петербург, чтоб снова вступить в службу». [1]

Вернулся Радищев на службу не скоро — почти через три года. Указом Сената от 22 декабря 1777 года его назначили в коммерц-коллегию на вакантную должность коллежского асессора. Приступил же к своим обязанностям Радищев только через месяц, в январе 1778 года. Как свидетельствуют обнаруженные в архиве дела коммерц-коллегии, Радищев исполнял обязанность, близкую к современным обязанностям юрисконсульта. Он давал заключения по спорным и тяжебным делам, присутствовал от имени коммерц-коллегии на заседаниях первого департамента Сената и городского магистрата, при разборе купеческих жалоб или судебных дел. Среди бумаг коммерц-коллегии сохранился протокол заседания коллегии, из которого видно, что Радищев 5 декабря 1778 года подал челобитную с просьбой отпустить его в трехмесячный отпуск для поездки к родителям в Пензенский уезд. 14 декабря 1778 года он отпуск получил и, видимо, сразу же отправился в Верхнее Аблязово. Так Радищев после возвращения из Лейпцига в третий раз отправился в путешествие из Петербурга в Москву, проведя в деревне вновь более двух месяцев. [2]

Служба в коммерц-коллегии свела Радищева с А. Р. Воронцовым. Развернувшееся дарование незаурядного государственного деятеля, отличные знания в области юриспруденции, репутация умного организатора и неподкупного чиновника были оценены и Воронцовым и Брюсом, который в 1786 году был назначен петербургским главнокомандующим.

В 1779 году Радищев обратился с прошением на высочайшее имя перевести его воинское звание секунд-майора, в связи с решением не служить более в армии, на штатское. Соответствующим указом 22 июля 1779 года Радищеву было присвоено звание коллежского асессора. Асессорскую должность в коммерц-коллегии Радищев занимал до 1780 года, когда он был назначен помощником

---

[1] «Русская старина», 1872, № 11, стр. 576.
[2] ЦГИАЛ, ф. 3, д. 68, л. 47.

управляющего столичной таможней. В таможне Радищев работал под начальством Даля почти десять лет — до 1789 года. Даль — лицо, приближенное к Екатерине, влиятельный царедворец — не столько занимался делами таможни, предоставив их целиком Радищеву, сколько делами остзейских губерний. Выступая советником Екатерины, Даль настойчиво проводил мысль о необходимости реформ, которые покончили бы с остзейской автономией. Реформы и были, наконец, осуществлены в 80-е годы. В результате их осуществления ликвидировалась автономия Остзейского края. Это вело к умалению прав немецкого дворянства и соответственно в известной мере приводило к облегчению положения крестьян, находившихся в рабской зависимости от остзейских помещиков. [1]

Радищев был в отличных отношениях с Далем. Он, по свидетельству мемуаристов, в 80-е годы посещал преимущественно дом Даля, держась в стороне от петербургского общества. Естественно, что Радищев был в курсе всех дел, которыми занимался Даль, и не мог им не сочувствовать, не мог не интересоваться положением дел в прибалтийских губерниях, не мог не высказывать своего мнения.

В конце 1789 года Даль умер. Указом Сената 5 апреля 1790 года Радищев был назначен советником таможенных дел — управляющим санкт-петербургской таможней. Обнаруженный в делах герольдии документ свидетельствует, что рекомендовал Радищева на эту должность граф Брюс: «Как в здешней казенной палате по таможенной экспедиции состоит вакансия советника, открывшаяся смертию бывшего во оной должности действительного статского советника и кавалера Даля, то к заступлению оной находя способным и достойным состоящего в той же экспедиции помощника советнику, коллежского советника и кавалера Александр Радищева, Правительствующему сенату сие представляя, ожидать буду о определении его на помянутую вакансию ее императорского величества указа». [2]

---

[1] См. об этом подробнее в работе Я. Зутиса: «Остзейский вопрос в XVIII веке», Рига, 1946, стр. 556—560.
[2] ЦГАДА, ф. 286, кн. 784.

Успехи по службе, энергичная деятельность на государственном поприще, рост авторитета и признание заслуг не могли удовлетворить Радищева. Он стремился к деятельности общественно-политической, к деятельности на благо страждущего в оковах народа. Радищев уже знал, что такая деятельность выходила за рамки исполнения обязанностей честного чиновника.

Каким же могло быть в условиях крепостной России второй половины XVIII века дело политического борца? Опыт русских просветителей свидетельствовал, что таким делом могло быть дело писателя, оружием его политической борьбы могло быть слово. Ленин указывал: «...слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории *вообще* или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет».[1]

Окончательно убеждения Радищева сформировались в 80-е годы. Революционные взгляды определили и революционный характер его литературной работы. Но формирование революционного мировоззрения проходило в условиях политической и общественной жизни 80-х годов и, главное, в обстановке беспримерной активности, роста силы и авторитета деятелей русского Просвещения. Вот почему, прежде чем перейти к характеристике политических взглядов Радищева, к анализу его революционных произведений, необходимо остановиться на характеристике героического десятилетия русского Просвещения.

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 9, стр. 53.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Последняя четверть XVIII века была ознаменована обострением противоречий между крестьянином и помещиком, с одной стороны, рабочим и фабрикантом — с другой. Последнее обстоятельство характерно для феодальной России. Новый класс — буржуазия, усиливая свою деятельность, умел уживаться внутри самодержавно-феодального государства. Потребность в рабочей силе оказалась удовлетворенной. По последним разысканиям, число наемных рабочих с двухсот тысяч в 60-е годы возросло до четырехсот тысяч в конце века.[1] Но увеличение числа наемных рабочих осуществлялось в варварских условиях крепостничества. Свободные по отношению к фабриканту-капиталисту рабочие продолжали оставаться крепостными, собственностью помещика. Это обстоятельство вполне устраивало русскую буржуазию. Вот почему в борьбе с крепостным гнетом, властью помещика рабочие и крестьяне оказывались объединенными общими интересами, и вот почему новый, антифеодальный по своей природе класс — буржуазия — не оказывался их союзником.

Крестьянская война, возглавленная Пугачевым, объединившая помещичьих крестьян, заводских рабочих, казачество, угнетенные царизмом малые национальности Урала и Поволжья, определила два враждебных лагеря в России, обозначила со всей очевидностью раскол нации,

---

[1] Н. Л. Рубинштейн, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России XVIII в. — «Вопросы истории», 1952, № 2.

способствовавший прояснению истинных нужд трудящегося большинства и справедливых их требований. По мысли Энгельса, раскол нации происходит только в том случае, когда восстает «низший, эксплоатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи».[1] Крестьянская война 1773—1775 годов и была именно таким восстанием трудящихся слоев народа.

Раскол нации обусловил расслоение и внутри дворянства. В 80-е годы оно достигло значительных масштабов, приобрело очевидный характер. В годы после подавления пугачевского восстания политическую борьбу с правительственным деспотизмом и рабовладельцами повели деятели передовой дворянской общественности, сумевшие отказаться от корыстных, эгоистических интересов своего класса.

Практическая работа старых и новых просветителей приобрела огромный размах, приняла разнообразный и целеустремленный характер. Стало ясным, что в России оформилось и начало одерживать одну победу за другой мощное передовое идеологическое движение. В 60-е годы были лишь выступления одиночек. В 80-е годы был создан просветительский фронт. В руках просветителей оказались типографии, газета «Московские ведомости», около десятка журналов; они издавали не только художественную литературу, но множество книг по вопросам политики, социологии, истории, философии, морали, юриспруденции, воспитания и т. д. Вокруг просветительских центров в Москве и Петербурге объединилось не менее сотни деятелей просвещения — писателей, философов, социологов, редакторов, критиков, ученых, историков, переводчиков, распространителей книг и т. д.

Деятельность просветителей приобрела в 80-е годы ярко выраженный гражданский, общественно-политический характер. В Москве и Петербурге было даже создано несколько литературно-общественных объединений, в которые вошло не менее двухсот членов, — «Дружеское ученое общество» (одним из его руководителей являлся Николай Новиков), «Всенародное вольно к благоденствованию составленное общество» (идеологом и вдохновителем его был Федор Кречетов), «Общество друзей словес-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 126.

ных наук» (влиятельным членом которого был Александр Радищев). В конце десятилетия появились книги Радищева, обогатившие русскую политическую мысль идеей народной революции.

Русское Просвещение, как мощное и богатое идеологическое движение, сложилось именно в 80-е годы. Усилиями целой группы деятелей была создана философия русского Просвещения, высоко поднят уровень исторической науки. В эти годы подверглись разработке проблемы социологии и экономики; особо обстоятельно и полно изложены были основы этики и педагогики. Политическая теория получила свое замечательное и разностороннее выражение сначала в сочинениях Козельского и Новикова, а затем Фонвизина и Радищева.

Наибольшего успеха достигла художественная литература, которая оказалась в центре внимания просветителей. Писатели, вдохновленные просветительской идеологией, одержали значительные победы. Именно сочинения писателей-просветителей заняли ведущее место в литературе десятилетия. Дворянские литераторы, сторонники классицизма и сентиментализма, не оказались способными создать в это время произведения большой эстетической и идейной ценности, которые бы выходили за рамки открытого отстаивания интересов своего класса.

Формирование русской просветительской идеологии и развитие вдохновляемой передовым мировоззрением художественной литературы проходили в условиях непрестанной и жестокой борьбы с различными враждебными течениями и направлениями и в области политики, и в области философии, и в области эстетики. Раскол нации, происшедший в годы крестьянской войны, отчетливо проявился и в литературе: в конечном счете единому лагерю дворянской и воинствующе-реакционной правительственной литературы противостоял и, главное, активно и мужественно боролся с враждебной ему идеологией лагерь русских просветителей.

К сожалению, до сих пор изучение литературы, философии, искусства и архитектуры 60—80-х годов ведется вне учета активной деятельности просветителей, их борьбы, их вклада в передовую культуру народа, вдохновляющего влияния просветительской идеологии на писателей, философов, архитекторов и живописцев. Невнимание

к русскому Просвещению ведет к забвению реальных фактов истории, к игнорированию как практической и организационной работы многих замечательных деятелей, так и их творчества. А только изучение идеологической жизни России в 80-е годы во всей полноте и сложности борьбы, только внимательное изучение всего просветительского движения может помочь понять действительное богатство, глубину и широту связей Радищева с русской жизнью, с насущными потребностями русского освободительного движения. Прежде чем приступить к анализу литературных работ Радищева, написанных в 80-е годы, которые несомненно не могли не откликаться на волновавшие писателя события литературно-общественной и политической борьбы десятилетия, необходимо хотя бы коротко остановиться на характеристике борьбы двух враждебных лагерей, напомнить ход развития просветительского движения, показать возраставшую силу влияния просветительской идеологии на литературу.

2

Победа екатерининского самодержавства, с одной стороны, и страх перед неукротимым гневом восставшего народа — с другой, способствовали консолидации дворянства вокруг «казанской помещицы».

Правительство Екатерины спешило воспользоваться плодами своей победы. Прежде всего, извлекая по-своему понятые уроки из крестьянской войны, правительство начало перестройку административного аппарата и усиление власти дворян на местах. Екатерина вместе с Потемкиным создает полицейское государство: в год казни Пугачева было издано «Учреждение для управления губерний» (1775). Россия делилась на пятьдесят губерний, каждая из которых получала разветвленный административный аппарат, состоявший из дворян, назначенных правительством или выбранных самими помещиками. Укрепляя дворянскую диктатуру, Екатерина предоставляла широкие возможности русским помещикам расправляться с новыми бунтами. Через десять лет, идя навстречу желаниям «благородного сословия», Екатерина издала «Жалованную грамоту дворянству», определявшую его «права» и преимущества. Указы шли непрерывной чередой,

и Екатерина кокетливо жаловалась в письмах своему агенту и представителю энциклопедистов Мельхиору Гримму, что она «больна легисломанией».

Усиливая полицейские функции государства, Екатерина не забывала и о необходимости идеологического укрепления своей власти, и особенно о восстановлении поверженного крестьянской войной и втоптанного Пугачевым в грязь авторитета. Полтора года десятки тысяч крестьян пушками и рогатинами, ружьями и вилами, наконец, — и это было ново и беспримерно, — письменно, в многочисленных манифестах, в «прелестных письмах» ниспровергали славу «матери отечества» и легенду о том, что в России утвердился «златый век».

Прежде всего Екатерина прибегла к мерам, вынуждавшим корифеев французской просветительской философии с новой силой засвидетельствовать перед «всем светом», что и после разгрома крестьянской войны в России процветает «златый век», «блаженство подданных», что на престоле сидит «просвещенный монарх».

Во время войны Екатерина поддерживала письменную связь с Вольтером. Он был главным информатором в республике философов по русским делам. Боявшиеся народа и его революционной энергии энциклопедисты оказались неспособными понять исторический смысл антифеодальной борьбы русских крепостных. Не поняв, они остались в плену своей прежней умозрительной концепции просвещенного абсолютизма. Сохраняя и в новых условиях (жестокий разгром восставших, усиление рабства и полицейского террора) свои отношения с Екатериной, продолжая видеть в ней монарха, готового исполнить их предначертания, укрепляя своим авторитетом авторитет рабовладельческо-деспотического правления Екатерины, они не оказались способными выступить союзниками русских просветителей, которые именно в эту пору отважились защищать права и жизнь миллионов крепостных.

В 70-е годы Екатерина устанавливает особо тесный контакт с французскими просветителями. Когда на Яике начались бои, Екатерина принимала Дидро в Зимнем дворце, вела переписку с Вольтером. В одном из писем Екатерина писала: «Вы легко можете усмотреть, что оное буйство человеческого рода не расстроивает моего удовольствия, которое я имею от собеседования с Дидеро-

том».[1] И далее: «Маркиз Пугачев наделал мне в нынешнем году множество хлопот».[2] Вольтер поспешил высказать свое сочувствие: «маркиз Пугачев — изверг», он «агент или орудие». Екатерина поправляет: «Пугачев был самовластный разбойник и отнюдь ни от кого не зависел».[3] Вольтер с искренним неистовством обрушивает на Пугачева свой гнев: «Подлинно Пугачев больше черт, нежели человек».[4] «Впрочем, господин маркиз, как бы то ни было, но я думаю, что дело ваше тем окончится, что вас повесят, а вы того и стоите, ибо вы провинились не только против моей августейшей императрицы, которая бы вас, может быть, и помиловала, но вы виноваты против целой империи, которая вас отнюдь не простит».[5]

Императрица не замедлила сообщить Вольтеру, что она последует его совету: «Он ⟨Пугачев⟩ воображает, что я из уважения к его храбрости могу его помиловать и что он прежние свои преступления может в будущей службе загладить. Если бы он одну меня оскорбил, то мнение его было бы основательно: я конечно бы его простила; но это дело до всей империи касается, которая свои законы имеет».[6] Крестьянская война не расстроила союз Екатерины с энциклопедистами. Поэтому незамедлительно, сразу после разгрома восставших, Екатерина в письмах Вольтеру называла себя законодательницей и преобразовательницей отечества, давая тем самым понять французским друзьям, что перед ними действительно просвещенный монарх, принявшийся вновь за дела, начатые еще в 1767 году. Естественно, каждый раз она напоминала, что стремится исполнить заветы своего «Наказа» и составить законы для «блага подданных».

Отправляясь в Москву на казнь Пугачева, Екатерина сообщала Вольтеру: «Через несколько дней поеду я отсюда в Москву. Там-то я примусь опять за свою трудную работу законодательства».[7] О том же через два года:

[1] «Переписка российской императрицы Екатерины II и г. Вольтера», ч. II, М., 1803, стр. 136.

[2] Там же, стр. 141.

[3] Там же, стр. 147.

[4] Там же, стр. 149.

[5] Там же, стр. 143.

[6] Там же, стр. 148.

[7] Там же, стр 152.

«Наше законодательное здание мало-помалу возрастает: Наказ о сочинении Уложения есть его основание. Я его вам прислала назад тому лет десять. Вы усмотрите, что Учреждение («Учреждение о губерниях» 1775 года. — *Г. М.*) не уклоняется от правил, но от них проистекает; вскоре за ними последует Устав о доходах, о коммерции, о полиции и проч., кои нас уже года с два занимают; после сего очень легко и удобно будет сочинение Уложения». [1] Помимо писем, Вольтеру посылались и сами «законодательные опыты». В 1777 году было послано «Учреждение о губерниях», переведенное на немецкий язык. Вольтер встретил с воодушевлением закон, укреплявший помещичье государство и предупреждавший новую крестьянскую войну: «Вчерашний день получил я один из залогов вашего бессмертия, Уложение ваших законов на немецком языке, коим ваше императорское величество изволили меня наградить. С сегодняшнего утра начал я заставлять переводить оное на велхский язык; оно будет переведено на китайский и на все вообще языки. Оно сделается всемирным евангелием». [2]

Искренно обманываясь, Вольтер приветствует законодательную инициативу Екатерины, щедро и неутомимо прославляет русскую императрицу, вновь воздвигая ей алтарь «просвещенной монархини». В письме от 5 декабря 1777 года он писал: «За две недели перед сим осмелился я отправить с немецкою почтою на имя вашего величества картину справедливости и человеколюбия. Она, подобно колокольчику, возвестит человеческому роду о благотворениях ваших». [3] «Колокольчик» — торжественная ода Вольтера в честь Екатерины.

Ода появилась кстати. Екатерина спешно подбирала одописцев. Как никогда, была острой необходимость в «карманных» поэтах. Первыми оказались: прежний любимец императрицы Василий Петров, юный питомец университета Ермил Костров и сумароковский ученик, единственно талантливый из всего придворного окружения, поэт Ипполит Богданович.

---

[1] «Переписка...», стр. 163

[2] Там же, стр. 165.

[3] Там же.

Год разгрома крестьянского восстания и казни Пугачева ознаменовался активностью купленных «случайных» поэтов. Прославляется Екатерина — «законодательница», «матерь отечества», «премудрая». В бездарных длинных одах перечислялись заслуги русской императрицы перед Россией. Богданович пишет поэму о Екатерине; ему поручается и другое важное дело: переводы стихов итальянских и французских поэтов, прославлявших Екатерину: он переводит «Послание г. Вольтера к императрице Екатерине II». Хор «случайных» поэтов, славивших Екатерину за ее разгром восставшего народа, неожиданно возглавил Вольтер. Он назвал Екатерину «победительницей, примирительницей и законодательницей». И именно после разгрома Пугачева он произвел ее из великой в «превеликую». Силой своего авторитета Вольтер утверждал, что Екатерина — «наперсница богов», что ее империя — «страна, где правда высится и разум просвещенный», где императрица, «свободу дав умам, путь оным показует». Россия, где хозяйничал ожесточившийся помещик и усердствовал Потемкин, объявляется «пресчастливою» страной, а Екатерина — образцом монарха: «таков быть должен царь, коль хощет дать пример к приобретению правдивой в жизни славы, коль хощет, чтоб народ сердца и ум простер». Жить под властью такого монарха — «счастье для народа», счастье для писателя. Вольтер заявляет, обращаясь к Екатерине: диктуй мне, что надо писать, — «что должен я писать, ты мне сама внушай».

Екатерина незамедлительно использовала лестное предложение «внушать» западным и русским писателям, что̀ писать. Задаче «внушения» и посвящена литературная деятельность самой Екатерины, принявшая значительные масштабы в 1775—1790 годы.

Прежде всего нужно было внушить раз и навсегда, что в России господствует политическая свобода, что в деревне наступило «полное благополучие». Для этого Екатерина взяла «Наказ» (который, как известно, был изъят из обращения после разгона Комиссии) и сделала из него назидательные выписки. Собрав их в одной книге, она назвала ее «Российский апофегмат». Книга издана в 1777 году. «Наказ» обещал новые законы, которые и должны были привести народ к «блаженству». «Апофегмат» утверждал, что это «блаженство» уже наступило.

Есть ли в России равенство? — Есть, отвечал «Апофегмат», ибо «равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были первозакону».

Каков политический смысл русского самодержавства? И Екатерина спешила объяснить его русским подданным в духе учения «Энциклопедии». «Какий предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большего от всех добра. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и государя».

В России утвердилась вольность, вещает «Апофегмат»: «В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть, и чтоб не быть принужденным делать то, чего хотеть не должно».

В России действительно есть «бедные», есть «убогие». Но должно помнить, разъясняет «Апофегмат», что «человек не для того убог, что он ничего не имеет, но для того, что он не трудится; тот, который не имеет никакого поместья да трудится, столь же выгодно живет, сколько имеющий доход и не трудится».

Соответственно с политическими требованиями намечалась и целая программа воспитания юношества. «Должно вселять в юношество, — писала Екатерина, — страх божий, утверждать сердце их в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам».

Главный смысл наставлений — в проповеди строжайшего охранения сословных привилегий. Юношество должно быть воспитано в «правилах, приличествующих их состоянию», то есть дворяне должны научиться повелевать, остальные сословия, и прежде всего крестьяне, — слушаться.

Вопрос о послушании был главным в политической и литературной работе Екатерины. Это — стержень ее идеологической программы; слишком жутким было воспоминание о «непослушании» десятков тысяч крепостных в «черный год». В решении поставленной крестьянской войной проблемы Екатерина оказалась вынужденной прибегнуть к новой для нее тактике. Мало утверждать авторитет

с помощью «карманных» поэтов, мало возводить силами энциклопедических умов «алтарь». Оказывается, необходимо еще считаться с «мнением народа». Екатерина, не останавливавшаяся ни перед чем в достижении политических целей, решает подкрепить свой авторитет мнением народа в момент жестокой и дикой расправы над ним. Так возникает циничный план фальсификации истории народа, начинается беспримерная фальсификация народного творчества. Чредой идут «исторические сочинения», драмы, «подражания Шакеспиру», ученические «Записки касательно Российской истории», «поучительные» сказки и пословицы.

В исторических сочинениях она утверждает, что самодержавие в России всегда было истинным благом подданных и появилось оно вследствие полной невозможности самих русских политически управлять государством («призвание варягов»). Особенная же черта русского народа — образцовое послушание. Русский народ, утверждает Екатерина, живет по созданной им самим пословице: «Не так живи, как хочется, а так живи, как бог велит». [1] Русские крестьяне, утверждает Екатерина, усвоили мудрость: «чего нет, того не спрашивай»; поэтому они знают, что только «тому будет счастливо, кто пахать не ленив».

Таковы были «внушения» Екатерины, и они определяли программу реакционной — правительственной и дворянской — литературы в 70-е и 80-е годы. Борьба с «внушениями» составила главный смысл деятельности Фонвизина, Новикова, Крылова. Выступивший к концу 80-х годов Радищев будет бороться как революционер не только с крепостнической литературой, но и с крепостническим государством.

Чтобы «внушения» были лучше всего усвоены литературой, Екатерина решила подчинить себе писателей и организационно. О «карманных» поэтах думать много не приходилось: они схватывали все указания на лету. Первым среди них и в 80-е годы попрежнему был Богданович. Вслед за «Душенькой» он, исполняя желание императрицы, издает четыре книги «русских пословиц»,

---

[1] «Сочинения императрицы Екатерины II», СПБ., 1849, т. I, стр. 254.

фальсификаторской стряпни, ничем не прикрытой апологии екатерининского самодержавия. Пословицы подправлялись, искажались, а нередко самим Богдановичем и сочинялись. Эти-то сочиненные пословицы для лучшего воздействия на публику он располагал по рубрикам, каждая из которых имела политический заголовок. Например: «Глава вторая. В ней означается, что служба государю исправляется не иным образом, как когда подданный в обязанностях своих сохраняет верность, твердость и истинное любочестие». Далее шли рубрики: «Служба государю», «Почтение к вышним», «Мужество в повиновении вышним», «Нужная терпеливость», «Трудолюбие» (для примера пословица: «Не ленись, а трудись, на чужое не льстись»).

Фальсификация позволяла «политическую мудрость» рабовладельцев выдавать за убеждения народа. Так оказывалось, что режим рабства и угнетения освящается, оправдывается и, больше того, признается справедливым самим народом. Следом за пословицами пошли драматические сочинения, утверждавшие те же идеалы.

Дворянские писатели, бывшие ранее в оппозиции, такие, как Сумароков и Майков, испугавшись крестьянского восстания, быстро примирились с правительством и стали писать в духе увещеваний Екатерины: Сумароков — оды, Майков — пастушескую драму с музыкой «Деревенский праздник, или увенчанная добродетель». Драма, выпущенная в 1777 году, представляла собой помещичью идиллию, утверждавшую, что в деревнях процветает блаженство, потому что там сидит гуманный, «добродетельный» помещик. Но Сумароков и Майков умерли вскоре после подавления пугачевского восстания. Деятельность «карманных» поэтов не могла удовлетворить Екатерину. Возникала задача подчинения новому политическому курсу всей русской литературы.

Некоторые дворянские писатели заняли в те годы нейтрально-выжидательную позицию. Отдельные публиковавшиеся ими произведения все же заставляли власть насторожиться: Княжнин, например, сочинил комедию «Несчастье от кареты», где хотя и крайне осторожно, но все же проводил мысль, что крестьяне в современной деревне бедствуют. Николев выступил с комической оперой «Розана и Любим», где вновь были выведены мужики, жалующиеся на свою судьбу, где совсем не было «сель-

ного счастья», которое по приказу Екатерины надлежало находить в деревне.

С начала 80-х годов начал активно выступать Фонвизин. Он поразил Екатерину своей дерзостью, выступив против нее самой. Было очевидно, что необходимо принимать срочные меры, находить способы более энергичного воздействия на писателей. Именно в этой связи и должно рассматривать проект создания Российской академии, учреждения, объединявшего русских писателей. Российская академия могла помочь «внушить» обязанности писателям, ставя Екатерину во главе русской литературы. Вслед за Академией был создан журнал «Собеседник любителей российского слова», практический центр объединения писателей вокруг Екатерины — редактора журнала.

Страх перед новой пугачевщиной обусловил решение Екатерины взять все школы и народные училища под непосредственный контроль правительства. Необходимо было принять меры и, нейтрализовав воздействие на молодое поколение демократической идеологии, обеспечить воспитание верноподданных и преданных престолу рабов. Как всегда, Екатерина в решении важных задач обращалась за помощью к Западу. Здесь она также пошла по проторенному пути — пути приспособления новейших педагогических систем, какими были системы Локка и Руссо, к нуждам русского самодержавия.

Своего рода манифестом педагогических воззрений русского самодержавия была книга «О должностях человека и гражданина», выпущенная по повелению Екатерины II в 1783 году как «книга, к чтению определенная в народных городских училищах». Первый же пункт ее определял сохранение в качестве незыблемой основы социального строя России сословно-крепостнических отношений: «Во всяком звании можно быть благополучным... Благость божия ни единого человека не исключила от благополучия — граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники могут быть благополучными людьми». [1]

«Камнем веры» новой педагогики была идея «образцового послушания». Эта идея лежит в основании книги,

[1] «О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II», СПБ., 1783, стр. 1—2.

которая, безусловно, если не написана самой Екатериной, то вдохновлена ею. Во всяком случае, память о пугачевских манифестах, и в частности о революционном истолкования понятия «сын отечества», совершенно очевидно наложила свою печать на книгу. Именно здесь мы сталкиваемся с намерением Екатерины дать свое и единственное толкование понятия «сын отечества». В центре книги и стоят определение понятия «сын отечества» и учение о его «должностях».

«Истинный сын отечества должен, — читаем мы, — привязан быть к государству, образу правления, к начальству и законам. Любовь к отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтобы покорялись законам». [1]

Из определения «сына отечества» логически вытекали его «должности»: «Первая должность сына отечества есть не говорить, нижѐ делать что-либо предосудительное в рассуждении правительства, и потому всякие возмутительные поступки, как то: роптание, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, суть преступление против отечества и строгого наказания достойны». [2]

«Повиновение есть вторая должность сына отечества. Каждый обязан повиноваться и в таком случае, когда повиновение кажется быть тяжко и когда думается, что законам инаковым бы быть долженствовало». Наличие рабства в России не должно вызывать «роптание», ибо это разделение на рабов и господ определено самим богом: «Общество сие господ и слуг богу отнюдь не противно, поелику есть заповеди божии, кои как господам, так и слугам, свободным и рабам должности их предписывают».[3]

В литературную деятельность Екатерины входила и прямая борьба с просветителями. В первую очередь ее внимание привлек Новиков. Его долголетняя пропаганда просветительских идей среди возрастающего круга читателей не могла пройти мимо внимания Екатерины, не могла ей и понравиться. Императрица все пристальнее присматривалась к деятельности Новикова, начиная

---

[1] «О должностях человека и гражданина...», стр. 117.
[2] Там же, стр. 122.
[3] Там же, стр. 123.

искать поводы для того, чтобы ее прекратить. Екатерина понимала, что так просто, без приготовлений, схватить Новикова и посадить в крепость нельзя: он был видной фигурой, популярным человеком, его знали, уважали и любили.

По свидетельству Лопухина, которому рассказывал «сам» князь Прозоровский, Екатерина неоднократно говорила московскому главнокомандующему: «Для чего не арестует он Новикова?» — «Тотчас, если только приказать изволите», — отвечал всегда князь. «Нет, надобно прежде найти причину», — всегда отзывалась самодержица, предубежденная гневом». [1] Несколько лет пришлось Екатерине терпеть и сдерживаться, тщательно выискивая такие «причины», которые позволили бы ей раз и навсегда разделаться с Новиковым, разделаться таким образом, чтобы не скомпрометировать себя преследованием известного русского просветителя.

Оправившись после пугачевского восстания, Екатерина стремилась не только идеологически закрепить свою победу, но и разоружить растущий враждебный ей лагерь русских просветителей. Вот почему она прибегла для этого к испытанному оружию — политической теории энциклопедистов. Нужно было опять, в новых условиях, внушать русским деятелям, что она, Екатерина, и есть просвещенный монарх, то есть тот самый монарх, осуществляющий программу просвещения отечества, о котором они мечтали.

Энциклопедисты мечтали убедить монарха осуществить их просветительские идеалы законодательным путем. Екатерина и дала указание прославлять себя как мудрую законодательницу, благо формальных оснований было более чем достаточно. В 1775 году она издала «Учреждение о губерниях», в 1779 году — «О регламентации труда крестьян, приписанных к заводам», в 1785 году опубликовала «Жалованную грамоту дворянству» и «Жалованную грамоту городам», в 1786 году — «Устав народных училищ» и т. д. Именно потому, что все новые законы укрепляли самодержавную власть, усиливали права помещиков и еще больше закабаляли мужика,

---

[1] «Записки московского мартиниста сенатора И. В Лопухина» — «Русский архив», 1884, № 1.

было политически важно объявить их «мудрыми» деяниями просвещенного монарха, заботящегося «о блаженстве» подданных. Указ от 15 февраля 1786 года о замене в письмах и бумагах слова «раб» словом «верноподданный» — яркий пример идеологической фальсификации. Указ этот послужил основанием для прославления Екатерины как монархини, давшей «свободу России».

Педагогические начинания Екатерины — открытие народных училищ и написание педагогических сочинений — служили также «основанием» для изображения ее просвещенным монархом. В этом же плане рекламировались заботы о науке и литературе. Отсюда создание Российской академии и официального журнала «Собеседник любителей российского слова». Отсюда широковещательное заявление, что царица разрешает всем мыслить и говорить, кто как хочет. Правительственный журнал, для сотрудничества в котором были приглашены многие крупные писатели, должен был демонстрировать перед обществом право всех мыслить свободно.

Но чтобы писатели «мыслили свободно», именно так, как было угодно императрице, приходилось принимать некоторые меры. Так появился сатирический фельетон «Были и небылицы», который и призван был направлять мысль писателей по нужному руслу. В «Былях и небылицах» категорически объявлялось, что сатира должна быть исключена из литературы, и уж, на худой конец, если она появится, то из нее «исключать все то, что не в улыбательном духе». Это требование носило откровенно политический характер, поскольку известно, что именно русские просветители развивали сатирический жанр, делали упор на сатиру. Когда Фонвизин в своем так называемом «покаянном» письме, напечатанном в «Собеседнике», призвал державного автора обличить беззаконие в судах, то ему было резко заявлено: «Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дело». Державинская ода «Фелица» была напечатана в «Собеседнике» не только в виде декларации на первой странице первой части журнала, но к автору оды было обращено несколько посланий, в которых его всячески поощряли к написанию новых панегириков императрице. Другие поэты информировались, что автор «Фелицы» был награжден монархом и что его будут награждать и далее, так как он любим Екатериной.

Пропагандируя в своих прозаических, исторических и педагогических сочинениях мысль о том, что народ и писатели должны следовать главной добродетели — «образцовому послушанию», которое объявлялось национальной чертой характера, Екатерина все время наталкивалась на сопротивление. Оно было пассивным и активным. Сопротивление выражалось в том, что многие приглашенные в журнал писатели, и среди них даже такие дворянские идеологи, как Херасков, не очень-то слушались ее советов и не писали того, чего от них ждали. Даже Державин, написав «Фелицу», перестал писать в подобном роде.[1] Издателям приходилось перепечатывать его старые стихи из «Санкт-Петербургского вестника». По тем же причинам, кстати, перепечатывались из того же «Санкт-Петербургского вестника» стихи многих других поэтов.

Сопротивление было очень активным — оно ломало планы императрицы, грозило поражением. Первое поражение Екатерина потерпела на страницах «Собеседника» в столкновении с Фонвизиным. Подробно об этой борьбе Фонвизина с Екатериной будет рассказано ниже. Сейчас важно отметить, что именно вследствие сопротивления, вследствие нараставшей борьбы русских просветителей с политикой Екатерины императрица оказывалась вынужденной довольствоваться деятельностью небольшой группы литераторов, в числе которых были Богданович, Костров, Козодавлев и им подобные. Верными оказались лишь писатели-чиновники. Из них Козодавлев проявил особое усердие в «Собеседнике». Ему-то и было поручено после закрытия «Собеседника» создание нового журнала, который выполнил бы то, что не удалось «Собеседнику».

В 1785 году Козодавлева назначили директором народных школ Петербургской губернии. При главном народном училище «города святого Петра» и решено было организовать журнал «Растущий виноград». Редактором журнала поставили профессора русского языка Сырейщикова, но его идейным вдохновителем был Козодавлев. Журнал выходил с апреля 1785 года и был посвящен «сочинителю записок касательно российской истории». Тем самым устанавливалась прямая связь с «Собеседником»,

[1] Характеристика творчества Державина дана в восьмой главе настоящей монографии.

где эти записки Екатерины были напечатаны. Основной штат сотрудников журнала — студенты училища. Они переводили и писали оригинальные прозаические и поэтические произведения, которые им заказывали. Важнейшее политическое сочинение «Растущего винограда» — «Рассуждение о народном просвещении в Европе» — принадлежало Козодавлеву. На ролях присяжного одописца подвизался Рубан.

Осип Козодавлев, «молодой адвокат», как называет его Дашкова, в 80-е годы стал делать карьеру при дворе. Он доставил Екатерине оду Державина «К премудрой Киргизкайсацкой царевне Фелице». Вот как рассказывает об этом сам Козодавлев на страницах «Собеседника», изображая себя под именем «некоторого молодого россиянина»: «Мурза прочел сию оду другу своему, некоторому молодому россиянину, который так же, как и он, наполнен благоговением к сему примеру земных царей, а сверх того и благодарностию за излиянные Фелицею на воспитание его щедро́ты, которыми он, будучи хотя россиянином, но служа при ее дворе с осьми лет своего возраста, приобрел некоторые человеку нужные знания, ибо Фелица посылала его учиться за тридесять земель в десятое царство. Истина, изображенная в сем прекрасном произведении татарского пера, восхитила его до слез».[1]

Деятельность Козодавлева как в «Собеседнике», так и в «Растущем винограде» не могла пройти мимо Радищева прежде всего потому, что он знал его лично: Козодавлев приехал в Лейпциг, когда Радищев еще продолжал заниматься в университете.

Статья Козодавлева «Рассуждение о народном просвещении в Европе», начатая печатанием с первого номера, должна была идеологически обосновать деятельность Екатерины как деятельность просвещенного монарха. История народного просвещения в Европе нужна была Козодавлеву для того, чтобы, прибегая к сравнению, показать, как выгодно отличается судьба народов России от судьбы народов остальных стран Европы. Там правительства преследовали все передовое, а в России Екатерина оказывала поддержку науке и литературе. Там достижения в области образования — результат усилий

---

[1] «Собеседник любителей российского слова», ч. XVI, стр. 6.

частных людей, в России просвещение щедро насаждает сама монархиня. В Европе просвещение развивалось медленно вследствие гонения на нужные и полезные книги: «Пристрастное рассмотрение и запрещение книг в Ишпании и многих других государствах причиною невежества народного».[1] Особо губительна эта политика во Франции, где король запретил много важных и полезных книг. Даже «Добродетельный Велисарий» Мармонтеля подвергся гонению. В России, наоборот, «Велисарий» в почете, он был переведен под руководством самой Екатерины. Отсюда вывод: «Перевод «Велисария» останется в российской истории бессмертным и будет служить доказательством, что в век Екатерины Вторыя в России были правила Велисария в почтении и что она подданным своим истину слушать не только не запрещала, но и старалась во всяком случае открывать оную перед ними, яко источник человеческого блаженства».[2]

На Западе распространению просвещения в народе мешал сначала латинский язык, а затем французский. «При таком презрении языка народного (национального. — *Г. М.*) невозможно и ожидать, чтоб просвещение в народе распространялось, ибо язык народный есть единый к сему способ».[3] В России благодаря «попечениям Екатерины» просвещение проводилось на «российском языке». Козодавлев, как умный и хитрый придворный, использовал в своих целях ту борьбу, которую вели русские просветители (Курганов, Новиков, Фонвизин) с галломанией, с дворянским презрением к русской культуре и языку. Он пишет: «Слепая привязанность родителей и несмысленных воспитателей к языку чужому искореняет в питомцах не только любовь к языку природному, но и любовь к отечеству».[4] Эта тирада, как бы взятая из сатирических журналов Новикова, нужна Козодавлеву для того, чтобы объявить: с этим пороком общества вела борьбу Екатерина, так как она, и только она, заботится о благе подданных, об их просвещении. Екатерина, сообщает Козодавлев, сделала много для «пользы российского

---

[1] «Растущий виноград», 1785, апрель, стр. 99.
[2] Там же, стр. 100.
[3] Там же, октябрь, стр. 47.
[4] Там же, стр. 47—48.

слова». «До сего времени созданного вышнею властию общества в пользу российского слова еще не было. Сие также провидением предоставлено было попечению Екатерины Вторыя. Она установила Российскую академию, коей главный предмет есть вычищение и установление правил российского слова». [1]

Козодавлев не только объявлял Екатерину просвещенным монархом. Он развернул резкую критику французских просветителей — Вольтера и Гельвеция, а также Руссо. Их сочинения автор объявил вредными. Правда, признавалась некоторая польза сочинений Вольтера для Европы: «Суеверие, невежество, взаимная ненависть разноверцев были главные предметы гонения сего писателя, и он в истреблении сих человечество угнетающих зол имел нарочитые успехи». Но что нужно Франции — ни к чему было в России, ибо в России иноверцы, по словам Козодавлева, пользуются свободой. «Всему свету известно, что нет ни единого царства, в коем бы иноверцы пользовались толикою свободой, как в России, а паче в царствование нынешней императрицы Екатерины II... Благополучные подданные Екатерины хвалят разными языками единого бога! До такого состояния не достигло еще ни единое европейское царство». [2]

Главный удар Козодавлев пытается нанести Гельвецию и Гольбаху, объявляет решительную борьбу их атеизму, материализму, их этике. Разоблачению материализма посвящены и статья доктора богословия Аббади «Наука о познании самого себя» и «Рассуждение о бытии божием». В последних сочинениях «ниспровергалось» мнение утверждающих «самобытность мира». Автор ополчается против тех, кто «отметает бытность мироздателя», кто дерзко заявляет, что «сей вещественный мир существует сам собой, он есть от вечности». В ноябрьском номере за 1786 год помещен перевод из «творений Платона», сделанный Матвеем Пахомовым, — «Аксиох, или о смерти». В феврале 1787 года журнал познакомил читателя с переводом сочинения Лейбница, озаглавленного «Бессмертие души».

Алтарь Екатерине возводил не только Козодавлев, но целая группа стихотворцев-дилетантов, что очень харак-

---

[1] «Растущий виноград», 1785, октябрь, стр. 51.
[2] Там же, 1785, июль, стр. 70—71.

терно: все меньше оказывалось талантливых поэтов в числе «карманных» одописцев, все труднее было найти нужных людей из числа литераторов с дарованиями.

После первых пробных номеров редакция, наконец, выработала композицию журнала. Он должен был открываться похвальными стихами. Так, уже книга за сентябрь 1785 года открывалась одой «На отъезд ее императорского величества из Царского Села». Екатерину прославляли как просвещенного монарха; она «оставляла чертоги», «пол нежный превышая свой», для того чтобы совершить поездку по России, нужную для блага державы. В октябре помещена ода «На рождение ее императорского высочества великия княгини Марии Федоровны», в декабре — «Ода насадителю винограда на севере», в январе 1786 года — целый ворох стихов. Тут и поздравления «С новым, 1786 годом», оды Екатерине, Потемкину и даже стиховой трактат «Цветущее состояние России». Студент Фиалковский написал свои вирши явно по заданию; главное в них — сравнение Екатерины с Петром. Ненавистные императрице русские просветители все время противопоставляли ей политику Петра. Фиалковский дал угодное «начальнице Парнаса» решение темы — Петр и Екатерина. Оказывается, при Петре Россия была только пробуждена («Петром Россия пробужденна»), при Екатерине же она достигла блаженства («Но ныне ты уже, Россия, совсем другой имеешь вид; препровождаешь дни златые... и день от дня свое блаженство приводишь ныне в совершенство»).

Но «Растущий виноград» не только прославлял Екатерину — он оказался единственным журналом в России, который развернул по указанию императрицы борьбу с Новиковым. Редакция напечатала серию статей, направленных против «мартышек» (московских масонов). Угодливые авторы открыто заявляли, что они в данном случае выполняют прямую волю монархини, которая в своих пьесах выступила против ненавистного ей просветителя. Февральская книжка за 1786 год целиком посвящена восхвалению екатерининской борьбы с московскими масонами, то есть прежде всего с Новиковым. Но редакция журнала не только угодливо хвалила действия Екатерины. В напечатанных «Письмах» содержались угрозы. Прибегая к намекам, авторы «Писем» раскрывали истинный

смысл драматических сочинений императрицы, направленных против Новикова. Характерно первое «Письмо к сочинителю комедии «Обманщик». Раньше, говорится в нем, «мартышек кнутом отдирали нередко». Ныне автор комедии нашел «средства не столь жестокие, но в действии равные». В комедии «находятся предупредительные составы». «Следственно, не надобно будет гоняться за мартышками наших времян со штыками». Смысл этих угроз очевиден: если не будет прекращена неугодная деятельность, если не «исправится» под влиянием комедии ненавистный императрице человек, то и за ним «будут гоняться» «со штыками». В заключение недвусмысленно сообщалось, что раньше за подобные дела выводили «на лобное место», а ныне ограничиваются «поруганием» на театре. Комедия «Обманщик», говорил автор «Письма», «подает настоящее понятие о образе мыслить наших времян», по ней «все узнают», «что в кроткое и премудрое царствование Екатерины театр для исправления предпочитали лобному месту».[1] Угроза «Растущего винограда» была написана совсем в духе угроз автора «Былей и небылиц» Фонвизину, сочинителю знаменитых «Вопросов».

Борьба Козодавлева с французским материализмом, с этической теорией энциклопедистов, находила отклик у десятков реакционных авторов 80-х годов. В свое время эту борьбу начали еще масоны: и Шварц в своих статьях в журнале «Вечерняя заря», и Лопухин, выпустивший в 1780 году «Рассуждение о злоупотреблениях разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил». Борьба разгорелась с новой силой с середины 80-х годов, после выступления «Растущего винограда». Появилась масса оригинальных и переводных сочинений, в которых активно проповедовался идеализм, популяризировался мистицизм, опровергались материализм и просвещение. Спешно была мобилизована античная идеалистическая философия. Появились переводы произведений Платона, которые или печатались в журналах, или выходили отдельными книгами, сочинений Сенеки, многочисленные «разговоры» Сократа. Стали выходить сборники типа «Пища душевная, или душеспасительные на-

---

[1] «Растущий виноград», 1786, февраль, стр. 2 и 6.

ставления, укрепляющие дух и подающие силу к достижению врат вечности»,[1] «Беседы с богом»[2] и т. д. и т. п.

Вокруг «Растущего винограда», «Пищи душевной», «Бесед с богом», масонских журналов и издательств, выпускавших богословские и идеалистические сочинения, объединилась довольно большая группа авторов и переводчиков. Так, с нападками на материализм в 80-е годы выступит Алексей Кутузов, в журнале протоиерея Харламова «Беседы с богом» примут участие А. Петров, Карамзин и другие.

Сочинения на темы философские или богословские имели воинствующий политически-реакционный смысл. В них проповедовалась идея смирения и покорности человека, неизбежность страданий на земле, беспомощность и греховность человека перед лицом бога. Чтение этих книг, статей и журналов убеждает, что проповедь «бессмертия души», «познание самого себя», пространные объяснения того, что до́лжно понимать под «истинным блаженством», нужны были для того, чтобы истребить у человека мечту о свободной и благополучной жизни на земле, сломить его волю и желание добиваться счастья, внушить ему идею о бессмысленности какой-либо общественно-политической деятельности, о тщете его усилий, запугать его гневом божиим, заманить сказкою о вечном блаженстве как награде за терпение, покорность и смирение.

В «Пище душевной» с наибольшей откровенностью писалось то, что повторялось в различных вариациях в других подобных сочинениях. «Истинное блаженство не существует здесь, на земли, но, напротив того, окружены мы тут бедствиями и несчастиями, из коих самые величайшие и чувствительнейшие суть те, которые происходят от самих нас и от собственных наших погрешностей; то мы должны всемерно стараться, чтобы познать себя и свои должности».[3] Только познание самого себя может дать «нам здесь некоторое спокойствие духа и открыть нам путь к достижению совершеннейшего блаженства».[4]

---

[1] Сборник выходил в Петербурге с 1784 по 1786 год.

[2] Журнал, состоявший из 7 частей, выходил в Москве с 1787 по 1789 год.

[3] «Пища душевная...», СПБ., 1786, ч. III, стр. 19.

[4] Там же, стр. 20.

Или: «Бессловесные животные суть созданы для земли, где они и обретают свое удовольствие. Но ты сотворен для неба; тамо есть место твоего селения, рождения и исхождения». [1]

Нет необходимости доказывать, что подобная философия увлекала молодого Карамзина, что те же мысли и даже в тех же выражениях он будет пропагандировать в своем творчестве в следующем десятилетии. Но еще важнее отметить, что обилие подобной литературы, увлечение многих членов тогдашнего образованного общества реакционной философией несомненно заставляло передовых писателей не только отвечать на нее, не только опровергать по существу, но в опровержении использовать терминологию, лексику, принятые в их сочинениях. Стоит вспомнить, что обращение Радищева к членам «Общества друзей словесных наук», где господствовали масонские идеалы, определило стиль «Беседы о том, что есть сын отечества». То же видим и в посвящении «Путешествия из Петербурга в Москву» Кутузову. Кутузов — крупный идеолог масонства, активный писатель. Приводившиеся мысли из «Пищи душевной» разделял и Кутузов. Вот почему в своем посвящении Радищев использовал модную терминологию. Обращаясь к другу, он начинал с знакомых и усвоенных им и многими другими читателями положений: в своих бедствиях человек повинен сам («На земле окружены мы бедствиями и несчастием, которые происходят от самих нас», — читаем мы в «Пище душевной»; «Обратил взоры мои во внутренность мою и узрел, что бедствия человека происходят от человека», — писал Радищев, обращаясь к Кутузову), только познанием самого себя человек открывает путь к блаженству («Мы должны всемерно стараться, чтобы познать себя и свои должности», только тогда «будет открыт нам путь к достижению совершеннейшего блаженства», — сказано в «Пище душевной»; «я человеку нашел утешителя в нем самом», — заявляет Радищев, человек может «чувствовать не только бедствие, но и блаженство»).

Радищев использовал модную в литературе того времени терминологию для того, чтобы сделать иной, революционный вывод. Да, бедствие человека происходит от

---

[1] «Пища душевная...», СПБ., 1786, ч. III, стр. 30—31.

человека же, но не потому, что он греховен, а потому, что «не прямо взирает на окружающие его предметы». Да, утешение человек должен найти в самом себе, не ожидая божественного откровения. Наоборот, человек должен отнять «завесу с очей природного чувствования», должен отказаться от воспринятых заблуждений, должен разобраться в общественных отношениях, «воспрянуть и восстать», тогда только и будет «блажен» человек.

Передовая литература, русские просветители, активно выступавшие в 80-е годы, создавали идеологические ценности в борьбе с феодально-самодержавным строем, их сочинения были порождены жестокой борьбой, захватившей все области идеологии — и политику, и философию, и литературу. Многое в развитии передовой русской литературы 80-х годов предстанет в ином свете, если мы творчество крупных русских писателей эпохи рассмотрим в связи с той борьбой, которую повели русские просветители, повели активно и единым фронтом, с реакционной идеологией правительственного лагеря, возглавленного Екатериной.

3

Русскому Просвещению в 80-е годы противостояла не только литература правительственного лагеря, но и литература собственно дворянская, вооружавшая еще в 50—60-е годы свой класс и политической теорией, и социологией, и этическим учением, и эстетикой классицизма. События крестьянской войны оказались сигналом к идеологическому перевооружению дворянских литераторов. Важную роль в этом перевооружении сыграло масонство, распространение которого было одним из следствий наступившей после разгрома пугачевского восстания реакции.[1]

Вне зависимости от направлений, вся деятельность масонских лож в эпоху господства полицейского режима

---

[1] Об истории русского масонства см.: С. Ешевский, Сочинения по русской истории, М., 1900; А. Пыпин, Русское масонство, П., 1916; «Масонство в его прошлом и настоящем», 1914, т. I; Г. Вернадский, Русское масонство при Екатерине II, П., 1917. История ордена розенкрейцеров, в котором был Н. Новиков, раскрыта в его показаниях Шешковскому (см.: Н. И. Новиков, Избранные сочинения, ГИХЛ, М. — Л., 1951, стр. 504—670).

Потемкина носила объективно реакционный характер. Масонство, объединяя в своих рядах дворянскую интеллигенцию, отказавшуюся от какого-либо протеста против усиливавшегося крепостнического гнета, тем самым способствовало укреплению режима екатерининского самодержавия. Поэтому бегство в масонство было не чем иным, как своеобразной тактикой умывания рук. Новообращенные масоны как бы говорили: мы не хотим ничего делать для укрепления помещичьего государства и усиления несправедливого режима рабства, но мы также не будем ничего делать и для уничтожения режима. Пусть все будет как есть, но зато можно заняться собственным нравственным усовершенствованием и сделаться «лучшими человеками». Не случайно все масоны, проповедуя гуманизм и братство, на деле оставались крепостниками и считали совершенно необходимой для страны власть сильного государя.

Русские дворяне, как истые космополиты, вывозили с Запада то одну, то другую масонскую систему, безропотно подчиняясь верховным масонским руководителям то английских, то шведских, то немецких орденов. «Мистицизм XVIII века, бывший плодом разложения старого порядка, был вместе с этим реакцией против революционных стремлений того времени», — писал Плеханов.[1] Часть русской дворянской интеллигенции, стоявшая ранее в оппозиции к екатерининскому режиму или тяготевшая к ней, после крестьянской войны не могла не понять, что то первый и грозный сигнал: кончалась одна эпоха, начиналась другая. Херасков, Муравьев, Кутузов — эти предвестники Карамзина первыми осознали, что дворянство исторически перестало быть силой, способной побеждать; более того, они начинали чувствовать, что ему суждено сойти с исторической арены. Как ни страшна, как ни враждебна была им борьба крепостных за свою свободу, они всё же не могли не понимать, что надвигается исторически неотразимая катастрофа.

Исторический пессимизм ускорял процесс крушения старых основ дворянского мировоззрения, помогал формированию новых социально-исторических взглядов дво-

---

[1] Г. В. Плеханов, Сочинения, М. — Л., 1925, т. XXII, стр. 247.

рянства. Из мира, где господствуют Потемкин и жестокие крепостники, где поднимается с рогатиной мужик, восставший против своих владетелей, из мира великих социальных и политических потрясений многие дворянские интеллигенты предпочитали бежать. Масонство гостеприимно раскрыло перед ними свои двери, поучая презирать бренную жизнь здесь, на земле, открывая путь к истинному и единственному блаженству — к вечной жизни там, в загробном мире. Миру зла масоны учили противопоставлять более устойчивую «правду» — богатство открытого внутреннего мира личного «я». И здесь-то философия сентиментализма оказалась живительным бальзамом. Именно поэтому после пугачевского восстания и начал на базе масонства развиваться в России сентиментализм.

В 70-х годах в русскую литературу хлынул поток переводов сентиментальных сочинений английских, французских и немецких авторов. В авангарде шла «слезная» драма, затем поэзия и проза: Стерн и Юнг, Руссо и Мерсье, Геснер и Ля-Шоссе, Геллерт, Виланд и Дидро. За переводами пошли подражания. За ними — первые робкие собственные опыты. Начала складываться новая дворянская литература, отражавшая кризис крепостнической системы, воинствующая в своей проповеди пассивности, бессмысленности всяких попыток изменить существующие несправедливые социальные условия. Противопоставляя политике мораль, утверждая в качестве единственной ценности человеческой жизни нравственное очищение и приуготовление себя к будущему «благополучию», воспитывая пренебрежение к окружающей действительности и к страдающим в условиях социального неравенства людям, сосредоточивая все внимание на жизни «очищенного сердца», на способности к чувству, эмоции, — подобная идеология дворянского сентиментализма разоружала общественное движение. В то же время следует помнить, что убеждениям первых сентименталистов был свойственен гуманизм. Если масса русского дворянства во главе с Екатериной, несмотря на страх перед крестьянской войной, не пожелала смягчить гнет крепостного права, то сентименталисты выступили с проповедью гуманного отношения к крестьянам. Они сумели увидеть в мужике человека, способного

к «чувству». Уступка, сделанная сентименталистами, как видим, ограничивалась лишь моральной сферой, она не затрагивала основ социального строя. Но в условиях крепостнической России признание даже морального равенства крестьян и дворян было несомненно общественно важным явлением.

Характерная черта русского сентиментализма — его связь с масонством. Естественно оказалось поэтому, что один из лидеров классицизма, Херасков, начал «смену вех» с того, что, войдя в ряды масонов, стал развивать эстетику сентиментализма. Так же естественно первым помощником у него оказался ученик Сумарокова М. Н. Муравьев. Вокруг них объединилась группа молодых дворянских писателей: Алексей Кутузов, Александр Петров, Иван Дмитриев и другие. Из этого круга и выйдет Карамзин, канонизировавший и развивший принципы дворянского сентиментализма в своей творческой практике.

Как могло произойти, что антифеодальная, разрушающая сословность, литература, что философия свободы человека могли стать знаменем дворянской литературы?

Нет никакого сомнения в том, что литературная деятельность Руссо и Дидро, что их учение о внесословной ценности человека, составляющее основу сентиментализма, объективно революционно. И «Новая Элоиза» и «Общественный договор», так же как философия Дидро и его драмы, вооружали «третье сословие» Франции на борьбу с ненавистным феодализмом, режимом угнетения человека человеком. Но, учитывая революционный характер выступлений французских просветителей, нельзя в то же время забывать, что они в силу исторически сложившихся обстоятельств развивали буржуазную идеологию. Буржуазность порождала ограниченность их политической и философской мысли, ограниченность их «царства разума», которое «было не больше, как идеализированное царство буржуазии». [1]

Буржуазная ограниченность порождала по крайней мере два важных качества политической и философско-эстетической теории французских просветителей. Глашатаи революционных идей, как известно, сами были сторонниками мирных путей общественного преобразования.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр 357.

Руссо и Дидро не звали к революции. Они боялись ее. [1] Но читатель Руссо и Дидро сам шел штурмовать Бастилию.

Эта особенность идейной позиции идеологов буржуазной революции предопределяла возможность взаимно противоположных выводов: из революционной идеологии можно было сделать революционные выводы, из предпочтения мирных путей общественных преобразований вытекала возможность упования на мирный ход исторического развития. Первый вывод сделал французский народ, второй — русская императрица Екатерина II и русская дворянская интеллигенция, перепугавшаяся крестьянской войны.

Провозглашая внесословную ценность личности, Руссо и Дидро, а за ними вся школа европейского сентиментализма разрушали идеологический догмат феодализма. Плеханов заметил, что герой сентиментального искусства, противопоставляя имущественному богатству богатство индивидуальности и внутреннего мира, богатству кармана — богатство чувства, лишен боевого духа. Герой европейского сентиментализма — не бунтарь, не протестант, а беглец из реального мира. В жестокой феодальной действительности он жертва, он ничто, он нуль, а не человек. Но у себя дома, у очага, в своем уединении, он велик, ибо, как утверждал Руссо, — «человек велик своим чувством». Поэтому герой сентиментализма не просто свободный человек и духовно богатая личность, но и *частный* человек, бегущий из враждебного ему мира, не желая бороться за свою действительную свободу в обществе, пребывающий в уединении и наслаждающийся своим неповторимым «я».

Отмеченные черты европейского сентиментализма и позволили русским дворянам перенять его философию. Развивая лишь слабые стороны этого идеологического движения, лишь то, что ограничивало его революционность, они превращали в конкретно-исторических русских условиях (эпоха реакции после поражения крестьянской

---

[1] Характерный пример: в 1762 году Вольтер, а в 1772-м Гольбах издали сочинение гениального французского мыслителя Жана Мелье «Завещание». Революционная теория Мелье испугала их, и они исключили из своего издания все пламенные призывы Мелье к народу насильственным путем уничтожить ненавистный феодально-монархический режим. Так выстраданная французским народом революционная мысль была отвергнута просветителями. Полностью «Завещание» появилось только в 1864 году, да и то в Амстердаме.

войны 1773—1775 годов) сентиментализм в оружие борьбы с передовой демократической и революционной идеологией, чем и объясняется развитие и становление в России во второй половине 60-х и в 80-х годах на базе масонства нового литературного направления — сентиментализма. Именно в эти годы шла работа идейного перевооружения дворянства, сменявшего идеологию классицизма на идеологию сентиментализма. Херасков, Муравьев, Кутузов, Петров, Львов, в некоторой мере Капнист — первые представители русского дворянского сентиментализма. В 90-е годы сентиментализм — уже господствующее направление в дворянской литературе. Во главе школы станет Карамзин, ученик Хераскова и Муравьева.

«Убеждение в том, что прогресс *общественной нравственности* предполагает усовершенствование *общественного строя,* располагает людей к *общественным реформам.* Наоборот, вера в то, что добродетель состоит в чистоте сердца и зависит от «святости религии», делает их равнодушными к подобным реформам. Консерваторы всегда упирали на «чистоту сердца».[1] Тысячу раз был прав Белинский, утверждавший, что сентиментализм в России связан прежде всего с именем Карамзина, который «не изобрел его», а только «привил» русской литературе, позаимствовав его на Западе, где он «зародился» и «преобладал в литературе и в нравах».[2]

4

Крупнейшие идейно-эстетические победы русского Просвещения были одержаны в 80-е годы. В научной литературе деятельность и творчество таких писателей, как Фонвизин, Новиков, Крылов, Радищев, Державин, подчас рассматривается в отрыве от реальных условий общественно-политической и литературной борьбы, которую вел фронт просветителей с правительственной и дворянской литературой.

В России первым после разгрома пугачевского восстания с широкой пропагандой просветительской идеологии

[1] Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXII, стр. 258.

[2] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 212.

выступил Новиков. Еще на страницах «Живописца» он высказал мысль о необходимости воспитания «единоземцев», воспитания народа. Такое «истинное просвещение» (в отличие от мнимого просвещения Екатерины) не зависимо от правительства, его осуществляют частные люди. Материально независимые «от определенного им жалования», они исполняют свою миссию свободно, «а науки любят свободу», — заявляет Новиков, ибо «где должность, там принуждение».

Веря в возможность преобразования социально-политического быта на началах просвещения, он и в годы полицейского потемкинского режима ищет возможностей к осуществлению своей программы на пути расширения связей с обществом, развития общественной инициативы, объединения большого числа частных людей в единый просветительский центр. Первой в новых условиях попыткой создать круг единомышленников, состоящий из авторов и читателей, было издание с 1777 года журнала «Утренний свет». После пробы сил Новиков начинает в 1779 году практическую работу организации задуманного им просветительского центра, переехав для этого в Москву. Исполнению плана способствовала открывшаяся возможность взять с 1 мая 1779 года в аренду типографию Московского университета. На базе типографии Новиков и начал развивать невиданную до тех пор по своим масштабам в России книгоиздательскую и журнальную деятельность.

Своеобразие новиковской просветительской деятельности проявилось в том, что он проводил ее, будучи масоном.

Декабристы отнеслись с глубоким вниманием к новиковскому опыту использования организационной формы и денежных средств ордена для объединения передовых людей России вокруг патриотического просветительского дела. Они понимали, как смел и удачен был почин Новикова. Герцен в своей книге «О развитии революционных идей в России», остановившись на просветительской работе Новикова, приветствовал его инициативу. «Какое громадное дело, — писал он, — эта смелая мысль соединить около одного нравственного интереса в братскую семью всех, кто только был умственно зрел, начиная

с больших сановников империи вроде князя Лопухина до бедного школьного учителя и уездного лекаря». [1]

Масонство Новикова — несомненное свидетельство его идейной слабости, но то, что «патриотическая ревность к возлюбленному отечеству», «пылающее желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан» помогли ему отстраниться от мистицизма масонов и в новых исторических условиях продолжить просветительскую деятельность, заставляет нас объективно оценить и объяснить причину и действительный смысл его пребывания в ордене. В 1779—1792 годы Новиков создает в древней столице России просветительскую организацию. Сосредоточив в своих руках сначала одну, а затем еще две, созданные на средства ордена, типографии, он издает и редактирует газету «Московские ведомости» и ряд журналов: «Утренний свет», «Московское издание», «Прибавление к «Московским ведомостям», «Городская и деревенская библиотека», «Детское чтение» и т. д. За десятилетие он готовит, редактирует и печатает сотни книг по всем отраслям знания. Широкие читательские круги получили книги по отечественной истории, сочинения русских авторов и переводы лучших современных западноевропейских писателей, сочинения по философии, педагогике, экономике, грамматике и сотни различных учебных пособий, букварей, самоучителей языка и т. д. Он организует в России систему книготорговли и создает книжные лавки в шестнадцати провинциальных городах. В совокупности Новиков объединяет вокруг своего громадного дела десятки передовых деятелей русской культуры — писателей, редакторов, переводчиков, распространителей книг.

Герцен, оценивая огромную по масштабу, разностороннюю и плодотворную, антикрепостническую по своему существу деятельность Новикова в течение почти трех десятилетий, писал: «Новиков — один из тех великих людей в истории, которые делают чудеса на сцене, неизбежно остающиеся во мраке, — один из тех подпольных идейных руководителей, работа которых проявляется только к моменту огласки». [2]

---

[1] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, П., 1917, т. VI, стр. 343.

[2] Там же.

Чутко уловив перемены в умонастроениях передовых кругов дворянской и разночинной интеллигенции, отметив рост интересов к общественным делам, с небывалой дотоле силой Новиков отдается не только просветительской работе (книгоиздательство), но и прежде всего политике. Три своих периодических издания — газету «Московские ведомости» (с 1779 по 1789 год), журналы «Московское издание» (1781 год) и «Прибавление к «Московским ведомостям» (1783—1784 годы) — он почти целиком посвящает политике.

Организовав в Москве просветительский центр, обеспечив успешный выход газеты и журналов, Новиков смог вновь вернуться к творчеству. Первая половина 80-х годов (то есть до начала преследований Новикова Екатериной) может быть названа вторым периодом бурной творческой деятельности русского просветителя. Вновь он выступает в разных областях — как писатель, педагог, экономист, философ. Одно за другим появляются крупные сочинения Новикова: философские статьи в журналах «Утренний свет» (1777—1780) и «Московское издание» (1781), капитальные сочинения — «О воспитании и наставлении детей» (1783), «О торговле вообще» (1783), [1] «Пословицы российские» (1782). [2]

«Пословицы российские» (1782) — замечательное явление не только в литературной, но и в общественно-политической жизни России 80-х годов. В период обострения борьбы передового лагеря писателей, и прежде всего писателей русского Просвещения, с дворянской литературой Новиков-писатель выступил смелым бойцом, соратником Фонвизина. Большая часть «Пословиц российских» — политическая сатира, направленная против Екатерины и как монархини и как писательницы. Эти рассказы продолжали борьбу Новикова с «неограниченным самолюбцем», начатую еще на страницах «Трутня». Четыре из шестнадцати рассказов посвящены острейшей политической теме — русскому самодержавию: «Близ царя, близ смерти», «Седина в бороду, а бес в ребро», «Сиди у моря, жди погоды», «Битому псу только плеть покажи».

---

[1] «Прибавление к «Московским ведомостям», 1783.

[2] «Городская и деревенская библиотека», в Москве, в Университетской типографии у Н. Новикова, 1782, чч. I, II, IV.

«Пословицы российские» Новикова и «Недоросль» Фонвизина свидетельствовали: после подавления пугачевского восстания русские просветители вновь начали общественную борьбу передовой русской литературы за свою независимость от правительства, за право обсуждать условия жизни людей в русском самодержавном государстве. Через год после выхода «Пословиц российских» Фонвизин выступил с замечательным произведением «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание», в котором отважно заявил о желании общества оценивать действия правительства.

Своими политическими «Пословицами» Новиков утверждал мысль: вот как народ ежедневно судит и государство, и крепостные порядки, и самого царя. А народ нельзя заставить замолчать, как можно заставить замолчать писателя, упрятав его в крепость. Екатерина вот уже несколько десятилетий трудилась над тем, чтобы создать себе славу «матери отечества», заботливой и любящей народ матушки-государыни. А народ говорит: «близ царя, близ смерти». Екатерина старается убедить всех, что она просвещенный государь, что она готова слушать советы «умных и честных людей», что готова к широкой реформаторской деятельности. А народ осмеивает эти государевы утверждения, эти надежды на Екатерину: «сиди у моря, жди погоды». Екатерина велит прославлять себя в образе идеальной и целомудренной Душеньки, а народ, зная о чудовищном разврате старухи императрицы, о государственном характере фаворитизма, разорявшего Россию, зло заявляет: «седина в бороду, а бес в ребро», и т. д. Нет никаких сомнений, что такая апелляция к народному творчеству могла быть только после крестьянской войны, во время которой небывало открыто народ высказывал свое мнение и о Екатерине, и о дворянах, и о крепостнических порядках в России.

Философские произведения Новикова, напечатанные в «Утреннем свете» и «Московском издании», внутренне едины. Новиков выдвигает основы такой нравственности, которая определяла бы общественно-активную гражданскую и патриотическую деятельность человека. В современной Новикову философии общества проблема человека была центральной. Дидро, например, утверждал

в «Энциклопедии»: «Нет иных истинных богатств, кроме человека и земли». Гельвеций пишет специальное сочинение «О человеке», создает «науку о человеке», утверждая, что если люди «узнают себя» и «приобретут ясные идеи о нравственности» — «они станут счастливыми и добродетельными». [1]

Вместо реакционного принижения человека церковью и масонством Новиков провозглашает философию величия человека. Человек — «истинное средоточение сей сотворенной земли и всех вещей». Он «есть нечто возвышенное и достойное». [2]

Просветительская вера в человека, признание его внесословной ценности составляет существо новиковского философского учения. Облечено же оно в форму этической теории, выражаемой часто фразеологией, заимствованной из арсенала абстрактно-христианской религиозности. И в то же время совершенно очевидно, что философское учение Новикова о человеке глубоко и органически враждебно и дворянско-сословной, и церковной, и масонской морали. Новиков воспитывает в человеке достоинство, патриотизм, ненависть к унижающим его сословным привилегиям, желание осуществить «свое истинное величие» в общественно-полезной деятельности.

По Новикову, человек, осознающий величие от рождения, достигает достоинства, своей «божественности» здесь, на земле, в общежитии, в гражданской патриотической общественно-политической деятельности. Белинский, говоря о «положительном герое», «о хороших людях на Руси», указывал, что всегда «в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут». Смысл новиковской проповеди в «высвобождении этой «человечности». «Хороший человек на Руси, — пишет далее Белинский, — может быть иногда героем добра, в полном смысле слова». [3] Лучшей характеристики новиковского идеала человека нельзя дать. Он враждебен дворянско-масонским представлениям о человеке, и в этом его сила. В то же время он

---

[1] К. Гельвеций, О человеке, его умственных способностях и его воспитании, М., 1938, стр. 1.

[2] «Утренний свет», 1777, ч. I, стр. XIV.

[3] В. Г. Белинский, Письма, СПБ., 1914, т. III, стр. 311.

далек от радищевского учения о человеке-революционере, и в этом его слабость. Новиковский человек — действительно «герой добра», каким был, например, сам Новиков.

Необходимо указать еще на одно сочинение Новикова — его экономический трактат «О торговле вообще». Основной пафос трактата — в установлении главных черт антифеодального государства. В обществе, где народ «благоденствует», а государство «процветает», нет дворян. Они тунеядцы, пожиратели чужих трудов, трутни, и потому исключены Новиковым из нового общества. Свободный труд — основное условие развития общественного благоденствия, расцвета промышленности, искусств и торговли. Новиков доказывает: рабство — причина «нерачительности» крестьянина. Рабство экономически невыгодно, от него страдает не только земледелец, но и все государство, ибо «труд земледельца служит основанием благосостояния всех других гражданских классов». Новиков считает, что идеальное государство будущего — это государство свободных тружеников, где осуществлен принцип обязательного труда всех граждан. «Нужное упражнение граждан в государстве единое есть средство к умножению народа». «От сего единого зависит цветущее состояние всякого особенного гражданина». «Понятие, соединяемое нами со словом *упражнение*, заключает такое состояние граждан, в котором всякий из них от надлежащей своей работы удобно и выгодно нужное получает пропитание». [1] Новые «гражданские классы» общества — земледельцы, ремесленники, работники, фабриканты и купцы. Все люди в обществе «пропитание» доставляют себе своей работой. Лучшая форма государственного правления — республика. Именно в республике расцветает торговля, приносящая выгоду и государству и частным гражданам.

Вольность и республиканский строй народ завоевывает в борьбе с тиранами. «Всеобщий опыт» истории и тут надежное доказательство для Новикова. Голландия «необходимостию принуждена была свергнуть с себя тиранское иго». Англия «для подкрепления толикой чрезмерности искусственного могущества» обременила «чрез-

---

[1] «Прибавление к «Московским ведомостям» 1783, № 2.

мерными налогами» Северную Америку, что привело к ослаблению «еще более ее многолюдия» и «унижало прилежание и земледелие». Поэтому «Северная Америка взбунтовалась: налоги сии слишком были отяготительны для нее и несправедливы».

С прежней просветительской страстью писателя-сатирика Новиков говорит о дворянах: «Не те члены государства, которые, отягощая трудящихся, сами не споспешествуют нисколько общему благосостоянию, не они составляют внешнее могущество и внутреннее благополучие государства: таких граждан надлежит почитать мертвыми в политическом смысле, бесполезными, отяготительными для государства, могущими истребить прочие его силы, получаемые им от полезных своих членов». [1]

Несомненно, Новиков идеализирует будущее антифеодальное буржуазное государство. Он не видел и не мог увидеть, как свободный земледелец, работник и ремесленник попадал в новую кабалу к капиталисту, фабриканту и купцу-скупщику, как свобода человека оказывалась на деле лишь свободой собственников. Иллюзии и заблуждения у борцов против феодализма и крепостничества возникали закономерно и объяснялись эпохой, в которую они жили. Сила же нового сочинения Новикова — в его открытой политической направленности против феодализма, против русского крепостническо-самодержавного строя. До радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» новиковское сочинение, пожалуй, самое крупное достижение политической мысли русского Просвещения. Значение работы Новикова определяется тем, что она получила небывалое распространение, поскольку была напечатана в «Прибавлениях к «Московским ведомостям», тираж которых достигал четырех тысяч экземпляров. Тысячи русских людей из разных кругов общества — дворян, разночинцев, купцов — читали «Прибавления», знакомились с философскими и политическими статьями, «приобучаясь размышлять о своих важнейших интересах».

---

[1] «Прибавление к «Московским ведомостям», 1783, «О торговле вообще», отделение четвертое, § 44. Ср. суждения по этому поводу П. И. Пестеля в «Практических началах политической экономии» (отдел первый) и в «Русской правде» (глава третья).

Выход новиковского сочинения в 1783 году совпал с написанием Фонвизиным «Рассуждения о непременных государственных законах» и сатирических сочинений, напечатанных в «Собеседнике». Если вспомнить, что в том же 1783 году было закончено Радищевым первое русское революционное стихотворение — ода «Вольность», — то станет ясным, что все это не случайные совпадения, что 1783 год оказывается этапной вехой в развитии русского Просвещения. Просветительский фронт стал реальным фактом общественной жизни России; выступление каждого мужественного деятеля уже не было одиноким, оно оказывалось и поддержанным и подкрепленным выступлениями других.

5

Местом деятельности новиковского просветительского центра была Москва. В Петербурге в 80-е годы развивают огромную деятельность сразу несколько просветителей: Фонвизин, группа авторов, объединившаяся вокруг журнала «Зеркало света» и его издателя Федора Туманского, Крылов и Радищев, издавший в конце десятилетия несколько своих сочинений.

Не сумев подняться до понимания и оправдания народных восстаний, Фонвизин в 80-е годы все же твердо и окончательно стал на просветительские позиции и развернул острейшую политическую борьбу с екатерининским самодержавством. То обстоятельство, что Фонвизин не смог окончательно разорвать с правящим классом, наложило отпечаток на его убеждения. Так, в своих сочинениях он будет отстаивать право просвещенного дворянства на роль духовного вождя нации, обязанного в реальных исторических условиях той эпохи «корпусом представлять нацию». Но это обстоятельство не дает права зачислять его в число деятелей дворянской фронды, лидером которой был Никита Иванович Панин.

Внимательное изучение высказываний Фонвизина о дворянстве позволяет прийти к заключению, что он дает довольно вольное и крайне субъективное толкование прав дворянства, лишенное узко сословного, своекорыстного

характера. В понимании Фонвизина дворяне — лучшие люди отечества, наделенные не столько правами, сколько обязанностями перед родиной и нацией.

Социологические и политические воззрения Фонвизина с наибольшей ясностью и четкостью сформулированы в двух «рассуждениях»: «Рассуждение о третьем чине» и «Рассуждение о непременных законах». Литературоведы игнорировали первое «Рассуждение»; его даже не включали в собрания сочинений писателя. В то же время П. А. Вяземский, — как известно, хорошо осведомленный исследователь, — в своей книге о Фонвизине категорически пишет о принадлежности «Рассуждения» автору «Недоросля».[1] «Известно также, что он переводил, и вероятно по поручению начальства, книгу: «О вольности французского дворянства и о пользе третьего чина»; тут же приложено и «Рассуждение о третьем чине». Сей труд, писанный рукою Фонвизина, должен храниться в Московском главном архиве Министерства иностранных дел».[2]

«Рассуждение» интересно тем, что в нем содержится обширная программа социально-экономических преобразований, которые должны быть осуществлены в результате реформ самодержавно-феодального строя России. Содержание «Рассуждения» чрезвычайно близко фонвизинским убеждениям, которые нам известны по другим его бесспорно оригинальным произведениям. «Рассуждение» — без указания имени автора — было впервые опубликовано в 1882 году.[3]

В экономической и общественной жизни России Фонвизин полагает необходимым существование трех классов: дворянства, «народа земледельческого», то есть крестьян, и «третьего чина» (купцы, заводчики, «художники», то есть ремесленники, и т. д.). Дворянство, в соответствии с концепцией Фонвизина, стоит во главе нации. В существующих исторических условиях «народ пресмыкается во мраке глубочайшего невежества», он не

---

[1] К. В. Пигарев в своей книге «Творчество Фонвизина» высказывает предположение, что это «Рассуждение» не оригинальное сочинение Фонвизина, а перевод. С доводами исследователя пока трудно согласиться.

[2] П. А. Вяземский, Фонвизин, СПБ., 1848, стр. 283.

[3] «Архив Воронцова», т. XXVI.

просвещен, «нация еще не приготовлена» к введению в России полной свободы. Великую миссию просвещения народа и возлагает Фонвизин на дворянскую интеллигенцию.

Фонвизин проявляет не только глубокое понимание огромного значения в жизни страны крестьянства и «третьего чина», но и уважение и восхищение деятельностью, энергией, талантами крестьян и тех, кто составляет «третий чин». «Народ земледельческий своим трудом производит плоды, различных сортов товары, первые материи и богатства». «Третий чин, составляя одно с народом, от коего происходит сам и который оного привлекает, старается о мануфактурах, устанавливает промены вещей, оценивает товары, учреждает оных расходы».

Фонвизин чужд сословно-кастового взгляда на крестьян. Для него народ — земледельцы, ремесленники, купцы — «убежище наук и освященное место человеческого познания». Дворяне, как свидетельствует опыт, проявляют успехи в науках. Но это не значит, что люди из народа неспособны быть учеными или добродетельными. Наоборот, «нет такого рода заслуг и добродетели, которых бы не произвел третий чин».

Сопоставляя дворянство и «третий чин», Фонвизин с воодушевлением отмечает, как условия жизни позволяют людям «третьего чина» превосходить дворян и в знаниях и в добродетелях. «Благородные имеют, без сомнения, похвальные качества, но иногда недостает им случая производить оные в действо. Напротив того, третий чин упражняется ежедневно в благоразумии, честности, изобильном вспомоществовании, точности, постоянстве, терпении и правосудии». Высоко ценя общественную и экономическую роль земледельца и «третьего класса» в жизни страны, отмечая его высокие нравственные качества, Фонвизин выдвигает свое понимание необходимых условий, при которых процветало бы отечество. Решающим Фонвизин считает восстановление вольности нации, вольности всех сословий. В «Рассуждении о непременных государственных законах» Фонвизин пишет: «При исследовании, в чем состоит величайшее благо государств и народов и что есть истинное намерение всех систем законодательств,

найдем необходимо два главнейших пункта, а именно... *вольность* и *собственность*». [1]

В «Рассуждении о третьем чине» эта мысль еще более детализована — вольность нужна дворянству, «третьему чину» и крестьянству. Рабство и крепостное право ненавистны Фонвизину. Он неоднократно выступал против того строя, «где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьею над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть завсегда или тиран, или жертва». [2] Он с горечью писал о том, что народ «носит безгласно бремя жадного рабства». «Рабство» у Фонвизина — это крепостное право. Мужественно, со сцены, устами Стародума Фонвизин провозглашал: «Угнетать рабством себе подобных беззаконно». О русском крепостном праве как рабстве писали и Новиков и Радищев. Русские просветители сознательно называли реальную практику русских крепостников рабовладением, а крепостное право — рабством. Вспомним, что Новиков в одном из первых своих сочинений, «Отрывке путешествия», писал: «Бедность и рабство повсюду встречались со мною в образе крестьян». Для Радищева русские крестьяне — рабы, русское крепостное право — рабство. Закономерно Ленин считал, что русское крепостничество превратилось в рабство, что оно «ничем не отличалось от рабства». [3]

Вот почему глубоко неправы те исследователи, которые считают, что Фонвизин не выступал против крепостничества, но только против излишеств крепостного права — рабства. Так, К. В. Пигарев, например, пишет: «Как показывает общая идейная направленность «Недоросля», понятие «рабство» в сознании Фонвизина не покрывало собою понятия крепостного права». [4] Вопрос этот

---

[1] «Русская проза XVIII века», Гослитиздат, 1950, т. 1, стр. 536—537.

[2] Там же, стр. 537. Нельзя не вспомнить следующих слов Радищева из «Путешествия»: «Помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме».

[3] В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 439.

[4] К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, АН СССР, М., 1954, стр. 179.

между тем важнейший. Если Фонвизин выступает против излишеств крепостного права, а не против самого права «угнетать себе подобных людей», то он либерал, деятель дворянской фронды, единомышленник Панина. В конечном счете концепция К. В. Пигарева и сводится к установлению идейной близости Фонвизина и Панина. В действительности Фонвизин выступал против рабства не как либерал, а как просветитель. Вместе с ним против язвы социальной жизни России — крепостничества, рабства — выступали и Новиков и Радищев. Точно так же утверждение Фонвизина — крестьяне подобные дворянам люди — полностью совпадает с мыслью, которая неоднократно высказывалась Новиковым и Радищевым. Новиков писал: «Дворяне не что иное, как люди, которым государь вверил некоторую часть людей же, во всем им подобных».[1] Радищев заявлял: «Зверский обычай порабощать себе подобного человека»; обращаясь к дворянам-помещикам, он восклицал: «Разрушьте оковы собратии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусить сладости общежития».

Выступая против угнетения человека человеком, против общественного строя, где «люди составляют собственность людей», Фонвизин в то же время считал, что в создавшихся реальных условиях, когда народ еще невежествен, освободить крепостных сразу нельзя. Поэтому и выдвигается требование «приуготовить нацию». В «Рассуждении о третьем чине» разработана подробно программа такого приуготовления: «третий чин» вербуется из числа земледельцев. Став ремесленником, купцом, человек приобретает право на свободу. В стране должны быть созданы цеха из ремесленников, и «каждый цех должен купить освобождение всем своим членам». Крестьяне должны получать право на образование своих детей в университетах; каждый окончивший университет получал свободу. «Равным образом все те, кои, упражняясь с успехом в науках, обучатся в университете высшим наукам, как то: юриспруденции, философии, математике, медицине, хирургии, аптекарству и прочим полезным знаниям, должны иметь освобождение, по аттестатам, кои они

[1] Н. Тихонравов, Летописи русской литературы и древности, М., 1862, т. IV, стр. 41

получать будут. Когда всякой в состоянии будет упражняться в том, к чему имеет дарование, составят все нечувствительно корпус третьего чина с прочими освобожденными, о коих выше упомянуто. Равным образом должно быть сему и в рассуждении художеств. Все те, кои в оных успеют, должны иметь освобождение».

Подобная программа принадлежит просветителю. То же обстоятельство, что Фонвизин не верит в возможность дать земледельцам свободу сразу, что считает необходимым сначала «приуготовить нацию», объясняется его идейной слабостью. Но ведь подобной точки зрения придерживался не только он, а и многие другие просветители. До Фонвизина в возможность немедленного освобождения верил Козельский, а в 80-е годы — Радищев.

Как истый русский просветитель, Фонвизин намечает в своих «Рассуждениях» практический путь такого «приуготовления нации». В заключении первого «Рассуждения» Фонвизин пишет о том, что должно быть сделано в современной ему России: «Словом, в России надлежит быть: 1) дворянству совсем вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному и 3) народу, упражняющемуся в земледельстве, хотя не совсем свободному, но по крайней мере имеющему надежду быть вольными».

Ясно, что намеченная Фонвизиным программа социальных преобразований была программой антифеодальной, просветительской, ее исполнение способствовало бы превращению крепостнической России в буржуазно-демократическое государство.

Политическая оценка екатерининского самодержавства была дана во втором «Рассуждении», написанном в конце 1782 — начале 1783 года. Изучение обоих этих сочинений показывает, что они близки новиковскому политическому трактату «О торговле вообще». Просветительская программа таких крупных деятелей, как Новиков и Фонвизин, оказывалась во многом общей, в чем еще раз наглядно проявились сила и единство русского Просвещения как движения.

Главным в политической программе Фонвизина была борьба с русским самодержавием, борьба за ограничение его деспотической власти законами, которые были бы составлены избранниками народа, борьба против

екатерининской политики. В произведениях Фонвизина этой поры ведущей темой будет политика, обличение самодержавия — двора, правления Екатерины, самой Екатерины. В то же время Фонвизин, верный своей метафизической теории просвещенного абсолютизма, неизменно выступал в роли советчика монарху и мужественно брал на себя миссию спасителя отечества. В «Недоросле» он советовал вмешаться в отношения помещиков и крепостных, вступить в борьбу с «поборниками рабства». Когда к Фонвизину не прислушались, он не отказался от своих намерений давать советы. Так появился проект манифеста о политических преобразованиях в России — «Рассуждение о непременных государственных законах», написанное Фонвизиным при участии Панина. Манифест хотели вручить Павлу, когда он займет престол; в сущности это «проект в будущем», адресованный новому монарху.

Неприятие революционного пути губительно сказалось на литературно-политической деятельности Фонвизина. Всем содержанием своих остро сатирических, беспощадно обличительных произведений, направленных против екатерининского правления, он в сущности подрывал основы русского самодержавия. Вот почему объективное содержание фонвизинских сочинений этого периода глубже и значительнее субъективного замысла их автора, который никогда не поднимался выше просветительских надежд. «Недоросль» — самое важное сочинение Фонвизина. С проблематикой «Недоросля» органически связаны многочисленные прозаические произведения 80-х годов. Отличались же прозаические произведения от комедии своей политической резкостью, своей открытой направленностью против Екатерины. Первое место принадлежит «Рассуждению о непременных государственных законах» — замечательному сочинению просветительской литературы XVIII века. «Рассуждение» написано патриотом, в сердце которого кипели негодование и ненависть к разорителям любимого отечества. Фонвизин писал о России: «государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет... государство, многочисленным и храбрым своим воинством страшное.... государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света...

государство, дающее чужим землям царей».[1] Вот почему в «Рассуждении» Фонвизин выступал с требованиями ограничить русское самодержавие законами, которые охраняли бы права граждан от произвола царской власти и царских чиновников. С яростью обличал Фонвизин екатерининский фаворитизм, мужественно выступая против позорного явления русской политической жизни, возмущаясь тем, что отечество отдавалось во власть «случайным людям». Как истый политический деятель, Фонвизин не ограничился одним обличением и наметил широкую программу политических и социальных преобразований. Верный своим убеждениям, он эти преобразования мыслил только как реформы, совершаемые верховной властью (волей будущего императора Павла).

Возможность воздействия на будущего императора определилась ролью Никиты Панина, его воспитателя. Этим и объясняется участие Фонвизина в политических делах Панина. Это не союз единомышленников, ибо Фонвизин был просветителем, а Панин дворянским идеологом, а блок, который был продиктован политическими соображениями, определявшийся благодаря личным связям. Нечто подобное сложится в 80-е годы и у Радищева с Воронцовым. Разность политических убеждений не мешала их дружеским отношениям. Позднее, при Александре I, Радищев, по просьбе Воронцова, будет даже редактировать проект «Жалованной грамоты русскому народу».

«Рассуждение о непременных государственных законах» — свидетельство глубокого усвоения Фонвизиным передовых в ту эпоху социологических учений. Ставя в сочинении вопрос о взаимоотношении народа, нации и государя, Фонвизин решал его с позиций теории о договорном происхождении власти. Следует обратить внимание на близость фонвизинской точки зрения радищевскому примечанию, которое сделано к слову «самодержавство» в переведенной книге Мабли. Фонвизин писал: «Кто не знает, что все человеческие общества основаны на взаимных добровольных обязательствах, кои разрушаются так скоро, как их наблюдать перестают. Обязательства между государем и подданными суть равным образом добровольные... В... гибельном положении нация,

[1] «Русская проза XVIII века», т. 1, стр. 537.

буде находит средства разорвать свои оковы тем же правом, каким на нее наложены, весьма умно делает, если разрывает. Тут дело ясное. Или она теперь вправе возвратить свою свободу, или никто не был вправе отнимать у ней свободы». [1]

Радищев-юноша, усвоивший просветительские идеалы, так изложил свои мысли в примечании: «Если мы уделяем закону часть наших прав и нашея природныя власти, то дабы оная употребляема была в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом *безмолвный* договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея *обязанности*. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками».

Сопоставление высказываний показывает, что Радищев придерживался в пору, когда еще не стал революционером, того круга идей, который был характерен для просветительства вообще.

Весной 1782 года Фонвизин закончил работу над комедией «Недоросль». За постановку комедии пришлось бороться. Наконец осенью она была сыграна в Петербурге. «Недоросль» — высшее художественное достижение русского Просвещения XVIII века. [2]

6

Следующий после постановки «Недоросля» год был годом наивысшей активности Фонвизина-просветителя, патриота, борца, годом замечательных побед русских просветителей в политической борьбе с Екатериной. Для своих выступлений Фонвизин избрал правительственный журнал «Собеседник любителей российского слова».

Политическое содержание начатой Фонвизиным борьбы, ее размах, ее смысл, наконец ее результаты изучены слабо. Обратимся к двум последним работам, характеризующим «Собеседник» и участие в нем Фонвизина.

---

[1] «Русская проза XVIII века», т. 1, стр. 532—533.

[2] Подробнее о «Недоросле» см. в книгах: К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, АН СССР, 1954; Г. П. Макогоненко, Фонвизин, «Искусство», 1950.

П. Н. Берков пишет: «Но несомненно, самым важным моментом в истории «Собеседника» было помещение на его страницах «Вопросов» Д. И. Фонвизина и «Ответов» на них Екатерины».[1] Выступление Фонвизина рассматривается только как «момент истории» журнала, не более. На вопрос, каков смысл сатирического сочинения Фонвизина, напечатанного в «Собеседнике», получаем следующий ответ: «Это была смелая, но заранее обреченная на неудачу попытка публично потребовать у Екатерины отчет о том, что так волновало мыслящих передовых людей того времени».[2]

На тех же позициях стоит и К. В. Пигарев, повторяя дословно точку зрения Беркова. «Самым ярким эпизодом в истории «Собеседника», как и вообще в истории русской журналистики 80-х годов, является полемика Фонвизина с Екатериной».[3] В том же духе характеризуется и политический смысл выступления Фонвизина на страницах «Собеседника»: «поединок» с Екатериной, полемика, больше характеризующая Фонвизина с нравственной стороны, чем с общественной, поскольку он предстает смелым и бесстрашным человеком, решившимся полемизировать с самой императрицей.

Для всех пишущих о выступлении Фонвизина в «Собеседнике» характерна недооценка его общественного и политического значения, а также стремление представить его изолированно, вне связи с действиями других просветителей. Представители старого литературоведения или сознательно замалчивали участие Фонвизина в «Собеседнике» (см., например, вступительную статью А. П. Пятковского к изданию сочинений Фонвизина под редакцией П. А. Ефремова), или всячески сглаживали его, низводя лишь до дерзкой выходки, за которую писатель немедленно поплатился (П. А. Вяземский в своей монографии о Фонвизине). В последней по времени монографии К. В. Пигарева, посвященной Фонвизину, обобщена именно эта точка зрения. В годы подъема общественно-политической и просветительской работы Фонвизина —

---

[1] П. Н. Берков, История русской журналистики XVIII в., АН СССР, 1952, стр. 335.

[2] Там же, стр. 336.

[3] К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, стр. 217.

1782—1788 — он показан одиночкой, донкихотствующим писателем, мечтающим «учить Екатерину царствовать». К тому же выступление Фонвизина с «Вопросами» рассматривается как смелый, но бессмысленный поступок писателя. «Зная почти наверняка, что он ничего не добьется» от императрицы, он «выставлял на общественное обсуждение самые щекотливые вопросы, касающиеся ее внутренней политики».[1] К. В. Пигарев, игнорируя реальное содержание общественной деятельности Фонвизина и его политических и художественных произведений, приписывает писателю свои представления о том, как должен был вести себя человек, исповедовавший веру в просвещенного монарха. Да, Фонвизину свойственна была эта вера, в силу исторической ограниченности и слабости его политических убеждений. Но никогда Фонвизин не возлагал надежд на Екатерину, не видел в ней просвещенного монарха. Весь смысл фонвизинской деятельности не в обращении к Екатерине, а в борьбе с ее реальной антинародной политикой; не советчиком императрицы, а борцом был просветитель Фонвизин. Деятельность Фонвизина не была бесполезной, она имела огромное воспитательное значение, свидетельствовала о растущей силе русского Просвещения, о его идейной зрелости.

Каков же подлинный характер выступления Фонвизина на страницах «Собеседника»? Сколько статей напечатал он в журнале?

«Собеседник» начал выходить с 20 мая 1783 года. Открывался он, как известно, одой Державина в честь Екатерины. Подготавливая первый номер журнала, редакция была озабочена сбором материалов. Видимо, она обратилась к известным писателям, среди которых был и Фонвизин. Не желая почему-либо отказывать, Фонвизин передал издателям «Собеседника» «Опыт российского сословника». Часть «Опыта» была опубликована уже в первой книжке. Но статей и стихов у издателей было явно мало. Приходилось изворачиваться, например перепечатывать недостающие стихи и статьи из «Санкт-Петербургского вестника» (так перепечатали державинскую «Оду к Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Мещерского», статью «О правописании слова драма» и другие),

[1] К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, стр. 218.

публиковать речь Княжнина, произнесенную еще в 1779 году в Академии художеств, и т. д. Значительная часть страниц журнала была заполнена сочинениями самих издателей — Дашковой и Екатерины. Со второго номера стал печататься своеобразный фельетон императрицы «Были и небылицы» и историческое сочинение «Записки касательно Российской истории». Из 191 страницы второго номера 50 занимали сочинения Екатерины.

Во втором номере издатели напечатали присланное к ним письмо Любослова, в котором содержалась филологическая критика «Фелицы» Державина и «Опыта» Фонвизина. Критика Любослова раздражила издателей. Поэтому, когда, обиженный нападками Любослова, Фонвизин дал в журнал свой ответ «Примечания на критику, касающуюся до Российского сословника», он был немедленно опубликован в третьем номере журнала. В четвертой книге редакторы напечатали продолжение фонвизинского «Опыта» и его новое сочинение «Челобитную российской Минерве от российских писателей». В седьмой книге появилось «Поучение иерея Василия», в десятой закончилось печатание «Опыта».

Все указанные сочинения Фонвизина, сатирические по своему характеру, не ставят больших социальных и политических тем. С фонвизинским блеском написанные объяснения более ста слов в «Опыте» — это сатирические миниатюры, в которых подвергалась осмеянию дворянская знать. Читателю сообщалось, например: «*Проманивать* — есть большое бар искусство», «*Сумасброд* — весьма опасен, когда в силе», «*Глупцы* — смешны в знати» и т. д. Как истый просветитель, Фонвизин выступил с протестом против дворянского толкования слова «подлый». «Человек бывает *низок* состоянием и *подл* душою. В низком состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно и весьма большой барин может быть весьма подлый человек. Слово *низкость* принадлежит к состоянию, а *подлость* — к поведению».

Сатира «Опыта» несомненно носила ограниченный характер. Как мог Фонвизин на том же материале сделать свою сатиру политической, мы видим на примере «Всеобщей придворной грамматики». Нельзя согласиться с утверждениями некоторых литературоведов, что «Опыт российского сословника» в конечном счете преследовал

ту же цель, что и «Несколько вопросов».[1] Подгонять «Опыт» к «Нескольким вопросам» значит умалять остро политический и антиекатерининский характер последнего сочинения.

Вряд ли также справедливо объявлять «Поучение иерея Василия» «пародией на замысел императрицы использовать полуграмотное сельское духовенство как аппарат для приведения крепостных в полное подчинение церкви и государства».[2] «Поучение» — сатира на духовенство, грубое, бескультурное, такое же, как и сельское дворянство, которому оно служит. Заявление сельского попа: «Всякий нищий наверняка пьяница, потому что добрый крестьянин, кроме гнева божия, обнищать не может», выражало сокровенное убеждение Скотининых и Простаковых. Борьба с пьянством — это борьба за исполнение крестьянином своих обязанностей и своего долга, так как пьющий мужик отстает «от всякого крестьянского дела, не платит податей государю, оброка помещику». Внешним поводом для сатиры на духовенство, поучающее крестьян не пить, видимо была «Беседа, или Слово нравоучительное святого отца нашего Василия о пиянствующих», изданная в 1782 году.

Выпадом против вельмож, преследовавших поэтов, как, например, преследовал Державина генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский, была «Челобитная». Но «Челобитная» не могла волновать Екатерину, поскольку вельможам противопоставлялась она — «великая богиня», «чьего покровительства» искали писатели. Такую «сатиру», как известно, Екатерина принимала с величайшим удовольствием. Доказательством того, что все указанные сочинения Фонвизина были встречены издателями, и в частности Екатериной, в общем благосклонно, является фельетон «Были и небылицы». Он был своеобразным барометром, который чутко и незамедлительно сигнализировал об отклонении журнальных статей от угодного курса. Об этих сочинениях Фонвизина в «Былях и небылицах» нет никаких упоминаний. Зато упоминается в них о других сочинениях, которые вызвали возмущение и

---

[1] К. В. Пигарев, Творчество Фонвизина, стр. 228.

[2] П. Н. Берков, Театр Фонвизина и русская культура — сб. «Русские классики и театр», «Искусство», 1951, стр. 92.

ярость Екатерины, заставили ее начать борьбу с неугодным автором. В ходе этой борьбы Екатерина запуталась, отступила от прежнего намерения покровительствовать писателям, «говорящим открыто истину», оказалась вынужденной пустить в ход далеко не литературные средства полемики — угрозы и окрики. Как некогда в полемике с издателем «Трутня», так и в «Собеседнике» Екатерина вновь потерпела поражение, оказалась вынужденной отказаться от затеи руководить литературой: она перестала писать «Были и небылицы», а вскоре за тем «Собеседник» вообще прекратил свое существование. В специальной статье, написанной Козодавлевым, издатели указывали, что причиной закрытия журнала («упадка») «Собеседника» была «война», объявленная «дурными стихотворцами и их приятелями «издателям». Сочинения, подвергшиеся гневной критике автора «Былей и небылиц», и довели журнал до закрытия.[1]

Какие же сочинения оказались неугодными императрице? Их было четыре: «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание», «Повествование мнимого глухого и немого», «Письмо сочинителю «Былей и небылиц» от автора «Нескольких вопросов» и, наконец, «Историческое сочинение Петр Великий» с сопроводительным письмом к автору «Былей и небылиц», подписанным псевдонимом «Ни одной звезды во лбу не имеющий». Печатались они с 3-го по 7-й номер, то есть с 28 июля по 28 октября 1783 года.

Кто автор этих сочинений? Два из них: «Несколько вопросов» и оправдательное письмо по поводу этих «Вопросов» известны как фонвизинские. Обратимся сначала к ним. «Несколько вопросов» были присланы в журнал анонимно. Мало того, видимо Фонвизин сознательно сделал так, чтобы даже подозрение не могло коснуться его. Сохранилось письмо Екатерины к Дашковой по поводу «Нескольких вопросов», из которых ясно, что подозревался не Фонвизин, а И. И. Шувалов, которого императрица изобразила в «Былях и небылицах» в образе «Нерешительного».

«Несколько вопросов» сопровождалось письмом к издателю, которое раскрывает политический смысл

---

[1] «Собеседник любителей российского слова», ч. XVI, стр. 9.

фонвизинского выступления. Используя игру Екатерины в либерализм, Фонвизин предложил ей сочинение, вскрывающее социальные и политические язвы русской жизни. Чтобы быть последовательной, императрица должна была напечатать такое произведение (ведь она же любит истину!). Но так как подобные «истины» ее устроить не могут, она несомненно должна прибегнуть к угрозам, чтобы не писали больше неугодных ей сочинений. Выступив же с такой угрозой, она бы встала на путь саморазоблачения.

Вот почему письмо Фонвизина начиналось с сочувственного одобрения политики, провозглашенной издателями «Собеседника»: «Издатели оного не боятся отверзать двери истине, почему и беру вольность представить им для напечатания «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание». [1] «Недоросль» уже поставил перед умными и честными людьми несколько важных вопросов, касающихся жизни русской нации и русского государства. Теперь Фонвизин вновь обращался к общественному мнению. У Екатерины, как самодержавного государя, естественно, нельзя было спрашивать отчета в ее действиях, поступках, политике. Но от монарха-писателя, кокетничающего своим показным либерализмом, можно было ожидать ответа на некоторые из волновавших передовую общественность вопросов.

Вопрос Фонвизина (второй по счету): «Отчего многих добрых людей видим в отставке?» — намекал на реальные события: недавно демонстративно ушел в отставку министр, правивший иностранными делами, Никита Панин, а 10 марта 1782 года подал в отставку сам Фонвизин. Отставки носили политический характер. Русское общество уже до этого знало случай демонстративной отставки: в 1769 году двадцатичетырехлетний писатель Новиков отказался служить екатерининскому государству, о чем публично объявил в предисловии к своему журналу «Трутень». В журнале «Живописец», четвертое издание которого вышло в 1781 году, печатались письма и советы Новикова некоторым людям об их праве уйти в отставку с государственной службы, но при условии общественной

[1] «Собеседник...», ч. III, стр. 161.

деятельности на благо отечеству. Несомненно, тема эта была одной из острейших в политической жизни той поры, чем и объясняется вопрос Фонвизина.

Пятый вопрос: «Отчего у нас тяжущиеся не печатают тяжеб своих и решений правительства?» — формулировал требование гласности суда как важнейшего средства борьбы с произволом и взяточничеством судейских чиновников, которых Екатерина неоднократно брала под защиту в своих литературных сочинениях.

Седьмой вопрос: «Отчего главное старание большой части дворян состоит не в том, чтоб поскорей сделать детей своих людьми, а в том, чтоб поскорее сделать их не служа гвардии унтер-офицерами?» — был резким выпадом против паразитизма дворянства.

Вопрос десятый: «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» и восемнадцатый: «Отчего у нас начинают дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?» — намекали на разгон Екатериной Комиссии для сочинения нового Уложения.

Под номером тринадцатым было напечатано сатирическое рассуждение о вырождении дворянства: «Чем можно возвысить упадшие души дворянства? Каким образом выгнать из сердец нечувственность к достоинству благородного звания? Как сделать, чтоб почтенное титло дворянина было несомненным доказательством душевного благородства?» Вопрос формулировал центральную идею «Недоросля», где Фонвизин изображал «упадшие души» дворян Скотининых и Простаковых.

Получив «Несколько вопросов», Екатерина растерялась, почувствовав ловушку, и потому не хотела их печатать. Но затем изменила решение и надумала опубликовать вопросы вместе со своими ответами. На ответы Екатерина возлагала большие надежды: они должны были и парализовать сатиру, и продемонстрировать еще раз «любовь к истине» (не побоялась напечатать дерзкие вопросы), и, главное, — проучить «свободоязычного» автора, припугнуть его так, чтобы и другим неповадно было. В письме Дашковой Екатерина писала: «Я внимательно перечитала известную статью, и менее, чем прежде, против того, чтобы возражать на нее. Если бы возможно было напечатать ее вместе с ответами, то сатира будет

безвредна, если только повод к сравнению не придаст большей дерзости».[1]

В ответах Екатерине не удалось скрыть своего раздражения, в них были окрик и угрозы. Но и этим она не удовлетворилась. И в следующей, четвертой части журнала, в очередной порции «Былей и небылиц» появилась отповедь автору «Нескольких вопросов». Устами «дедушки» — персонажа фельетона, выразителя авторских мыслей, с раздражением заявлено: «Молокососы! Не знаете вы, что и я знаю, в наши времена никто не любил вопросов; ибо с оными и мысленно соединены были неприятные обстоятельства; нам подобные обороты кажутся неуместны, шуточные ответы на подобные вопросы не суть нашего века; тогда каждый, поджав хвост, от оных бегал».[2] Четырнадцатый вопрос: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а нынче имеют, и весьма большие?» — особенно раздражил «дедушку»: «Отчего? отчего? — говорит он... — Ясно, оттого, что в прежние времена врать не смели, а паче письменно без... опасения».[3]

После отповеди в следующей, пятой части журнала было отпечатано письмо автора «Нескольких вопросов» к сочинителю «Былей и небылиц». Екатерина назвала письмо «исповедью кающегося». Вслед за нею и литературоведы объявили письмо покаянием, которое Фонвизин был якобы вынужден написать, потому что испугался своей дерзости. Такое толкование нам представляется неправильным. Зачем нужно было оправдываться Фонвизину, если имя его не было известно? Наоборот, из чувства осторожности не следовало бы ему вообще больше писать, чтобы как-нибудь ненароком не выдать себя. Но Фонвизин написал свое письмо и назвал его «объяснением». Задача «объяснения» — использовать замешательство Екатерины в обличительных целях. Поэтому письмо Фонвизина не *покаяние,* а *сатира.* Сочинитель «Былей и небылиц» не выдержал тона, сорвал свою игру, когда стал грозить. Угрозы одного сочинителя другому не имеют смысла. Тон же сочинителя «Былей и небылиц» явно вы-

---

[1] П. Пекарский. Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II, СПБ., 1863, стр. 14.

[2] «Собеседник...», ч. IV, стр. 163—164.

[3] Там же, стр. 168.

давал его как власть имущего, с чьими угрозами действительно надо считаться, чем Фонвизин и поспешил воспользоваться.

Ясно было, что остальные заготовленные вопросы больше не напечатают, что от этой полемики придется отказаться, о чем и следовало оповестить читателей. Такова первая цель письма. (Вспомним, что в сопроводительном письме к «Нескольким вопросам» было сказано: «Буде оные напечатаются, то продолжение последует впредь и немедленно».) Нужно было сказать и о том, что причина прекращения посылки вопросов — неудовольствие сочинителя «Былей и небылиц». Надлежало намекнуть читателю, кто скрывается под именем автора «Былей и небылиц». Сорвать маску с Екатерины, раскрыть ее псевдоним — вторая цель письма. Фонвизин оповещал, что широковещательные объявления издателей, будто бы они не боятся «отверзать двери истине», — ложные, что на самом деле они боятся «истины», что за попытку прикоснуться к «истине» начинают грозить и преследовать.

Чтобы напечатать задуманное письмо в журнале Екатерины, нужно было найти слабое место у противника, и Фонвизин нашел его — тщеславие. Следовало польстить Екатерине, и эта лесть притупит бдительность. Так и произошло — письмо напечатали.

Задумав раскрыть имя подлинного автора «Былей и небылиц», отвечавшего на присланные вопросы, Фонвизин избрал исключительно подчеркнуто почтительный тон письма: «По ответам вашим вижу, что я некоторые вопросы не умел написать внятно, и для того покорно вас прошу принять здесь мое объяснение», «вседушевно благодарю вас за ответ на мой вопрос», «видя, что вы, государь мой, в числе издателей «Собеседника», покорно прошу поместить в него сие письмо. Напечатание оного будет для меня весьма лестным знаком, что вы моим объяснением довольны» [1] и т. д. Уже это довольно красноречиво свидетельствовало, что сочинитель «Былей и небылиц» — лицо чрезвычайно важное, что гнев и милость его далеко не безразличны для автора «Вопросов». Но кто же это важное лицо, состоящее одним из издателей «Собеседника»? Один издатель был объявлен: княгиня

[1] «Собеседник...», ч. V, стр. 145, 147, 150.

Е. Р. Дашкова. Кто же второй, да еще занимающийся литературой, да еще более важный, чем Дашкова? Уже все это довольно прозрачно намекало на автора. Но чтобы не было никаких сомнений, Фонвизин точно указал на императрицу.

Придравшись к одному из ответов, он написал: «Всеедушевно благодарю вас за ответ на мой вопрос: «Отчего тяжущиеся не печатают тяжеб своих и решений правительства?» Ответ ваш подает надежду, что размножение типографий послужит не только к распространению знаний человеческих, но и к подкреплению правосудия».[1] *В России никто, кроме императрицы, не мог дать разрешение на печатание тяжеб, никто, кроме нее, не мог «подкрепить правосудие».*

После фонвизинского «объяснения» борьба с Екатериной на страницах «Собеседника» приняла новый характер. Раскрыв имя сочинителя «Былей и небылиц», обличив фальшивую игру в либерализм коронованного издателя «Собеседника», Фонвизин задумал написать несколько новых сатирических произведений против Екатерины; читатель, которому сообщили имя сочинителя «Былей и небылиц», с особым интересом должен был отнестись к произведениям, полемизирующим с сочинителем «Былей и небылиц».

В седьмой части журнала появилось сразу два новых сочинения: письмо автору «Былей и небылиц», подписанное «Ни одной звезды во лбу не имеющий», и историческая статья «Петр Великий». Важнейшая особенность сопроводительного письма состояла в том, что его автор дерзко намекал на свою причастность к «Нескольким вопросам». «С вами все-таки, сударь, еще переписываться можно. Вы по крайней мере на письма отвечаете; а как у вас есть товарищ, г. сочинитель записок о российской истории, так от того даже и о получении письма не дождешься отповеди».[2] «Отповедь» — это прямой намек на угрозы «дедушки» по адресу автора «Нескольких вопросов». Чтобы у читателя не было сомнений, «Ни одной звезды во лбу не имеющий» сказал открыто: «Для чего вы не их, сударь, *крылышком своим задели,* на чтобыло нападать

[1] «Собеседник...», ч. V, стр. 147.
[2] Там же, ч. VII, стр. 164.

на тех, кои на вас так жалуются. Меня хотят уверить, что и я должен быть в том счету. Вы, сказывают, что-то *в четвертой части* и про меня промолвили».[1] Откроем четвертую часть «Собеседника» и увидим, что в фельетоне «Были и небылицы» как раз и была напечатана «отповедь» «дедушки» сочинителю «Нескольких вопросов». Других «отповедей» там нет. Более того, именно оттуда взял автор письма к сочинителю «Былей и небылиц» и выражение «крылышком задел» («Я подозреваю, что друг мой ИИИ, который больше плачет, нежели смеется, ныне слегка сердится за то, что я его задел крылом ненарочно. Он смертельно влюблен в вопросы»).[2] Следовательно, сочинитель «Нескольких вопросов» и тот, кто подписал письмо именем «Ни одной звезды во лбу не имеющий», — одно лицо. Значит ему же принадлежит и историческое сочинение «Петр Великий». Можно ли доверять заявлению того, кто подписался «Ни одной звезды во лбу не имеющий»? Анализ новых сочинений, а также последующая борьба издателей «Собеседника» с их автором убеждают, что это действительно Фонвизин.

С еще большей смелостью и дерзостью, чем в свое время Фонвизин в «Объяснении по поводу «Нескольких вопросов», «Ни одной звезды во лбу не имеющий» пишет: «Но и вы, сударь, должны быть человек очень странный, и я весьма ошибаюсь, или вы бы столько же легко управляли какою империею, как свободно по бумаге перушком своим водите».[3]

В статье «Петр Великий» по-фонвизински противопоставляется правление Екатерины правлению Петра. Год назад эта мысль была развита в «Недоросле». Центральная идея «Рассуждения о непременных государственных законах» была выражена в формулах: «Просвещенный государь есть тем не больше человек», «Он человек и правит людьми», «Первое его (государя) титло есть титло честного человека». То же самое повторено и в сочинении «Петр Великий». Петр, говорит автор, прежде всего «великий человек». Стиль двух политических сочинений удивительно близок один к другому. Вот два отрывка,

---

[1] «Собеседник...», ч. VII, стр. 166. Курсив наш.
[2] Там же, ч. IV, стр. 165.
[3] Там же, ч. VII, стр. 165.

посвященных одной и той же теме: описание «состояния России». В «Рассуждении» написано: «Теперь представим себе государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее...»[1]

В «Петре Великом» та же мысль: «Представим мы себе теперь состояние России в то время, когда Петр вознамеряется счастие ее предметом дел своих положить. Мы видим государство, правда обширное и тем самым от природы изобильно одаренное, но при том способности не в действии, достатки не в употреблении».[2]

Напечатав письмо «Ни одной звезды во лбу не имеющего», Екатерина поместила специальный «Ответ». Он свидетельствует, что опыт борьбы кое-чему научил «начальницу Парнаса» — она стала осторожнее, чтобы не давать повода к новым нападкам умного противника. Свой ответ она написала в вежливых тонах. Из ответного письма Екатерины видно, что для нее «Ни одной звезды во лбу не имеющий» и автор «Нескольких вопросов» — одно лицо: «Буде я вас задел ненароком (то есть в «Былях и небылицах», напечатанных в четвертой части журнала. — *Г. М.*), то уповаю, вам от того лиха не воспоследовало. Письмо ваше свидетельствует, что вы пребываете здравы». Активность автора «Нескольких вопросов», его новую дерзость — написание сатирического сочинения после покаяния, — Екатерина умно использовала в своих целях и сообщила читателю, что обвинение ее в преследованиях неугодных авторов несправедливо; ведь вот же автор цел и невредим. Но все же она осторожно дала понять, что присылка в журнал сочинения «Петр Великий» с требованием напечатать его есть дерзкое требование и «многим несообразно казаться будет».[3]

Седьмая часть вышла 28 октября. Почти через месяц, 26 ноября, поступил в продажу восьмой номер журнала. В нем был напечатан последний фельетон «Былей и небылиц». В конце его находилось «Завещание», в котором Екатерина сообщала читателям о своем намерении отказаться от продолжения писать «Были и небылицы».

---

[1] «Русская проза XVIII века», т. 1, стр. 537.
[2] «Собеседник...», ч. VII, стр. 170—171.
[3] Там же, стр. 180.

Отказ, несомненно, свидетельство понимания царицей того, что и в новой полемике она опять проиграла, как проиграла в полемике 1769 года. Но, прощаясь с читателем, она в статье «Завещание» дает «советы» новым авторам «Былей и небылиц». «Советы» были сатирическим выпадом прежде всего против Фонвизина. В самом деле, вот что написано в одном из главных пунктов «Завещания»: «Врача, лекаря, аптекаря не употреблять для писания «Былей и небылиц», дабы не получали врачебного запаха». Нельзя не догадаться, что Екатерина метила в автора «Недоросля», говорившего о том, что нечего звать врача ко двору, поскольку больной безнадежен. Другой пункт «Завещания» — «Проповеди не списывать и нарочно оных не сочинять» — несомненно относился к автору «объяснения», предлагавшего сочинителю «Былей и небылиц» обличать судей. Читатель помнил, что по этому поводу сочинитель «Былей и небылиц» в свое время ответил: «Мы и грамматику худо знаем, где нам проповеди писать». Пятый пункт «Завещания» зло высмеивал автора «Опыта российского сословника»: «Иностранные слова заменить русскими, а из иностранных языков не занимать слов».[1] Смысл выпада состоял в том, что, как всем было известно, при составлении «Опыта» Фонвизин брал ряд слов и примеров к ним из французского словаря синонимов, составленного Жераром. В дальнейшей борьбе с Фонвизиным, как увидим, будет широко использован этот мотив, и о Фонвизине на этом основании заговорят как о писателе, не знающем русского языка и пишущем «во французском вкусе».

В той же восьмой части напечатано письмо к издателю «Собеседника», подписанное так: «Всегдашний собеседника читатель». В письме выражается протест против напечатания статьи «Петр Великий» и высказывается просьба «не отягощать публику такими сочинениями». «Читатель» — лицо, очень близкое к Екатерине, и выраженные в его письме мысли едва ли не прямо подсказаны императрицей. Процитировав сатирический выпад против Екатерины «Ни одной звезды во лбу не имеющего» («Но и вы, сударь, должны быть человек очень странный, и я весьма ошибаюсь, или вы бы столько же легко управляли

---

[1] «Собеседник...», ч. VIII, стр. 174, 175.

какою империею, как свободно по бумаге перушком своим водите»), «Читатель» с возмущением заявляет: «Управление империею, перушко, бумага... сколько острых шуток! Какое сравнение».[1] Подобные сравнения действительно не могли не вызвать гнева императрицы. «Читатель» потому и считает необходимым узнать и сообщить имя того, кто укрылся за псевдонимом «Ни одной звезды во лбу не имеющий». Сам «Читатель» показал пример усердия «и начал отгадывать сочинителя». В распоряжении «Читателя» были, видимо, какие-то сведения, и он использовал их для намеков.

Первый намек — указание на то, что писал статью «Петр Великий» не русский писатель: «Русскому же писателю невозможно сочинить такого сочинения, в котором едва есть ли единая строка, написанная русским слогом».[2] Как мы уже знаем, обвинение Фонвизина в незнании русского языка и писании «во французском вкусе» было выдвинуто в «Завещании» Екатерины. Так что «Читатель» просто подхватил обвинение, выдвинутое императрицей.

Прекратив печатание «Былей и небылиц», Екатерина вовсе не собиралась отказываться от борьбы с неугодным автором. Попрощавшись с читателем в восьмой части журнала в качестве сочинителя «Былей и небылиц», в девятой части она выступила под новым псевдонимом — Рыжий Фролка. Статья Рыжего Фролки написана в виде письма разносчика к издателям «Собеседника». Оно целиком посвящено борьбе с автором статьи «Петр Великий».[3]

«Краткие записки разносчика» вскрывают то, что происходило в редакции. Раздражение Екатерины, видимо, было велико. Она приказала во что бы то ни стало найти сочинителя «Петра Великого» и, узнав имя ненавистного анонима, решила ясными намеками назвать его читателю и дать понять самому сочинителю, что имя его разгадано.

Как же выполнил свое намерение Рыжий Фролка? Фролка рассказал читателям «Собеседника» о том, как

---

[1] «Собеседник...», ч. VIII, стр. 30.

[2] Там же, стр. 29.

[3] Содержание статьи, ее цель, тон и стиль позволяют утверждать, что Рыжий Фролка — Екатерина. Так полагал и Добролюбов в своей статье «Собеседник любителей российского слова». См. Полное собрание сочинений, т. 1, ГИХЛ, 1934, стр. 91.

во время посещения одного дома, куда пришел за деньгами, он стал свидетелем спора придворных, армейских и гвардейских офицеров и писателей на тему: «Кто такой «Ни одной звезды во лбу не имеющий». Несколько человек, цитируя отдельные фразы из статьи «Петр Великий», утверждали, что автор ее не умеет писать по-русски «и всюду видно его пристрастие к французскому языку». Один писатель заявил: «Правда, душа моя... в этом passage весьма много глубокомысленности, и он точь-в-точь comme deux gouttes d'eau французского вкуса». Другой писатель сказал, что автор «пока по-русски не выучится, русским сочинителем быть не может». Хозяин издевался над несколько искаженной фразой из «Петра Великого»: «Мешает ли все сие, однакож, предпринимать Петру, доставить то совершенство, которого он его (народ) способным в *предведении* обозревает». Придравшись к слову «предведение», хозяин квартиры заявил: «В предведении, — продолжал он говорить с восхищением, — в предведении, этого никто не может написать, кроме вдохновенного французским духом». Офицер заключает этот спор: все сочинение «Петр Великий» «писано на французском языке, русскими словами». [1]

Обвинение сочинителя «Ни одной звезды во лбу не имеющего» в том, что он пишет «на французском языке русскими словами» — прямой и довольно прозрачный намек на то, что ему принадлежит и «Опыт российского сословника». А имя автора «Опыта» было известно, да и Фонвизин не имел оснований его скрывать. Стоит напомнить, что письмо Рыжего Фролки напечатано в девятой части, которая вышла 22 декабря, а уже с 21 октября начались заседания «Российской академии», куда Фонвизин и представил свой «Опыт российского сословника».

Но указанием на то, что сочинитель «Ни одной звезды во лбу не имеющий» есть в то же время автор «Опыта российского сословника», Рыжий Фролка не ограничился. Один из гостей, говорит Рыжий Фролка, выдвинул новую версию: «мудрено узнать, кто таков сей выхваляемый вами сочинитель, русский ли он или чужестранец, наш ли брат недоуч, экзекутор или священник, ибо в окончании своего сочинения говорит он: «Но слава дел Великого Петра,

---

[1] «Собеседник...», ч. IX, стр. 12—13.

равно как Екатерины, должна быть *посвященною* разумом особо на то рожденным». Посвящают в попы, а славу посвятить на русском языке ничего не значит... Но, как видно, он недавно пострижен во иерейский сан, то соделавшееся с ним ему прежде всего на ум и взбрело». [1]

Несомненно, фраза о том, что сочинитель «Ни одной звезды во лбу не имеющий» «недавно пострижен во иерейский сан», означает прямое указание на Фонвизина, автора «Поучения иерея Василия». Напечатано «Поучение» в той же седьмой части, где и «Петр Великий». Отсюда и выражение «недавно пострижен».

Все приводимые мною факты, указания, намеки довольно отчетливо свидетельствуют, что именно Фонвизин — автор сатирического письма к сочинителю «Былей и небылиц», подписанного псевдонимом «Ни одной звезды во лбу не имеющий», и статьи «Петр Великий». Эти произведения сатирика позволяют по-новому оценить полемику Фонвизина с императрицей.

В этой полемике в 1783 году было два этапа. Первый этап 28 июля — 16 сентября (напечатаны «Несколько вопросов» и «объяснения» Фонвизина, а также «Ответы на вопросы» Екатерины и рассуждения «дедушки»). Фонвизин в этих статьях раскрыл читателям, кто скрывался под именем сочинителя «Былей и небылиц». Он поставил на общественное обсуждение важнейшие политические вопросы, привлек к ним внимание, показал читателям, что Екатерина вовсе не хочет способствовать торжеству «истины». Планам Екатерины объединить литераторов, руководить ими, заставить строить ей алтарь — нанесен был сокрушительный удар.

Второй этап, 28 октября — 22 декабря, когда в ответ на письма «Ни одной звезды во лбу не имеющего» и статьи «Петр Великий» появились ответы «Читателя», Рыжего Фролки и многих других.

Статья «Петр Великий» посвящена острым вопросам. В те годы правительственная литература, действуя по указке, творила легенду о Екатерине — наследнице и преемнице Петра. Екатерина сама подчеркивала: именно она дала России то, что не дал Петр, — законы. Фонви-

---

[1] «Собеседник...», ч. IX, стр. 14—15.

зинская статья и разрушала легенду, угодную Екатерине. Он смело осуждал Екатерину, противопоставляя ее деятельность деятельности Петра. Писатель превозносит Петра за то, что Россия благодаря его политике превратилась в великую мировую державу. «В сорок лет царствования его мы приобрели флот, порядочное войско, торговлю и, наконец, все то, что нас между почтеннейшими народами отличает». Именно после этой оценки Петра Фонвизин с иронией пишет о Екатерине-законодательнице: «Да, *ежели и оставалось* премудрости Екатерины утвердить гражданское наше положение, *то мы не можем не усмотреть* из намерений сего государя, что одна тяжкая и долговременная война его лишь в том попечении нас лишила. Он времени не имел предписать законов; *но утвержденные при нем всегда исполнялись без всякого лицеприятия*». [1]

Писатель тонко и умно издевался над Екатериной: «Да ежели и оставалось премудрости Екатерины...» Редакция журнала поняла сатирический выпад и от имени «академического наборщика» сделала примечание: «О сем ни единый человек, имеющий чувства не поврежденные, не может усомниться; бессмертные деяния Екатерины то ясно доказывают». [2] Но у Фонвизина явно «чувства были повреждены». Сопоставляя Екатерину и Петра, он так умно строил фразы, что та или иная похвала Петру звучала как упрек Екатерине. Указав, что Петр времени не нашел предписать законы, «но утвержденные при нем всегда исполнялись», писатель как бы говорил читателю: а вот у Екатерины есть много времени «предписывать законы», да что толку в них, если они не исполняются. Любимцы Петра, сообщает далее Фонвизин, «обличены будучи в законопреступлениях», «бывали наказаны». О безнаказанных действиях любимцев Екатерины читатель и сам хорошо знал.

В 80-е годы тема Петра приобрела остро политический характер. Правительство готовилось к открытию памятника Петру, которое и состоялось в августе 1782 года. Памятник ставился по повелению Екатерины. Императрица открыто использовала авторитет Петра для

---

[1] «Собеседник...», ч VII, стр. 175. Курсив наш.
[2] Там же.

своего возвеличения. Отсюда и демонстративная надпись на памятнике — «Петру I — Екатерина II», великому — великая.

В этой связи и следует обратить внимание на выступление двух просветителей, Радищева и Фонвизина, со статьями о Петре. В 1782 году Радищев написал «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», где дал исторически верную и мудрую оценку Петра. «Письмо другу» — политическое сочинение. Радищев отказался от сопоставления правления Екатерины и Петра. Для него Петр, и только он, — монарх, много сделавший для блага России, только он «название великого» заслужил правильно. Через год со статьей «Петр Великий» выступил Фонвизин.

В «Собеседнике» были напечатаны без подписи еще два произведения Фонвизина: «Повествование мнимого глухого и немого» и при нем сопроводительное письмо, адресованное издателям журнала. Впервые на принадлежность этого «Повествования» Фонвизину указал С. Н. Глинка. В статье «Пример русского гостеприимства в новые времена» Глинка писал: «Остатки старинного русского гостеприимства прекрасно изображены фон-Визиным в сочинении, напечатанном в «Собеседнике любителей российского слова» под заглавием «Повествование мнимого глухого и немого».[1] Н. С. Тихонравов включил «Повествование» в состав подготовленного им первого тома сочинений Фонвизина.[2] После публикации Тихонравова никто из исследователей не обратил внимания на «Повествование». Справедливо ли приведенное выше свидетельство С. Н. Глинки? Оспаривать его нет никаких оснований. Глинка был знаком с Княжниным, Державиным, Херасковым, Козодавлевым, Дашковой и многими другими литераторами, участвовавшими в «Собеседнике». Из его мемуаров видно, что он рано начал интересоваться литературой, жил в детстве в литературной среде и потому мог знать о принадлежности «Повествования» Фонвизину

---

[1] «Русский вестник в пользу семейственного воспитания», 1815, кн. 2.

[2] См. «Материалы для полного собрания сочинений Фонвизина», СПБ., 1894. Следует отметить, что по недосмотру «Повествование» перепечатано в «Материалах» не полностью — взята часть, опубликованная в четвертом номере «Собеседника», но в седьмом номере было продолжение, не замеченное издателями.

из верных источников. Но, кроме авторитетного показания современника Фонвизина, у нас есть и ряд других свидетельств, подтверждающих принадлежность «Повествования» автору «Недоросля».

В «Повествовании» рассказывается биография рассказчика: детство он провел в деревне под Москвой, близ города Димитрова, воспитывал его отец. Но, как известно, Фонвизин до поступления в университет тоже жил в деревне под Москвой, и тоже близ Димитрова, и грамоте научил его также отец. Вряд ли это случайное совпадение.

Образ автора, нарисованный в «Повествовании», чрезвычайно близок Стародуму. Как и Стародум, он претерпел в течение службы своей «многие обиды, досады и несправедливости», получив навсегда «отвращение от большого света и от уз, кои, как он думал, налагает собою служба». Как и Стародум, он «честный человек», добивался «независимости», воспитывает в сыне «твердость», нужную для сохранения «титла честного человека». В «Повествовании» сравнивается прошедшее время с настоящим; ту же суровую оценку настоящего дает и Стародум в «Недоросле».

В «Повествовании» с фонвизинским юмором и сарказмом рисуются образы провинциальных помещиков Пимена Щелчкова («Он был мужик пресильный и человек преглупый, превеликого росту и пренизкого духу») и Варуха Язвина («Он был в равной степени бездушник и ханжа. Однажды украл он из нашего табуна двенадцать лучших лошадей и на другой день со всею своею окаянною семьею на тех же краденых конях отправился в Ростов богу молиться»).[1] По-фонвизински в рассказ, посвященный жизни провинциальных помещиков, введена тема двора. Покровителем Щелчкова был, оказывается, его «ближайший свойственник и нелицемерный друг», «дворцовый истопник Касьян Оплеушин, получивший свое прозвание по данной ему от гофкурьера оплеухи». По-фонвизински зло дана история карьеры дворцового истопника: «Оплеушин был такой мастер топить печи, что те, для которых он топил, довели его своею протекциею, наконец, и до штаб-офицерского чина». «Он скончался без предков

[1] «Собеседник...», ч. IV, стр. 124, 129.

и потомков, первый и последний в своем роде».[1] (Вспомним слова Скотинина: «Я, Тарас Скотинин, в роде своем не последний. Род Скотининых великий и старинный. Пращура нашего ни в какой герольдии не отыщешь...»)

«Повествование» вызвало раздражение Екатерины. Не понравилось ей стремление автора подчеркивать недостатки «нашего времени» и превозносить старину. Поэтому в «Былях и небылицах», помещенных в пятой части «Собеседника» (а первый отрывок «Повествования» был напечатан в четвертой), мы находим выпад против автора «Повествования». Автор, пишет Екатерина, «мысли и понятия о вещах, кои сорок лет назад имел, и теперь те же имеет, хотя вещи в существе весьма переменились».[2] Так как у автора, продолжает Екатерина, «понятие отстало и он к тому же понятию привык и далее не пошел, то о настоящем говорит он, как говаривал сорок лет назад о тогдашнем».

П. Н. Берков, убедительно доказывая, что Екатерина метила здесь в Фонвизина,[3] относит выступление Екатерины к Фонвизину — автору «Недоросля». В действительности Екатерина писала с раздражением об авторе не только «Недоросля», но и «Повествования», что видно из следующего ее замечания: «Он (человек, имеющий понятия те же, что и сорок лет назад) не едет жить в деревню, боясь разбойников по большой дороге, и о бывших говорит, как будто ныне состоялись. Поныне еще жалуются на несправедливость воевод и их канцелярий, коих, однако, уж нигде нет».[4] Это прямой намек на «Повествование». Именно там говорится и о разбойниках и о воеводах. Все обстоятельства убеждают нас в правильности свидетельства С. Глинки о принадлежности «Повествования» Фонвизину.

«Повествование» представляет особый интерес еще и потому, что оно являлось вторым, после «Отрывка путешествия» в деревню Разоренную Новикова, просветительским путешествием по России. Еще до начала своей

---

[1] «Собеседник...», ч. IV, стр. 125.

[2] Там же, ч. V, стр. 140.

[3] «История журналистики XVIII века», АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 337—338.

[4] «Собеседник...», ч. V, стр. 140.

работы над «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищев читал сатирическое сочинение, посвященное изображению провинциальных помещиков, местных чиновников, написанное в жанре путешествия. На опыт русских передовых писателей и опирался Радищев. И, как истый революционер, он преодолел и здесь ограниченность своих предшественников.

1783 год — важнейший в творческой жизни Фонвизина. Писатель сумел использовать «Собеседник» для своих политических целей. Проявляя поразительную творческую активность, он напечатал в журнале четыре сатирических сочинения, вступил в борьбу с Екатериной, написав несколько остро-политических сочинений («Несколько вопросов», «Объяснение», «Письмо к сочинителю «Былей и небылиц» и «Петр Великий»). Борьба просветителя с императрицей, развернувшаяся с 28 июля по 22 декабря 1783 года, имела огромное общественное значение. Пока шла борьба, популярность журнала росла, он привлекал внимание читателей. Номера «Собеседника», выходившие в 1784 году, были почти сплошь заполнены историческим сочинением Екатерины II. Издатели, начиная с тринадцатой части, снизили цену за журнал наполовину — с рубля до пятидесяти копеек. Но читатель не покупал журнал и за эту цену. Вскоре «Собеседник» был закрыт.

За свое поражение Екатерина жестоко отомстила Фонвизину. Первой ее жертвой в ее многолетней борьбе с просветителями и стал автор «Недоросля», «Нескольких вопросов» и «Петра Великого». После 1783 года все написанное Фонвизиным почти всегда запрещалось. Подготовленный им к 1788 году сатирический журнал «Стародум, или друг честных людей», содержавший в себе ряд замечательных произведений, среди которых находилась и «Придворная грамматика», не был разрешен к изданию. Лишь в 1786 году, да и то, видимо, по недосмотру властей, Фонвизину удалось напечатать повесть «Калисфен» в академическом журнале «Новые ежемесячные сочинения».

Но запугать русских просветителей не удалось. После 1783 года Новиков станет работать с еще большей активностью, деятельность его примет еще больший размах. В 1786—1787 годах в Петербурге начнет издаваться жур-

нал «Зеркало света», вокруг которого объединится новая группа русских просветителей. В конце десятилетия, в 1789—1790 годах, на поприще общественно-политической борьбы выступят со своими сочинениями два новых деятеля — Радищев и Крылов.

7

9 февраля 1786 года в Петербурге, в типографии Шнора, вышел первый номер нового ежемесячного журнала «Зеркало света». Семнадцать номеров составили первую его часть. На титульном листе второй части появилось извещение, что журнал издает Федор Туманский. Вызвано запоздалое сообщение тем, что по первоначальному проекту «Зеркало света» Ф. Туманский собирался издавать вместе с П. Богдановичем. Как сообщает А. Н. Неустроев, уже при подготовке первого номера между издателями возникли разногласия.[1] Расставшись с П. Богдановичем, Туманский стал издавать журнал самостоятельно.

Статья «О пользе наук», опубликованная в третьей части журнала (в № 36), имела программный характер: «Науки, — заявлял издатель, — как всем известно, тесную имеют связь с благосостоянием государства». Именно поэтому велика в жизни народа роль просвещения. «Просвещение есть источник благополучия владык государства и подвластных народов, из оного проистекают начала и основания законного градоправления и спасительные положения, которым всегда следовать будут, признавая их полезными и справедливыми».[2]

Человечество за свою историю обогатилось знаниями, которые помогают людям в их частной и общественной жизни. Вот почему издатель с возмущением говорит «о вредном положении» Руссо, выступившего против наук. Главное значение наук в том, что благодаря им «народ просвещается, исторгается из заблуждений», «горит неугасимою любовию к отечеству», и, наконец, «нау-

---

[1] А. Н. Неустроев, Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг., СПБ., 1875, стр. 388.
[2] «Зеркало света», ч. III, стр. 6.

кам уверен будучи, что благо государя есть благо отечества».

Вся программа носит воинствующе-просветительский характер. Выход «Зеркала света» знаменовал не только появление нового журнала, но и создание нового научно-литературного просветительского центра, органом которого и был журнал.

Федор Осипович Туманский родился на Украине в 1746 году. Живя в провинции, он внимательно следил за развернувшейся в конце 60-х — начале 70-х годов работой русских просветителей в Петербурге. Среди них был его земляк Яков Павлович Козельский, автор «Философических предложений». С 1770 по 1778 год Козельский, переехавший к этому времени на Украину, жил в Глухове и исполнял должность члена Малороссийской коллегии. С Малороссийской коллегией был также связан Федор Туманский; усиленно в это время занимаясь историей Украины, он работал в архивах Коллегии. Просветительская деятельность увлекла Туманского, и он задумал создать в Глухове украинский просветительский центр. Начинать он собирался с открытия книжной лавки, которая была бы связана с книжной лавкой Академии наук. Проведенный им опрос украинских «обывателей» убедил его, что на Украине можно открыть книжную торговлю. Для исполнения своего замысла Туманский связался с академиком И. И. Лепехиным. В результате ходатайства Лепехина Академия помогла Туманскому, и он создал в Глухове академическую книжную лавку. [1]

Открыв книжную лавку, Туманский стал предпринимать меры к созданию в Глухове своеобразного филиала Академии наук, или, как он выражался, «на первый случай академического собрания». Действуя по собственной инициативе, он обратился с письмом в Академию наук, к С. Г. Домашневу. На себя Туманский брал все хлопоты по устройству собрания, предлагал свою библиотеку, свои деньги. Создание собрания, по мысли Туманского, — дело частных людей. Среди «наук любителей» он полагал возможным собрать и необходимую сумму денег. «В сем

---

[1] См. письма Туманского к И. И. Лепехину в кн. В. П. Семенникова «Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей», СПБ., 1914, стр. 124—125.

случае, — писал он, — должно предоставить мне единственное усердное старательство приобрести оную ⟨сумму денег⟩ от благодетельствующих наук любителей, в чем я успеть не сомнюся, ибо и сам из полученного мною небольшого жалования часть определить не оставлю».

Будущий академический филиал должен был бы прежде всего содействовать созданию школ на Украине. Преподаватели школ были бы членами собрания. «Членам и директору сего собрания, — продолжал излагать свои взгляды Туманский, — до времени в жаловании нужды нет: оно будет состоять единственно из усердствующих охотников до заведения училищ, о коих оно стараться должно; а тогда натурально, что директор училищ будет директор и сего собрания, профессоры и учители училищ будут и члены сего собрания». [1]

План организации на Украине научного центра был выполнен только частично: Туманскому удалось открыть книжную лавку в Глухове и начать торговлю книгами по всей Украине. Создать академическое собрание Домашнев не разрешил.

Работая над историей Украины, Ф. Туманский связался с Академией наук, представляя ей отчеты о работе. В октябре 1779 года Академия наук избрала Туманского членом-корреспондентом.

В первой половине нового десятилетия Туманский покинул Глухов и перебрался в Петербург. Здесь-то он, наконец, и развернул широкую просветительскую деятельность. Установив связь с типографией Шнора, Туманский стал, с одной стороны, подготавливать публикацию своих научных исторических сочинений, с другой, занялся изданием новых журналов, объединив вокруг себя группу писателей, ученых и переводчиков. Из исторических сочинений Туманского заслуживает внимания десятитомное «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» — сборник документов о Петре, извлеченных Туманским из многочисленных архивохранилищ, а также из книжных источников. Труд пользовался успехом и в XIX веке. Белинский, сопоставляя

---

[1] В. П. Семенников, Материалы для истории русской литературы..., стр. 125.

«Собрание» Туманского с новым изданием документов о Петре, отдал предпочтение труду Туманского. В 1787 году вышло и оригинальное сочинение Туманского о Петре: «Полное описание деяний его величества государя императора Петра Великого». В 1786 году издана вторая часть труда П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям русской империи». Перевод с немецкого был осуществлен Туманским еще во время жизни в Глухове, когда он состоял в звании бунчукового товарища. В 1789 году Туманский напечатал патриотическое сочинение об Александре Невском: «Созерцание славныя жизни святого, благоверного великого князя Александра Ярославича Невского». Просветительский характер этой небольшой книжки определен в специальном обращении «К читателю»: «Малый из истории Российския опыт да будет принят читателями в доказательство моего усердия к отечеству. Александр Невский заслуживает больше быть знаем соотчичами, нежели токмо по одной святости».

С 1786 года Туманский начинает издавать журналы. В 1786—1787 годах — «Зеркало света» и «Лекарство от скуки и забот». В 1787 году — «Детский месяцеслов с краткою историею, географиею и хронологиею всеобщею и российскою и примечания из астрономии». В 1792—1794 годах выходил «Российский магазин», включавший в себя ряд исторических и публицистических сочинений Туманского. Журналы Туманского — замечательное явление в русском Просвещении.

Туманский выступил продолжателем Новикова. «Детский месяцеслов» появился на основе использования опыта «Детского чтения». «Собрание разных записок» продолжало новиковскую «Вивлиофику», «Российский магазин», заполнённый публикациями различных документов, отталкивался от новиковских исторических изданий типа «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева», «Скифской истории» и т. д. В предисловиях к своим изданиям Новиков призывал читателей сообщать ему хранящиеся в частных собраниях различные рукописные сочинения из истории России, благодарил тех, кто допускал его работать в книгохранилищах. К тому же призывал и Ф. Туманский. «Нужно спасти, что возможно», — заявляет он. Туманский благодарит Румянцева за помощь, за предоставление возмож-

ности пользоваться рукописным собранием. Следуя примеру Новикова, Туманский неоднократно обращался к читателям с призывом помочь изданию рукописей по истории отечества. «Любезные соотчичи! — писал он, — позвольте воззвать вас к открытию многих сокрытых источников, нужных к познанию России, драгоценного отечества нашего: потрудитесь ко благодарности современников и потомства извлечь из тьмы, а может быть и от гибели сохранить многие бумаги, относящиеся к гистории церковной, гражданской, естественной, к географии, к повестям, нравоучению, хозяйству, домостроительству, военному бывшему образу, обрядам, памятникам, редкостям, произведениям торговли, художествам, ремеслам, добродеяниям частных людей и существовавшим где-либо заведениям, наукам, рукоделиям, службе разных родов, и проч. и проч.» [1]

Заслуживает внимания фундаментальное сочинение Туманского, напечатанное в двух первых частях «Российского магазина»: «Описание Санкт-Петербурга». В историческом очерке дается подробное описание частей города; публикуется интересный материал о Петербурге 80-х годов. Туманский, в частности, собрал сведения о числе жителей, о купечестве и мещанстве, цехах и мастеровых, работавших в столице. Общее число жителей в 1790 году, по статистике Туманского, колеблется, в зависимости от времен года, от 250 до 300 тысяч. Из них купцов (русских и иностранных), именитых граждан, мещан было 10 903 человека, мастеровых и ремесленников русских — 2 358, иностранных — 1 223.

Издание Туманским патриотического журнала «Российский магазин» в 1792—1794 годах, выход в те же годы «Зрителя» и «Санкт-Петербургского Меркурия», подготовленных «Крыловым со товарищи», — свидетельство того, что и после разгрома русского Просвещения, учиненного Екатериной в 1790—1792 годах, русские просветители не сложили оружия и продолжали свою работу. [2]

---

[1] «Российский магазин», 1792, ч. I, стр. 545—546.

[2] Следует отметить, что эпиграфом к «Российскому магазину» Туманский поставил латинское изречение «Et fumus Patriax dulcis», дав его перевод: «И дым отечественный сладок». Это изречение, несомненно, со страниц «Российского магазина» перешло в державин-

Из всех изданий Туманского, несомненно, наибольшего внимания заслуживает его первый журнал, «Зеркало света». Выходя с февраля 1786 по декабрь 1787 года, он оказал влияние на работы Радищева, писавшиеся в это время.

На базе своего журнала Туманский объединил в Петербурге группу просветителей. Из них трое: сам Туманский, Николай Максимович Яновский и особенно некто, скрывший свое имя за инициалами Н. Д., [1] действовали наиболее активно. Именно их сочинения определяли идеологическую позицию «Зеркала света». Издатель привлекал и других писателей и поэтов как известных, так и молодых, начинающих. Семен Бобров напечатал в «Зеркале света» два перевода: оду Горация «К бландузскому ключу» («Зеркало света», ч. VI) и прозаическое сочинение Букингама «Храм смерти, или отчаяние любви» («Зеркало света», ч. VI). Иван Дмитриев предложил журналу свой перевод сочинения Мерсье «Философ, живущий у Хлебного рынка». Оно было напечатано в третьем номере журнала без указания автора и переводчика. О принадлежности перевода И. Дмитриеву известно из воспоминаний С. Глинки. [2]

Печатал Туманский стихи Карабанова, Кострова (главным образом поздравительные в честь Екатерины), свои собственные, очень плохие, поскольку поэтическим талантом он совсем не обладал. Вместе с тем журнал

ское стихотворение «Арфа», написанное в 1798 году: «Отечества и дым нам сладок и приятен». Грибоедов в «Горе от ума» изменил порядок слов в строке: «И дым отечества нам сладок и приятен»; в таком виде стих стал пословицей. Я. Грот, обративший внимание на эпиграф, ошибочно сослался на журнал «Российский музеум». В издании стихотворений Державина в Большой серии «Библиотеки поэта» эта ошибка повторена.

[1] Выдвигавшееся в научной литературе мнение, что Н. Д. — это московский переводчик сентиментальных романов Н. Даниловский, не убедительно и не подтверждено достоверными материалами.

[2] Глинка писал: «Во время военной службы своей Иван Иванович прибавлял к жалованью трудовые доходы, перевел первую часть Мерсьеровой «Картины Парижа» и его «Философа, живущего у Хлебного рынка». Сверх того, перевел он также с французского «Жизнь графа Панина». Две последние статьи помещены в «Зеркале света», издаваемом Федором Туманским» («Записки С. Глинки», СПБ., 1895, стр. 329).

привлекал, видимо, внимание и крупных поэтов того времени. Так, Капнист отдал в «Зеркало света» свои стихи «На переложение Омировой «Илиады». И, что особенно важно, Державин прислал из Тамбова новую и более радикальную редакцию своего переложения 81-го псалма («Властителям и судиям»). Туманский напечатал это одно из лучших гражданских стихотворений XVIII века. Державину же принадлежит речь, сказанная при открытии губернских учреждений «Однодворцем Петром Захарьиным», и ода, извлеченная из псалма 146-го. Печатались в журнале и произведения Княжнина, Грибовского и других.

Но не литературный отдел определял облик журнала, общественную позицию авторского коллектива, близкого издателю. «Зеркало света» имело постоянные отделы: политический, философский, библиографический. Каждый номер открывался отделом «Перечень известий», в котором помещались статьи политического характера. Туманский включал сюда часть официального материала — указы императрицы, представлявшие общий интерес, хронику внутренней жизни России. Но основное место в этом отделе занимали известия из разных стран, причем материал этот имел не только информационный характер. Вот сообщение из Америки: «В Пенсильвании уничтожена и запрещена продажа черных невольников, и между теми, кои уже свободу получили, примечается гораздо больше прилежания и трудолюбия, нежели между белыми простолюдинами».[1]

Политические события различных стран, народные восстания привлекали пристальное внимание Туманского. Иногда он ограничивался печатанием сухой информации: «В Мальте тлеет род возмущения».[2] «Между жителями острова Гренады возгорелись разные ссоры, и они близки к возмущению». События в Голландии были освещены в журнале довольно полно, с подробным комментарием к напечатанному известию: «Невзирая на сопровождаемые угрозами требования короля прусского и посредничество французского двора, мятежи, несогласия,

---

[1] «Зеркало света», ч. I, стр. 32.
[2] Там же, ч. II, стр. 128.

раздоры терзают республику».[1] Как истый просветитель, сторонник мирных путей социального преобразования, верующий в великую силу воспитания и мудрость просвещенного монарха, Туманский не одобряет вооруженной борьбы народов. «Защитники статгальтера признают буйствующих патриотов своими врагами, так, как сии их. Одни на других нападают и оружием решат, на чьей стороне справедливость». Завершается рассуждение следующим выводом: «Любовь ко отечеству не в том состоит, чтобы упрямо свое защищать право и желать все поставить на своем; она отличает того, кто блюдет благо своих соотчичей, ищет мира и тишины, доставляет каждому свободу пользоваться своею собственностию безопасно и научает собратию повиноваться беспрекословно спасительным законам. Где молчат законы, где брат ненавидит брата за то, что сей не так мыслит, как он, где оружие решит дела: тамо нет патриотов, всуе правители».[2]

Следуя новиковской традиции, Туманский помещал в политических известиях примеры «Добродетельных деяний» и простых людей и королей. Приведу несколько примеров: «Со удовольствием можно сообщать читателям добродетельные деяния: цена добродетели везде равна, и глас ее каждому приятен быть должен. Вот редкий пример в честь человечества принесенной жертвы: Плезенц, купец, близ реки Ямеса в Виргинии живущий, недавно даровал свободу всем своим неграм с их семейством, они стоят не меньше 15 тысяч рублей. Известно, что тамошние владельцы негров исключают из числа людей и, угнетая их в тяжкой неволе, собирают несчетные богатства».[3]

Сообщив читателю, что во Франции парламент сделал представление королю, который согласился с этим представлением и потому отменил ранее изданный им закон, Туманский дает следующую оценку этому акту: «Парламентские члены, сим его величества снисхождением ободренные, сделали тут же представление о некоторых для человечества обременительных податях и имели успех». Весь рассказ Туманский завершает следующим примечанием: «Подобные случаи весьма редки, но пребудут

---

[1] «Зеркало света», ч. IV, стр. 539.
[2] Там же, ч. VI, стр. 594—595.
[3] Там же, ч. II, стр. 298.

вечною славою для того, кто уважил пользу своих подданных и силу законов, и для тех, кои, говоря истину, не робели».[1]

Другим важным и интересным для читателя отделом журнала был критико-библиографический, называвшийся «Известия о книгах». Почти каждую пятницу читатель получал несколько заметок, в которых характеризовались новые произведения как русские, так и иностранные, излагалось их содержание, давалась оценка переводов и т. д. Туманский обращал внимание читателя не только на художественные произведения, но и на книги по истории, политике, педагогике, торговле, праву и т. д. Новшеством была оценка периодического издания — журнала «Растущий виноград». Главная особенность библиографии «Зеркала света» состояла в том, что она носила *рекомендательный характер*. Широко образованный человек, Туманский, следя за европейской научной и художественной литературой, рекомендовал читателям и переводчикам полезные книги. Особого внимания заслуживает рекомендация политических сочинений. В февральском номере журнала за 1786 год была напечатана рекомендательная статья о вышедших сочинениях Франклина («Доктора Вениамина Франклина политические, философские и другие сочинения»). «Франклин, — пишет Туманский, — прославился в нынешнем веке не менее личными своими заслугами, как и дарованиями разума. Будучи сначала простым токмо книгопечатником в Бостоне, соделался, наконец, важным человеком, орудием происшедшей в Северной Америке великой перемены».[2] Вслед за сочувственной характеристикой дается подробное описание всех шести частей собрания сочинений Франклина.

Прочтя во французском переводе известную книгу итальянского юриста Филанджери «Наука о законодательстве», Туманский написал следующую рекомендательную заметку: «Входя рассмотрением в разные ветви наук, должно перед всеми прочими, до целости общества касающимися, дать преимущество *правоведению*. Если хозяйство или экономическая наука к содержанию жизни

---

[1] «Зеркало света», ч. II, стр. 299.
[2] Там же, ч. I, стр. 62.

нашея нужна, то правоведение к ее безопасности необходимо. Знать наши права, знать права человечества, знать, что я кому и что мне кто должен, есть приятнейшее упражнение; человеки по естеству своему не все с добродетельными наклонностями: бывают преступники, судить их по самомнению было бы гневить творца и разрушить общество. Нужно знать важность преступлений и соразмерность наказаний. Сему-то учит правоведение: оно должно полагать пределы властей и пределы повинующихся законам сограждан. Законы не суть и не должны считаться бременем. Законы суть залог безопасности каждого, а предержащие власть или блюстители законов, т. е. государи, суть стражи нашего блага. Филанджери писал о сем на италианском языке, и его книга предлагается ныне в изрядном французском переводе. Кто не пожелает, чтобы все сию и подобные книги читали со вниманием, а паче, чтобы предстоящие престолу или имеющие в деснице своей власть решити и вязати поучались в правоведении день и ночь».[1] Так библиографическая заметка превращалась в политическую статью, в которой говорилось о правах граждан, популяризовалась идея, что есть «предел властям» и «пределы повинующихся законам граждан».

Душою журнала «Зеркало света» была философия. Десятки статей были посвящены актуальным проблемам этики. Почти в каждом номере печатались рассуждения на темы: «О чести», «О совести», «О счастии», «О человеколюбии», «О наслаждении», «Созерцание жизни нашей» и т. д. Все статьи подобного типа анонимные. Просветительские в своей основе, перекликавшиеся с статьями самого издателя, они, видимо, принадлежали также Федору Туманскому.

Но в философском отделе первое место занимают работы подписанные: это три произведения Николая Яновского — «Начало власти, чинов и достоинств между людьми», «О благополучии семейственном, или о блаженстве частныя жизни», «Честолюбие и богатство» и большое сочинение Н. Д., состоящее из семи статей-глав: «О человеке», «Философ», «Интерес, польза, корысть, выгода, прибыток», «О должностях человека, или о нравственной

---

[1] «Зеркало света», ч. V, стр. 543—544.

его обязанности», «Надежда», «О добродетели», «Порок». Эти статьи занимали в журнале ведущее место не только по количеству страниц (общий их объем 12—15 листов). Именно они определяли идейное лицо журнала.

Из статей Яновского особый интерес представляет первая — «Начало власти, чинов и достоинств между людьми», напечатанная в сентябрьском номере журнала за 1787 год. В конце статьи было указано: «Переводил Николай Яновский». Источник перевода не указан. Статья излагала в сжатом виде основы просветительской социологии, трактовала важнейшие проблемы взаимоотношения человека и общества, человека и власти. «А чтобы все граждане государства были равны, надобно, чтобы они равно были и полезны оному. Справедливый государь должен по необходимости вещей быть первым гражданином».[1] В статье мы находим такое определение власти: «Власть есть право управлять нашими делами, которую мы одобряем в тех, коих считаем способнейшими себя доставлять нам благополучие. Зависимость, покорность, повиновение без пользы есть истинное рабство. Власть, не доставляющая никакого блага и основывающаяся на едином насилии, есть хищение, несправедливость, тиранство, которым природа человеческая ежеминутно противится».[2]

Автор статьи неоднократно возвращается к мысли о праве человека восстать против «мучителей»: «Власть и начальство, какого бы свойства ни были, не могут иметь основанием чего другого кроме пользу, добро, оказываемое людям, словом, добродетель. По причине невнимательности к сему столь ясному основанию общество бывает преисполнено мучителей и угнетающих, кои, вместо того чтоб соделать счастливыми, злоупотребляют свою власть над рабами, которых природа побуждает восстать противу ига, их удручающего».[3] Яновского привлекли такие утверждения переводимого им автора: «Свобода есть власть избирать средства, необходимые для приобретения удовольствия и блага, нами желаемого», «Злое употребление свободы называется *нагло-*

---

[1] «Зеркало света», ч. VI, стр. 573.
[2] Там же, стр. 574.
[3] Там же, стр. 576.

стью, которая не только возмущает общество, но ещё вредит и самому тому, кто оную употребляет». [1]

Затронут в статье и такой важный вопрос, как право общества наказывать «неприятеля», того, кто стремится отнять у общества благополучие. «Если всякой человек, на коего нападает неприятель, имеет право защищать себя, то и общество без сомнения пользуется тем же правом». Отсюда делался важный политический вывод: «Всякой человек, наносящий вред себе подобным, разрывает связь общества и не имеет более никаких прав на покровительство законов. Самой государь, коего власть не имеет другого основания, кроме выгод и пользы, доставляемой им народу, коим он управляет, теряет все свои права и не имеет более подданных, как скоро нарушит должности праводетельности». [2]

Нетрудно заметить, что вывод автора статьи перекликается с известным фонвизинским положением о праве нации «разорвать свои оковы» и с радищевским примечанием к слову «самодержавство». Перекличка не случайна, ибо в основе всех подобных рассуждений лежит теория о договорном происхождении власти, развитая с особой остротой у Руссо и популяризировавшаяся во всей просветительской литературе, и в частности во французской и русской.

Семь статей Н. Д. составляли одно сочинение. Не сумев издать статьи отдельной книгой ни в конце 80-х, ни в 90-х годах, Н. Д. выпустил их в 1805 году. [3] «Ручная книжка» вышла анонимно, оказались снятыми даже инициалы «Н. Д.», которыми были подписаны все статьи в журнале «Зеркало света». Сличение двух изданий показало, что Н. Д. вторично опубликовал свою работу без каких-либо изменений.

В первой статье цикла, озаглавленной «Человек», Н. Д. дает обзор «Науки о человеке», останавливаясь на сочинениях Платона, Плутарха, Монтеня, Поппа, Шефтсбери, Мариво, Вольтера, Руссо, Гельвеция и других. Признавая заслуги «сочинителя Емилия», с глубоким

---

[1] «Зеркало света», ч. VI, стр. 581.

[2] Там же, стр. 597—598.

[3] «Ручная книжка человека и гражданина, или рассуждение о должностях общежития». В Санкт-Петербурге, в типографии Савинкова, 1805 год. С дозволения указанного.

уважением говоря «о бессмертном Гельвеции», Н. Д. делает следующий вывод: «все они разбирали человека», но «существительного истолкования: что есть человек и какие причины его составления суть следствиями преимуществ его перед прочими дыханиями, они нам не доставили».[1] Так что же, спрашивает Н. Д., «есть человек»? На этот вопрос, заявляет он, помогает ответить новая книга, найденная им в книжном магазине. «Таинственная» книга увлекла Н. Д., и, прочтя ее, он счел себя обязанным познакомить русского читателя с основными положениями ее автора.

Что же за «таинственная» книга попала в руки Н. Д.? Это сочинение Гольбаха «Социальная система, или естественные принципы морали и политики с обзором влияния правительства на нравы автора «Системы природы».[2]

Книга Гольбаха вышла анонимно в 1774 году. Ее-то и решился пропагандировать Н. Д. И не только он. Изучение статей, подписанных Николаем Яновским, показало, что статья «Начало власти, чинов и достоинств между людьми» есть перевод главы «Origines de l'autourité, des rangs, des distinctions entre les hommes» первого тома «Социальной системы» Гольбаха, а статья «О благополучии семейственном, или о блаженстве частныя жизни» — перевод главы «De la Felicité domestique, ou du bonheur dans la vie privée» из третьего тома того же сочинения.

Если Яновский переводил отдельные главы сочинения Гольбаха, то Н. Д. отнесся к своей работе творчески. В своей книге «Социальная система» Гольбах суммировал достижения просветительской социологии и политики и материалистического учения о человеке, давал систематическое изложение просветительского учения о нравственности. «Социальная система», написанная после «Системы природы», — вобрав в себя содержание этого

---

[1] «Зеркало света», ч. III, стр. 95.

[2] «Systême social, ou principes naturels, de la morale et de la politique avec un examen de l'influence du gouvernement sur les Moeurs. Par l'auteur du «Systême de la Nature». Londres MD CLXXIV. В. Сопиков первый указал, что Н. Д. переводил «Социальную систему». В «Опыте российской библиографии» под № 5265 после заглавия «Ручная книжка» Сопиков в скобках сообщил: «Из книги «Systême social». Это хотя и не совсем точное определение труда Н. Д. как перевода помогло последующему его изучению.

евангелия материализма, ставила новые вопросы социологии и этики и была богаче материалом. К сожалению, до сих пор «Социальная система» Гольбаха не переведена на русский язык.

Своими достоинствами «таинственная» книга и привлекла внимание Н. Д. Популяризируя учение Гольбаха о нравственности, заботясь о вооружении читателя такой этикой, которая бы определяла его общественное поведение, его участие в политической жизни родины, помогая в воспитании гражданина и патриота, Н. Д. определил следующую схему своего сочинения: учение о человеке, о значении философии, теория страстей, роль интереса, определение добродетели и, наконец, объяснение причин социального зла, общественных пороков и определение путей борьбы с ними. Учение о человеке, его страстях, нуждах, взаимоотношениях со средой развито с материалистических позиций. Определение добродетели и объяснение причин социального зла осуществлено на основе просветительских представлений о всесильном значении воспитания и о возможности мирным путем прийти к общественному блаженству. Несомненно, этической теории Н. Д., как и этике Гольбаха, свойственны абстрактность, антиисторичность.

В развитии просветительской идеологии и на Западе и в России были общие черты. Вспомним, например, как стало складываться просветительство во Франции. Вначале Вольтер и Кондильяк, а потом Гельвеций и Гольбах выступили пропагандистами, а порой и просто переводчиками сочинений английских просветителей и материалистов. Опираясь на английских материалистов Бекона, Гоббса и Локка, Гельвеций и Гольбах не ограничивали себя лишь изложением основ их учений, но систематизировали, дополняли, обогащали в соответствии с достижениями естественных наук в XVIII веке и тем самым поднимали материалистическую философию на новую ступень.

Тот же процесс мы наблюдаем и в русском просветительстве. И Козельский, и Ушаков, и Н. Д., а затем и Радищев считали себя обязанными познакомить русского читателя с тем лучшим, что выработало человечество в области философии. А лучшим во второй половине XVIII века были материализм, социология и учение

о нравственности французских просветителей. Но, пропагандируя сочинения Гельвеция, Гольбаха и Руссо, русские просветители отметали то, что не соответствовало условиям русской жизни, русскому освободительному движению, не совпадало с их пониманием путей социальных изменений в отечестве и нравственного воспитания человека. Н. Д., человек обширных научных знаний, знакомый с античными и современными философами, счел необходимым опереться на лучший «мыслительный материал», который был выработан его предшественниками к 70-м годам XVIII века. Русская жизнь, русское просветительское движение обусловили то, что Н. Д. из всех предшественников выбрал Гольбаха, отнесся с вниманием и любовью к его сочинениям.

Характер настоящей работы не позволяет подробно остановиться на философском сочинении Н. Д. Оно заслуживает специального исследования. Я рассмотрю лишь две проблемы: характер использования Н. Д. «Социальной системы» Гольбаха и значение философского выступления Н. Д. для Радищева.

«Социальная система» Гольбаха состоит из трех томов, общим объемом около тридцати шести печатных листов. Сочинение Н. Д., разделенное на семь глав, насчитывает десять — двенадцать листов. Часть глав, например «Философ», «Надежда», — оригинальны; другие главы — перевод из Гольбаха, но перевод особый, поскольку в текст или вводились многочисленные дополнения и вставки, или исключались из него отдельные фразы, иногда целые абзацы; третьи, как, например, статья «Интерес, польза, корысть, выгода, прибыток», — это обобщенное изложение важнейших положений теории нравственности Гельвеция и Гольбаха. В статью Н. Д. «О человеке» включены важнейшие места из шестой и четырнадцатой глав первого тома «Социальной системы». Статья «О должностях человека, или о нравственной его обязанности» возникла на основе перевода и пересказа седьмой главы Гольбаха, статья «Добродетель» построена на материале восьмой и десятой глав и, наконец, статья «Порок» воспроизводит одиннадцатую главу. Две последние, самые крупные статьи, «Добродетель» и «Порок», имеют наибольшее число дополнений Н. Д., причем дополнения всегда носят принципиальный характер.

Внимание Н. Д. привлек прежде всего первый том «Социальной системы». Яновский переводил не только из первого, но и из третьего тома. Несомненной слабостью пересказов Н. Д. было исключение всех антицерковных выпадов Гольбаха. Характерной особенностью их были и оговорки о политическом режиме России, которыми Н. Д. сопровождает текст Гольбаха. Приведу примеры таких оговорок. У Гольбаха сказано: «Хорошие граждане могут быть только при справедливом правительстве; оно делает счастливым общество и его членов при помощи тех выгод, которые члены общества имеют право от него ожидать». Н. Д. пишет так: «Граждане добрыми быть могут во всей полности слова под правлением только правосудным, разумным, кротким, каковым мы теперь счастье имеем наслаждаться, пользуясь всеми теми выгодами и средствами, помощью которых благоразумный и добрый гражданин без малейшей тягости легчайшим образом соделать может свое истинное благоденствие».[1]

В другом месте точно такая же оговорка. Сначала высказана важная мысль об условиях, при которых народ бывает благополучным: «О, сколь благополучен тот народ, над коим царствуя, мудрый человек всю власть свою, и самую беспредельную, употребляет только на снискание верных способов сделать его блаженным, не щадит ни своих трудов, ни своих попечений о его благополучии, о его обогащении, жертвует своим покоем для утверждения спокойствия своего народа, кроткою рукою и с возможною нежностью отымая завесу невежества с очей своих подданных, открывает им надежнейшие пути к истинному просвещению».

После этой декларации идет совершенно формального характера приписка: «Стоит нам на себя беспристрастным взглянуть глазом, чтобы увидеть ясно, что мы теперь точно в сем счастливейшем положении находимся».[2]

Подобные приписки и оговорки явно носили формальный характер и продиктованы были цензурными обстоятельствами. Стоит вспомнить в этой связи, например, конец радищевской статьи «Беседа о том, что есть сын оте-

---

[1] «Зеркало света», ч. III, стр. 316.
[2] Там же, ч. V, стр. 428.

чества», напечатанной в 1789 году в «Беседующем гражданине»: «Весьма те ошибутся, которые почтут сие рассуждение тою платоническою системою общественного воспитания, которой события никогда не увидим, когда в наших глазах род такового точно воспитания и на сих правилах основанного введен богомудрыми монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи оного, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами».

Уже из приведенных примеров видно, что Н. Д. относился к тексту книги Гольбаха свободно. Встретив у Гольбаха важную мысль об отношении гражданина к отечеству, Н. Д. переводит одобряемый им отрывок: «Гражданин не может любить свое отечество как только тогда, когда оно доставляет ему желаемые выгоды и спокойствие; если же он ничего от него не получает, то и привязанности к нему не имеет, когда же еще от него видит притеснение, несправедливость, терпит прискорбность и огорчение, то сердце гражданина совсем от него отвращается». Эти строки — дословный перевод из Гольбаха. Но дальше Н. Д. приписывает свое заключение: «А сие отвращение ожесточает сердца и бывает бедственною причиною страшных общественных несчастий».[1]

Определение добродетели и добродетельного человека у Гольбаха было обобщением всего до него написанного материалистами. Отлично знакомый с книгами Гельвеция и Дидро, Н. Д. видел в сочинениях Гольбаха итог достигнутого просветителями, и, принимая его, он считал себя обязанным его популяризировать, но, переводя одобренное им определение добродетели, он слегка дополняет его: «Добродетель в самом существе не что иное есть, как совершенное общежитие. Один только добрый человек есть бытие прямо общежительное, то есть такое, которое строжайшим образом выполняет все обязательства истинного члена общества и в том находит полное и спокойное благосостояние. Злой человек есть всегда бытие необщежительное и нелюдимое. Порочный человек есть тот, который старается только о удовлетворении своих развратностей, своих необузданных страстей, не помышляя нимало о том, что он тем производит в своем круге раз-

---

[1] «Зеркало света», ч. III, стр. 315—316.

вращение нравов, соблазн и самый вред, нарушает правила нравственности, до тишины общественной касающиеся. Порочный человек есть сам себе злодей».[1]

В своем сочинении Н. Д. использовал не только «Социальную систему» Гольбаха, но и его другую книгу «Система природы», опирался на сочинения Гельвеция, на философские статьи «Энциклопедии». Показывая стремление Н. Д. пропагандировать философию французских просветителей, важно в то же время отметить, как во многом теория нравственности Н. Д. отличалась от их этики. Обращу внимание всего лишь на один вопрос — как Гельвеций и Гольбах определяют общественное поведение человека. Неверие в революцию, надежда на просвещенного монарха приводили к тому, что учение просветителей о зависимости человека от условий своего бытия неожиданно оборачивалось против трудящегося человека. С одной стороны, это учение было объективно революционным. Раз человек зависит от общественных и социальных обстоятельств, в которых он живет, надо, значит, чтобы несправедливый строй и неразумные обстоятельства были уничтожены и заменены разумными. Но, с другой стороны, социальные и политические перемены в стране должны быть сделаны волей просвещенного монарха, а не энергией человека. Человек же, страдая от неразумных обстоятельств, не только не выступает против них, но, по учению просветителей, и не может выступить, поскольку его мораль определяется теми же условиями жизни. Поэтому, если добродетель, по Гельвецию и Гольбаху, невыгодна человеку, то он и не будет добродетельным. Если в обществе поощряется зло, то выгода, которой руководствуется человек, заставляет его быть злым.

В лучшем случае человек, усвоивший правила добродетели, осуществляет их в своей частной жизни. Но он никогда не может выступить *борцом* с пороками, с античеловеческими обстоятельствами за торжество добродетели в обществе. Гольбах, например, признает: «Человек не может быть добродетелен в одиночку»; «Быть добродетельным, это значит, следовательно, видеть свой интерес в том, что совпадает с интересами других людей; это

---

[1] «Зеркало света», ч. V, стр. 418—419.

значит наслаждаться благодеяниями и удовольствиями, которые доставляешь им».[1]

В «Системе природы» приведено «Резюме кодекса природы». Этот лаконически сформулированный кодекс морального поведения человека и положен в основу «Социальной системы»: «Будь справедлив, потому что справедливость — опора человеческого рода. Будь добр, потому что доброта привязывает все сердца. Будь снисходителен, потому что ты сам слаб и живешь с существами столь же слабыми, как и ты. Будь мягок, потому что мягкость порождает привязанность. Будь признателен, потому что признательность кормит и питает доброту. Будь скромен, потому что гордость задевает самолюбие людей и возмущает их. Прощай оскорбление, потому что месть только увековечивает вражду. Твори добро своему обидчику, чтобы показать ему, что ты выше его».[2]

Кодекс завершается следующим выводом: «Если твое несправедливое отечество отказывает тебе в счастье; если, подчиняясь неправедной власти, оно допускает, чтоб тебя угнетали, — покинь его молча, не заводи в нем никогда смут».[3]

Итак, ограничивай свою деятельность домашним очагом, будь добродетельным «в своей сфере», будь в стороне от широкой дороги жизни, терпи, прощай обидчика, а когда не станет сил терпеть притеснения, покинь отечество, позаботься о себе, оставь соотечественников пребывать в угнетении.

Заявление Гольбаха не случайность: вспомним, что то же писал Руссо в «Эмиле»: «Рассмотрев себя в своих физических отношениях к другим существам, в своих моральных отношениях к другим людям, ему ⟨Эмилю⟩ остается рассмотреть себя в своих гражданских отношениях к своим согражданам. Для этого ему нужно начать с изучения природы правительства вообще, различных форм правительства и, наконец, того именно правительства, под властью которого он родился, чтобы решить, стоит ли ему продолжать жить на родине; так как в силу неотъемлемого права каждый человек, становясь взрос-

---

[1] Гольбах, Система природы, М., 1940, стр. 186.
[2] Там же, стр. 439.
[3] Там же, стр. 440.

лым и господином самому себе, становится также волен отказаться от договора, которым он связан с общественным союзом, покинув страну, где этот последний установился... Он приобретает право отречения от отечества, как от отцовского наследства». [1]

В подобных суждениях с особой яркостью проявляется историческая ограниченность и слабость этических теорий и Руссо, и Гельвеция, и Гольбаха. Социальный же смысл ограниченности этической теории в том, что она строилась на основе буржуазного индивидуализма. В условиях, когда буржуазия была гегемоном в развернувшейся антифеодальной борьбе, буржуазный метод утверждения личностью своих прав неизбежно провозглашался единственным путем, который к тому же объявлялся естественным, свойственным человеку от природы. Это неоднократно отмечали Маркс и Энгельс. «...Теория Гольбаха, — писал Маркс, — есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда во Франции буржуазии, чью жажду эксплоатации еще можно было изображать как жажду полного развития личностей в общении, освобожденном от старых феодальных уз. Впрочем, освобождение, как его понимает буржуазия, т. е. конкуренция, была для XVIII века единственным возможным способом открыть перед индивидами новое поприще более свободного развития». [2]

Важным в этическом учении Н. Д. был принципиальный отказ от ориентации на просвещенного монарха и от этики французских просветителей, обрекавшей человека на пассивность, на равнодушное созерцание общественного зла из недр своего очага.

Н. Д. обращается к относительно широким кругам читателей журнала. Автор считает, что нравственность должна вооружать соотечественника, делать его сильным, способным противостоять любым трудностям. Он считает, что человек не должен быть пассивной жертвой, ждущей, когда монарх облагодетельствует его. В системе нравственного воспитания нет места просвещенному монарху, никто не ждет его милостей, достижение общественного

---

[1] Ж. Ж. Руссо. Эмиль, или о воспитании, СПБ., 1913, стр. 463.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, стр. 397.

и личного блаженства — дело самих людей, всего общества, каждого человека. Всесильно лишь воспитание. «К оскорблению человечества есть, однакож, довольно таких человеков, которые, предавшись единому люблению самого себя, взирают на страждующего в бедности и несчастии ближнего своего, не чувствуя движений сердца и действий сострадания. Сие происходит не от одного жестокосердия или окаменелой нечувствительности, сравнивающей человека с несмысленным скотом, но по большей части от того, что при воспитании не внушены ему правила братолюбия, обязанности к ближнему, священных должностей общежительного бытия, не посеяны в сердце его семена жалости, снисхождения, сострадания, человеколюбия, не истолковано ему о цепи, связывающей человека с человеком».[1]

Цикл статей Н. Д. завершался указанием на то, что единственным путем к утверждению общественного блаженства, к соблюдению каждым человеком основ истинной морали является воспитание: «Сие все поселять в сердца человеков должно при их воспитании; от него прямо зависит и счастливая и несчастливая участь человека».[2]

Ставка на воспитание, использование для пропаганды своего учения еженедельного журнала, прямое обращение к читателю со своим учением — все это было продолжением тех традиций, зачинателями которых до Н. Д. и Туманского выступили Курганов и Новиков. Выпустить не столько книгу, которая была бы «скрижалями» для будущего монарха,[3] завещанием философа, мечтающего спасти человечество, сколько журнал, который сейчас, сегодня, расходясь по России, будет «поселять в сердца» необходимые правила — таково было намерение просветителей. Так различие политических концепций, общественных исторических условий России и Франции опре-

---

[1] «Зеркало света», ч. IV, стр. 278—279.

[2] Там же, ч. VI, стр. 647.

[3] Гельвеций, например, свое сочинение «О человеке» посвятил Екатерине: «Екатерина II, Фридрих желают стать любимцами человечества; они понимают цену истины: они побуждают говорить ее; они ценят также и усилия, делаемые, чтобы ее открыть. Таким государям я посвящаю этот труд; они должны просветить мир». (К. А. Гельвеций, О человеке, М., 1938, стр. 3).

делило и различие в формах пропаганды учения французских и русских просветителей.

Сочинение Н. Д. — крупное событие в идейной жизни России. В нем была разработана теория нравственности, вооружавшая русских людей в их борьбе за лучшее будущее. Сочинение Н. Д., пропагандируя Гольбаха, открыто выступало против реакционно-охранительной идеологии, идеализма и мистицизма. Но в своей работе Н. Д. опирался и на лучшие произведения русской просветительской мысли. Определяя, например, добродетель, указывая на путь деятельности человека, создавая идеал человека, Н. Д. использовал и «Философические предложения» Козельского, и философские статьи Новикова, и произведения Фонвизина — «Недоросль» прежде всего.

Ратуя за воспитание как главный путь общественного и социального обновления отечества, русское Просвещение не могло не определить идеал человека, который в конечном счете складывался на основе живой исторической деятельности русского народа. При этом следует отметить, что представление русских просветителей о человеке было лишено абстрактности. Ломоносов в своих одах писал не только о величии и благе России, но первым создал образ героя — русского патриота, которым он сделал реального деятеля — Петра.

Не «естественный», не «природный», не частный человек, лишенный своей национальной обусловленности, а реальное историческое лицо, русский человек, сделавший бесконечно много для своего отечества, человек, чье патриотическое чувство обусловливало его человеческое достоинство. Как мудр и верен был этот выбор Ломоносова, показала вся дальнейшая судьба петровской темы в русской литературе. Чернышевский отметил и подтвердил это: «Для нас идеал патриота — Петр Великий; высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека».[1] Особенностью русской литературы и было внимание к реально существовавшим, конкретным историческим деятелям России. Их жизнь, их дела, их чувства звучали вдохнов-

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, Гослитиздат, М., 1947, т. III, стр. 136.

ляющим примером, их подвиги и труд жизни определяли их положение как героев искусства. Вслед за ломоносовским Петром появились державинские герои — Румянцев, Суворов, русский солдат, покрывший себя неувядаемой славой. Одновременно с Державиным Радищев сделал героями своих произведений Ломоносова, Ермака, Федора Ушакова. Эта традиция была мощно подхвачена декабристами («Думы» Рылеева), Пушкиным, Герценом, Толстым и т. д.

Герцен считал, что только «в разумном, нравственно-свободном и страстно-энергическом деянии человек достигает действительности своей личности и увековечивает себя в мире событий. В таком деянии человек вечен во временности, бесконечен в конечности, представитель рода и самого себя, живой и сознательный орган эпохи». [1] Чернышевский так определил меру цены достоинств личности, выработанную русской литературой: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма». [2]

Усвоенный Новиковым ломоносовский образ русского героя — деятеля, патриота, сына отечества, россиянина — был обогащен им. Герой новиковских очерков в журналах — Правдулюбов, Путешественник, Издатель «Трутня» — не просто русский человек, но и дворянин, сострадающий положению крепостных, ненавидящий жестоких помещиков, ставший на путь отважного обличения паразитизма дворян, их своекорыстной, варварски жестокой и бессмысленной жизни.

Ломоносовский герой велик своим подвигом во славу России, своим патриотическим восторгом, своей гордостью могучим отечеством. Новиковский герой — человек, негодующий на несправедливость, человек, сочувствующий «крестьянскому состоянию», переполненный чувством участия, возмущения, скорби. Мерой личных качеств, индивидуальных особенностей и неповторимых достоинств

---

[1] А. И. Герцен. Избранные философские сочинения, М., 1940, стр. 50.

[2] Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, Гослитиздат, М., 1947, т. III, стр. 137.

человека Новиков объявляет его общественную активность, готовность вмешаться в несправедливые социальные отношения, заинтересованность в судьбах других людей и, наконец, сочувствие хлебопашцу, находящемуся в рабстве. Социальные эмоции определяют духовный облик новиковского человека.

В 80-е годы идеал человека, выработанный русскими просветителями, нашел свое замечательное воплощение в образе Стародума. Так же как и у Новикова, Стародум — деятель, бесстрашный человек, патриот, вдохновляемый идеей общественного служения, ненавидящий рабство («угнетать рабством себе подобных беззаконно», — говорит он), проявляющий такие качества души, как твердость характера и независимость в мнениях, независимость даже от мнений двора и императрицы. Стародум не только патриот, умеющий защищать свое отечество от врагов, но и мечтающий о политическом и социальном его обновлении. Сила образа Стародума в его жизненности. Зрители потому и приветствовали бурно монологи Стародума — Дмитревского, что отлично понимали: Стародум — это не ходячие моральные прописи, это не абстрактное собрание добродетелей. Нет, в его поступках, мыслях, делах они узнавали и угадывали черты реальных деятелей русского Просвещения, мужественно боровшихся против самодержавства Екатерины.

Н. Д. — философ, и потому стремится определить те требования к человеку, которые он должен воспитывать в себе, чтобы стать истинным гражданином, сыном отечества. Формулируя нравственный кодекс, Н. Д. прибегает к Гольбаху: «Справедливость требует, чтоб человек был обществу полезен для того, что оно ему самому полезно и нужно. Признательность есть правило справедливости и чувствование благорасположенного и честного сердца; признательность также требует от человека, чтобы он за все благодеяния, от своего отечества получаемые, не щадил бы себя на его служение: одним словом, все нас обязывает служить по силе и способностям нашим отечеству и вспомоществовать, сколько есть в нашей возможности, благоденствию наших сограждан и всему роду человеческому. *Повторю еще, что в приносимой или творимой нами ближнему и обществу полезности*

состоит достоинство и величие человека и самая добродетель».[1]

Из признания человека «бытием общежительным», из требования быть полезным обществу вытекало учение о сострадании. «Сорадоваться в счастии ближнему, сострадать ему в несчастии, соединять свои слезы с его слезами, — пишет от себя Н. Д., — есть действие нежного и чувствительного сердца; не быть тронуту при видении страждущего в бедствии подобного себе человека, взирать равнодушно на проливающего в стенании горькие слезы есть действие окаменелости, скотской и недостойной человека нечувствительности».[2]

Человек должен быть активным, стремиться оказать помощь «страждущему», «притесняемому». Но исполнение долга гражданина в обществе, где существует несправедливость и угнетение, чрезвычайно трудно. Так возникала необходимость воспитания неустрашимости духа и твердости характера. Здесь Н. Д. было на что опереться: и на учение Гольбаха и Гельвеция и на опыт русских просветителей. Как известно, Фонвизин о неустрашимости духа писал подробно в комедии «Недоросль». В сцене выведены Стародум и Милон. Стародум спрашивает, в чем состоит «прямая неустрашимость», по мнению Милона. Вот его ответ: «Я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим военачальник. Он с холодной кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устрашается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следственно, не в том, чтоб презирать жизнь свою: он ее никогда и не отваживает; он умеет ею жертвовать».

Стародум требует ответа на новый вопрос: свойственна ли неустрашимость и другим состояниям людей? Подготовленный Стародумом ответ Милона лаконично формулировал важнейшие черты нравственного кодекса русского Просвещения: «Она добродетель; следственно,

---

[1] «Зеркало света», ч. V, стр. 382—383. Курсив наш.
[2] Там же, стр. 375.

нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою наряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневать? Судья, который, не убоясь ни мщения, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах — герой».[1]

Эти слова прозвучали со сцены в 1782 году. А в 1784 году Новиков в статье «О воспитании и наставлении детей» в числе важнейших добродетелей определил неустрашимость, твердость характера. «Наконец, — писал Новиков, — *научайте их терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастии, смелости и неустрашимости во всяких обстоятельствах.* Сии свойства и добродетели в нынешнем состоянии нашем необходимо нам нужны. Кто не научился страдать с равнодушием, кого всякое небольшое приключение потрясает и ввергает в уныние, кто ужасается и дрожит от всякой угрозы, от всякого вида опасности, тот не достигнет высокого степеня в нравственном совершенстве, и благополучие его подвержено весьма многим и скорым переменам. Терпеливый только, постоянный, неустрашимый способен к преодолению трудностей, обретаемых иногда на пути должности и праводетельности, к сопротивлению стремительной реке владычествующей гибели и к сохранению невинности своея и спокойствия духа при всех переменах и искушениях внешнего счастия».

Воспитывать характер следует не столько внушением, сколько примером: «Показывайте им (детям. — *Г. М.*) собственным вашим поведением, что вы умеете и в несчастии успокаиваться и с твердым мужеством идти на неизбежную опасность».[2]

О твердости духа подробно писал и Н. Д. В статье «О добродетели» Н. Д. дословно переводит из X главы

---

[1] «Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина», СПБ., 1866, стр. 93.

[2] «Прибавление к «Московским ведомостям», 1783, «О воспитании и наставлении детей», раздел второй — «О образовании сердца».

первого тома «Социальной системы» Гольбаха определение «твердости духа»: «Твердость духа есть расположение полезное, похвальное, подражания достойное и добродетельное, когда сим именем означают ту храбрость, силу, ту великость духа, которая возбуждает доброго гражданина *исполнять священный свой долг* (подчеркнутые слова вставлены Н. Д. от себя. — *Г. М.*), служить своему отечеству, пользе его жертвовать собою, защищать его с потерянием своея жизни от внешних и внутренних злодеев (слово «внутренних» вставлено Н. Д. — *Г. М.*), нарушителей общего покоя и благоденствия. Когда она в самых труднейших и опаснейших случаях возвышает сердце человека и не допускает его до падения или до унижения. Когда она надежнейшим образом присоединяет человека к истинной добродетели, отметая всякий пример, всякое прельщение, могущее его поколебать и принудить сделать что-либо противное правоте и истинному разуму. Человек, носящий в себе сердце, напоенное таковою твердостию духа, есть бытие почтения достойное, любезное. (Эта сентенция принадлежит Н. Д. — *Г. М.*). Слабый человек, без характера, без твердости духа, без правил, по которым он деяния и поведения свои располагать должен, есть бытие несчастное, жалкое, а часто вредное». [1]

Теоретическое рассуждение о твердости духа, переведенное Н. Д. из Гольбаха с небольшими вставками, завершается размышлением о тех трудностях, которые ожидают человека, желающего защитить утесненных в рабском государстве, о том, каким спасительным качеством может быть в сложившихся условиях твердость духа. Заключение статьи оригинально, оно принадлежит Н. Д.

«Надобно иметь много твердости духа, чтоб быть добродетельну в той земле, где добродетель ненавидима или в посмеянии, где порок, опираясь на развращении, гордым и презрительным глазом взирает на смиренную и молчаливую добродетель, как на своего непримиримого злодея, а часто и попирает ее ногами без малейшей жалости. В развращенном необузданными пороками обществе, каковыми свет изобилует, сохранить всю чистоту нравов, устоять против разнообразных прельщений, быть

[1] «Зеркало света», ч. V, стр. 377—378.

справедливу, быть добродетельну во всей силе слова есть дело прямо твердого и великого духа».[1]

Но самой важной частью заключения является та, в которой высказывается мысль, что в государстве, где нет свободы, твердость духа оказывается только *страдательной,* то есть проявляется лишь в терпении, в бессловесной покорности тем правителям, которые отняли вольность у людей. Русские просветители, сторонники мирных путей социальных преобразований, отрицавшие так же, как и французские просветители, путь революционной борьбы, начинали понимать трагизм своего учения. Они видели, что их учение не помогает людям разорвать оковы, надетые на них «начальниками зла», «неприятелями», остается в сущности никому не нужной теорией.

«К несчастью нашему по правилам большей части законов света подобная непоколебимость или твердость духа должна исключена быть из числа добродетелей, потому что она во всем своем величии не может быть согласна с теми правилами особливо, которые, покоряя себе человеческое сердце, отъемлют у него все силы, всю вольность, все напряжения, а если они и могут сносить какую-либо твердость духа, то не иначе как такую, *которая должна непременно быть страдательная, и такая, коей все достоинство состоит в том, чтобы глупо, подло и безмолвно сносить всю тягость оков, которыми несправедливость, суеверие, бесчеловечие и безрассудность удручают род человеческий и тем самым совершают истинное его несчастие».*[2]

Подобное заявление Н. Д. представляет исключительный интерес потому, что свидетельствует о зрелости русской политической мысли, о мучительных поисках русскими деятелями такой теории, которая бы практически помогла страждущим в неволе людям, вооружила их, звала на борьбу, сливалась бы с практикой. Статьи Н. Д. говорят о кризисе политической теории русских просветителей. Как значителен и плодотворен был этот кризис, показывает появление на исторической арене Радищева. В конце десятилетия он создавал свои революционные произведения, вырабатывал революционную

---

[1] «Зеркало света», ч. V, стр. 379.

[2] Там же, стр. 379—380. Курсив наш.

теорию, которая должна была вывести просветительскую мысль из тупика.

Из сказанного ясно, что русское Просвещение достигло в 80-е годы, несомненно, больших успехов, что оно стало могучим идеологическим фронтом, что оно одержало немало побед и в области литературы, и в области социологии, и в области педагогики, и в области философии — в теории нравственности прежде всего, и, наконец, в области политики. Понять исторически-конкретное место Радищева в идейной жизни России последней четверти века можно, только рассматривая его в русле развития русского Просвещения 60—80-х годов. Убеждения Радищева формировались под влиянием роста антифеодальной борьбы народных масс, обострения противоречий между крепостными и помещиками и достижений русской просветительской мысли. Усвоив достижения русских просветителей, Радищев преодолел их политическую теорию, вооружил Просвещение идеей народной революции. Изучение русской просветительской мысли свидетельствует, как ход исторического процесса подготавливал Радищева, как, отталкиваясь от достигнутого, он смог создать свою революционную теорию. Именно после пугачевского восстания, в пору наивысшего расцвета русского Просвещения, и формировались революционные взгляды Радищева.

8

Основная часть литературного наследия Радищева падает на 80-е годы. С 1780 года он начинает писать художественные произведения. Первым было «Слово о Ломоносове». В 1781—1783 годах создается ода «Вольность» — как прямое обобщение опыта народных движений. В 1782 году, под непосредственным впечатлением открытия памятника Петру, Радищев пишет «Письмо другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Во второй половине десятилетия главной оказывается работа над «Путешествием из Петербурга в Москву» и «Житием Федора Васильевича Ушакова».

Помимо художественных произведений, в бумагах Радищева найдено множество других сочинений, посвященных экономике, законодательству, истории. Сохрани-

лись и отдельные разрозненные заметки, касающиеся различных вопросов. Все они свидетельствуют об огромной по масштабу и напряженной по характеру писательской деятельности Радищева. Произведения, подготовленные Радищевым к печати и опубликованные, были итогом и результатом его идейных исканий. Сочинения, не завершенные и не опубликованные при жизни Радищева, запечатлели процесс формирования мировоззрения Радищева, характер, направление и разносторонность его научных интересов.

Каковы же политические взгляды Радищева, сложившиеся в 80-е годы и нашедшие свое воплощение в его произведениях, которые после опубликования оказались этапом в развитии русской общественной мысли и русской литературы? Радищев — просветитель и первый русский революционер. Русское Просвещение прошло через два этапа развития. Рубеж — крестьянская война 1773—1775 годов. Важнейшим событием в политической жизни страны 60-х годов была деятельность Комиссии для составления проекта Уложения. Убеждения просветителей: Новикова, Якова Козельского, Фонвизина, Курганова и других складывались именно в те годы. Демократические по своему существу, они, отразив интересы и чаяния крепостного крестьянства, запечатлели также слабейшие стороны народного самосознания. Отсюда вера в «хорошего царя», в возможность урегулирования на началах разумности отношений между крестьянами и помещиками, боязнь революционных действий.

Революционные убеждения Радищева окончательно сложились после крестьянской войны. До нас дошли не только законченные произведения Радищева 80-х годов, но и его бумаги с замечаниями о прочитанных книгах, выписками по истории, мнениями о распространенных просветительских теориях. Рукописи незавершенных произведений помогают восстановить содержание и характер идейной работы Радищева с начала 80-х годов. В процессе выработки цельного революционного мировоззрения важное место занимала критика слабых сторон идеологии русских и французских передовых деятелей.

Критика не означала нигилистического отношения к идейному наследию великих мужей Франции. Читая сочинения Гельвеция, Мабли, Дидро, Руссо и Вольтера,

Радищев, по собственному признанию, «укреплял природные силы своя учением», «учился мыслить». Огромно значение для русских просветителей, и Радищева в частности, книг тех, кто мужественно штурмовал феодализм и подготавливал революцию. Но Радищев не только учился и осваивал идейные богатства просветителей Франции. Он был первым революционером и, как революционер, оказался истинным наследником и продолжателем традиций и русских и французских просветителей. Наследником же и продолжателем мог быть только мыслитель такого масштаба, который, преодолев ограниченность и слабость идеологических позиций своих предшественников, смог бы обогатить теоретическую мысль своими достижениями и открытиями.

Необходимость критики определялась по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, Радищев-революционер не мог не выступить с переоценкой тех теорий и учений энциклопедистов, которые оказались не только метафизическими (например, теория просвещенного абсолютизма), но и взятыми на вооружение монархами, в частности Екатериной II, для прикрытия авторитетом просветителей своей деспотической политики. Радищев-революционер не мог, например, не выступить против враждебной ему индивидуалистической философии человека, выдвинутой Руссо, потому, что она оказалась воспринятой в России дворянскими сентименталистами, потому, что под флагом новой философии они осуществляли идейное перевооружение своего класса, укрепляя его позиции. Во-вторых, став революционером, поняв, что единственный путь ликвидации самодержавно-крепостнического государства и завоевания свободы есть путь народного восстания, народной борьбы с господствующим дворянским классом, Радищев должен был, отбросив мирно-просветительские концепции о путях социального преобразования, выдвинуть новую политическую идею, идею народной революции. Он должен был раскрыть и сформулировать новую, выросшую на русской почве, на базе социального и национального развития России философию человека — деятеля, патриота и революционера; нужно было с революционных позиций решить коренные проблемы политики, истории, социологии, эстетики, экономики, философии, воспитания и дать на них ответ. Все

настоящее России, ее будущее, общественно-культурная жизнь отечества, все идеологические ценности мира: философские, политические, социологические, эстетические теории — рассматривались отныне Радищевым, человеком энциклопедических знаний, в свете опыта вооруженной борьбы русских крепостных.

Естественным было обращение к вопросам политическим и социальным. Здесь прежде всего необходимо было проверить опытом русской истории и русской жизни теории, уже созданные «великими мужами» и получившие мировое распространение. И Радищев останавливается на двух главных деятелях, лидерах двух различных лагерей, умеренного и радикального, во французском Просвещении: на Монтескье и Руссо.

Монтескье — создатель новой социологии, вдохновитель политической доктрины энциклопедистов. Его «Дух законов» был источником воззрений на государство не только для Гольбаха, Гельвеция, Дидро и Вольтера. Для Екатерины «Дух законов» тоже был «молитвенником». Что же открыл Монтескье? Как пишет в своих замечаниях Радищев, он «мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассийские правления и Францию». Монтескье рассматривал три типа государственного устройства: республику, деспотию и монархию, причем: республиканско-демократический строй объявлялся идеальным, но утопичным, он мог быть осуществлен лишь в далеком будущем. Деспотия — правление, как противное природе человека, подлежит уничтожению. Монархия же, смягченная просвещением и вдохновляемая философами, признавалась лучшей формой современного государственного устройства бытия народов. Теория Монтескье послужила основанием для политической концепции энциклопедистов, которая не могла вооружать освободительное движение народов, а, наоборот, оказалась использованной самодержцами — Фридрихом II и Екатериной II. Радищев не соглашается с теорией Монтескье, называет ее «умствованием», потому что «Монтескье забыл о соседях своих».

Демократические радикальные воззрения Руссо, его теории народоправства в лейпцигский период горячо принимались молодым свободолюбцем. Следы влияния самой радикальной книги французского мыслителя, «Обще-

ственный договор», отчетливо видны в примечании к слову «самодержавство», которым сопроводил Радищев свой перевод книги Мабли. После пугачевского восстания определяется необходимость пересмотра и теории Руссо.

Радищев усматривает противоречивость учения Руссо о государстве. В отличие от Монтескье, как известно, Руссо выдвигает в качестве идеала не монархию, а республику. Но в то же время Руссо оговаривается, что республиканский строй пригоден лишь для малых стран и народов. Большие же государства и народы должны довольствоваться монархией. Радищев не мог не возразить против этого тезиса. В своих заметках он пишет: Руссо, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие».

В той же книге «Общественный договор» Руссо изложил свои взгляды на русский народ, на деятельность Петра. «Русские, — писал он, — никогда не будут народом истинно цивилизованным», русские — «народ варварский», он «не зрел для истинного управления». Русскому революционеру, мечтавшему о народной революции, верившему в творческую энергию русского народа, были глубоко чужды подобные суждения «гражданина Женевы». Поэтому он счел себя обязанным выступить и против оценки Петра, как «подражательного гения», который «хотел цивилизовать народ, когда его надо было обучить войне».[1] Дав исторически конкретную характеристику деятельности Петра, Радищев писал: «Итак, вопреки женевскому гражданину, познаем в Петре мужа необыкновенного, названия Великого заслужившего правильно». В одной из заметок Радищев следующим образом определил общее значение ошибочных суждений Монтескье и Руссо: «Монтескье и Руссо с умствованием много вреда сделали».

Вызвали возражение Радищева и воззрения Руссо на общественную природу человека. В «Общественном договоре» Руссо заявляет: человек свободен от рождения. Свобода есть следствие человеческой природы. Естественное состояние человека, когда он ощущает себя

---

[1] Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, или принципы политического права, М., 1938, стр. 38—39.

вполне свободным, — состояние одиночества. В то же время, чтобы защитить себя и свою свободу, человек должен жить в обществе, у него «не остается другого средства самосохранения, как образовать путем соединения сумму сил». Следовательно, «первобытное состояние не может более существовать». Но живя в обществе, человек утрачивает часть своей свободы. Как же быть? Руссо берется «найти такую форму ассоциации, которая защищала бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким он был раньше».[1] Так, по мысли Руссо, общество, союз нужны человеку лишь для себя, для своей защиты. Пребывая в обществе, каждый индивид использует его для своих целей, всячески ограждая себя от этого общества, спасая свою свободу.

В бумагах Радищева находится незавершенный набросок трактата о коренных проблемах нравственности и бытия человека под названием «О добродетелях и награждениях». В заметке дано опровержение некоторых положений «Общественного договора» и сделана первая попытка изложить иную теорию о человеке и обществе. Общество, союз, пишет Радищев, создаются не для защиты индивидуальной свободы личности, а для «обуздания» тех, кто покушается на общие права людей. «Воззванные в общежитие всесильным гласом немощей и недостатков, человеки скоро познали, что для обуздания наглости и дерзновения нужна была сократительная сила, которая, носяся поверх всего общественного союза, служила бы защитою слабому, подпорою угнетенному». Радищев утверждает, что *общество не посягает на права и свободу человека, но раскрывает в нем дремавшие силы, пробуждает и воспитывает качества, обогащающие его личность.* «Единственность», по мысли Радищева, гибельна. «Подернутые мглою бездействия, объятые мраком самоневедения или неощущения, силы человеческие, дремавшие, уснувшие паче или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии,

---

[1] Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, или принципы политического права, М., 1938, стр. 12.

укрепилися взаимно, распространилися, возвысились и, объяв вся не токмо существующая, но и вся возможная, возмечтали и то, что им несоразмерно, касаяся пределов даже божественности».

Только в союзе, в обществе, подчеркивает Радищев, человек может ощутить свое достоинство, свою свободу. «Немощны, дебелы, расслаблены во единице, едва не всесильны стали в сообщении, творяй чудеса яко боги». Совершенно очевидно, что все утверждения Радищева об общественной природе человека, о силе союза носят глубоко демократический характер и являются теоретическим обобщением опыта «союза» крепостных, «немощных во единице», но ставших «едва не всесильными в сообщении», в пору активной защиты своих прав, попранных угнетателями.

Радищев обвинял и Монтескье и Руссо в игнорировании исторического опыта народов. В 80-е годы сам Радищев напряженно занимается русской историей, читает летописи, исторические сочинения, изучает экономическое положение современной ему России, пишет исследование об экономике Петербургской губернии, знакомится с русским законодательством, с практикой исполнения законов, судами и исполнительной властью. Отказываясь от «умствований», Радищев опирается на конкретную, достоверную историю, факты, документы.

Исторические замечания Радищева свидетельствуют, что в древней Руси, как и в недавнем прошлом русского народа, он находит множество сведений об исконных, начальных формах политического устройства древнерусского государства. Оказывается, и в Киеве и в Новгороде существовали «веча или народные собрания». «На оных сборищах основывалась наипаче вольность народа». Княжеская власть, замечает Радищев в своих выписках, не была сильной: «Князя Всеволода новогородцы, лиша правления, держали два месяца в заточении». Исконная вольность народа была насильственно отнята князьями. У народа отнимали права, порабощая его.

История помогала понять, что царская власть и народ антагонистичны. Цари и князья отняли вольность у народа и с каждым годом, с каждым столетием всё более и более его закабаляли. Но в то же время Радищев видел, что в деятельности некоторых монархов было

много прогрессивного, нужного для блага всего русского государства. Царь Иван Васильевич соединил «разрозненную на уделы Россию», «возбудил государственные силы, всегдашним разделением и от ига татарского в недействие пришедшие», «он положил основание того величества, которого Россия достигла»; «царь Алексей Михайлович оградил Россию от поляков»; Петр произвел «окончательные преобразования сего огромного государства». Но, указывает Радищев, и царь Иван Васильевич, и Алексей Михайлович, и Петр, укрепляя русское государство, все же приносили ему в жертву интересы народа, порабощая крестьянские массы. Таков опыт русской истории. Он и позволил Радищеву окончательно отвергнуть надежду на монархию, надежду на самодержца, каким бы «великим», «добрым», «мудрым», «просвещенным» он ни был. В любом своем виде, в любой своей форме монархия — смертельный враг народа, она держит народ в узде рабства; и народ вправе вернуть себе то, что было отнято у него силой.

Так из глубокого изучения русской истории, социального бытия народа, его экономического и юридического положения, из обобщения опыта его освободительной борьбы рождалась у Радищева идея народной революции как единственного пути к вольности — идея, чуждая умозрительности, проникнутая историзмом, глубоко и органически связанная с прошлым русского государства, с судьбой русского народа, отвечающая насущным потребностям миллионов крепостных крестьян, вооружающая русское освободительное движение.

Созданию революционной мысли способствовал специфический русский характер развернувшейся борьбы с феодализмом. Рост крепостнического гнета, беспредельная власть помещика над трудом и жизнью крестьянина усиливали сопротивление крепостных, обостряли классовую борьбу в стране. Борьба становилась все более ожесточенной. Как известно, молодая русская буржуазия не принимала участия в битве с помещичьим строем, или, вернее, участвовала, но на стороне дворянства, стремясь упрочить свое положение в стране на тех же, что и дворяне, началах (приравнение в правах к дворянству, разрешение владеть крепостными и т. д.). Крестьянство боролось самостоятельно и одиноко. Оно выдвигало кон-

кретные политические требования — свободу и землю. Первыми в защиту интересов крестьянства выступили лучшие люди из дворян — дворянские просветители и дворянские революционеры; в этом и проявилось своеобразие русского освободительного движения. Оно, в свою очередь, определило и отличительные черты русской просветительской идеологии. Русскому Просвещению, как и всякому просветительному движению, были присущи такие черты, как ненависть к крепостничеству, борьба за свободу, отстаивание интересов народных масс. В силу того, что во Франции антифеодальная борьба велась против дворянства различными классами, страдавшими от феодального гнета (и крестьянство, и буржуазия, и городское плебейство), просветители отстаивали интересы не какого-либо отдельного класса, а интересы человека вообще. В. И. Ленин писал: «Просветители не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже и о нации вообще». [1]

Предметом особенного внимания русских просветителей благодаря своеобразию условий развития страны и антифеодальной борьбы, был прежде всего класс крестьянства, класс земледельцев, «питателей отечества». Уже говорилось, что впервые в Комиссии 1767 года и крестьянские депутаты, и просветители, и в частности майор Козельский, выступили не против угнетения вообще, но против «крепостных отягощений», с защитой интересов крепостного крестьянина. В «Трутне», а затем и в «Живописце», Новиков развернул защиту «питателя», крестьянина. Философ Яков Козельский решительно отстаивал права «простого народа», требуя «облегчения его трудностей». Более того, он резко полемизировал с теми философами, которые «велят нам стараться об исправлении разума в наших неприятелях». Козельский категорически требует отличать обидчика от обиженного. Он считает ошибочным утверждение того философа, который «всем людям без разбору захочет благодетельствовать». В высшей степени замечательна мотивировка этого протеста против проповеди «всемирных благодетелей» о необходимости исправлять всех лю-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 493.

дей без различия их социального положения — она приводит на практике к тому, что служит на пользу не обиженному и не народу, а тем людям, которые «привыкли жить на счет чужого поту».

Утверждение Козельского особенно важно потому, что в условиях России просветительская философия именно благодаря своей «общечеловечности» использовалась дворянскими идеологами. Обеспокоенные борьбой крестьянства, они выступали с различными проектами ограничения власти помещика. Ограничение крепостного гнета диктовалось не защитой интересов крестьян, а защитой дворянских прав. На ограничение толкал страх перед бунтующим мужиком. Облегчение положения мужика могло задержать рост его протеста.[1]

То, что делали дворянские либералы, неожиданно находило идейное обоснование у просветителей. Выступая с требованием «благодетельствовать» «всех людей без разбору», они нередко при решении конкретных политических проблем оказывались на стороне не крестьянина, а помещика, на стороне обидчика. Общеизвестны примеры практического решения крестьянского вопроса Вольтером и Руссо. В своем ответе на конкурсную задачу Вольного экономического общества о том, какой должна быть собственность у крестьянина, Вольтер исходил не из интересов крестьянина, а из интересов дворянина. Он специально оговаривал, что земля должна остаться у помещика, освобождение же крестьян есть дело самих помещиков, их нельзя принуждать, они могут поступать по своему усмотрению. Руссо, стоявший на более демократических позициях, ненавистник режима рабства и угнетения человека человеком, составляя проект Польской конституции и решая вопрос о свободе, опять-таки исходит не из интересов крестьян. Отсюда его забота о выплате помещикам компенсации за освобождение; забота скрупулезного характера, поскольку он оговаривает необходимость платить «пропорционально числу их крестьян, признанных достойными свободы».[2]

---

[1] См. об этом подробнее в работе В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века», СПБ., 1888, т. I.

[2] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос..., т. I, стр. 173.

Екатерина не замедлила воспользоваться просветительскими взглядами для оправдания своей рабовладельческой политики. В «Наказе» она записала: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных». [1]

Русские просветители придерживались в крестьянском вопросе совершенно иной точки зрения, полагая, что лучшим средством просвещения народа является его освобождение. Отстаивание интересов крестьян привело к тому, что русские просветители ввели в литературу тему народа. От новиковских «Трутня» и «Живописца» начинается изображение русскими писателями жизни крестьянина, человека труда, земледельца, «питателя». Писатели все активнее будут заниматься его судьбой, его жизнью, его духовной и исторической деятельностью. Отсюда интерес к народному творчеству. Первое собрание пословиц и песен издал Курганов. Вслед за кургановским «Собранием песен и пословиц» стали появляться новые сборники песен и пословиц. Собрание песен в четырех частях подготовил в 1770—1774 годах Михаил Чулков. Новиков дважды переиздал чулковский сборник: в 1780—1781 и в 1783—1787 годах. В 1770 году в Москве вышло «Собрание 4 291 русских пословиц». Составителем его, как полагают, был ученик Ломоносова Антон Барсов. Новиков в 1787 году переиздал это «Собрание». Так народные пословицы и песни — демократическая идеология, запечатленная в замечательных образцах художественного творчества, вторглась в литературу.

Радищев писал свои революционные сочинения в 80-е годы. Ему было на что опереться, было что изучать, было что продолжать. Смело включившись в ряды просветителей, действуя с просветительских позиций, твердо опираясь на их опыт, он продолжал, развивал идеологию русского Просвещения и поднял ее на новую ступень, обогатив Просвещение идеей революции.

То, что намечалось, или только начиналось, или развивалось у предшественников, то продолжал Радищев. Радищев впервые показал с такой категоричностью и силой враждебность всех интересов крестьянина и помещика. Как прямое обобщение событий пугачевского вос-

---

[1] «Сочинения Екатерины II», СПБ., 1849, т. 1, стр. 163.

стания звучат заключительные слова Радищева при описании им нищей избы и безысходной бедности крестьянина: «Вот в чем почитается по справедливости источник государственного избытка, силы, могущества; но тут же видны слабость, недостатки и злоупотребления законов и их шероховатая, так сказать, сторона. Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух. Да, один воздух... С одной стороны — почти всесилие; с другой — немощь беззащитная. Ибо помещик в отношении крестьянина есть законодатель, судия, исполнитель своего решения и, по желанию своему, истец, против которого ответчик ничего сказать не смеет. Се жребий заклепанного во узы, се жребий заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме».

С одной стороны, крестьяне — «источник государственного избытка, силы, могущества», с другой — дворяне, «звери алчные». Крестьянин ненавидит своих поработителей, которые разоряют, грабят, мучат крестьянина. Такие взаимоотношения противоестественны. Они держатся только благодаря силе государства, благодаря законам, созданным дворянством. Радищев отчетливо видит классовый характер законодательства в самодержавном государстве. Оттого с одной стороны «всесилие», с другой — «немощь беззащитная»; более того, Радищев понимает, что крестьянин «в законе мертв». Революционер, показав враждебность интересов помещика и крестьянина, встает на сторону крестьянина и с пламенной ненавистью, той же, что были воодушевлены крепостные в годы своей войны, в годы великого мщения и истребления дворян, Радищев грозит помещику: «но не ласкайся безвозмездием».

Радищев-революционер отметает все предложения своих предшественников как-то урегулировать отношения между помещиком и крестьянином. Он верит в великую созидательную энергию народа. Радищев считает, что земледелец способен не только производить «самонужнейшую вещь в государстве — хлеб», как писал об этом Новиков. Трудовой народ — творец истории, защитник своего отечества, создатель материальных и духовных ценностей, способен создать и новое государство

и новую культуру. И лучшее просвещение, лучший путь освобождения от темноты и невежества — революционная борьба. «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны».

Изучение истории и современных революционных событий убеждало Радищева, что торжество вольности есть результат насильственного революционного акта.

Не благие порывы одиночек, не проповеди великих мужей и не уговоры законодателей могут изменить ход истории, но стечение обстоятельств, обострение противоречий между рабом и господином вызывает к жизни революционный взрыв. Народ, воодушевленный свободой, — эта могучая и непобедимая, до времени еще не пробужденная в некоторых странах сила, — и есть движущая пружина истории.

О характере исторических воззрений просветителей Плеханов писал: «Когда у них заходила речь об историческом развитии человечества, они забывали свой сенсуалистический взгляд на «человека» вообще и, подобно всем «просветителям» того времени, твердили, что мир... *управляется мнениями*».[1] В этом заключалось коренное заблуждение великих мыслителей. Мужественно выступая защитниками интересов народа, отстаивая его свободу и право на собственность, энциклопедисты никогда не связывали осуществление ожидаемых ими социальных преобразований с активной политической деятельностью народа. Они искренно полагали, что счастье людям всех сословий принесут мудрые законодатели, а страдающему народу стоит лишь терпеливо дожидаться справедливых законов. Для Радищева же народ — величайшая сила истории, творец новой государственности, новых идей, новой культуры. Для Радищева история — движение вперед, прогресс, развитие. Радищев верил,

---

[1] Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, М., 1920, стр. 9.

что подготовленная и организованная революция при благоприятных в данной стране обстоятельствах обязательно принесет торжество народу, обеспечит победу свободы.

Однако новое в радищевских воззрениях — не теория прогресса, а теория революции; новое в том, что история для него уже не просто сборник иллюстраций и примеров, каким она была для многих просветителей. Он пытается установить связь между историческими событиями, найти причины их возникновения в условиях материальной жизни людей.

Интерес к истории и попытки постигнуть законы исторического развития определялись у Радищева стремлением доказать неизбежность революционных переворотов, которые одни только приносят человечеству торжество свободы и справедливости. Отсюда стремление отказаться от общих, отвлеченных рассуждений и приблизиться к реальным фактам исторической действительности, тщательный анализ всех событий английской революции XVII века и происходившей на его глазах революции в Америке. «Путешествие из Петербурга в Москву» ставило задачу выяснения политического, экономического и правового положения русского государства и народа, с тем чтобы доказать на конкретном материале современной русской жизни преступность самодержавия и крепостничества, неминуемое наступление революционного переворота. На основе изучения русской жизни Радищев делал вывод, что именно «тяжесть порабощения» толкнет крестьянство на восстание, что эта революция принесет народу вольность, сметет с лица земли самодержавие и угнетение, установит республику тружеников.

В «Путешествии» и оде «Вольность» Радищев вдохновенно нарисовал перед читателем картину будущей жизни свободного русского народа.

Отгремят годы революции, и народ создаст свое правительство из среды свободных. «Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени». Интересы народа, забота о его благе — вот что будет предметом их внимания в повседневной работе. В новом государстве все граждане обязаны будут трудиться. Земля будет роздана во владение народу. В обществе будут действовать новые, принятые народным пра-

вительством законы, которые призваны регулировать не только экономические отношения тружеников, но и воспитывать их, преследуя пользу и интерес миллионов.

Восторжествовавший в обществе великий дух свободы, «зиждительный как бог», преобразует все стороны жизни трудящихся. Труд, бывший при барщине проклятием, становится радостным и творческим. В государстве тружеников, говорит Радищев, «труды — веселье, пот — роса, что жизненностию своею плодит луга, поля, леса». Станет реальной возможностью окончательное освобождение от бедности и нищеты — свободный труд, основа растущего экономического богатства. Если при крепостном праве «земля как мачеха», «рабам дает скупую мзду», то в государстве свободных тружеников

...дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет,
Себе всяк сеет, себе жнет.

Кончится прежнее унижение. Труженик сможет жить свободно и в довольстве. Никто не посмеет посягнуть на его труд, на его семью, на его независимость — свое, народное правительство будет ему верной защитой. Живя в довольстве, народ будет уделять много внимания просвещению и искусствам, и тогда расцветут науки, художества и «рукоделия, возведенные до высочайшия совершенства степени». В основу общественного образования будет положен принцип всестороннего воспитания разума, чувств и тела, но главное внимание будет уделено воспитанию в каждом свободном труженике чувства любви к отечеству и гражданской добродетели, любви к труду и свободе.

Глубокое изучение истории, внимание к проблемам экономики и социального развития своего отечества, пристальный интерес к революциям на Западе позволили Радищеву так смело и уверенно мечтать в условиях крепостнического режима о наступлении в России счастливого будущего. Радищев в то же время на основе изучения реальных условий современной России знал и другое. «Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие».

Революционность и демократизм убеждений Радищева определили отличие его взглядов на собственность от взглядов французских просветителей. Отстаивая интересы борющихся против феодальных классов, французские просветители выдвинули лозунг права на собственность. Лозунг равно обслуживал интересы и крестьянина, и фабриканта, и купца. Иным было требование собственности у Радищева: он отстаивал право на собственность *только труженика,* земледельца. Тот, кто «себе сеет, себе жнет», тот и имеет право владеть землей; «делатель нивы — ближайшее имеет право» на нее.

В самодержавной России, где господствовала феодальная собственность, крестьянин не имел права на собственность; больше того, он сам был собственностью помещика. Отсюда вывод Радищева: порабощение есть преступление. Нельзя «назвать блаженным» гражданское положение крестьянина в России. «Ненасытец кровей один скажет, что он блажен». Но не может быть блаженной, пишет Радищев, и Америка, где господствует буржуазная собственность, где процветание земледелия достигнуто за счет эксплуатации крупными собственниками тех, кто не имел никакой собственности, «где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова».

Радищев высказывает категорическое требование передать землю в собственность крестьянину, земледельцу, «питателю». Несомненно, требование Радищева носит буржуазный характер. Республика свободных, полноправных, владеющих землей тружеников, о которой мечтал Радищев, — это буржуазная республика. Но республика особого типа. Ленин учил, что в период, когда шла борьба только за создание буржуазного государства, необходимо различать буржуазную республику, где политическая власть принадлежит буржуазии, и буржуазную республику, где власть могла бы принадлежать крестьянству. Ленин называл такую республику крестьянской буржуазно-демократической республикой; [1] в ней была бы достигнута наибольшая степень демократизма, максимум того, что можно достигнуть в рамках государства, основанного на буржуазной собственности. Главная особенность

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 349.

социального строя такой республики, по мысли Радищева, — отсутствие эксплуатации человека человеком. Вот почему Радищев выдвигал требование, чтобы собственность принадлежала только труженику.

Неразвитость общественных отношений, идеализм в объяснении истории мешали Радищеву понять, что его идеал республики тружеников ничем другим, как буржуазным обществом, быть не может. Но в то же время своеобразие русских исторических обстоятельств, русских условий развития феодализма и антикрепостнической борьбы позволило ему отстаивать не общечеловеческие интересы, а выделить предметом своей заботы интересы только крестьянина-труженика. Отсюда резкое обличение и русского купца, и утвердившихся в Америке принципов буржуазной собственности, строя эксплуатации и рабовладения, и критика декретов правительства победившей французской буржуазии, которыми ограничивалась свобода печати. Отсюда и попытка обосновать свой идеал требованием: право на собственность имеет тот, кто сам работает на принадлежащей ему земле.

Со времени публикации «Путешествия из Петербурга в Москву» и начинается пропаганда в русской литературе демократической антибуржуазной идеологии. В творчестве Пушкина и Гоголя, Белинского и Герцена уже с большей силой и определенностью будет отвергаться буржуазный идеал свободы как идеал человечества, будет вскрыта враждебность буржуазной демократии трудящимся массам, показаны ужасы новой, буржуазной эксплуатации. Чернышевский и Толстой, Щедрин и Чехов и многие другие писатели перед всем миром засвидетельствуют звериный лик хозяев капиталистического государства, лживость буржуазно-демократических свобод. На опыт всей русской литературы, самоотверженно боровшейся за истинно демократические свободы, ненавидевшей и проклинавшей строй угнетения человека человеком, господство денежного капитала, будет опираться певец русского рабочего класса, глашатай новых идей социалистической демократии, великий Горький.

Радищев был революционером, который первым указал на крестьянство в частности, на трудящиеся массы вообще как на главную силу будущей революции. Его убеждениям был свойственен глубокий демократизм. И в то

же время он был дворянским революционером. Стремление объявить Радищева революционным демократом, оторвать от первого дворянского этапа русской революции, сблизить с Чернышевским — антиисторично и на практике приводит к противопоставлению Радищева и декабристов.[1] В действительности перед историками общественной мысли и литературоведами стоит задача установления связей Радищева и русских просветителей XVIII века с декабристами и передовой литературой начала XIX века. Радищев, первый русский революционер, действовавший в конце XVIII — в начале XIX века, целиком принадлежит эпохе дворянской революционности. Он начинал. Декабристы подхватили и понесли дальше наследие русского Просвещения XVIII века, и Радищева в частности.

«Освободительное движение в России, — пишет Ленин, — прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время».[2] Классовая принадлежность революционеров первого этапа определила важнейшую особенность их мировоззрения, их тактики — они далеки от народа. В последующем освободительное движение развивалось по пути демократизации, расширения связей с народом.

Деятельность декабристов особенно важна тем, что они смогли начать впервые *революционное движение.* Ленин указывает: «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами».[3]

---

[1] Э. С. Виленская пишет: «Радищевым были заложены основы революционно-демократической теории, которая получила мощное развитие в новых условиях XIX века» («Исторические записки», 1950, № 34, стр. 316). Л. И. Кулакова решительно заявляет: «Великий русский революционер был последовательнее, демократичнее и революционнее своих западных собратьев и русских революционеров последующего поколения — декабристов. По своим политическим взглядам он во многом является предшественником вождя революционной демократии 60-х годов XIX века — Н. Г. Чернышевского» («А. Н. Радищев», Лениздат, 1949, стр. 70).

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 223.

[3] Там же, т. 23, стр. 234.

Можно предположить, что Ленин потому и считает 1825 год начальной датой первого этапа дворянской революции. Деятельность же декабристов, как известно, развернулась раньше, с 1816 года, с момента организации «Союза спасения». Видимо, Ленин подчеркивает качественное изменение: декабризм именно к 1825 году стал революционным движением.

Радищев, глубоко и последовательно выражавший интересы и чаяния трудящихся масс, в то же время социально был так же далек от народа, как и декабристы. Узок был круг дворянских революционеров эпохи декабризма. Радищев, связанный с просветителями, был единственным революционером. Пестель и Рылеев уже руководили тайными обществами. Радищев действовал на свой страх и риск. Деятельность Радищева имела огромное значение для России. Но она лишь предшествовала тому этапу, когда революционная идеология стала вдохновлять и определять развитие революционного движения. Вот почему декабризм — качественно новое явление, это не отступление от завоеванного Радищевым, но шаг вперед, это уже революционное движение, и притом первое революционное движение в России против царизма.

Демократизм убеждений, признание необходимости народной революции, пламенная проповедь уничтожения дворянства, отстаивание интересов прежде всего крестьянина и прав тружеников на собственность — черты, отличающие революционную программу Радищева от декабристской, — не отрывают его от первого этапа дворянской революционности, а только определяют свое особое место внутри этапа. И сила и слабость убеждений Радищева обусловлены конкретно-историческими обстоятельствами эпохи, когда он жил и работал.

9

Первым произведением, написанным Радищевым после долгого перерыва, было «Слово о Ломоносове», над которым он начал работать в 1780 году. «Слово» — важнейший этап в творчестве Радищева. Оно всем строем своим, манерой, стилем органически связано с «Дневни-

ком одной недели» и в то же время открыто обнажает смысл идейного разрыва с первым произведением, рождение новой эстетики.

Радищев словно нарочно сближает эти два своих произведения для того, чтобы ярче было видно то новое, что в корне отличает их друг от друга. В «Дневнике» есть глава «Четверток», рассказывающая о посещении героем кладбища. В известных Радищеву образцах европейского сентиментализма кладбищенская тема важнейшая. В многочисленных произведениях кладбище рассматривается как место вечного успокоения, смерть трактуется как избавительница от страданий, которые несет человеку враждебная действительность. «Уединенный» человек сентиментализма, думая о смерти, раскрывал все неповторимое богатство своей индивидуальности. Он терзал себя, и наслаждался мукой, и в «мучительной радости» обретал высшую жизнь. И Радищев заставил своего «несчастного» посетить кладбище. «На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на окончание дней наших равнодушно... Приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть, — нечаянный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. Се конец страданий». Так, будто послушный ученик, вел себя герой «Дневника». Но Радищев передал и протест против условных и нелепых для живого человека чувств и страданий. «Мне умирать? — восклицает возмущенный герой. — Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни!.. Мне желать смерти? Нет, обманчивое чувствие, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив!»

Вот из здорового, активного жизнелюбия, взбунтовавшегося против индивидуалистической философии, и вырастало «Слово о Ломоносове». Начало его как бы возвращает нас к уже известной картине — герой бродит за городом и заходит на кладбище. «Ворота были отверсты. Я вошел... На сем месте вечного молчания, где наитвердейшее чело поморщится несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов». Кладбищенская тема развенчивалась. Вместо стихии субъективного созерцания, «приучения себя к смерти», внимание героя привлекает объективный мир. Он замечает пышность памятников, и это вызывает его гневное,

сатирическое слово о человеческом тщеславии, торжествующего не только при жизни, но и после смерти: «На месте незыблемого спокойствия и равнодушия непоколебимого могло ли бы, казалося, совместно быть кичение, тщеславие и надменность? Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные человеческия гордыни».

Так совершается в пределах традиционной кладбищенской темы переворот в эстетике: вместо стихии «субъективности», равнодушия к окружающему миру, к реальности бытия, к другим людям — интерес и доверие к объективной действительности, к судьбам и бытию других людей. В «Дневнике» мы были погружены в атмосферу страдания мятущейся души человека, почти ничего не зная ни о нем, ни о его окружении. В «Слове» рассказано о человеке, который бродит по Невскому кладбищу, осматривает памятники, возмущается надменностью и гордыней, останавливается, наконец, перед памятником великому русскому поэту и задумывается о его судьбе, о его вечной славе.

Закономерной оказывается и новая тема: *не самораскрытие героя, а построение объективной биографии другого человека,* раскрытие его духовного мира, его «чувствований». Но еще важнее сам выбор героя — им оказывается не просто другой человек, но исторический деятель, «великий муж, исторгнутый из среды народныя», первый из совершивших подвиг во благо отечества, русский не только по рождению, но по духу, по делам своим. Отказавшись от формулы «человек велик своим чувством», Радищев ищет иную меру ценности человека, и, обращаясь к русской жизни, к событиям всемирно-историческим, он находит героя, жизнь которого позволяет открыть то важнейшее, что определяет личность, ее индивидуальность, ее достоинства и духовное богатство, — деятельность на благо общества.

Так, уже здесь Радищев сознательно идет вслед тем, кто начал великую работу до него. Ломоносов, «подстрекаем науки алчбою», «собирает познание вещей», изучает языки, математику, логику, химию, физику, словесность, входит в «храм любомудрия» — все для того, чтобы оказать «услугу отечеству». Он преобразует русское стихотворство, «преподает правила российского слова, вознамереваясь руководствовать согражданам своим». Ломо-

носов считает, что слово дано человеку «для сообщения своих мыслей», оттого сам поэт создает грамматику, риторику, облегчая общение между русскими людьми, распространение знаний, открывая возможность общественного «действия на своих современников». Творения Ломоносова повествуют о том, «чтó он был», открывают намерение «сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший». Но чем больше находит Радищев в Ломоносове-поэте достоинств патриота, тем яснее становится ему и недостаточность, неполнота его патриотизма. Радищев, став на революционные позиции, считает нужным указать на исторически объясняемую слабость, ограниченность Ломоносова-человека. Он был великим патриотом и гражданином, но нельзя не скорбеть оттого, что великий поэт «льстил похвалою в стихах Елизавете», что «не восстал он на губительство и всесилие», что не обратил слова своего в защиту русского хлебопашца.

В 1782 году Радищев пишет «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», тесно примыкающее к «Слову о Ломоносове». Принципы, выработанные в «Слове», торжествуют в «Письме». Внимание Радищева привлекает реальное событие — открытие памятника Петру I работы Фальконета. Он описывает документально точно все происходившее на Сенатской площади в день открытия.

Новое произведение написано человеком, не мыслящим существования вне общежития, высоко ценящим живое общение с людьми и особенно «беседование» с другом. Присутствуя при открытии монумента, взволнованный событием, он задумался над судьбой удивительного царя, над тем, что сделал Петр для России, над принципами монархического правления вообще, и немедленно спешит поделиться своими думами, приглашает «на беседование» того, с кем «юношеские провел дни свои». Как и в «Слове», герой «Письма» не автор его, а другой человек, и опять исторический русский деятель — на этот раз Петр I. В облике «властного самодержца» Радищев увидел могучую личность великого русского «плотника», воодушевленного заботой об отечестве, основателя «града на Неве», «обновившего Россию», сообщившего «стремление» своему отечеству — «столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия».

Патриотическое чувство делало Петра замечательной личностью, его деяния на благо отечества позволили Радищеву «вознести ему хвалу» и видеть в нем «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно».

Но еще более, чем у Ломоносова, Радищев видит ограниченность патриотизма Петра, ограниченность его личности. Ломоносов не способствовал духу вольности, а Петр ничего не сделал для освобождения народа, ибо он был царем, самодержцем: «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». Ломоносов «не восстал на губительство и всесилие», не защитил пребывавший в рабстве народ, и в этом видит Радищев его вину. Петр же, будучи царем, «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества».

Здесь же Радищев открыто говорит о том, что́ может воспитать и создать истинного человека. «И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную». Радищев точно формулирует свою меру ценности личности, свое определение патриотизма: деятельность, направленная на утверждение «вольности частной», борьба за освобождение крестьян от рабства, за свободу сограждан. Борьба за свободу и есть наивысшее патриотическое служение, более всего «возносящее» отечество, а равно возносящее человека к полному самораскрытию своей индивидуальности, своего духовного богатства. Так впервые в произведениях Радищева осуществляется слияние патриотизма и революционности. Такое понимание патриотизма идейно вооружало русскую литературу.

Все, что писал Радищев, вызывалось самыми насущными потребностями времени, было живым откликом на вопросы, которые волновали передовую Россию.

К середине 80-х годов проблема воспитания для русских просветителей стала предметом политической борьбы с Екатериной, стремившейся вырвать инициативу в таком насущно важном деле из рук просветителей. Радищев не остался в стороне от этой борьбы и вмешался в нее повестью «Житие Федора Васильевича Ушакова». Повесть начиналась с лирического обращения к другу

Алексею Михайловичу Кутузову. В 80-е годы бывшие друзья оказались уже в разных лагерях — Кутузов с масонами, Радищев с просветителями. Радищев в эти годы еще только готовил свои сочинения, которые опубликовал в 1789—1790 годах. Кутузов был уже популярным писателем, вождем нового, только начавшего формироваться направления — сентиментализма. С 1782 года Кутузов — один из идейных руководителей ордена розенкрейцеров.

Кутузов не мог оправдать общественно-политической деятельности, направленной на изменение существующего политического и социального режима в России. Искренно возмущаясь, как гуманный человек, деспотизмом и дикими формами крепостничества, прекрасно отдавая себе отчет в несправедливости существующих общественных отношений, Кутузов в то же время пропагандировал масонскую идею о суетности и греховности попыток переделать существующий общественный и политический правопорядок. Идеалист-агностик, отрицая познаваемость мира, он доказывал, что обстоятельства социальной жизни, общественная среда не влияют на человека. Отсюда и вытекало заключение о невозможности и бессмысленности попыток безумцев изменить существующий политический режим.

В «Утреннем свете», выходившем с 1777 по 1780 год, Кутузов поместил два крупных перевода: «Путешествие добродетели» и «Ночи» Юнга. В 80-е годы оба перевода вышли отдельными книгами. В журнале «Московское издание» (1781) Кутузов выступает с оригинальными сочинениями, из которых небольшой этюд «О приятности грусти» представляет собой первый манифест русского сентиментализма. В нем Кутузов сформулировал субъективистскую философию «мучительной радости», которая была затем подхвачена Карамзиным (культ меланхолии). Кутузов признавал, что реальная жизнь, обстоятельства, окружающие человека, в конечном счете враждебны ему. Но, верный своим общеполитическим воззрениям, он, как и его друзья сентименталисты, а позже Карамзин, проповедовал принцип невмешательства в социальные отношения, сознательно не желая устранять источник страданий. Кутузов оправдывает в своем сочинении позицию невмешательства, объясняя, что «грусть и страдания», причи-

няемые человеку внешним миром, не могут и не должны рождать у него мысли и желания вмешиваться в жизнь и устранять источники страдания. Нет, и страдание и грусть должны существовать и быть предметом самоанализа, показателем высоких моральных качеств субъекта, (его сочувствие горю, понимание несправедливости), душевного богатства личности. Отсюда и вытекало: «Надо любить грусть».

В 1784 году в масонском журнале «Магазин свободно-каменщической» Кутузов опубликовал несколько философских статей. В 1785—1786 годах вышел новый перевод Кутузова «Мессиады» Клопштока. Большое значение в литературном наследии Кутузова имеют его письма друзьям: Карамзину, Лопухину, Голенищевой-Кутузовой, Радищеву, каждое из которых представляет собой миниатюрный психологический этюд.

Обращение Радищева в «Житии Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествии из Петербурга в Москву» к А. М. Кутузову несомненно носило общественный характер: писатель-революционер полемизировал не просто с известным публике писателем, но и с определенного типа идеологом, подчеркивал принципиальное отличие своих убеждений от убеждений масонов, сентименталистов.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев, назвав Кутузова своим другом, в то же время подчеркивал, что былое единомыслие давно стало лишь предметом воспоминаний. Он писал: ты «найдешь здесь некоторые черты расположения твоих мыслей в *тогдашнее время»*. В посвящении «Путешествия» сказано резче: *«Мнения мои о многих вещах различествуют с твоими»*.

Посвящение Радищевым своих главных произведений друзьям — Янову и Кутузову — свидетельствует о его сознательном стремлении использовать литературу для умножения числа единомышленников и союзников. Став революционером, Радищев, естественно, хотел видеть вокруг себя последователей. Ими могли быть лучшие люди из дворян. Кутузов несомненно принадлежал к таким лучшим дворянам — Радищев отлично знал и убеждения и чувства друга. Даже в пору розенкрейцерства Кутузов не отказался от многих идей Просвещения, усвоенных еще в юности. В некоторых произведениях 80-х годов Кутузов

резко критикует паразитизм, «скотскую жизнь и скотские наклонности» дворянства, требует гуманного отношения к крестьянам. Выступая против дворянского воспитания, которое сводилось к воспитанию «праздности», Кутузов обращался к читателю со следующими словами: «О родители несчастные! О воспитатели ослепленные! О владыки, утопающие в сладострастии и нерадеющие о первом долге своем, воспитании! Проснитесь от пагубного сна вашего, пробудитесь — се слышите вы вопль чад ваших, воспитанников и подданных». [1]

Несомненно, Радищеву были близки и дороги многие черты нравственного облика своего давнего друга. Тем огорчительнее было идейное расхождение. Как свидетельствуют факты, не только Радищев огорчался за Кутузова, но и Кутузова печалило и тревожило решение Радищева посвятить свою жизнь борьбе за свободу народа. Внимательно следя за литературной работой друг друга, они постоянно обменивались письмами. Так, например, после выхода «Жития Федора Васильевича Ушакова» Кутузов написал Радищеву специальное письмо, в котором опровергал враждебные ему «положения о государственном правлении». Кутузов свидетельствует: «Книжку сию приписал он мне. Признаюсь, что большую часть его положений касательно религии и государственного правления нашел ⟨я⟩ совершенно противоположною моей системе. Наипаче не понравилось мне, что коснулся он некоторых пунктов, которые, по моему мнению, не подлежат литературе. Все сие изъяснил я ему в весьма пространном письме». [2] «Житие Федора Васильевича Ушакова» вышло в 1789 году. Можно предположить, что своеобразным ответом Радищева на это критическое письмо было посвящение Кутузову нового произведения — «Путешествия из Петербурга в Москву». Посвящение, как известно, было написано после того, как рукопись книги была получена из цензуры.

В том же письме Кутузов сообщал: «С сего времени (80-е годы) началась между нами переписка и дружба

---

[1] «Плач Эдуарда Юнга, или нощные размышления о жизни, смерти и бессмертии...», изд. 2-е, М., 1785, ч. I, стр. 55. Примечания написаны Кутузовым.

[2] Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII века, П., 1915, стр. 65—66.

наша возобновилась теснее, нежели когда-либо, невзирая, что во время нашей разлуки образ наших мыслей сделался весьма различен, однакож мы спорили, но тем более друг друга любили, ибо оба видели ясно, что разность находилась в наших головах, а не в сердце».[1] О том, что между Радищевым и Кутузовым была «философическая переписка», свидетельствует старший сын писателя Н. А. Радищев.

Отражением «философической переписки» и были посвящения Кутузову двух главных произведений Радищева. Посвящения не только вскрывают намерение Радищева множить число единомышленников, но и показывают, как он добивался этого с помощью своих произведений, к кому обращался, — к тем, кого он считал своими «сочувственниками». Из «сочувственника» можно было воспитать союзника и единомышленника. Адресованные непосредственно Кутузову радищевские посвящения несомненно в то же время был обращены к более широкой аудитории, к читателям подобного типа сознания — одинаково чувствующим, но еще пока разно думающим.[2]

В связи с темой «Радищев и Кутузов» необходимо сказать о последнем полемическом обращении Радищева к Кутузову. По пути в Илимскую ссылку Радищев задержался в Иркутске. 6 декабря 1791 года он написал короткое письмо Кутузову, которое и послал с вице-губернатором Иркутска А. С. Михайловым. Радищев просил Кутузова ответить ему через его брата, Моисея Николаевича. Письмо дошло до Кутузова, жившего в это время в Берлине, довольно быстро. 7 апреля 1792 года он уже ответил Радищеву. Свой ответ он вложил в письмо к М. Н. Радищеву, который и должен был переслать его. Поскольку Моисей Николаевич установил регулярную и верную связь с братом, то, видимо, письмо Кутузова было доставлено так же быстро, во всяком случае в те же сроки, что и письмо Радищева к Кутузову, то есть в два-

[1] Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII века, стр. 65.

[2] Теме «Радищев и Кутузов» посвящена работа студента ЛГУ М. Тарасова, участника семинара «Русское Просвещение XVIII века». В сделанном им докладе использовано много новых, интересных материалов.

три месяца. Следовательно, не позже июня Радищев получил письмо Кутузова, адресованное ему, и, видимо, также и письмо, адресованное его брату, поскольку в нем было много вопросов о жизни ссыльного друга. С января 1792 года Радищев уже жил в Илимске.

В своем письме Кутузов спрашивал и поучал. Обращаясь к Моисею Николаевичу, он писал: «Я бы хотел знать обстоятельно его нынешнее положение и на каком основании есть его ссылка? Сидит ли он в заточении или позволяется ему выходить?» Эти же вопросы он повторил и в письме к своему другу: «Ежели тебе возможно, скажи мне, где ты, на каком основании?» Большая часть письма посвящена наставлениям: «Мужайся, сердечный мой друг, побеждай мысли твоего воображения, будь тем, чем бы нам всем быть долженствовало, — человеком».

Призывая Радищева быть «человеком», Кутузов тут же объясняет ему, что́ он должен делать как человек «странствовать в самом себе», отказаться от заблуждений и найти счастье в наслаждении самим собою. «Горько мне, друг мой, сказать тебе, но дружба моя исторгает сию истину: твое положение имеет свои выгоды. Отделен, так сказать, от всех человеков, отчужден от всех ослепляющих нас предметов, — тем удачнее имеешь ты странствовать в собственной твоей области, в самом тебе... Может быть, многое представится тебе в совершенно новом виде, и кто знает, не переменишь ли ты образа твоего мыслить?» Заканчивалось письмо призывом: «Помни, что ты человек».[1]

Итак, Кутузов хотел знать, куда дальше из Иркутска едет Радищев, как он будет жить в ссылке, и призывал его быть «человеком», надеясь, что, став «человеком» в его, кутузовском, понимании, Радищев *переменит* образ своих мыслей.

Стихотворение Радищева «Ты хочешь знать», написанное в сибирской ссылке, и представляется мне ответом Радищева, ответом принципиальным, как все, что делал этот удивительного мужества человек. В самом деле: если внимательно прочесть стихотворение, то станет ясным,

---

[1] Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII века, стр. 194—196.

что все оно построено как *ответ,* как *полемика,* как утверждение своей, высшей правды:

> Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
> Я тот же, что и был и буду весь мой век:
> Не скот, не дерево, не раб, но человек!
> Дорогу проложить, где не бывало следу,
> Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
> Чувствительным сердцам и истине я в страх
> В острог Илимский еду.

Стихотворение было опубликовано впервые П. А. Ефремовым в 1864 году. Публикуя стихотворение, Ефремов писал: «В имеющемся у меня старинном рукописном сборнике (1792) есть следующая интересная заметка: «Ответ г-на Радищева, во время проезда его через Тобольск, любопытствующему узнать о нем».[1] Из заглавия ясно, что оно принадлежит не Радищеву, а вписано кем-то для объяснения стихотворения. Упоминание Тобольска ничем не подтверждается. Радищев провел в Тобольске более семи месяцев. До нас дошли четырнадцать писем Радищева к Воронцову из Тобольска. Ни в одном нет даже намека на случай, ставший поводом для стихотворения. Мне же представляется, что оно возникло как ответ на письмо Кутузова. Если это действительно так, тогда станет понятным и его полемичность и его содержание.

Писалось оно, видимо, сразу под впечатлением писем Кутузова: именно поэтому на прямые вопросы шли точные ответы. Кутузов спрашивал: «Я бы хотел знать... где ты...», «Будь человеком...» и т. д. И Радищев отвечал: «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?.. я тот же, что и был... не раб, но человек!» Ответ мог быть написан в июне — июле 1792 года. Обнаружение стихотворения в рукописном сборнике 1792 года показывает, что оно получило быстрое распространение, поскольку судьба Радищева интересовала довольно широкие круги русского общества. Из всего сказанного можно сделать вывод: стихотворение «Ты хочешь знать» было последним этапом полемики между Радищевым и Кутузовым.

Но вернемся к «Житию Федора Васильевича Ушакова». Связь его с современностью, конечно, не исчерпы-

[1] «Живописец», СПБ., 1864, стр. 347.

валась полемикой с Кутузовым. Связь же эта была прежде всего в том, что Радищев посвятил свою повесть центральной проблеме просветительской программы — воспитанию, и решил ее с новых позиций, преодолев слабые стороны и педагогической системы Руссо и русских просветителей.

Повесть «Житие Федора Васильевича Ушакова» была своеобразным ответом Руссо, Радищев как бы вносил дополнения к его педагогическим теориям, изложенным в романе «Эмиль, или о воспитании».

Руссо начинает роман с решения «дать себе воображаемого ученика» Эмиля, который и становится героем. Радищев, верный своему уже сложившемуся принципу, рассказывает историю реального исторического деятеля — Федора Ушакова. Руссо стремится найти Эмилю «свое поле и свой хутор» в недрах несправедливого, сословно-феодального государства. Ненавидя феодальное государство, его герой в то же время не хочет бороться за возрождение и счастье отечества, довольствуясь поисками личного счастья. Руссо заявляет: надо выбирать, кого воспитывать — человека или гражданина, так как нельзя сделать разом того и другого. Радищев не может согласиться с убеждением, что невозможно воспитать человека-гражданина. Он, так же как и Руссо, знает, что в реальной действительности понятия государства и отечества не совпадают. Но русскому революционеру чужды пассивность и смирение перед силой самодержавного государства. Радищев считает, что в силах человека изменить действительное положение вещей; если у народа отняли отечество, он может его завоевать, вернуть его себе в борьбе с феодально-самодержавным государством. Больше того, он знает, что только в борьбе за отечество каждая личность станет гражданином, а гражданин воспитает в себе человека. Это было открытием Радищева. Оно вооружало общественное движение, открывало перспективы, помогало людям преодолевать пессимизм Руссо.

Учитель Эмиля наставляет своего ученика: будь умерен в своих желаниях, а если даже и умеренные идеалы нельзя будет осуществить в реальной жизни, не отчаивайся и смирись; в смирении своем познай силу своего духа. Радищев показывает, как обстоятельства жизни,

глубоко враждебные человеку, беспрестанно толкают его на протест. Учитель русских студентов, их «вождь» Ушаков направляет естественное чувство мщения, объясняет его справедливость и законность, учит использовать его как оружие, как средство защиты от порабощения.

Руссо объявляет: буду воспитывать «доброго человека». Радищев, создавая образ Ушакова, утверждал: вот воспитанный обстоятельствами жизни «добрый гражданин». Он ополчается против внушаемого «Эмилем» смирения. «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности». Доведенный до крайности человек восстает на притеснителя.

Радищев считал необходимым воспитывать ненависть к угнетателям. Воспитателем «доброго гражданина» должна быть сама жизнь, политические обстоятельства бытия человека, живущего в обществе, где господствует угнетение человека человеком. Действия Бокума, угнетавшего студентов, вызывали возмущение, негодование возрастало до исступления, пока, наконец, не вылилось в бунт. Бунт, укрепив общественный союз студентов, увеличил силы каждого в отдельности. Так практическая жизнь наглядно убеждала студентов в неправоте Руссо, считавшего общество, народ «собранием единственников». Возражая против такого понимания общества, Ушаков заявлял, что в действительности общество представляет «нравственную особу, общим понятием и хотением одаренную и для того права и обязанности иметь могущую». Учение Ушакова опять-таки подтверждалось практикой. «Обществу» студентов, составлявшему «нравственную особу», Бокум нанес обиду, отвергнув справедливое требование одного из его членов. И тогда вступил в силу закон: все за одного. За бунтом последовали арест, заключение, следствие, суд.

Ушаков был оригинальным русским мыслителем, первым в ряду тех новых исторических деятелей России, кого выдвигало освободительное движение, истинным патриотом, видевшим свой патриотический долг в *борьбе с рабством в своем отечестве*. Стремясь сохранить память

о русском философе Ушакове, Радищев не только пишет повесть о нем, но и издает все оставшиеся после него сочинения. Ушаков умер в самом начале своего поприща. Он «не имел... довольно опытности» и, поскольку «все почти юноши, мыслить начинающие, любят метафизику», «мысли свои обращал более к умственным предметам». Поэтому он иногда «возносился на крылиях воображения за пределы естественности». Страсть «к умственным предметам» мешала Ушакову «придерживаться правил, народным правлениям приличных». Радищев указывает на заблуждения Ушакова в области политики: он, как и все просветители, верил в просвещенный абсолютизм, он «полагал единственное упование на правосудие государя своего».

Убеждения Ушакова помогали формированию сознания Радищева в Лейпциге; молодой свободолюбец исповедовал их в пору своей юности. Но по возвращении в Россию его философские и политические воззрения стали иными. Ушаков был «добрый гражданин», Радищев — революционер, «прорицатель вольности». Ушаков, чувствуя «к предстателям мерзение», борется с ними, уповая на государя; Радищев борется с самодержавием. Ушаков пишет сочинение, в котором высказывается против казни вообще, доказывая ее ненужность для общества. Радищев отвергает «метафизические» суждения и требует казни для монарха, видя в этом общественное благо. Совершенно очевидно, что убеждения Радищева в период написания «Жития Федора Васильевича Ушакова» во многом отличны от ушаковских. Поэтому крайне наивны те исследователи, которые до сих пор ставят знак равенства между убеждениями Ушакова и Радищева.

«Житие Федора Васильевича Ушакова» — первое художественное произведение в России, создавшее так нужный русскому общественному движению образ положительного героя — человека и гражданина, истинного сына отечества, действительного патриота.

«Житие Федора Васильевича Ушакова» противопоставляло систему воспитания революционера системе воспитания русских просветителей — Козельского, Новикова, Н. Д. Разрабатывая нравственный кодекс гражданина и патриота, акцентируя внимание на общественной активности человека, и Козельский, и Новиков, и Н. Д. все же

не смогли преодолеть те трудности, которые встали перед ними; требуя от человека исполнения долга, борьбы со злом, они должны были помочь решить читателю: как же быть с «начальниками зла», с теми, кто отнимает у человека свободу, с «неприятелями». Отвергая право на воздаяние за обиду, не принимая мщения, они не могли выйти из тупика, в который приводило их отрицание революции и принятие только мирного пути социальных преобразований. Даже Козельский, не соглашавшийся с «простительными правилами», возражавший против добродетели «прощения обиды», не пошел дальше иронии и скепсиса, не оказался последовательным в своих взглядах; не согласившись с моралью, проповедующей смирение и терпение, он не смог принять мщения. Не принял мщения и Новиков. Чуждо оно было и Фонвизину и потому исключалось из его нравственного кодекса.

Против мщения выступил и Н. Д. Отвергая мщение, он, естественно, считает ненависть чувством, недостойным человека: «Ненависть есть чувствование самое мучительное и гибельное, и потому не может оно быть в сердце великодушного и доброго человека, для которого нет величественнее ничего, как своими благодеяниями заставлять краснеть того, кто ему зло или обиду творит».[1] Сличение текстов Н. Д. и Гольбаха показало, что рассуждение о мщении есть перевод. Мнения русского и французского просветителей в важнейшем вопросе совпали.

Мщение было исключено из этического учения просветителей. Это означало открытое неприятие революционного пути, боязнь революции. Историческая ограниченность передовой антифеодальной идеологии оказалась трагической, так как она разоружала освободительное движение. Требуя от человека быть общественно активным, и Козельский, и Новиков, и Н. Д. понимали, что «простительные правила» в конце концов оборачиваются против угнетаемых. Исполнение добродетели приводило на практике к прощению обидчику, сводило на нет «твердость духа», потому что она оказывалась только страдательной.

---

[1] «Зеркало света», ч. V, стр. 457, 458.

Вот эту слабость просветительской идеологии, свойственную, в частности, и Гольбаху, отлично видел и понимал Радищев. Сознание русскими просветителями, что «исправление разума в наших неприятелях» есть утопия и мечта, их понимание, что в условиях, когда преследуют добродетель, твердость духа оказывается только страдательной, то есть помогающей терпеть и покорно, «безмолвно сносить всю тягость оков», вместо того чтобы поднимать человека на подвиг, освободить себя и разбить оковы, — было проявлением кризиса. Зреющий кризис просветительской идеологии помогал Радищеву вывести просветительство из идейного тупика. Революционная идея, внесенная Радищевым в Просвещение, не только в политику, но и в социологию, в философию, в этику и эстетику, подняла антифеодальную идеологию на новую ступень, открыла новые перспективы ее развития. Радищев в середине 80-х годов принял эстафету от своих союзников и соратников и сделал новый и смелый шаг вперед, навстречу будущему. Новые идеалы он изложил в таких произведениях, как ода «Вольность», «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Путешествие из Петербурга в Москву» и, наконец, в философском сочинении «О человеке, его смертности и бессмертии».

Над повестью «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищев работал в 1788 году.[1] Последнее выступление Н. Д. на страницах «Зеркала света» с проповедью всесильности воспитания, из которого исключались «ненависть к неприятелю» и мщение «начальникам зла», было в памяти Радищева. Генеральная идея сочинений Козельского, Новикова и Н. Д. — воспитание. И Радищев пишет тоже повесть о воспитании. Но решается она уже с новых, революционных позиций. В центр повести поставлен острый конфликт студентов с их гофмейсте-

---

[1] В научной литературе нет указания о годе написания повести и обычно сообщается лишь о том, что она вышла в 1789 году. Необходимо обратить внимание на следующие слова Радищева в повести: «Осмнадцать лет уже совершилося, как мы лишилися Федора Васильевича». Поскольку известно, что Ушаков умер 7 июня 1770 г., то совершенно очевидно, что «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищев писал летом 1788 года, а напечатал в следующем, 1789 году.

ром, майором Бокумом. Отвлеченное моральное рассуждение о том, что есть «неприятели», угнетающие и похищающие у подчиненных им людей вольность, здесь персонифицировано и точно обозначено: Бокум не только начальник колонии, но и «начальник зла». Радищев все время переводит путем аналогии взаимоотношения студентов с Бокумом в ряд более высокий: взаимоотношений подданных с самодержавным правителем вообще. «Имея власть в руке своей и деньги, забыл гофмейстер наш умеренность и, *подобно правителям народов,* возомнил, что он не для нас с нами; что власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его». Или: «Пример самовластия государя, не имеющего закона на последование, ниже в расположениях своих других правил, кроме своей воли или прихотей, побуждает каждого начальника мыслить, что, пользуяся уделом власти беспредельной, он такой же властитель частно, как тот в общем». И тогда, оказывается, сама жизнь, а не философы подсказывают человеку его поведение: доведенный до крайности притеснениями мучителя, он восстает. Показывая конкретно, как складывались отношения студентов с Бокумом, фиксируя внимание читателя на возрастающем протесте («подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения, и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начиналися сходбища, частые советования» и т. д.), Радищев подводит его к важному, по его мнению, закону человеческого общежития: «Не имея в шествии своем ни малейшия преграды, человек, в естественном положении при совершении оскорбления влекомый чувствованием сохранности своей, пробуждается на отражение оскорбления. От сего рождается мщение, или древний закон *око за око,* закон, ощущаемый человеком всечасно, но загражденный и умеряемый законом гражданским». Так русская политическая мысль от суждения Козельского: «Обиженный имеет некоторое право к равному воздаянию» — за два десятилетия пришла к радищевскому закону о праве человека на «мщение», «на воздаяние за обиду», на «отражение оскорбления».

В основе этики революционера Радищева лежит идея мщения. Закон мщения объявляется им спасительным для человека, для общества. Именно потому, что сама

жизнь, взаимоотношения между обижаемым и обидчиком рождают желание «отражения оскорбления», можно быть уверенным, что истина, справедливость, свобода восторжествуют, «начальники зла» будут уничтожены. Этого закона «притеснители частные и общие, по счастию человечества, не разумеют и, простирая повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодрственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности... Не ведают мучители, и даждь господи, да в неведении своем пребудут ослепленны навсегда, не ведают, что составляющее несносную печаль сему другому не причиняет, ниже́ единого скорбного мгновения, да и в оборот то, что в одном сердце ни малейшего не произведет содрогания, во сте других родит отчаяние и исступление. *Пребуди благое неведение всецело, пребуди нерушимо до окончания века, в тебе почила* сохранность страждущего общества».

Полемика Радищева с программными требованиями просветителей — сторонников мирных путей социального обновления отечества — особенно наглядно проступает в использовании писателем их терминологии. У Н. Д. мы встречаемся с большой группой политических и морально-этических терминов: «свобода», «закон», «справедливость», «мучитель», «человеколюбие», «сострадание», «твердость духа», «мщение» и т. д. Радищев использует те же термины, что естественно, поскольку он выражает общепросветительскую идеологию. Важно обратить внимание на то, как в «Житии Федора Васильевича Ушакова», в «Беседе о том, что есть сын отечества», в «Путешествии из Петербурга в Москву» и других произведениях Радищев переосмысляет эту терминологию, исходя из своих революционных убеждений, наполняет ее новым содержанием.

Мщению Н. Д. противопоставляет *человеколюбие.* Радищев создает новое понятие, снимающее это противоречие: *«человеколюбивое мщение».* По Радищеву, покончить с угнетением, истребить угнетателей, казнить главного преступника — царя — есть не только восстановление справедливости, но и акт истинного человеколюбия по отношению к большинству нации — трудящейся массе.

Радищев подхватывает учение о *сострадании* как важнейшей добродетели человека. Но и сюда он вносит

поправку: сострадать «не всем без разбору», а тем, кто угнетен, кто находится в оковах рабства. Отсюда появляется новый термин: *умное сострадание.*

Встречаем мы у Радищева и формулу *твердость духа.* Но уже в «Житии Федора Васильевича Ушакова» она обогащается. Радищев подчеркивает, что твердость духа только тогда помогает человеку выполнить свое высокое общественное назначение, когда она подкреплена «правилами». *Твердость мысли,* то есть идейная убежденность, определяет *твердость духа.* Тогда твердость духа носит только активный, наступательный характер. Убеждение, что великий закон мщения обязывает человека отражать оскорбления и наказывать обидчика, и определяет необходимую в борьбе с «начальниками зла» *твердость духа.*

Радищев подчеркивает, что твердость не просто абстрактное свойство души, но что она национально обусловлена. Русский народ в ходе исторического развития выработал такие черты национального характера, как «*твердость* в предприятиях и неутомимость в исполнении». Существование их — залог будущего освобождения родины от рабства. Твердость и неутомимость создали народу величие и славу в патриотических деяниях; обращенные на снискание «блаженства общественного», они помогут народу разбить оковы рабства, расправиться со своими мучителями, уничтожить самодержавие.

Радищев готовил свои сочинения в 80-е годы. Издание их было актом политической деятельности революционера. Идя навстречу великой опасности, Радищев видел, что он не одинок. Вокруг него были мужественные деятели: писатели, философы, переводчики, практические работники просвещения, организаторы книгоиздательского дела, журналов, школ и т. д. Он понимал, как много уже сделали русские просветители, как ширилась их пропаганда, как росло число их «сочувственников», как активизировали они свою общественную и литературную работу. Активность таких союзников, как Новиков, Козельский, Фонвизин, Н. Д., Туманский, Яновский, как их молодые ученики Крылов, Клушин, Плавильщиков, братья Малиновские, как многочисленные их товарищи, последователи, убеждала Радищева в необходи-

мости и важности его выступления. Опираясь на определенную общественную среду, Радищев хорошо понимал, как в сложившихся исторических обстоятельствах русскому Просвещению нужна революционная идея. Проповедь мирного пути, ставка на просвещенный абсолютизм, непонимание созидательной революционной энергии народа, боязнь революции заводили просветителей в тупик. Преодолеть ограниченность политической мысли Просвещения — такова историческая задача, выпавшая на долю Радищева. Вот почему он подхватил выдвинутые его старшими союзниками проблемы и решал их заново с революционных позиций. Вот почему все написанные им произведения живыми и нерасторжимыми узами связаны с идейной жизнью России 80-х годов. В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев счел себя обязанным показать идейную жизнь России во всем ее богатстве, с любовью и уважением создал образы русских просветителей. Сочинение, написанное им сразу по приезде в Илимскую ссылку, «О человеке, о его смертности и бессмертии», явилось итогом пересмотра Радищевым философских взглядов русских просветителей. Если в «Путешествии» центральной была проблема политическая, то в сочинении «О человеке» — философская.

10

Активность просветительского фронта достигла зенита в конце десятилетия. Новиков в 1787—1789 годах распространил свою деятельность на деревню, организовав помощь голодающим крестьянам и создав комитеты общественной взаимопомощи. Фонвизин готовил новый сатирический журнал «Стародум, или друг честных людей», который предполагал издавать в 1788—1789 годах. В журнале должна была быть напечатана резкая политическая сатира «Придворная грамматика». И хотя журнал Екатерина не разрешила издавать, «Придворная грамматика» дошла до читателя в списках. В Петербург возвращается Яков Козельский и устанавливает отношения с книгоиздателем Шнором, тем самым, у кого печатал Туманский свой журнал «Зеркало света».

В 1788 году Яков Козельский издает новое философское сочинение «Рассуждения двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании».

В последние годы десятилетия широко развернул свою деятельность и петербургский просветительский центр, возглавляемый Федором Туманским. Более десятка различных изданий — журналов, исторических и художественных сочинений — выпустила в свет эта группа писателей. Характерной особенностью развития просветительского движения этой поры был приток новых участников движения, новых писателей, получавших идейное и практическое воспитание под руководством старшего поколения просветителей. В просветительском лагере начал свой общественно-литературный путь и юный Крылов.

Слабость изучения русского Просвещения сказалась и на изучении Крылова. Биографы обычно рассказывают о том, как юноша Крылов, попав в Петербург, пробует свои силы в драматургии, но не может пробиться на сцену императорского театра. Действия его изображаются как действия одинокого начинающего литератора, на пути которого встают всесильные драматурги типа Княжнина. Отсюда — вражда Крылова с Княжниным, его пьесы-памфлеты о нем и т. д.

В действительности дело обстояло иначе. Несмотря на бедность биографических сведений об этих годах жизни Крылова, можно довольно ясно представить картину начала творческого пути будущего баснописца. По приезде в столицу молодой литератор, воспитанный на просветительских идеях, выступает сразу как последователь и ученик русских просветителей. Первое его произведение, либретто оперы «Кофейница», написано на материале «Живописца» Новикова. Антидворянская, антикрепостническая направленность новиковского журнала вдохновила начинающего писателя. В конце десятилетия он принимает участие в журнале Федора Туманского «Лекарство от скуки и забот».

Журнал выходил с июля по декабрь 1786 года и с января по июль 1787 года, то есть почти одновременно с другим журналом Туманского, «Зеркалом света». Между двумя журналами много общего. Были и общие сотрудники: Николай Яновский, некто, скрывший свое

имя за инициалами А. Б. Д., и другие. В журнале «Лекарство от скуки и забот» принимали участие и новые сотрудники: Аполлон Майков, А. Бухарский, Иван Крылов. Журнал имел двенадцать отделов. Первый отдел: «Нравоучения по впечатлению добродетели». В четвертом помещались «Материалы к поправлению воспитания и хранения здоровья», пятый отдел — политический — «для распространения познаний известия о всех редких событиях земного шара». Девятый отдел — библиографический; десятый содержал рассказы о «примечательных происшествиях в разных государствах и России» и одиннадцатый давал «любопытные сведения о деятельности добродетельных мужей». Другие разделы посвящены были развлекательным «материям»: загадкам, забавным и смешным историям в прозе и стихах.

Привлекают внимание некоторые материалы пятого — политического раздела. Вот примечательная статья о политическом опыте XVIII века: «Осмое на десять столетие, отмечающееся в деепнсаниях многочисленными важными происшествиями, представляет нам не в одной Европе важные перемены. Народ, вопиющий о низложении некоторых податей, требующий уравнения прав, каковыми пользуются их собратия, раздражается: англичане отвергают просьбы англичан», — так начиналась статья, рассказывавшая о взаимоотношениях Англии и «Соединенных американских областей» после революции. [1]

Сотрудники журнала сообщали русским читателям важные известия. Читатель, например, узнавал о создании в новой республике «Соединенных американских областей» политического общества частных людей, служивших ранее в армии и флоте. «Намерение общества, по их постановлению, состоит в том, чтобы всегда защищать нерушимость вольности и тех прав, кои они купили кровию, чтобы сохранять честь и силу народа». Рассказав подробно о деятельности общества, о его уставе, о желании охранять вольность, автор-переводчик этой заметки восклицает: «Прекрасное намерение!» [2] Подобные статьи, передававшие опыт создания политических орга-

---

[1] «Лекарство от скуки и забот», 1786, ч. I, стр. 13—14.
[2] Там же, стр. 15.

низаций, были насущно необходимы развивающемуся русскому Просвещению, они учили, подсказывали, помогали в реальных практических делах.

Выступил журнал с гневным протестом против рабства негров: «Не можно себе ничего вообразить ужаснее состояния негров во французских американских селениях. Сии несчастные, посвящающие свою вольность, свои труды и всю свою жизнь для удовлетворения страстей и роскоши господ своих, претерпевающие бедствия, которым поверить трудно, кольми паче страшно быть свидетелем оных. Если вздумают они, для избежания варварства зверских владык своих, спасаться бегством, бесчеловечный закон повелевает отсечь им ногу, а снабдив вместо той деревянною, определяют их в тягчайшую работу при ручной сахарной мельнице. Пища сего народа состоит в нескольких раковинах, одежда оного в лоскутьях рубищ, имущество в двух или трех глиняных тарелках; жилище их подобно медвежьей берлоге... Работа их продолжается беспрерывно; отдохновение весьма кратко; за величайшие услуги нет никакого воздаяния, за малейшие погрешности получают по сту палочных ударов. Кто не содрогнется, взирая на сих несчастных, обагренных всегда кровию, с растерзанною спиною, тело кусками на ногах висящее и подверженных жесточайшему истязанию, зависящему от единого господ их взора?» [1]

Выступление против рабства негров как бы продолжало новиковское обличение торга невольниками. Совершенно очевидно, что издатель и сотрудники журнала, поместившие письмо, разделяли новиковскую точку зрения, что подобные действия «не уважаются перед судилищем рассудка и человечества и не доказывают еще справедливости права, присвояемого белыми человеками над черными их собратиями». [2]

Каждый номер журнала «Лекарство от скуки и забот» готовился группой сотрудников Туманского. Сам издатель осуществлял, видимо, общее руководство, просмотр подобранных материалов по выработанному им плану. У Туманского в это время выходило одновременно

---

[1] «Лекарство от скуки и забот», 1786, ч. I, стр. 103—104.
[2] «Прибавление к «Московским ведомостям», 1784, № 72.

два журнала: «Зеркало света» по пятницам и «Лекарство от скуки и забот» по средам. К тому же Туманский усиленно готовил два больших исторических труда: десятитомное «Собрание» разных записок и сочинений о Петре (начало выходить с 1787 года) и оригинальное сочинение — «Полное описание деятельности государя императора Петра Великого».

В прощальном обращении к публике, напечатанном в последнем номере «Лекарства от скуки и забот», Федор Туманский прямо указывал, что журнал делали его сотрудники: «Благодарю вас, благосклонные читатели, судившие мои труды по мере возможности. Благодарю особенно вас, неутомимые сотрудники, за принятое вами участие в моих намерениях». [1]

Туманскому несомненно принадлежал план журнала. Он же определил его направление. Как ученый и политик, образованный литератор, он, видимо, давал указания, где искать и откуда брать нужный материал для политического, нравоучительного, библиографического отделов. Вряд ли можно сомневаться, что в этой большой работе наряду с другими сотрудниками (по отбору, переводу и обработке статей) принимал участие и молодой литератор Иван Крылов. В журнале есть одна эпиграмма, подписанная И. Кр., то есть Иван Крылов. Находим мы в журнале и стихи, подписанные другими сотрудниками. Но в основном журнал заполнялся прозаическими заметками, которые представляли собой или переводы, или обработку статей, вычитанных из иностранных газет и журналов. Под заметками подписей не было. Нет никакого сомнения, что все они писались сотрудниками журнала, среди которых был и Крылов.

Крылов, следовательно, начал свою литературную работу в просветительском лагере, в одном из просветительских журналов, где и определился его интерес к журналистике. Вот почему после закрытия журнала Туманского Крылов переходит в следующем году в журнал Рахманинова «Утренние часы», где печатает свои первые басни, вынашивая план издания собственного журнала, который и начнет выпускать с 1789 года.

---

[1] «Лекарство от скуки и забот», 1787, ч. II, стр. 198.

Выступление Крылова в просветительском лагере определило и его враждебность к дворянским литераторам — к Княжнину в 80-е годы, к Карамзину в 90-е годы. Выступление Крылова против вождя сентиментализма Карамзина поддержал Туманский. Карамзин в одном из писем к Дмитриеву писал о критике своих врагов. Письмо это характерно тем, что Крылов воспринимался Карамзиным в одном ряду с Туманским: «Итак, Эмин, Крылов, Клушин, Туманский не благоволят ко мне! Какое несчастье!»[1]

Выход в 1789 году журнала Крылова «Почта духов» — новая крупная победа русского Просвещения. В литературу вошел еще один талантливый писатель-сатирик. Своим первым сочинением (а «Почта духов» была таким сатирическим сочинением Крылова) молодой писатель поднял идейно-художественный уровень русской прозы, укрепил просветительский фронт литературы. «Почта духов» органически связана с русской сатирической журналистикой, но в работах о Крылове исследователи устанавливают связь сатирического материала «Почты духов» с «Трутнем», «Живописцем», «Адской почтой» и даже с сатирами Кантемира, совершенно обходя связи «Почты духов» с современными ему журналами. Тем самым журнал Крылова вырывается из литературно-общественной жизни 80-х годов, трактуется изолированно. *А «Почта духов» прежде всего связана с журналами 80-х годов. Поэтому она наполнена боевыми и актуальными сатирическими письмами, в которых молодой автор боролся с просветительских позиций не только с общественными пороками, но и с литературой консервативно-дворянского лагеря.*

Подробная характеристика «Почты духов» не входит в задачи моей книги. Да и существующая обширная научная литература о Крылове дает довольно ясное и верное представление о содержании «Почты духов».[2] Мне

---

[1] «Письма Карамзина к Дмитриеву», СПБ., 1866, стр. 33.

[2] Анализ «Почты духов» дан в обстоятельных работах Д. Д. Благого («Сатирическая проза Крылова», в сборнике «И. А. Крылов, Исследования и материалы», Гослитиздат, М., 1947) и П. Н. Беркова («Почта духов» И. А. Крылова» — «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», 1946, а также глава о «Почте духов» — «История русской журналистики XVIII века», АН СССР, М. — Л., 1952).

хочется лишь отметить некоторые моменты связи крыловского сатирического сочинения с просветительской журналистикой 80-х годов, зависимость поднятых им вопросов от проблематики этих журналов.

Важнейшей политической темой «Почты духов» была тема «страстного государя». Крылов писал о государе, который для «удовольствования непомерного своего честолюбия разоряет свое государство и приводит в крайнюю гибель своих подданных». Известно, что Новиков первым в 80-е годы в своем учении о страстях, развернутом на страницах «Московского издания», покинул область отвлеченных моральных категорий и перешел к вопросам общественным, социальным и политическим. Этика стала в новиковских журналах политикой. В ряде статей: «О льстецах и о всех людях вообще», «О государях», «Печальные следствия непостоянства», напечатанных в «Московском издании», на примере государей показывались губительные следствия страстей, которым они были подвержены. Обличение пагубных для царей страстей, и в частности сладострастия, звучало в статьях Новикова как прямой политический намек на Екатерину, на обременительные для народа миллионные платежи многочисленным любовникам императрицы.

Те же мотивы мы встретим и в «Зеркале света» Туманского. В одной из статей Н. Д. приведены слова Гольбаха о том, что порочные люди, кто бы они ни были, даже государи, испытывают страх за свои действия, боятся возмездия. «*Благоразумие,* — сказано там, — можно сказать, есть *рассудительный страх следствий, могущих произойти от наших деяний.* Сей страх весьма нужен каждому человеку, старающемуся исполнить свято обязанности общежития, а особливо необходим тем, кои управляют народами... Благополучен совершенно тот народ, над коим сие благоразумие, сей страх во всей своей силе царствует». [1]

Крылов подхватил выдвинутые его предшественниками темы. В своих статьях-письмах он открыто использует для политической сатиры то, что вычитал в журналах 80-х годов: «Тщетно порочный государь мыслит под защитою своего самодержавства успокоить страх свой,

[1] «Зеркало света», 1787, ч. V, стр. 381.

который посреди величества его, славы и беспечности повсюду за ним следует и непрестанно его мучит и терзает». [1]

Обличение разорительных для народа войн — одна из важнейших тем просветительской журналистики и литературы. Она разрабатывалась и в журналах Новикова, и в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, и в «Почте духов» Крылова. Близость Крылову новиковской постановки вопроса очевидна. В самом деле, в одной из статей «Московского издания» сказано: «Александр прославился своими знатными делами; он еще и больше сделал: приобрел имя Великого. Но что ж будет, ежели рассудить, что он пролил столько крови для удовольствия своего своенравия и столько погубил храбрых греков, как бы в жертву своего тщеславия, чтоб утеснить владетелей и народ невинный, который единственно защищал праведное наследие своих земель, оставленное предками. Как? Люди разве сотворены только к удовольствованию честолюбия одного из них? Нет, нет, кровь человеческая весьма дорога, чтобы быть ей проливаемой беспрестанно для удовольствия желающего прославиться одного владетеля тщеславящегося». [2]

Крылов развил мотив обличения государей-завоевателей: «Для меня весьма кажется удивительно... что не взирая на все те бедствия, которые тщеславным Юлием и кровожаждущим Нероном свету причинены были, нашлись в то время столь гнусные люди, которые не устыдились превозносить их великими похвалами, приписывая им пышное название Великих и Победителей». [3]

---

[1] «Почта «духов», 1789, ч. I, письмо II.

[2] «Московское издание», 1781, ч. II, стр. 186.

[3] «Почта духов», 1789, письмо XX. Во втором издании, вышедшем в 1802 году, Крылов передал это место, резко усилив обличение монархов, ведущих кровопролитные войны: «Область, опустошенная тщеславным победителем, не должна ли почитать его чудовищем, рожденным для погибели рода человеческого? Кто дал право человеку убивать миллион подобных себе людей для удовлетворения своих пристрастий? В каком установлении естественного закона можно найти, что множество людей должны принесены быть в жертву тщеславию, или, лучше сказать, бешенству одного человека? Все сии мнимые герои, которым ослепленные смертные придают пышное название Великих и Победителей, в глазах истинного философа суть не что иное, как Нероны и Калигулы». («Почта духов», 1802, ч. II, письмо XX, стр. 110.)

Коснулся в своем журнале Крылов и вопросов литературно-общественной борьбы, высказал свое мнение о ряде писателей. Особого внимания заслуживает письмо сильфа Дальновида «О честном человеке». Обращение к теме «честного человека», разработка нравственного кодекса «честного человека», подчеркивание, что истинно добродетельным человеком является «честный человек», выделение курсивом слов «честный человек» — все это не случайно. Можно предположить, что молодой просветитель сознательно выступал в защиту своего учителя — Фонвизина.

Еще в «Недоросле» Стародум объявил себя другом честных людей; в монологах Стародума был определен идеал гражданина, сформулированный русским Просвещением как «честный человек». В 1788 году Фонвизин задумал издавать собственный журнал, который назвал «Стародум, или друг честных людей». Журнал запретила Екатерина. Несомненно, о замысле Фонвизина, о запрещении его журнала знали литераторы, и в частности литераторы передового лагеря. Письмо Крылова с развернутой защитой «честного человека», напечатанное через год после попытки Фонвизина издать свой журнал, возможно, было выступлением в защиту Фонвизина.

Когда Крылов писал: «Придворный, который гнусным своим ласкательством угождает страстям своего государя, который, не внемля стенанию народа, без всякой жалости оставляет его претерпевать жесточайшую бедность и который не дерзает представить государю о их жалостном состоянии, страшась притти за то в немилость, может ли называться *честным человеком?»,* [1] читатель не мог не вспомнить Стародума, чей «образ мыслей», по словам Фонвизина в предисловии к своему журналу, «довольно известен». Ведь это он отказался «угождать страстям государя», он не побоялся «притти в немилость» и уйти в отставку; потому именно он и есть «честный человек».

Читатель находил у Крылова: «Чтоб быть совершенно достойным названия *честного человека* и чтоб заслужить истинные похвалы, потребно сохранить все добродетели. И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно

[1] «Почта духов», 1789, письмо XXIV.

должности своего состояния, более заслуживает быть назван *честным человеком,* нежели гордый вельможа и несмысленный судья»,[1] и вспоминал сцены из «Недоросля», в которых Стародум и Правдин рассчитывались с учителями Митрофана. Здесь Фонвизин показал, что́ значит для просветителей равенство людей. Он сблизил моральный кодекс честного человека Стародума с моральным кодексом честного человека Цыфиркина: Цыфиркин «добрый человек», «честный человек», потому что трудится, не угнетает других.

Честный человек, объявляет Крылов, настоящий философ. Он не только с гневом покидает своего государя, утопающего в пороках. Ему «надлежит к благосостоянию народа изыскивать всевозможные способы и стараться прекращать всякое зло, причиняющее вред отечеству, хотя бы чрез то должен он был лишиться милостей своего государя и быть навсегда от лица его отверженным».[2] Трудно было не узнать в таком «честном человеке» Фонвизина, судьба которого, «отверженного» за то, что «к благосостоянию народа изыскивал всевозможные способы», была широко известна.

11

В эпоху бурного расцвета русского просветительства, создания новых просветительских журналов, появления новых писательских имен, зарождение революционных идей было самым важным событием в истории русской политической мысли. В сочинениях Радищева революционная теория нашла свое замечательное теоретическое обобщение.

Характерной приметой времени, когда писались и выходили в свет революционные книги Радищева, было создание просветительских и литературных объединений. В различных столичных обществах было не менее двухсот членов. Факт создания таких обществ наглядно свидетельствует о том, что многолетняя деятельность просветителей дала свои результаты, что в России стало появляться все больше людей, которые интересовались поли-

[1] «Почта духов», 1789, письмо XXIV.
[2] Там же.

тикой, задумывались о положении народа, о социальных порядках в отечестве.

В середине 80-х годов Федором Кречетовым в Петербурге было открыто просветительское общество под несколько своеобразным названием — «Всенародное вольно к благоденствованию составленное общество». Дошедшие до нас сочинения Кречетова не содержат строго разработанной системы политических взглядов. Писал он плохо, очень витиевато, как правило темно, без конца обращаясь к библии. Начитанный в просветительской литературе, усвоивший многие просветительские идеалы, ненавидевший Екатерину, Кречетов был человеком смелым, не боявшимся открыто высказывать свои вольные мысли, осуждать императрицу и крупных сановников.

Одной из важнейших задач «Общества» было учреждение школ на деньги, собранные членами. В сохранившихся протоколах «Общества» мы находим интересные записи мнений об этом. Более подробные сведения об организации обучения в школах, о задачах, возлагавшихся на них Кречетовым, мы узнаем из доноса предателя Малевинского.

Излагая свой разговор с Кречетовым, Малевинский сообщил, что был удивлен желанием Кречетова «получить привилегию на устройство школ»; на его вопрос: «да на какой же конец ты такие школы заводишь, вить ныне по милости государыниной везде заведены училища», Кречетов ответил: «Это только мажет по губам государыня, из одного тщеславия, а я-де заведу училище такое, что наберу множество людей, да и баб до тысячи, а как-де совсем это учрежу, то стану приглашать к себе солдат и уговаривать, чтоб они командиров всех перевязали, и холопей и крестьян сделали вольными». [1]

Свидетель Окулов подтвердил, что Кречетов собирался заводить школы для народа. Свидетель Скворцов также слыхал от Кречетова о школах. Получив право открывать школы, он собирался учащихся «направить к соделанию вольности, а как сие соделается, то уже и самодержавной власти не надобно». [2]

---

[1] Н. Чулков, Ф. В. Кречетов, забытый радикальный публицист XVIII века — «Литературное наследство», М., 1933, № 9—10, стр. 466.

[2] Там же, стр. 467.

Идея создания народных школ, отличных от заведенных Екатериной училищ, родилась, как мы видели, у русских просветителей. Новиков первым открыл два таких училища. Характерно, что Кречетов, отталкиваясь от опыта Новикова в создании частных училищ, превращает в своих планах школы в очаг просветительской пропаганды. По мысли Кречетова, школы должны были не только обучать грамоте простых людей, но и воспитывать любовь к свободе, ненависть к обидчикам. Идея привлечения в школы солдат несомненно подсказана опытом службы Кречетова в армии, и в частности службой в Тобольском полку во время пугачевского восстания. Как полковой аудитор, Кречетов отлично знал о лютой ненависти солдат и рекрутов к своим помещикам; известны ему были и случаи перехода сотен солдат на сторону Пугачева.

Кречетову удалось создать общество, куда вошло около сорока членов. Такое количество членов — красноречивое свидетельство существования в Петербурге — и шире, в России, — той среды, которая позволяла Радищеву, выступая с революционной книгой, надеяться, что он найдет тех, «кто сostраждет» вместе с ним «над бедствиями собратии своей, кто в шествии» подкрепит его, и верить, что из этой революционной агитации может произойти «сугубый плод». Связан же Радищев был с социально разнообразными кругами населения Петербурга: с дворянской интеллигенцией и с городской думой, с купечеством, со служащими таможни, с молодежью — недавними питомцами университета, служившими в столице на штатской и военной службе. Хорошо знал Радищев и многих литераторов.

Связи Радищева с молодежью прежде всего характеризуются его отношением к вновь заведенному в Петербурге литературному собранию «Общество друзей словесных наук». Благодаря исследованию В. П. Семенникова [1] нам довольно хорошо известна история взаимоотношений Радищева с «Обществом друзей» во второй половине десятилетия.

За время пребывания в «Обществе друзей» Радищев написал статью «Беседа о том, что есть сын отечества».

---

[1] См. его статью «Литературно-общественный круг Радищева» — «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М. — Л., 1936.

Это произведение характеризует средства революционной агитации, использовавшиеся Радищевым. По уставу «Общества друзей» сочинения его членов, предназначавшиеся для печати, читались и обсуждались на собрании. Читал свою «Беседу» и Радищев. При обсуждении он имел возможности комментировать ее. Видно, разъяснительные комментарии и вызвали у слушателей Радищева убеждение, что статью не пропустит цензура (в печатном тексте статьи нет ничего такого, что цензура могла бы запретить). Член «Общества друзей» Тучков со слов присутствовавших на заседании, когда Радищев читал свою «Беседу», записал: «Члены хотя одобрили оное, но не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностию духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания». [1]

«Беседа» Радищева, напечатанная в журнале, абсолютно легальна. Помимо того, что Радищев не говорил прямо о революции, восстании и т. д., он еще сопроводил ее целой серией оговорок. Вот примеры оговорок: рассказывая о том, что человек — «существо свободное», Радищев ссылается на законы: «Все сие обретет он в едином последовании естественным и откровенным законам, инако божественными называемым». В другом случае он пишет так: «Сим да начинает украшать он величественное наименование сына отечества, монархии». Давая определение — кто является благородным, Радищев оговаривается — благороден тот, кто повинуется «законам и блюстителям оных, предержащим властям».

Но подобные вставки, оговорки, несомненно сделанные для цензуры, не мешали Радищеву изложить свои идеи. В чем же состоял замысел Радищева? Русские просветители разрабатывали прежде всего моральные проблемы, причем, как правило, решались эти проблемы с отвлеченных позиций, поскольку игнорировалась социальная обусловленность поведения человека. Речь шла о добродетелях гражданина вообще. Радищев же смело заговорил о том, что в реальных условиях России крепостные, смирившиеся со своим положением рабов, и дворяне,

---

[1] «Записки С. А. Тучкова», СПБ., 1906, стр. 93.

их мучители, не могут называться истинными сынами отечества.

«Беседа о том, что есть сын отечества» замечательна прежде всего новым, истинно революционным отношением к народу. Поняв историческую роль народа, Радищев, сочувствуя его бедственному состоянию, в то же время далек от либерально-сентиментальных, филантропических взглядов на страдающего мужика. Он трезво оценивает положение крестьян: ныне они находятся в крепостной зависимости, превращены в рабов, в «тяглый скот» и потому лишены «величественных прав человека». В превращении крестьян в «тяглый скот» виноваты дворяне: «Но здесь не касается рассуждение о тех злосчастнейших, коих коварство или насилие лишило сего величественного преимущества человека, кои соделаны чрез то такими, что без принуждения и страха ничего уже из таких чувствований не производят, кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя; кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу, и не имеющие надежды освободиться от своего ига, получая равные с лошадью воздаяния и претерпевая равные удары».

Только революционер мог увидеть и понять, что крепостной, который «не видит конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения», есть раб, обреченный на постоянные мучения и страдания. Только не смирившийся раб может изменить существующее положение. Но свобода может быть добыта только в борьбе, на которую его вызывают обстоятельства угнетения. Осторожно, но отчетливо Радищев так сформулировал свою заветную мысль: «Случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца». Та же мысль в «Путешествии» высказана еще более определенно: «Свободы ожидать должно от самой тяжести порабощения».

В «Беседе» Радищев провозглашает: «Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» В развитое просветителями понятие человека Радищев вложил новое содержание: человек — это прежде всего борец с неволей, протестант, мужественный патриот. Честь — пер-

вая добродетель человека-борца. Она не допускает его смиряться перед силой порабощения. Честь заставляет его ненавидеть угнетателей, отнимающих у него вольность, собственность, покой.

Благонравие — вторая добродетель. Благонравие выводит человека из круга личных, частных интересов в мир общественный. Вне служения своим соотечественникам, своей родине не может быть для него счастья: «Он пламенеет нежнейшею любовию к целости и спокойствию своих соотчичей; ничего столько не жаждет зреть, как взаимной любви между ними; он возжигает сей благотворный пламень во всех сердцах; не страшится трудностей, встречающихся ему при сем благородном его подвиге; преодолевает все препятствия, неутомимо бдит над сохранением честности, подает благие советы и наставления, помогает несчастным, избавляет от опасностей заблуждения и пороков, и ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу отечеству, то не страшится пожертвовать жизнию».

«Третий отличительный знак сына отечества» — благородство. «Истинное *благородство* — есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честию, которая не инде находится, как в беспрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству и по предписуемым законам естества и народоправления». Читатель отлично понимал, что, требуя благотворить своим соотечественникам, воздавая каждому по достоинству в соответствии с законом естества и народоправления, Радищев в действительности призывал не мириться «с притеснителями, злодеями человечества» и выступать против тех, кто «терзает ближних своих», кто готов «отъять у злосчастных соотечественников своих и последние крохи».

«Беседа» не только ставила моральные проблемы; впервые в России формулируя нравственный кодекс революционера — «истинного сына отечества», она в то же время была и остро политической статьей. Если крепостное право лишает отечество своих верных сынов (ими не могут быть крепостные, превращенные в «тяглый скот»), — значит, необходимо уничтожить общественное зло, вернуть людям свободу, устранить навсегда причину

развращения людей, расправиться с мучителями и поработителями. Эти требования превращали «Беседу» в смелое выступление против крепостничества.

«Беседа о том, что есть сын отечества» напечатана в журнале «Беседующий гражданин» в декабре 1789 года. В том же году, но чуть раньше, вышло «Житие Федора Васильевича Ушакова». Закончив в основном работу над одой «Вольность» и «Путешествием из Петербурга в Москву», Радищев для того, чтобы напечатать их, приступил в том же году к организации собственной типографии. Поскольку последняя редакция оды «Вольность» и «Путешествия» относится к концу 1789 — началу 1790 года, естественно их анализировать после «Письма другу, жительствующему в Тобольске», «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Беседы о том, что есть сын отечества».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Поэзия привлекала самое пристальное внимание Радищева в течение всей его жизни. Русские народные песни и «Слово о полку Игореве», Ломоносов и Державин, Сумароков и Карамзин со своими учениками и последователями, крупнейшие поэты Англии, Франции, Германии, античная поэзия и наследие персидского поэта Саади (сборник стихов которого «Гулистон» — «Цветник роз» — он знал в немецком и французском переводах) — все это Радищев внимательно читал, оценивал, изучал. Он был историком русской поэзии, написав первый научный очерк о Ломоносове-поэте, определив его место и роль в русской литературе; ее теоретиком — разработав вопросы метрики, рифмы, поэтического мастерства и в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Тверь») и в специальном сочинении «Памятник дактилохореическому витязю». Наконец он выступал как поэт. Юношеские стихотворные опыты, по свидетельству самого Радищева относящиеся к 70-м годам, до нас не дошли. Первое известное нам его стихотворение — ода «Вольность» — относится к 1781—1783 годам. Затем Радищев писал стихи в ссылке — в Сибири и в Немцово. В последние годы жизни он работал над поэмами: «Песни исторические», «Бова», «Песни, петые на состязаниях».

Поэтическое наследие Радищева количественно не велико, но вклад Радищева-поэта огромен: он — зачинатель русской революционной поэзии, ее основоположник. Традиция гражданской поэзии, созданная Ломоносовым,

была им подхвачена, с новой силой развита. Тем самым Радищев определил темы, содержание, стиль русской революционной поэзии на долгие десятилетия. Он первый создал образцы истинно высокого стиха, вложив в понятие высокость гражданский, политический смысл. Высокие мысли и чувства — это мысли и чувства человека, живущего интересами родины и народа, познавшего великое счастье служения свободе, жаждущего подвига и борьбы за будущее, которое представало перед его духовными очами. Именно это радищевское начало в поэзии было усвоено декабристами и Пушкиным, создававшими замечательные вольнолюбивые стихи, в которых было выражено «дум высокое стремленье» нового поколения дворянских революционеров.

Герцен засвидетельствовал: «И что бы он (Радищев. — *Г. М.*) ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце». [1]

В 80-е годы Радищев принимает твердое решение использовать литературу для революционной пропаганды. Ломоносов, Новиков, Фонвизин высоко подняли звание писателя, подчеркнув общественный характер его деятельности. Для Радищева писатель не только патриот, но и революционер, «прорицатель вольности», и потому, следовательно, политический деятель, участник освободительного движения. Свое учение о роли писателя в обществе Радищев полнее всего изложил в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие, для того что не могли избавить человечество из оков и пленения».

Писатель должен не только карать, обличать и судить самодержавную власть, «губительство и всесилие», — он обязан воспитывать общество, бороться с заблуждениями, множить число своих единомышленников.

Достижения писателей определили обращение Радищева к традициям русской литературы. В 1780 году он пишет историко-литературный и теоретический очерк

---

[1] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. IX, стр. 271.

о Ломоносове. Для Радищева Ломоносов — гениальный русский поэт, реформировавший поэзию, показавший великую роль художественного слова, зачинатель «витийства гражданского», силой своего творчества завоевавший «право неоцененное» поэта «действовать на своих современников». Эти особенности ломоносовского творчества служили для Радищева прочным основанием, на котором предстояло ему строить здание новой, революционной поэзии.

Со второй половины XVIII века в России господствующее место занимала дворянская литература. После пугачевского восстания, обнаружившего со всей силой кризис крепостнической системы и неизбежность роста борьбы народа со своими угнетателями, началось интенсивное идейное перевооружение дворянства. Дворянская литература спешно переходила от старой эстетики к новой, от классицизма к сентиментализму, который в новых исторических условиях мог с большим успехом выполнять свою главную идеологическую задачу — отстаивание дворянских интересов.

Сентиментализм, разрушая эстетику классицизма, разрушал и его жанры. Он, в частности, отверг в поэзии оду с ее высокой государственной темой, высоким, торжественным ораторским стилем. Новая школа утверждала в поэзии прежде всего частную тему, раскрытие интимной жизни человека, культивируя легкий, «забавный» слог. Правда, при всем своем декларативном отказе от одической традиции и при всей своей приверженности к темам частной жизни человека, жизни сердца, сентименталисты, и ранние и поздние, не уставали «петь» Екатерину, а потом Александра. Важнейшая тема поэзии классицизма — прославление монархии — была по наследству воспринята сентименталистами. Но осуществляли они ее уже с новых эстетических позиций. Первые образцы показал Богданович, воспевший Екатерину после подавления ею пугачевского восстания в шутливой поэме «Душенька».

Новому искусству сентиментализма противостояла литература русского Просвещения, представленная в это время в первую очередь деятельностью Новикова, Фонвизина. Оба эти просветителя вели борьбу с классицизмом и сентиментализмом, отстаивая новую эстетику

«действительной живописи», в которой уже проступали черты складывающегося реализма, боролись за гражданскую литературу, утверждали сатиру, смело обличали крепостнические порядки в России и деятельность Екатерины. В конце 80-х годов выступил молодой ученик Фонвизина и Новикова — Крылов.

Радищев, примкнувший к просветительскому фронту литературы, выступил не только как прозаик, но и как поэт. В поэзии ему и предстояло «вдаваться в области неизведанные», прокладывать пути русскому революционному стихотворению. Ломоносовское гражданское витийство несомненно служило опорой для новаторства поэта-революционера. Но и его ода не могла удовлетворить Радищева. Тем более не могла его удовлетворить поэзия дворянского классицизма. «Пускай другие, раболепствуя власти, — писал Радищев, — превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу». В 80-е годы прежде всего предстояло преодолеть нормативную эстетику господствующей литературы классицизма, разрушить ее теорию жанров, отмести ставшие традиционными и обязательными представления о предмете высокого, о теме оды.

Высокое в классицизме определялось сословной идеологией — все то, что было посвящено богу и царю. Радищев определил новый критерий высокого. Поэт-революционер, живущий в рабской стране, воспевает свободу. Поэт-гражданин утверждает мысль о равенстве людей, о праве народа вернуть отнятую у него вольность, то есть о праве борьбы с угнетателями. Первым стихотворением самого Радищева, открывавшим новый путь в русской поэзии, была ода «Вольность». Русская революционная мысль оказалась впервые изложенной поэтическим словом.

Рабство, писал Радищев, «разум и сердце человеческое обессиливает, налагая тягчайшие оковы презрения и угнетения, подавляющего силы духа вечного». Свобода же воодушевляет человека, поднимает к новой, высокой жизни. «Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею; что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума, постигает пособием ума и *стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому*». (Курсив наш.)

Следовательно, только свобода поднимает человека к «прекрасному и величественному», только в борьбе за свободу человек раскрывает свое природное величие и утверждает себя как личность. Этот строй духовной жизни человека и должен был определять стиль революционной, по-новому высокой поэзии.

Радищев понимал стоявшие перед ним как поэтом трудности. В «Путешествии из Петербурга в Москву», куда была включена ода «Вольность», он сообщил, что оду отказались напечатать, так как «предмет стихов несвойствен нашей земле». Но новым был не только «предмет» оды. Радищеву приходилось идти непроложенным путем. Каким должно было быть развитие нового содержания в стихотворении о свободе? Какова его композиция? Каково стилистическое воплощение высоких гражданских чувств? Надо было создавать впервые революционную поэзию, должно было самому открывать и прокладывать пути для будущих поколений.

Открывать новое можно было, только освоив богатейший опыт русской поэзии, и Ломоносова прежде всего. Но образцами печатной литературы нельзя было ограничиться. Ода раскрывала систему радищевских революционных убеждений, его сокровенные идеалы. Она была враждебна всему самодержавно-крепостническому строю, всей дворянской идеологии, и в то же время она выражала мечты и чаяния крепостного народа, демократических масс. Значит, к демократической идеологии, к поэтическому творчеству народа и должно было обращаться в поисках опоры.

Радищеву предстояло прежде всего определить содержание того слова, которое было поставлено в заглавии оды. Слово это бытовало до Радищева в литературном языке дворянского общества, в языке политической и художественной литературы. Характерно замечание Радищева по этому поводу, высказанное в «Путешествии»: «Вольность... Ода... За одно название отказали мне издание сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении Нового уложения, говоря о вольности, сказано: «вольностью называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместно».

Ссылка на Наказ не просто издевка над цензурой. Радищев сознательно официальному, правительственному,

дворянскому пониманию вольности противопоставляет новое, революционное.

До Радищева термин *вольность* как выражение определенного политического понятия широко употреблялся именно в дворянской и правительственной литературе, причем он совсем не связывался с понятием политической свободы крепостного народа. Наоборот, слово *вольность* выражало дорогие дворянскому сердцу «вечные» его права. Отчетливее всего это проявилось в манифесте Петра III от 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Дворянскому идеологу, каким, например, был Сумароков, просто в голову не приходило, что вольность может быть «потребна» крестьянам. В известном ответе Сумарокова на конкурсную задачу Вольного экономического общества, призывавшего решить, полезно ли крепостным крестьянам иметь собственность или нет, мы читаем: «Прежде надобно спросить, потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. Канарейке лучше без клетки, а собаке — без цепи. Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина». [1]

Фонвизин в своем «Недоросле» (1781) показал, что Простаковы точно так же понимали вольность. Простакова глубоко убеждена, что вольность потребна только дворянству.

Простакова: Разве я не властна и в своих людях?

Правдин: А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин: Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин: Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. *(К г-же Простаковой.)* Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Простакова: Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен. Да на что ж дан нам указ-то о вольности дворянства? [2]

---

[1] А. И. Ходнев, История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865., СПБ., 1865, стр. 25.

[2] «Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина», СПБ., 1866, стр. 105.

Екатерина II в Наказе дала иное толкование вольности: вольность, писала она, есть не что иное, как равное повиновение законам. «Надобно в уме себе точно и ясно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то делати, что законы дозволяют».[1] Подобное толкование было выгодно тем, что, ничего не меняя в социальных отношениях крепостной России, позволяло считать «вольными» людьми все классы России. Через несколько лет Екатерина пошла еще «дальше» в этом направлении и «истребила в России звание раба» — так цинично и нагло называлась отмена обычая подписывать письма словом *раб*. Поэт Капнист немедленно дал этому манифесту идеологическое объяснение — в России Екатериной введена свобода:

Теперь, о радость несказанна!
О день, светляе дня побед!
Царица, небом ниспосланна,
Неволи тяжки узы рвет;
Россия! ты свободна ныне...
и т. д.

Такое употребление дворянством термина вольность — типичный пример навязывания словам общенародного языка значения, угодного господствующему классу. В общенародном языке слова *воля, вольность* всегда значили или свободу от плена, или свободу от тюрьмы, или свободу от какой-либо зависимости, или, после окончательного утверждения крепостного права, свободу от крепости, от рабства. *Воля, вольность* — заветные слова русского народа, выражающие его мечту, его идеал жизни, его надежды, — слова, поднимающие человека на борьбу со своими поработителями. В своем творчестве — песнях, пословицах, сказках — народ воспел вольность, вольницу, вольных, смелых, независимых людей.

В сотнях пословиц запечатлелась мечта о воле, определился идеал вольной жизни человека: «И была бы доля, да нет воли», «Вольность всего лучше», «Неволя холопу, воля господину», «Воля — свой бог» и т. д.

О вольности мужика вслух заговорили демократические депутаты Комиссии по составлению нового Уложения.

---

[1] «Сочинения Екатерины II», СПБ., 1849, т. I, стр. 9.

Если дворянские депутаты типа Щербатова, Глазова, Нарышкина и других потребовали расширения прав дворянства, узаконения их дворянских вольностей, то демократические депутаты — Чупров, Жеребцов, Олейников — от имени народа потребовали вольности для крепостного крестьянина. Они употребляли слово *вольность* в его общенародном смысле — свобода от крепостной зависимости. Так же говорил депутат майор Яков Козельский. Рассказывая о крестьянах Украины, еще не закрепощенных, он указывал: «Тамошние мужики, подданные, по вольности своей самопроизвольно договариваются».[1] В другом месте: «Лучше кажется по человеколюбию стараться возбуждать народ к работе вольной и не томной, то он больший урок выработывать будет и не устанет, нежели одною неволею и удручением рабства».[2] В речи Чупрова сказано: «Государственные крестьяне в вольности жительство имеют»[3] и т. д.

С новой силой народ заговорил о вольности во время пугачевского восстания, категорически заявив, что именно ему, находящемуся в крепостной кабале, она более всего потребна. Манифесты Пугачева потому и обладали огромной притягательной силой, потому и имели величайшее агитационное значение, что они обещали народу вольность. Из указа в указ повторялись сокровенные слова: «Жалуем сим именным указом... находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков... вольностью и свободою». Или: «Намерены... учинить во всей России вольность». Или: «И будет от меня вольным и невольным, всем моим, которые меня почитающим, воля». Или: «Слушайте!.. Ныне я вас, во-первых, даже до последка, землями, водами, лесами, жительствами, травами, реками, рыбами, хлебами, законами, пашнями, телами, денежным жалованьем, свинцом и порохом, как вы желали, так пожаловал по жизнь вашу. И пребывайте так, как степные звери. В благодеяниях и продерзостях всех вас пребывающих на свете освобождаю и даю волю детям вашим и внучетам вечно».[4]

---

[1] «Русская проза XVIII века», Гослитиздат, 1951, т. I, стр. 230.
[2] Там же, стр. 233.
[3] Там же, стр. 238.
[4] Там же, стр. 252, 253, 246, 247.

Слово *вольность* прозвучало в дни пугачевского восстания пламенным лозунгом, оно поднимало покорных, оно воодушевляло забитых, оно вооружало решимостью в жестокой борьбе отстоять свою независимость, свои исконные права. Это слово, опаленное пожаром восстания, исполненное истинных народных чаяний, запечатлевшее вековую мечту миллионов угнетенных, и ввел Радищев в литературу. Именно после Радищева слово *вольность* окончательно и навсегда утвердилось в русской литературе как призыв к революции, к разрушению самодержавия, к уничтожению крепостничества.

Радищев, изучая русскую историю, приходил к выводу, что свобода («вечевой колокол, палладиум вольности», «собрания народа, об общих нуждах судящего») «роду славянскому сосущественна». Самодержавие по мере укрепления своей власти истребляло вольность русских людей. Иван Васильевич «истребил остатки вольности Новгорода», Петр «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». Обращаясь к истории русского языка, Радищев находил в нем отражение жизни народа. «На российском говорят по просторечью про кого-либо: вольный казак, кто живет в независимости». Эта ссылка на просторечье замечательна тем, что свидетельствует о сознательном обращении Радищева к народному творчеству, запечатлевшему народное понимание определенных слов, и в частности слова *вольность*. В самом деле, последняя фраза Радищева несомненно восходит к пословице: «Никто мне не указ, я вольный казак».

В ходе восстания термин *вольность* наполнился и конкретным социально-политическим содержанием: вольность — это уничтожение крепостной зависимости, это частная собственность на землю, это свобода от тяжелых рекрутских наборов, от дворянских законов, это независимость личная, при которой каждый «может восчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатця будет».

Нет сомнения, что только после великой крестьянской войны, только в годы завершения победоносной революции в Америке могло быть написано первое революционное стихотворение в России на тему о свободе. Демократическая идеология, творимая народными массами, помогла

Радищеву в его подвиге. Но также несомненно и то, что Радищев бесконечно далек от какой-либо идеализации стихийного восстания, проходившего под царистским лозунгом. Ода «Вольность» — лучшее тому доказательство. Восстание проявило ярую классовую ненависть крепостных к помещикам, раскрыло творческую энергию народа, выявило истинные чаяния народа и те права, за которые народ готов был сражаться силой оружия. Это все и помогло Радищеву. Но в то же время восстание лишено было политической программы, оно проходило под лозунгом борьбы с помещиками, но за хорошего царя, вследствие чего политический лозунг «вольность» в ходе восстания не был направлен против самодержавия.

В оде же «Вольность» Радищева были изложены основы революционной идеологии, высказана мечта о будущей победе народа в борьбе с самодержавием.

Необходимость изложить революционные идеи определила композицию оды. Первые две строфы — это гимн вольности, которая раскрывалась в значении, определенном народом. Вольность — великий, «бесценный дар» человека, она — «источник всех великих дел его», она — выражение его главных прав, так как он «от рождения свободен». Такая вольность была грозной для помещиков и самодержавия. Первая строфа заканчивалась обращением:

Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари.

Угроза неотвратимо свидетельствовала, что речь идет не о той вольности, о которой любили говорить монархи и дворяне. Радищевская вольность привела в ярость Екатерину так же, как вольность, объявленная в пугачевских манифестах. Не случайно она точно сформулировала связь радищевских убеждений с народным восстанием: «Радищев бунтовщик, хуже Пугачева».

Дальнейшее развитие оды раскрывало истинное содержание вводимого Радищевым нового политического термина. Прежде всего, что является «препоной» свободе? Следовал ответ: препоной являются законы, создаваемые самодержавием и освящаемые церковью, согласно которым у народа отняли вольность и утвердили рабство. Но если *законы,* созданные самодержавием, «претят свободе», следовательно, во-первых, это не истинные за-

коны, а ложные, и, во-вторых, их надо уничтожить, равно как и их творца — самодержца. Так возникает в оде тема мщения. Радищев описывает приход мстителя, который «прорицает вольность». И велика сила революционного слова! Самодержец «трепещет», а народ поднимается на восстание. «И се молва от край до края, глася свободу, протечет». И тогда «возникнет рать повсюду бранна, надежда всех вооружит; в крови мучителя венчанна омыть свой стыд уж всяк спешит». Очевидно, что великая вера в агитационную роль слова, вера в призывную силу вольности, в ее способность поднимать тысячи людей на борьбу могла родиться только после пугачевского восстания, когда именно это слово, бывшее лозунгом движения, протекая от «край до края», вооружало надеждою тысячи крепостных, создавая «бранную рать», творившую расправу с угнетателями.

В ходе восстания народ судит монарха. После долгой традиции одической похвалы, лести монарху в России появилась ода, прославляющая суд над самодержцем. Радищев торжественно провозглашает — народ имеет право судить самодержца, потому что он преступил закон, установленный самим народом: «Во власти всех своей зрю долю, свою творю, творя всех волю: вот что есть в обществе закон». Вопрос ставился исторически: когда-то народ «облек во порфиру» царя с тем, чтобы он мог «равенство в обществе блюсти». Поскольку самодержец не исполнил своего долга, а, наоборот, «восстал против народа», то он может быть свергнут, народ имеет тогда право судить самодержца и уничтожать самодержавное правление.

Но кто же, если не просвещенный монарх, будет «источником законов» в стране, кто будет творить «добро», в котором нуждается непросвещенный народ? Радищев ответил: свободный народ. В ответе на этот вопрос сказалось все глубокое и принципиальное отличие политических взглядов первого русского революционера от взглядов его учителей и предшественников — великих идеологов французского Просвещения и русских просветителей, бывших сторонниками мирных путей социального преобразования. Вот почему, показав свержение самодержавия и суд над монархом, Радищев во второй половине оды нарисовал увлекательную картину созидательной деятель-

ности освобожденного народа. Прежде всего народ «строит», создает новые и истинные законы:

Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

В автокомментарии Радищев замечает, что «в следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие». В центре «царства свободы» — свободный земледелец, его труд, его счастье, его новая жизнь.

Завершается ода вдохновенным пророчеством о будущей победе русской революции. Историзм взглядов Радищева позволил ему отчетливо понять, что в современных условиях победа народа еще невозможна. «Но не пришла еще година, не совершилися судьбы». И все же при этом выводе Радищев чужд пессимизма. Вот отчего ода кончается светлым и глубоко оптимистическим описанием «избраннейшего дня» победы русской революции, которая обновит «отечество драгое».

Но не только определить круг тем и композицию революционного стихотворения предстояло Радищеву. Перед ним вставала другая, не меньшая трудность — для выражения революционных идей нужно было, отталкиваясь от существующих значений слов, создавать новые, производить отбор слов, способных передать «высокий» строй чувств человека, вырабатывать термины для передачи новых политических понятий. Первой удачей Радищева было введение в литературный язык термина *вольность* с новым, революционным содержанием. Опираясь на этот опыт, Радищев пошел дальше.

Важнейшая тема оды — суд над царем. Много десятилетий в сотнях од поэты прославляли монарха. Вся официальная пропаганда — светская и духовная — возвеличивала царя, объявляла его власть божественной. Чтобы убедить читателя в праве народа судить царя, надо было не только политически сформулировать вину самодержца, —не выполнил требований народа, посадившего его на трон, — но и поэтически снизить образ царя. Так появились в оде дерзновенные эпитеты «злодей» (затем усилено — «злодей злодеев всех лютейший»), «преступник»

(затем также усилено — «преступник изо всех первейший»).

Оба этих слова имели широкое распространение в живой речи. «Словарь Академии Российской» зафиксировал следующие значения слова «злодей»: *«Злодей.* 1. Враг, недруг, сопостат. 2. Законопреступник, человек, подверженный тяжким порокам».[1] Употреблялись эти слова и в значении бранном: «негодяй», «подлый человек».

Свидетельство словаря важно, но не всегда им можно ограничиваться. В определенные исторические эпохи то или иное слово под влиянием конкретных политических обстоятельств вдруг получало необыкновенную популярность, к нему привлекалось всеобщее внимание. Часто слово «злодей» не приобретало никакого нового значения, оно употреблялось в своих старых смыслах, и вместе с тем что-то новое, неповторимо индивидуальное, связанное с конкретным событием, накладывало свой отпечаток на старое значение слова. Объяснялось это практическим закреплением данного слова за каким-либо точно обозначенным событием или лицом. Как раз в годы восстания Пугачева Екатерина многократно обращалась к народу с манифестами, в которых объяснялась преступность действий Пугачева, давалась оценка поднятого им восстания, характеристика его личности. Первый манифест был издан 23 декабря 1773 года. В последний раз Екатерина обратилась к народу с «сентенцией» 10 января 1775 года — в день казни Пугачева. Во всех манифестах Пугачева последовательно и настойчиво именовали «злодеем». В «сентенции», например, объяснялось «во всенародное известие» «о бунтовщике-самозванце и государственном злодее Емельяне Пугачеве», «о хищном сердце злодея Пугачева» и т. д. и т. п. В годы создания оды «Вольность» в литературном языке слово «злодей», употреблявшееся в политическом плане в значении «законопреступник», прежде всего связывалось и ассоциировалось с Пугачевым, со всеми другими «бунтовщиками» и «возмутителями».

Идейный смысл радищевского словоупотребления можно понять только в соотношении с той практической закрепленностью слова «злодей» в литературном языке тех лет, когда создавалась ода «Вольность». На первый

---

[1] «Словарь Академии Российской», 2-е изд., СПБ., 1806, т. II.

взгляд, никакого нового значения слово «злодей» в радищевской оде не приобрело. Оно употреблялось поэтом в смысле «законопреступник», нарушитель закона. Изменился *только* адресат — в практике литературного языка эпохи «злодеем» именовался восставший против самодержавной власти человек, человек, нарушивший законы самодержавного государства, а Радищев «злодеем» называет царя, нарушившего законы, созданные народом. Как видим, возможность такого нового, измененного применения слова «злодей» обусловливается революционными убеждениями Радищева. Для Радищева не монарх, а народ — творец законов. Следовательно, царь — первый гражданин, которому народ поручал соблюдение законов. Если он их не соблюдает, значит он законопреступник, «злодей».

Слово «злодей» в оде Радищева в конкретном применении к царю начинало приобретать оттенки нового значения, поскольку впитало революционную мысль о народе как творце законов и судье монарха. В самом деле, в оде слово «злодей» не просто бранная характеристика царя, — оно имеет больший смысл: царь «злодей» потому, что он ослушался воли народа, потому, что в народе он видел лишь «подлу тварь». В таком значении словосочетание царь-злодей и было закреплено в русском освободительном движении, в русской вольнолюбивой поэзии. До Радищева слово «злодей» такого значения не имело.

Правда, в периоды народных восстаний можно встретиться со случаями, когда царя называли «злодеем». В годы пугачевского восстания, как свидетельствуют манифесты восставших, злодеями назывались дворяне. Но во всех этих случаях мы сталкиваемся прежде всего с использованием бранного значения слова. Несомненно также, что наименование дворян «злодеями» в манифестах имело чисто агитационное значение. Наименование дворян «злодеями» звучало призывом к расправе с помещиками. Совершенно очевидно, что радищевское значение словосочетания «царь-злодей», включавшее в себя революционную мысль о народе как истинном творце законов, не было свойственно восставшим и не могло родиться в ходе крестьянской борьбы. Следовательно, в радищевской оде впервые словосочетание «царь-злодей» приобрело новое значение, которое было усвоено русской поэзией.

Изображая суд народа над царем, описывая восстание угнетенных, победу свободы, Радищев ни разу не употребил слова «революция». Вместо него мы встречаем другое слово — «мщение». «Се право мщенное природы» — так называет Радищев борьбу народа с самодержавием. В «Путешествии из Петербурга в Москву» он назовет «мщением» пугачевское восстание. Будущая победа свободы в России тоже произойдет вследствие того, что народы за «себя отомстят». Слово «революция» в ту эпоху не имело распространения. Словом же «мщение» он стремился подчеркнуть справедливое, исторически законное право угнетенных силой оружия вернуть отнятую у них свободу. Больше того, слово «мщение» передавало всю веками накопленную ненависть крепостных к своим поработителям, их решимость бороться с ними.

В употреблении слова «мщение» сказался демократизм Радищева. Проповедуя революцию, призывая возвести самодержца на плаху, он говорит языком, понятным широким массам народа. Оду его, даже после того как она будет напечатана в книге, народ не смог бы прочесть — это Радищев отлично знал. Но слово «мщение» сходило с ее страниц, становилось лозунгом, вдохновляющим на великое и правое дело. Поэтому, употребляя разные термины: «возмущение», «мщение», «восстание», Радищев всегда подразумевает одно — революцию, вооруженную борьбу крепостных против своих угнетателей.

Радищевская революционная мысль, находя свое воплощение в определенных словах, налагала на них свою печать. Радищеву приходилось иногда создавать новые слова-термины или их заместители; в большей же части новые словосочетания. Так, например, Радищев постоянно именует самодержавие «мучительством». Попадая в определенный контекст, это слово, широко бытовавшее в языке в значении, определенном «Словарем Академии Российской» — *«мучитель* — кто мучительски с подвластным поступает, кто во зло данную власть употребляет», начинало выступать заместителем определенного политического термина — самодержавие. Приняв новую функцию заместителя, оно, естественно, включало в себя новые значения, ранее не свойственные ему. Синонимичным со словом «самодержавие» у Радищева оказывается и словосочетание «кичливая власть».

Совершенно правилен вывод исследователя, изучавшего употребление слов «мучитель» и «мучительство» в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Находясь под пером Радищева на пути к терминологизации, они выступают... как синонимы понятий «царь», «самодержавие». [1] Самодержавие и крепостное право взаимосвязаны, утверждает Радищев. Самодержавная власть распространяла рабство, охраняла его. Вот почему появилось новое словосочетание, характеризующее связь самодержавия с крепостным правом, — «трон рабства».

Соответственно была разработана целая система слов — определений царя. Наряду с новым понятием — «царь-злодей» — мы встречаем в оде и другие определения царя, замещавшие прежние: «венчанный мучитель», «истукан власти», «владыка», «сторукий исполин» и т. д. Отобранные поэтом слова давали читателю оценку, они были эмоционально окрашены чувством негодования, возмущения автора, несли в себе осуждение действий и поступков царя. Такая эмоциональная окраска слов создавала особый поэтический стиль высокого стихотворения, способного открыто выразить строй чувств человека, ненавидящего самодержавную власть, крепостничество, угнетение, политическое бесправие.

Разработана Радищевым и поэтическая терминология для обозначения понятий революционер, борец за свободу народа. Восставшего человека, борца, революционера Радищев называет «мстителем», «вождем», «великим мужем», «прорицателем вольности», чье вдохновенное слово собирает «бранную рать», вооружает «надеждой» народ и увлекает его на мщение — революцию.

Найдя новые слова для выражения своих революционных идей, создав новые термины и понятия, придав новые значения и оттенки старым словам, Радищев определил надолго терминологию русской вольнолюбивой поэзии, ее стиль. Карамзин и Муравьев создали поэтический язык для выражения чувств «частного» человека, «жизни его сердца». Введенные ими для выражения «чув-

---

[1] Н. Ю. Шведова, Общественно-политическая лексика и фразеология «Путешествия из Петербурга в Москву» — «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», М., 1951, т. II, стр. 41.

ствований» слова были восприняты Жуковским и Батюшковым, оказали свое влияние на лирику Пушкина лицейского периода. Радищев явился основоположником революционной поэзии. Им создана и во многом определена терминология, выражающая высокие свободолюбивые чувства человека, его стремление к свободе, произведен первый отбор слов и обусловлено их осмысление с революционных позиций. И вслед Радищеву пошли Гнедич, Пушкин, Раевский, Рылеев и другие. В их стихах мы встречаем и определенный подбор слов, впервые осуществленный в оде «Вольность», и слова-термины, употребляемые по примеру Радищева и именно в радищевском значении: свобода, вольность, царь-злодей, царь-преступник-истукан; революция — мщение, революционер — мститель, вольный человек — свободный муж, самодержавие — мучительство и т. д.

2

В комментариях к оде, которые даны в «Путешествии из Петербурга в Москву», Радищев подчеркнул одну особенность стиля оды: нарочитую затрудненность. Разбирая первую строку, поэт говорит: «Сию строфу обвинили для двух причин: за стих «во свет рабства тьму претвори». Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради соития частого согласных букв, «бства тьму претв.» — на десять согласных три гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на италианском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия».

Такова первая стилистическая особенность оды, определенная самим Радищевым, — передавать трудность самого действия — рождения свободы в рабском государстве, рождения революционных идей. Она нашла выражение и в лексике и в синтаксисе оды. Поэт подбирал особые слова и нарушал обычный порядок слов в предложении, широко используя инверсию. Вот отчего ода наполнена словами, в которых преобладают согласные. Этим, в частности, объясняется частое употребление Радищевым неполных форм (лжа, возмнил, вспрянул).

В важнейших по смыслу местах появляются подряд строчки, подобные указанным Радищевым в первой строфе. Так, в строфе 10-й читаем: «Где тусклый трон стоит рабства». Здесь также часто повторение звука *т* и на восемь гласных приходится семнадцать согласных. То же в строфе 34-й: «Где стерта зверства рать стоит» и т. д.

Вторая особенность стиля оды — широкое использование славянизмов и старорусских слов. Несомненно, и в данном случае Радищев опирался на опыт Ломоносова, как известно, смело вводившего славянизмы в русский литературный язык при выработке стиля «витийства гражданского». И вместе с тем необходимо подчеркнуть принципиально новое и в самом обращении Радищева к старорусским словам и в осмыслении их функций в поэтическом произведении, в строе литературного языка.

Опираясь на достижения своих предшественников и современников, Радищев определял дальнейшие пути развития русской освободительной мысли и русской литературы с новых, революционных позиций. Взгляды на язык у просветителей определялись их убеждениями, их практической деятельностью. Выступая против дворян-крепостников, гневно разоблачая их бесчеловечность, алчность, жестокость, преступность, бескультурье, они показывали, как паразитические условия существования помещиков воспитывали не только тупых, невежественных и жестоких тунеядцев, но и яростных ненавистников отечества, людей, не знающих рода и племени. Все эти Иваны и Бригадиры, Советники и Скотинины (Фонвизин), Трифоны Панкратьевичи, Ермолаи, Худовоспитанники, Скупягины, Мешковы (Новиков) не любят родину, раболепствуют перед всем иностранным, клевещут на народ, говоря, «что русские ничего хорошо делать не могут, как иностранные». Невежественные русские помещики умудрялись быть космополитами, презирали русскую культуру, русский язык. Один из этих Скотининых так определил отношение к русскому языку: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел и сожалел, что он в ней родился».[1]

---

[1] «Живописец», еженедельное на 1772 год сочинение, в Санкт-Петербурге, стр. 20.

Вот почему просветительские убеждения обусловливали интерес к национальным добродетелям, к национальному характеру, к родному языку. Это, в свою очередь, определяло обращение, с одной стороны, к русской истории, к прошлому русского народа, и, с другой, к его жизни, быту, к его творчеству — песням, пословицам, сказкам.

Новиков с начала 70-х годов стал выпускать серию книг, посвященных событиям и деятелям русской истории: «Опыт исторического словаря о российских писателях», «Древняя российская вивлиофика», «Древняя российская идрография», «Скифская история», «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева» и другие. Все эти издания преследовали благородную цель — воспитывать у «единоземцев» любовь к отечеству на примерах жизни предков, показывать «великость духа» русских людей. В предисловии к «Древней российской вивлиофике» Новиков писал: «Не все у нас еще, слава богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою... К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей... Не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество». [1]

Программа пропаганды «древних российских добродетелей», показ подвигов русского «характира», забота о том, чтобы древнероссийские добродетели «осиевали» и современников, включали в себя и борьбу за чистоту русского языка. Дворяне в своей социальной практике трутней и паразитов предавали национальные интересы, отступали от добродетелей, свойственных русским в далеком прошлом. Борьба с крепостниками означала, таким образом, и борьбу за национально-патриотическое возрождение отечества. Но дворянство отступало не только от древних добродетелей. Оно презирало русский язык,

[1] Н. И. Новиков, Избранные сочинения, М. — Л., 1951, стр. 373, 374.

засоряя его иностранными словами, словами жаргонными, составлявшими особое «щегольское» наречие. Просветители взяли на себя труд заботиться о чистоте русского языка. Они повели борьбу с засильем иностранных слов, обратились к языку народа (песни, пословицы, сказки), возвращали в строй современного языка «коренные слова российские».

Новиков писал: «Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело препровождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом сретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностью употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся... то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре». [1]

Новиков предлагает, во-первых, прекратить употребление без нужды иностранных слов, во-вторых, сочинять новые слова, когда в этом возникает необходимость, и, наконец, в-третьих, — отыскивать коренные слова российские. Важно подчеркнуть, что программное высказывание Новикова нашло свое воплощение в тех самых словах, которые он требовал включать в современный язык. В первом листе журнала отсутствует «употребление иностранных слов без нужды», и, главное, — демонстративно включаются в русский язык отысканные «коренные слова российские»: «письмена», «сретилась», «речение», «осиевает» и т. д.

Тот же интерес к русской истории, к общественному укладу русского народа определил внимательное чтение Радищевым русских летописей и выписку из них как примеров политической активности народа, так и старинных «коренных русских слов». Мы располагаем выпис-

---

[1] «Кошелек», еженедельное сочинение 1774 года, лист первый.

ками из летописей и исторических сочинений, относящихся к тем же 80-м годам, в которые происходила работа над одой «Вольность». Выбрав в летописи многочисленные указания на то, что деятели истории «сладкоречия ради» получали имена «Соловей», «Воробей» и т. д., Радищев делает заключение: «Из всего видно, что красноречие тогда было почитаемо и народные собрания во употреблении».

Обобщением других наблюдений является следующая запись: «Веча или народное собрание, на кое созывали особливым колоколом, называемым вечным, и на оных сборищах основалась наипаче вольность народа». Анализируя «закон Ярославля, данный в лето 1016», Радищев делает две выписки «Свободна мужа отличает (закон. — *Г. М.*) от холопа, за которого господин отвечает» и «Видно, что во время Нестерово мщение за убитого от ближних было оставлено».

Выписки из летописей свидетельствуют, что внимание Радищева к истории народа, к его политическим установлениям в древние времена обусловило и интерес его к коренным русским словам — славянизмам и староруссизмам. Одно оказывалось связанным с другим. Коренные русские слова потому и были дороги Радищеву, что они обозначали тот общественный строй в древней Руси, который основывался на вольности, а вольность, писал Радищев, была «роду славянскому сосущественна». Только из приведенных выписок видно, что Радищев отыскал в летописях такие коренные русские слова, как «вече», «свободный муж», «мщение». Все эти слова будут использованы и в оде «Вольность».

Подход Радищева к языку своего времени был творческим. Прежде всего он осуществлял отбор, который определялся его революционными убеждениями. При отборе большое место уделялось древнеруссизмам и церковнославянизмам. Радищеву принадлежит заслуга широкого включения в язык русской литературы древнеруссизмов и славянизмов, которые были наполнены новым политическим содержанием.

Коренные русские слова вводились Радищевым для раскрытия центральной политической идеи оды. Так, идея возмездия, идея революции именуется Радищевым «мщением». Идея возмездия-мщения раскрывалась

в картинах народной революции и суда над монархом, которые и живописал Радищев коренными русскими словами. Угроза царю передавалась так:

Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорицая,
И се молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

Стихи эти построены на сочетании народно-поэтических слов (молва — молвит) и славянизмов (грядет, протечет, глася, прорицая). Следующая строфа открывается описанием результатов воздействия революционного слова «прорицателя вольности» —

Возникнет рать повсюду бранна...

Здесь тот же принцип: «рать» — старинное коренное русское слово, «сопряжено» с церковнославянизмом «бранна».

Далее следует картина народного суда. Радищев не придумывает ее, но заимствует из русской истории. Летописи засвидетельствовали многократные случаи, когда народное собрание горожан судило своего князя (см., например, такую запись Радищева: «Князя Всеволода новгородцы, лиша правления, держали два месяца в заточении»). Потому-то в описании суда над монархом появляется коренное русское слово «вече»:

На вече весь течет народ;
Престол чугунный разрушает...
и т. д.

Лирическая стихия оды, передающая высокий строй чувств гражданина и революционера, находила свое воплощение в особо подобранной лексике, где ведущее место занимали славянизмы. В свое время В. В. Виноградов на основе анализа вольнолюбивых стихов Рылеева, Кюхельбекера, Раевского пришел к выводу, что «в формах церковно-книжного языка поэт-трибун, поэт-революционер находил яркие краски для символически-обобщенного, но понятного современникам выражения революционной идеологии».[1] Несомненно, первым образ-

[1] В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, М., 1938, стр. 201.

цом такого выражения чувств поэта-революционера в формах церковно-книжного языка являются некоторые строфы «Вольности»:

О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабствà тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся
От гласа твоего цари.

Еще более характерны строфы, посвященные определению жребия «прорицателя вольности», воссоздававшие духовный мир первого русского революционера. В них средствами церковнославянской устаревшей книжной лексики впервые в русской поэзии была выражена «пламенная страсть» политического борца, высокое волнующее чувство подвига, напряженная и торжественная мысль о своем долге перед родиной и народом:

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.

Здесь славянизмы, устаревшие слова, древнеруссизмы наполнялись новым содержанием, принимали новые оттенки, способные выражать новое, небывалое, «высокое» чувство революционера, определяя поэтический стиль гражданского стихотворения.

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

Торжественность и взволнованность, высокость и напряженность ораторской речи переданы Радищевым, как

мы видим, в первую очередь, славянизмами, библеизмами. Известна роль библеизмов в стилистике декабристской поэзии. Ода «Вольность» свидетельствует, что Радищев выступил зачинателем смелого и новаторского использования и библейских мотивов и лексики библии для поэтического выражения высоких гражданских чувств.

Значительная часть славянизмов оды найдена Радищевым в псалмах, характерная для оды «Вольность» лексика оказывается в значительной мере именно такого происхождения: «мышца», «пагуба», «мзда», «сый», «досязать», «вещать», «седяй», «течет», «стезя», «стопа», «ползкий», «алчущий», «взалкавый». С особой наглядностью пользование этим источником видно на примерах усвоения Радищевым характерной фразеологии псалмов. Такие фразеологические единицы, как «бог сил», «благ податель», «всесильный боже», «казнь иль мзду», «вдовиц и сирых» и т. д. и т. п., — типичные и устойчивые выражения псалмов.

Любопытный пример открытого использования псалмов являет собой 24-я строфа:

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

Каждый стих здесь — цитата из псалмов. Радищев берет устойчивые, постоянные фразеологические единицы псалмов и включает их в текст своих стихов. Так, первые две строки передают один из мотивов псалмов о том, что тьма, мгла и призраки, обрушиваясь на человека, могут исчезнуть только под влиянием бога, зажигающего светильник, «просвещающий тьмы» человека. Формула «мстящий бог» того же происхождения (см., например, в 17-м псалме: «бог мстящий за меня»). Заключительные стихи «Отцу предвечному всех зримых победную мы песнь поем» — цитата, именно так начинаются или кончаются многие псалмы.

Но подобные примеры редки. В большинстве случаев библеизмы использовались для передачи новых понятий. Так было и с лексикой и фразеологией. Радищев умел создавать на основе библейских фразеологических единиц новые устойчивые сочетания. Приведу несколько примеров. Отталкиваясь от библейских выражений «твердь земная» и «твердь небесная», Радищев вводит в оду выражение «твердь свободы». В 17-м псалме Радищев обратил внимание на выражение — пояс сил: «бог препоясал мя силою» или «и препоясал мя еси силою на брань». В оде это выражение послужило средством обогащения образа свободного могучего отечества: «Отечество мое драгое, на чреслах пояс сил в покое; в окрестность ты даешь закон». Или еще пример: в псалмах бог всегда называется «зиждителем», его сила определяется как «зиждительная». Радищев смело переносит библейский эпитет на свободу: «Велик, велик ты, дух свободы, зиждителен, как сам есть бог».

Еще знаменательнее использование образов и мотивов псалмов. Прежде всего в псалмах Радищева привлекает мотив суда над царями. Многие псалмы повествуют о «расправе» бога над «нечестивыми», «лукавыми» царями. Псалтырь была широко распространенной книгой. По ней учились читать. Псалмы учились наизусть. Радищев — революционер, первый в России писавший о праве народа судить царя-преступника, совершенно сознательно при изображении картины суда обращался, помимо истории, и к псалмам. Призывая народ к смелому и дерзкому действию, Радищев как бы говорил: ничего исключительного, необыкновенного в суде над царем нет, царь такой же человек. Он может совершить преступление. Его потому можно и должно судить, как преступника. Псалтырь рассказывает о том, как бог многократно творил суд.

На мысль использовать для оды мотив божьего суда над монархом, развернутый в псалмах, Радищева мог навести опыт Державина. Известно, что в 1787 году Державин напечатал в журнале «Зеркало света» стихотворение «Властителям и судьям» (напечатано оно было под названием «Ода, извлеченная из псалма 81»). В 1798 году Державин поместил его в рукописном томе своих стихотворений, который поднес Екатерине. По свидетельству поэта, ода вызвала возмущение императрицы и была

названа «якобинской». Ода «Властителям и судьям» — одно из самых сильных гражданских стихотворений Державина, особенно популярная в декабристских кругах. Ранняя редакция этого переложения псалма была напечатана в «Санкт-Петербургском вестнике», в 1780 году.

Се бог богов восстал судити
Земных богов во сонме их;
«Доколе, рек, неправду чтити,
Доколе вам щадити злых?

Ваш долг законы сохраняти
И не взирать на знатность лиц,
От рук гонителей спасати
Убогих, сирых и вдовиц».

Не внемлют! грабежи, коварства,
Мучительства и бедных стон
Смущают, потрясают царства
И в гибель повергают трон.[1]

В 1780 году Радищев писал «Слово о Ломоносове», внимательно изучал русскую поэзию, и прежде всего «витийство гражданское». Среди стихов Ломоносова, помещенных в «Риторике», которую хорошо знал Радищев, было, например, переложение псалма 145-го. К замечательным образцам подлинно поэтического перевода псалмов, в которых в известной мере звучали уже гражданские мотивы, можно отнести стихи 34-го псалма:

Ты видел, господи, их мерзость;
Отмсти и злобным не стерпи,
Отмсти бессовестную дерзость
И от меня не отступи.[2]

Державина, а до него Ломоносова и Сумарокова несомненно привлекала поэтичность псалмов. Но Державин почувствовал возможность с помощью библейских мотивов выразить и сформулировать свои гражданские идеалы. Из первого опыта Державина было ясно, что библейские

---

[1] «Санкт-Петербургский вестник», 1780, ноябрь, стр. 315. Как известно, это стихотворение подверглось цензурному преследованию и в большинстве экземпляров журнала было вырезано, а страница, где оно было помещено, — перепечатана. В некоторой части тиража стихотворение все же сохранилось и дошло до читателей.

[2] «Полное собрание псалмов», М., 1811, т. I, стр. 307.

мотивы и библейская лексика давали в руки поэту новое и грозное оружие. В державинской оде Радищев нашел и обличительный тон, и яркую, эмоционально окрашенную речь гражданина, и смелость поэта, судившего монарха от имени бога. [1]

У Державина бог с гневом говорит царям:

Ваш долг законы сохраняти
И не взирать на знатность лиц,
От рук гонителей спасати
Убогих, сирых и вдовиц.

Стихотворный перевод псалма оказался изложением политической программы Державина. Но даже эта про-

---

[1] Знакомство Радищева с стихотворением Державина несомненно. Об этом свидетельствуют следующие косвенные факты. «Санкт-Петербургский вестник» — лучший журнал того времени. Журнал печатал обильный литературный материал — переводные и оригинальные сочинения в стихах и прозе, постоянно давал краткие библиографические аннотации вновь выходивших книг. Кроме того, журнал печатал указы Екатерины и Сената, «Известия о разных происшествиях при дворе... в столицах, наместничествах и проч.», «Ведомость о прибытии в Санкт-Петербургский порт кораблей», «Ведомость о числе родившихся и умерших по уездам» и т. д. Радищев с мая 1780 года, работая в Санкт-Петербургской таможне, не мог не интересоваться подобными сведениями, так широко представленными в журнале.

Достойны внимания и следующие обстоятельства: 1. В мае в Петербурге проходило открытие губернии. В торжествах принимало участие все столичное дворянство, в том числе и Радищев. 23 мая проходили выборы членов земского суда. В числе выбранных оказались начальник Радищева А. Р. Воронцов и родственник Радищева — Матвей Кириллович Рубановский (дядя его жены). Отчет о выборах был напечатан в «Санкт-Петербургском журнале». 2. В июльском номере журнала была напечатана статья «О разности между великим мужем и героем». Автор статьи давал следующее определение «великого мужа»: «Быть богобоязливу, строгу и справедливу в распределении наказаний и награждений, точну в военной строгости, просту, человеколюбиву, бескорыстливу, относить все к славе своего государя и к добру своего отечества, есть характир великого мужа» (стр. 14—15). В заключение статьи указывалось: «Напоследок снисходительство, скромность, человеколюбие, тихий нрав и любовь к отечеству суть добродетели великого мужа» (стр. 17). Оценивая с этих позиций исторических деятелей, автор, в частности, вспомнил вождя английской революции Кромвеля: «Судя по одним следствиям, можно бы Кромвеля, сего знаменитого злодея, по всей строгости почесть героем. Лестию, лицемерием и лютостию взошел он на такую степень, на которую многие герои восходят силою. Некоторые говорили, что он имел все качества,

поведь христианской морали прозвучала в России как вызов, как якобинство.

Естественно, что иным оказалось использование библейских мотивов и библейской лексики у Радищева. Прежде всего он наполнил новым, революционным содержанием популярную в псалмах сцену суда бога над царями. У Радищева судьей стал народ. Более того, творя суд, народ открыто формулирует свою политическую программу:

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти...

Радищев сумел творчески преобразить библеизмы; они стали выражать новое гражданское, революционное содержание. Весь рисунок строфы внешне как бы совпадает с развитием мотива 81-го псалма — отсюда и близость к Державину, который переложил его в стихи. Напоминание о содержании псалма достигалось не только включением в текст оды общеизвестного мотива, но прежде всего использованием слов, фразеологических единиц и даже прямых цитат — «Вдовицу призирать и сиру», «Но мстителем непримиримым» и т. д. И в то же время здесь оказалась изложенной новая политическая программа, ничего общего не имеющая ни с псалмом, ни с моралью стихотвор-

---

составляющие великого мужа, но употреблял их только на злодеяние. Которые так об нем судят, не знают ни Кромвеля, ниже́ того, что потребно к составлению великого мужа. Ибо сей злодей был без добродетелей, а имел только таланты, кои он употребил во зло» (стр. 13). Трудно при этом не вспомнить радищевской характеристики Кромвеля, данной в оде «Вольность»:

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать!
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы,
Ты Карла на суде казнил.

Полемичность этой характеристики очевидна.

ного переложения Державина. Главным в радищевской программе оказывается требование равенства — «Равенство в обществе блюсти».

Библеизмы здесь послужили средством и для выражения народного гнева, выносящего свой суровый и справедливый приговор. Речь Давида в псалмах удивительно эмоциональна. Когда он начинал клеймить своих врагов, проклинать их злодейство и коварство, его речь достигала высокого пафоса, она дышала гневом и страстью человека, верующего в свою правоту. Радищев глубоко оценил ту страсть, ту эмоциональность, которой была насыщена лексика псалмов. Поэтому, когда он писал заключительную часть речи народа-судьи, выносившего свой приговор царю, — он сознательно насытил ее библеизмами, сделав их средством выражения революционно-страстного чувства, справедливого приговора самодержцу-злодею:

«Злодей, злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.
Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало, —
Умри! умри же ты сто крат!»

Плодотворность новаторских поисков Радищева в создании стиля революционной поэзии подтвердил опыт русской литературы, и в частности опыт вольнолюбивой поэзии Пушкина и декабристов. В. В. Виноградов дал верное объяснение общественных и социальных причин использования церковнославянизмов передовой русской литературой. «Социальными причинами этого тяготения к церковнославянскому языку со стороны общественных групп, связанных с декабристами, были, кроме борьбы с европейским космополитизмом и антинационализмом аристократии, революционный патриотизм, демократический национализм, обычно совмещавший народность и простонародность с церковной книжностью, и ориентация на народную словесность и на высокие риторические жанры гражданской поэзии, исторически прикрепленные в русской художественной литературе к торжественной патетике

церковнославянского языка».[1] Державин и Радищев в первую очередь создавали новую традицию русской литературы — прикрепление высоких жанров гражданской и революционной поэзии к торжественной патетике церковнославянского языка.

Радищев, написав оду «Вольность», выступал зачинателем русской революционной поэзии. Естественно, что не все из его опытов, исканий и решений себя оправдало. Так, иногда, передавая трудность действия «негладкостию стиха», Радищев не достигал успеха, и «негладкость» мешала пониманию стихотворения. Некоторые славянизмы оказывались лишними потому, что не всегда удавалось возродить их к новой жизни, и тогда они не помогали авторскому замыслу, а мешали его воплощению, затемняя подлинное содержание революционной мысли. Нередко мешали читательскому восприятию и многочисленные неоправданные инверсии.

Помещая оду в «Путешествии из Петербурга в Москву», Радищев вновь внимательно и критически пересматривает текст, многое изменяя в нем и поправляя его. Цель поправок — усиление выразительности стиха, его активности, уточнение смысла, исключение неудачных, темных выражений и устаревших славянизмов. Так, вместо «без слуха зрится хладнонравно» Радищев пишет: «безжалостно и хладнонравно». Вялость и затруднительность фразы «без слуха зрится» объяснялась и ее книжным характером, и не оправданным использованием славянизма. Исправление сделало фразу энергичной, Радищев прояснил мысль. Еще более характерным оказывается случай прямой и открытой замены поэтом славянизмов. В строфе, посвященной судьбе будущей революции, была строка — «Но не приспе еще година». Славянизм «приспе» здесь никакой высокой функции не выполнял и мешал пониманию смысла. Радищев заменяет «приспе» на «пришла», и строфа стала читаться так: «Но не пришла еще година». Что поправка была принципиальной, свидетельствует прозаический текст «Путешествия», где строфа, и в частности данная строка, оказалась пересказанной. В пересказе читаем: «Но время еще не пришло. Когда же

[1] В. В. Виноградов, Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков, М., 1938, стр. 200.

оно наступит, тогда встрещат заклепы тяжкой ночи», и т. д. Тот же характер носят и многие другие поправки. Например, «прияв» Радищев меняет на «схватив», устаревшую форму «рекл» заменяет на «рек» и т. д.

В финальных строфах, говоря о будущей революции, Радищев так изобразил момент уничтожения политической власти самодержавия: «Тогда всех сил властей сложенье приидет во изнеможенье». Старинная и книжная фраза: «Приидет во изнеможенье» явно не передавала не только точного смысла важнейшего политического события, но и не заключала в себе необходимой энергии выражения. Радищев отказывается от этой строки, заменяя ее новой — власть «развеется в одно мгновенье».

Особый интерес представляют строфы, которые Радищев пересказал. Прозаический пересказ Радищева всегда оказывается энергичнее стихотворного повествования. Можно предположить, что в отдельных случаях пересказ понадобился Радищеву потому, что его как поэта не удовлетворяли пересказываемые строфы. Так, например, в трех строфах — 39-й, 40-й и 41-й — многословно, несколько риторично и отвлеченно рассказывается о том, как Марий и Сулла вызвали в стране междоусобицу, а сменивший их Август прикрыл тиранство своей власти мнимой добротой. Три строфы, то есть тридцать стихов, Радищев заменяет следующей, лаконично выписанной картиной: «Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобий. Гражданская брань. Марий, Сулла, Август...

Тревожну вольность усыпил,
Чугунный скиптр обвил цветами...

Следствие того — порабощение...»

Подобный пересказ как бы составлял план будущей новой редакции трех строф.

Еще более разительный пример — переработка 53-й строфы. Ее содержание — рассказ о будущей народной революции:

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена к стези свободой,
Десную ополча природой,

Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
(Приидет во изнеможенье.)
О день избраннейший всех дней!

Несомненно важнейшая для Радищева идея будущей революции не получила в этих стихах своего яркого и подлинно поэтического раскрытия. Уже первые две строки затемняют содержание прежде всего потому, что в фразе отсутствует подлежащее, — не названной оказалась та сила, которая «возревет» в оковах и восстанет, — народ. Слова «в вертепе» и «плача» явно не на месте, они не выражают авторскую мысль. Следующие две строки («на небо смертность воззовет» и другие) не только не уточняют предыдущих, но сами еще более отклоняют читателя от главной идеи строфы. В 6-й — 9-й строках риторика окончательно поглотила поэтическую мысль. Естественно, что Радищев, не удовлетворившись строфой, кардинально ее переделал. Переделка пока свелась к замене стихов прозой. Пересказ — замечательный образчик страстной и вдохновенной речи революционера, рисующего наступление будущей революции. В нем Радищев добился не только политической точности в выражении мысли, но и художественной силы выражения:

«Но человечество возревет в оковах и, направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!»

Эстетика классицизма делила слова на две категории: «благородные» — высокие и «подлые» — низкие. Высокому жанру — лирической поэзии, трагедии «приличен был» «благородный» язык, в низких жанрах — комедии, басне можно было использовать «подлый» язык — язык просторечия, живую народную речь. Нормативная поэтика классицизма требовала категорического и безусловного соблюдения данного правила, добиваясь чистоты языка в пределах того или иного жанра. Смешивать в лирической поэзии или трагедии «благородные» слова с «подлыми» было нельзя. Сентименталисты, преодолев

жанровость классицизма, в то же время унаследовали его деление словарного состава русского языка на те же две категории: «благородные» и «подлые». Подобная языковая позиция дворянских писателей мешала развитию русского литературного языка, ибо закрывала доступ, в частности, в художественную литературу живой, вечно обновляющейся речи народа-языкотворца. С этой политикой повели борьбу просветители — Новиков и Фонвизин. В их произведения широкой волной хлынуло просторечие. Но выступая главным образом с сатирическими произведениями, они, естественно, избегали славянизмов. Радищев поддержал работу русских просветителей. И, несмотря на то, что ода «Вольность» строилась на широком использовании славянизмов и старых книжных речений, он нанес удар и классицизму и сентиментализму именно в области поэзии. Радищев принципиально обосновал равенство слов. Для него нет «благородных», избранных, с одной стороны, и «подлых», низких слов — с другой. Слова общенародного языка делятся для него по заключенным в них выразительным возможностям, по их способности в определенном, конкретном случае передавать нужную поэту мысль или эмоцию. Впервые в высокой оде, где огромное место занимают славянизмы, появились на началах равноправия слова просторечия. Так, рядом со славянскими словами, выражающими высокие политические мысли, соседствуют слова просторечия: скот, пот, крохи, стадо, вол, соха, уподлился, подла тварь, живот и смерть (народнопоэтическое выражение), плаха, пристань и т. д. Из контекста оды видно, что просторечия служат выражением тоже высоких чувств. Вот картина жизни свободного мужа — земледельца, в царстве свободы:

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце — без заботы
В объятиях супружних спит;
Не господа рукой надменной,
Ему для казни подаренной,
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежной,
Помощницу себе избрал.

Несомненным новаторством Радищева было столкновение в одной оде, в одной строфе слов, которые долгой традицией были закреплены за разными жанрами. Сочетание «свободный муж» и «в объятиях супружних спит», то есть столкновение слов, выражающих высокий строй человеческих чувств, со словами, рисующими повседневный быт человека, — открывало широкие перспективы перед поэзией. Это тем более нарушало традицию одической поэзии, что героем оды стал восставший народ, свободный крестьянин, который именовался «свободным мужем».

Следует отметить, что начатая просветителями борьба с неравенством слов, культивируемых дворянской литературой (и классицизмом и сентиментализмом), нашла отклик у самого крупного поэта конца XVIII века — Державина. Он пошел за просветителями, а не за Сумароковым, Херасковым, Муравьевым и Карамзиным.

Оценивая роль Ломоносова в русской поэзии, Радищев писал: «И пускай удастся всякому превзойти тебя своим сладкопением, пускай потомкам нашим покажешься ты нестроен в мыслях, неизбыточен в существенности твоих стихов!.. Прославиться всяк может подвигами, но ты был первый. Самому всесильному нельзя отъять у тебя того, что дал. Родил он тебя прежде других, родил тебя в вожди, и слава твоя есть слава вождя». Настоящая оценка с полным правом может быть отнесена к самому Радищеву. Мы, его поздние потомки, находим и «нестройность в мыслях» и «неизбыточность в существенности» его стихов, мы знаем, что «в сладкопении» — в гармонии и художественной силе — его превзошли поэты XIX века, и Пушкин прежде всего. Но Радищев «был первым», основоположником русской революционной поэзии, и его слава есть «слава вождя», зачинателя.

3

До сих пор говорилось об идейно-политическом содержании и стилистических особенностях оды «Вольность». В то же время следует помнить, что существует еще одна важная проблема, требующая своего изучения, — творческая история оды.

Никаких прямых и непосредственных данных о начале работы Радищева над одой у нас нет. Анализ косвенных обстоятельств позволил В. П. Семенникову доказать, что ода писалась в 1781—1783 годах.[1] Аргументация В. П. Семенникова весьма убедительна, и потому она оказалась принятой советской наукой. С другой стороны, мы знаем, что решение напечатать оду определилось в 1789 году. Опубликовал ее Радищев не отдельно, а в составе «Путешествия из Петербурга в Москву», и не целиком, а в сокращенном виде. При подготовке к печати ода подверглась переработке — идейной, композиционной, стилистической. От этого периода работы над стихотворением до нас дошли списки полного и неполного текста оды. Некоторые из них (запечатлевшие уже следы подготовки ее к печати) донесли до нас текст первоначальной редакции 1781—1783 годов. Другие списки сохранили и полный текст и отдельные фрагменты с многочисленными поправками. Таким образом, бесспорным оказывается факт переработки оды, проходившей особенно интенсивно накануне ее публикации, то есть в период от весны 1789 до весны 1790 года.

К сожалению, до настоящего времени не уделялось внимания творческой истории оды. А пренебрежение к творческой истории, в свою очередь, сказалось на качестве публикации текста «Вольности». Перед текстологами давно встал вопрос: какой из списков оды «Вольность» должно воспроизводить в печати. Сложность проблемы обусловливалась отсутствием радищевской рукописи. До нас дошло несколько списков и один печатный текст — в составе «Путешествия из Петербурга в Москву». Но публикация Радищева признавалась неполноценной, поскольку в «Путешествии» ода напечатана не полностью. За неполноценность этот текст (заметим для памяти, что он был последней редакцией оды) отбрасывался и вовсе не принимался в расчет. Все внимание ученых было обращено на те списки, которые воспроизводили оду полностью. Из всех списков в научный оборот вошло два: так называемый лонгиновский список и список,

[1] В. П. Семенников, Ода «Вольность» (очерк ее литературной истории) — «Радищев. Очерки и исследования», М., 1923.

принадлежавший сыну Радищева — Павлу Александровичу, опубликованный в 1906 году.

Два списка давали разные тексты, что и естественно с точки зрения творческой истории оды. Они были различны, ибо отражали разные этапы работы Радищева над одой, являлись по сути различными редакциями. Не занимаясь творческой историей оды, исследователи не ставили вопроса и о различных редакциях. Поэтому проблема подлинного и окончательного текста оды «Вольность» решалась произвольно — одни считали лучшим текст списка сына Радищева, другие доказывали, что лучше текст Лонгинова. Превознося достоинства одного списка, исследователи, чтобы отвергнуть другой, стремились скомпрометировать его.

Впервые ода в отрывках была напечатана в 1790 году в «Путешествии из Петербурга в Москву», в главе «Тверь». В 1872 году П. А. Ефремов подготовлял двухтомное издание сочинений Радищева. Во второй том он включил оду впервые в полном составе (54 строфы). Текст оды Ефремов получил от сына писателя П. А. Радищева. Но издание Ефремова было запрещено цензурой и уничтожено. Только после революции 1905 года оказалось возможным напечатать полностью первое русское революционное стихотворение. И в 1906 году в Петербурге в книгоиздательстве «Сириус» С. Н. Тройницкий издал оду отдельной брошюрой. В 1907 году вышли сразу три издания собрания сочинений А. Н. Радищева: 1) под редакцией С. Н. Тройницкого, 2) под редакцией А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева и 3) под редакцией В. В. Каллаша. Во всех изданиях, как показал сравнительный анализ, ода печаталась по тексту книгоиздательства «Сириус». С. Н. Тройницкий в предисловии к своему изданию рассказал историю списка оды, им воспроизведенной: «Сын Радищева, Павел Александрович, доставил полный текст оды П. А. Ефремову для предпринятого под редакцией последнего издания сочинений А. Н. Радищева. Хотя по цензурным условиям ода не могла быть напечатана полностью, П. А. Ефремов все-таки набрал ее целиком и потом уже вычеркивал те места, которые, по его мнению, ни в коем случае не могли быть пропущены цензурой. Издание было сожжено, но корректурные листы, к счастью, сохранились и были пред-

ставлены нам П. А. Ефремовым. Ода была выпущена в 1906 году отдельным изданием, но в продажу не поступила».[1]

Шестнадцать лет полный текст оды «Вольность», напечатанный со списка П. А. Радищева, был единственным. В 1922 году В. П. Семенников опубликовал оду по новому списку, обнаруженному им в Институте русской литературы Академии наук (Пушкинский дом), в рукописи «Путешествия», принадлежавшей М. Н. Лонгинову. Этот список (так называемый лонгиновский) им был объявлен единственно авторитетным, а текст списка, принадлежавший П. А. Радищеву, — ошибочным. В. П. Семенников писал: «Наш текст отличается от этого списка большим количеством стилистических вариантов, а в нескольких случаях дает новые чтения, исправляющие крупные ошибки до сих пор известного текста».[2]

Стилистические варианты в новом списке, отличавшие оду от текста, как включенного Радищевым в «Путешествие», так и напечатанного в издательстве «Сириус», и на этот раз не послужили основанием для серьезного научного разговора о творческой истории оды, о месте текстов лонгиновского списка и списка П. А. Радищева в ходе переработки и об их соотношении с последней редакцией,

---

[1] В Центральном Государственном Историческом Архиве в Ленинграде находится цензурное дело об издании оды «Вольность». Оказывается, ода «в продажу не поступила» потому, что была в 1906 году запрещена (в который уже раз!) цензурой. Вот доклад цензора Лебедева: «Ода «Вольность» была первоначально напечатана в книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Как известно, книга эта долгое время после своего первого выхода в свет не разрешалась для нового издания и лишь недавно появилась вновь без предварительной цензуры. Уже по одному этому обстоятельству разрешение рассматриваемой рукописи вряд ли представляется возможным. Что касается ее содержания, то оно заключает в себе главным образом составленное в очень резких выражениях описание восстания народа против царя, отнявшего у него все права и вольности. Ввиду п. 1 ст. 5 устава о ценз. и печати применительно к п. 1 ст. 129 Угол. Улож. ода Радищева «Вольность» не может быть, по мнению цензора, разрешена к напечатанию без предварительной цензуры». 26 января 1906 года последовало определение: «вышеназванную рукопись к напечатанию не дозволять на основании приведенных цензором узаконений» (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 7, д. 18).

[2] В. П. Семенников, Новый текст «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, М., 1922, стр. 21.

напечатанной в «Путешествии». Вместо этого В. П. Семенников стал доказывать научную неавторитетность списка «Сириуса» и восхвалять достоинства лонгиновского списка.

Я. Л. Барсков поддержал В. П. Семенникова, заявив, что текст оды «Сириуса» не авторитетен. Зная, что П. А. Радищев был знаком со списком «Путешествия» и «Вольности», принадлежавшим Лонгинову (Лонгинов посылал ему свой список), Барсков утверждает, что сын Радищева «не ограничился тем, что прочитал рукопись; кое-где он пытался ее исправить и, несомненно, снял копию оды «Вольность», которая была напечатана при содействии П. А. Ефремова в 1906 году С. Н. Тройницким, в типографии «Сириус». [1] Вызывает удивление, что заключение, столь решительное по тону, сделано ученым, который не сличил текст списка П. А. Радищева с текстом оды в лонгиновском списке. При сличении он бы увидел, что ни о каком копировании не могло быть и речи, ибо это два различных текста. Более того, в списке Лонгинова, испещренном многочисленными ошибками писца, мы обнаруживаем карандашные исправления, которые, как показывает их изучение, делались по копии П. А. Радищева. Естественно предположить, что сын Радищева не только не переписывал копии Лонгинова, но сам лично или при помощи лица, кому это было поручено, выправил ошибки лонгиновского списка, опираясь на свою копию оды. Предположение наше подтверждается и тем, что в лонгиновский список были внесены недостающие в нем две строки. Вписаны они были той же рукой и тем же карандашом, каким делались в этом списке и другие поправки.

Редакция академического издания собрания сочинений Радищева не подвергла критической проверке бездоказательное утверждение Барскова, а предпочла согласиться с ним: «Лонгинов давал список на время для изучения сыну Радищева, Павлу Александровичу..., который, повидимому, и выписал из него всю оду «Вольность». [2] Дискредитируя список П. А. Радищева (он якобы оказывался лишь испорченной, искаженной копией лонгиновского

---

[1] «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», «Academia», 1955, т. II, стр. 248.

[2] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, Л., 1939, т. I, стр. 445.

списка), редакция академического издания признала единственно авторитетным текст лонгиновского списка. С тех пор в большей части новых изданий сочинений Радищева ода перепечатывалась по академическому тексту.

В то же время наряду с академическим бытует и другой текст оды, составленный Я. Л. Барсковым. Мы уже знаем, что для Барскова лонгиновский список является наиболее авторитетным. Он его и положил в основу своей публикации, дополнив строфами и строками оды, взятыми из последней ее редакции (данной в «Путешествии»).[1] Этот компилятивный, механически смешивающий различные редакции текст оды получил также распространение. Вышедший в 1952 году в Госполитиздате том избранных философских и общественно-политических произведений Радищева воспроизводит именно подготовленный Барсковым компилятивный текст оды.[2]

Поскольку при воспроизведении оды «Вольность» современные текстологи не пожелали разобраться в характере радищевской переработки оды, необходимо для установления подлинного ее текста внимательно проследить за ходом работы Радищева над «Вольностью», которая проводилась в период подготовки ее к публикации.

Известно, что к весне 1789 года работа над «Путешествием из Петербурга в Москву» была закончена. Собрав черновики отдельных глав, Радищев дал переписать их своему сослуживцу, таможенному надсмотрщику Царевскому. Так появился экземпляр «Путешествия», приготовленный для цензуры. В главу «Тверь» Радищев решил включить оду «Вольность». С имевшегося у него экземпляра ода и была переписана. Получив 22 июля 1789 года разрешение на напечатание книги от цензора Никиты Рылеева, Радищев, перечитав рукопись, начал серьезную ее переработку. Он исключил ряд эпизодов, вписал новые сцены, дополнил книгу новыми главами (например, посвящение Кутузову или измененный вариант последней главы, где вместо эпизода с самоубийцей появилось «Слово о Ломоносове», и т. д.).

---

[1] «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву», т. II, стр. 213—231.

[2] А. Н. Радищев, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, М., 1952 (редактор текста Л. Б. Светлов).

Тогда же подверглась переработке и ода «Вольность». Можно предположить, что какие-то отдельные поправки были сделаны уже при подготовке цензурного экземпляра. Во всяком случае текст оды в цензурном экземпляре — это один из первых известных нам текстов оды, сохранивший ее в первоначальной редакции (1781—1783 гг.). К сожалению, текст цензурного списка дошел до нас не полностью: позднее, после переработки рукописи в целом, когда уже книга вышла из печати, Радищев, ожидая ареста, наскоро сшил листы расшитого им цензурного экземпляра, по-новому их перенумеровав. Во время подготовки экземпляра «Путешествия» для властей (чтобы оправдать произведенные после цензуры изменения) оказалась утраченной большая часть листов, занятых одой. Сохранившиеся строфы совпадают с текстом лонгиновского списка. Таким образом, лонгиновский список передает нам одну из первых, ранних редакций оды, — видимо, ту же, что и цензурный экземпляр, но не в отрывках, а полностью — 54 строфы. Что лонгиновский список воспроизводит текст ранней редакции, признавали и В. П. Семенников, и Я. Л. Барсков, и редакторы академического издания.

В то же время лонгиновский список (в отличие от цензурного) уже запечатлел начавшуюся переработку оды. Ода лонгиновского списка тоже включалась в состав «Путешествия». Как установил В. П. Семенников, лонгиновский список «Путешествия» имеет ряд дополнений, которые появились после цензуры. Следовательно, он был сделан с какого-то оригинала, отражавшего промежуточную стадию работы между цензурной и окончательной печатной редакцией. Несколько сложнее обстоит дело с текстом оды лонгиновского списка.

В цензурном списке ода давалась не полностью. Следовательно, уже при первом замысле опубликовать оду в «Путешествии» Радищев решил дать ее в сокращенном виде. Об этом отчетливо свидетельствует цензурный экземпляр «Путешествия» — автор оды предлагает путешественнику прочесть *избранные* строфы. Сохранившиеся листы цензурной рукописи (186, 187 и 188) содержат следующие строфы — 1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 22; дальнейший перечень строф обрывается в связи с утратой листов. Но именно те же строфы читал и путешественник в лонгиновском списке. Первая строфа, как

свидетельствует лонгиновский список, была прочитана автором. Далее следовал прозаический текст, отсутствующий в цензурной рукописи и в окончательной редакции, в котором говорится, какие строфы читал путешественник: «Строфы 3, 4, 6, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 30, 31, 32, 35, 38, 39, 40, 41, 42 прочитав, я ему сказал: если вы, государь мой, ни за чем другим едете в Петербург, как дабы истребовать дозволение на напечатание ваших стихов, то возвратитесь в покое домой и потщитесь исправить их от двух погрешностей: от нелепости выражений и, сказать вам могут, от нелепости мыслей. Он поглядел на меня с презрением».[1]

Следовательно, в той рукописи, с которой делался лонгиновский список «Путешествия», ода, по мысли Радищева, должна была включаться в книгу *не полностью*. Общий перечень включенных в лонгиновский список строф совпадает с нумерацией строф цензурного списка (с той разницей, что здесь дан полный перечень, а цензурный список сохранил неполный перечень в связи с утратой листов рукописи). В то же время в лонгиновском списке текст оды дан *полностью*. Ни В. П. Семенников и никто из последующих исследователей *не обратил внимания на это противоречие. А оно — свидетельство того, что лицо, делавшее список книги для себя, имело под руками отдельный, полный текст оды, который и был дан переписчику; при этом не учли, что тем самым нарушалось желание Радищева поместить в книге только избранные строфы, точно перечисленные в прозаическом тексте автокомментария.*

Список оды, с которым имел дело переписчик лонгиновского экземпляра, запечатлел следы одного из этапов работы над полным текстом стихотворения для подготовки его к включению в «Путешествие». Первые и явные следы этой работы — решение Радищева дать прозаические примечания к некоторым строфам. Примечания появились к 5, 8, 11, 13, 17, 24—34, 35—37 и 38 строфам, которые в последующем и войдут в окончательную редакцию оды, напечатанную в «Путешествии». Появление примечаний — свидетельство прежде всего подчинения оды общей

[1] В. П. Семенников, Новый текст «Путешествия...», стр. 29.

композиции книги. Как показывают цензурный экземпляр и лонгиновский список «Путешествия», Радищев уже на первом этапе работы решил печатать оду не полностью. При этом роль автора оды в «Путешествии» оказывалась пассивной — он передавал путешественнику текст избранных строф и выслушивал его резкую оценку. Появление примечаний и связано с усилением активности автора оды. На первом этапе (лонгиновский список) он прочел путешественнику только первую строфу и так прокомментировал ее: «За одно название отказали мне издание сих стихов, но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового Уложенья говорится о вольности, и сказано: вольностью назвать должно то, что все одинаковым повинуются законам» и т. д. Заканчивается комментарий следующей фразой, обращенной к путешественнику: «Но продолжайте беспрепятственно, я не хочу вам наскучить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными; многие, признаюсь, из них справедливы».[1] После этой фразы автора оды путешественник (прочтя стихотворение) высказывает свои критические замечания о прочитанных строфах.

В окончательной редакции — в печатном экземпляре «Путешествия» активность автора увеличена максимально: он рассказывает путешественнику историю запрещения издания «Вольности», ссылается на Наказ, читает первую строфу и комментирует ее. Затем строку «но продолжайте беспрепятственно...» Радищев снимает и вписывает новую: «Позвольте, чтобы я вашим был чтецом». Далее автор оды сам знакомит путешественника с центральными мотивами «Вольности», делая это двумя способами: читая ему строфы или отдельные строки и сопровождая пропущенные строфы прозаическим комментарием. С той же целью Радищев стал пересказывать не только отдельные строфы, но целые группы строф. Примечания, появившиеся в лонгиновском списке, потому и были перенесены в окончательную редакцию — их высказывает сам автор оды во время чтения ее путешественнику. Но так как в редакции лонгиновского списка предполагалось назвать всего 42 строфы, а в тексте «Путешествия» упоминалось о 50 строфах, Радищев должен был в окончательной

[1] В. П. Семенников, Новый текст «Путешествия...», стр. 29.

редакции пересказать и прокомментировать последние строфы. Текст этого пересказа и комментария появился только в последней, печатной редакции.

В итоге переработки Радищев превратил автора оды в пропагандиста революционных идей. В работе над приспособлением оды к общей композиции книги претерпел изменения и текст оды. Обращает на себя внимание одно важное обстоятельство: у Радищева появилось стремление при сокращении стихотворения дать читателю точное представление о содержании *всех его строф*. В цензурном и лонгиновском списках Радищев из 54 строф познакомил путешественника только с 28-ю, оборвав оду на 42-й строфе. В окончательной редакции целиком даны 14 строф, в отрывках с комментариями — 12, содержание остальных (точно пронумерованных) изложено прозой. Таково первое и решительное изменение оды в окончательной редакции — автор ее, став активным действующим лицом в книге, процитировал и пересказал все строфы, дав тем самым читателю точное представление о содержании *всей* оды. Ясно, что это было продиктовано уже не задачей подчинения оды общей композиции книги. Для композиции книги неважно, сколько в оде строф — 42, 50 или 54. Но у Радищева появилось отчетливое стремление: несмотря на то, что по условиям композиции трудно было опубликовать оду полностью, читатель должен был знать точно содержание оды целиком, а не в отрывках, должен был знать, какое количество строф в первом русском революционном стихотворении, как развивалась в нем мысль, чем оно заканчивалось. Мы обязаны обратить внимание на стремление Радищева при всех сокращениях и прозаических пересказах сохранить точную нумерацию строф — как опубликованных, так и замененных прозаическим пересказом.

Вторым следствием переработки оказались многочисленные стилистические поправки. На следствии Радищев показал, что в книге своей он «переменил некоторые речения». Отмечу, что стилистическая правка производилась по экземпляру оды, воспроизводившему первоначальный текст (первую редакцию). С экземпляра, содержащего стилистическую правку, сделанную после получения рукописи из цензуры, но еще не готового для печати (для печати часть текста была сокращена и пересказана),

и был сделан список текста оды, оказавшийся в дальнейшем у сына писателя — П. А. Радищева. В правильности такого предположения нас убеждает сличение текста списка П. А. Радищева с текстом строф, уцелевших в цензурном списке и в печатном экземпляре (в «Путешествии»). Я уже говорил, что текст лонгиновского списка тождествен тексту цензурного экземпляра. Оба они стилистически отличаются от текста, данного в окончательной редакции «Путешествия». Список сына Радищева отличается и от лонгиновского и от цензурного; в нем множество поправок, совпадающих с поправками тех строф, которые вошли в окончательную редакцию. Но некоторые стилистические поправки, сделанные Радищевым уже в корректуре (а известно, что работа над текстом книги продолжалась и во время чтения корректур), естественно, не вошли в список сына Радищева. Следовательно, *список П. А. Радищева запечатлел предпоследнюю стадию работы.*

Сделаем из сказанного выводы. Список оды П. А. Радищева а) не есть копия с лонгиновского, б) он включает в себя многочисленные «перемены речений», сделанные Радищевым после получения цензурного разрешения, и тем самым, значит, передает нам текст, подвергшийся последующей обработке, в) эти стилистические изменения в подавляющем большинстве вошли в окончательную редакцию (напечатанную в «Путешествии»). Следовательно, список П. А. Радищева *передает нам полный текст оды с поправками автора, сделанными накануне печатания, то есть текст оды, максимально приближающийся к окончательной редакции.*

В последней редакции ода подверглась новой переработке: Радищев исключил из нее четыре строфы и окончательно установил количество строф — 50. Этим последняя редакция резко отличается как от первоначального текста (списки цензурный и лонгиновский), так и от текста списка П. А. Радищева. Печатая оду в «Путешествии» в составе 50 строф, Радищев ввел новую, но точную нумерацию строф. Исключив сначала 9-ю строфу, он сразу изменил счет на одну, после исключения 24-й строфы — на две, и, наконец, после 33-й строфы (из группы, идущей под номерами 25—33, были выброшены еще две строфы) счет уменьшился на четыре.

Исключение четырех строф носило глубоко принципиальный характер. Радищев потому и проявил заботу о тщательной новой нумерации, сообщая читателю, что в оде «Вольность» всего 50 строф. Какие же мотивы заставили Радищева выбросить четыре строфы? Обратимся прежде всего к тем исключенным строфам, которые нам известны, — 9-й и 24-й. Вот текст 9-й строфы:

Сей был, и есть, и будет вечный
Источник лют рабства́ оков:
От зол всех жизни скоротечной
Пребудет смерть един покров.
Всесильный боже, благ податель,
Естественных ты благ создатель,
Закон свой в сердце основал;
Возможно ль, ты чтоб изменился,
Чтоб ты, бог сил, столь уподлился,
Чужим чтоб гласом нам вещал.

8-я строфа была посвящена изображению «священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущего его в ярем порабощения и заблуждения». 10-я строфа рассказывала о самодержавной власти, которая утверждалась верой. Церковь и царская власть, пишет Радищев, «союзно общество гнетут». Между 8-й и 10-й строфами — внутреннее единство. 9-я же строфа вносила новый, диссонирующий мотив — тут выражалась вера во всесильного бога, который воспринимался как «благ податель» и создатель «естественных благ». Радищев не был атеистом. «Путешествие из Петербурга в Москву» и философское сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии» запечатлели систему его деистических воззрений. Ненавистник церкви, материалист, Радищев считал, что мир развивается по законам природы. Но безличной первопричиной мира признавался бог. В 9-й строфе изложены иные убеждения — вера в личного бога. Этот бог не только создатель, но и податель благ, основавший свой закон в сердце каждого человека. Более того, последние строки прямо говорят о боге как разумном существе — «Возможно ль, ты чтоб изменился» и т. д. В то же время следует отметить резкость суждений Радищева. С гневом спрашивает он у бога — возможно ль, «чтоб ты, бог сил, столь уподлился, чужим чтоб гласом нам вещал». В дерзком вопросе — во́зможно ль, чтоб бог

стал так подл, что препоручил все дела церкви, — уже заложено семя сомнения в разумности бога. К 1789 году, когда Радищев (судя по «Путешествию») окончательно перешел на деистические позиции, он не мог оставить строфу, где высказывались теистические воззрения, как видно свойственные ему в молодости.

Следующей выброшенной строфой оказалась 24-я:

Ниспослал призрак, мглу густую
Светильник истины попрал;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действьи распростерт своем;
Не спасшему от бед нас мнимых,
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

Нетрудно заметить, что здесь развит тот же мотив, что в 9-й строфе. В описании действий народа, осудившего самодержца-злодея, после гимна Кромвелю, научившему народы «мстить» за себя, добывать силой свободу, вдруг — хвала богу, «победная» песнь «отцу предвечному», который «в действьи распростерт своем». В дело людей, борющихся за свою свободу, вмешивается бог. В пору исповедания теистических воззрений это было оправдано. Теперь же, отвергнув теистические верования как «бредоумствование», Радищев не мог оставить в революционном стихотворении строфы, где в сознательные действия народа, самоотверженно сражающегося с самодержавием, вмешивался бог. Вот почему была исключена и 24-я строфа.

Какие же еще две другие строфы оказались исключенными Радищевым? Таких прямых и безусловных указаний, как в случае с 9-й и 24-й строфами, у нас нет. Но это не значит, что мы не можем установить их. У нас есть ряд указаний, которые необходимо тщательно проанализировать.

Прежде всего мы знаем точно, из какого числа строф оказались исключенными две строфы. Для установления исключенных строф тщательно изучим новую радищевскую нумерацию. Исключение 9-й и 24-й строф повлекло изменение дальнейшего счета на два. Оправданно после

исключения 24-й строфы (полного текста) Радищев следующую, 25-ю строфу обозначает цифрой 23. Но строфы 24—33 новой нумерации он не цитирует, а пересказывает: «В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы» и т. д. После пересказа следует строфа 34-я, частично процитированная, частично данная в прозаическом изложении. 34-я строфа новой нумерации совпадает с 38-й старой, полной: разрыв между старым и новым количеством строф достиг уже четырех. Следовательно, именно здесь были выпущены две строфы. Действительно, всего Радищевым при пересказе опущено двенадцать строф (26—37 старой нумерации), а подверглось пересказу десять, что и подчеркнул Радищев своей новой нумерацией: 24—33. Казалось бы, все ясно. Но в прозаическом тексте Радищев сказал, что пересказал он одиннадцать строф. Откуда цифра 11? Может быть, это ошибка?

Недоразумение разъясняет лонгиновский список. Мы уже знаем, что список отразил один из первых этапов переработки оды, а именно написание к целому ряду строф прозаических примечаний, пересказов. В числе других мы находим там и пересказ данных одиннадцати строф: «В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы» и т. д. Из этого следует, что Радищев сначала думал пересказ начать не с 24-й строфы, а с 23-й (новой нумерации) и сделал так. Вот почему в лонгиновском списке прозаический текст в качестве примечания дан перед строфой 25-й (23-й — новой нумерации). В корректуре Радищев вновь пересмотрел композицию и решил 1-ю строфу цикла (23-ю — новой нумерации), рассказывающую «о царстве свободы», частично процитировать (дано 7 из 10 стихов). Значит, текст пересказываемых строф сократился с одиннадцати до десяти (раз первая строфа цикла пересказана). Это и нашло свое отражение в нумерации 24—33 (то есть пересказано 10). Но в ранее написанном прозаическом тексте пересказа осталась непоправленной цифра 11.

Установив факт исключения новых двух строф, следует определить их и установить, какие десять строф из двенадцати опущенных были пересказаны. Руководствоваться можно только текстом прозаического пересказа.

В нем же говорится, что оставшиеся строфы посвящены описанию «царства свободы и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие». Строфами, в которых рассказывается о царстве свободы, оказываются 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37 старой нумерации. Строфы же 26-я и 27-я повествуют совершенно о другом: в них говорится о Лютере, возглавившем церковную реформу (26-я), о творящей силе бога (27-я). Несомненно, что исключены новые две строфы по тем же идейным мотивам, по каким были исключены 9-я и 24-я. Сняв их, Радищев отказался от мысли считать бога причастным к действиям людей, завоевывающих свободу. Понятно поэтому, что после 23-й строфы, процитированной в книге, где говорится: «Велик, велик ты, дух свободы, зиждителен, как сам есть бог», шла строфа 24-я (28-я старой нумерации), в которой конкретизировалась эта мысль: зиждительная сила духа свободы определила величайшее научное открытие Галилея, открытие Колумбом Америки и т. д. В следующей, 25-й строфе (29-й) с еще большей силой раскрывалась мысль об огромном значении для человека «духа свободы». Поэт писал там, что «к величию он всех зовет», что он «живет, родит и созидает» и т. д. Идея зиждительности духа свободы поэтом была развита полнее, идея вмешательства бога в дела людей исключена совершенно.

Подведем итоги. Написанная в 1781—1783 годах ода «Вольность» только в 1789 году была намечена Радищевым к публикации. При подготовке ее к печати она подверглась переработке, которая осуществлялась в несколько приемов на протяжении года — с весны 1789 по весну 1790 года. Переработка шла в процессе подготовки рукописи для цензуры, после получения цензурного экземпляра и в корректурных листах. Переработка оды была обусловлена двумя причинами.

Первая из них определялась самым фактом включения оды в состав «Путешествия» и необходимостью подчинить ее общей композиции книги. Отсюда решение печатать «Вольность» не целиком, а в извлечениях. Это и подтверждают как цензурный, так и лонгиновский списки. В дальнейшем Радищев повысил активность автора оды (требования, вытекавшие из идейного замысла «Путешествия»), что, в свою очередь, привело к появле-

нию прозаических примечаний к отдельным строфам. В последнем варианте, когда поэт стал чтецом своей оды, ее пропагандистом, Радищев решил процитировать и пересказать *всю оду*.

Но этим дело не ограничилось. Во время подготовки оды к печати Радищев произвел идейную и стилистическую переработку оды. Внесенные изменения относились только к оде и не связаны с необходимостью ее приспособления к композиции книги. К сожалению, до сегодняшнего дня исследователи совершенно произвольно игнорируют текст оды, включенный в «Путешествие», на том основании, что дан он там в сокращенном виде и приспособлен к композиции книги. Поэтому все идейные и стилистические поправки, внесенные в оду, относят только к тому ее варианту, который дан в «Путешествии» и который якобы не имеет никакого отношения к полному тексту оды. Это ошибочное заключение противоречит ясно и категорически высказанному мнению Радищева.

Важным изменением оды в окончательном виде, вне зависимости от включения ее в «Путешествие», является исключение из нее четырех строф. Исключение строф, пропагандировавших теистические воззрения, изменяло оду, усиливало ее революционный смысл. Идея бога как «подателя благ», как силы, вмешивающейся в дела народа, и в частности в его борьбу за свободу, была исключена. Завоевание свободы, по Радищеву, есть дело самого народа. Он — творец своей свободы, своего счастья.

Повышению агитационной роли оды способствовали и те многочисленные «поправки речений», которые Радищев осуществил при подготовке ее к печати. Каков характер стилистической правки? Уточнение отдельных формулировок, усиление поэтической выразительности отдельных строф, устранение темных, недостаточно точных и доходчивых выражений, с одной стороны, и освобождение от излишних славянизмов — с другой. Творчество Радищева свидетельствует, что первые его произведения насыщены славянизмами в большей степени, чем произведения последних лет. Совершенно отчетлива тенденция развития Радищева-писателя к ограничению числа славянизмов в его языке. Это сказалось

и на правке текста «Путешествия», сделанной после цензуры и в корректуре. Как известно, «Путешествие» писалось с 1785 года. В 1789 году Радищев уже строже относится к использованию славянизмов. П. Е. Щеголев, изучавший стилистические поправки в «Путешествии», пришел к выводу: «В поправках отдельных слов необходимо отметить стремление Радищева избежать архаизмов и церковных славянизмов. Так, он неоднократно исправляет «егда» на «если», «оной» на «которой», «возрыдавый» на «возрыдавший», «бразду» на «борозду», «сие» на «оно» и т. д.».[1] Данная позиция Радищева определяла и исключение многих славянизмов, архаизмов из оды и перемену отдельных «речений». Другие поправки направлены были на усиление выразительности стиха.

Только изучение творческой истории оды позволяет установить, что она подвергалась переработке, что переработка осуществлялась не сразу, а на нескольких этапах. Первым этапом было написание оды в 1781—1783 годах. О том, как протекала работа в тот период, нам ничего не известно: рукопись не сохранилась. Вторым этапом была подготовка оды для цензурного списка «Путешествия». Третьим этапом была работа над одой после получения цензурного разрешения на печатание «Путешествия». Четвертый и последний этап — тщательная правка в корректуре. Каждому из трех последних этапов соответствуют и имеющиеся в нашем распоряжении различные списки текстов оды: лонгиновский, сына Радищева (издание «Сириуса») и напечатанный в «Путешествии».

Основным текстом оды должен быть признан текст последней редакции, помещенный в «Путешествии». Главная особенность последней редакции — исключение по идейным мотивам четырех строф и определение окончательного числа строф в оде — 50. В то же время ода этой редакции дана в сокращении. Поэтому, взяв за основу текст, напечатанный в «Путешествии», необходимо пополнить его стихами того списка, который близок к окончательной редакции. Таким текстом является,

---

[1] П. Е. Щеголев, Рукопись «Путешествия» в книге «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, СПБ., 1905, стр. LXXXVII—LXXXVIII.

как уже установлено, текст П. А. Радищева (издание «Сириус»).

Текст лонгиновского списка не может быть принят за основу по многим причинам. Остановимся на трех главных.

Во-первых, лонгиновский список, вопреки утверждению В. П. Семенникова, дефектный, поскольку он содержит огромное количество ошибок — не менее пятидесяти. Ошибки искажают смысл, нарушают размер и т. д. Во-вторых, в нем отсутствуют два стиха, без которых немыслимо воспроизведение «Вольности». В-третьих, будучи копией, снятой с текста ранней редакции, он не включает в себя важнейших поправок, сделанных Радищевым при подготовке оды к печати, — ни идейных, ни стилистических. Поэтому в нем не 50 строф, а 54 строфы. [1]

В лонгиновском тексте много явных неточностей и пробелов. Но чем руководствоваться при исправлении испорченных писцом строк и отдельных слов? Несомненно, в тех случаях, когда отчетливо видна описка переписчика, можно исправлять по смыслу. Например, в 28-й строфе строка четвертая читается: «поверг земли уж

---

[1] В Центральном Государственном литературном архиве хранится список «Путешествия из Петербурга в Москву», содержащий, так же как и лонгиновский список, полный текст оды «Вольность». Изучение его показывает, что он не представляет научной ценности, поскольку воспроизводит текст оды — тот же, что находится в экземпляре «Путешествия» Лонгинова. Рукопись эта конца XVIII века (водяные знаки 1794—1796 годов). В ней очень много ошибок, таких же как и в лонгиновском списке. Вот примеры: строфа 9: «закон свой в сердце оковал»; строфа 15: «Преступник власти данной» (пропущено слово «мною»); строфа 17: «Была оранию полезна»; строфа 23: «Един ты в свете оном благотворный»; строфа 26: «сменися мнимого прощенья» и т. д. Так же как и в лонгиновском списке, здесь пропущены те же две строки: в 37-й строфе переписчик не заметил пропуска стиха и сдвинул строки; в 53-й строфе пропущенная строка была заменена бессмысленным, не подходящим по содержанию стихом: «немощно на неизложенье». Часть ошибок лонгиновского списка переписчик исправил: так, вместо «поверг» он написал «поверх» (28-я), вместо «мачих» — «мачиха» (31-я), вместо «единая» — «едина» и т. д. Но в то же время в списке появились новые ошибки: строфа 13 — «Он молвит, вольность протекая» вместо «прорицая»; строфа 32: «не господска рука надменна» вместо «господа»; строфа 42: «неизменный никогда» вместо «неизменимый», и т. д. (ЦГАЛИ, ф. 1719, оп. 1, ед. хр. 3).

зрится всей». Ясно, что тут описка, и надо читать «поверх земли». Или в 51-й строфе десятая строка: «Что *чтим* слепец своим отцом». «Чтим» — явно испорченное слово. Опять-таки по смыслу можно поправить «чтим» на «чтил». Но если ошибки такого типа можно исправлять по смыслу (и то чрезвычайно осторожно), то как быть с другими, более сложными случаями?

Обратимся к примерам. Строфа 10-я, строка четвертая: «В царстве зря образ божества». Ошибка явная: нарушен размер, фраза бессмысленная. Или: в строфе 9-й, строка седьмая: «Закон свой в сердце оковал». Слово «оковал» испорчено. Но спрашивается, какое должно быть поставлено вместо него другое слово? Или в 26-й строфе фраза «Сменися мнимого прещенья» бессмысленна. Ясно, что в подобных случаях править по смыслу нельзя. Необходимо руководствоваться каким-то другим текстом, по которому можно и должно исправлять ошибки. Видимо, из того же авторитетного текста следует взять и недостающие два стиха. Редакция академического издания сочинений Радищева и была вынуждена так поступить, воспроизводя лонгиновский дефектный текст.[1] Причем, правя ошибки лонгиновского текста, редакция считает возможным и обязательным обращаться к тексту издания «Сириус» и к тексту, опубликованному в «Путешествии».

Проверим, как редакция правила ошибки лонгиновского списка, всегда ли она следовала принципам, ею изложенным. Так, например, в строфе 23-й в лонгиновском списке испорчена строка: «Един ты в свете оном благотворный». Ее надо поправить. Перед редакторами лежало два текста: «Сириуса» и включенного в «Путешествие». В издании «Сириуса» сказано: «Один ты в мир сей благотворный». В тексте «Путешествия» эта строка есть, но в иной редакции: «Един ты в свет столь благотворный». Редакторы избирают последний вариант. Естественно предположить, что редакторы, считая текст «Сириуса» неавторитетным, вообще им не пользуются, предпочитая ему в спорных случаях текст первопечатного издания. В действительности редакторы поступают

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, АН СССР, М—Л., 1938, т. 1, стр. 445.

иначе. В строфе 53-й лонгиновского списка пропущена девятая строка. Надо ее восстановить. По какому тексту? Если редакция предпочитает текст «Путешествия», то, казалось бы, им и надо было воспользоваться, благо там эта строка имеется: «Развеется в одно мгновенье». Но нет. Редакция предпочитает строку из текста издания «Сириуса»: «Приидет во изнеможенье». Подобных примеров более десятка.

Изучение всех поправок в дефектном лонгиновском списке позволяет сделать следующий вывод: декларативное заявление редакторов академического издания, что ими опубликован цельный и единый текст лонгиновского списка, который свободен от текстологических дефектов других редакций, не соответствует действительности. Именно текст оды в академическом издании и представляет собою недопустимую смесь трех различных редакций — в ранний текст произвольно включаются строки и слова из последней и предпоследней редакции. Объясняется такое положение и тем, что единственно авторитетным признавался список, который нельзя было опубликовать без большой правки, и тем, что совершенно игнорировалась творческая история оды, и тем, что в ходе самой правки многочисленных ошибок первоисточника допущен был явный произвол: не было последовательности ни в сохранении ошибочных чтений, ни в удалении их из текста — в одних случаях удаляли, в других — нет.

Так, например, в лонгиновском списке в пятой строфе есть два стиха:

Без слуха зрится хладнокровно
Велико божество судяй.

Слово «хладнокровно» редакторы справедливо сочли испорченным, поскольку оно не рифмуется со словом в следующей строке — «венчанно». Обращение к первопечатному тексту позволяет установить иное чтение:

Безжалостно и хладнонравно
Глухое божество судяй.

Тот же вариант и в издании «Сириуса». Как поступает редакция? Она исправляет слово «хладнокровно», то

есть уточняет только рифму, не принимая правку следующей строки «Глухое божество» вместо «Велико». Не менее произвольны и другие правки. Так, в строфе 50-й в лонгиновском списке есть стих: «Затускло солнце нов даст свет». Текст исправен, описки тут нет. Но редакция академического издания принимает вариант «Сириуса»: «Затускло солнце вновь даст свет».

Другой пример текстологического произвола при издании оды в академическом собрании сочинений Радищева. В лонгиновском списке в 24-й строфе есть такая строка: «Не спасшему от бед как мнимых». Фраза явно бессмысленная из-за испорченного слова «как», которое тут не на месте. При обращении редакторов к текстам «Сириуса» и «Путешествия» естественно предположить, что они сверят эту строку и поправят ее. Но в издании «Сириуса» она напечатана верно: не «как», а «нас». Что делает редакция? Исправляет? Нет, оставляет явную и грубую ошибку!

Еще образчик произвольного исправления дефектного текста. В лонгиновском списке в 12-й строфе есть такие строки:

Что надменное вознесши,
Прияв железный скипетр, царь,
На огромном троне властно севши.

Ошибки здесь явные: «что» и «огромном» — испорченные слова. Кроме того, сломан и размер. Строфа правится по печатному тексту. Там эти строки выглядят так:

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На громном троне властно севши...

Тот же вариант и в издании «Сириуса». Редакция правит: «что» на «чело», «огромный» на «громный», но важную замену Радищевым слова «прияв» на «схватив» игнорирует.

Редакторский субъективизм в исправлении лонгиновского списка привел не только к созданию искусственного текста, но и к *сохранению в нем явных ошибок, делающих текст бессмысленным.* Так, в стихе «Не спасшему от бед как мнимых» не исправили «как» на «нас».

Укажем еще одну ошибку. В академическом издании строфа 17-я воспроизводится по лонгиновскому списку. Текст ее явно неисправен. В самом деле, что значит фраза: «Златая жатва чтоб бесслезна была *оранию* полезна»? — жатва, полезная пахоте (орание) — явная бессмыслица. Бессмыслица затемняет дальнейший текст: «*Он* мог вещать бы за сохой» — кто он? Неясно. Редакция, слепо полагаясь на «авторитетность» лонгиновского списка, не исправляет явной ошибки. А ошибка могла быть исправлена и по тексту издания «Сириуса» и по цензурному списку, в которых имеется точный текст этого стиха: «Была *оратаю* полезна». Исправление ошибки проясняет дальнейший текст: «Он» — оратай, свободный земледелец.

В основу текста «Вольности» должен быть положен текст последней редакции оды, опубликованный Радищевым в «Путешествии», в количестве 50 строф.[1] Недостающие же строфы восполняются по списку сына поэта, ибо этот список передает текст оды в редакции, наиболее близкой к первопечатному ее тексту в «Путешествии».[2] Но учитывая, что рукопись оды, принадлежавшая П. А. Радищеву, утрачена, что до нас дошло только воспроизве-

---

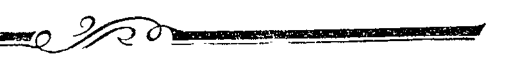
[1] А. Н. Радищев, Стихотворения, Л., 1953 (3-е издание малой серии «Библиотеки поэта»).

[2] Когда первые листы книги были уже подписаны к печати, появилась статья Л. И. Кулаковой «К вопросу о тексте оды А. Н. Радищева «Вольность» (Известия Академии наук. Отделение литературы и языка, 1956, вып. 2). Автор приводит некоторые не лишенные интереса материалы о вариантах отдельных строк и слов «Вольности», почерпнутые из рукописных списков оды, хранящихся в ЦГАЛИ и рукописном отделении Библиотеки им. В. И. Ленина. Цель Л. И. Кулаковой — освободить текст оды от ошибок. К сожалению, делается это с традиционных позиций. Повторяя В. П. Семенникова, Л. И. Кулакова игнорирует творческую историю оды и, в который уже раз, усиленно компрометирует текст издания «Сириуса», объявляя при этом вводимые ею в научный оборот списки единственно авторитетными. Такая позиция не помогает делу, ведет к произволу и неверным решениям. Не имея возможности подробно анализировать аргументы Л. И. Кулаковой, укажу только на некоторые ошибочные положения автора. Л. И. Кулакова решительно заявляет, что текст оды в издании «Сириуса» не авторитетен, потому что в нем «имеет место неоправданное подновление языка поэта» (вместо «не ***приспе*** еще година» напечатано «не ***пришла*** еще година»). «Едва ли «правку» такого рода производил П. А. Радищев. Мало вероятно, чтобы она принадлежала опытному издателю многих книг XVIII века П. А. Ефремову. Скорее всего здесь про-

дение ее издательством «Сириус», да и то не с подлинника, а с корректуры ефремовского издания, мы признаем необходимой дополнительную сверку текста П. А. Радищева с текстом лонгиновского списка, а также обращение к прозаическому пересказу опущенных строф, который Радищев включил в «Путешествие». Этот прозаический текст, как правило, очень близок опущенному поэтическому.

шлась рука редактора XX века». Заявление это ошибочное, — если бы Л. И. Кулакова посмотрела сохранившиеся экземпляры уничтоженного в 1872 г. издания сочинений А. Н. Радищева, подготовленного П. А. Ефремовым, она бы увидела, что вариант стиха «не пришла» напечатан именно «опытным издателем». Л. И. Кулакова всячески превозносит достоинства «своих» списков. Опираясь на них, она производит правку такого, например, типа: в 53-й строфе 9-я строка в академическом издании печатается по лонгиновскому списку: «Приидет во изнеможенье». Тот же вариант и в издании «Сириуса». «Список Ленинской библиотеки, — объявляет Л. И. Кулакова, — дает окончательное чтение — «Развеется в одно мгновенье». Непонятна потребность в подобных «открытиях». В тексте оды, опубликованном в «Путешествии», то есть в окончательной редакции, Радищев исправил эту строчку и напечатал: «Развеется в одно мгновенье». Какой смысл «опираться» на список, сделанный с печатного экземпляра «Путешествия», испещренный к тому же при переписке ошибками? В издании «Библиотеки поэта» мною уже давно опубликован именно этот вариант.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Главной книгой Радищева, делом его жизни, его подвигом, революционной энциклопедией русского Просвещения было «Путешествие из Петербурга в Москву».

Пушкин, не разделявший радищевской идеи народной революции, резко осудивший «Путешествие из Петербурга в Москву», отлично понял пафос книги, ее революционный дух. Для него «Путешествие» — «сатирическое воззвание к возмущению». Автор «Путешествия» — преступник, но «с духом необыкновенным, политический фанатик, заблуждающийся, конечно, но действующий с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию».[1] Герцен, признавая свое духовное родство с Радищевым, открыто говорил, что идеалы Радищева — автора «Путешествия из Петербурга в Москву» — это его идеалы, идеалы декабристов. В каждом слове «Путешествия» он находил «с ненавистью к насилью — громкий протест против крепостного состояния». Радищев для него «поклонник возникавшей революции», «энергический и смелый» человек, который своим «Путешествием» «один поднял голос протеста».[2]

Иначе оценила революционную книгу буржуазно-либеральная наука. Фальсифицируя идейное наследие

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, АН СССР, 1949, т. XII, стр. 32—33.

[2] «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Н. Радищева, с предисловием Искандера, London, 1858, стр. VI, 104.

Радищева, буржуазные ученые доказывали, что политический смысл «Путешествия» в страстном обращении автора к монарху и дворянам с призывом освободить своей волей крестьян, мирно покончить с крепостным правом. Для убедительности они ссылались на главу «Хотилов», где изложен «Проект в будущем» — план ликвидации крепостного права волею монарха.[1] Но в книге, кроме «Хотилова», были и другие главы, в которых автор прямо и открыто ставил вопрос о крестьянской революции, говорил об истреблении «дворянского племени». Как можно было объяснить их присутствие в «Путешествии», если Радищев обращался лишь к царю, уповал на его волю? Выход из затруднительного положения был найден: Радищева признали непоследовательным мыслителем, а его книгу, лишив художественного единства, объявили собранием разрозненных очерков и политических статей, из которых «Хотилов» провозглашался центральным, выражающим самые сокровенные мысли Радищева.[2]

Вопросы формы «Путешествия», жанра, художественной цельности книги именно поэтому привлекли к себе самое пристальное внимание ученых. Появлялись десятки работ, в которых ученые доказывали читателю несамостоятельность Радищева, убеждали его, что Радищев следовал, как образцу, «Сентиментальному путешествию» Стерна и т. д. Исследование жанра и формы носило служебный, подсобный характер: зачисление ради-

---

[1] Наиболее откровенно подобная точка зрения изложена П. Н. Милюковым в его книге «Очерки по истории русской культуры», СПБ., 1913, ч. III, вып. II, изд. 3-е, стр. 390—391.

[2] А. И. Незеленов писал, например, о «Путешествии»: «Книга эта есть собственно ряд публицистических статей о различных предметах: о литературе, цензуре и, главным образом, о крестьянах и крепостном праве». «В сочинении этом есть изумительные противоречия, чрезвычайные странности, которые и служат, конечно, причиной неясного понимания личности Радищева». Приписав Радищеву «изумительные противоречия», Незеленов спешит предупредить читателя: мысль Радищева, что «свободы крестьян можно ждать не от помещиков, а от самой тягости порабощения», высказана мимоходом, она не выражает его действительных взглядов и потому противоречит «проекту» («Хотилову»). Свое рассуждение Незеленов завершал общим выводом: «Радищев ждал и желал освобождения крестьян силою верховной власти». (Собрание сочинений А. И. Незеленова, СПБ., 1889, т. IV, стр. 312, 315).

щевского «Путешествия» в ряд сентиментальных путешествий помогало объяснять противоречивость книги (собрание не связанных единством очерков), объявлять Радищева сторонником мирных реформ, предтечей русского либерализма.

Некоторые советские историки литературы одно время популяризировали выдвинутые буржуазным литературоведением идеи и о подражании Радищева произведениям Стерна, и о противоречиях мировоззрения Радищева, и о сочетании в одной книге революционных и либеральных идей.

В одной из своих работ В. П. Семенников заявлял, что в «Путешествии» Радищев подражал «во многом композиционным приемам Стерна», и прежде всего воспринял от него метод изложения своих разнообразных мыслей «без связи и порядка». Установление зависимости композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» от манеры Стерна нужно только для объяснения идейных противоречий Радищева: «Подводя некоторые итоги, — продолжает исследователь, — всему нами сказанному, мы отметим прежде всего в личности Радищева раздвоенность, которая более всего проявляется как в отношении к путям осуществления его политического идеала, так и к революции вообще». «Потому в лице Радищева сочетаются черты и революционера и либерала, готового содействовать власти в осуществлении реформ».[1]

А. П. Скафтымов, выступая после Семенникова, пошел вослед традиции, сблизив «Путешествие из Петербурга в Москву» с «Сентиментальным путешествием» Стерна. Он пишет, что все «путешествия», в том числе и радищевское, «сближает форма совершенной свободы и несвязанности в наполнении очередного текста и некоторые повторяющиеся мотивы». «Сентиментальное путешествие» Стерна послужило Радищеву образцом формы свободного, несвязанного изложения. И, наконец, цель книги определяется А. П. Скафтымовым так: «Основополагающим и определяющим началом в формировании этого произведения было вовсе не желание

---

[1] В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, П., 1923, стр. 80, 81.

рассказать о действительных впечатлениях автора за известный промежуток времени, а желание теоретически высказаться по некоторым принципиальным вопросам».[1]

В 1940 году Л. Б. Лехтблау, развертывая старую точку зрения об использовании Радищевым «Сентиментального путешествия» Стерна, более решительно, чем все его предшественники, но совершенно бездоказательно утверждал: «Стерновская свободная композиция могла служить удобным способом изложения собранного Радищевым за многие годы разнообразного материала из русской действительности».[2]

В работах последнего времени уже не говорится о подражательном характере радищевского «Путешествия». Даже те исследователи, которые считают Радищева сентименталистом и его «Путешествие» сентиментальным, нынче пишут, что сентиментализм Радищева — самобытный, «высокий, боевой, гражданский», «ничего общего не имеющий с пассивной иронией Стерна» и т. п.[3] Но эти признания и оговорки, к сожалению, не ведут исследователей к преодолению традиционных представлений о жанре «Путешествия из Петербурга в Москву» как жанре сентиментального путешествия, и они попрежнему продолжают пропагандировать старинную идею о противоречивом сочетании Радищевым либеральных и революционных воззрений. Так создается порочный круг: упорное зачисление радищевского «Путешествия» в разряд сентиментальных заставляет считать его собранием не связанных друг с другом очерков, а это принуждает истолковывать содержание каждой главы самостоятельно, вне связи с книгой в целом. И тогда оказываются необъяснимыми кричащие противоречия книги: в главе «Хотилов» изложен план реформ сверху, в главе «Городня» — призыв к восстанию.

---

[1] А. П. Скафтымов, О реализме и сентиментализме в «Путешествии» Радищева — «Ученые записки Саратовского университета», 1929, т. VII, стр. 173, 178.

[2] Л. Б. Лехтблау, Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева — «Проблемы реализма в русской литературе XVIII века», М.—Л., 1940, стр. 248.

[3] См., например, книгу Л. Кулаковой «А. Н. Радищев», Лениздат, 1949.

В результате в современной научной литературе до сих пор не преодолена противоречивость оценок «Путешествия из Петербурга в Москву» и политических взглядов Радищева. Одна (меньшая) группа исследователей, исходя из анализа *всех* основных произведений Радищева, считает Радищева революционером,[1] причем «Путешествие» рассматривается этими специалистами как единое и художественно цельное произведение. Другая группа (бо̀льшая)[2] считает, что Радищев революционные взгляды сочетал с умеренно либеральными, что, «полагая надежду на бунт от мужиков», он в то же время не терял веры и в возможность реформ сверху, если удастся уговорить царя. Свою точку зрения исследователи доказывают исключительно на материале «Путешествия», которое при этом рассматривается как лишенное внутреннего единства собрание различных статей.

Нетрудно заметить, что идея о сочетании в «Путешествии» революционных и либеральных воззрений довольно давнего происхождения. Новым в концепции оказывается лишь объяснение идейного противоречия Радищева. Раньше говорили просто: Радищев не столько революционер, сколько либерал. Теперь иначе: Радищев, гениальный мыслитель своего времени (предлагал революционный путь к свободе), к сожалению, как сын своего века, был ограничен в своих взглядах (уповал на волю монарха, верил в возможность уговорить помещиков).

Вот типичное для представителей второй группы рассуждение: «Будучи первым борцом и глашатаем революции против самодержавия и крепостничества, Радищев в то же время *не исключал возможности освобождения крестьян путем рѐформы сверху*».

«Почему же революционер Радищев все же выдвигал и проект решения крестьянского вопроса путем реформ? Чем объяснить эту непоследовательность? Дело в том, что, будучи материалистом в философии, Радищев оставался идеалистом в понимании общественного

---

[1] П. Н. Берков, Н. И. Громов, Д. С. Бабкин, С. Александров, автор настоящей работы.

[2] Д. Д. Благой, Вл. Орлов, И. Я. Щипанов, М. А. Горбунов, Е. В. Приказчикова, В. С. Кружков, Л. И. Кулакова, Э. С. Виленская и др.

развития. Переоценка всеми просветителями XVIII века силы и роли человеческого разума в преодолении общественных противоречий не оставалась чужда и Радищеву... Радищев не верил в благодетельность «просвещенного абсолютизма» и вместе с тем проявлял некоторые колебания в сторону иллюзий о возможности убедить представителей власти в необходимости справедливого решения крестьянского вопроса». [1]

Вольное толкование композиции «Путешествия», рассмотрение его как сборника статей способствует появлению всех новых и новых концепций, объясняющих противоречивость книги (в одних главах призыв к революции, а в главе «Хотилов» упование на монарха). Вот одна из последних, принадлежащая В. С. Кружкову: «Путешествие» запечатлело эволюцию политических взглядов Радищева — от либеральных к революционным. «Одно время, — пишет В. С. Кружков, — Радищев допускал, правда, возможность того, что более передовые представители дворянства поймут, осознают невыносимость условий жизни крестьянства и необходимость его освобождения от крепостного гнета. В главе «Хотилов» из «Путешествия» он наметил даже меры, которые могли бы осуществить дворяне в пользу крестьян. Но эта иллюзия Радищева быстро рассеялась». [2]

Какие доказательства приводятся для обоснования выдвинутой концепции? Может быть, ее автору стало известно, что глава «Городня», где содержится призыв к восстанию, написана на много лет позже главы «Хотилов»? Нет, автор таких сведений не имеет. Но как же тогда быть с одой «Вольность»? Она-то написана безусловно раньше «Хотилова»? Что же, на этом основании надо считать, что Радищев начал свой литературный путь как революционер, а потом, в годы написания «Путешествия», превратился в «ограниченного» мыслителя и стал возлагать надежду на монарха? Бездоказательность — главная особенность работ сторонников идеи о непоследовательности радищевских революционных убеждений. Лишив радищевскую книгу художественного и идейного

[1] Е. В. Приказчикова, Экономические взгляды А. Н. Радищева, АН СССР, 1949, стр. 79, 81.

[2] В. С. Кружков, А. Н. Радищев — великий патриот и революционер — «Большевик», 1952, № 17, стр. 73.

единства, исследователи оказываются вынужденными придумывать различные объяснения мнимых противоречий. Они произвольно датируют и толкуют главы «Путешествия» и не обращают внимания на место каждой из них в едином замысле автора. Вот примеры, дополняющие опыт В. С. Кружкова.

И. Я. Щипанов пишет: «Радищев считал, что угнетенные крестьяне имеют право на восстание против помещиков и царя. Он поучал крепостных: «Прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалося его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя, дабы всяк, его видя, не только его гнушался, но убегал бы его приближения».[1]

Так ли это? Нет! И. Я. Щипанов делает сразу две ошибки: «поучает» не Радищев, а путешественник, и не *крестьян,* а *дворян!* Обратимся к тексту: путешественник с возмущением рассказывает о жестоком помещике: «Богатство сего кровопийцы ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания. И суть люди, которые, взирая на утучненные нивы сего палача, ставят его в пример усовершенствования в земледелии. *И вы* хотите называться мягкосердыми, *и вы* носите имена попечителей о благе общем. Вместо *вашего* поощрения к таковому насилию, которое *вы* источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея *ваше* человеколюбивое мщение» и т. д. Ясно, что концепция доказывается произвольным цитированием (начиная с середины фразы — «прострите...») и навязыванием Радищеву угодного исследователю содержания.[2]

Е. В. Приказчикова считает Радищева непоследовательным в «Путешествии». Для доказательства своего тезиса ей нужно, чтобы «Проект в будущем» (глава

---

[1] И. Я. Щипанов, А. Н. Радищев — «А. Н. Радищев, Избранные философские и общественно-политические произведения», М., 1952, стр. 17.

[2] На этих же ошибочных позициях стоят М. А. Алпатов и Б. Б. Кафенгауз в характеристике «исторических взглядов» Радищева в «Очерках истории исторической науки СССР», М., 1955, т. I, стр. 241.

«Хотилов») был изложен в книге *после* революционного призыва к восстанию. И она пишет: «Не случайно «Проект постепенного освобождения земледельцев в России» изложен Радищевым в «Путешествии» *после* революционных призывов к насильственному свержению власти помещиков и к ликвидации их собственности на землю».[1] (Курсив наш). О каких революционных призывах идет речь? Оказывается, Е. В. Приказчикова объявляет «революционными призывами к насильственному свержению власти помещиков» следующие слова из «Путешествия»: «Время, вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитеся». Но ведь это слова из «Проекта в будущем», и произносит их монарх, от имени которого написан «Проект». Монарх, призывающий к революции! Вот к чему может привести желание во что бы то ни стало доказать противоречивость убеждений Радищева. В то же время действительный призыв Радищева к восстанию, обращенный к крестьянам и находящийся в главе «Городня», которая в «Путешествии» идет *после* главы «Хотилов», игнорируется.

Бытующая в современном литературоведении концепция о непоследовательности революционера Радищева — старого происхождения, она не сейчас изобретена. Ее только подновили и вместо либерализма стали указывать на историческую ограниченность Радищева. Она противоречит не только содержанию «Путешествия», но и всему творчеству Радищева. В самом деле, предположим, что Радищев, будучи глашатаем революции, в то же время возлагал надежду на монарха. Но тогда спрашивается, почему Радищев не выражал надежды на монарха в «Письме к другу», «Житии Федора Васильевича Ушакова» и, наконец, в оде «Вольность»? Почему эта вера высказана была только в одной из глав «Путешествия», где, как известно, впервые печаталась и ода «Вольность»? Почему при переработке оды «Вольность» для публикации в составе «Путешествия» на ней не сказалась печать ограниченности, почему Радищев не убрал из нее

---

[1] Е. В. Приказчикова, Экономические взгляды А. Н. Радищева, стр. 80—81.

пламенных призывов к восстанию, к уничтожению самодержавия и истреблению царского рода и не внес призывов к монарху отпустить крестьян на волю своей властью?

Несостоятельная концепция способна порождать десятки вопросов и недоумений, но она не в силах их разрешить. Путаные и противоречивые оценки политических взглядов Радищева будут существовать до тех пор, пока «Путешествие» не перестанут, согласно традиции, толковать как сентиментальное путешествие (собрание не связанных единством очерков), пока любые неверные и принижающие Радищева концепции будут мнимо доказывать вырванными из контекста книги цитатами, расположенными в удобном для исследователя порядке.

Следовательно, вопрос о форме «Путешествия из Петербурга в Москву», о его композиции, о «Путешествии» как оригинальном, едином, цельном художественном произведении приобретает особую остроту и актуальность. Выяснить его — значит расстаться с противоречивой и неверной оценкой идейного содержания революционной книги и политических взглядов Радищева, значит определить и оценить роль Радищева-писателя в развитии русской литературы, и в частности в становлении русского романа.

2

Энциклопедизм был характерной чертой деятелей эпохи Просвещения вообще, деятелей русской культуры XVIII века в частности. Осуществляя грандиозную по масштабу работу по созданию национальной науки, литературы, театра, искусства, архитектуры, они выступали не только как ученые, но и как писатели, философы, переводчики, теоретики и практики искусства и театра, как государственные и общественные деятели. Создавая национальную культуру, определяя пути ее развития, русские просветители были в курсе всех достижений мировой науки и искусства.

Но овладение идеологическими и эстетическими богатствами предшествовавших эпох, богатствами, накопленными в течение многих веков, обобщение и использование опыта человечества не мешало, а способствовало

формированию именно самобытной и ярко национальной культуры, помогало двигаться вперед гигантскими шагами.

Энциклопедизм Радищева удивителен. Он — истинный продолжатель ломоносовских традиций, талантливый представитель ломоносовского типа деятелей русской культуры. Талант Радищева-писателя развернулся в 80-е годы. К этому времени он уже был отлично знаком с французской, немецкой, английской литературой; произведения западных писателей он читал в подлинниках. Опыт передовой литературы мира был им горячо воспринят. Литература, боровшаяся за человека, за его свободу против сословности, за полное проявление индивидуальности, и воспитывала Радищева и многому учила его. Но высокая оценка литературы мира не могла заставить Радищева отвернуться от родной литературы, от особенностей ее развития. Радищев был мыслителем нового типа, начавшим понимать необходимость конкретно-исторического рассмотрения общественных и социальных явлений, видевшим национальную обусловленность и культуры в целом и человеческого характера в отдельности. Оттого он глубоко и тонко понимал особенности молодой русской литературы. Русской поэзии свойственен был со времен Ломоносова ярко выраженный гражданский патриотический пафос. Тема родины оказывалась в центре и у Ломоносова, и у Кантемира, и у Державина. Русская литература заговорила о человеке, о личности, прямо перекликаясь с общеевропейской просветительской литературой. Но человек рассматривался в русской литературе не «со стороны сердца», не со стороны частной жизни. Она создавала образ патриота, гражданина, живущего большой жизнью отечества. Просветительская идеология Франции и Германии, вдохновляя передовых писателей, определила формирование эстетики сентиментализма. Русское Просвещение способствовало рождению реалистической эстетики.

Субъективистская философия сентиментализма была чужда материалисту и революционеру Радищеву. Революционные убеждения определили отношение к окружающей его самодержавно-крепостнической действительности. Они обусловили новое и отличное от сентиментализма решение проблем взаимоотношений человека

и среды, роли обстоятельств в жизни личности, значения социальных и национальных условий. Когда в русской передовой литературе вырабатывалась новая эстетика, определившая дальнейшее развитие реализма в России, Радищев, естественно, не мог пройти мимо национальной традиции.

В этой связи особо стоит вопрос о традиции жанра «Путешествия». Во всей научной литературе, посвященной радищевской книге, как только заходит речь о традициях, называется всегда и непременно (восторженно или осторожно) имя Стерна и его «Сентиментальное путешествие». Несомненно, что книга выдающегося английского писателя Стерна, вышедшая в 1767 году, определила рождение новой традиции — появился целый поток сентиментальных путешествий в различных национальных литературах. Была известна эта книга и в России, и прочитана, в частности, Радищевым.

Но была и другая, совершенно самостоятельная традиция «путешествий», о которой у нас забывают, имевшая огромное значение для Радищева. В 1783 году в «Собеседнике любителей русского слова» Фонвизин напечатал «Путешествие мнимого глухого и немого». В 70-е годы по Петербургу ходили путевые письма Фонвизина из Франции. В 1772 году в «Живописце» был напечатан новиковский «Отрывок путешествия», никакого отношения к Стерну не имеющий. Все эти путешествия в жанровом отношении носят особый, самостоятельный по отношению к «Сентиментальному путешествию» характер. Им чужда и чувствительность и субъективность, в них на первом плане не чувства, не внутренний мир путешественника, а реальная жизнь, окружающая человека действительность, показанная без покрова и объективно точно. Интерес к реальному миру, к фактам, к точности, к документальности, к подробностям быта различных социальных кругов (крестьян у Новикова, помещиков у Фонвизина) подчеркивает особый, *просветительский* характер этих путешествий, указывает на русскую традицию.

Действительно, путешествие как жанр было известно в России задолго до Стерна. Я имею в виду и многочисленные записки — письма русских, посланных учиться за границу, и географические путешествия. Особо стоит

отметить путешествия ученых. О необходимости организовывать географические путешествия по России раньше всех заговорил Ломоносов. В 1759 году вместе с указом Сената по городам и провинциям рассылали составленные Ломоносовым «Запросы, которыми требуются в императорскую Академию наук географические известия изо всех городов во всех губерниях и провинциях Российского государства для сочинения вновь исправнейшего российского атласа». Русские патриоты приглашались принять участие в большом и нужном деле. Всего предлагалось тридцать вопросов. Среди них и касающиеся жизни и работы крестьян: «У обывателей какие есть промыслы»; «В каждой провинции каких родов хлебы сеются больше, плодовито ль выходят»; «Какие где по городам или по селам фабрики или рудные заводы»; «Где есть переволоки, через кои с одной реки на другую товары сухим путем перевозят»; «Когда бывают в городах ярманки» [1] и т. д.

В 1764 году Ломоносов написал специальную записку о государственной важности географических путешествий. «Едино представление положения государств, а особливо своего отечества, производит в сердце великое удовольствие». Ломоносов предлагал: «Всего путешествия содержать повседневный верный журнал». Смысл ломоносовских требований общепросветительский — способствовать «географическому познанию отечества».

Хотя и с запозданием, экспедиции, предложенные Ломоносовым, послали, и они работали в течение 1768—1774 годов. Среди участников экспедиций были Паллас, Лепехин, молодой Озерецковский, Николай Рычков.

К моменту посылки географических экспедиций русский читатель уже знал о знаменитых путешествиях русских ученых С. П. Крашенинникова и П. И. Рычкова. Оба издали в 50-х годах: первый — «Описание земли Камчатской», второй — «Оренбургскую топографию». Новиков в своем «Словаре», вышедшем в 1772 году, писал о Крашенинникове: «Хотя определен он был

---

[1] М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, М., 1950, стр. 542—543.

наипаче к истории натуральной, однако являлося в нем также к гражданской истории и географии столько склонности, что он еще с 1735 года употреблен бывал с пользою в особенные отправления для описания по географии и истории натуральной некоторых мест, в кои сами профессоры не заезжали». Так, он «заехал» в Якутию, а затем на Камчатку. После возвращения в Петербург и назначения профессором «собрал он из своих записок и сочинил «Описание Камчатки» в двух томах со многими гридированными фигурами, которое и напечатано 1755 года в Санкт-Петербурге».[1]

В 60-е годы появились новые издания путешествий русских ученых. И Новиков, прочтя их, отметил в своем «Опыте»: Иван Лепехин «издал в свет «Дневные записки» 1768 и 1769 года путешествия своего для пользы натуральной истории». «Сия книга знающими людьми похваляется». Николай Рычков, будучи «отправлен в путешествие по России для пользы натуральной истории, прислал дневные записки путешествия своего 1768 и 1769 годов, которые при оной Академии и напечатаны и впредь продолжаться будут к достойной похвале сочинителя».[2]

В 80-х годах появились новые книги путешествий русских географов. При фиксировании своих наблюдений ученые рисовали объективную картину виденного, излагали впечатления слогом ясным и точным. Любопытны следующие суждения Лепехина и Озерецковского: «Я обещал, — пишет Лепехин, — предлагать в мелких записках только то, что собственными видел глазами».[3] Один из современников Озерецковского сохранил нам отзыв ученого о карамзинских «Письмах русского путешественника»: «Однажды он (Озерецковский. — *Г. М.*) заставил меня читать вслух письмо Карамзина о горах Альпийских. После чтения Озерецковский угрюмо сказал: «Ну что это такое? пышный, вычурный слог; пузырь, надутый ветром: кольни булавкой, ветер вылетит,

---

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», СПБ., 1772, стр. 95—96.

[2] Там же, стр. 117, 198.

[3] «Полное собрание ученых путешествий по России», СПБ., 1822, т. IV, стр. 191.

и останется пустота. Я сам был на Альпах, но не видал того сумбура, который забрел в это письмо».[1]

Так в России стало складываться особое просветительское понятие жанра путешествия и его автора-путешественника. По своему характеру подобные путешествия были учеными сочинениями, посвященными главным образом географической теме. В них был широко представлен не только описательный, но и личный момент. Это были не сухие трактаты. За написанным угадывался автор — не «чувствительный путешественник», но мужественный ученый, преодолевавший небывалые трудности пути, человек огромной воли, патриот, влюбленный в свою родину, верный своему долгу гражданин.

В 60-е годы крестьянская тема мощно вторглась в литературу. Новиков выступил с сочинениями на крестьянскую тему. В первом своем произведении, «Отписки крестьянские», он использовал форму бытового документа. В «Живописце» Новикову хотелось дать картину социальных отношений в России, запечатлеть крепостническую деревню. *Жизнь настойчиво требовала не только географического, но и социального познания отечества.* И тут на помощь пришел жанр научно-просветительского путешествия. Еще в «Трутне» Новиков хотел напечатать «Путешествие». Об этом намерении свидетельствует объявление во второй части «Трутня», в котором сообщалось, что сочинение «молодого в России путешественника напечатано не будет». В 1772 году в «Живописце» было, наконец, напечатано первое просветительское «путешествие»: «Отрывок путешествия». «Отрывок» сохранил еще черты научно-просветительского путешествия. Автор рассказывает о том, что видел сам, рассказывает правдиво, без прикрас, слогом ясным и точным: «Деревня Разоренная поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою...»[2] и т. д. В «Отрывке» сообщено множество конкретных фактов географического и экономического порядка. Новиков как бы отталкивался

---

[1] М. И. Сухомлинов, История российской академии, СПБ., 1875, т. II, стр. 316.

[2] «Живописец», 1772, ч. I, стр. 34.

от опыта научных путешествий. Но ему принадлежит заслуга превращения просветительского научного путешествия в художественное. В центре его повествования не географические факторы, а люди: крестьяне, чья жизнь показана в точно обозначенных обстоятельствах, и путешественник, чей духовный мир раскрыт в важнейший момент жизни, — когда он узнал истину и «содрогнулось» его «чувствительное к крестьянскому состоянию» сердце.

Опыт Новикова оказался удачным. Жанр просветительского художественного путешествия прочно утвердился в русской литературе. Подобные путешествия открывали большие возможности перед художником: оказывалось оправданным и общение главного героя с массой людей разных классов и включение в книгу множества самых различных наблюдений путешественника над жизнью народа и страны. Помогало путешествие и выявлению характера главного героя, нравственный кодекс которого определялся жизнью всеобщей, жизнью всего человечества. Радищев раскрыл духовный мир героя-путешественника в гениальной формуле: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала». Герцен, считавший, что «человек должен развиваться в мир всеобщего», что «сверх частной жизни на нем лежит обязанность жизни всеобщей, универсальной деятельности во благо человечества», отлично понял особенность жанра просветительского путешествия, утвержденного окончательно Радищевым: «Радищев не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца, он не ограничивает первыми тремя классами свой мир, он не имеет личного озлобления против Екатерины — *он едет по большой дороге,* он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию — громкий протест против крепостного состояния».[1]

Недавно опубликованные ранее неизвестные радищевские сочинения проливают новый свет на историю создания «Путешествия из Петербурга в Москву». «Путешествие» писалось во второй половине 80-х годов. Перед сдачей в цензуру весной 1789 года и в корректуре (в конце 1789 и в июне 1790 года) Радищев дописал

[1] «О повреждении нравов в России...», стр. VI.

новые главы «Путешествия», исключил некоторые ранее написанные, произвел лексическую и стилистическую правку уже готовых глав.

В те же годы шла работа Радищева над экономическими статьями: «Описание Петербургской губернии» и «Записка о податях Петербургской губернии». Материал для статей в значительной части собран во время путешествия по губернии. «Описание» по своему жанру типичное научное путешествие; только в нем Радищев не ограничился изложением географических сведений.

«Описание» имеет разделы: «Положение и пространство», «Пределы», «Климат, погода», «Разделение времян годовых», «Время работы» и т. п. Специальный раздел посвящен проблемам крестьянским: «О земледелии в Петербургской губернии». Начинался он с характеристики почвы: «Земля, или пошва, С.-Петербургской губернии вообще болотистая, легкая, иловатая, во многих местах смешанная с булыжником и хрящом. Без большого удобрения родить не может». Дается описание здесь и орудий земледелия: «Соха употребляется самая легкая, о двух рожках, с небольшим железом, бороны делают из сучьев. Судить можно по таковым орудиям о произведениях земных». Затем подробно характеризуется положение крестьян Петербургской губернии, как казенных, так и помещичьих, описывается их самоуправление, исчисляются налоги и подати, которые они платят, и т. д. Тон и стиль этих описаний спокойный, научно-четкий. Но описания, посвященные положению помещичьих крестьян, сделаны языком патетическим и взволнованным. Вот несколько примеров:

«О вы, гордящиеся наукою вашею в способах обогатить земледелателя!.. Устыдитесь своего изобретения, возгнушайтесь, когда костистая лапа глада тягчит рамена земледельца, помышлять о прибытке. Дайте ему работу, но с работою и плату!» («Записка о податях»). Или в другом месте: «Состояние крестьян, отправляющих земледелие на счет господской или, попросту сказать, состоящих на пашне, есть наитягчайшее... В самом деле, если господин властен дать крестьянину столько земли, сколько хочет, если властен заставить его работать, сколько хочет, то с чем сравнить такого земледельца? Одно его спасение от конечного истощения и смерти есть

корыстолюбие помещика. Вот его защита!» («Описание Петербургской губернии»).

Оба отрывка стилистически выпадают из научного сочинения, выглядят цитатами из другой, параллельно писавшейся книги — «Путешествие из Петербурга в Москву». Да и в самом деле, последний эпизод почти полностью перенесен в главу «Любани». Факты, рассказанные в первом, послужили основанием для написания главы «Вышний Волочок». Подобных примеров множество. Совершенно очевидна связь между художественным и научным «путешествием» самого Радищева. И то и другое строилось на достоверном материале, собиравшемся во время путешествий по Петербургской губернии. Связь указывает на традицию, которая и вдохновляла Радищева и помогала ему создать такое художественное произведение, которое было бы способно воплотить огромный и беспримерный замысел — изобразить народ и Россию, идейную жизнь русского общества 80-х годов и личность, охваченную страданиями человечества, мечту о будущем России и картины будущей победоносной революции, долженствовавшей навсегда уничтожить самодержавие, насилие, несправедливость, угнетение человека человеком.

Близость Радищева к традиции научных путешествий продемонстрирована им и в произведениях, которые писались после «Путешествия из Петербурга в Москву». Сосланный «на десятилетнее безысходное» поселение в Илимск, Радищев на всем пути вел журнал путешествия, и вел его, полностью руководствуясь уже известной нам инструкцией Ломоносова. Так появились «Записки путешествия в Сибирь».

5

«Путешествие из Петербурга в Москву» — книга, посвященная будущей русской революции. Вот почему ее героями стали народ — движущая сила революции — и передовой дворянин, порывающий со своим классом и становящийся в ряды «прорицателей вольности», деятелей будущей революции.

Когда книга была уже готова, когда ее разрешила цензура, Радищев, перечитав еще раз написанное, почув-

ствовал необходимость предпослать книге предисловие, которое бы прояснило читателю его замысел, главную идею произведения. Так появилось посвящение «Путешествия» А. М. К. — Алексею Михайловичу Кутузову. В нем Радищев рассказал читателю, что побудило его написать свое сочинение: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала. Обратил взоры мои во внутренность мою — и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы». Книга, рассказывающая об одном из таких страдающих, бедствующих людей, должна была «отъять завесу с очей» и героя и читателей, взиравших «непрямо на окружающие их предметы», должна была открыть истину, раскрыть заблуждения, научить понимать «истинное блаженство».

Надежда вдохновляла Радищева: «Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда!» С предельной ясностью Радищев подчеркнул: автор книги и герой-путешественник — разные люди. Автор — Радищев, друг Кутузова, писатель, написавший «Путешествие из Петербурга в Москву», создавший образ путешественника, с его заблуждениями, с его познанием истины, писатель, отлично знающий причины бедствий человечества, взявший на себя огромный и мужественный труд «отъять завесу с очей природного чувствования» своих соотечественников, мечтающий о том, что вместе с ним, автором-революционером, шествие его подкрепят сограждане и станут его «сочувственниками».

Герой-путешественник — образ, созданный Радищевым, человек со своей биографией и своей судьбой. Отождествление Радищева и путешественника, которое находим в работах многих ученых, не имеет никаких оснований, противоречит замыслу Радищева, не соответствует фактам. Единственным основанием для отождествления оказываются «доказательства» тех исследователей, которые объявляют радищевское «Путешествие» сентиментальным путешествием, созданным по рецептам Стерна,

в котором повествование ведется от имени автора. Если «Путешествие из Петербурга в Москву» создано по образцу и подобию «Сентиментального путешествия» Стерна, тогда, утверждают эти исследователи, оно представляет собой исповедь его автора. В действительности «Путешествие» не исповедь Радищева, это один из первых русских воспитательных романов, раскрывший духовную драму одного из тех, кто принадлежал к лучшим людям из дворянства.

Радищев рисует типический образ дворянина, который в условиях 80-х годов XVIII столетия начинает задумываться над коренными вопросами социальной и политической жизни самодержавно-крепостнической России и постепенно становится на путь революции. В. И. Ленин неоднократно указывал, что особенностью русского освободительного движения первого этапа было выдвижение из рядов дворянства деятелей, порывавших со своекорыстной практикой класса, к которому они принадлежали.

Радищев и стремился всей своей деятельностью, и своим «Путешествием» прежде всего, «разбудить» к новой жизни молодое поколение, «очистить детей», рожденных в среде палачества, угнетения и раболепия. Вот отчего главным героем книги становится дворянин, научающийся «прямо взирать» на окружающие его предметы, дворянин, «уязвленный страданиями человечества», умеющий сострадать бедствиям крепостного крестьянства, дворянин, понявший в конце концов свои либеральные заблуждения и порвавший, наконец, со своим классом. Он, преодолев все свои противоречивые убеждения, с болью и тревогою сердца лишь под конец путешествия, «мощно вождаемый чувственностью», оказывается способным стать радищевским «соучастником во благодействии себе подобных».

Назову только некоторые события из жизни героя, не совпадающие с биографией Радищева. В главе «Едрово» путешественник сравнивает крестьянку Анюту с городскими барышнями, и в частности со своими сестрами: «А ты, сестрица моя голубушка, с трехчетвертным своим станом в охвате, ты изволишь издеваться, что у сельской моей русалки брюшко на воле выросло. Постой, моя голубушка, посмеюсь и я над тобою. Ты уж десятый

месяц замужем, и уже трехчетвертной твой стан изуродовался. А как то дойдет до родов, запоешь другим голосом. Но дай бог, чтобы обошлось все смехом. Дорогой мой зятюшка ходит повеся нос. Уже все твои шнурованья бросил в огонь». Дальше рассказывается о том, что в уродстве сестры виновата мать-модница. Перед нами *типичная картина нравов дворянского общества, нарисованная писателем.* У Радищева не было замужней сестры, не было сестры, которая готовилась бы к родам, не было зятя, ходившего «повеся нос», да и мать Радищева не была модницей и, живя в деревне, не воспитывала детей по обычаям столичного светского общества. По свидетельству Радищева Шешковскому, три его сестры девицы жили в конце 80-х годов при родителях в Аблязове, четвертая, старшая, в свое время вышедшая замуж за владимирского прокурора, в это время была вдовой.

В главе «Новгород» о путешественнике сказано, что он находился в сложных деловых отношениях с купцом Карпом Дементьичем: «Я ему, — сообщает путешественник, — как и другие, пособил записаться в именитые граждане. Дед мой будто должен был по векселю 1000 рублей, кому, того не знаю, с 1737 году. Карп Дементьич в 1780 году вексель где-то купил и какой-то приладил к нему протест. Явился он ко мне с искусным стряпчим, и в то время взяли они с меня милостиво одни только проценты за 50 лет, а занятый капитал мне весь подарили. Карп Дементьич человек признательный».

Ничего подобного с Радищевым не происходило. Да и по закону долг деда должен был уплатить находившийся в добром здравии отец Радищева, к тому же богатый помещик,[1] а не внук, скромный чиновник. Совершенно ясно, что Радищев во время службы в коммерц-коллегии многократно сталкивался с подобными мошенническими проделками купцов и, рисуя образ Карпа Дементьича, использовал свои наблюдения над купцами.

Заслуживает внимания история, рассказанная в главе «Яжелбицы». В ходе нравственных испытаний герой-пу-

---

[1] Как видно из дела «Родословие рода Радищевых по Саратовской губернии», Николай Афанасьевич Радищев на 1790 год в разных губерниях имел 3338 душ (1665 мужского пола и 1673 женского пола). См. ЦГИАЛ, ф. 1343, д. 227.

тешественник сообщает о себе тайное тайных, что «невоздержание в любострастии навлекло телу ‹его› смрадную болезнь». Никакого отношения к Радищеву исповедь путешественника не имеет. Но она органически вытекает из всего жизненного пути героя, начавшего очищаться от моральной скверны дворянского общества, понявшего гнусность и преступность общественного уклада и поведения господствующего класса, дворянства, опекаемого правительством. Смысл блестяще написанной исповеди в том, что герой, типичный представитель дворянства, начав прозревать, оказывается способным бросить обвинение и всему своему классу и правительству: «Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения... Кто причиною, разве не правительство?.. Молчите, скаредные учители, вы есте наемники мучительства; оно, проповедуя всегда мир и тишину, заключает засыпляемых лестию в оковы... Я не удивляюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах».

В заключение обращу внимание еще на одно обстоятельство, обычно игнорируемое исследователями. Радищев — это писатель, поэт, философ, мыслитель. Путешественник — человек, далекий от литературы. Автор «Путешествия» все время подчеркивает, что путешественник *сам не пишет,* а только *находит чужие рукописи* или *встречает* в дороге *писателей и поэтов.* Особое значение в книге имеет глава «Тверь». В ней рассказывается о встрече путешественника с автором оды «Вольность», то есть с Радищевым. Трудно сказать яснее и определеннее, что Радищев и путешественник не одно и то же лицо. И все же некоторые исследователи упорно настаивают на своем, заявляя, что путешественник — это Радищев. Возникает вопрос: если Радищев и путешественник — одно и то же лицо, зачем нужно было устраивать нелепую, с точки зрения здравого смысла, встречу Радищева — автора оды «Вольность» с Радищевым — путешественником?

Отождествление Радищева с путешественником не только противоречит реальной биографии героя книги, но оно *искажает замысел писателя, идею книги, мировоззрение Радищева.* В самом деле, если поверить исследователям, приписывающим мысли путешественника Радищеву, то Радищев оказывается не революционером,

а политическим недорослем. Вспомним, что путешественник в начале своего пути, полный либеральных заблуждений, совершенно не представляет себе положение крестьян. Увидя в Любани крестьянина, пашущего в воскресенье, он задает наивнейший вопрос: «Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь?»

Радищев же в «Описании Петербургской губернии», написанном или ранее этой главы или одновременно с ней, с гневом заявлял: «Во многих местах России, а особливо в изобильных краях, ввелося обыкновение, чтобы крестьянин три дни в неделе работал на себя и три дни на господина; но сие обыкновение, по несчастию, не повсеместно: в С.-Петербургской губернии редко где оному следуют».

Путешественник пытается убедить крестьянина, что в России крестьяне находятся под защитой самодержавных законов: «Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают». А Радищев задолго до начала работы над «Путешествием», еще в оде «Вольность», обличил законы самодержавия, раскрыл их антинародный смысл и призвал народ разрушить самодержавие и его варварский закон угнетения человека человеком. Автор оды «Вольность» далек от мысли, что крестьянин может найти защиту под сенью екатерининских законов. И так на каждом шагу. *Путешественник только под конец пути, только под влиянием увиденного, под влиянием прочитанных рукописей, подсказавших ему выход, под влиянием пропагандистских речей автора оды «Вольность» поднялся до «соучастия» в радищевском деле, понял, что единственным путем к свободе является революция.* Путешественник не мыслитель, он один из рядовых дворян, тех, которые входили в формировавшийся в России просветительский фронт. Мыслителем же огромного масштаба выступает Радищев, автор «Путешествия», поднявший своего героя к вершинам политической мысли.

Из сказанного очевидно, что первым и важным отличием просветительского жанра «Путешествия», окончательно определенным Радищевым, является *создание образа объективного героя-путешественника, типического характера передового дворянина, рвущего со своим классом и переходящего в лагерь просветителей.* Так в центре

повествования оказался путешественник, его судьба, драматизм его идейных исканий и нравственного очищения. Это предопределило и другой признак просветительского путешествия — *сюжетность. Радищевское «Путешествие»,* в отличие от «Сентиментального путешествия» Стерна, *имеет единый сюжет.* Третья важная особенность просветительского путешествия — раскрытие роли обстоятельств, среды, жизни в формировании сознания, нравственности, характера человека.

Сделав героем современника, человека типичного для общественной жизни России 80-х годов, Радищев хотел открыть ему истину, обнажить заблуждения и воспитать в нем своего «сочувственника», способного сопровождать его на пути революции. Что же могло воспитать человека? Ответ был уже найден — в «Житии Федора Васильевича Ушакова»: воспитывает жизнь, обстоятельства, окружающие человека, если только человек сумеет взглянуть на них без предубеждения, если доверится всемогущей силе своих чувств.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» дух протеста воспитывали в студентах условия их бытия, созданные майором Бокумом. Нового героя Радищева должны были воспитывать исторически-конкретная действительность, жизнь самодержавно-крепостнического государства Екатерины II. Каким же образом политические обстоятельства жизни могли стать фактором воспитания? Ответ был найден также в «Житии Федора Васильевича Ушакова»: путешествие, погружение человека в гущу событий, столкновение его с сотнями реальных событий, ранее ему неведомых, создание условий для чувственного восприятия подлинной, объективно существующей действительности. «Не имел он ⟨Ушаков⟩, однакоже, довольно опытности, так сказать, в учении, дабы из путешествия своего извлечь всю возможную пользу. Примечания достойно: человек, достигнув возмужалых лет, когда начинает испытывать силы разума, устремляемый бодростию душевных сил, обращает проницательность свою всегда на вещи, вне зримой округи лежащие, возносится на крылиях воображения за пределы естественности и нередко теряется в неосязаемом, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Все почти юноши, мыслить начинающие, любят метафизику;

с другой же стороны, все, чувствовать начинающие, придерживаются правил, народным правлениям приличных. Итак, Федор Васильевич мысли свои обращал более к умственным предметам и не знал еще, какую полезность извлечь можно из путешествия». Данное положение радищевской эстетики и положено в основание «Путешествия из Петербурга в Москву».

Воспитывает человека жизнь. «Обстоятельства делают великого мужа», — писал Радищев. Человек, погруженный в гущу жизни, доверяется своему чувству, и приобретаемый опыт освобождает его от заблуждения, от «умствований», абстрактных представлений, открывает ему единственно объективную истину — «правила, народным правлениям приличные». Таким образом, отправляя героя в путешествие, Радищев предопределял и исход его воспитания: руководимый чувством, он непременно придет к обнаружению, а затем и приятию именно тех правил, которые «народным правлениям приличны».

Радищевская эстетика героического, эстетика воспитания революционера прочно опиралась на материалистическую философию. Основной философский вопрос Радищев решает с позиций материализма. Он пишет: «бытие вещей не зависимо от силы познания о них и существует по себе».

Познание действительности, существующей независимо от сознания индивидуума, происходит при помощи чувств; без чувств разум — ничто. Первичным познанием является опыт, вторичным — рассуждение; рассуждение — тот же опыт, но «опыт разумный». Если опыт чувственный познает сами вещи, то рассуждение познает отношения вещей. Радищев формулирует: «Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как чрез опыт».

Но Радищев не был только эмпириком, остающимся в плену фактов; от наблюдения фактов он переходил к их обобщению. Систему философских взглядов Радищева раскрывает нам метод мышления Радищева-писателя в следующей последовательности: наблюдение и чувственное восприятие какого-либо события, фактов — первый опыт; рассуждение по поводу факта — накопление нового, «умственного опыта», чтобы в итоге, сблизив однородные явления и устранив случайное, прийти

к обобщениям. Так Радищев устанавливает рождение нового представления и убеждения у человека — от непосредственного соприкосновения с действительностью, и только с ней.

В соответствии с этим принципом и построены главы «Путешествия из Петербурга в Москву». Большинство глав содержит «чувственные факты» — поданную и показанную тем или иным способом действительность, зарисованный кусок жизни, и следующее за ним «рассуждение» — осознание событий, познание закономерностей действительности. В «Софии» — случай с почтовым комиссаром и рассуждение о справедливости вообще; заунывные песни повозчика и рассуждение о необходимом характере правления. Затем встреча с крестьянином, вызывающая размышление «о неравенстве крестьянского состояния», рассказ о систербекской истории и полное тревоги раздумье о злоупотреблении чиновников своей властью. Далее — напутствие крестецкого дворянина сыновьям и дума о качествах человека и гражданина; встреча с Анютой, с рекрутами, с семьей, продававшейся с молотка, и навеянные этими встречами мысли о необходимости крестьянского восстания как единственного пути к вольности народа. Иногда главы разрастаются и содержат не один, а несколько «фактов», за которыми следует одно «рассуждение»; так построена, например, «Спасская полесть».

Изучение материала глав «Путешествия» позволяет нам сделать следующий вывод: все изображаемые события, призванные воздействовать на путешественника, раскрывать ему подлинную жизнь и рассеивать сложившиеся иллюзии о ней, подчиняют его разум своей логике жизненной правды. Они подобраны в следующей последовательности: сначала столкновение ложной системы, ложных представлений о действительности, свойственных в начале книги герою ее, с самой действительностью, впервые во всей ее наготе представшей перед путешественником; затем, под влиянием этого столкновения, крушение системы ложных убеждений. В дальнейшем следуют новые события и встречи, под воздействием которых формируется новое сознание путешественника.

Соответственно этому замыслу автор избирает и самый метод изображения жизни. В первых главах с осо-

бой остротой показаны столкновения заблуждающегося путешественника с действительностью, причем результаты столкновений поданы читателю с особой наглядностью: герой книги высказывает свое мнение о каком-либо предмете раньше, чем ознакомится с жизнью. Следующее затем изображение конкретных событий колеблет его ложные представления. Путешественник начинает искать выход из остро ощущаемого им противоречия между своими привычными взглядами и реальными фактами. Он размышляет, еще внимательнее присматривается к происходящим вокруг него событиям и людям. В качестве примера укажу хотя бы на главу «Любани»:

«— Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям? — Нет, барин, я прямым крестом крещусь, — сказал он, показывая мне сложенные три перста. — А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья. — *Разве тебе во всю неделю нет времени работать,* что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар? — В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды... Голый наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому? — *Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.* — Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. — Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей». (Курсив наш. — *Г. М.*)

Для осуществления своих целей Радищев широко использует встречи путешественника с жертвами общественного зла. В этих случаях путешественник сам непосредственно не участвует в событиях, он лишь пассивный наблюдатель, слушатель. Встреченные им люди сообщают о своих столкновениях с действительностью, их рассказы приводят ум путешественника в смятение с еще

большей силой, чем собственные переживания, так как путешественник имеет здесь дело уже с трагическим *результатом* столкновений, с жертвами. Кроме того, выслушанные им истории убеждают его, что он в своем заблуждении не одинок, что несправедливость и произвол в жизни закономерны («Чудово», «Спасская полесть», «Зайцово» и другие).

Общественно-политическая задача «Путешествия из Петербурга в Москву» определила высокие его художественные достоинства и особенности. Книга, написанная с целью умножения числа людей, «прямо взирающих» на действительность, с целью воспитания героя, *имеет сюжет, строго подчиняющий себе весь вводимый в повествование огромный материал.* Поэтому радищевское «Путешествие» не распадается на отдельные куски, главы и эпизоды, как это обычно происходит в традиционном жанре сентиментальных путешествий, подчиненных изображению субъективистских впечатлений их авторов. Сюжет у Радищева цементирует все богатство впечатлений путешественника, отражающих богатство реального мира. *Единым сюжетом «Путешествия» Радищев сделал историю человека, познавшего свои политические заблуждения, открывшего правду жизни, новые идеалы и «правила», ради которых стоило жить и бороться, историю идейного и морального обновления путешественника.*

С первой же главы в центре внимания автора становится герой, который наблюдает, слушает и участвует сам в событиях путешествия. Главы «София», «Тосна», «Любани» и «Чудово» рисуют человека, убежденного в мудрости законов страны, «где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет», где все дышит изобилием, где якобы искоренены всякие неустройства и злоупотребления, где правит мудрая императрица, «философ на троне». Но вот герой выехал из столицы и как будто попал в другой мир — так все ново и незнакомо в нем.

«Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохлаждение, не было древесныя сени на умерение зноя. Един оставлен, среди природы пустынник! Вострепетал. — Несчастный, — возопил я, — где ты? где девалося все, что тебя прельщало?

где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта?»

Его оскорбляет поступок почтового чиновника, не желающего поступать по справедливости («София»), возмущает дорога, оказавшаяся много хуже, чем о ней писали. Он с негодованием отворачивается от стряпчего, собирающегося заработать на темных делишках составления фальшивых родословных, еще твердо веруя, что услугами пройдохи никто не воспользуется («Тосна»).

После встречи с крестьянином (в главе «Любани») он уже удивлен, что тот работает шесть дней на барщине, удивлен диким произволом, находящим опору в законах. Но вот новая история — неугомонная жизнь как нарочно вывернула перед ним изнанку, до сих пор скрытую от него. Систербекская история («Чудово») его поражает; он уже вынужден против воли сделать первое отступление от привычных взглядов и признать существование «малых и частных неустройств». Но он продолжает еще верить и надеяться, что они, конечно, «в обществе связи его не нарушат, как дробинка, падая в пространство моря, не может возмутить поверхности воды». Поэтому путешественник «старается уговорить» своего друга вернуться в Петербург.

Глава «Спасская полесть» открывает нам смятенный душевный мир путешественника. Выехав из Петербурга спокойно, он в кибитке предался было сладостным воспоминаниям об оставленных им друзьях, мечтам о будущей встрече с ними, целиком погрузившись в себя, занявшись собственными мыслями и чувствами. Но «страдающая вокруг него жизнь» постоянно нарушала уединение. Приходилось задумываться над увиденным, заниматься чужими бедами, чужим горем. В «Спасской полести» путешественник после встречи со второй жертвой беззакония весь оказывается во власти социальных эмоций, совершенно забыв о себе, о своих прежних друзьях, отдавшись раздумьям о судьбах чужих людей — гонимых, преследуемых, угнетенных в государстве, где правит сама «мудрость на троне». «Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны

(можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь?» Путешественник с горечью признал: в екатерининской России у человека с легкостью можно отнять не только имение, но и честь, и жизнь. Он теперь на своем опыте убедился, как правы были и Новиков, обличавший судей и помещиков, и Фонвизин, сказавший правду о Скотининых и Простаковых. Разделяя негодование и возмущение писателей-просветителей, он следует за ними же и в своих последних надеждах: нужно открыть глаза самому монарху — вот единственный выход из тяжелого положения, в котором очутилась Россия: «Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховныя власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна». Перед нами уже не просто гуманный и честный человек, но гражданин, полный общественной активности, готовый защитить перед лицом самого монарха, которому верит как богу («О богочеловек!» — обращается он к нему), попранную справедливость. В возбужденном состоянии, поглощенный идеей обращения «к верховныя власти», путешественник засыпает, и Радищев рассказывает о его сне.

Путешественник видит во сне то, что ему хотелось бы исполнить наяву: открыть монарху глаза на все бедствия и злоупотребления, господствующие под покровом «его беспристрастной власти».

И снится путешественнику сон, что он «царь, шах, хан, король, бей, набаб, султан или какое-то сих названий нечто, седящее во власти на престоле». Все вокруг его престола «блистало лучезарно», утопало в роскоши. Голова монарха была украшена «венцом лавровым», под руками его лежали две книги: «Закон милосердия» и «Закон совести», «с робким подобострастием» вокруг стояли «чины государственные».

Рисуя картину сна, Радищев с большой художественной силой ведет повествование как бы в двух планах: во-первых, сон раскрывает естественную для данного этапа идейного развития путешественника надежду на Екатерину (этой цели служит рассказ о приходе женщины-Истины к заблуждающемуся монарху), во-вторых,

он выражает революционную, радищевскую точку зрения на монархическую власть вообще, и деспотическое правление Екатерины II в частности (что достигается ироническим тоном повествования, отчего сон превращается в злейший памфлет на екатерининское царствование).

Обратимся к тексту: путешественник, увидевший себя во сне монархом, слышит громкие восклицания придворных, прославляющих его правление: «он усмирил внешних и внутренних врагов», «он обогатил государство», «он любит науки и художества», «поощряет земледелие», «он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание» и т. д. Радищев сознательно выбирает «предмет» похвалы — в официальных манифестах Екатерина писала о точно тех же своих «заслугах» и «подвигах». Таким образом, само содержание также помогало читателю понимать, что речь идет не о «султане или набабе», а о Екатерине. Заставляя своего «набаба» и «султана» говорить, Радищев прямо уже издевается над Екатериной: «Речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавалися в душе моей». Екатерина, прочтя эти страницы, сразу поняла, в кого целил Радищев, и гневно записала на полях: «Враль», «Страницы написаны в возмутительном намерении», «покрыты бранью и ругательством и злодейским толкованием».

Что же происходило во сне дальше? К монарху, самодовольно упоенному своей мудростью, подходит женщина, именующая себя Истиной, подходит для исполнения того, о чем мечтали лучшие люди России — писатели, общественные деятели: снять с глаз монарха «толстую пелену» и «вещать правду»: «Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представятся днесь в естественном их виде взорам твоим». И свершилось так давно ожидаемое чудо: прозревший монарх «вострепетал», увидев себя погрязшим «в тщеславии и надутлости высокомерия»: «Одежды мои, столь блестящие, оказалися замараны кровию и омочены слезами». Министры предстали коварными обманщиками и зло-

деями. Военачальник «утопал в роскоши», а воины «умирали от небрежения начальников». Милосердие монарха сделано предметом «торговли»: «Вместо того, чтобы в народе моем через отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом». Все увидел прозревший вдруг монарх — и злодейство, корысть министров, и бедственное положение угнетенного народа. Вот в этой кульминационной сцене сна оба стилистических плана сливаются в один: сон становится резкой, злой и беспощадной сатирой. Уже многому наученный путешественник спешит поведать обо всем самому монарху, рассказать об открывшейся ему правде, и здесь он бесстрашен и беспощаден. И Радищев всем сердцем сочувствует его смелым обличениям екатерининского самодержавства. Расхождения между путешественником и Радищевым начинаются вновь далее: путешественник обращается к монарху потому, что верит: стоит только рассказать ему все, о чем страждет его умудренная опытом путешествия душа, — и русский монарх «возревет яростию гнева» на тех, кто причинил столько страданий народу, и возгласит: «Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего...» Больше того, мечтает путешественник, если б Екатерина выслушала хотя бы однажды смелые речи великого мужа, она не только б изгнала плохих министров, но призвала его к себе навсегда, сказав ему: «Прииди... облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму».

В глазах Радищева подобная иллюзия казалась не только печальным заблуждением некоторых передовых русских людей. Она была ему враждебна. Вера в монарха разоружала русское общественное движение, она была выгодна Екатерине, потому что она соответствовала ее политическим планам, ее тактике. Радищев иронией и подрывал эту веру; для того же была избрана и форма сна: все, о чем так мечтал путешественник, можно было осуществить лишь во сне. Для того же он заставляет и самого путешественника признаться в утопичности своих надежд: «Властитель мира, — заявляет путешественник

после пробуждения, — если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною страница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается».

Путешественник на почтовых мчится дальше, навстречу новым испытаниям. Новгород наводит на размышления о естественном праве; выводы неутешительны: «Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждущ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвояет. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: если на пути удовлетворения нуждам своим он обрящет подобного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, — кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее. — Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного? Примеры всех времян свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом. Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить».

Путешественнику уже слишком хорошо знаком встреченный в Новгороде жульничающий купец Карп Дементьич, прикрывающий свои мошеннические проделки ссылкой не только на естественное, но и на вексельное право. Вновь неожиданно для себя он обнаруживает противоречие: вексельное право, введенное правительством как закон, есть не что иное, как законом разрешенные обман и жульничество: «Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением...» Поняв, что вексельное «право» покрывает преступников, путешественник с тоской констатирует: «Я начал опять думать, прежняя система пошла к черту, и я лег спать с пустою головою».

В Бронницы путешественник приезжает охваченный тревогой — он молится, взывая к богу, прося о помощи;

он теряет «прежнюю систему» и ему страшно. Что будет впереди? Заставить себя отказаться от впечатлений, от горьких дум и слепо верить прежнему он не может. «Рассудок претит имети веру и самой повести: столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов». И еще с большим вниманием путешественник начинает присматриваться к «чувственным доводам». В Зайцове Крестьянкин рассказывает ему историю своего единоборства с властями за судьбу крестьян, убивших своего помещика. Угрозы, подкуп — все было пущено против Крестьянкина, лишь бы не допустить справедливого приговора, не допустить торжества правды. Помещики, чиновники, наместник требовали не справедливого, а классового приговора в пользу дворян, и когда он, Крестьянкин, запротестовал, отстаивая права крепостных, его объявили опасным человеком, вынудили подать в отставку.

Перед путешественником развернулась страшная картина узаконенной несправедливости и произвола, совершенного у всех на глазах в интересах господствующего класса: «чувственные доводы» делали свое дело. Глава заканчивается описанием состояния героя: он сидит на камне посреди пыльной дороги, чертит «на песке фигуры кой-какие» и думает тяжелую, горькую думу.

Задуматься есть над чем: перед путешественником уже не только отдельные случаи, которых нельзя опровергнуть, но живой человек, возмущенный всей системой суда в самодержавном государстве, убежденный, что мир полон пороков, несправедливостей, и в то же время верующий, что нет смысла в одиночной борьбе, что остался единственный путь — смириться и уйти прочь.

Родительское напутствие, услышанное им от крестицкого дворянина («Крестьцы»), заставляет подумать о себе: если есть люди честные и мужественные, восстающие против несправедливости, нравственно чистые, то каков же он сам? Встреча, происшедшая в «Яжелбицах», потрясла путешественника и помогла посмотреть на себя глазами Крестьянкина и крестицкого дворянина. «Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалося мне, я слышал мое осуждение. Воспомянул дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовныя

утехи истинным предметом горячности. Воспомянул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь...»

Прозрев, путешественник обвиняет, но не только самого себя, в совершенных аморальных поступках; впервые он выступает с обличением дворян и правительства: «Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения... разве не правительство?.. Молчите, скаредные учители, вы есте наемники мучительства... Я не удивляюся глаголам вашим. Сродно рабам желати всех зреть в оковах».

Так кончается первый этап идейного развития путешественника — когда он осознает свои прежние заблуждения, приходит к пониманию бедственного положения страны и убеждается в необходимости немедленных коренных политических преобразований. На втором этапе путешественник освобождается от нелепой, несостоятельной иллюзии, что в России царствует философ на троне, которому можно и должно снять пелену с глаз, который с величайшим нетерпением ждет прихода мужественного человека, советника и помощника, готовый излить благо на своих подданных. Вера в монарха поддерживала путешественника, помогала ему в испытаниях, когда «прежняя система пошла к черту».

Изжить иллюзию помогают встречи путешественника с людьми своего круга, дворянами — или жертвами екатерининского режима, или отважными мечтателями, фанатичными утопистами, жаждущими открыть Екатерине истину.

Первая встреча произошла в Чудове с приятелем Ч. Он рассказал о жестоком равнодушии государственных чиновников, жертвой которого чуть не стал он сам. Возмущенный поведением начальника, Ч. пытался искать справедливости, жаловался на него в Петербург, но ничто не помогло: так был велик страх перед всесильными вельможами, так сильна привычка раболепия перед властью. Что же решает он делать, не добившись наказания виновного? Он смиряется: «Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие — грызть друг друга; отрада их — томить слабого до издыхания и раболепствовать власти... Заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть чело-

век, где имя его неизвестно». Не желая жить «среди тигров», он думает лишь о себе, бежит из общества, жаждет уединения, в котором он, не тревожимый несчастьями других, сможет жить счастливо.

Вторым беглецом из общества был случайный спутник, встреченный в Спасской Полести. Несправедливо преследуемый судьями и властями, он, не пожелав бороться даже за свое правое дело, ехал вон из столицы «куда глаза глядят». Таким же в сущности беглецом оказывается и третий человек, встреченный путешественником в Зайцове, — Крестьянкин. Несомненно, Крестьянкин резко отличается от своих двух предшественников: он человек общественно-активный, деятельный, убежденный борец, вдохновляемый чувством справедливости, он в своей деятельности, направленной на благо крепостных крестьян, идет даже на подвиг, проявляя редкое мужество и отвагу. Но подвиг оказался не по плечу ему, он надорвался и решительно отказывается от дальнейшей службы и деятельности вообще: «Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже́ оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями».

Путешественник узнал от Крестьянкина о таких неустройствах государственного управления и злоупотреблениях властей, что понял некую закономерность безнаказанно совершаемых повсюду дворянами и чиновниками преступлений. Но путешественник, сочувствуя борьбе Крестьянкина, не может согласиться с его решением — после того, как потерпел поражение в борьбе, вообще отказаться от деятельности, уйти из общества, искать счастья в кругу друзей. Нет, герой-путешественник чем более прозревает, чем глубже постигает горькую правду крепостнической действительности, тем активнее хочет отдать жизнь свою страждущим повсюду согражданам. Но какая же должна быть эта деятельность? Что же должно и можно было делать?

И здесь Радищев сталкивает своего героя с крестицким дворянином, а затем с автором проекта освобождения крестьян, «гражданином будущих времен». Встреча с двумя

этими людьми занимает едва ли не центральное место в «Путешествии». Крестицкому дворянину посвящена целая глава, самая большая в произведении, автору «Проекта в будущем» — две главы. Оба героя пространно излагают свои философские и политические воззрения. Общее в их убеждениях — резкая и категорическая критика существующего в России социально-политического режима. Оба отлично понимают: дело не в частных неустройствах и отдельных злоупотреблениях, а в системе рабства, в бюрократическом дворянском государстве. Крестицкий дворянин мужественно заявил: «Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели претковений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противуположности». В России законы противоречат народным обычаям и добродетелям, — делает вывод путешественник. Отсюда все бедствия сограждан. Оттого государева служба развращает дворян: потакая их корыстным интересам, она делает их жестокими исполнителями воли министров, вельмож, временщиков. Оттого порок, злодеяния, преступления находят свою опору в законе. Оттого даже родитель, отлично воспитавший своих детей в духе добродетели, ждет, когда «сынок любезный с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими, всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев».

Автор «Проекта в будущем» выражался еще более резко. Он прямо и открыто заговорил о главной язве екатерининского государства — рабовладении. Он гневно писал: «Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека». «Порабощение есть преступление». «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашея тощеты, насытитель нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает,

не имея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит».

От рабства все бедствия страны и народа. И не только нищета, болезнь, смертность, страдания миллионов соотечественников и сограждан. Рабство развращает все общество. «Но нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой робость. Тут никакой не может быть связи, разве насилие».

Крестицкий дворянин и «гражданин будущих времен» отлично поняли, в чем главное бедствие России. Они отказались говорить о частных неустройствах и как истые граждане и патриоты, как государственные мужи требуют: ликвидировать гибельное для России крепостное право, освободить крестьян.

Путешественник с сочувствием выслушивает напутствие крестицкого дворянина сыновьям, вступающим на поприще общественной жизни, с волнением прочитывает «Проект в будущем», написанный его другом, решительно и окончательно становится на их сторону, признавая справедливой их смелую критику екатерининского режима, одобряя их требование ликвидировать рабство. Но какой же путь к решению центральной проблемы русской жизни предложили они?

Крестицкий дворянин панацею от всех бед видит в воспитании. Он знает, что крепостничество, самодержавная власть растлевают дворян, делают их насильниками, поработителями и мучителями тех, кто должен им доставлять средства для утоления прихотей. Видя спасение отечества в просвещении, он создает свою систему воспитания. Его сыновья воспитаны им как добродетельные граждане, честные люди, мужественные патриоты. Он научил их исполнять добродетель: его сыновья готовы к активной деятельности на благо сограждан. Крестицкому дворянину уже около пятидесяти лет, за ним опыт, он убелен сединами, он тверд и отважен в своих мыслях, ему не страшны ни мучения, ни преследования, ни заточение, ни даже смерть за свои идеи. Он уже много лет занят воспитанием и с гордостью открывает путешественнику свою систему, в основе которой лежит труд. Труд освобождает от необходимости жить за счет других, быть угнетателем себе подобных. Труд определяет

отношения с другими людьми, но не по положению в обществе, не по знатности рода, а по характеру деятельности. Труд воспитывает чувство человеческого достоинства, укрепляет нравственность, защищает от соблазнов дворянского общества, укрепляет здоровье. Взрастив своих сыновей в труде, крестицкий дворянин преподает им «правила единожития» и общежития.

Деля добродетели на частные и общественные, крестицкий дворянин научал человека строить свою жизнь в трудных и тяжелых условиях такого общественного уклада, где добродетели «в ее шествии» беспрестанно препятствовали. Но он верит: если воспитывать все больше и больше людей, подобных его сыновьям, положение в обществе изменится само собой. Просвещение — всесильное оружие; просвещенный человек своим примером увлечет десятки других; добродетель так прекрасна, так несоизмеримо лучше порока, что все погрязшие в злодеяниях и корысти люди покинут позорную стезю зла. В основании системы воспитания крестицкого дворянина была вера в просвещенного государя. Требуя от человека противиться любой «неправде», он наставляет: «Закон, каков ни худ, есть связь общества». Повинуйся закону и государю, верь, что только он изменяет закон, противоречащий добродетели, «ибо в России государь есть источник законов».

Автор «Проекта в будущем», будто в подтверждение слов крестицкого дворянина, будто в развитие его центральной идеи воспитания, обращается к русскому государю, «источнику законов», с написанным им самим манифестом — проектом необходимых России преобразований. Веруя, что Екатерина ждет прихода человека, который открыл бы ей истину, дал бы спасительный совет, он смело пишет от ее имени о преступности рабства, о необходимости освобождения крестьян. Манифест, написанный им, — это яркое свидетельство его веры, что все необходимые преобразования в России осуществимы лишь по воле монарха. Оттого монарх в манифесте предстает мудрым, всепонимающим, печалующимся о судьбе своих сограждан, жаждущим творить благо. Он пишет, обращаясь ко всей нации: «Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога»;

и дальше: «Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы, назваться блаженным?»

Но если монарх понимает, что крепостное право — преступление, что же мешает ему в его человеколюбивых действиях? Дворяне — отвечает «гражданин будущих времен». Дворяне своекорыстия ради выступают «поборниками неволи». И вот автор «Проекта в будущем» в союзе с русским монархом обличает дворян и уговаривает их освободить крестьян: «Неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи?»

Чувствуя, что уговор мало подействует на «поборников неволи», «гражданин будущих времен» от имени русского монарха начинает угрожать дворянству новым пугачевским восстанием, если оно само добровольно не освободит крестьян: «Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие».

Крестицкий дворянин и «гражданин будущих времен» советовали путешественнику возложить надежду на русского монарха, «любителя человечества», который и осуществит спасительные реформы, пристыдив «поборников неволи».

Как же оценил путешественник советы, преподанные ему в Крестьцах и Хотилове? Он подошел к ним уже

вооруженный опытом своего путешествия — и оттого подверг их критике.

В самодержавном государстве большая часть людей «уподоблена тяглому скоту», превращена «в движимые мучителем машины», у них отнята свобода. Русский земледелец лишен права именоваться человеком, «истинным сыном отечества»; опираясь на силу, помещик беспощадно «оскорбляет» его. Радищев утверждает: если человека «оскорбили», то он, «влекомый чувствованием сохранности своей, принуждается на отражение оскорбления». Отсюда общий вывод: «утесненный народ», «обиженный» русский крепостной должен сам защищать свою свободу и независимость, не ожидая, что кто-нибудь другой вступит за него в борьбу с обидчиком и угнетателем. Так, утверждает Радищев, рождается мщение. Восставший крепостной, справедливо ненавидя «обидчиков», безжалостно уничтожает их. Захватившие власть в свои руки дворяне боятся народа-мстителя. Оттого собственной защиты ради они заградились от него своим так называемым гражданским законом. Понятно, что в этом защищающем интересы дворян гражданском законе крестьянин «мертв». Таковы убеждения Радищева, их-то он и хочет передать своему герою.

Первый раз Радищев ставит путешественника перед необходимостью требовать отмщения в главе «Чудово». Его приятель Ч., чуть не потонувший из-за преступного равнодушия начальника Систербека, хотел было сообщить о поведении начальника петербургским властям. Побуждение его было так естественно, так справедливо, что путешественник не мог с ним не согласиться. Но приятель неожиданно заявил, что «опомнился» и решил «смириться», не «мстить» — «убедился воспоминовением многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я же могу прослыть или бешеным, или злым человеком». Оказывается, добиться наказания виновного, не спустить ему вины его — есть мщение. Так впервые путешественник воспринимает слово «мщение» с одобрением, ибо всем своим существом он был согласен с намерением своего приятеля наказать равнодушного и преступного начальника. Странно было иное: отказ приятеля Ч. следовать такому справедливому побуждению.

Вторично о мести путешественник услышал от Крестьянкина. Его рассказ был настоящим откровением для путешественника: сыновья жестокого помещика, асессора в отставке, пытались обесчестить крестьянскую девушку, невесту деревенского парня. Тот вступился за честь невесты. Тогда асессор велел наказать его за сопротивление господам, а невесту отдал своим сыновьям. Парень не удержался и стал отбивать свою невесту, которую уже повели в помещичий дом. Подоспевшие крестьяне, не сдерживая более ненависти к мучителям, бросились на них и убили асессора и его сыновей. И вот Крестьянкин, судья, должен был решить дело об убийстве крестьянами своих господ. Свое отношение к ним он формулирует так: «Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне, нападет на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, — убийцею ли я почтуся, если я предупрежду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну?» Более того — Крестьянкин говорит о законности мщения. «Человек родится в мир равен во всем другому». Но вот его начинают утеснять, оскорблять, мучить. Тот, кто оскорбляет человека, — его мучитель, его враг. «Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния».

Путешественник, так же как и Крестьянкин, оправдывает поведение крестьян, убивших своего мучителя. Только опять остается ему непонятным, почему Крестьянкин, оправдывая крепостных, мстивших своему мучителю, сам не хочет следовать закону мщения, отказывается вообще от борьбы, бежит к своим друзьям «оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния».

Закон мщения оказывается известным очень многим. Знает его и крестицкий дворянин, но он верит, что все можно изменить воспитанием, он боится восстания, а потому он и против «природного закона». Сам весь олицетворение «незлобия», он завещает своим детям: «Мщение!.. душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только оберега-

тельность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления». И опять недоумение и сомнение закрадываются в душу путешественника: отчего благородный человек «мерзит» сего природного закона? Читая «Проект в будущем», путешественник, наконец, разъяснил свои недоумения. И монарх и благородный автор манифеста, оказывается, искренне боятся мщения. Стращая дворян, автор манифеста говорил: «Блюдитеся»; «уже время, вознесши косу, ждет часа удобности»; «чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем». Но «гражданин будущих времен» предпочитает воздействовать на «добрые чувства» дворян, рабовладельцев. Крестьяне же, веруя в свой закон, ждут только часа для восстания. Далее, прямо ссылаясь на пугачевское восстание, автор манифеста заявляет: «Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига своих властителей», — заявляет так потому, что боится восстания крестьян.

Но путешественник уже не недоумевает. Он просто не соглашается с воззрениями автора «Проекта в будущем». Что именно так думал путешественник, ясно из следующей за «Хотиловым» главы «Вышний Волочок». Находясь во власти впечатлений от только что прочитанного манифеста, он вспоминает одного помещика, который «корысти ради» «забывает человечество» и устанавливает в своем имении чудовищный режим рабства. Рассказывая о жестокостях этого помещика, о безмерных страданиях крепостных, путешественник *впервые сам судит его*, впервые сам выносит обвинительный, но не моральный, а политический приговор, который решительно противоречит советам встречаемых им людей: те *отвергали мщение,* а он сам *призывает к мщению.* Обращаясь к честным дворянам (пока еще только к дворянам!), людям типа крестицкого дворянина, путешественник восклицает: «прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение». *Оправданием права мщения за обиду кончался второй этап идейного и морального обновления путешественника.* Путь, предложенный крестицким дворянином (воспитание) и автором «Проекта в будущем» (реформа сверху), был отвергнут. Начи-

нался третий этап — формирование революционных убеждений.

Путешественник едет дальше. Он уже научился «взирать прямо» на действительность. Как пелена с глаз, пала вера в царя, в возможность исправить путем монаршего вмешательства хотя бы «мелкие и частные неустройства». Он едет свободный, с обновленной душой, с просветленным разумом. И все окружающее предстает ему в новом свете. Он видит теперь далеко, далеко. Каждое новое впечатление, новая встреча делают его мудрее, отважнее в неуклонно созревающем решении отдать свою жизнь делу освобождения крестьян.

В деревне «Медное» путешественник наблюдает, как молодые бабы и девки водили хоровод. «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли...» — поют они и пляшут. И путешественника манит песня, он хочет подойти поближе, послушать и посмотреть на хоровод. Но в ту же минуту он вспоминает, что в руках у него бумаги приятеля, развертывает их, читает. И уши его «задернулись печалию». Путешественник с горечью заявляет: «Радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник». Прочитанная путешественником повесть рассказывала о варварском обычае крепостнической России — о продаже людей с торгов. Гнев и ярость охватывают его при чтении рукописи друга. Вот что там было написано: помещик, «зверь лютый, чудовище, изверг», продает кормилицу свою, «вторую мать», продает семидесятилетнего старика, который, когда был солдатом, спас жизнь его отца, а затем был дядькой и наставником его самого, продает внучку их, девушку, которую насилием и обманом он сделал своей любовницей, продает ее не одну, а с ребенком, своим сыном, продает всех в розницу, разлучая родных. Возмущенный, яро ненавидящий дворян, «зверей лютых», автор рукописи бежит вон из дома, где продавались несчастные, бежит с намерением вступиться за них. «Постойте, — кричит он им, — я буду доноситель». На лестнице встречает он своего знакомого, чужестранца.

«— Что тебе сделалось? Ты плачешь!» — спрашивает тот.

— Возвратись, — сказал я ему, — не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай

варварский в продаже черных невольников в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, — повторил я, — не будь свидетелем нашего затмения...

— Не могу сему я верить, — сказал мне мой друг, — невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение.

— Не дивись, — сказал я ему, — установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения».

Значение главы «Медное» в идейном развитии путешественника огромно. Найденная рукопись друга остро обнажила перед ним ужас и преступность крепостничества, она же помогла окончательно отбросить идею мирного урегулирования отношений между помещиком и крепостным, веру, что «великие отчинники» — помещики, к которым он обращался (см. главу «Выдропуск»), вкупе с «казанской помещицей» Екатериной II, сами добровольно отменят крепостное право. Впервые путешественнику была подсказана верная мысль — свободы ожидать должно от самой тяжести порабощения, — указана та реальная и могучая сила, которая единственно способна осуществить великое дело освобождения: *народ, томящийся ныне под игом рабства, народ, сумеющий разорвать оковы, когда придет час расправы с мучителями.*

Глава «Медное» важна еще и тем, что показывает, как отличаются друг от друга Радищев и путешественник. Путешественник еще не знает выхода, автор же книги, Радищев, давно открыл для себя, что свободы ожидать должно только от самой тяжести порабощения, только от восставшего народа. Путешественник читает рукопись друга о продаже крепостных, а написал ее от имени друга путешественника Радищев.

На следующей станции, Тверь, происходит самая важная для путешественника встреча — с автором оды «Вольность», то есть с самим Радищевым. «Новомодный стихотворец», как истинный революционер, читает путе-

шественнику стихотворение, толкуя его содержание, убежденно стремится обратить в свою веру человека, уже готового, в силу опыта путешествия, принять учение о революции.

В оде «Вольность» Радищевым впервые была высказана мысль о необходимости народной революции. Сюжет «Путешествия» не позволял включить оду в текст его целиком. В композиционном строении «Путешествия» значение имела именно встреча с автором, с живым человеком, который излагает свои революционные взгляды, рассказывает о будущей свободной России. Вот главные черты нарисованной им перед путешественником картины: «Человек во всем от рождения свободен». Вольность «есть дар бесценный», но «мучители»-дворяне вместе с царем отнимают у большинства людей этот дар, порабощают их, называя рабство «изветом божества». Так было всегда, так происходит и в России, обширной области, где стоит «тусклый трон рабства». Суеверия — религиозное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
«На пользу общую», — рекут.

Рассудок же называет политический режим самодержавия обманом и рабством. В действительности царь — «великий злодей» и мучитель, «на громном троне, властно севши, в народе зрит лишь подлу тварь». До сих пор все оставались хладнокровными. Но наступает новая пора, и хотя вокруг престола «все стоят преклонше колена», пусть трепещет тиран — «се мститель грядет, прорицая вольность». «От тяжести порабощения» народ восстает.

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит...

Так начнется великий и самый справедливый суд, суд народа над преступником и злодеем — русским монархом. Приговор народа будет суров и мудр: «Злодей, злодеев всех лютейший... Ты все совокупил злодеяния и жало свое в меня устремил... Умри! умри же ты стократ».

Далее революция разливается, как море, по всей стране. «И се глас вольности раздается во все концы...»

На вече весь течет народ;
Престол чугунный разрушает...

«В следующих одиннадцати строфах, — заканчивает рассказ автор «Вольности», — заключается описание царства свободы и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...»

Путешественник жадно слушал «прорицание о будущем жребии отечества». Отдельные мысли, наблюдения, выводы — следствие собственного опыта путешествия — под влиянием стихов «прорицателя вольности» складываются в систему революционных убеждений. Он начинает чувствовать себя «мстителем». Мстителем он и приезжает на станцию Городня.

Начиная с Городни, путешественник общается только с крестьянами, находится только в их среде, мужественно ищет средств и путей к установлению связей с ними на началах взаимного уважения и доверия. Так в книгу вторгается народ, русский крепостной крестьянин, становясь ее героем, занимая центральное место в повествовании.

Еще в Едрове путешественник ищет путей сближения с крестьянством. Но, воспитанный в дворянском обществе, он оказывается неспособным в общении с Анютой и ее матерью убедить их в искренности своего намерения. Когда, движимый хорошим чувством, он предлагает деньги, то, не желая того, оскорбляет достоинство женщины.

В Городне путешественник настойчиво продолжает искать общения с народом. Он беседует с рекрутами. И здесь первая удача — искренний разговор с крепостным интеллигентом. Там же, в Городне, он оказывается способным оказать услугу другой группе рекрутов, незаконно отправляемых в армию. И безмерна радость путешественника, когда услугу от барина рекруты принимают, сердечно и просто благодарят его.

«Путешествие» начинается с размышления героя о покинутых им в Петербурге «друзьях души». К Москве он подъезжает идейно и морально обновленным. Он уже не только вырвался из мира нелепых и преступных иллю-

зий, но и расстался со всем своим прошлым. Теперь он не только человек, уязвленный страданиями крепостного крестьянства, но воодушевленный «природным законом», «грозный мститель», «прорицатель вольности». Теперь Анюта, крепостной интеллигент, «новомодный стихотворец», рекруты становятся «друзьями его души». Подойдя к рекрутам, путешественник заговаривает новым и для себя и для них языком.

«Друзья мои, — сказал я пленникам в отечестве своем: — ведаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может?» Нет, это не сентиментальная речь «друга», а точная и деловая речь мстителя, защитника народного, пренебрегающего угрозами «рекрутских отдатчиков» и вооружающего крепостных мужиков советом, практическим советом, который приносит им пользу, ибо помогает освободиться от солдатчины. Выслушав со вниманием полезный и нужный им совет барина, крестьяне принимают его услугу и благодарят его: «О, если так, барин, то спасибо тебе; когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди».

И путешественник замечает перемену, происходящую в рекрутах. Радищев создает коллективный образ народа, одушевленного единой мыслью — добиться своей свободы: «Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрянув от своего места и бодро потрясая свои оковы, казалося, что испытывают свои силы, как бы их свергнуть». Так рождается у путешественника мысль, что общение с народом, близость с ним возможны, но возможны лишь при условии активной деятельности, нужной и полезной ему, направленной на его освобождение от пут рабства. Обращаясь к рекрутам, путешественник *впервые сам* призывает к *мщению* крестьян, веруя в творческие силы народа.

Особого драматизма искания путешественника достигают в деревне Клин. Близится конец «Путешествия». Встав на опасный в условиях екатерининского режима путь борьбы, путешественник страстно стремится получить благословение тех, за свободу которых он решил отдать свою жизнь. Это не прихоть, не дань сентименталь-

ному чувству, но потребность души человека, жаждущего быть твердым и неколебимым в предстоящем подвиге.

Въехав в Клин, путешественник сразу попал в толпу крестьян, собравшихся послушать старого слепого певца. Естественно, воспитанный в дворянском обществе, он сравнивал и песню, и певца, и действие его искусства на слушателей, и самых слушателей с тем, к чему он привык с детства, — с дворянским искусством, с дворянскими слушателями. И еще раз он с радостью признает: в области духовной деятельности, в области искусства народ превосходит «мучителей». Там, в Петербурге и Москве, «пресмыкающееся искусство», там «внемлют кудрявому напеву» заезжих чужестранцев «Габриели, Маркези или Тоди», там слушатели, имеющие «взращенные во благогласии уши», бесчувственны к искусству, ибо души их запечатаны мучительством, ибо чуждо им сострадание и сочувствие. Здесь, в деревне, «неискусный хотя напев» старика певца покорял слушателей, покорял правдой, искренностью, «нежностью изречения». Здесь искусство, «проникающее в сердца слушателей», в сердца, открытые чувствительности, скорби, состраданию, мести. Здесь искусство «обновляет» и просветляет души людей, томящихся в работе.

Исполняя старинный стих об Алексее божьем человеке, старик-певец властвует над чувствами слушателей: «Жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее, улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности».

В Городне общению с крепостным интеллигентом помогла взаимная духовная близость. В деревне Клин искусство открыло путешественнику путь к народу. С чрезмерным души волнением он обращается к слепому певцу. «Я не хотел, — говорит он, — отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца... Подошед к нему, я в дрожащую его руку толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль». И здесь трепетно ждавший благословения путешественник испытывает и великое огорчение и затем наивысшую в своей жизни радость. Нищий

певец не принял щедрого, но бесполезного дара. «Почто такая милостыня? — сказал слепой... — Почто она не могущему ею пользоваться? Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению... Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора».

Мучительный стыд и угрызения совести охватывают путешественника. Опять принадлежность к дворянству сказалась в тщеславной, гордой милостыне. Опять прошлое встало на пути к народу, опять не смог он свершить поступок, равный искреннему намерению. «О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну», — восклицает путешественник. «Сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, — вещал я сам себе, — подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает, может быть, мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу!»

Приняв обратно рубль, путешественник стоял возле певца — русского крестьянина, в прошлом храброго солдата, стоял всем чужой, отдаленный от народа вековой ненавистью к «мучителям», исполненный муки и горя от невозможности осуществить свое намерение, от желания найти в простых людях опору в своем подвиге. И, набравшись мужества, он вновь обратился к нищему солдату:

«— Неужели ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника?»

И тогда старик певец понял, понял чуткой своей душою — перед ним не обычный барин. И он ответил на проникнутую болью речь сочувствием, сумев деликатно помочь жаждущему признания человеку.

«— Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию, — говорил старец, — не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могу-

щего подаяния: прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло — платчишка не было, чем повязать шею, — бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старинького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминовение нищего».

Прост и мудр был ответ старого крестьянина: сделай, что полезно и нужно простым и обездоленным людям, и они благословят тебя и будут вспоминать за дела твои. В волнении путешественник спешит исполнить совет. «Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним».

Так должна была кончиться глава «Клин», но она была продолжена. В продолжении — подлинный идейный конец книги: путешественник получил благословение народа. Тема благословения народа, жизненно важная для путешественника, для самого Радищева, тема, завершающая формирование революционного мировоззрения, тема осознания необходимости практических связей с народом, тема поисков путей к народу, к преодолению в будущем исторически сложившейся страшной отдаленности дворян от народа — народа, творца революции и освободителя России от уз рабства, — заставила Радищева сломать композиционный принцип построения книги и дописать главу. Книга Радищева описывала путешествие из Петербурга в Москву, то есть только в одном направлении. Путешественник, доезжая до Всесвятского, попрощался с читателем навсегда. Мы ничего не должны были знать о дальнейшей судьбе путешественника, и не знали бы, если бы Радищев не сделал одного, и притом единственного отступления во всей своей книге, отступления от раз принятого принципа — описывать путешествие лишь в одном направлении. Но Радищев считал себя обязанным сказать читателю о дальнейшей судьбе путешественника. И тогда в главе «Клин» он делает приписку, в которой досказывает историю с платком, сообщает о судьбе благословившего путешественника старика. «Возвращаяся чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дни моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по

праздникам, надел, заболев перед смертию, на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие».

Свершилось! Вся глава, замечательная по силе художественного выражения идейных исканий человека, порвавшего с дворянской средой во имя освобождения миллионов крепостных крестьян, утверждала историческую и политическую необходимость перехода дворянских революционеров на сторону народа. Наивная и прекрасная в своей простоте история с платком символически олицетворяла то благословение трудового народа, которого так жаждал путешественник «на совершение своего пути», благословение, «облегчавшее стезю в шествии и отнимавшее терние сомнительности».

4

Герой радищевской книги едет из Петербурга в Москву. Но не все, что было описано в книге, произошло на известном тракте между двумя столицами. Великие перемены в убеждениях путешественника, его духовное и нравственное обновление, его идейные открытия, его прозрение в будущее, его мужание и зрелость совершались потому, что он ехал по большой дороге жизни.

Вот отчего книга Радищева включала не только верно запечатленные сцены увиденного на петербургском тракте (дорога, почтовые ямы, ямщики, пашущие крестьяне, крестьянская изба, продажа крепостных с аукциона и т. д.), но широко и свободно нарисованные картины жизни всей России, и в частности картины идейной жизни. Нечто подобное мы встречаем у Герцена в «Былом и думах». Там рассказано с удивительной и покоряющей силой о рождении передовой русской мысли в трагические годы последекабрьской реакции. Мальчики, а затем юноши, искали правильную теорию, и, как свидетельствует Герцен, найдена она была в борьбе с ренегатами, отступниками, даже бывшими единомышленниками, и реакционерами.

Путешественник — первый образ в русской литературе человека, ищущего света и правды идей, идей,

которые бы снимали завесу с глаз, открывали будущее, воодушевляли на борьбу, помогали найти трудный, но правильный, честный путь жизни гражданина. В своих исканиях он проходит через различные испытания. Жизнь во всех ее неисчислимых проявлениях учит его, воспитывает. Именно потому Радищев стремился рассказать об идейной жизни России, нарисовать картину жизни передового лагеря, показать силу и слабость политических, социологических и этических теорий крупнейших русских просветителей, духовных вождей передового общества, провести своего героя не через вымышленные, а через реальные испытания, заставить его оценить конкретные, известные его читателю учения, чтобы в оценке и пересмотре их родились новые убеждения.

Путешественник сталкивается на своем пути с четырьмя замечательными русскими патриотами, людьми большого ума, благородства, пытливой мысли: с Крестьянкиным, крестицким дворянином, автором «Проекта в будущем» и, наконец, автором оды «Вольность». Интересы родины, судьба народа — вот что определяет их жизнь. Воспитанные в условиях самодержавно-крепостнической России, они поняли несправедливость ее социальных устоев, увидели произвол и деспотизм власти, отсутствие в стране истинных законов, которые бы защищали право каждого гражданина, и потому мужественно стали искать средств борьбы с окружающим их злом, преступлениями и несправедливостями. Крестьянкин, используя свое служебное положение, пытался защитить «мертвых в законе» крестьян, невиновность которых была для него «математической ясностью». Силы помещичьего государства, дворянского суда победили в начатом им поединке. Тогда Крестьянкин ушел в отставку. Встретив путешественника, Крестьянкин объяснил ему причину прекращения борьбы: человек обязан сражаться с неправдой, отстаивать справедливость до возможного предела, отстаивать бесстрашно, но если он увидит, что сделать ничего нельзя, что все возможности истощились и силы исчерпаны, то имеет право удалиться от борьбы, бросить общество, жить один в уединении, соблюдать правила добродетели.

Крестицкий дворянин предложил путь просвещения, воспитания, автор «Проекта в будущем» возлагает на-

дежды на монарха, полагая, что крепостное право можно уничтожить только мирным путем, по доброй воле самодержца. Наконец, встреченный путешественником автор оды «Вольность», сурово и категорически осуждая режим рабства и самодержавного деспотизма, выдвигает смелую и великую мысль: свобода может быть завоевана только народом и только революционным путем.

Изображение Радищевым в своей книге в числе других передовых деятелей автора оды «Вольность» помогает понять смысл встреч путешественника с тремя другими деятелями. Точка зрения автора оды «Вольность» не выдумана, не сочинена Радищевым. Ода «Вольность» — конкретное и исторически-объективное явление идейной жизни России этой поры. Ее появление знаменовало этап в развитии русской просветительской мысли. Но так же исторически точны и взгляды «гражданина будущих времен», крестицкого дворянина и Крестьянкина. Они соответственно совпадают с содержанием теоретических взглядов и практической деятельностью таких видных просветителей, как Фонвизин, Новиков и Н. Д. Не мог Радищев изобразить реальные портреты живых деятелей — это было бы непростительной неосторожностью. Себя он скрыл за именем «новомодного стихотворца», что было достаточной оградой от цензуры и властей, поскольку ода «Вольность» печаталась в «Путешествии» впервые. Можно полагать, что Фонвизина, веровавшего в реформы только сверху, он скрыл под именем «гражданина будущих времен». Взгляды крестицкого дворянина и Крестьянкина полностью совпадали со взглядами Новикова и Н. Д. В книге были *не портреты известных просветителей,* а *образы* замечательных, мужественных и благородных общественных деятелей *равного им типа сознания и убеждений.*

До сих пор в научной литературе можно встретить отождествление взглядов Радищева с взглядами Крестьянкина, крестицкого дворянина и автора «Проекта в будущем». И в наши дни некоторые исследователи утверждают, что образы Крестьянкина, крестицкого дворянина, «гражданина будущих времен» — это все маски Радищева, за которыми он прячет свои убеждения. В действительности же многое в просветительских убеждениях Крестьянкина, крестицкого дворянина, «гра-

жданина будущих времен» противоречит взглядам революционера Радищева, чуждо ему. Убеждения Крестьянкина и крестицкого дворянина носят просветительский характер. Радищев сам просветитель, и просветительские убеждения, высказанные двумя деятелями, естественно, близки и дороги автору «Путешествия из Петербурга в Москву». Когда Крестьянкин говорит: «человек родится в мир равен во всем другому», то, естественно, то же убеждение исповедует и Радищев. Когда крестицкий дворянин излагает систему воспитания ребенка, базирующуюся на просветительской идеологии, то в известной мере это и радищевская программа, она близка и дорога ему. Больше того, излагая просветительские убеждения Крестьянкина и крестицкого дворянина, Радищев выступал своего рода пропагандистом передовых идей, способствовал их распространению. Радищев — воспитанник и участник русского просветительского движения — раскрывал в книге идейное богатство своих предшественников и современников, опирался на их опыт, обобщал его. Но ограничиться пропагандой просветительских взглядов он не мог. Ему необходимо было показать *ограниченность и историческую несостоятельность предложенного русскими просветителями мирного пути социальных преобразований*. Оттого автор оды «Вольность» оказался последним в ряду тех деятелей, с которыми встретился путешественник. Революционная теория «новомодного стихотворца» была исторически закономерным *завершением* развития политической теории русского Просвещения, высшим его этапом. *Как русское общество проходило через идеологию Новикова, Фонвизина, Н. Д. и, наконец, Радищева, так и путешественник свое идейное развитие завершил встречей с автором оды «Вольность»*, «сочувственником» и единомышленником которого он становится в конце своего пути.

Что в убеждениях Крестьянкина и других деятелей не все устраивает Радищева, что многие их высказывания прямо противоречат его взглядам, и прежде всего противоречат предложенному им пути социального обновления отечества, — видно из сопоставления взглядов Радищева с их убеждениями.

Сопоставим взгляды Крестьянкина и Н. Д. Свою позицию защиты крепостных, убивших помещика, Кре-

стьянкин обосновывает философски. Он высказывает теорию о взаимоотношениях человека и общества: «Человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином. Какие же ради вины обуздывает он свои хотения? почто поставляет над собою власть? почто, беспределен в исполнении своея воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своея пользы, скажет рассудок».

Та же мысль выражена у Н. Д. следующим образом: «Человек един есть властитель сам над собою; он живет в обществе с тем, чтоб быть в безопасности и в спокойствии: и потому общество обязано обеспечить сие самовластие над собою всех своих членов вообще и каждого особо, свободное употребление законных их прав и обладание вещей, соделанных ими тщанием и трудом собственным. Откуда и следует, что никакая власть на земли не имеет права похитить у человека его свободу или вольность».[1]

Может ли человек восстать против той власти, которая похитит у него право быть гражданином? Крестьянкин отвечает: «Где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния».

Н. Д. учил своего читателя: «В противном случае общество совершенно для нас бесполезно и несносно, когда нет в нем безопасности, свободы собственности. Правление, лишающее нас справедливости и не хранящее ее в строгом порядке, есть правление тягостное, огорчительное, оскорбляющее человеческую природу, против которого сердце человека принуждаемо бывает восставать

[1] «Зеркало света», 1787, часть IV, стр. 231.

и противоборствовать».[1] Близость высказываний Крестьянкина и Н. Д. очевидна. Рассуждение о праве человека «восстать и противоборствовать» правлению «тягостному и огорчительному» вписано Н. Д. в текст сочинения Гольбаха, следовательно, оно выражает позицию русского просветителя, не свойственную убеждениям Гольбаха. Ту же точку зрения высказывает и Крестьянкин.

Но близость убеждений Крестьянкина и Н. Д. с особой яркостью проявляется в определении ими своих позиций в борьбе с пороком и злом. И Крестьянкин и Н. Д. требуют от гражданина общественной активности, отважного исполнения «своей должности», умения творить добро, не считаясь с опасностями. «Сродно хвилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию», — гордо заявляет Крестьянкин. В то же время и Крестьянкин и Н. Д. оговаривают право гражданина удалиться от дел, сложить с себя обязанности, если он поймет и убедится, что все возможности борьбы им исчерпаны, «что более нет сил творить добро».

Вот что сказал Крестьянкин путешественнику: «Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, нижé оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями».

Но русский читатель, раньше чем прочел в книге Радищева суждения Крестьянкина, имел возможность познакомиться с мыслями Н. Д., высказанными на страницах журнала «Зеркало света»: «Справедливость позволяет человеку тогда только сложить с себя общественные некоторые должности и уединиться, когда он почувствует, что находит себя в совершенной невозможности быть полезным своим согражданам ни своими трудами, ни своим служением, нижé своими советами, что разнообразные злоухищрения, усилившись, подавляют всякое усердие, всякое рвение... В таком случае и добрый гражданин, видя совершенное свое бессилие противостать хитростям

[1] «Зеркало света», 1787, часть IV, стр. 232.

и обманам, обнажением их существенности отвратить их зловредность и самую гибель, удаляется, молчит, воздыхает и старание свое на то уже только устремляет, чтоб в малом своем круге исполнять свято священные обязанности честного и доброго человека и в том находить свое целительное утешение».[1]

В данном случае дело не в совпадении взглядов. Несомненно, Радищев сознательно заставил честного и благородного человека Крестьянкина исповедовать эту, уже известную обществу теорию, чтобы показать на конкретном примере судьбы Крестьянкина, как философия Н. Д. при всех ее сильных сторонах заводит человека в тупик, обрекает на бездействие, на пассивность, сводит на нет все ранее совершённые благородные и отважные дела.

В Крестьцах Путешественник встречает еще одного патриота, отважного гражданина, честно исполняющего свой долг, вдохновленного системой воспитания добродетельных граждан. В общественной жизни 80-х годов была широко известна деятельность Новикова, успешно пропагандировавшего просветительскую программу воспитания детей. Радищев и сталкивает своего героя с человеком, который был не только увлечен подобными педагогическими взглядами, но и применил их практически — воспитал своих сыновей «счастливыми людьми и полезными гражданами».

Многое в просветительско-педагогической системе крестицкого дворянина близко и дорого Радищеву, выражает *и его* взгляды на воспитание детей. Но грубейшей ошибкой было бы *полное отождествление* взглядов крестицкого дворянина с взглядами Радищева. К сожалению, такое отождествление можно встретить в многочисленных работах о Радищеве.

В системе политических взглядов революционера Радищева центральное место занимает идея возмездия. Впервые она была высказана в оде «Вольность», затем в «Житии Федора Васильевича Ушакова». В «Путешествии» Радищев заставил своего героя встретиться с автором оды «Вольность», и во время беседы «новомодный стихотворец» вновь страстно заговорил о мщении. Крестицкий же дворянин категорически возражал против

[1] «Зеркало света», 1787, ч. V, стр. 558—559.

мщения, проповедовал смирение: «Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!.. душа ваша мерзит его». Но читателю было хорошо известно, что Новиков в своих педагогических статьях требовал, чтобы детей воспитывали в духе великодушия и презрения к мщению. «Запрещайте им всякое мщение,— писал он,— хотя бы оно предметом своим имело зверей или безжизненные вещи, и научайте их, как скоро они понимать то могут, что только чувствование вины и слабости рождает охоту ко мщению, а уверение о невинности и силе производит великодушие».[1]

В той же прощальной речи крестицкий дворянин поучает детей — уважайте закон. «Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, как ни худ, есть связь общества. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает, тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов».

Как же можно говорить о том, что Радищев, — революционер, доказывавший право народа уничтожать законы, созданные монархом, — будто бы исповедует веру крестицкого дворянина в мудрость монарших законов, да еще в мудрость екатерининских законов?

В том же ряду деятелей, что Крестьянкин и крестицкий дворянин, находится и «гражданин будущих времен», «Проект в будущем» которого находит путешественник. Центральная проблема социально-политической жизни России была открыто и резко поставлена автором «Проекта». «Гражданин будущих времен» понял: начинать надо с главного, с ликвидации рабства. Отчетливая и категорическая постановка главного вопроса эпохи определяет огромное значение главы «Хотилов» в идейной эволюции путешественника. Радищев подчеркивает, что взял на себя смелость открыть «истину» один из духовных вождей общества, — не он, Радищев, и не сам путешественник, а другой человек, друг путешественника, глубокий и большой мыслитель, истинный патриот, воистину «гражда-

[1] «О воспитании и наставлении детей» — «Прибавление к «Московским ведомостям» за 1783 г., глава «О образовании сердца».

нин будущих времен». Путешественник в своих исканиях оказывался не одиноким. Его все время окружают замечательные люди, для которых судьбы и интересы родины и народа были дороги и близки. И на этот раз Радищев преследует свою, особую цель. Конечно, автор «Проекта в будущем» во многом пошел дальше своих соотечественников Крестьянкина и крестицкого дворянина; его волнуют не этические проблемы, а социальные и политические, он ясно видит, что мораль общества определяется условиями его социального бытия. Но и «гражданин будущих времен» заблуждается: следуя за политической теорией энциклопедистов, он исповедует веру в просвещенного монарха, полагая, что только он может осуществить великое благодеяние — освободить народ от крепостной зависимости. Оттого он самые заветные свои мысли изложил в форме проекта манифеста, написанного от имени монарха.

Несомненно, что при создании этой главы Радищев опирался на реальный факт русской общественной жизни 80-х годов. Известно, что Фонвизин, связанный личной дружбой с Никитой Паниным, как Радищев с Александром Воронцовым, принимал участие в составлении проекта манифеста о новых «непременных государственных законах». Не надеясь на Екатерину, он все же верил, что может прийти другой монарх, который выполнил бы составленную им и его другом программу преобразований. Реально они рассчитывали на Павла, наследника Екатерины. После смерти Никиты Панина Фонвизин передал все бумаги его брату, Петру Панину, оставив у себя копии. П. А. Вяземский в своей монографии о Фонвизине свидетельствует, что проект манифеста дошел до Екатерины и навлек на писателя монарший гнев. [1] Известно, что после смерти Фонвизина проект («Рассуждение о непременных государственных законах») перешел в руки его племянника — декабриста М. А. Фонвизина. Родственники Фонвизина распространяли сочиненный им манифест. Если учесть, что многие ненапечатанные сатирические сочинения Фонвизина в 80-е годы ходили в рукописях и что некоторые из них читал Радищев (см., например, его ссылку в «Путешествии» на антиекатерининскую сатиру «Придворная грамматика»), можно предположить, что

---

[1] П. А. Вяземский, Фонвизин, СПБ., 1848, стр. 285.

Радищев знал о написании Фонвизиным «Рассуждения о непременных государственных законах», то есть проекта манифеста. Во всяком случае радищевский образ «гражданина будущих времен», одушевленного желанием подготовить проект реформ сверху, совпадал с реальным и многим известным фактом общественной биографии Фонвизина. Радищеву было важно показать, что в России существуют люди передовых убеждений, просветители, что они мужественно и непрерывно ищут путей к достижению благополучия народа и что до сих пор пути не были найдены. Только в этой связи и понятна встреча путешественника с автором оды «Вольность», происшедшая после встречи с «гражданином будущих времен». Радищев опять предельно историчен и конкретен: в русском Просвещении появилась новая политическая концепция — революционная; она впервые была изложена в оде «Вольность», и с автором оды — «новомодным стихотворцем» — встречается путешественник.

Исследователи обязаны оценить попытку Радищева создать художественные образы положительных персонажей. Отталкиваясь от практической деятельности русских просветителей, Радищев показал, какие именно черты характера должны быть свойственны положительному герою, человеку, чья жизнь, чьи убеждения могли бы воспитывать читателя, внушать ему желание быть их и «соучастником» и «сочувственником». Жизнь таких людей определялась большими общественными интересами. Они не замыкались в узкий мирок эгоистических переживаний. Активность — главное свойство их натуры. Они непримиримы к злу, им чуждо равнодушие, они не пройдут мимо нуждающегося в помощи, но обязательно помогут, сделают все, что в их силах. Одушевленные идеей равенства людей, отстаивая права каждого человека на свободу, они подчиняли свою жизнь деятельности на благо своих соотечественников, деятельности общественной, лишенной какого-либо расчета, корысти, эгоизма.

Не все образы, задуманные Радищевым, выписаны с равным успехом. Но два характера несомненно удались ему: Крестьянкин и крестицкий дворянин. Избрав форму исповеди, живого, страстного рассказа о себе, Радищев сумел только через речь героев раскрыть с большой глубиной прекрасный моральный облик первых в России

представителей «новых людей». Несомненно, попытка создать положительные характеры, определить их главные черты, сформулировать их нравственный кодекс имела большое значение для литературы, была устремлена вперед, в будущее. Первый опыт Радищева, как свидетельствует передовая литература 10-х годов следующего века, не пропал даром ни для Пушкина, ни для Грибоедова, ни для декабристов.

В своей книге Радищев впервые в русской литературе при изображении общественной жизни своей эпохи вывел в числе других действующих лиц самого себя, стремясь воссоздать на основе собственной биографии объективный образ исторически конкретного деятеля. Так появился в «Путешествии» образ «новомодного стихотворца», то есть самого Радищева. Опыт Радищева был унаследован русской литературой. Первым откликнулся Пушкин; в лирических отступлениях романа «Евгений Онегин», повествовавшего о жизни русского общества кануна декабрьского восстания, он рассказал и о себе. Чернышевский в своих романах, посвященных современности, оказался вынужденным показать в числе действующих лиц и себя — в финале «Что делать?» и в «Прологе» под именем Волгина.

Объясняется эта особенность своеобразием развития русской литературы. Связанная с передовым общественным движением, с политической борьбой народа за свое освобождение, литература была для многих русских писателей главным революционным делом. Передовые писатели оказывались одновременно и передовыми общественно-политическими деятелями, иногда вождями просветительского или революционного движения — Радищев, Рылеев, Герцен, Чернышевский и т. д. Создавая произведения о современности, рисуя картины идейной жизни и борьбы, они оказывались вынужденными изображать и свою политическую деятельность, которая была объективным явлением. Отказаться от изображения ее значило бы обеднять действительную жизнь и политические события. Показывая в «Прологе» развернувшуюся классовую борьбу в русском обществе накануне реформы 1861 года, Чернышевский не мог не изобразить передового лагеря, разоблачавшего грабительский характер реформы. А передовой лагерь возглавлял Чернышевский. Так писатель Чернышевский обязан был изобразить политического

деятеля Чернышевского. То же было и в романе «Евгений Онегин». Без Пушкина, без его вольнолюбивой поэзии нельзя себе представить идейную жизнь передовой России накануне 14 декабря 1825 года. Реалист Пушкин, создавая исторический роман о современности, должен был рассказать о себе — авторе политических стихов («Читал свои ноэли Пушкин»), поэте, которого преследовало самодержавие («Но север вреден для меня»), и т. д.

Впервые Радищев столкнулся с необходимостью при характеристике идейной жизни России 80-х годов XVIII века, при показе просветительского фронта рассказать о появлении революционной оды «Вольность». Она выросла в атмосфере расцвета просветительства. Она исторически была высшим моментом развития просветительской идеологии в России. Опустить момент рождения в России революционной мысли значило обеднить и исказить историю русского Просвещения. И Радищев смело первым пошел на то, чтобы ввести в число персонажей своей книги «новомодного стихотворца», автора оды «Вольность», то есть самого себя.

То, что опыт Радищева был подхвачен, что ему удалось угадать одну из характернейших особенностей именно русской литературы, запечатлеть ее, положить начало традиции, — свидетельство его истинного писательского дарования.

5

Народ как та политическая сила, которой предстоит обновить Россию, как социальная база для мстителей и «прорицателей вольности», привлекал самое пристальное внимание и путешественника и Радищева. Радищев и изобразил народ в своем «Путешествии» так, как он ранее еще никогда не изображался ни в русской, ни в мировой литературе.

До Радищева в русской литературе наиболее исторически верно была изображена жизнь крепостных Новиковым в журнале «Трутень» (1769). Решительно встав на защиту «питателя», Новиков показывает документально точно нищету вечного труженика, его чудовищное бесправие, полную зависимость от произвола жестокого и равнодушного к человеческим страданиям барина. Созданный

писателем образ впавшего в отчаяние от бедности и непомерных повинностей крепостного Филатки потрясает читателя. Вот как предстает Филатка в своей челобитной барину Григорию Сидоровичу: «Бьет челом и плачется сирота твой Филатка. По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок... остался с четверыми ребятишками мал мала меньше... Ребята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем: пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством... Помилуй, государь наш Григорий Сидорович! Кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца...» [1]

Нетрудно заметить, что образ плачущего Филатки написан писателем гуманным, ненавистником рабства, всем сердцем сочувствующим положению обездоленного крестьянина. Но политическая оценка явлений действительности подменялась у Новикова моральной. Следствием моральной оценки крепостничества и оказался образ *плачущего* Филатки, обращающегося с *просьбой к барину, ищущего защиты* у своего же *господина,* который представляется ему, несмотря на всю жестокость, «отцом». Но те же моральные оценки позволили Новикову увидеть в крестьянах и прекрасные, истинно человеческие качества, давно утраченные дворянами: сочувствие к человеческому горю, сострадание, взаимопомощь, трудолюбие. Так, в следующей крестьянской «отписке» рассказывается, что барин Григорий Сидорович, получив челобитную плачущего Филатки, не разжалобился, не пожалел его, не помог ни ему, ни его малым ребятам. И тогда односельчане, мужики, такие же нищие, как и Филатка, отдав свои последние гроши, купили ему корову, «чтоб робята не померли».

Радищев, отталкиваясь от опыта Новикова-писателя, усиливал то, что только намечалось у его предшественника и что было так плодотворно, — утверждение высокого морального достоинства крестьянина. Но к изображению крестьян в «Путешествии» Радищев подошел с противоположных новиковским, революционных позиций. Поэтому изображение народа в «Путешествии» составило целую эпоху в литературе.

---

[1] «Трутень», 1769, л. XXX.

Политически характеризуя самодержавие и крепостничество, Радищев указывает путь изменения существующего несправедливого социального строя — революция, творимая крепостными крестьянами. Эта позиция и определила новую природу радищевской эстетики, новое содержание как индивидуального образа крестьянина, так и собирательного образа русского народа.

Новиков негодует против положения Филаток, чтобы вызвать *жалость* и *сочувствие* у дворян к судьбе несчастного «питателя». Радищев *протестует* против крепостничества, чтобы *вызвать ярость* томящихся в оковах, чтоб *ускорить час* их справедливого *мщения*. Новиков надеется, что ему удастся уговорить дворян, удастся перевоспитать их и добиться возможности урегулировать отношения дворян и крестьян на началах разумных и человеческих. Радищев, по оценке Екатерины II, «полагает надежду на бунт от мужиков». Судьба крестьян вызывает у Новикова сочувствие, он сострадает их участи. Для Радищева народ — субъект истории, определяющий ее ход. Обобщенный образ новиковских крестьян — плачущий Филатка. Ему противостоит радищевский образ бурлака: «Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обагренный кровию от оплеух, многое может решить, доселе гадательное в истории российской».

Образ бурлака великолепно передает радищевскую неукротимую веру в светлое будущее России, в творческую мощь народа. В лицо дворянству, двору, самодержцу бросает Радищев вызов: да, я с бурлаком, да, я с народом, который еще не разбужен, который принижен чудовищным рабством, но которому принадлежит будущее.

Образ бурлака открывает галерею крестьян в «Путешествии из Петербурга в Москву». В Любани происходит встреча с крестьянином. Судьба крепостного не из легких. Он принадлежит жестокому и скаредному барину, который заставляет своих мужиков работать шесть дней на барщине, оставляя свободным всего лишь один день, и то воскресенье. Но с каким удивительным достоинством разговаривает этот крестьянин с путешественником: «Велика ли у тебя семья? — Три сына и три дочки. Первенькому-то десятый годок. — Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным? — Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду

не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую: дело-то и споро». Уже здесь Радищев подчеркивает: как ни чудовищно положение крепостного, но его труд, даже безмерно тяжелый, спасает его и от голодной смерти и от нравственной гибели. Несмотря на свою бедность, он полон достоинства. Радищевский крестьянин знает, что он кормилец не только своей семьи, что он содержит не только шестерых своих детей, но что он и подобные ему земледельцы кормят всю Россию. У него в ответ на жестокость помещика рождается своя тактика: работать на себя лучше, чем на барина. Он дерзко и открыто говорит путешественнику: «Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит». Он человек думающий, он делится с путешественником своими мыслями по поводу нового, заведенного помещиками обычая: «Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голый наемник дерет с мужиков кожу... Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу».

Крестьянин из Любани не плачется, а судит своего жестокого барина. В нем нет ни капли смирения и унижения. И когда путешественник начнет ему толковать о том, что «мучить людей законы запрещают», он с досадой оборвет бесполезный разговор с барином, не знающим жизни и болтающим ему о законах, будто бы его защищающих, заявляя довольно бесцеремонно: «Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу».

Еще более характерна встреча путешественника с крепостной девушкой Анютой в деревне Едрово. Анюта — сирота, отец у нее умер, она живет с матерью и сестрой. Опять перед ним образ несчастной крестьянки. Для Новикова это был бы повод для проявления человеколюбия, жалости и сочувствия к ее судьбе. Радищевская Анюта вызывает у путешественника, да и у Радищева, не жалость, не сочувствие, а восхищение. Радищев любуется ею, вместе с путешественником завидует ее физическому и нравственному здоровью, цельности ее характера, ее истинно человеческим достоинствам.

Несмотря на бедность, на сиротство, на рабское положение, она независима, горда, полна достоинства. Как и у крестьянина из Любани, основа ее жизненного поведе-

ния — труд. Трудится она, ее мать, сестра. Трудом они кормятся, труд помогает исполнить повинность. По деревне о ней слава: «Какая мастерица плясать! Всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье». Путешественник встречает ее тоже за работой. Она возвращается с речки, где стирала белье. На коромыслах у нее тяжелая ноша. «Поровнявшись с ней, начал я с нею разговор.

— Не трудно ли тебе нести такую ношу, любезная моя, как назвать, не знаю?

— Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить.

— К чему такая суровость, Аннушка, душа моя? я тебе худого не желаю.

— Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою».

Путешественник понимает, что труд составляет основу крестьянской, истинно человеческой нравственности. Когда он, движимый искренним чувством, хочет подарить Анюте сто рублей, чтобы ускорить ее свадьбу с любимым человеком, и Анюта и ее мать с негодованием отвергают подачку. Они — люди труда, привыкли только к трудовым деньгам и подарков, а тем более от господ, подарков всегда унизительных, решительно не принимают.

Глава «Едрово» имеет огромное значение в моральном обновлении путешественника. Перед ним в образах Анюты и ее семьи открылся новый, неведомый мир нравственной красоты и чистоты. Он ходит по деревне Едрово, смотрит на жизнь крестьян, которых «мучители дворяне» превратили в «тяглый скот», слушает их простые, полные искренности и достоинства речи, с гневом и презрением думает о своей прошлой жизни, о жизни всего «дворянского корпуса», погрязшего в паразитизме и тунеядстве. Встреча с Анютой, крепостной девушкой, произвела огромнейшее впечатление на путешественника. От Анюты, от ее поступков, ее задушевной мечты завести семью, воспитать сына исходит такой свет, что путешественник уезжает из Едрова приобщенным к новой жизни, с твердой верой в то, что великая, мудрая и покоряющая сила заложена в людях труда. «Анюта, Анюта, ты мне голову скружила! — восклицает он. — Для чего я тебя не узнал лет 15

тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия... О моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностию. Уверен, что обратишь на путь доброделания начинающего с оного совращатися и укрепишь в нем к совращению наклонного».

Героизируя крестьян, Радищев никогда не впадал в их идеализацию. Глубоко сочувствуя народу, Радищев счел себя в то же время обязанным показать, как крепостное право, помещичья безграничная власть растлевали крестьянина, толкали на совершение мерзких поступков, даже преступлений. Замечателен образ молодого крестьянина, «детины лет в 25», «спутника мерзостей» своего господина из главы «Медное». Готовый угождать, он отдал свою молодую жену на поругание барину. Через год вся семья уже продавалась с аукциона. Теперь «детина» уже «раскаивается о своих к господину своему угождениях». «Зверство и мщение в его глазах... В кармане его нож», «мысль его отгадать нетрудно». Но такое мщение ничего не изменит в его судьбе, угождение и страх сделали его рабом, прислужником, убили его душу. «Твой разум чужд благородных мыслей, — пишет Радищев. — Ты умереть не умеешь. Ты склонишься и будешь раб духом, как и состоянием».

В Городню путешественник приезжает «мстителем». Его внимание привлекает толпа крестьян: в деревне сдавали рекрутов. Он смело подходит к крепостным, заводит с ними разговор, ища средств и путей помощи им, называет их с волнением «друзья мои». В Городне и происходит встреча с крепостным интеллигентом.

Крестьянин из Любани, Анюта из Едрова — крепостные, сумевшие, несмотря на гнет рабства, обрекшего их на безысходную тяжелую работу, сохранить в себе «величественные преимущества человека». Встреченный в Городне рекрут — крепостной, но волею человеколюбивого помещика он получил образование, и в нем оказались разбуженными дремавшие нравственные силы, таланты и способности.

В напечатанной в 1789 году «Беседе о том, что есть сын отечества» Радищев писал, что в жизни народа важнейшую роль играет момент осознания им своего

положения; крепостные, задавленные тяжелой работой и бедностью, «не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончаются их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца». Крепостной начинает размышлять под влиянием обстоятельств; «доведенный до крайности», он проклинает свое состояние, и тогда размышление «возжигает в нем свет разума», который помогает положить конец его «печальному положению».

Встреченный в Городне рекрут убедил Радищева, что «размышление» у крепостных может быть ускорено образованием и воспитанием. Крепостной интеллигент размышляет, задумывается о своей судьбе, о судьбе крепостного народа. Разговор с ним убеждает путешественника, что «он достиг понятий, недостающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными». Он учился наукам, приобретал знания и в России и за границей. Главное в его образовании — рост самосознания: «я есть человек, всем другим равный». Он патриот, его «сердце трепетало, вступая опять в пределы отечества». Он русский по основам своего характера. Он тверд в мыслях, он ненавидит «робость духа». Он «сносит жребий свой терпеливо», не умея только терпеть «поругания». Разбуженное в нем человеческое достоинство делает его активным и смелым. Он, получив образование, оказывается опять на положении раба, делается жертвой разнузданной жестокости жены своего молодого барина, бывшего его соученика, забывшего наказ отца своего: дать несчастному волю. Но, терпеливо перенося угнетение, он не пресмыкается перед своими мучителями, он судит их; барин, говорит он, обладает «робостью духа», барыня «с красотою телесною соединила скареднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличностию почитала только внешность, знатность, богатство». Как истинно русский человек, он терпелив, но до предела. Грозно предупреждает он своего мучителя: «не доводи до отчаяния души», «страшись!» Испуганные его угрозой, господа поспешили отдать ненавистного им человека в рекруты. Перемена положения породила надежду — «сладостное несчастному чувствование».

Выслушав рассказ, путешественник почувствовал близость к крепостному крестьянину. «Я прижал его к сердцу моему, — пишет путешественник. — Лице его новым озарилось веселием. Не все еще исчезло; ты вооружаешь душу мою, — вещал он мне, — против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно». Велико значение вещего образа русского разночинца, созданного Радищевым на основе глубокого понимания великой творческой мощи русского народа и его роли в будущей революции, которая должна обновить «любезное отечество».

Рядом с образом крепостного интеллигента — Ломоносов, сын холмогорского рыбака. Крепостной интеллигент — только возможность, Ломоносов — свершение. «Определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленныя области не далее их ремесла простирается», Ломоносов, «изострив свое понятие», укрепив разум свой «полезными и приятными знаниями», стал «великим мужем», ученым, реформатором языка и стиха, «первым в российской словесности». Так человек, «исторгнутый из среды народныя», властно приобрел «от природы право неоцененное действовать на своих современников». Ломоносов, великий деятель русской национальной культуры, — неопровержимое свидетельство талантливости русского трудового народа, его огромных потенциальных сил, его способности к величайшему государственному созидательному творчеству.

Радищев утверждает: «не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа». «Известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шествие наше в учении нашем». «История свидетельствует, — пишет Радищев, — что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований; но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции, Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедший до протекторства, явил великие дарования политические, как то: на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеския жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами. Повторим: обстоятельства делают великого мужа».

Создавая «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев опирался на опыт пугачевского восстания. Вот когда обстоятельства оказались отличным случаем «для развержения великих дарований». Изображая русских крепостных крестьян, людей, отягощенных рабством, сведенных на положение «тяглого скота», Радищев героизировал их, видя в каждом ту дремлющую до случая силу, которая сделает его истинным сыном отечества, патриотом, деятелем революции. *Обаяние и нравственная красота русских крепостных радищевского «Путешествия» в том и состоит, что мы чувствуем в каждом из них будущего деятеля, освободителя России.* Через индивидуальный облик каждого просвечивает его будущая судьба свободного человека. Радищев поэтому и мог писать о крестьянстве как о том общественном классе, которому предстоит решить судьбу российской империи.

Особенность подхода Радищева к крестьянам проявилась и в коллективных образах народа: его крестьяне даны в действии, в момент свершения мщения угнетателям. Впервые Радищев показал читателю народ не только утесняемым, не только размышляющим, но и действующим — в главе «Зайцово». Молодого парня, вступившегося за честь своей невесты, велено было «сечь кошками немилосердо». «Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом». Он вырвал невесту из господских рук и они побежали. Началась погоня. Тогда пробил час мести. Парень «выхватил заборину и стал защищаться». На шум прибежали другие крестьяне. «Соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, асессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростию столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте».

Обстоятельства обусловили выступление долго терпевших рабов, и они смело и мужественно поднялись на мучителя, проявляя товарищество, «соболезнуя» об уча-

сти не своей, но своего односельчанина, несправедливо гонимого и оскорбленного.

В главе «Хотилов» прямо говорится о пугачевском восстании, которое, подняв десятки тысяч крестьян на протест, сделало из них мужественных воинов, одушевленных желанием «освободиться от своих властителей».

В оде «Вольность» Радищев рисует картину революции, которая преобразила крепостных, сделав их «великими мужами», мстителями, борцами за вольность. Свергнув самодержавие и творя суд над «злодеем» монархом, народ устами своего трибуна произносит речь, полную сознания своего величия, своего достоинства, речь творца, создателя, зиждителя:

«Покрыл я море кораблями...

Дал способ к приобретению богатств и благоденствий. Желал я, чтобы земледелец не был пленник на своей ниве».

Он, народ, «гремящую воздвигнул рать», «земные недра раздирает», «металл блестящий извлекает», обеспечивает охрану отечества от внешних врагов — «медны изваял громады, злодеев внешних чтоб карать». Труд народа — основа жизни на земле. Но наивысшим выражением творческих возможностей народа по Радищеву является революция. В Городне путешественник потому и обращается с прямым призывом к крепостным поднять восстание. Призыв к мятежу полон великой радостной веры в победу народа, в создание им своими собственными силами новой государственности, новой культуры. Вот какие вдохновенные слова произносит путешественник:

«О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны».

Радищевские образы крестьян укрепляли веру читателя, что именно из среды крепостных вырастут великие мужи, что народ есть истинный и единственный творец

жизни во всех ее областях: экономической и культурной, политической и государственной.

Восстание угнетенных для Радищева — высший акт народной активности. С таких политических позиций и подходил писатель к фольклору. Герцен отлично понял это, сказав, что в песне автор «Путешествия» нашел «ключ к таинствам народа».[1] Устное творчество народа, его сказки, чудесные истории и песни вошли в сознание Радищева с колыбели и сопровождали в течение всей жизни. Больше всего ему полюбилась песня; она сопутствовала писателю в его многочисленных путешествиях по отечеству.

Несомненно, увидеть в песне мировоззрение народа помогла Радищеву народная публицистика, которая была для него подлинным коллективным творчеством угнетенных масс. Манифесты Пугачева, выражавшие в наиболее острой форме надежды и чаяния народа, его характер, идеалы и его решимость в борьбе за отнятую вольность, обнажали политическую сторону фольклора, заставили отнестись к нему с особым вниманием и любовью. Поэзия народа, и прежде всего его песня, воссоздала перед Радищевым не только мир труда, моральную чистоту труженика, но и судьбу народа, его особый, неповторимый национальный склад. Песня пробуждала в Радищеве национальное чувство, воспитывала и развивала любовь к родине, к необозримо великой и прекрасной России. Но чем сильнее воздействовала на Радищева песня, тем острее была его боль за народ, пребывавший в рабстве и угнетении. Так поэзия угнетенных масс в свою очередь толкала на путь действия, на путь борьбы, на путь революции. Фольклор помогал писателю-революционеру изобразить народ как творческую, деятельную силу истории, сделать крепостных героями литературы.

Вводя образы крепостных в свое «Путешествие», Радищев подчеркивал прямую связь своего идеала с идеалом, созданным народом, своей эстетики — с русской песней. Для Радищева народ не абстрактная категория: перед его умственным взором стояли русские крестьяне, его соотечественники, «пленники в отечестве своем».

---

[1] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 171.

Оттого в «Путешествии» впервые была создана дорогая русскому сердцу поэтическая картина — мчится по бескрайней равнине почтовая тройка, ямщик, высоко сидя на облучке, поет свою грустную песню: «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную».

Радищев отметил впервые политическое значение поэзии народа: «Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа».

Песня и помогла Радищеву по-новому изобразить крестьян: сегодня они отягощены рабством, темны, забиты, но придет время — и обстоятельства изменятся, как это было в эпоху крестьянского восстания, возглавленного Пугачевым.

В ряде глав «Путешествия» рассказывается о судьбе русского народа, страдающего в невольничестве. Особые тяготы угнетенным приносили распродажа крепостных и рекрутчина. И обе главы, «Медное» и «Городня», повествующие об этих будничных бедствиях крепостного, начинаются с песен. В «Медном» водят печальный «хоровод молодые бабы и девки», поющие «Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла». Песня предшествует рассказу о варварском обычае продажи крепостных с молотка, она помогает читателю понять, почему в русских песнях «есть нечто, скорбь душевную означающее». Но та же песня, свидетельствуя о духовном богатстве народа, давала основание для оптимистического вывода о том, что свободы ожидать должно от самой тяжести порабощения.

В «Городне» ужас рекрутчины как подлинного народного бедствия прямо раскрыт через причитания, через народные плачи. Радищев-писатель сознательно, нарочно отступает, предоставляя слово самому народу, запечатлевшему в скорбных словах свое проклятие поработителям. Но причитания, передающие ужас и безмерную бедственность судьбы крепостного, оказываются в то же время неоценимым доказательством живого, творческого и духовно богатого начала в народе, которое, в свою очередь, есть прямое свидетельство его потенциальной энер-

гии, ждущей своего исхода, чтобы уничтожить ненавистный строй крепостничества. Из поэзии народа, передающей дух вольнолюбия и непримиримой ненависти к помещикам-мучителям, из политического понимания ее существа вырастает решительный призыв путешественника к революции. Веря в революцию, Радищев показывает в оде «Вольность», что еще нет обстоятельств, что еще не «пришла година» славной победы. Путешественник высказывает и свою и радищевскую мысль, что русская революция победит, победит непременно, но не сейчас, а в будущем. «Я зрю сквозь целое столетие», — говорит он вдохновенно.

На крыльях песни народа мчалась мечта Радищева навстречу будущему, вдохновляя на подвиг, на преодоление великих мучений, ожидающих его как первого «прорицателя вольности». И мечта Радищева не была фантазией — ее реальность, ее свершение в будущем покоились на самом твердом и реальном основании: историческом опыте народа, его неукротимом вольнолюбии, его беспрестанной, неослабевающей борьбе с дворянами, его твердом характере. А этот характер, так полно и поэтично отразившийся в фольклоре, был отлично понят Радищевым и раскрыт в «Путешествии» и в оде «Вольность».

Радищев показал, как велика общественная роль поэзии народа в идейном развитии тех лучших людей из дворян, которые порывают со своим классом, вставая на путь борьбы с крепостным правом. В главе «Клин» путешественник получает благословение тех, за чью свободу он уже готов отдать свою жизнь. Сближению путешественника с народом помогает песня. [1]

Создавая образ русского народа, Радищев использовал народно-поэтические мотивы, прежде всего русскую песню. Он был убежден, что песня, обнаруживая «образование души нашего народа», раскрывает его характер. Впервые в русской литературе эта тема воплощена в образе бескрайной дороги, по которой мчится тройка и под звон колокольчика поется заунывная песня ямщика. Позднее образ песни, дороги, птицы-тройки вновь возни-

[1] М. К. Азадовский, Фольклорная тема в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена, 1948, т. 67, стр. 71—78.

кает в стихах Пушкина, Лермонтова, в «Мертвых душах» Гоголя.

Пушкин закрепил и бесконечно углубил радищевское политическое понимание народного творчества. Он обращался прежде всего к поэзии народа угнетенного. Особо характерен его интерес к манифестам Пугачева и к песням о Разине. Ознакомившись с «возмутительными воззваниями Пугачева», Пушкин записал, что они «есть удивительный образец народного красноречия».[1] Далее Пушкин отметил их популярность, доходчивость, подлинную народность, их враждебность дворянской культуре. Другой вождь крестьянского восстания, Степан Разин, привлек пристальное внимание поэта, став для него самым поэтическим лицом в русской истории. На основе изучения народных песен Пушкин написал гениальные «Песни о Стеньке Разине». В своих стихах поэт, исходя из творческого опыта народа, из основ народной идеологии, как она выразилась в поэзии его борьбы, создает облик бунтаря и мстителя, передает мощную и притягательную силу вооруженной борьбы угнетенных.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев идейно осмыслил колоссальный опыт русского народа в его неустанной многовековой борьбе за свою свободу. Его мятежная книга — не только замечательный памятник личного мужества и героизма писателя, но и замечательный документ, засвидетельствовавший оформление в русском Просвещении революционного мировоззрения.

6

В течение XVIII столетия в европейской литературе складывался новый тип романа, вытеснивший роман авантюрный, рыцарский, галантный, плутовской. Ричардсон и Стерн в Англии, Гете в Германии и, главное, великий Руссо во Франции с двумя своими книгами, «Новой Элоизой» и «Исповедью», завершили эстетический переворот и создали психологический роман, в центре которого стояла индивидуально неповторимая личность.

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М. — Л., 1949, т. VIII, стр. 351.

Судьба личности, богатство чувствований, тонко и глубоко раскрытый мир ее психологической жизни, обнажение перед читателем тайного тайных сердца — вот что было открыто писателями нового века.

Роман о личности, утверждая внесословную ценность человека, родился в атмосфере великой антифеодальной битвы народов, битвы против сословных привилегий за свободу человека. Но поскольку это была битва за утверждение буржуазной свободы и она проходила под руководством буржуазии, которая свою идеологию, свою мораль сделала не только господствующей, но и объявила общечеловеческой, — складывавшемуся новому искусству, романам сентиментализма была свойственна ограниченность. Ограниченным оказался прежде всего идеал человека.

Протестуя против феодальных пут, сословного разделения, против неволи и угнетения, добиваясь желанной свободы, герой нового искусства, как правило, ограничивал свой протест задачей добывания свободы для себя, счастья для себя. Герой не выступал борцом против общественного строя в целом, против политической системы государства. Человек сентиментализма своего самоутверждения достигал не в сфере политической, общественной борьбы, не на арене классовых битв, но в замкнутом мире частного бытия. Дела семейные, дела своего очага, заботы, тревоги своего сердца отгораживали личность от большого мира, от больших интересов жизни: от народа и его судьбы. На этой основе и определился в XIX веке роман о молодом человеке, роман семейный, роман о трагедии индивидуальности. Оттого в большинстве европейских романов отсутствует народ, не показывается его жизнь, его борьба.

Особые условия исторического и социального развития России обусловили иной, отличный характер нараставшей в России антифеодальной борьбы (без участия в этой борьбе буржуазии). Они определили самобытные черты русской просветительской идеологии. Важнейшим достижением русской просветительской мысли было революционное мировоззрение Радищева. Революционные идеалы не могли не определить принципиально новый характер эстетики Радищева-писателя.

Новое проявилось и в структуре «Путешествия из Петербурга в Москву» как жанра. Сделать шаг вперед

Радищев мог, только прочно освоив достижения предшественников. А русская проза XVIII века — богатое явление не только историко-литературного, но и общественно-политического развития: она была носителем демократических традиций. Проза прежде всего противостояла дворянской поэтической культуре. В ту пору жанровое деление обозначало и резкую социальную дифференциацию. Господствовавшая поэзия дворянского классицизма была преимущественно ориентирована на изысканного дворянского читателя. Дворянская поэзия защищала интересы своего класса, воспитывала «благородное сословие» в духе кодекса дворянской чести. Правда, иногда она критиковала те или иные явления общественной и социальной жизни, но критиковала всегда со своих кастовых позиций, вынужденно считаясь с настроениями крепостных, проявлявших в ту пору с небывалой энергией желание сбросить с себя ярмо рабства. Дворянская поэзия рекомендовала некоторые уступки мужикам, чтобы не развязать, не обострить предельно их ненависть к помещикам.

Проза в XVIII веке обращалась к «среднему роду людей», к разночинной и передовой дворянской интеллигенции и даже к грамотному мужику. В 70—80-е годы писатели-прозаики создали довольно широкий круг читателей, русскую читающую публику. Белинский указывал, что честь создания читающей публики принадлежит просветителю Новикову, ибо именно он «распространил в обществе страсть к чтению». [1]

70—80-е годы XVIII века — расцвет русской прозы. Общественно-литературную жизнь начинает определять журналистика (в журналах господствует проза). В авангарде передовой литературы той поры идут просветители-прозаики Новиков и Фонвизин со своими резко обличительными сочинениями. В конце 80-х годов в ряды передовых писателей войдет Крылов — талантливейший ученик русских просветителей.

Общественная позиция независимости от правительства определяет характер творчества писателей-просветителей. Они создали литературу, враждебную культуре крепостников и самодержавной политике. О них, отстаивавших свою независимость, и сказал Пушкин: «Словес-

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 310.

ность отказывается за нею (Екатериною. — *Г. М.*) следовать, точно так же, как народ».[1]

В прозе 70—80-х годов XVIII века прочно утвердилась антикрепостническая тема. Писатели-просветители мужественно обличали политический режим екатерининского самовластия. В своих сочинениях Новиков, Фонвизин и Крылов смело пошли на сближение языка литературы с разговорной речью широких разночинных слоев. Более того, они сделали попытку демократизации прозы, органически включив в нее пословицы и поговорки «низкого состояния людей».

В прозе XVIII века стала складываться эстетика «действительной живописи», поэзия реальности, поэзия действительности, приуготовлявшая реализм. Реализм в прозе вырастал из сатирического отношения к действительности. Сатира мощно вела русскую литературу к критическому реализму. Творчество Новикова, Фонвизина и Крылова потому и сыграло значительную роль в развитии русской прозы.

Современный читатель, привыкший к роману и повести, рассказу и очерку, созданным литературой XIX века, не найдет в литературе XVIII века знакомых ему жанров. Даже романы Чулкова и Крылова, рассказы и повести Карамзина еще не приняли знакомую нам по XIX веку форму. Русская проза XVIII века началась с газеты, с ораторского «слова», с делового документа, с петровских указов и «предисловий» к различным книгам, объяснявших, например, причины и значение для России войны с Швецией и просветительских преобразований, с ломоносовских писем, проникнутых страстным патриотическим желанием обновления отечества. Вот почему для прозы XVIII века характерна публицистичность.

Распространенным в XVIII веке был жанр писем. У Ломоносова письма — образец научной прозы. «Письма из Франции» Фонвизина — это увлекательные путевые очерки в нашем современном понимании. Письма в «Живописце» у Новикова и в «Почте духов» у Крылова — условный литературно-сатирический жанр, первый пред-

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, 1949, т. VII, стр. 701.

вестник рассказов. «Письма русского путешественника» Карамзина — сочинение сентименталиста, использующего возможности эпистолярной формы для придания своему повествованию характера исповеди, интимной беседы с читателем о своих душевных переживаниях.

Сочинения Радищева в жанровом отношении более всего подготавливают творчество прозаиков XIX века. «Житие Федора Васильевича Ушакова» тяготеет к повести. «Путешествие из Петербурга в Москву» — первый опыт воспитательного романа.

В центре книги Радищева личность путешественника, его внутренний мир и духовная идейно-напряженная жизнь. Общественный, социальный характер эмоций — вот то главное отличие нравственной жизни радищевского героя от героев сентиментального искусства, которое определяет в известной мере и структуру книги. Путешественник не бежит из мира, не замыкается в своем очаге, а выходит на широкую дорогу, распахнув свое сердце народному горю, прижав к своей груди сочувственников, которых встречал на пути. Оттого в книге должны были сплетаться две темы: судьба личности и судьба народа; человек в гуще жизни, человек среди народа, постигающий горести и радости встреченных крепостных крестьян, приобщающийся к кругу волнующих их забот и интересов, и народ со всем своим горем, нищетой и во всем великолепии своей трудовой деятельности, своего духовного богатства, своего человеческого достоинства, свободолюбия. Естественной формой для такого произведения оказалось «путешествие». Органически оправданно во время путешествия человек попадает на эту большую дорогу жизни, свободно происходят его встречи с людьми различных сословий, он естественно и просто знакомится с народом.

«Путешествию» как жанру суждено было сыграть большую роль в формировании русского романа. «Чтобы узнать, что такое Россия *нынешняя,* — писал Гоголь, — нужно непременно по ней проездиться самому». Путешествие должно знакомить со всеми достопримечательностями городов и сел, а эти достопримечательности «не в архитектурных строениях и древностях, но в людях. Клянусь, человек стоит того, чтоб его рассматривать с бо̀льшим любопытством, нежели фабрику и развалину.

Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истинно братской любви к нему, и вы от него уже не оторветесь — так он станет для вас занимателен».

Гоголь настойчиво повторяет: «нужно самому узнавать, нужно проездиться по России». Путешественник встретит множество людей разных сословий, и каждый расскажет ему о себе и о жизни своего сословия. Приобретенное таким образом знание — особое знание, оно чудодейственно: у путешественника и читателя под влиянием его начинает падать «завеса» с глаз, перед ним предстает Россия подлинная, обнаружится «жизнь, взятая под углом ее нынешних запутанностей».[1]

Гоголь писал о пользе путешествия в 1845 году, то есть после окончания работы над первым томом «Мертвых душ». Нет сомнения, что та же мысль руководила писателем и в пору рождения замысла поэмы. Сюжет «Мертвых душ» держится на путешествии. И путешествует не только Чичиков, но, незримо для Павла Ивановича и всегда ощутимо и осязаемо для читателя, едет по Руси сам Гоголь. Это он встречает людей разных сословий, он познает жизнь «под углом ее запутанностей», раскрывая читателю Росию помещичью, Россию чиновную, Россию народную.

Самобытный характер романа «Мертвые души» очевиден. Но между ним и «Путешествием из Петербурга в Москву» исторически преемственная связь. Радищев нащупывал, искал, смело пробивался навстречу будущему. Гоголь написал гениальное произведение, опираясь уже на опыт всей предшествовавшей литературы, а среди предшественников его был Пушкин.

Заслуга Радищева — заслуга зачинателя; поднятый им на новую высоту жанр просветительского путешествия получил дальнейшее развитие. Стоит назвать лишь немногие, но характерные произведения, лежащие в этой традиции. Крупной удачей прозы 10-х годов XIX века были «Письма русского офицера» Федора Глинки. «Письма» — дневник путешественника, но путешественника особого, резко отличного от путешественников, узаконенных Стерном. «Письма» — исповедь патриота, рассказ о войне, о народе, о своей судьбе, слившейся с судьбой народной,

[1] Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VII, АН СССР, 1952, стр. 303, 304, 308.

о своих чувствах и мыслях, мыслях человека, уязвленного страданиями своего народа, бедствиями своей родины.

Декабристские убеждения созревали в огне Отечественной войны, в великом освободительном походе. Воспитание жизнью, могучая, неодолимая сила обстоятельств освободительной войны, сблизившая офицеров-дворян с воинами-крестьянами, позволившая увидеть в момент наивысшего напряжения нравственной жизни народа всю силу благородства и величия души трудящегося человека, именно человека, а не раба, каким он воспринимался дотоле, формировало и сознание и чувство дворян-патриотов. Нравственный облик вернувшейся из походов дворянской молодежи был резко отличен от облика не только их отцов, но даже их сверстников, братьев, друзей, живших в прежних условиях помещичьего быта.

Гениальность Грибоедова сказалась, в частности, в выборе исторически закономерной ситуации, организующей комедию: Чацкий приезжает в Москву после долгого отсутствия, возвращается из путешествия, путешествия особого (он участник Отечественной войны, выполнявший какие-то поручения за границей после ее окончания). За плечами Чацкого опыт великого «путешествия» освободительной войны, который и отделил его от Фамусова и противопоставил дворянской среде. Приезд в Москву и пребывание в доме Фамусова ограничивают место действия комедии. *Но приезд в Москву в сущности одна лишь станция путешествия, один момент испытания, частный случай столкновения со средой.* Позади долгие годы странствий: военный поход, пребывание в европейских странах, возвращение в Россию. Пребывание в Москве многому учит Чацкого, и зритель видит дальнейшее развитие его взглядов: Чацкий на наших глазах вырастает, становится сильнее, категоричнее, зорче. Он, наконец, разрывает с тем миром, в котором жил раньше, и бросает вызов всему ненавистному фамусовскому строю жизни. Бросив вызов, он вновь уезжает, и вновь он будет в гуще обстоятельств, и вновь путешествие, жизнь станут воспитывать и завершат воспитание Чацкого. Для понимания идейного замысла комедии важно, что Чацкий, показанный автором всего лишь на одном этапе своей жизни (возвращение на родину), в течение только одного дня раскрыт вместе с тем в *движении.* Зритель узнает всю предшествующую

жизнь героя, совпадающую с жизнью молодого поколения, догадывается о его дальнейшей судьбе. Герцен свою догадку выразил в одной фразе: «Чацкий — декабрист».

В романе Пушкина «Евгений Онегин» — новый пример использования путешествия в функции воспитателя героя. Онегин рос и обучался в Петербурге; неожиданное событие — смерть дяди — заставило его отправиться в деревню. Новые обстоятельства жизни, властно обступив юношу, неодолимо воздействовали на него. Став помещиком, он столкнулся впервые с необходимостью действовать. Раньше он сам оценивал действия других, осуждал или приветствовал их. Теперь предстояло самому решить, что, например, делать с крестьянами. Сложившиеся убеждения нашли свое применение на практике: тяжелая барщина была заменена «легким оброком». Изменились и отношения с окружающими помещиками. Недовольство соседей его реформами заставило определить свой взгляд на них. Так жизнь воспитывала на каждом шагу. После истории с Ленским — нелепо-бессмысленного и преступного убийства друга — Онегин, встревоженный и огорченный, уезжает из деревни.

По замыслу Пушкина, после событий в деревне должно было следовать путешествие Онегина. Путешествию отводилась целая глава. В состоянии недовольства собою, неприятия моральных законов окружающей его помещичьей среды, душевной тревоги он оказывается на большой дороге жизни — едет по России. Попадает он, в частности, в Москву. Путешественник Радищева расстался с читателем в селе Всесвятском. Чацкий въехал в древнюю столицу, Онегин вслед за Чацким посетил те же места и с тем же чувством неприязни, возмущения всем виденным уехал вон. Что было дальше с Чацким, мы не знаем. Онегин же поехал по Волге, через всю Россию, посетил Кавказ, затем повернул в Крым, добрался до Одессы и, наконец, вернулся в Петербург. Путешествие обновило Онегина.

Названные примеры свидетельствуют, что русская литература конца XVIII — начала XIX века широко использовала путешествие в функции воспитания героя. Писатели первой половины XIX века не прошли мимо радищевской книги, в которой впервые показана роль обстоятельств в воспитании характера, проявлен философский воспитательный смысл путешествия, показана

эволюция убеждений героя под влиянием меняющихся условий жизни. Раз достигнутое в искусстве не исчезает, оно органически усваивается последующей традицией, растворяется в последующих произведениях.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» видны зачатки будущего русского романа. Когда в первой трети XIX века шел бурный процесс сложения русского реализма, внутри которого роман уверенно начинал занимать ведущее положение, передовые писатели не прошли мимо книги, которую Пушкин назвал «сатирическим воззванием к возмущению». Когда народ властно вторгся в литературу, стал ее героем, радищевские открытия вдохновили многих писателей, и Пушкина в первую очередь. Когда передовая литература стала изображать положительного героя, то нельзя было не вспомнить первую попытку создать образ русского свободолюбца, «прорицателя вольности», попытку, героически осуществленную Радищевым.

Говорить обо всем этом не значит говорить о влиянии Радищева на того или иного писателя. Дело не во влиянии, а в установлении места Радищева в развитии русской реалистической литературы. Он — один из зачинателей. Многое им угадано, многое открыто, многое начато. Добытое им было обращено к будущему. Будущая литература и вобрала и впитала в себя идейный и эстетический опыт Радищева-писателя.

Особая роль в этом процессе принадлежала Пушкину. Основоположник новой русской литературы, Пушкин ощущал себя наследником, завершителем всего начатого до него. Не только творчество писателей начала 800-х годов, но вся литература XVIII столетия, лучшие образцы древней литературы, народные поговорки, сказки, песни, былины, пословицы — все прошло через его творческое сознание. Белинский, угадав особенность творчества Пушкина, начинал свой разговор о нем с обзора литературы XVIII века.

Радищев — гениальный мыслитель. Революционная мысль, определив его эстетику, позволила ему сделать новаторские открытия. Но художественный талант уступал силе его дарования мыслителя и политика. Выступая прозаиком и поэтом, как художник он добивался бо́льших результатов в поэзии. Пушкин был прав, заявляя, что

«Радищев писал лучше стихами, нежели прозой». Тут же Пушкин и объяснил причину этого: в поэзии были образцы — стихи Ломоносова, Хераскова, Державина. В прозе образцов было меньше, и приходилось идти по непроторенной дороге. Поэтому на «Путешествии» лежит, несомненно, печать исторической ограниченности, определяющая художественную несовершенность произведения.

Несовершенство сказалось и в композиции книги, и в характерах действующих лиц, и в образе главного героя — путешественника, и в языке. Несомненно, образ путешественника не получил своего законченного воплощения. И Радищев, видимо, ощущал это сам. Не случайно же он вернулся к рукописи уже после того, как она была приготовлена к печати и даже прошла цензуру. То новое, что было вписано в последний момент, углубляло характеристику путешественника, показывало его идейные искания с большей художественной силой.

Книга Радищева густо населена людьми. Читатель знакомится с десятками судеб людей разных сословий, возрастов, положений. Но часто отличаются персонажи друг от друга только внешне, чертами биографии. Неповторимость человеческой индивидуальности оставалась нераскрытой. Трудно увидеть отличие душевного склада даже у таких героев, как Крестьянкин, крестицкий дворянин, путешественник. Они по-разному решают вопрос о путях и методах исправления социального зла в обществе, но они *одинаково* благородны и похожи в своем благородстве друг на друга. Одинаковость их языка, тождественность их лексики только усиливают это ощущение.

Самый жанр «путешествия» еще находится в стадии становления. Он уже отличен от предшествовавшей традиции (географической и сентиментальной), но еще не переплавился в то новое, к чему тяготел, — в роман. Оттого и условность и схематизм в изображении душевной жизни героев; тезис о воздействии обстоятельств на характер человека решается часто прямолинейно, плоскостно; нередко мыслитель оттесняет художника. Многое поэтому писатель доказывает, а не показывает.

Не везде, наконец, художественно оправдала себя ориентация Радищева-писателя на широкое использование в литературном произведении церковнославянизмов. Много интересных наблюдений над языком «Пу-

тешествия» сделала современная исследовательница Н. Ю. Шведова.[1] Мне лишь хочется отметить, что нередко включение библеизмов в язык книги снижало художественный уровень повествования. Несомненно, как в оде «Вольность», так и в «Путешествии» Радищев сумел добиться с помощью славянизмов замечательных результатов в создании высокой гражданской, патетически взволнованной, ораторски вдохновенной речи. Совершенно очевидно, что в сознании Радищева, как и в сознании последующих поколений писателей (например, декабристов), славянская речь воспринималась как древнерусская. Широкое использование славянской лексики было в известной мере реакцией на практику дворянской литературы, открыто ориентировавшейся на французский язык, навязывавшей литературному языку многочисленные варваризмы вообще, галлицизмы в частности.

И все же даже в случаях создания образцов политической речи (исповедь Крестьянкина, наставление крестицкого дворянина, обращение путешественника к рекрутам и т. д.) мы сталкиваемся с примерами несомненного перенасыщения ее славянизмами. Но еще более очевидно это излишество в бытовых сценах.

Многие эпизоды, а иногда и целые главы книги писаны рукою мастера, на отличном русском языке, с свободным использованием просторечия. Таковы, например, описание крестьянской избы в главе «Пешки», дома купца в главе «Новгород», разговор с Анютой в главе «Едрово». Глава «Едрово», в частности, открывается описанием «сельских красавиц» — крестьянок, полощущих на реке белье. «Все они были в праздничной одежде, шеи голые, ноги босые, локти наруже, платье заткнутое спереди за пояс, рубахи белые, взоры веселые, здоровье на щеках начертанное...» В таком стиле написана вся глава. Тем отчетливее звучит неоправданное включение в это описание славянизмов. А первые строки главы начинаются так: «Доехав до жилья, я вышел из кибитки. Неподалеку от дороги над водою стояло много баб и девок. Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угас-

---

[1] «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», АН СССР, 1952, т. II. Об этом см. также главу четвертую настоящей работы.

шая, по обыкшему ее стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц». Точно так же стилистически не оправданы вторжения славянизмов в беседу путешественника с Анютой: «Не будешь ты окружена соглядателями, в сети пагубы уловить тебя стрегущими, — говорит путешественник крестьянской девушке. — Не будет слух сердечного друга твоего уязвлен прельщающим гласом...» Подобное насыщение стилистически-бытовой речи архаизмами (*стопы, сии, пагубы, глас* и т. д.) утяжеляло фразы, лишало их естественности, ясности.

Никто из писателей первой трети XIX века с таким вниманием, с таким тщанием не изучал наследие своих предшественников, никто так глубоко не понимал место каждого изучаемого им писателя в истории литературы, как Пушкин. И никто, как Пушкин, так свободно не черпал из сокровищницы прошлого, никто так не умел находить новое, часто еще несовершенное, но уже открытое и обещавшее дальнейшее развитие, никто не умел так свободно вбирать в себя опыт предшественников и строить на этом основании новое.

Радищевым Пушкин занимался всю жизнь. Для него Радищев — живая, нужная ему писательская индивидуальность; его литературное наследие, его мысль, его политическая позиция, его эстетическое новаторство или принимались Пушкиным, или отвергались, или отстаивались в споре. *Все лучшее, созданное Радищевым-писателем, все открытое им вошло прежде всего в творческое сознание Пушкина, умерло в нем для того, чтобы обрести новую жизнь на высшей ступени эстетического развития.* Для Пушкина Радищев — один из завершителей XVIII века, его великий итог. Сам же Пушкин, в новых исторических условиях, выступил родоначальником и зачинателем новых традиций уже для последующих поколений русских писателей.

7

В 1789 году Радищев оборудует у себя дома маленькую типографию. Вместе с друзьями своими, сослуживцами по таможне, он трудился над печатанием последнего и главного своего детища — «Путешествия из Петербурга в Москву». К маю 1790 года книга была готова.

Отпечатали почти шестьсот пятьдесят экземпляров. «Письмо к другу» — первенец типографии — было уже пущено в продажу. Ранее изданное «Житие Федора Васильевича Ушакова» вызвало переполох в столице. А. М. Кутузов в одном письме рассказал, как встречена была эта книга в консервативных дворянских кругах. В «Житии Федора Васильевича Ушакова», пишет он, автор «изъяснялся живо и свободно, со смелостию, на которую во многих землях смотрят как будто бы на странную метеору... Книга наделала много шуму. Начали кричать: «какая дерзость, позволительно ли говорить так!» и проч. и проч. Но как свыше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и беспристрастные люди, отдававшие справедливость сочинителю». [1] На «беспристрастных» и рассчитывал Радищев, желая сделать из них «зрителей без очков», презирая всей душой «громко кричавших». Как-то встретят теперь его «Путешествие»? Шуметь явно будут еще больше. Очевидно, что Екатерина, прочтя «Путешествие», не станет молчать. Радищев отлично понимал, чего можно ждать от разгневанной императрицы.

Первые двадцать пять экземпляров книги Радищев вручил знакомому книгопродавцу Г. К. Зотову. Через несколько дней в Гостином дворе в лавке № 14 по Суконной линии начали продавать «Путешествие из Петербурга в Москву». Несколько книг Радищев разослал знакомым и друзьям. Среди других «Путешествие» получил Державин. [2] К концу месяца первая партия книг, переданных Зотову, была распродана. По городу пошел слух, что в Гостином дворе продается какое-то «Путешествие», в котором царям грозят плахою. Зотов прибежал к Радищеву, требуя новых экземпляров.

Тем временем книга дошла до Екатерины. Чьи-то услужливые руки положили «Путешествие» на стол императрицы. Прочитав его, Екатерина пришла в величайшую ярость. Ее статс-секретарь Храповицкий 26 июня 1790 года записал в своем дневнике: «Говорено о книге «Путешествие от Петербурга в Москву». Тут рассевание

---

[1] Я. Л. Барсков, Переписка московских масонов XVIII века, П., 1915, стр. 65, 66.

[2] П. Н. Берков «Кому подарил Радищев экземпляры «Путешествия» — «Радищев. Статьи и материалы», ЛГУ, 1950.

заразы французской: отвращение от начальства... Открывается подозрение на Радищева».[1] Немедленно был дан приказ сыскать сочинителя. Воронцова, как начальника Радищева, предупредили. Тот незамедлительно оповестил Радищева. Стало ясно: надо готовиться к расплате. Радищев уничтожает все бумаги, сжигает тираж книги, спокойно ждет ареста. Беспокоила лишь дума о детях. Их судьба мучила и огорчала. Жена, Анна Васильевна, умерла в 1783 году. Детей он воспитывал сам. Помогала сестра жены, Елизавета Васильевна Рубановская. Что будет с детьми теперь, когда они осиротеют совсем? На кого он оставит их?

26 июня был арестован книгопродавец Зотов. Наступал черед Радищева. 30 июня в девять часов утра к нему прибыл подполковник Горемыкин с ордером на арест. Радищев был передан в руки начальника тайной ее императорского величества канцелярии Шешковского, прозванного «кнутобойцем». Прямо из дома Радищева увезли в Петропавловскую крепость.

А тем временем Екатерина продолжала читать и перечитывать ненавистное «Путешествие», испещряя его своими заметками и вопросами. Следствие по делу о сочинителе «пагубной книги» она вела сама. Чем дальше читала она сочинение Радищева, тем яснее становилось императрице, что перед ней неслыханная по своей дерзости, беспримерная не только в России, но и во всем свете книга, в которой воспевалась крестьянская революция. Подавив пугачевское возмущение, Екатерина надеялась, что навсегда покончила с «бунтовской заразой». Вспыхнувшая затем война в Америке, начавшаяся революция во Франции не очень волновали ее: она была убеждена, что в России такого быть не может. И вдруг нашелся человек, который в столице ее империи печатает и продает книгу, призывающую народ к мятежу. С раздражением Екатерина отмечала, что «автор с редкою смелостию» говорит о царях и грозит им плахой. В конце книги она отметила самую главную мысль: «Свободы не от советов великих отчинников ожидать должно, но от

---

[1] «Дневник А. В. Храповицкого 1782—1793 гг.», СПБ., 1874, стр. 338.

самой тяжести порабощения». С содроганием вспомнив недавнее восстание Пугачева, написала на полях: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков».

Пометки и замечания Екатерины послужили основанием сначала для вопросов арестованному Радищеву, а затем для приговора. Храповицкий записал 7 июля: «Примечания на книгу Рдщв. ⟨Радищева⟩ посланы к Шешковскому. Сказывать изволила, что он бунтовщик хуже Пугачева».[1] Следствие шло две недели. От Радищева добивались сведений о сообщниках, подозревая его в организации заговора. Ему задавали вопросы: почему написал книгу, зачем грозил царю, отчего надежду полагал на бунт от мужиков.

Отрекаться в авторстве было бессмысленно. Отвечая на вопросы, он действовал осторожно, тонко, умно, а подчас и иронически, обнаруживая полное присутствие духа. Он и здесь, в заточении, в крепости, вел борьбу, борьбу за свою жизнь, не желая дешево отдать ее ненавистной власти.

На вопрос, зачем писал книгу, Радищев, притворившись простачком, заявлял: «Хотел прослыть писателем». Екатерина не заметила тонкости этого тактического хода: ведь «Путешествие» было издано анонимно. Спрашивали: откуда взялась мысль сочинить столь возмутительную книгу. Радищев иронически отвечал: решил подражать французскому писателю Рейналю и англичанину Стерну. Ирония ответа таилась в намеке: ведь это Екатерина популяризировала французских просветителей, она «перекраивала на свой салтык» Стерна. Ну вот, издевался Радищев, мое преступление и состоит всего лишь в том, что последовал высочайшему примеру. Но когда разгневанные палачи припирали Радищева к стенке и, цитируя его революционные призывы, спрашивали: «Что разумеете под словами «и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения», он отвечал: писал потому, что «сожалел о участи крестьянского жребия». А в общем теперь понимает, что поступал дерзновенно. На вопрос: в каком смысле и кем сочинена ода «Вольность», «явно и ясно бунтовская, где царям грозите плахою», твердо отвечал: сочинил он, а далее, обходя вопрос о содержании ее (нельзя же было, в самом деле, говорить

---

[1] «Дневник А. В. Храповицкого», стр. 340.

о том, что хотел возвести Екатерину на плаху), писал: «Теперь вижу ясно, сколь много в ней безумного, пагубного». И так поступал он до конца. На вопросы, от которых было не уйти, он отвечал: «Теперь понимаю, что ошибался».

Не добившись признания и не сломив духа мятежника, Екатерина повелела судить его, указав, что ожидает от судей «справедливого приговора» — смертной казни. Угодливые чиновники из Уголовной палаты поспешили исполнить высочайшее повеление. Екатерина решила наказать «возмутителя» со всей жестокостью, чтобы это было примером для других.

Радищев ожидал утверждения приговора. Потребовав бумаги, он написал завещание — последнее наставление «возлюбленным» своим детям, начав его роковым словом «Свершилося!» И опять беспримерная твердость духа в каждом слове завещания. Он дает наставления, последние деловые распоряжения по дому, последние указания о воспитании детей, заботясь об их судьбе. Ему захотелось в последний раз «побеседовать с детьми», открыть «им излучины своего сердца», объяснить свою жизнь, наставить в твердости, передать правила жизни. Сидя в крепости, он начал писать повесть своей жизни, внешне прикрыв ее автобиографизм формальным использованием жития святого Филарета Милостивого. [1]

26 июля 1790 года Сенат утвердил приговор Уголовной палаты. Дело Радищева было передано Екатерине. Императрица, торопившая расправу над бунтовщиком, задержала подписание приговора на две недели. Она внимательно присматривалась к тому, что происходило в обществе. Время было грозное: во Франции бушевала революция, в России было неспокойно в связи с неудачной войной со Швецией, оппозиционные круги столичного дворянства довольно открыто высказывали свое возмущение жестоким приговором Радищеву. За книгу, к тому же разрешенную цензурой, — смертная казнь! Приговор по своей жестокости был беспримерным. Не принимая революционные идеи автора, многие дворянские деятели не одобряли решения деспотического монарха. Екатерина,

[1] Я. Л. Барсков первым использовал повесть для построения биографии Радищева. См. его статью «А. Н. Радищев. Жизнь и личность» — «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», «Academia», 1935, т. II.

решив не раздражать общественность и в то же время пожелав проявить демонстративный либерализм, издает 4 сентября именной указ Сенату о замене Радищеву смертной казни ссылкой в Илимск. Расчет был прост: с одной стороны, сделать жест и помиловать, с другой — сослать в далекую Сибирь «на безысходное десятилетнее пребывание», на скорую и верную гибель. Закованный в кандалы, одетый в «гнусную нагольную шубу», Радищев отправился по этапу. Предстояло пройти 6788 верст.

Замысел Екатерины дальностью и тяжестью пути в Сибирь сломить Радищева не осуществился. И главным образом благодаря вмешательству влиятельного вельможи графа А. Р. Воронцова, глубоко уважавшего и ценившего Радищева. Он добился от Екатерины приказа снять кандалы с Радищева (были сняты в Новгороде), а затем на всем протяжении пути и во время пребывания в Илимске много и сердечно помогал Радищеву. Благодаря этому жизнь в ссылке оказалась сносной.

В понимании Радищева жить — значило действовать, работать. Вне деятельности он не мог существовать. Живя в ссылке, он ищет и находит способы и пути многообразной деятельности. Прежде всего, связанный с Воронцовым, благодарный ему за помощь, он выполняет для него целый ряд важнейших государственных поручений. Он изучает Сибирь, ее промыслы, экономику, быт крестьян, сочиняет для Воронцова специальный трактат «Письмо о китайском торге» и т. д. В письмах Воронцову он сообщает множество ценных наблюдений над хозяйственным укладом сибирских крестьян, дает советы по поводу административного управления Сибирью, делится своими соображениями относительно экспедиции по Северному морскому пути, вдоль берегов Сибири, веруя, что Северный путь принесет возрождение краю.

Но такими делами Радищев не мог удовлетвориться. Как в Петербурге служба не была главным занятием, так и здесь выполнение поручений Воронцова означало лишь исполнение долга. Решающее значение имела для Радищева общественная деятельность. И, пребывая в Илимске, насильно изъятый из русского общества, подвергшийся преследованиям и гонениям, он ищет путей для возвращения к прерванной деятельности. Не смирившись, он и здесь начинает единоборство с «самовластительным зло-

деем». В судебном определении Сената специально были приняты меры для пресечения его литературной работы. «Заклепав в кандалы, — писалось там, — сослать в каторжную работу, но не в Кронштадт, куда... преступников отсылать повелено, а в Нерчинск, для того дабы таковым его удалением отъять у него способ к подобным сему предприятиям». Как бы в ответ на приговор Радищев немедленно, через двенадцать дней по приезде в Илимск, садится за новое большое философское и общественно-политическое сочинение, которое назвал: «О человеке, о его смертности и бессмертии».

В условиях полной изоляции Радищев вновь возвращается к решению проблем, поднятых русской общественной мыслью в 80-е годы. Тем самым он продолжал свою прежнюю литературную деятельность. Как «Путешествие» помогало передовым деятелям русской культуры изживать просветительские иллюзии, так сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии» подводило итог философским спорам 80-х годов, помогало формированию новой морали, открывавшей перед человеком путь общественно активной гражданской деятельности на благо угнетенного народа.

Создание новой этики означало объявление войны господствующей религиозно-христианской морали. В основе религии, как известно, лежат два догмата: признание бытия бога-миротворителя и бессмертие души. Религиозная мораль была подчинена церковью интересам дворянства и монархии. Догмат о бессмертии души оказывался могучим орудием в руках власти, при помощи которого народы держались в повиновении. Он духовно разоружал народ, одурачивал, приучал к покорности, к пренебрежению интересами земной жизни.

Идеологи Просвещения, борясь с феодально-религиозными догматами и системами, державшими в рабстве миллионы людей, разоблачали реакционную сущность доктрины бессмертия души, проповеди загробной жизни. Вот почему проблема бессмертия разрабатывалась и Гольбахом, и Гельвецием, и Вольтером. Но, штурмуя и ниспровергая религиозную проповедь бессмертия души, французские просветители стремились идею о бессмертии переосмыслить и в новом виде внести в свое учение о нравственности. Старая идея бессмертия трактовалась

по-новому: вместо покорности на земле во имя блаженства в загробном существовании — активная, деятельная, направленная на общее благо жизнь на земле; в этой деятельности истинное счастье человека, она-то и обеспечивает ему бессмертие в потомстве. Бессмертие как побудительный стимул нравственности осталось, но появилось новое определение смысла бессмертия — не *загробная жизнь,* а *память потомства.*

В России с развернутым учением о бессмертии как двигателе новой нравственности первым выступил Новиков. Его учение, изложенное на страницах «Утреннего света» и «Московского издания», было направлено против официальной религиозной доктрины. Новиковское учение о бессмертии души противостояло не только церковной доктрине, но и масонской идее бессмертия, окрашенной мистицизмом. Характерно, что с опровержением новиковской точки зрения выступил масон-мистик Шварц и в специальном курсе лекций и в своем журнале «Вечерняя заря», где полемизировал с Новиковым. Начиная с «Утреннего света», в русских журналах последних десятилетий века непрерывно обсуждаются проблемы бессмертия, развивается борьба разных политических точек зрения. Завершением этой философской борьбы и явился радищевский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Вне учета того, что трактату предшествовала долгая борьба, и прежде всего борьба новиковской практической точки зрения со шварцевской масонско-мистической и церковно-религиозной, нельзя правильно понять политическую направленность философского выступления Радищева.

Радищев в основах своего мышления материалист. Материалистический характер философских убеждений Радищева определил его эстетику. Все произведения, написанные до ссылки, утверждают примат материального, объективного мира над духовной жизнью, сознанием человека. Радищев уже в «Дневнике одной недели», самом раннем своем произведении, писал о человеке: «Ты и рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе». В «Житии Федора Васильевича Ушакова» и особенно в «Путешествии из Петербурга в Москву» материалистическое мышление Радищева-философа проявляется с необыкновенной силой, обогащая художественное

зрение и опыт Радищева-писателя. Сочинение, написанное в ссылке, — «О человеке, о его смертности и бессмертии», представляет собою развернутое обоснование материализма как единственного мировоззрения, дающего человеку мощное оружие познания природы, общества и себя самого.

Сочинение Радищева носило воинствующий характер: автор обрушивался на многочисленные идеалистические системы, громил масонские «бредоумствования», смело разоблачал религиозно-церковные представления о природе и человеке. Основной философский вопрос Радищев решал как материалист. «Бытие вещей, — писал он, — независимо от силы познания о них и существует по себе». Он указывал, что мозг является материальным органом мысли. Здесь же он развил тезис о познаваемости мира человеком, категорически отверг учение о врожденных идеях и реакционно-идеалистическую теорию витализма. Развивая идею изменения природы, вскрывая влияние окружающей среды на развитие организма, Радищев, однако, оставался метафизическим, антидиалектическим материалистом. Он писал: «Шествие природы есть тихо, неприметно и постепенно». Данью исторической ограниченности были и деистические взгляды Радищева. Но философские сочинения свидетельствуют, что он не только овладел величайшими достижениями естественных наук XVIII века и освоил материализм Гельвеция, Гольбаха и Дидро, но и обогатил материализм, внес в него новое, решительно выступив против созерцательности философии. [1] Радищев впервые привнес в теоретическую разработку коренных проблем материализма революционную идею, основные философские вопросы решал с революционных позиций. Этим радищевский материализм отличался от материализма французских энциклопедистов, бывших сторонниками мирных способов социального преобразования и возлагавших надежды на просвещенного монарха. Радищев, как революционер, не только видел зависимость человека от окружающих обстоятельств, но и право человека изменить эти обстоятельства насильственным путем.

---

[1] О философских взглядах Радищева см.: М. А. Горбунов, Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева, М., 1949; И. Я. Щипанов, Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева — «Из истории русской философии», М., 1951.

В Сибири Радищев вновь обратился к русской истории. Проверяя свои взгляды опытом истории отечества, опытом русских народных движений, Радищев обратил внимание на историческую фигуру Ермака. Он стал изучать различные материалы о нем, внимательно прочел «Описание Сибирского царства» Г. Миллера, собирал народные песни и предания о Ермаке. Итогом большой работы явилось замечательное произведение — «Слово о Ермаке». [1]

Внимательно и любовно воссоздает Радищев историю Ермака и его сподвижников. Они — казаки, а «на российском говорят по просторечию про кого-либо: *вольный казак,* кто живет в независимости». Иван IV посчитал независимых людей бунтовщиками, так как «они самовластию его не покорялися», и повелел жестоко с ними расправиться. Против бунтовщиков были снаряжены экспедиции, на Дону и Волге начались кровопролитные сражения, всюду разыскивали, ловили непокорных казаков, «а всех попадавшихся в полон или как-либо захваченных казнили смертию». Так казаки, объединенные Ермаком Тимофеевым, оказались вынужденными уйти в края неизвестные, чтобы «скрыться от мщения российского самодержца».

И вот в новых сибирских землях появились «частные люди» — казаки, вольные люди, некогда гулявшие по Волге, возмутители, «смелые и добродетельные», «верные к своему братству». Они начали новую жизнь. Сибирская земля была под властью «пришельца и завоевателя» Кучума. Легко можно было грабежами и набегами обеспечить себе пропитание. Но казаки не были грабителями. Объединенные братством под руководством Ермака, они начали великое и благородное дело — изгнание «пришельца» и его орды. «Но сколь ни благоприятствовали обстоятельства Ермаку в его завоеваниях, — пишет Радищев, — надлежит справедливость отдать ему и его товарищам, что неустрашимость, расторопность, твердость в преследовании предприятого намерения были им свойственные качества».

[1] До сих пор это произведение печаталось под названием «Сокращенное повествование о приобретении Сибири». Заглавие принадлежит не Радищеву, а редактору сочинений Радищева, изданных его сыновьями в 1806—1811 гг. Объяснение нового заглавия см. в издании: А. Н. Радищев, Избранные сочинения, Гослитиздат, М., 1952, стр. 642—643.

Поход требовал не только высоких моральных качеств, но и умелой организации дела. Нужно было создавать постоянно действующие отряды, обеспечивать войска оружием, продовольствием, выдвигать военачальников, определять ход боевых действий, разрабатывать тактику. И деятели, выдвинувшиеся из среды мятежников и «возмутителей», отлично справились с новым для них делом. Как истинные сыны отечества, они действовали отлично от царских чиновников, ибо были «других о себе мыслей и права угнетения лишенны».

В результате умелых действий Ермак победил Кучума, «принудил его удалиться бегством», овладел ханской столицей, а затем, разбив татарское войско под предводительством Маметкула, он увидел «себя обладателем весьма пространныя области». Наступила пора создавать управление в завоеванных областях — дело трудное и неведомое простым казакам. Область, попавшая в подчинение Ермаку, к тому же день ото дня все расширялась, ибо «слава подвигов казацких и ужас их оружия привлек в подданство им народы отдаленные». «Покоряющихся принял Ермак благосклонно, стараясь утвердить мягкосердием то, что приобрел жестокостию, и на место боязни старался водворить повиновение непринужденное».

В новых областях приходилось устанавливать новую власть, народам надо было давать «постановления и учреждения». Радищев писал: «Подданным своим он, кажется, оставлял полную свободу жить попрежнему, не стесняя их свободы ни в чем, довольствуясь тем, что обязал их в верном подданстве присягою и налагал на них дань, которая большею частию состояла в соболях... Малая часть дани состоять могла в съестных припасах».

Завоевав Сибирь, изгнав «пришельца» Кучума, подчинив себе огромные пространства сибирских земель, населенных многими народами, казаки вступили в переговоры с русским царем. Переговоры вели две равно договаривающиеся стороны: «частные люди», «бывшие мятежники», «скрывшиеся от мщения российского самодержца», ныне овеянные славой своих героических походов и патриотических дел, с одной стороны, и Иван Грозный — с другой. Радищев подчеркивает это равенство. Говоря о том, как Ермак послал к Ивану IV своего атамана Ивана Кольцова с пятьюдесятью казаками, он пишет, что они

повезли ему «отписку», то есть письмо от Ермака, а не «челобитную», как писал царский летописец и следующий за ним историк Миллер.

Переговоры увенчались полным успехом: «Кольцов принят был с отменною от царя ласкою», и царь согласился оставить Ермака во главе завоеванных им земель.

Таково содержание важного в радищевском наследии сочинения. Проблематика «Слова о Ермаке» во многом перекликалась с «Путешествием из Петербурга в Москву». Из опыта народных движений, который внимательно изучал Радищев, и вытекал его знаменитый вывод об основных национальных чертах русского народа: «Но здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский. И если бы место было здесь на рассуждение, то бы показать можно было, что предприимчивость и ненарушимость в последовании предприятого есть и была первою причиною к успехам россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного сии качества в них не воздремали. О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!»

В «Путешествии» эта мысль была гениальной догадкой, страстной мечтой. В «Слове о Ермаке» — глубокой верой, утвержденной реальным опытом русских народных движений. Революция будет, потому что неминуемо ее породит «тяжесть порабощения». Она будет победоносной, преображающей облик отечества, потому что ее совершит народ, который свои замечательные качества и черты характера — «твердость в предприятиях», «неутомимость в исполнении» — непременно и обязательно обратит со временем, когда «придет година», на снискание «блаженства общественного».

По мысли Радищева, народ не только завоюет свою свободу, но и восстановит то, что было у него когда-то отнято. В «Слове о Ермаке» Радищев изложил свою мысль, что вольность русскому народу «сосущественна». Решительно отвергая вздорную идею о том, что «гражданская вольность» была завезена из Европы, Радищев пишет: «Вечевой колокол, палладиум вольности новогородской, и собрание народа, об общих нуждах судящего,

кажется быть нечто в России древнее и роду славянскому сосущественно с того, может быть, даже времени... как славяне начали жить в городах».

Совершенно очевидна связь радищевских мыслей с воззрением декабристов на русскую историю, с их героизацией Новгорода, с их пропагандой мысли об антинародности самодержавия. Несомненно также прямое влияние «Слова о Ермаке» на Рылеева, создавшего вслед за Радищевым замечательную думу о народном вожде — «Смерть Ермака».

* * *

6 ноября 1796 года умерла Екатерина II. Вступивший на престол ее сын, Павел I, люто ненавидевший свою мать, принялся отменять ее решения, преследовать ее любимцев, миловать тех, кого она преследовала. В этих условиях оказалось возможным ходатайствовать о смягчении судьбы двух русских просветителей. В начале ноября 1796 года из Шлиссельбургской крепости был выпущен Новиков, а 23 ноября из Петербурга отправлен был указ о возвращении Радищева из Илимска. Только 16 января 1797 года дошла до Илимска весть об освобождении. Радищев немедленно двинулся в путь. В июле 1797 года он прибыл в Немцово, в отцовское имение под Москвой, где ему приказали поселиться. Здесь писатель проводит четыре года. Пребывание в Немцове было продолжением ссылки. Радищев находился под наблюдением полиции, ему был запрещен выезд из деревни, за его поведением следили десятки чиновников, донося обо всем императору Павлу. Радищев с головой уходит в работу. Вновь занимается историей, экономикой, литературой. В то же время он возвращается к поэзии: пишет «повесть богатырскую стихами» — «Бова»; вдохновленный «Словом о полку Игореве», только что найденным и опубликованным в 1800 году, он приступает к работе над поэмой «Песни, петые на состязаниях». Здесь же он готовит историко-литературное сочинение «Памятник дактилохореическому витязю».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

После оды «Вольность» Радищев надолго занялся прозой. Но с конца 90-х годов поэзия вновь станет в центре его внимания. Лирика и большие эпические произведения, политические стихи и сатирическая поэма — таков разнообразный круг творческих интересов Радищева.

Ссылка в Сибирь не убила живую душу поэта. Мужественный мыслитель не отказался от своих убеждений, не изменил своим политическим взглядам. И после Сибири он попрежнему оставался на позициях оды «Вольность» и «Путешествия из Петербурга в Москву». Воспитываемый обстоятельствами, он рос и мужал как человек и мыслитель, его мировоззрение закалялось в испытаниях, а революционная мысль, вторгаясь в разные области истории, философии и поэзии, одерживала все новые и новые победы.

Ведущее место в литературном наследии последнего периода жизни Радищева занимают стихи. Изданные в первом томе Собрания оставшихся сочинений покойного А. Н. Радищева (вышел в 1807 г.) и оказавшиеся доступными для широкого круга читателей, эти стихи были усвоены и восприняты представителями самой передовой литературы эпохи — просветителями и революционерами нового, XIX века.

Теоретические взгляды Радищева на поэзию, его мысли о дальнейших путях развития русского стихотворства нашли свое выражение в специальном сочинении

«Памятник дактилохореическому витязю», написанном в 1801 году, где он продолжал свои разыскания в области теории русского стихосложения, начатые еще во время написания «Путешествия из Петербурга в Москву». В главе «Тверь» Радищев впервые написал о поэтических достижениях Ломоносова и Тредиаковского.

Пушкин, внимательно читавший «Памятник», высоко ценя радищевский анализ поэмы Тредиаковского, отмечал: «Его изучения «Тилемахиды» замечательны». В 1735 году своим сочинением «Краткий и новый способ к сложению стихов российских» Тредиаковский положил начало важнейшей реформе — переходу на силлабо-тоническое стихосложение. Главное и основное в реформе, несомненно, ее национальная обусловленность. Тредиаковский писал: «Поэзия нашего простого народа к сему меня довела». Начатая реформа была подхвачена и гениально осуществлена Ломоносовым. Радищев, по определению Пушкина, — «нововводитель в душе», продолжая дело своих предшественников, высказывал и в «Путешествии» и в «Памятнике» убеждение, что поэзии необходимо разнообразие метров, что рифма необязательна.

Опираясь на опыт Тредиаковского, Радищев изучает белый стих в русской поэзии. Интерес Радищева к белому стиху был исторически оправданным. О значении белого стиха станут много писать в 10—20-х годах. Отстаивание белого стиха Радищевым было сочувственно оценено Пушкиным. Вслед за Радищевым поэт писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало». [1]

В «Памятнике» Радищев рассказал о своих наблюдениях над звуковой организацией стиха. Радищев первый с такой полнотой, тщательностью и искусством показал, какое важное значение имеет в стихе звуковой образ, обратил внимание поэтов на значение ассонансов и аллитерации.

Теоретические требования, высказанные в «Памятнике», Радищев осуществил в своих поэтических опытах последнего периода. Так, все поэмы и стихотворение «Журавли» написаны русским безрифменным стихом. Антич-

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М. — Л., 1949, т. VII, стр. 298.

ным размером (элегическое двустишие) — «Осмнадцатое столетие». Поэма «Песни, петые на состязаниях» — образец соединения различных размеров в одном произведении.

«Памятник», законченный в 1801 году, посвящен не только стихосложению, но и актуальным, насущным проблемам литературного развития. «Памятник» — не академический трактат по стиховедению, но сатирическое художественное произведение, что необходимо иметь в виду при анализе его содержания.

Возникший в эпоху господства карамзинизма, «Памятник» направлен против модного течения, а своим позитивным содержанием он прокладывал новые пути развития национальной русской литературы вообще, и поэзии в частности. Сочинение состоит как бы из двух частей: первая включает в себя предисловие и четыре главы; вторая — главу шестую — «Апология «Тилимахиды» и шестистопов» (пятая глава или не была написана Радищевым, или не издана его сыновьями). В сочинении соответственно развиваются две основные темы: в первой части в центре внимания Радищева проблемы стиля, во второй — проблемы стиха. Замысел определен автором уже в предисловии как намерение показать, что «Тилимахида»: а) «на что-нибудь годится», б) «ни на что не годится».

Полемичность «Памятника» определила его сатирический характер. Возрождая лучшие традиции русской просветительской сатиры, Радищев для осуществления своего замысла берет известные читателю замечательные образы Новикова — Фалелей (в «Живописце» Фалалей), Фонвизина — Простяковы (в «Недоросле» Простаковы) и как бы продолжает историю жизни семьи Простаковых в новых исторических условиях. Простяковы, оказывается, благополучно избегли опски, продали свое имение, перебрались в Копорье, под Петербургом, купили мызу Наренгоф («Мыза дураков», от немецкого Narr — дурак), где и доживали свой век. Характерна радищевская деталь — соседи Простяковых, помещики Копорья, отличаются еще большей жестокостью в обращении со своими крепостными, чем Скотинин. Узнав это, Простякова сочла себя обиженной за их несправедливое «оглашение». Жестокость помещиков Копорья прикрыта совершенно

новыми формами обращения с крестьянами, так называемыми «новыми обрядами», которые со всей поспешностью стали перенимать и Простяковы. Так строится первый сатирический план — социальный: в России попрежнему живут, хозяйничают и процветают помещики Простяковы, научившиеся совершенно безнаказанно мучить своих крестьян по «новым обрядам».

История с переездом Простяковых в Прибалтику полна острых политических намеков, которые выводят произведение за рамки специального трактата по стиховедению. В изображении жизни Простяковых в Прибалтике перед читателями появляется знакомый им писатель — революционер, ненавистник рабства и самодержавия. В чем же смысл политического намека Радищева?

Екатерина, проводя политику усиления самодержавной власти, шаг за шагом уничтожала остзейскую автономию. В ходе борьбы с остзейскими помещиками-баронами Екатерина ликвидировала многие их феодальные привилегии. Под прямым нажимом правительства в 1765 году ландтаг принял постановление, которым ограничивалась власть помещиков, вводились нормированная барщина и оброк. Впоследствии Екатерина даровала прибалтийским крепостным право судиться со своими помещиками. Но чем больше вмешивалось правительство в отношения прибалтийских баронов со своими крестьянами, тем сильнее росло сопротивление крепостников, искавших всяческих путей и средств восстановить свои прежние привилегии.

Недовольные бароны стали подавать правительству один проект за другим. И все же даже в период оголтелой реакционной политики Екатерины в 90-е годы баронам не удалось добиться от правительства никаких уступок. Но то, что не удалось при Екатерине, оказалось возможным осуществить при Павле. Указом 28 ноября 1796 года Павел восстановил остзейскую автономию. Крестьянство вновь попало под власть свирепых рабовладельцев — власть, теперь уже ничем не ограниченную. [1]

---

[1] См. об этом подробнее в книге Я. Зутиса «Остзейский вопрос в XVIII веке», Рига, 1946, стр. 620—626.

Указ Павла от 28 ноября 1796 года и вводил те «новые обряды», о которых пишет Радищев. Для обличения политики Павла и понадобилось Радищеву перевезти Простяковых в Прибалтику. То, что выбрано было им Копорье — населенный пункт вблизи Петербурга, а не какое-либо селенье вблизи, например, Риги, определялось цензурными обстоятельствами. Смысл же всего повествования совершенно очевиден: обличение «новых обрядов», обличение крепостнической политики самодержавия. Вот что писал Радищев: Простяковы «купили в Копорье мызу Наренгоф, где крестьян было половина русских, половина финнов или чухонцев. Итак, известные лютым своим обхождением с крепостными своими в одном углу российского пространного государства жили как добрые люди в другом углу, и, сравнивая обряды новые, которым они училися у своих соседей, с обрядами тех мест, где они жили, они находили (по мнению своему), что они оглашены в жестокостях несправедливо».

Находясь в ссылке, Радищев действовал осторожно. В его произведениях после «Путешествия» нет обличений крепостного права. Тем важнее выступление Радищева против «новых обрядов», против политики Павла, против политики усиления рабства. Таким образом, «Памятник дактилохореическому витязю» не только произведение теоретическое, посвященное русскому стихосложению, но и сатирическое, обличающее политику самодержавия. Но вслед за сатирой на политику самодержавия Радищев развернул сатиру на русское дворянство и его современных идеологов.

Так возникает второй план сатиры — идеологический: Радищев зло высмеивает карамзинизм — идеологию перевооружающихся после пугачевского восстания крепостников. Сатирический замысел осуществлен в беседах Цымбалды с Фалелеем.

Цымбалда — сторонник «чувственного учения», и потому он преподает «наставления своему воспитаннику», «новоманерному своему Эмилю» так же, как делали «некоторые древние философы в Афинах», — беседой во время прогулок. Несомненно, когда Радищев сообщает, что Цымбалда действовал в духе «древних философов», что он следовал за Руссо и Базедовым, что комната, где наставлял Фалелея, называлась «филантропиной», что он

готовился «издать в свет описание», «как употреблять должно бирюлки при чувственном воспитании», и т. д., он зло пародирует новомодных русских писателей — сентименталистов. В самом деле — Карамзин в очерке «Афинская жизнь» писал о таком методе воспитания, превознося «чувственное учение» («Аристен, добрый юноша, приближается ко мне с дружелюбною улыбкою, — берет меня за руку — и мы, вдоль по течению светлого Илисса, выходим на обширные равнины и тучные поля, где зрелые колосы, как златое море, волнуются от ветра»,[1] далее Карамзин приводит многочисленные стихи, чтение которых на лоне природы, при созерцании счастливых поселян, являлось элементом воспитания). Так же написана элегия Карамзина «Деревня». Не только Карамзин, но и другие сентименталисты писали в этом же духе. Так, старший современник Карамзина, один из его предшественников и учителей, М. Н. Муравьев выпустил специальное сочинение «Эмилиевы письма», в котором рассказывал, как, живя в помещичьей усадьбе, автор писем наставлял молодого барича Васеньку, осуществляя программу воспитания Руссо («Мы дали себе слово — я и Васенька, в первую прогулку идти на ниву доброго земледельца, быть свидетелями трудов его, неутомимости, добродушия. Мы возьмем с собою Виргилиевы Георгики, и, в виду хижин и пастухов, при шуме падающего источника, прочтем прелестный эпизод второй книги о похвалах сельской жизни»).[2]

В полном соответствии с этими рецептами и поступает Цымбалда: он водит своего воспитанника Фалелея «по лесам» и преподает ему наставления стихами из «Тилимахиды». Беседы Цымбалды и Фалелея пародируют жеманный, перифрастический, манерный стиль карамзинистов и тем самым отвечают на вопрос, поставленный в предисловии, — «Тилимахида» «ни на что не годится». Достигается пародирование снижением высокого стиля поэмы: традиционные, ставшие шаблонными поэтизмы, мифологические имена, стилевые перифразы погружаются в быт и оцениваются с точки зрения помещичьего сынка Фалелея, который переводит все в доступный его созна-

---

[1] Сочинения Карамзина, СПБ., 1848, т. III, стр. 413—414.

[2] Сочинения М. Н. Муравьева, СПБ., 1848, т. I, стр. 123—124.

нию реально-бытовой план. Например: Цымбалда читает стих из поэмы: «Гора уже нам хохолком малым являлась». Фалелей дает толкование поэтического тропа: «Дядька! какие на горах хохлы бывают? Я не видывал. У Митрофановых голубей есть хохлы, у Еремевниных куриц есть также хохлы; в Москве на головах у каретных лошадей хохлы ставят». Или: Цымбалда — «На Евхарите одежда Артемиды богини», Фалелей — «Не Артемида, дядька, а Артемий». Или: Цымбалда читает — «Одежды придавали ей приятности новы». Последняя фраза очень характерна. Она типично карамзинская — так Карамзин и его ученики беспрестанно писали о «приятностях» «сельских красавиц» и «нимф». Радищев, высмеивая подобные описания, показывает, как в реальной жизни ведет себя помещичий сынок, когда видит крепостную девку Лукерью. Не довольствуясь платоническим созерцанием ее «приятностей», он «воззрился, как гончий выжлец», «пустился к ней», «обнял ее, хотел целовать; но девка, вырвавшись, побежала, прыгнула через забор; Фалелей за ней в угонку». Когда, наконец, бойкий воспитанник настиг Лукерью у овина, Цымбалда, забыв про «Тилимахиду», про «чувственное воспитание», «возопил гласом велиим: *Помогай бог»*.

Так, обличая фальшь и лживость писаний новомодных русских сентименталистов, Радищев показывал одновременно, что навсегда умерло, что безнадежно устарело и потому «ни на что не годится» в «Тилимахиде»: ее наивный педагогизм, ненужная насыщенность сюжета условными античными реминисценциями, традиционный аллегоризм, дутая «высокость», перифрастичность и т. д.

Сатирический выпад против Карамзина в «Памятнике» не случайное явление. Чтобы понять лирику и последующие литературные работы Радищева, их должно рассмотреть на фоне современной ему литературы, и в первую очередь в связи с деятельностью наиболее популярного и модного писателя и поэта этой поры — Карамзина. Необходимо остановиться на поэтическом творчестве Карамзина, показать своеобразие его идейной и эстетической позиции, раскрыть смысл его литературной деятельности, причины широкого распространения его идей и созданного им целого направления.

2

Свою литературную деятельность Карамзин начал в Москве, у Новикова, в середине 80-х годов, в период наивысшего расцвета деятельности новиковского просветительского центра. По свидетельству Дмитриева, «здесь-то началось образование Карамзина не только авторское, но и нравственное. В доме Новикова он имел случай обращаться к кругу людей степенных, соединенных дружбою и просвещением». [1]

Активный собиратель литературных сил, Новиков широко привлекал к своей издательской работе молодежь, кончавшую университет. Карамзин был также замечен Новиковым и «употреблен» для перевода книг и в помощь А. Петрову по редактированию первого журнала для детей «Детское чтение». В Петербурге широко развернулась деятельность Фонвизина, Туманского, потом Крылова и Радищева. Силу, размах и возраставшее общественное влияние русского Просвещения Карамзин наблюдал лично, сам был втянут в это движение.

События французской революции определили перелом в мировоззрении Карамзина. С апреля 1789 года Карамзин начал свое путешествие по Европе. Наблюдения над жизнью народов, изучение их истории, их различных политических учреждений, знакомство с деятельностью правительств, бытом, культурой и экономикой различных стран — все эти живые впечатления писателя наложили свою печать на его политические взгляды. Приобретенный опыт помогал понять, что общественное устройство у народов различно и определяется историческими причинами, что во многом оно — результат активной воли людей, их преобразовательной деятельности. И не только история, но и современность учила, что нередко преобразования делались людьми, руководившимися идеями общественного блага, что преобразовательная деятельность выливалась в народную революцию.

Карамзину было суждено стать свидетелем падения французской монархии и дворянства. Его, русского дворянина, революция не могла не испугать. Но революция не только пугала, — она на многое открывала глаза. По-

---

[1] М. Погодин, Н. М. Карамзин, М., 1866, ч. I, стр. 23.

степенно у Карамзина складывалось убеждение, что с революционными идеями нужно бороться. Он начинает пропагандировать в своем творчестве две дорогие ему идеи: всякий политический режим (даже опирающийся на насилие, далекий от совершенства и не гуманный) есть «благо» для граждан, «святыня», которую нельзя разрушать, и человек — беспомощная, бессильная «тварь», и только неимоверная гордыня безумцев может рождать нелепые мысли о возможностях человека изменить веками утверждавшийся общественный строй.

В письме, датированном апрелем 1790 года, Карамзин писал: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. *Утопия* (или *царство счастия,* сочинение Моруса) будет всегда мечтою доброго сердца или может исполниться неприметным действием времени, посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век златой, и *во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни.* Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот». [1]

Выработанная к 1790 году программа послужила основанием для всей последующей деятельности Карамзина — поэта, прозаика, Карамзина — издателя, редактора, историка. Оттого он постоянно посылал проклятия революции, осуждал людей, верующих в творческую и преобразующую энергию народа и человека. «Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и самого злодейства». [2] Восставшие ненавистны Карамзину: «Те, которым потерять нечего, дерзки как хищные волки». [3] Они — «легкие умы»: «Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены и живут тихо. Французская монархия производила великих государей, великих

[1] Сочинения Карамзина, т. II, стр. 462. Курсив наш.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 460.

министров, великих людей в разных родах; под ее мирною сению возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цветами приятностей, бедный находил себе хлеб, богатый наслаждался своим избытком... Но дерзкие подняли секиры на священное дерево, говоря: *мы лучше сделаем!* Новые республиканцы с порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите от древнего величайшего добродетельного республиканца Катона, что *безначалие хуже всякой власти».* [1]

В Петербург Карамзин вернулся в сентябре 1790 года. Его встретили многочисленные политические новости. Главная из них: изменение политики Екатерины — императрица, испуганная французской революцией, покончила со всяким подобием либерализма, встав на путь самодержавной реакции. Власть обрушила удары прежде всего на литературу Просвещения, которая приобретала все большее и большее влияние. Фонвизину не разрешали печатать сатирические сочинения. Новикова открыто преследовали, отняли университетскую типографию. Появившийся в отсутствие Карамзина новый писатель А. Н. Радищев — автор «Письма к другу, жительствующему в Тобольске», «Жития Федора Васильевича Ушакова» и «Путешествия из Петербурга в Москву» — пострадал больше всех. В мае 1790 года он был арестован, судим, приговорен к смертной казни, которая была заменена ему ссылкой в Илимский острог. Карамзин прибыл в Петербург, когда из него только что, закованный в кандалы, выехал Радищев.

Судьба Радищева взволновала все передовое общество столицы. Не мог не знать и не заинтересоваться его судьбой Карамзин, сдружившийся с Алексеем Кутузовым, давним приятелем Радищева. Слова, сказанные Екатериной о Радищеве: «бунтовщик хуже Пугачева», пожалуй, лучше всего выражали и карамзинское отношение к русскому мятежнику. Радищев был бунтовщиком, революционером, республиканцем — значит, из тех «дерзких», которые хотели поднять «секиру на священное дерево», а отношение к ним Карамзина известно — они не люди, а «хищные волки», «легкие умы».

В условиях начавшейся реакции, разгрома русского Просвещения Карамзин немедленно по приезде выступает

[1] Сочинения Карамзина, т. II, стр. 462—463.

организатором литературных сил в новых условиях, издателем, редактором. Больше того, начиная свою новую деятельность, он сознательно отмежевывался от своих старых связей, и от связей с Новиковым прежде всего. Новиков предпринимал героические усилия, чтобы спасти свой просветительский центр, и, найдя поддержку у Походяшина, продолжал свою работу.

Карамзин, действуя в той же Москве, создает свой, независимый «Московский журнал». Объявление о его выходе было дано уже в ноябре 1790 года, через два месяца после приезда. «Московский журнал» выходил в 1791—1792 годах. Карамзин объединил вокруг своего журнала таких писателей, как Херасков, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий. Был привлечен и Державин. А в это время правительство завершало разгром русских просветителей. Последние типографии Новикова были закрыты, сам просветитель арестован и посажен в Шлиссельбургскую крепость. Молодые его последователи Крылов и Клушин, издававшие в 1792—1793 годах два сатирических журнала — «Зритель» и «Санкт-Петербургский Меркурий», — также подверглись гонениям. Их журналы закрыли, сами они вынуждены были оставить столицу.

Закончив в 1792 году издание «Московского журнала», Карамзин готовит альманах «Аглая» (первая часть — 1793 г., вторая — 1794 г.). В 1795 году вышел сборник прозаических и поэтических произведений Карамзина — «Мои безделки». Со следующего, 1796 года стал выходить поэтический альманах «Аониды» — собрание разных новых стихотворений. Карамзин к этому времени уже признанный вождь дворянской литературы. Вокруг «Аонид» он объединил более десятка поэтов. В альманахе печатались Державин, Херасков, Дмитриев, Вл. Измайлов, Д. Хвостов, Нелединский-Мелецкий, Е. Костров, Г. Хованский, Д. Горчаков, В. Капнист, Н. Николев, Н. Львов, П. Кайсаров и многие другие поэты, главным образом ученики и эпигоны Карамзина. Альманах выходил до 1799 года.

Во всех изданиях Карамзин публиковал и собственные произведения. За 90-е годы он создал и напечатал почти все свои художественные сочинения, прозаические и поэтические. По возвращении из-за границы в условиях реакционной политики Екатерины Карамзин проявил себя не только активным автором, но и организатором новой

дворянской литературы, выступавшей под знаменем сентиментализма.

Обычно когда говорят о Карамзине, то прежде всего подчеркивают лирический характер его творчества, сентиментально-чувствительный тон его прозаических и поэтических сочинений, его неприязнь к политическим и гражданским темам, его стремление ограничиться кругом частных, интимных, сердечных интересов. Рассматривая же творчество Карамзина не с предвзятой точки зрения, мы убедимся, что Карамзин — поэт остро политической темы. Вождем новой дворянской литературы он стал не потому, что подарил читателю «Бедную Лизу» и научил своих последователей писать чувствительные стихи, а потому, что, как умный и дальновидный писатель, он сумел вооружить дворянство новым идеологическим оружием. Все его творчество — ответ на живые потребности своего времени, одной из которых, в частности, и была потребность понимать «язык сердца», говорить на этом языке.

Французская революция поставила вопрос об уничтожении социального строя, основанного на рабстве, об уничтожении паразитического класса дворянства и политического режима самодержавия. О том, что Россию ждет участь Франции, свидетельствовало и недавнее пугачевское восстание и непрекращающиеся крестьянские бунты. Дело было только во времени. Карамзин отлично понимал, что «французская революция принадлежит к числу событий, определяющих судьбу человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха, я вижу это, а Руссо это предвидел».

Как дворянский идеолог, Карамзин был против такого трагического конца. Как умный политик, он понимал — если революция неизбежна и в России, то пусть она будет лучше позже, чем раньше. А потому нельзя вести прежнюю оголтело-рабовладельческую политику, нельзя не считаться с духом времени, необходимы некоторые уступки, необходимо идеологическое перевооружение. Историческая закономерность позиции Карамзина подтвердилась политикой Александра I.

В то же время нельзя забывать, что Карамзин был не просто политик, но писатель прежде всего, и эстетическое содержание его творчества гораздо шире его политических взглядов. В своих статьях 90-х годов Карамзин

выработал новое содержание и новый стиль дворянской идеологии. Отличительной ее особенностью было то, что она впитала в себя все главные заветы просветителей (которые, не забудем этого, во Франции уже превратились в статьи «Декларации прав человека и гражданина») — свобода человека, благо народа, благодетельность просвещения, ненависть к тирании, рабству и т. д. Екатерина и Павел, ненавидя революцию, приходили в трепет от самого слова «свобода» и потому запрещали и гнали его. У Карамзина идея свободы в центре его философско-политической концепции, в его поэтическом творчестве, что не мешало, а помогало ему в новых условиях защищать незыблемость устоев самодержавно-крепостнического строя.

Карамзин создал новую фразеологию дворянской идеологии. Он ее обновил и приспособил к потребностям и духу времени. От Карамзина начался путь русского либерализма, с его игрой в слова, с прикрытием реакционной сущности своей политики либеральной фразеологией. Вот пример сознательного переосмысления и нейтрализации политического термина «просвещение».

В альманахе «Аглая» Карамзин поместил статью «Нечто о науках» — первое программное политическое выступление, в котором писатель пропел гимн просвещению, стоявшему у колыбели революции: «Так! просвещение есть палладиум благонравия — и когда вы, вы, которым вышняя власть поручила судьбу человеков, желаете распространить на земле область добродетели, то любите науки, и не думайте, чтобы они могли быть вредны; чтобы какое-нибудь состояние в гражданском обществе долженствовало пресмыкаться в грубом невежестве — нет! сие златое солнце сияет для всех на голубом своде, и все живущее согревается его лучами; сей текущий кристалл утоляет жажду и властелина и невольника; сей столетний дуб обширною своею тенью прохлаждает и пастуха и героя».[1]

Карамзин выступает поборником просвещения! Он видит благодетельное влияние наук для всех сословий. Он обращается с призывом к монархам сеять просвещение безбоязненно: «Законодатель и друг человечества! Ты

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 399—400.

хочешь общественного блага: да будет же первым законом твоим — *просвещение*».[1] Карамзин смело использует специальную фразеологию, свойственную передовой революционной мысли: «общественное благо», «друг человечества», «закон твой — просвещение» и т. д.

Смелость эта объясняется тем, что писатель не просто прославлял просвещение, но и уточнял *свое понимание* просвещения. Как он достигал этого? Прежде всего Карамзин утверждал тезис о моральном равенстве людей. «Все люди имеют душу, имеют сердце: следственно, все могут наслаждаться плодами искусства и науки».[2] Моральное равенство определяет равную нужду в искусствах и науках, ибо они помогают каждому делаться «лучшим человеком и спокойнейшим гражданином». Следовательно, развивает свою мысль Карамзин, просвещение помогает быть «спокойнейшим гражданином», то есть довольным своим социальным неравенством. Карамзин поясняет: «спокойнейшим говорю: ибо находя везде и во всем тысячу удовольствий и приятностей, не имеет он причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь. — Цветы грации украшают всякое состояние — просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой зелени с нежною своею подругою, не позавидует счастию роскошнейшего сатрапа».[3] Так полностью выявлялась идеологическая позиция дворянского писателя. Оттого Карамзин и доказывал дворянам, что просвещение нужно и земледельцу, что просвещения не надо бояться, так как просвещение (в его, Карамзина, трактовке) может предупредить революцию: «Когда свет учения, свет истины озарит всю землю и проникнет в самые темнейшие пещеры невежества; тогда, может быть, исчезнут все нравственные гарпии, доселе осквернявшие человечество, — исчезнут, подобно как привидения ночи на рассвете дня исчезают; тогда, может быть, настанет златый век поэтов, век благонравия — и там, где возвышаются теперь кровавые эшафоты, там сядет добродетель на светлом троне».[4] «Златый век» может наступить потому, утверждает Карамзин, что просвещение воспиты-

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 402.
[2] Там же, стр. 400.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 402.

вает прежде всего из земледельца «спокойнейшего гражданина», довольного своею участью крепостного.

С завидной откровенностью излагает свои мысли писатель: *«Просвещенный земледелец!* — Я слышу тысячу возражений, но не слышу ни одного справедливого. Быть просвещенным есть быть здравомыслящим, не ученым, не полиглотом, не педантом». Нет нужды крестьянину гнаться за образованием. «Для сего, конечно, не достает земледельцу времени — ибо он должен обработывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлеть в душу некоторые правила, некоторые вечные истины». [1]

Художественное творчество Карамзина строилось на данном теоретическом фундаменте. В этой связи следует вспомнить о крестьянине из рассказа «Фрол Силин — благодетельный человек» и крестьянке из «Бедной Лизы». И Фрол Силин и Лиза — «просвещенные», по Карамзину, крестьяне. Они «мыслят здраво» и потому знают, что счастье в наслаждении природой, в познании своего сердца и своей души. «Просвещение» помогло Фролу Силину пренебречь своим рабским состоянием. Рабство не тяготит его — благодетельного человека, — он просто не замечает его. Трудолюбие приносит ему богатство. Как благодетельный человек, он отзывчив на чужое горе, и когда случился неурожай, он роздал свой хлеб мужикам и спас их от голодной смерти. Крестьяне были благодарны, и Фрол Силин счастлив этой благодарностью. Новая философия помогала Карамзину и его читателям преодолевать страх перед деревней.

В «Бедной Лизе» изображена несколько иная ситуация. Лиза — «просвещенная крестьянка», потому что она не ропщет на судьбу, не тяготится своим состоянием. Имея, «как все», душу и сердце, она полюбила дворянина и была счастлива. Но любовь кончается трагически — Лиза умирает. Эраст оказывается причиной ее смерти. Но в сущности он не виноват; он забыл в себе человека, за что и был наказан великим страданием. Без Лизы он не может быть счастлив. Так снимается с него вина. Отношения между дворянином и крестьянкой оказались лишенными конфликта, враждебности.

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 400—401.

В 1794 году написано два политических сочинения: письмо «Мелодора к Филалету» и ответ «Филалета к Мелодору». Письма — отклик на события французской революции. Два друга, обменявшиеся письмами, представляют две точки зрения, две политические концепции. Мелодор после французской революции утратил веру в просветительную философию, в ее идеалы. Он полон отчаяния. Еще совсем недавно вместе с другом, читая книги просветителей, «проливая сладкие слезы, восклицали: *человек велик духом своим!*» [1] Вместе с просветителями Мелодор и Филалет верили, что скоро наступит блаженство. «Конец нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностию».[2]

Революция разрушила мечты друзей. «Век просвещения! я не узнаю тебя — в крови и пламени не узнаю тебя — среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» [3] Революция уничтожила надежды на счастье человека, убила веру в просветительские идеалы. Глубокий пессимизм охватывает Мелодора: «Вечное движение в одном кругу; вечное повторение, вечная смена дня с ночью и ночи со днем; вечное смешение истин с заблуждениями и добродетелей с пороками; капля радостных и море горестных слез... мой друг! на что жить мне, тебе и всем?» [4]

Политический смысл переписки вскрывается во втором письме. Если революция повергла Мелодора в пессимизм, то Филалету она помогла понять истинность философских учений. Оказывается, революция не вообще «разрушила всю прежнюю утешительную систему», а только просветительскую систему. «Соглашаюсь с тобою, — отвечает Филалет-Карамзин, — что мы некогда излишно величали осьмой на десять век и слишком много ожидали от него. Происшествия доказали, каким ужасным заблуждениям подвержен еще разум наших современников!» [5] «На развалинах» философии энциклопедистов Филалет воздвигает новую, свою собственную, «утешительную философию». «Будем, мой друг, будем и ныне

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 437.
[2] Там же, стр. 438.
[3] Там же, стр. 439.
[4] Там же, стр. 444.
[5] Там же, стр. 452.

утешаться мыслию, что жребий рода человеческого не есть вечное заблуждение и что люди когда-нибудь перестанут мучить самих себя и друг друга». [1] В утешительной философии важное место занимают идеи просвещения. Филалет признает, что «просвещение всегда благотворно». Но, используя популярное слово — термин, Филалет спешит наполнить его новым смыслом — «просвещение ведет к добродетели... открывая неиссякаемый источник блаженства в собственной груди нашей; просвещение есть лекарство для испорченного сердца и разума». [2] Филалет-Карамзин признает, что просвещение — путь к блаженству, но уточняет: к блаженству не общественному (революция, по его мнению, доказала невозможность этого), а к блаженству в собственной груди нашей.

В 1797 году Карамзин вновь вернулся к волновавшим его проблемам просвещения, революции, общественного блага. Он пишет «Разговор о счастии. Филалет и Мелодор». Тема счастья — остро политическая; о нем писали все философы прошлого и настоящего, о нем говорили во Франции, когда совершалась революция, о счастье писали и русские писатели-просветители. Карамзин дает свое определение счастья: «Счастье состоит в том, чтобы находить в жизни многие истинные приятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольным». [3] Мысль писателя выражает Филалет. Его друг Мелодор, соглашаясь со всеми софистическими доводами Филалета, высказывает сомнение — вряд ли такая формула счастья применима к крестьянам. Вряд ли их удовлетворит такое счастье. Карамзин не боится подвергнуть обсуждению самый актуальный вопрос современности и заводит разговор о судьбе крепостного крестьянина.

Мелодор спрашивает: «Но если я не нахожу для себя *хорошей пищи,* то с самым *прекрасным вкусом* могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянин, живущий в своей темной, смрадной избе, или камчадал, который вокруг себя не видит ничего, кроме снежных равнин и холмов, и в низкой хижине своей задыхается от дыму, не может найти много удовольствий в жизни». [4]

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 452.
[2] Там же, стр. 453—454.
[3] Там же, стр. 483.
[4] Там же, стр. 491.

Нельзя не отметить, что Мелодор смело поставил тот самый вопрос, который ставили Новиков в «Живописце» и Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», — может ли крестьянин «найти много удовольствия в жизни», будучи крепостным? За ответ, что крестьянин не может быть счастлив, живя впроголодь, в смрадной избе, без политических прав, без свободы, — Радищев был сослан в Сибирь. Карамзин дает совершенно другой ответ: «Крестьянин любит свою жену, своих детей; радуется, когда идет дождь во-время; радуется благополучному вёдру, полноте житниц своих и щедрой награде за труды его».[1] Поэтому он «не ждет много удовольствия в жизни».

Все люди равны, утверждает Карамзин: «Природа величественна и прекрасна в своем разнообразии, в своих ежегодных и ежедневных изменениях; везде с материнскою нежностию питает она птенцов и человека; всякой может иметь светлую хижину, доброе имя, покойную совесть; всякой может любить, любить своих родных, семейство, друзей — вот истинное благополучие, которое соединяет всех людей; которое царю и земледельцу дает чувствовать, что они братья, дети одного отца, рожденные с одинакими сердцами, с одинакими способностями для наслаждения!»[2]

Нельзя не согласиться с замечанием Мелодора в ответ на слова Филалета: «Философия твоя довольно утешительна, — говорит он своему другу, — только ей не многие поверят».[3] Конечно, утешительный характер своей философии понимал и Карамзин, но в то же время считал своим долгом всячески ее пропагандировать и в публицистических статьях и в художественном творчестве.

«Утешительная» философия определила содержание всей карамзинской поэзии, придала его стихам политический и полемический характер. Утверждая систему своих политических взглядов, Карамзин открыто боролся с враждебными ему идеями, и идеями Просвещения прежде всего. Развивая новые эстетические принципы, и в частности по-новому определяя значение поэта и поэзии,

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 492.
[2] Там же, стр. 494.
[3] Там же.

Карамзин тем самым активно и сознательно стремился сентиментальное направление противопоставить молодой, только начавшей складываться в России гражданской поэзии. При оценке поэзии Карамзина обычно замалчивают ее воинствующе-антипросветительский характер.

В таких стихах, как «Послание к И. И. Дмитриеву», «Песнь миру», «Опытная Соломонова мудрость», «Дарования», «Послание к А. А. Плещееву» и две оды Александру I (1801), с наибольшей полнотой выражена философско-политическая концепция Карамзина, раскрыт идеал человека, сформирована эстетическая программа и определена роль поэта в общественной жизни.

Мы живем в печальном мире;
Всякий горе испытал,
В бедном рубище, в порфире...

(Веселый час)

Главная мысль Карамзина-поэта — мир полон зла, человек страдает, он обречен на муки и горе. Признание враждебности человеку условий его жизни — типичная уступка Карамзина времени, политическим обстоятельствам, просветительской литературе.[1] В новых условиях нельзя писать, подобно классикам, что мужики (в образах пастухов и пастушек) счастливы и достигли блаженства. Да! — утверждает Карамзин, как бы солидаризируясь со всей русской и французской просветительской литературой, — мир устроен плохо, жизнь для человека — источник бесконечных мучений. Но уступка нужна Карамзину для того, чтобы вырвать у просветителей их же оружие, парализовать силу их выступлений, которые были сильны прежде всего критикой. Популярный мотив просветительской литературы — признание несовершенства мира — у Карамзина получает новое содержание, новый политический смысл. Из средства борьбы с враждебными чело-

---

[1] В 1794 году в «Посвящении», напечатанном во втором томе «Аглаи», высказана та же мысль: «Мы живем в печальном мире, где часто страдает невинность, где часто гибнет добродетель». На основе этого признания делается рекомендация читателю, выражающая характерное карамзинское миросозерцание: «но человек имеет утешение — любовь!»

веку обстоятельствами он превращается в средство защиты существующего строя. Как же это делается?

Понятие несовершенности мира переводится Карамзиным из политического и социального плана в моральный. Человеку плохо в жизни потому, что все люди по природе своей злы и порочны:

И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердец жестоких не смягчить.
Ах! зло под солнцем бесконечно,
И люди будут — люди вечно.[1]

(Послание к И. И. Дмитриеву)

Но от того, что «зло под солнцем бесконечно», страдают не только те, кто «в рубище», но и те, кто «в порфире». Страдание — неизбежное следствие жизни. Оно-то и уравнивает всех людей:

Там бедный проливает слезы,
В суде невинный осужден,
Глупец уважен и почтен;
Злодей находит в жизни розы,
Для добрых терние растет,
Для них уныл, печален свет.

(Опытная Соломонова мудрость)

Знаменателен вывод этого стихотворения:

Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек,
И прежде был он жертвой рока,
Надежды, слабости, порока...[2]

Но если страдания людей не только неизбежны, а и вечны, если всегда «кровь лилась рекою», всегда «плакал человек», — значит, мысль о возможности изменить мир, уничтожить условия, обрекающие человека на страдание, — еретична, пуста и нелепа.

Мой друг! Поверишь ли ты мне,
Чтоб *десять тысяч* было мнений,
Ученых философских прений,

---

[1] «Мои безделки», изд. 2-е, М., 1797, ч. II, стр. 69.
[2] Там же, стр. 6, 9.

В архивах древности седой
О средствах жить счастливо в свете,
О средствах обрести покой?
(Послание к А. А. Плещееву)

Поэт подтверждает, что сотни философов древности безуспешно пытались найти путь к счастью. Но не только в древности, говорит Карамзин, были безумцы, проповедовавшие возможность утвердить счастье человека на земле. И сейчас есть гордецы, которые бесстыдно смущают дух и без того страдающего человека:

И в наши времена о том
Бывает много, шуму, спору,
Не мало новых гордецов,
Которым часто без разбору
Дают названье мудрецов;
Они нам также обещают
Открыть прямой ко счастью след;
В глаза же счастия не знают;
Живут, как все, под игом бед.

Несомненно, это прямой выпад против просветителей и их проповедей сделать человека счастливым. Конечно, здесь подразумеваются и французские и русские просветители, которых Карамзин знал отлично. Каков же вывод?

Престанем льстить себя мечтою,
Искать блаженство под луною!
Скорее, друг мой, ты найдешь
Чудесный философский камень,
Чем век без горя проживешь.[1]

Признавая несовершенными условия общественного бытия человека, требуя от просвещенных монархов новых законов, французские просветители защищали права человека. Они доказывали его природное величие, его право на счастье. Радищев развернул учение об общественно-активном человеке, о преобразующей его деятельности как условии изменения социальных и политических порядков, обрекающих его на бесправие, на голод, на страдания. Подхватив идею величия человека, Радищев доказывал, что величие человек прежде всего обретает в борьбе за свое счастье. Как истинный революционер, Радищев и проповедовал мысль о величии человека, потому что

[1] «Мои безделки», ч. II, стр. 134, 137.

верил в возможность изменить мир, в возможность завоевать счастье и свободу.

Карамзинская проповедь невозможности изменить условия жизни человека, настойчивое повторение мысли о вечности зла на земле помогали разрушать просветительскую теорию о величии человека. Человек ничтожен, утверждает Карамзин, беспомощен, слаб перед лицом рока, судьбы, всемогущих сил, предопределивших его жизнь, исполненную страданием.

Проповедь тезиса о ничтожестве и слабости человека, о его беспомощности и неспособности изменить условия своего существования носила откровенно политический характер и находила свое выражение в словесно-парадоксальной форме: истинно великий человек тот, кто понимает свое ничтожество. «Мы все *как муха на возу,* — писал Карамзин, — важничаем и в своей невинности считаем себя виновниками великих происшествий! Велик тот, кто чувствует свое ничтожество пред богом». [1]

В декларативных стихотворениях «Послание к И. И. Дмитриеву» и «Послание к А. А. Плещееву» эта мысль составляет главное их содержание. Стихи лирически исповедны. Поэт признается, что и он некогда «мечтами обольщался», «любил с горячностью людей», «желал добра им всей душою». Но после революции, которая потрясла Европу, ему стали ясны безумные мечтания философов. «И вижу ясно, что с Платоном республик нам не учредить». Вывод: если человек не в силах изменить мир так, чтоб можно было «тигра с агнцем помирить», чтоб «богатый с бедным подружился и слабый сильного простил», — то он должен оставить мечту — «итак, лампаду угасим».

Признанием существования зла в мире и доказательством невозможности изменить общественные условия жизни человека поэт уводит внимание читателя от политических проблем к моральным, открывая ему «секрет» быть счастливым:

Пусть громы небо потрясают,
Злодеи слабых угнетают,
Безумцы хвалят разум свой!

---

[1] Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, СПБ., 1862, ч. I, стр. 197.

Мой друг! не мы тому виной:
Мы слабых здесь не угнетали
И всем ума, добра желали —
У нас не черные сердца!

Человек слаб и ничтожен, его мечта изменить мир «безумна». Но человек чего-нибудь стоит, когда он занят собой, когда он умеет находить и в этом печальном мире свое счастье.

Любовь и дружба — вот чем можно
Себя под солнцем утешать!
Искать блаженства нам не должно,
Но должно — менее страдать.[1]

Погрузив человека в мир чувства, заставив его жить только жизнью сердца, ибо счастье только в любви, дружбе и наслаждении природой, Карамзин занялся своеобразным благоустройством доступного ему мира. Социально-политическая жизнь несет страдания человеку, в реальной действительности он несчастен. Моральная жизнь может сделать его счастливым. Главные темы карамзинской лирики — дружба и любовь. Карамзин создавал в своих стихах идеал счастливого, духовно богатого человека, чуждого безумным умствованиям мудрецов века, преодолевшего соблазны их учений и нашедшего подлинную истину. Но как политического поэта Карамзина все время волновала идея полного «благоустройства» открытого им мира, в котором пока еще не было свободы. В ту эпоху свободы жаждали все народы, о свободе писали «гордецы», за свободу боролись и умирали тысячи людей. Совершенно очевидно, что следовало «дать» свободу и счастливому человеку, живущему в его моральном мире.

В стихотворении «Соловей» Карамзин, может быть, впервые с такой смелостью и решительностью противопоставил миру реальному, действительному мир моральных чувств, мир, творимый воображением человека. Стихотворение — «гимн соловью», «певцу любезному», «Орфею природы». Песни соловья чудодейственны, ибо они преображают жизнь человека, уносят из суровой и печальной действительности в мир радости, помогая невольнику

---

[1] «Мои безделки», ч. II, стр. 73, 74.

забывать свои цепи и открывая неведомое ему чувство наслаждения свободой:

Пой, друг мой! Восхищен тобою,
Под кровом ночи, в тихий час,
Несчастный сладкою слезою
Мирится с небом и судьбой;
Невольник цепи забывает, —
Свободу в сердце обретает, —
Находит сносным жребий свой. [1]

Прославление свободы сердца как истинной и единственной свободы могло опираться только на определенное философское мировоззрение. Идеализм Карамзина помогал созданию антиреалистического искусства.

Та же тема, но с обнажением политического смысла, раскрыта в стихотворении «Дарования» и в двух одах Александру I. «Дарования» — историко-философское стихотворение, написанное в 1796 году. В глубокой древности поэт видит «людей во тьме живущих, как злак бесчувственно растущих». Они дики, враждебны друг другу, не знают ни дружбы, ни любви. Но вот «искусства» восторжествовали в мире — они просветили человека, и тогда «родился снова человек». Восторжествовала «любовь моральная, живая». Тогда «вкусил блаженство человек» и «дружба, дар небесный! предстала с кротостью своей». Люди стали жить вместе, сообща. Родилась власть. «Воссела опытность на трон». Цель ее — «творить счастливыми народы». Люди в благодарность «часть златой свободы порядку в жертву принесли». Карамзин смело употребляет в своих стихах слово «свобода». С одной стороны, свобода для него — национальная независимость, с другой — состояние личности. За национальную свободу человек сражается; личной свободой он жертвует властям из чувства благодарности к ним.

Начатое в «Дарованиях» истолкование термина «свобода» завершено в одах Александру I. В первой же оде Александру мысль о народности царской власти конкретизируется на примере нового монарха. Для Карамзина Александр и есть просвещенный монарх. «Монарх! Ты будешь нас любить! Ты будешь солнцем просвещенья». Александр приветствие принял и прислал поэту бри-

[1] «Мои безделки», ч. II, стр. 186—187.

льянтовый перстень. В следующей «Оде на коронацию» Карамзин с наибольшей полнотой сформулировал свое понимание свободы, объявив, что люди, живущие в мире моральном, истинно свободны.

Реакционность взглядов Карамзина, сознательное политическое намерение ликвидировать влияние русской гражданской поэзии, прославляющей свободу народа, проявились в «Оде на коронацию» с поразительной откровенностью. «Сопрягая далековатые понятия», Карамзин связал свободу с пользой царей, что можно было сделать только при условии искажения народного, революционного смысла слова и придания ему значения, угодного господствующему классу:

Свобода там, где есть уставы,
Где добрый не боясь живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый!
Свобода мудрая свята,
Но равенство — одна мечта.

Если все творчество Карамзина, и в частности его поэзия 90-х годов, было направлено против просветительской идеологии и объективно против книги, тайно распространявшейся в России, — «Путешествие из Петербурга в Москву», то «Ода на коронацию» уже субъективно и открыто полемизировала с одой «Вольность». Радищевскую книгу, куда была включена и «Вольность», отлично знало образованное общество. Понятие «свобода» в сознании нескольких поколений передовых русских людей прочно ассоциировалось с Радищевым — ее певцом. Радищев определил в русской поэзии политическое понимание свободы, неприемлемое для Карамзина. Когда Карамзин писал «Оду на коронацию», Радищев был возвращен из ссылки. Вождь дворянской литературы встретил вернувшегося революционного поэта вызывающими стихами о свободе, в которых приспособил так испугавшее дворянство слово, пущенное Радищевым, к нуждам своего класса и нового царствования.

Либерально-демагогическое использование Карамзиным термина «свобода» наносило вред русской гражданской поэзии. Карамзин сознательно разоружал ее. Свой идеал Карамзин позже сформулировал следующим

образом: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не государь, не парламент, а каждый из нас самому себе, с помощию божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!» [1]

Карамзинский опыт был подхвачен его учениками и эпигонами. Господствующая дворянская поэзия стала славить человека, живущего «в моральном мире», преодолевшего зло, страдания и пороки жизни действительной, довольного и счастливого дружбой, любовью, природой, свободой своего сердца, и еще притом наслаждающегося своими сердечными муками, своей меланхолией.

К концу 90-х годов было уже ясно, что в новых исторических условиях, после мощного антикрепостнического движения крестьян, после двадцатилетней деятельности русских просветителей, защита дворянских привилегий и сословных интересов уже не могла осуществляться на основе идейно-эстетической программы классицизма. 90-е годы XVIII столетия — годы сложения идеологической и эстетической программы новой школы. В первое десятилетие XIX века сентиментализм занял господствующее положение. Ученики и последователи Карамзина объявили своего учителя вершиной, идейным итогом, высшим достижением литературного развития XVIII столетия. Спешно создавалась ими своя родословная. Из прошлого русской литературы, и прежде всего литературы XVIII века, решительно выбрасывались произведения сатирического, обличительного направления. С еще большей беспощадностью исключалось наследие просветителей.

В русской литературе XVIII века сентименталисты опирались, как ни странно на первый взгляд, на классицизм. Они объявляли Ломоносова и Державина классиками, чья торжественная одическая поэзия истолковывалась ими как поэзия монархическая. С особой любовью относились они к тем, кого не без основания внутри дворянского классицизма рассматривали как своих предшественников, — к Хераскову, Богдановичу, Муравьеву,

---

[1] Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина, СПБ., 1862, ч. I, стр. 195.

умевшим прославлять русских царей и защищать крепостное право языком «сердца» с позиций «чувствительности».

Отношение к литературе XVIII века было далеко не платоническим. Создавая свою концепцию русской литературы XVIII века, сентименталисты подкрепляли ее сочинениями, отвечавшими их вкусам, потребностям и задачам. Так появились издания, своего рода антологии — многотомные «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в прозе», а затем «Собрания образцовых русских стихотворений». Господствующее место в них занимали сочинения сентименталистов — учителей и учеников. Но тут же рядом была любовно собрана вся монархическая витийственная литература, многочисленные «Слова духовных и светских писателей». Главная тема публицистики — прославление русских царей. Тут же давались образцы критики, эстетики и философии: «Мысли об уединении», «Разговор о смерти», «О дружбе», «О критике», «Автор в большом свете», «О Богдановиче и его сочинениях» и т. д. Печаталась и публицистика типа карамзинского «Письма сельского жителя», где в чувствительных тонах доказывалось, что рабство не только нужно помещикам, но необходимо и выгодно крестьянам («воля» для крестьян — «величайшее зло»). [1]

Из антологий исключали все сатирические произведения русской литературы XVIII века, все произведения русских просветителей; но зато перепечатывали сочинения адмирала Шишкова. Характерна статья Шишкова, написанная в ответ на письмо, помещенное в «Вестнике Европы» (орган сентименталистов) и критиковавшее книгу Шишкова «О старом и новом слоге российского языка». Разбирая возражения, Шишков показывал, что в сущности его противник придерживался тех же взглядов и расходились они лишь в частностях. Статья заканчивалась так: «Что касается до прочих возражений... скажу только, что если бы случилось нам с господином асессором (автором письма в «Вестнике Европы». — *Г. М.*) быть вместе и почаще беседовать, то, может быть, осталось бы весьма немного такого, с чем бы мы не согласились». [2]

---

[1] «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе», СПБ., 1817, ч. VI, стр. 6.

[2] Там же, стр. 41.

Наряду с антологиями карамзинистами издавались и пропагандировались идейно близкие им сочинения писателей XVIII века. Стоит назвать хотя бы сочинения Муравьева, собранные и изданные в 1810 году Карамзиным, а в 1814 году Жуковским и Батюшковым. Проводя идейное перевооружение дворянства, карамзинисты развивали прежде всего эстетические воззрения английского и французского буржуазного сентиментализма, приспособляя его к своим нуждам и потребностям. Их учители — Стерн, Ричардсон, Мармонтель, мадам Жанлис и другие. Перед ними русские сентименталисты преклонялись, усердно переводили их. Эту ориентацию заметил и по достоинству оценил Пушкин: «Voltaire и великаны не имеют ни одного последователя в России; но бездарные пигмеи, грибы, выросшие у корня дубов, — Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, m-me Жанлис, овладевают русской словесностию. Sterne нам чужд, за исключением Карамзина». [1]

Идейно-эстетическая программа русского сентиментализма была выражением коренных интересов дворянства в эпоху кризиса крепостнической системы. Тем и объяснялось активное неприятие сентименталистами просветительских идей вообще, идей русских просветителей в частности. Дворянско-буржуазная наука, объявив Карамзина и его школу носителями передовых идей в литературе, в канун появления декабризма тщательно затушевывала антипросветительский пафос деятельности писателей-сентименталистов. Те современные литературоведы, которые следуют за этой традицией, не видят и не хотят замечать борьбы Карамзина и его учеников с наследием русских просветителей в области и политики, и социологии, и эстетики. В результате такого изучения творчество Карамзина рассматривается еще до сих пор как идейно-эстетический итог XVIII века, и поэтому курс русской литературы XIX века начинается с анализа творчества Карамзина и его школы.

Действительные же факты свидетельствуют о другом. Просветители утверждали принцип сатирического изображения действительности, Карамзин исключил сатиру из

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, АН СССР, М. — Л., 1949, т. VII, стр. 701.

литературы. Просветители требовали от литературы изображения объективной действительности, Карамзин утверждал, что цель писателя «писать портрет души и сердца своего».[1] Писатель должен быть гражданином — учили просветители; Карамзин в ответ заявляет, что единственная обязанность писателя — записывать собственные душевные переживания, заниматься собой. Просветители создали идеал человека-гражданина и сформулировали философию человека-деятеля, преобразователя, творца, который свое «природное величие» осуществляет в общественно-патриотическом служении родине и народу. Карамзин отстаивал философию частного человека, занятого только собою, лицемерно отказывающегося от земных благ во имя эгоистической морали «наслаждающегося размышления самого себя» (Муравьев).[2] Карамзин писал: «Что человеку (между нами будь сказано) занимательнее самого себя?»[3] Мнение Добролюбова, что характерная черта карамзинизма — «самодовольное спокойствие человека, не думающего о счастии других»,[4] точно передает консервативное, а порой и откровенно реакционное содержание этого направления. Просветители выступили против екатерининского правления, а Радищев против самодержавия вообще; Карамзин боролся за усиление монархической власти, заявив: «Самодержавие есть Палладиум России».[5] Просветители требовали отмены крепостного права, Карамзин отстаивал крепостное право, заявив, что «главное право русского дворянина быть помещиком, главная должность его быть добрым помещиком».[6] Просветители изобразили народ как творческую силу истории, показали его в литературе умным, трудолюбивым и самоотверженным в борьбе за независимость своей родины. Радищев раскрыл свободолюбие русского народа, предсказав народу светлое будущее, когда он революционно преобразит Россию. Карамзин, клевеща

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 371.

[2] «Утренний свет», изд. 2-е, М., 1785, ч. IV, стр. 385.

[3] Сочинения Карамзина, т. II, стр. 790.

[4] Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, ГИХЛ, 1934, стр. 232.

[5] Н. М. Карамзин, Записка о древней и новой России, СПБ., 1914, стр. 126.

[6] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 580.

на русский народ, утверждал, что крестьянин любит рабство, что вне принуждения доброго помещика он не умеет трудиться, ибо «ленив от природы».[1]

Консервативность, антиреволюционность и антидемократизм убеждений Карамзина несомненны. Но естественно, что художественные произведения Карамзина-писателя не были лишь пропагандой политических идей Карамзина — дворянского идеолога. В «Письмах русского путешественника» читатель нашел много полезных сведений о культуре и быте народов Европы, встретил гневное осуждение религиозного фанатизма и т. д. Белинский писал, что, «несмотря на всю поверхностность и всю мелкость их содержания», «Письма» имели то значение, что в них Карамзин «легко и приятно познакомил... с Европой русское общество».[2] Лирические стихи Карамзина раскрывали внутренний мир человека, учили чувствовать. Повести Карамзина прокладывали путь к психологической прозе.

Белинский указывал, что повести справедливо «заинтересовали общество», потому что в них «действовали люди, изображалась жизнь сердца и страстей посреди обыкновенного, повседневного быта. Конечно, в таких повестях, как «Бедная Лиза», «Наталья боярская дочь», «Остров Борнгольм», «Рыцарь нашего времени», «Чувствительный и великодушный» и проч., никто не будет теперь искать творческого воспроизведения действительности, никто не будет читать их как художественные произведения, ради эстетического наслаждения», повести имеют «интерес исторический». В них «как в зеркале, верно отражается *жизнь сердца,* как ее понимали, как она существовала для людей того времени».[3]

Несмотря на ограниченность и дворянскую обусловленность социально-политических и этических идеалов Карамзина, его художественное творчество объективно играло иногда даже положительную роль в общественной жизни в годы реакции — поскольку писателем высказывалось требование гуманного отношения к крепостным. В эпоху крушения феодализма и сословной идеологии

---

[1] Сочинения Карамзина, т. III, стр. 573.

[2] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1917, стр. 219.

[3] Там же, стр. 217.

Карамзин, усвоив философию сентиментализма, философию индивидуализма, объективно помогал своими лучшими произведениями рождению новых убеждений, поскольку новым изображением героев, и дворян и крестьян, он учил читателя ценить не их сословную принадлежность, а личность каждого, его внутренний мир, способность чувствовать. Творчество Карамзина открывало в известной мере новые возможности в искусстве изображения человека, вело к раскрытию его психологии. Известны заслуги Карамзина в области языка. Эстетические открытия Карамзина определили появление Жуковского, чьи поэтические достижения были усвоены и Пушкиным.

Но творчество гения русского народа прежде всего опиралось на идейные достижения русских просветителей XVIII века вообще, и Радищева в частности. В силу же своей дворянской ограниченности творческое наследие Карамзина уже к 10-м годам XIX века утратило значение, оказалось устаревшим. Об этом писал Пушкин, это констатировал Белинский.

3

Активная деятельность карамзинистов в 800-е годы, завоевание ими господствующего положения все же не означало их полной победы, и прежде всего потому, что их политика ликвидации просветительских традиций встретила решительный протест со стороны многих деятелей литературы десятилетия. В показе борьбы с карамзинской школой пафос исследования Вл. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов». К сожалению, борьба показана чрезвычайно ограниченно и сведена лишь к деятельности поэтов «Вольного общества» — Пнина, Борна, Попугаева, Востокова. Многие другие, и более крупные, писатели не упоминаются исследователем. А без характеристики деятельности *всего* передового антикарамзинского лагеря не может быть исторически точной картина общественной, политической и литературной борьбы, которая развернулась в первые годы XIX столетия.

Начинать характеристику той борьбы за сохранение и упрочение просветительских традиций в литературе, которая развернулась с начала века, необходимо с самого

крупного деятеля эпохи, против которого прежде всего было направлено творчество Карамзина и его школы, — с Радищева.

Мировоззрение революционера определило активность Радищева-писателя. Его душа была уязвлена страданиями человечества. Служением человечеству и была вся его деятельность революционера, писателя, поэта. Сосланный в Сибирь, Радищев не прекращал творческой работы, внимательно следя за наукой и литературой, как иностранной, так и русской. Не мог оставаться равнодушным Радищев и к той борьбе с просветительскими традициями, которую осуществляла дворянская литература 90-х годов во главе с Карамзиным.

Хронологическое рассмотрение поэтических произведений Радищева крайне затруднено. Мы не знаем точной датировки написания ни его лирических стихов, ни поэм. Почти все его стихи и поэмы (за исключением оды «Вольность», «Творение мира», «Ты хочешь знать», экспромта «Час преблаженный») нам известны по изданию «Сочинения покойного А. Н. Радищева», осуществленного сыновьями писателя в 1807—1811 годах. Дат под стихами нет, рукописи, как известно, не сохранились. О времени написания некоторых стихотворений мы знаем от издателей. О поэме «Бова», например, сын поэта Н. А. Радищев сообщил, что она писалась в Немцове около 1799 года. О других произведениях мы можем судить по некоторым намекам или обстоятельствам, упоминаемым в произведениях. Так, известно, что «Песни, петые на состязаниях...» писались после знакомства Радищева со «Словом о полку Игореве». А «Слово» было напечатано в 1800 году. Следовательно, Радищев мог работать над поэмой после выхода «Слова». Ряд лирических стихотворений связан с биографией поэта. Так, «Эпитафия» выражала чувства Радищева в связи со смертью его жены Анны Васильевны в 1783 году. «Час преблаженный» — экспромт в связи с получением известия в Илимске о прекращении ссылки и переезде в Немцово в 1797 году. «Осмнадцатое столетие» писалось с конца 1799 по 1801 год. Стихотворения «Ода другу моему» и «Почто, мой друг, почто слеза из глаз катится» развивали мысли, впервые изложенные в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии». Видимо, они создавались после завершения работы над фи-

лософским сочинением, то есть приблизительно в период с 1796 по 1802 годы. Датировать другие мелкие стихотворения даже приблизительно не представляется возможным.

Неизвестно и время написания самой большой поэтической работы Радищева — незавершенной поэмы «Песнь историческая». Поэма впервые напечатана в 1807 году. Никаких сведений о времени ее написания сыновья не сообщили. Комментаторы обычно относят ее к последним годам жизни Радищева. Основанием для датировки служат такие строки поэмы:

Ах, сия ли участь смертных,
Что и казнь тирана люта
Не спасает их от бедствий;
Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоку выю,
То что нужды, кто им правит;
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток.

Без каких-либо оснований эти строки толкуются как аллегорическое изображение Радищевым русских политических событий начала века — убийство Павла и восшествие на престол «кроткого» Александра. Они-то и дают повод отнести поэму к последним годам жизни Радищева — 1801—1802.[1]

Предложение датировать поэму 1801—1802 годами нельзя принять по многим причинам. Датировка основана

[1] Наиболее подробная аргументация дана в I томе академического собрания сочинений Радищева. «Написана «Песнь», по всей вероятности, в последние годы жизни Радищева, т. е. после смерти Павла I; об этом говорит то место поэмы, где идет речь о смерти Тиверия. Есть основание полагать, что Радищев имеет здесь в виду смену царей-тиранов 11 марта 1801 г.» (стр. 455). С тех пор все комментаторы и исследователи повторяют эту аргументацию. См., например, А. Н. Радищев, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, М., 1952, стр. 655. То же находим в книгах Е. В. Приказчиковой «Экономические взгляды А. Н. Радищева», АН СССР, М. — Л., 1949, стр. 53, и Л. Кулаковой «А. Н. Радищев», Лениздат, 1949, стр. 111; то же и в исследовании А. Н. Соколова «Поэмы А. Н. Радищева» — Вестник Московского университета, МГУ, 1951, № 7.

на произвольном толковании вырванных из контекста нескольких стихотворных строк. Кстати сказать, стихи об убийстве Тиверия оказались роковыми в изучении поэмы. Несколько строчек подменили все содержание поэмы, в ней лишь усматривают намек на последние политические события, свидетелем которых был Радищев. В действительности же поэма посвящена реальной истории Греции и Рима.

Радищев пытался осмыслить опыт истории, сделать из нее определенные политические выводы и поэтому был бесконечно далек от намерения делать какие-то аллегорические намеки. Задачи поэта были иные. Если встать на путь произвольных поисков в «Песни исторической» всякого рода аллегорий, то те же стихи о «новом тиране» можно приурочить к любым другим политическим событиям, например, к убийству Петра III и вступлению на престол Екатерины, причем это можно сделать даже с бо́льшим основанием. В самом деле, строки поэмы —

Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль — на мгновенье;
А потом он, усугубя
Ярость лютости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.

более «подходят» к Екатерине, метаморфозу политики которой наблюдал Радищев. Сначала она была «кроткой», а потом «изрыгнула» «ярость лютости и злобы». В то же время писать так об Александре Радищев не мог, ибо еще не успел увидеть в нем тирана более лютого, чем Павел. Не забудем, что в 1801 году Радищев писал об Александре нечто совсем противоположное: «Гений-хранитель всегда Александр будь у нас...»

Трудно представить себе, чтобы поэма была написана в последний год жизни Радищева. В 1801—1802 годах Радищев был занят огромнейшей по масштабу законодательной работой. Возвратившись из Москвы, он почти ежедневно посещал Комиссию по составлению законов, написал три больших юридических сочинения, которые требовали знакомства с обширной специальной литературой. Известно к тому же, что Радищев в 1802 году продолжал писать «Бову». На 1802 год падает работа над поэмой «Песни, петые на состязаниях» (написана первая

песнь Всегласа, размером около 600 строк). Тогда же писались некоторые лирические стихи и заканчивалось теоретическое сочинение «Памятник дактилохореическому витязю». Нет никаких оснований предполагать, чтобы в это же время писалась еще одна поэма, требовавшая к тому же специального просмотра обширной исторической литературы по Востоку, Греции и Риму, поэма в две тысячи строк.

Когда же писалась поэма?

Необходимо внимательно изучить все упоминаемые в «Песни исторической» события, имена, биографические намеки. И тогда, несомненно, внимание исследователя должна привлечь характеристика диктатора Рима Суллы, которого Радищев сравнивает с Робеспьером:

Заградив на жалость сердце,
Хладнокровный был убийца
Всех, ему врагами бывших,
И трепещущие члены
Погубленных граждан Рима
Его были услажденье.
Нет, ничто не уравнится
Ему в лютости толикой,
Робеспьер дней наших разве.

Смысл сравнения Суллы с Робеспьером состоит прежде всего в том, что исторический деятель прошлой эпохи уподобляется известному политику современности. Но тут возникает вопрос: как понимать выражение Радищева «Робеспьер дней наших»? Выражение «наши дни» может значить настоящий политический момент, и тогда несомненно подразумевается Робеспьер, стоящий у власти. Но выражение «дней наших» можно понимать и в переносном смысле — «в нашу эпоху». Следовательно, если предположить, что поэма писалась в 1801—1802 годах, то спрашивается, почему Радищев через 7—8 лет после смерти Робеспьера говорит о нем как о деятеле «дней наших»? К тому же нельзя забывать, что Робеспьер не просто умер, а был осужден и казнен в 1794 году. Если бы поэма писалась после казни Робеспьера, то знакомство Радищева с этим фактом несомненно отразилось бы на сопоставлении Робеспьера с Суллой. Существующий же текст свидетельствует, что Радищев еще не знает о трагической судьбе Робеспьера: «Нет, ничто не уравнится ему

в лютости толикой, Робеспьер дней наших разве». Ясно, что для Радищева Робеспьер — живой, действующий политик.

Если это так, то можно высказать предположение, что поэма писалась в период сибирской ссылки, то есть до 1795 года, когда мог узнать Радищев о казни Робеспьера. Есть и еще одно косвенное указание, в данном случае биографического характера. Описывая действия очередного римского императора-тирана, «похитителя» римской вольности, Радищев сообщает читателю, что, несмотря на свои преступления, император благодаря поэтам-льстецам снискал себе громкую славу мудрого правителя:

Но потомство не обманешь, —
О неистовый счастливец;
Блеском своея державы
Одолжен ты Меценату,
Или Ливьи, иль Агриппе,
Иль льстецам твоим наемным,
Иль Горацью, иль Марону.

Радищев-историк как бы от имени потомства, которое «не обманешь», показывает, кому «одолжен» тиран своей славой. Следующие стихи — своего рода лирическое отступление; в них горькое размышление поэта о собратьях, не выполняющих своего великого долга перед народом:

О умы, умы изящны,
Та ли участь мусс, чтоб славить,
Кто вам жизнь лишь не отъемлет
Иль, оставя вам жизнь гнусну,
Даст еще кусок, омытый
В крови теплой граждан, братьев.

Несомненно, в лирическом отступлении выражены мысли и чувства поэта уже не по поводу времени давно прошедшего, а по поводу современности. За каждой строкой стоит личный опыт поэта, упрек живущим поэтам, позорно прославляющим царствующих тиранов. Говорить с таким чувством упрека («Та ли участь мусс, чтоб славить, кто вам жизнь лишь не отъемлет») мог только поэт, совершивший мужественный подвиг, не изменивший своему долгу писателя-гражданина, грозивший «царям плахою», живший в ссылке и читавший стихи процветав-

ших поэтов, славивших Екатерину. Среди других славил Екатерину и Карамзин (см., например, его оду «К милости», где поэт, обращаясь к Екатерине, писал: «Блажен, блажен народ, живущий в пространной области твоей! Блажен певец, тебя поющий в жару, в огне души своей», где объявлялось к тому же, что Екатерина дает всем подданным «свободу»).[1]

Острое чувство гордости своим подвигом характерно для периода илимской ссылки. А. Воронцов не раз призывал Радищева к раскаянию. Осторожно и деликатно, чтобы не обидеть своего сиятельного друга, Радищев отказывался писать покаянное письмо Екатерине. В письме от 6 февраля 1792 года Радищев писал Воронцову: «Призывая меня к терпению и смирению, вы, ваше сиятельство, в вашем последнем письме призываете меня также к раскаянию в содеянном, добавляете, что раскаяние искреннее и чистосердечное могло бы способствовать смягчению моего нынешнего положения». Риторически спрашивая, «каковым же должно быть сие искреннее раскаяние», Радищев твердо заявляет, что он не напишет Екатерине покаянного письма.

Лирическое отступление в «Песни исторической» точно передает душевное состояние Радищева в период пребывания его в Илимске. Оно не могло быть написано после воцарения Александра I. Совсем другое настроение было тогда у вернувшегося в Петербург Радищева. Исходя из всего сказанного, думаю, что правильнее считать временем написания поэмы «Песнь историческая» годы, проведенные в илимской ссылке, — 1792—1795.

«Песнь историческая» — философская и историко-политическая поэма. В центре внимания Радищева классическая эпоха развития государства, утверждения монархического принципа правления. Внимательно изучая прошлое, Радищев прослеживает пути развития монархических принципов, устанавливает неизбежность утверждения монархической власти, показывая, что утверждение монархии вело к ликвидации свободы народа. История Греции и Рима дает для этого богатый материал. *Пафос поэмы — развенчание монархического принципа правления, доказательство на исторических примерах*

---

[1] «Мои безделки», ч. II, стр. 29.

противоположности интересов монархии и народа, ненависти монархов к свободе. Тем самым «Песнь историческая» примыкала к произведениям Радищева 80-х годов — к оде «Вольность», к «Письму другу, жительствующему в Тобольске» и «Путешествию из Петербурга в Москву».

Радищев обосновывает выбор изображаемой им эпохи тем, что исторические события известны, что действия царей и великих республиканцев Греции и Рима давно стали предметом героизации и идеализации. Первые слова поэмы Радищев посвящает характеристике Кира, «учредителя царства древния Персиды». Кир оказывается не только первым монархом, но и первым тираном. Далее следует краткий очерк развития греческого государства. Вот Солон с «законами новыми», вот Ликург, умевший «души всех устроить к пользе общей и единой». Радищев обращает внимание на героическую эпоху истории Греции, на эпоху борьбы Эллады за свою свободу против нашествия «полков персидских». Эта борьба породила многих героев. После победы «возблистал» «дух величья» во всех концах Эллады. Но Филипп и Александр покончили с вольностью Греции. «И вольность, в древней Греции сиявша, ввек потухла невозвратно».

Дальнейшее повествование поэмы посвящено обзору римской истории. Рассказав о многочисленных войнах, Радищев показывает, как происходил процесс превращения вождей и героев Рима в жестоких монархов, а свободного римского народа — в народ-завоеватель. И тогда оказывалось, что чем больше римский народ угнетал другие народы, тем больше терял он свою свободу, так как росла и крепла монархическая власть.

Охарактеризовав царствование Суллы, Радищев делает такой вывод:

Марий, проложив кровавый
Путь ко власти высшей в Риме,
Сулла, воинов купивши,
Показали, что возможно
Силой царствовати в Риме;
Рим, владыко всех народов,
Уж настала та минута,
Что ты выю свою горду
Под ярем насильства склонишь.

Дальнейшее развитие римского государства шло по пути укрепления монархической власти. Народ, когда-то свободный, оказывался принужденным «склонить выю под ярем». Так история позволяет Радищеву прийти к следующему заключению: монархи Рима были злыми и добрыми, но от этого они не переставали быть самодержцами, то есть тиранами, истреблявшими вольность народа. В этой своей части поэма состоит из гневных стихов, обличающих монархов. Радищев так характеризует царей: «Алчба власти необъятной» свойственна Юлию. Он же «вольности умыслил гибель». Пришел к власти Октавиан — «Царь он стал огромна Рима, и так сей злодей неистый, без законов и без правил, хитр, бесстыден, подл и алчен». Власть перешла к Тиверию. Это был «тиран мрачный, он подернул покрывалом тяжким скорби Рим». Сменивший его Калигула превзошел в тиранстве многих других царей.

Как в калейдоскопе, перед читателем проходят правители Рима, и каждый из них оказывается тираном и злодеем. С революционной страстью автора оды «Вольность» бичует поэт монархов добрых и злых. Если Калигула и Нерон «лютые варвары», если они «гнусны», то Клавдий просто глуп: «Кто с глупейшим из тиранов, с Клавдием сравниться может».

Рим, утверждает Радищев, «погибшее царство», «где чредою скиптр держали злы тираны, равно гнусны, равно злобны, или глупы, или бешены, иль паче расточительны безумно».

Были среди монархов и такие, которые заботились о народном благе и счастье. Но и они не изменили бытия народа:

Адриан, на трон вступивший,
Стропл счастье в римском царстве,
И хотя сравниться может
В добродетелях Траяну,
Но надменность и жестокость
Были в нем души пороки.

«Антонин теченье жизни посвящал народну благу». Его сменил Марк Аврелий, сделавший много для «счастья» Рима. Да, утверждает Радищев, могут быть монархи, которые имя великого получили от потомства заслуженно. Радищев верен истории. Еще в 80-е годы в «Письме

к другу, жительствующему в Тобольске» Радищев, высоко оценив деятельность Петра, справедливо назвав его «великим», в то же время резко отрицательно оценил монархическое правление. Радищев писал: «Нет, и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». Та же мысль лежит и в основании «Песни исторической»:

Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоку выю,
То что нужды, кто им правит;
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.

«Ярем» и самодержавие («мучительство») — неотделимы. Свободы не может быть в монархическом государстве, и свобода не может быть дарована монархом; свободы не добьешься заменой царствующего тирана добрым монархом. Пользуясь историческими примерами, Радищев доказывает свой тезис. Вот убит был Юлий. Но, оказывается, «ненужная» то была «жертва сокрушенныя свободы», ибо «и неслыханное чудо! тиран мертв, но где свобода?»

Поэма, развивавшая такую идею, становилась революционным сочинением, она воспитывала ненависть к монархии, развеивала иллюзии о «добром» царе, разрушала легенду о добродетельных царях Рима, учила, что свобода может быть достигнута только при условии уничтожения монархии. Подробно описывая деятельность легендарных республиканцев Рима, действовавших мужественно и смело, беззаветно жертвовавших своей жизнью во имя блага родины (Брут, Коклес, Курций Сцевола, Катон), Радищев показывал бессмысленность их подвигов и жертв. Они стремились убийством тирана вернуть свободу народу — и глубоко ошибались.

«Песнь историческая» была прямым продолжением оды «Вольность». Вновь Радищев использовал поэзию для пропаганды революционных идей. На этот раз он поставил задачу развеять распространенные и вредные политические иллюзии, опираясь на опыт истории. Агитационной задаче и подчинены были не только содержание, но и стиль поэмы.

Вновь с полной силой зазвучало слово «свобода». Исполненное своего действительного содержания, это слово не просто упоминалось в поэме: оно в сочетании с группами других слов составляло ее лейтмотив. Введенные Радищевым в «Вольности» слова-символы, которые несли на себе всю смысловую нагрузку стихотворения, всю его обличительно-политическую тему, оказались и здесь. С одной стороны, слова, выражавшие радищевский идеал, — «свобода», «вольность», «мужи дивные», «муж славный», «вождь храбрый», «вождь мудрый», «душа твердая», «дух свободный», «дух величья», «к пользе общей», «народно благо», «крепость духа», «добродетель», «закон» и т. д.; с другой стороны, встречаются слова-символы, выражающие ненавистные Радищеву понятия самодержавной власти, рабовладельческого строя: «тиран», «тиран мрачный», «тиран лютый», «погубитель граждан», «самодержец, властию венчан всесильной», царь — «злодей неистый», «мучитель», «зверь венчанный», определение самодержавия — «престол железный», «скиптр железный», «ярем народный», и т. д.

Подобная лексика, вторгаясь в поэтическое произведение, делала его гражданско-политическим произведением не только по содержанию, но и по стилю. Так в ответ на усилия Карамзина ликвидировать просветительское наследие в русской поэзии, истребить в поэзии вольнолюбивую тему, переосмыслить политическую терминологию Радищев, продолжая свою работу, начатую еще в оде «Вольность», укреплял позиции русского гражданского стихотворения.

В то же время необходимо отметить, что поэма многим отличалась от оды «Вольность». Прежде всего, осуществляя свое же требование, выдвинутое в «Путешествии» (глава «Тверь»), Радищев отказался от ямбов и рифм. «Песнь историческая» написана безрифменным стихом — первый опыт поэта, и характерно, что им оказалось остро политическое сочинение.

Поэма напечатана в 1807 году, в период, когда огромный стиховой поток составляли, с одной стороны, «чувствительные» стихи эпигонов Карамзина, с другой — монархические, верноподданнические вирши последователей Шишкова. «Песнь историческая», наряду с другими произведениями Радищева, отстаивала принципы просвети-

тельской гражданской поэзии; она была вся обращена к будущему, навстречу исканиям Пушкина и декабристов. Ода «Вольность» и «Путешествие из Петербурга в Москву» были запрещены. Поэма «Песнь историческая», воспитывавшая ненависть к монархии, объявлявшая царей и императоров не только злодеями, но и душителями народной свободы, распространялась свободно, и потому скорее и легче, чем запрещенная ода «Вольность», могла попасть в руки молодого поколения будущих декабристов, в руки Пушкина.

4

В период немцовской ссылки Радищевым создана вторая поэма — «Бова». П. А. Радищев сообщает, что над «Бовой» его отец работал около 1799 года и написал одиннадцать песен. Дата эта принята комментаторами. Но, указывал сын Радищева, от поэмы уцелела только первая песнь, *«ибо прочие он сам истребил перед смертью».* [1] Последнее указание чрезвычайно важно: оно свидетельствует, что работа над поэмой продолжалась и в Петербурге. После ссылки Радищев, видимо, в последний год жизни просматривал «Бову» с целью его продолжения (в поэме должно было быть двенадцать песен), но пришел к выводу, что по политическим соображениям ее следует не продолжать, а уничтожить.

Предположение, что поэма писалась не только в 1799 году, подкрепляется и некоторыми дополнительными соображениями. В «Бове» Радищев дважды ссылается на поэму С. Боброва «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонесе». «Таврида» вышла в 1798 году в Николаеве. Следовательно, знакомство с ней в Немцове могло состояться не ранее 1799 года. Известно, что в марте 1798 года Радищев вместе с семьей уехал к родителям в село Аблязово, Саратовской губернии. Вернулся Радищев в Немцово через год — 7 марта 1799 года. Видимо, во время путешествия Радищев и приобрел «Тавриду». Трудно предположить, чтобы за период в несколько месяцев Радищев и обдумал план обширной поэмы и на-

---

[1] «Русский вестник», 1858, т. XVIII, декабрь, стр. 424.

писал около семи тысяч строк. Ясно, что работа над такой поэмой требовала большего времени. Потому можно предположить, что над «Бовой» Радищев работал не только в 1799 году, но и позднее. Дошедшие до нас «Вступление» и «Первая песнь», видимо, действительно писались в Немцове в 1799 году.

Поэма внутренне связана с «Памятником дактилохореическому витязю», который писался в 1801 году. Связывало два произведения прежде всего то, что оба они были злой пародией на карамзинизм. Не случайно, отказавшись от мысли напечатать «Бову», Радищев перенес имя одного из героев своей поэмы — дядьки Цымбалды — в «Памятник».

«Бова» — живой отклик писателя на события текущей литературной жизни. Вождь новой литературы Карамзин в 1795 году выпустил поэтический сборник «Аглая». Среди других стихотворений там была напечатана «богатырская сказка» «Илья Муромец» (отрывок). К сказке Карамзин сделал примечание: «Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом уединенные часы мои. Продолжение останется до другого времени; конца еще нету, — может быть, и не будет. В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами».

«Богатырская сказка» привлекла внимание писателей-сентименталистов. Вслед за Карамзиным стал писать «волшебную повесть» Херасков («Бахариана»), Н. Львов («Добрыня») и другие. Также вслед за Карамзиным поэты стали разрабатывать безрифменный русский стих. Карамзин же определил и характер такой поэзии как развлекательный. Установка на развлекательность была выражена следующими стихами:

Ах, не все нам горькой истиной
Мучить томные сердца свои!
Ах, не все нам реки слезные
Лить о бедствиях существенных!
На минуту позабудемся
В чародействе красных вымыслов.

Бегство от действительности в прошлое, которое к тому же предстает перед читателем «в чародействе красных вымыслов», впервые воспевалось Богдановичем

в «Душеньке». В соответствии и с определившейся традицией и с собственными эстетическими идеалами Карамзиным приглашалась в богини поэзии новая муза —

Ложь, неправда, призрак истины —
Будь теперь моей богинею.

Та же мысль через два года после написания «Ильи Муромца» была выражена Карамзиным уже как кредо целого направления:

Мой друг! Существенность бедна:
Играй в душе своей мечтами,
Иначе будет жизнь скучна.

Поэт «строит замок на песке», он может «вымышлять приятно». На вопрос: «что есть поэт», давался категорический ответ: «искусный лжец». [1]

Подобные стихи не могли не привлечь внимания Радищева. Живя в Немцове, под Москвой, он имел возможность знакомиться со всеми поэтическими новинками модного литературного направления. И, несомненно, замысел «Бовы» — «повести *богатырской»* возник под влиянием карамзинской *«богатырской* сказки». Своим определением жанра Радищев как бы подчеркивал перекличку.

В литературе о Радищеве поэме «Бова» уделено значительное место. Существует даже несколько специальных работ. [2]

Первый опыт изучения «Бовы» был осуществлен с формалистических позиций. На том основании, что поэма Радищева написана тем же белым стихом, что и «богатырская сказка» Карамзина, ученые считали Радищева последователем Карамзина. Стилистическая близость казалась им само собой разумеющейся, поскольку оба поэта были объявлены сентименталистами.

В работе Л. М. Лотман впервые исторически верно раскрыты действительные связи двух писателей. Иссле-

---

[1] «Мои безделки», ч. II, стр. 121—128.

[2] См. например: Н. Г. Павлова, Сказка «Бова» у Радищева и Пушкина как вид политической сатиры — «Звенья», М. — Л., 1932, т. I; Л. М. Лотман, «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки — Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, № 33, вып. 2, 1939, и работу М. П. Алексеева К истолкованию поэмы А. Н. Радищева «Бова» — сборник «Радищев, Статьи, материалы», ЛГУ, 1950.

довательница справедливо показала, что Радищев ставил перед собой задачу пародировать новый жанр, утвержденный Карамзиным и продолженный его учениками, чем и объясняется использование Радищевым всех традиционных мотивов, всех общих мест поэм-сказок. Поэма, пишет Л. М. Лотман, «свидетельствует о пародийной подаче Радищевым общих мест поэм-сказок, доходящей порой до гротеска».[1] Правильно установив характер отношения Радищева к Карамзину, Л. М. Лотман в то же время крайне узко определила цель радищевской поэмы — как выступление «против самого жанра поэмы-сказки».

Последняя работа о «Бове» принадлежит М. П. Алексееву. В своем исследовании он справедливо считает, что нельзя придавать большое значение прозаическому плану поэмы, который сыновья Радищева приложили к изданию оставшегося «Вступления» и «Первой песни» поэмы. План — не больше как черновая запись, ранний набросок поэмы. Оттого уже первая песня содержит в себе значительные отступления от плана. Предметом изучения поэтому и должен быть прежде всего сам стихотворный текст, оставшийся от всей поэмы, — «Вступление» и «Первая песня». В работе М. П. Алексеева раскрыто множество неясных намеков и темных мест поэмы, детально охарактеризована связь с «Тавридой» Боброва.

Обращение Радищева к жанру поэмы-сказки объясняется его желанием сразиться с враждебным ему направлением дворянской литературы, дать ей бой на ее же плацдарме. Для Карамзина, как раньше для Богдановича, а позже Львова и Хераскова, жанр поэмы-сказки как бы таил в себе счастливую возможность бегства из действительности в прошлое, возможность «позабыться» в «чародействе красных вымыслов». Радищев разрушил эту надежду — его «богатырская повесть» вся пронизана пафосом злободневности. Вместо «отдохновения», забвения он ввел памфлетность, злую издевку, безжалостную пародию. Но главное — вместо «красных вымыслов» в поэму вторглась политика.

Карамзин в начале своей сказки, предупредив читателя о своем понимании истории, сказал, что его

---

[1] Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, № 33, вып. 2, 1939, стр. 140.

повествование — «смесь были с небылицами», «игрушки милой праздности», «мечты воображения». Радищев подхватывает это и сообщает, что он тоже хочет «рассказать старинну повесть и представить ту картину мнений, нравов, обычаев лет тех рыцарских преславных». Но только сообщив читателю об этом намерении, поэт сразу же одной фразой намекнул ему, как он понимает рыцарские обычаи: «Где кулак тяжеловесный степень был ко громкой славе, а нередко — ко престолу». За первым политическим намеком следует вереница других. Сатирическое изображение политической истории князей и царей проходит красной нитью через всю поэму. Уже на следующей странице Радищев иронически сравнивает себя с властителем Рима Тиверием. Стихи о Тиверии живо напоминают «Песнь историческую», где дано сатирическое изображение римского императора:

А когда б властитель мира
Я Тиверий был иль Клавдий,
Тогда б всякий дерзновенный,
Кто подумать смел, что дважды
Два четыре, иль пять пальцев
Ему в кажду дал бог руку,
Тот бы пал под гневом нашим.

Поэма-сказка давала свободу творческому воображению. Радищев показал, что его воображение неизменно стремится к политике, к оценкам монархических правлений. Карамзин призывает уйти в мир прошлого, для того чтобы «горькой истиной» не мучить «томные сердца свои», а Радищев использует всякий случай для того, чтобы напомнить читателю, что всегда было угнетение, всегда утеснение вызывало в мужественных людях желание бороться против него. Так появилась характеристика Гвидона — далекая от действительной истории, но оправданная (ведь это же сказка!) по сюжету. Характеризуя Гвидона, Радищев собственно излагает свои взгляды на человека:

Правды, истины поборник,
Меч его победоносный
Никогда не обагрялся
Кровью слабых — иль невинных.
Он защитник утесненных,
Разрешитель уз и плена,
Непорочности спаситель,

И его смиренно сердце,
Душа нежна, душа тиха
Воспалялась гневом львиным,
Когда видел он коварство,
Ложь, строптивость и насилье,
Угнетающих бессильных;
Тогда воин милый, тихий
Бывал враг непримиримый,
Бывал бич неукротимый
Злобе, буйству и прельщенью.

Завершается весь эпизод со сватовством Гвидона вопросом: кто имеет право управлять народом?

Заключение неложно,
Что спасителю народа
Управлять его браздами
Других паче всех довлеет.

Шутя, раскрывая сюжет о похождениях Бовы, Радищев сообщает читателю далеко не шуточные мысли. Как бы в связи с историей Гвидона и Мелетрисы Радищев вдруг замечает:

Зане там, как прежде в Францьи,
Скиптр не мог никак достаться
В руки, пряслицей что правят
Или швейною иголкой.

Читатель отлично понимал, что в подобных стихах заключен резкий сатирический намек на события политической истории России, да и не такого уж далекого прошлого, а на события настоящего XVIII века.

Продолжая развитие сюжета — похождения Бовы, Радищев доходит до шутливой характеристики богини славы. И здесь опять нежданно для читателя вольное отступление поэта —

...жертвы
Славе в честь приносит воин.
Ибо нет *попов* с причетом,
Ни *жрецов* у ней священных.
Кто грудь смелую имеет,
Твердый дух в бедах на брани,
Кто храбр, мужествен, отважен,
Тот есть жрец сея богини.

В этих строках виден автор «Вольности», зло и беспощадно высмеивающий церковь и попов.

В текст повествования о Бове беспрестанно вплетаются лирические отступления. Уже во «Вступлении» Радищев сообщил читателю, что автор поэмы — политический ссыльный, только что вернувшийся из Сибири. Тем самым Радищев как бы предупреждал читателя: с тобой говорит преследуемый самодержавием поэт, отнесись к каждой строке его поэмы с особым вниманием. Из большого числа лирических отступлений сообщение о возвращении из ссылки — единственное биографического порядка. В остальных отступлениях поэт предавался размышлению. Он рассказывал читателю о своей горечи, о своем гневе, о своих мечтах.

В жанре «богатырской сказки» Радищева привлекала свобода повествования, свобода вторжения авторского «я» в сюжетное развитие поэмы, свобода вольного разговора с читателем. Радищев пошел дальше Карамзина. Радищевские взаимоотношения с читателем более сложные. Он сообщает ему необходимые сведения о себе, свободно обращается к нему с шутками, а затем как бы приглашает его следовать за собой, сговаривается с ним, устанавливает все более и более тесный контакт. Представляя, например, героя, он делает так: «Вы Бову хотя видали, но в старинном то кафтане, во рассказах няни, мамы, иль печатного... Но дядькин Бова нового покроя». При характеристике некоторых действующих лиц появляется оценка не от своего только имени, но и от читательского. Говоря, например, о казаках Ермака, Радищев пишет о них, что Дон был «отечеством удалых молодцов, что мы издавна называли казаками».

Во «Вступлении» и был принят Радищевым тон беседы с читателем — грубоватый, подчас перемежающийся соленой шуткой. Свобода нужна Радищеву для разговора с читателем на различные темы, и прежде всего политические. У поэмы, таким образом, появилось два плана повествования и соответственно два содержания. Одно — сюжетная история о приключениях Бовы, другое, составляющее предмет беседы автора с читателем, — политические размышления автора. Можно предположить, что и число этих отступлений и их характер в последующих песнях были таковы, что Радищев имел все основания в год, когда ему вновь стала грозить опасность, уничтожить поэму.

Свобода поэта, вольный разговор с читателями ведет нас не только к пушкинской неоконченной поэме «Бова» (написанной по примеру Радищева), но и к «Руслану и Людмиле». Важнейшей частью пушкинской поэмы как раз и были лирические вольные беседы с читателем, которые вторгались в сказочное повествование, замедляя развитие сюжета.

Определяя сюжет «Бовы», исследователи обычно исходят из прозаического плана, сопоставляя его с сюжетом народной сказки о «Бове». В то же время реальный сюжет первой песни остается без внимания. Нет сомнения, в поэме нашли свое выражение отдельные сказочные мотивы, имена, взятые из распространенной в народе повести. Но, как свидетельствует первая песня, Радищев обращался с сюжетом более чем вольно потому, что не в передаче сюжета сказочного Бовы была цель поэта. Каков же действительный сюжет первой песни «Бовы», которая до нас дошла? Взаимоотношения Бовы и стряпухи во время рассказа о его приключениях. Рассказ Бовы распадается на несколько частей: экспозиция (песнь Бовы на корабле), начало истории (ужин Бовы у стряпухи), собственно рассказ Бовы о приключениях, неожиданно оборванный вмешательством стряпухи (Бова рассказывал о себе, лежа со стряпухой на печи).

Разработанный Радищевым сюжет послужил основанием для пародии, но пародии не жанра сказки, а типичных для сентиментализма принципов изображения человеческих отношений, которые канонизировались Карамзиным и его школой как отношения дружбы и любви. Сведение человеческих отношений к дружбе и любви определялось философской и политической программой Карамзина. «Поэт-лжец» рисовал мир сладостной мечты. Люди, появлявшиеся в стихах, были бесплотными тенями. Оттого им были чужды реальные человеческие страсти. Оттого воспевалась «чувствительность», подменявшая силу и красоту человеческого чувства.

Сюжет «Бовы» позволял Радищеву пародийно, сатирически изобразить *чувствительные* отношения, культивируемые Карамзиным как грубо *чувственные*.

Десятки поэтических и прозаических произведений Карамзина посвящены прославлению идеальной любви. Герой и героиня любят и стремятся друг к другу, видят

в своей любви смысл жизни. В рассказе Бовы центральная часть и посвящена изображению идеальной любви Додона и Мелетрисы. Мелетриса — красавица, ее «прелести» привлекли множество женихов, «воспаленных любовным пламенем». Мелетрисе нужно было из множества достойных женихов выбрать себе мужа. Выбор пал на Додона. Он — сильный и храбрый воин. Но, оказывается, были у него и еще какие-то достоинства, которые особо привлекли внимание Мелетрисы:

Но не только в ратном поле
Подвизался он с успехом;
Столь же славен он у женщин;
А хотя в любви он страстен,
Но подвластен ей он пе был,
И с Алкидом чтоб сравниться,
Лишь ему недоставало
Десяти жен и дев красных,
Пятьдесят дщерей Фиспия;
И одной лишь только ночки,
Чтоб ему отцом быть нежным
Пятьдесят раз вдруг в семействе.
Славну рыцарю толико,
Нет, нельзя не полюбиться
Мелетрисе, страстной, пылкой;
А тем больше, как лишь вспомнит,
Что объятья повторенны
В пятьдесят раз нераздельно
Кажду ночь возобновятся.

Мелетриса тяжко страдает при мысли, что она достанется не Додону, а Гвидону. Не смыкая глаз, лежит она на «ложе скучно, ложе девства» и горько жалуется на свою судьбу. Жалоба Мелетрисы типична для карамзинской поэзии.

После поэтической исповеди «идеальной девы» Радищев довольно ироническим описанием ее поступков обнажает свое намерение пародировать сентиментальную чувствительность:

Так завыв, царевна наша
Распускает длинны космы
По раменам обнаженным.
Она, вставши со постели
В одной тоненькой рубашке,
Ни юбчонки, ни мантильи...

Пародия достигалась снижением высокого строя чувств Мелетрисы (страдания идеальной девы) бытовым

и ироническим описанием ее поступков. Здесь большую роль играло смешение двух языковых пластов — слов, закрепленных традицией за высоким жанром («царевна», «раменам обнаженным»), со словами так называемой низкой поэзии, просторечьем («завыв», «космы», «юбчонка» и т. д.). В осуществлении своей цели Радищев несомненно опирался на опыт Майкова в его «Елисее, или раздраженном Вакхе».

Страдания любящей девы в точном соответствии с сентиментальной лирикой приводят Мелетрису к мысли о самоубийстве. Смерть лучше жизни, учит Карамзин. Если нельзя жить с милым — лучше умереть. Но герои Карамзина умирают «деликатно» — от страданий. В иных случаях они даже вообще не могут умереть, так как их смерти противится природа.

Радищев отлично учел эти особенности сентиментальной литературы. Он сознательно пародирует свойственное поэтам новой школы жеманное кокетство со смертью. И в своей поэме Радищев, пародийно изображая тщетные попытки Мелетрисы покончить с собой, открыто использует мотивы широко известной поэмы Богдановича «Душенька».[1] По сюжету поэмы Душенька, потеряв мужа, в горе хочет покончить с собой. Но тщетно — умереть ей не удается: она бросилась в пропасть, но ее подхватили зефиры; хотела убить себя камнем, но камень превратился в хлеб; захотела повеситься на суку, но сук согнулся и нежно опустил ее на землю.

Пародия Радищева начинается с реалистической мотивировки подобного условного желания смерти. Чтоб покончить с собой, нужны какие-то орудия смерти. И он заставляет Мелетрису искать их во дворце:

Не нашла себе в отраду
Ни ножа, ниже иголки,
Ни копья булатна крепка,
Ни меча, ни сабли острой,
Ниже шпаги — хотя б бердыш,
Или ножик перочинный.

Наконец ее взор упал на «большой гвоздь и деревянный; он длиной в аршин иль больше». Деревянный гвоздь был

[1] На это обратил внимание Д. Д. Благой в своей монографии «Творческий путь Пушкина», АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 216.

вколочен над постелью матери Мелетрисы для того, чтобы она могла вешать свой соболий треух. Мелетриса, как и Душенька, желая повеситься, выбирает для этого деревянный гвоздь. Тем самым Радищев сохраняет мотив поэмы Богдановича, но с какой злой иронией он его использовал! Как только дошел рассказ Бовы до этого деревянного гвоздя, старуха мгновенно прервала его. Ее оскорбило намерение Мелетрисы:

Как! — вскричала тут старуха,
Прервав речь Бовы поспешно, —
Скончать жизнь таким же средством,
Каким девы Вавилонски
Жизнь давать учились древле!!

Радищев зло и беспощадно высмеивает карамзинский мотив жажды смерти от несчастной любви. Пародийность пронизала не только весь рассказ Бовы, но и отдельные детали. Обращу внимание на одну из них — эпизод с платком. Собираясь начать свой рассказ, Бова поступает в полном соответствии с литературной традицией карамзинской школы:

Вынимает из кармана
Платок белый, для запаса,
Чем утрет ее он слезы.
Зане знал Бова заране,
Сколь его плачевна повесть
И что тронет через меру
Сердце добрыя старухи.

История с платком — грубая издевка над чувствительными, сентиментальными героями. Между Бовой и старухой, говорит Радищев, возникают отношения «дружбы»: его «унылая», «печальная» песня тронула сердце любвеобильной старухи. «Бова нежно имел сердце», старуха приласкала его. И вот «ощущает он отраду, сладость ласки, сладость дружбы». «Сладость дружбы» и заставила Бову позаботиться о своей подруге и приготовить «платок белый», чтоб вытереть «слезы дружбы», когда она услышит его «плачевну повесть». Таково начало истории с платком. А вот ее конец: Радищев рассказывает о Бове, с изумлением наблюдающем «забаву» старухи «со священным образом», что «скудельничей рукою изваян из

глины хитро». Герой дивится тем метаморфозам, которые происходят с его подругой, дивится оттого, что он был «слеп в своих познаниях». Старуха, придя в себя, сказала Бове покровительственно: «Продолжай, — она вещает, — свою повесть ты плачевну». Перед тем как продолжать свой рассказ, Бова вторично исполнил долг «дружбы» — вновь в ход пошел платок:

Бова, вынув платок белый,
Отирает чело старо
Своей нежныя подруги,
У которой пот горохом
В исступленьи показался.

На эпизоде с платком песня первая кончается. Несомненно, уничтожение остальных песен — большая утрата русской поэзии. «Бова» — одно из интереснейших и крупнейших поэтических произведений конца XVIII века. Направленная против карамзинской поэзии и против идейно-эстетического кодекса сентиментальной школы, поэма прокладывала дорогу новой, реалистической поэзии. Опубликованная в 1807 году поэма оказалась явлением литературы начала века, противостоя уже сложившейся школе сентиментализма (Херасков, Карамзин, Львов и др.). Опыт Радищева не пропал даром — тому свидетельство «Руслан и Людмила» Пушкина. В новых условиях, но идя вслед Радищеву, Пушкин пародировал сказочную поэму ученика Карамзина Жуковского — «Двенадцать спящих дев», иронически показывая идеальные чувства «нежных возлюбленных» — героев Жуковского, как чувственные.

Борьба Радищева с сентиментализмом, великолепно развернутая в «Бове», была борьбой за реализм. Оттого Радищев высмеивал сентиментализм с его условным изображением человеческих отношений, с его подменой реальных, могучих человеческих страстей тощими чувствительными воздыханиями, с его миром призрачных теней вместо живых людей. Опыт борьбы за реалистическую поэзию — метод утверждения нового искусства, развитый Радищевым в «Бове», Пушкин подхватил и сознательно опирался на него в своей работе. Поэтому так много общего между «Бовой» и «Русланом и Людмилой»: и в самом замысле (утверждать новое средствами

пародирования произведений модной литературной школы), и в отдельных мотивах, и даже в деталях.

И Пушкин, в соответствии с традицией, в своей поэме заставляет Людмилу искать смерти, но иронически показывает, что дальше мысли о самоубийстве Людмила, как лицо реальное, а не идеальное, не пошла. И Пушкин в эпизоде с Ратмиром и двенадцатью девами показывает, что «не тощие мечтания любви идеальной», не чувствительные воздыхания бесплотных теней, а реальные страсти «дев» руководят их поступками.

Да и само описание брачной ночи Людмилы чрезвычайно близко к описанию мечтаний Мелетрисы о брачной ночи с Додоном.

У Радищева Мелетриса лежит «на ложе скучно, ложе девства». Захотев умереть с горя, «она, вставши со постели в одной тоненькой рубашке, ни юбчонки, ни мантильи»... принялась искать орудие самоубийства. После лирического причитания Мелетрисы Радищев заявляет от себя: «Так завыв, царевна наша» и т. д.

Пушкин создает такую же картину. Людмила лежит «на ложе грусти, ложе слез». Она грустит по Руслану. Три девы, приставленные к ней Черномором, раздевают ее: «Прелестна прелестью небрежной, в одной сорочке белоснежной ложится почивать она». И вдруг появляется Черномор. Следует сниженное описание самозащиты Людмилы:

Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.

«Вой» Мелетрисы и «визг» Людмилы одного происхождения и служат одной цели: высмеять ту поэзию, которая настойчиво уносила человека с земли на небо, которая боялась реальной жизни и реального человека с его чувствами, страстями, желаниями. В своей великой борьбе за реализм Пушкин открыто и последовательно опирался на опыт всей предшествовавшей ему литературы XVIII века, в том числе и на опыт Радищева — автора «Бовы».

Последним крупным поэтическим произведением Радищева была историческая поэма «Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам». Поэма органически связана со «Словом о полку Игореве». Использование Радищевым мотивов «Слова» позволяет уточнить датировку поэмы. Во всех изданиях сочинений Радищева, в книгах, посвященных творчеству Радищева, указывается, что поэма писалась в 1800—1802 годах. Основанием послужила дата выхода «Слова о полку Игореве» — 1800 год. Но, естественно, прежде чем утверждать, что год выхода «Слова», прочитанного Радищевым, есть год начала работы над поэмой, следует установить, когда попало «Слово» в руки поэта. Как свидетельствует газета «Московские ведомости», первое объявление о выходе из печати «Слова о полку Игореве» появилось 5 декабря 1800 года.[1] Вряд ли «Слово» попало к Радищеву, жившему в Немцове, немедленно. А уже в марте 1801 года он уехал в Петербург. Вернее предположить, что именно в Петербурге весной 1801 года Радищев и познакомился с гениальным «Словом». Следовательно, нет никаких оснований считать, что над «Песнями» Радищев работал в 1800 году.

Зная, что 1801 год был чрезвычайно загружен устройством дел в связи с переменой судьбы, переездом в столицу, поездкой на коронацию Александра в Москву и т. д., надо думать, что в 1801 году мог возникнуть лишь план поэмы. Дописывалась же она, совершенно очевидно, в 1802 году. Следовательно, поэма — последнее слово Радищева, его завещание. Она для нас бесценна прежде всего потому, что позволяет отчетливо судить о политических позициях Радищева в последний год его жизни. То обстоятельство, что поэма писалась в 1802 году, объясняет, почему она не была закончена, — смерть оборвала работу.

Историческая, философская и политическая концепция поэмы «Песни, петые на состязаниях...», писавшейся

---

[1] На время поступления «Слова» в книжные лавки обратил внимание П. Н. Берков в своей статье «Заметки в истории изучения «Слова о полку Игореве» — «Труды отдела древнерусской литературы», АН СССР, М. — Л., 1947.

в 1802 году, показывает, что Радищев остался верен своим убеждениям. Более того, она — свидетельство дальнейшего развития исторических взглядов Радищева.

Важнейшей чертой поэмы «Песни, петые на состязаниях...» является ее органическая связь со «Словом о полку Игореве», которое помогло Радищеву глубже понять прошлое русского народа. Известно, что еще в 80-е годы Радищев начал изучение русской истории. Он читал не только исследования ученых, но и летописи. В илимской ссылке Радищев обратился к материалам по истории Сибири, уделив особое внимание народным движениям. Изучение, в частности, казацких движений позволило Радищеву написать «Слово о Ермаке».

«Слово о полку Игореве» — гениальное произведение древней русской литературы, живое свидетельство того, как была богата и развита русская культура в прошлом. Оно с замечательной поэтической силой рисовало характер русских людей, их идеалы, их нравственную жизнь. Оно открывало путь к подлинно историческому воспроизведению народной жизни прошлого. Как смешны и нелепы были на фоне «Слова» «богатырские сказки», «исторические повести» карамзинистов!

Показывало «Слово» и большое общественное значение поэзии в древнюю эпоху. Поэзия и тогда не была «безделкой». Поэт не был «лжецом» и «утешителем». Он пел о бедствиях отечества, о героических сражениях народа, он вмешивался в политические дела современности, и его слово было оружием в общей борьбе за свободу и независимость отечества.

Чтение и изучение «Слова» позволили Радищеву попытаться создать историческую поэму, которая раскрывала бы нравственный облик русского народа, черты его национального характера. Поэт рассказывает о событиях глубокой древности, когда еще не было создано русское государство, когда существовали многочисленные объединения славянских племен. Но, следуя за «Словом», Радищев показывает глубокую связь, которая существовала между племенами, живущими вокруг «великого Киева». Союз славянских народов подчеркнут и выбором «песнопевцев от различных племян славянских»: Всеглас — «житель юный берегов Ильменя»; Кругосвист — «житель ближних гор Тмутараканя»; Хохт — «от устья Дуная»,

Эвен пришел с побережья Адриатического моря, и Тиховой — из Помория.

Но не только в дни праздников собирались представители «всех колен славянских». Радищев от имени Всегласа говорит о том, как в трудную для славян, живших возле Ильменя, годину нашествия норманов к ним пришли на помощь другие славянские племена. Так, отталкиваясь от «Слова о полку Игореве», Радищев в своей поэме подчеркивает: русский народ, создавший современное могучее государство, начинает свою историю в глубокой древности, а история объединения славянских племен оказывается историей их совместной борьбы с многочисленными врагами, борьбы за свою независимость, свободу и самостоятельность.

Содержание первой песни Всегласа — рассказ об одном из таких эпизодов героической борьбы с норманами. Что все песни, задуманные Радищевым, должны были носить героический характер, подчеркнуто автором в специальном обращении к Баяну. Баян для Радищева — «певец лет древних славных», «певец сладчайший», который пел «ироев древних». Обращением Радищев как бы устанавливает преемственность, связь между прошлым русской героической поэзии и ее настоящим. «Слово о полку Игореве» укрепляло позицию Радищева, оно говорило о жизненности и национальной обусловленности той линии развития поэзии, которая была представлена в XVIII веке именами Ломоносова и Державина, которая была обогащена им, Радищевым.

Песнь Всегласа, составляющая первую часть поэмы, посвящена странице новгородской истории. Характерно, что Радищев рассказал не о знаменитой истории республиканца Вадима, а о борьбе народа с норманами. В выборе несомненно сказался рост взглядов Радищева. Уже в «Путешествии из Петербурга в Москву» в главе «Новгород» Радищев коснулся проблемы новгородской вольности, явно антиисторически идеализируя политический строй города. В «Слове о Ермаке», написанном в Сибири, мы сталкиваемся с тем же прославлением Новгорода, его вечевого колокола, который для Радищева есть «палладиум вольности новгородской». К началу XIX века тема Новгорода прочно оказалась связанной с борьбой республиканца Вадима с самодержцем Рюриком. Утверждению

темы новгородской вольности способствовала и судьба трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», которая была сожжена по приказу Екатерины.

Поэма «Песни, петые на состязаниях...» показывает, что Радищев подошел к теме Новгорода с новых позиций. Он отказался от антиисторического прославления новгородской вольности, отказался соответственно и от легендарного героя Вадима, сознательно перенеся события в другую эпоху. Но в то же время тема поэмы, посвященной Новгороду, осталась героической. Героем поэмы стал народ, народ, борющийся за свою независимость с захватчиками и грабителями норманами. В этом и проявилось новаторство Радищева.

Поэма осталась неоконченной: была написана только первая песнь Всегласа. Можно предполагать, что всего должно было быть десять песен, по числу песнопевцев. Песнь Всегласа делится на две части. Первая — обращение к Перуну — философское размышление о происхождении жизни на земле и появлении человека; вторая — рассказ о народном мщении норманам. Обе части внутренне связаны мыслью о величии человека, живущего в союзе, в обществе, одушевленного идеей служения общей пользе. «Многолюдные колена кельтски, сложив свои все силы во ополчение едино», вторглись в пределы славянских владений. «Простер враг насильство всюду». Цветущий край был разгромлен и обагрен кровью невинных.

Как их меч, носясь по стогнам,
Не щадил славянской крови,
Как младенцы, жены, старцы
Погибали беззащитны.
Вихрем буйным рыщут всюду,
Огнь, и гибель, и крушенье
Везде сеют, простирают.

Лютая ненависть к захватчикам, к поработителям подняла тысячи людей на сопротивление. «Как львы возревели мы ярости гневом»,—говорит один из тех, кто сражался с врагом. С удесятеренной силой мужественные славяне обрушились на кельтские полки и ворвались в Новгород.

Мы карали их измену;
Гнали, били и мертвили
И во Новгород вступили
По телам сих лютых воев.

Картина народного возмущения, описание народного подъема и героического воодушевления славянских племен составляет главную часть поэмы. Великая ненависть к врагу рождает могучее, все испепеляющее на своем пути чувство мщения. Один из вождей племени, обращаясь к сыну, благословляет его на подвиг следующими словами: «Настал уж день и час отмщенья». Собрались полки, уже слышны всюду их «радостные клики» — «се смерть, — гласят, — се пагуба врагам!».

Речь старца, вдохновенный призыв к мщению врагам, — образец страстного политического стиха: она напряжена, полна агитационной силы, действенна и призывна:

Гряди, гряди на брань
И смело подвизайся,
Карай, рази врага, им отомщая
Все раны, кои он нанес
Тебе, и мне, и нашему языку;
Неси ты бурный огнь в селенья кельтски;
Лей кровь...

Только в оде «Вольность» стихи достигали такой энергии, такой агитационной силы. Созданием «Песен, петых на состязаниях...» Радищев обогатил русскую гражданскую поэзию, вдохнул в нее новые силы, подчинив ее агитационным политическим задачам.

Поэма Радищева была произведением патриотическим и политическим. Изучение истории, настойчивый интерес к народным движениям, внимательное отношение к народным песням, пословицам, глубокое понимание «Слова о полку Игореве» помогли Радищеву раскрыть в своей поэме черты русского народного характера. Еще в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев пришел к выводу, что в русских песнях раскрывается «образование души нашего народа». В последующем Радищев будет настойчиво ставить волновавшую его тему раскрытия народного характера. Особое его внимание привлекают народные движения, во время которых с наибольшей силой и яркостью проявляются черты национального характера. В «Слове о Ермаке» дано наиболее полное определение народного характера: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский».

«Песни, петые на состязаниях...» как раз и показывали, что, несмотря на иго «чужестранное», эти «качества» не только «не воздремали», но именно в борьбе с игом чужестранцев развились и укрепились. Интерес к народному характеру у Радищева определялся его революционными, политическими убеждениями. Изучение истории, постижение «души народа» и народного характера помогали Радищеву решать вопрос о будущей русской революции. Хорошо понимая, что «еще не пришла година, не свершилися судьбы», что его «взор проницает» через целое столетие, Радищев не впадал в отчаяние, в пессимизм. Знание и понимание истории народа, раскрытие его характера определяло глубокий оптимизм первого русского революционера. Уже в «Слове о Ермаке» размышление о «народном характере» завершилось следующим политическим выводом: «О народ, к величию и славе рожденный, если они ⟨черты характера — твердость в предприятиях и неутомимость в исполнении⟩ обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!»

Поэма Радищева вдохновлена верой в русский народ. Смысл поэмы в том, чтобы раскрыть на конкретном историческом примере русский характер. Его раскрытие в патриотическом деянии внушало уверенность читателю, что такой народ обязательно со временем, когда наступят для этого обстоятельства, обратится на «снискание всего того, что соделать может блаженство общественное». И действительно, рассказ Всегласа — первая песня — кончается вдохновенным пророчеством о будущем русского народа:

О народ, народ преславный!
Твои поздные потомки
Превзойдут тебя во славе
Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной;
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят — природу даже, —
И пред их могущим взором,
Пред лицом их, озаренным
Славою побед огромных,
Ниц падут цари и царства.

Историзм Радищева определил стиль поэмы и прежде всего точность и конкретность поэтического языка. Изображая события далекого прошлого, раскрывая черты народного характера в действии, Радищеву не надо было прибегать к аллегории. Его призывы к мщению не означали замаскированного политического клича, обращенного к современникам. Радищев открывал новую возможность искусства — рассказ о прошлом, о патриотических действиях народа имел огромное воспитательное значение для современности, содержал в себе глубокий политический смысл.

Неменьшее значение имела поэма для выработки стиля гражданской революционной поэзии. Органически связанная с одой «Вольность», она продолжала и углубляла принципы, впервые развернутые в ней. Больше того — в отличие от запрещенной оды, поэма оказалась напечатанной и доступной широкому кругу читателей. Изнеженному языку карамзинской лирики Радищев противопоставил в своей поэме суровый и мужественный язык политического оратора, речи которого свойственны напряжение, страсть, энергия и агитационная эмоциональная сила. Поэма заполнена фразеологическими единицами, которые звучали как прямые обращения к читателю, как императивные указания: «Восстань, иди со мной», «Настал уж день и час отмщенья», «Се пагуба врагам», «Гряди, гряди на брань», «Рази врага, им отомщая», «Лей кровь!»

Поэма была пронизана той же, по Радищеву, высокой лексикой, которая впервые зазвучала в оде «Вольность». В нее входили и славянизмы, и древнеруссизмы, и политические термины: «свобода», «вече», «брань», «ратоборцы», «воин», «вождь», «гряди», «стогны», «рамена», «насильство», «оковы», «шлем»; «лютости и зверства», «поносный плен», «строй ратный», «меч победоносный» и т. д. В центре слов-символов, носителей высокой гражданской патриотической и политической темы, стоит слово «мщение». Именно оно, раскрывая главную идею произведения — право и долг человека отомстить своим врагам и притеснителям, в борьбе отстоять свою свободу, свою независимость, свое счастье, — организует вокруг себя и все остальные слова-символы.

Описав первое сопротивление славян норманам, Радищев подготовил читателя к мысли о новом этапе борьбы

Сначала — отпор, защита от вторгнувшегося врага. Но, увидев его зверства, узнав, какое горе отечеству принесли поработители, народ провозгласил: «Настал уж день и час отмщенья». Все дальнейшее повествование посвящено описанию рождения великого народного мщения. Картина народной борьбы рисовалась такими словами и выражениями: «ратоборцы», «простерли меч победоносный», «восстань, иди со мной», «мы карали их измену; гнали, били и мертвили», «се смерть, — гласят, — се пагуба врагам!», «гряди на брань» и т. д. Мщение вселяет новые, неведомые раньше человеку силы: «И мщеньем ярости непримиримыя пылая». В дальнейшей борьбе, провозглашает один из героев поэмы, «мы мщенье сладостное вкусим». Но борьба за свое будущее трудна и длительна; мщение должно гореть неугасимо в сердце каждого человека — «О радость мщения, играй, играй ты в томном моем сердце».

Опыт создания специальной высокой поэтической терминологии, накопленный в ходе работы над одой «Вольность», был в начале нового века продолжен и развит прежде всего самим Радищевым, и с наибольшей силой в поэме «Песни, петые на состязаниях...». Вот почему недопустимо исключение из сферы изучения гражданской поэзии 800-х годов последних поэтических произведений Радищева. Русская гражданская поэзия начала XIX века убедительно показывает, что достижения Радищева были приняты на вооружение. Но об этом подробно будет рассказано в следующих главах.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

12 марта 1801 года был опубликован манифест нового царя Александра I. Дворянское общество открыто радовалось убийству Павла I. Дворцовые перевороты были не редкостью в XVIII веке, но в устранении Павла было много такого, чего раньше видеть не приходилось. Самодержавное правление Павла оказалось уничтоженным в результате тщательно подготовленного высшими чинами гвардии и придворной аристократией заговора. Часть заговорщиков не удовольствовалась убийством неугодного царя, но преследовала политическую цель — ограничить власть русских императоров, добиться от нового царя конституции. Вступивший на престол Александр издал целую серию указов, которые намечали новую политику. Тем самым как бы открыто подчеркивалось желание царя идти навстречу планам заговорщиков, которые возвели его на престол. В обществе сразу заговорили о предстоящих реформах, в первую очередь о преобразовании государственного аппарата.

Ни жестокая расправа Екатерины с передовыми деятелями, ни преследования со стороны Павла не могли искоренить растущего из года в год недовольства самодержавно-крепостническим режимом. Протест шел различными путями, и определялся он своеобразием условий исторического развития России.

Прежде всего, самоотверженно боролось крепостное крестьянство. В 1797 году, в те месяцы, когда Радищев возвращался из Илимска, направляясь в ссылку в село

Немцово, в центре России вспыхнули крестьянские восстания, по своей мощи напоминавшие пугачевское. В трех десятках губерний восставшие чинили свой суд и расправу над ненавистными помещиками.

Протест крепостного крестьянства, борьба народа с деспотической властью помещиков попрежнему носила грозный для правительства характер. Не считаться с нею было нельзя. Борьба активизировала процесс расслоения дворянства. Каждый год из дворянства выходило все больше людей, в той или иной мере осознававших необходимость социальных и политических преобразований в России. Они становились на путь общественной и политической деятельности. Естественно, что политические убеждения дворянских деятелей были различны. Так, группа заговорщиков-дворян, которая произвела переворот 11 марта, не собиралась уничтожать основ самодержавно-крепостнического государства. Но среди них были люди, мечтавшие об ограничении власти русских самодержцев и подготовлявшие различные проекты конституций. В частности, проект конституции Н. П. Панина включал документ, написанный Фонвизиным еще в 80-е годы XVIII столетия, — «Рассуждение о непременных государственных законах». В свое время Фонвизин вместе с Никитой Ивановичем Паниным надеялись, что их своеобразный «Проект в будущем» может быть осуществлен Павлом после его вступления на престол. Теперь племянник Никиты Панина, участвуя в заговоре против Павла и подготовляя проект своей конституции, использовал документ, составленный русским просветителем.

С конституционалистами в 1801 году связан был адмирал Н. С. Мордвинов. Его предложение разрешить купцам и казенным крестьянам покупать ненаселенные земли приняло правительство, и в 1801 году был издан соответствующий указ. Деятельность Мордвинова в первое десятилетие александровского царствования снискала ему уважение декабристов.

Следует отметить и отношение декабристов к перевороту 11 марта, во главе которого стояли Пален и Панин. Никита Муравьев в своих примечаниях к «Разбору донесения следственной комиссии» писал: «В 1801 году гр. Никита Петрович Панин и граф Пален хотели водворить конституцию. Из заговорщиков желавшие только перемены

государя и посягнувшие на его жизнь были награждены, искавшие прочного устройства — удалены навек».[1]

Деятельность Панина, Палена, Мордвинова и им подобных не выходила за рамки дворянского либерализма. Но в конкретно-исторических условиях начала XIX века она свидетельствовала о растущем кризисе крепостнического государства, о необходимости реформ, преобразований экономической и политической жизни России. Внутри дворянства рос и ширился раскол. Не случайно противником всей политики дворянских либералов решительно и последовательно выступал Карамзин, политические убеждения которого казались подозрительными реакционеру Шишкову.

Но еще большее значение имело то, что оппозиция павловскому режиму не ограничивалась группой дворянства, которая совершила переворот 11 марта. В действительности оппозиция была значительно шире; об этом прежде всего свидетельствуют недавно опубликованные материалы о деятельности смоленского кружка «якобинцев», во главе которого стоял полковник Александр Михайлович Каховский, служивший долгое время в штабе Суворова.[2] Деятельность кружка протекала в Смоленской губернии, но некоторые его члены служили в Петербурге и в многочисленных воинских частях, дислоцировавшихся в различных городах России. Только законспирированных членов было около тридцати человек, связанных же с Каховским лиц — не менее ста. Большая часть участников кружка Каховского — военные. Непосредственная цель кружка — создание тайной политической организации, которая осуществила бы государственный переворот.

Мы уже видели, как в 60—80-е годы XVIII столетия начался знаменательный и характерный для русского общественного движения процесс: передовые общественные деятели выдвигались из числа военных дворян. Вспомним таких военных, какими были Курганов, братья Козельские, Новиков, Кречетов, Пнин. Служил в армии и Радищев. Среди офицерского состава «Общества друзей словесности» он вел свою пропагандистскую работу. Вспомним,

---

[1] Цитирую по статье Т. Г. Снытко «Новые материалы по истории общественного движения конца XVIII века» — «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 122.

[2] «Вопросы истории», 1952, № 9.

наконец, что большая группа дворян-военных перешла на службу к Пугачеву. В 90-е годы, как видим, процесс усилился. Каховский принялся создавать уже непосредственно в армии широкую, разветвленную сеть политических кружков. Опыт Каховского ведет прямо к декабристам. Следует отметить, что между смоленскими вольнодумцами и декабристами существовала не только своеобразная историческая преемственность, но и личная связь. Активным членом кружка Каховского был А. П. Ермолов. Участником собраний кружка А. М. Каховского являлся Г. А. Каховский — отец декабриста.

Сам А. Каховский установил тесные связи с Суворовым. Он открыто вел с ним разговоры о вооруженном перевороте. А. П. Ермолов рассказал об одной из бесед Каховского с Суворовым: «Однажды, говоря об императоре Павле, он (Каховский. — *Г. М.*) сказал Суворову... удивляюсь вам, граф, как вы, боготворимый войсками, имея такое влияние на умы русских, в то время как близ вас находится... соглашаетесь повиноваться Павлу». Суворов подпрыгнул, перекрестил рот Каховского. «Молчи, молчи, — сказал он, — не могу. Кровь сограждан!» [1]

Деятельность кружка Каховского проходила в 1797 году и в начале 1798 года, то есть в то время, когда Радищев жил в Немцове. Если он и не был осведомлен о подпольной работе смоленских вольнодумцев, то в 1798 году, когда началось следствие, Радищев несомненно имел уже возможность узнать об их существовании. Следствие производилось, между прочим, и в Калуге. Туда привезен был арестованный Ермолов. Туда же, в Калужскую губернию, в 1798 году был выслан на поселение и под надзор губернатора член кружка Каховского полковник Репнинский. Под надзором калужского губернатора жил и Радищев. Какие-то сведения о смоленских вольнодумцах мог получить Радищев и от Воронцова.

Значение деятельности кружка Каховского чрезвычайно важно для понимания общественной позиции Радищева в последний период его жизни. Она свидетельствует о том, что жизнь Радищева накануне его переезда в Петербург проходила в атмосфере зревшего политического заговора, который подготовлял не простую перемену

[1] «Вопросы истории», 1952, № 9, стр. 112.

монарха, но осуществление целого ряда государственных преобразований. И, что особенно важно, — главной силой, готовившей переворот и реорганизацию государственного строя, оказывалось передовое дворянство. Это было принципиально новым явлением в общественном движении России. Через пятнадцать лет в России станет готовиться дворянская революция, на общественную арену выйдут декабристы.

Декабризм возник в конкретно-исторических условиях 10-х годов XIX века. У его колыбели стояли события Отечественной войны. Но у декабристов были предшественники: и просветители — Новиков, Фонвизин, и революционер Радищев, и вольнодумцы смоленской организации Каховского. Декабристская идеология — идеология дворянской революционности уходила глубокими корнями в национальную традицию.

Последние годы жизни Радищева и пали на период, когда лучшие люди из дворянства всё активнее выступали на арену политической борьбы. Вспомним ленинскую характеристику зарождения условий дворянской революционности. «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ».[1] Именно в условиях, когда крепостная Россия не могла уничтожить ненавистный режим рабства, дворянство и выдвинуло первых революционеров. Радищев понимал бессилие и беспомощность дворянских революционеров без поддержки народа. Но не считаться с реальными условиями русского освободительного движения, с тем, что на арену политической борьбы выходили дворяне, — он не мог.

Если Радищев не знал подробно о смоленском кружке вольнодумцев, то деятельность дворянских, оппозиционно настроенных павловскому режиму кругов, а затем тех дворян, которые в результате переворота оказались приближенными к Александру, была отлично ему известна. Более того — его самого привлекали эти люди к подготовке реформ. Нет нужды доказывать, как глубоко отличны убеждения Радищева от взглядов и заговорщиков 11 марта, и молодых друзей Александра I, и других

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 294—295.

дворянских деятелей той эпохи. Но необходимо понять, как и почему Радищев оказался в кругу дворянских деятелей, подготовлявших государственные преобразования, какова была его политическая позиция в первый год александровского царствования.

Через Воронцова Радищев после 11 марта несомненно знал в подробностях о целях заговора и планах тех дворянских кругов, которые пришли к власти с мыслью осуществить государственные преобразования. Кроме того, и без Воронцова некоторые сведения могли быть ему известны из других источников. Так, задолго до 11 марта он мог наблюдать за легальной работой тех групп дворян, которые оказались приближенными к наследнику. В 1798 году в столице стал выходить «Санкт-Петербургский журнал». Его издавали Бестужев и Пнин, офицеры в отставке. Бестужев получил от Александра две тысячи рублей на организацию журнала. Давая деньги, Александр несомненно определил и программу периодического издания. Программа характеризовалась кратко, но выразительно: пропаганда идей просвещения. План журнала, разработанный Пниным и Бестужевым, был напечатан в виде объявления в декабрьских номерах «Санкт-Петербургских ведомостей». А незадолго до этого, в конце сентября 1797 года, Александр в письме к своему воспитателю Лагарпу писал: «Всего-навсего нас только четверо, а именно: Новосильцев, граф Строганов, молодой князь Черторижский... и я. Мы намереваемся в течение настоящего царствования поручить перевести на русский язык столько полезных книг, как это только окажется возможным, но выходить в печать будут только те из них, печатание которых окажется возможным, а остальные мы прибережем для будущего; таким образом, по мере возможности, положим начало распространению знания и просвещению умов. Но когда же придет и мой черед, тогда нужно будет стараться, само собой разумеется, постепенно, образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию». [1]

Бестужев и Пнин не смели говорить о конституционном преобразовании в России, но провозглашали вслед за

---

[1] Н. К. Шильдер, Император Александр I, т. I, СПБ., 1897, стр. 163—164.

Александром, что главная задача журнала — пропаганда просвещения. Пока народ не «приуготовлен к принятию истины», крепостные страдают от угнетения, так как избавить их от рабства раньше, чем они просветятся, нельзя. «Нельзя выводить народ из состояния равновесия: он понесется без направления, потому что неспособен вместить в себя той точности и скромности, какие нужны, чтобы воспользоваться советами мудрости».

Пнин и Бестужев, отказавшись от позиции русских просветителей (Козельского и Радищева), утверждавших, что прежде нужно освободить крестьян, а уж потом заняться их просвещением, стали пропагандировать план французских просветителей — сначала просветить, а потом освободить. Точка зрения французских просветителей, как известно, устраивала тех правителей государств, которые играли в просвещенных монархов. Екатерина начала это кокетничанье с просветителями, Александр продолжил его. Бестужев и Пнин, в соответствии со своими убеждениями, и возлагали главные надежды на просвещенного монарха, волею которого будет распространяться в России благодетельное просвещение.

«Санкт-Петербургский журнал», печатавший переводы из Гольбаха, Вольнея, Верри и других авторов, сочинения Бестужева о воспитании, статьи Пнина (анонимные), трактовавшие проблемы просвещения, общественной морали и т. д., не мог не привлечь внимания Радищева.

Жизнь в Немцове с каждым днем становилась все более тягостной. Радищев рвался в Петербург. Нужно было все увидеть и узнать самому, а не довольствоваться только обрывками различных сведений, слухов, намеков в журналах, книгах, газетах. Стремление в столицу было таким сильным, что Радищев пошел на трудный для себя шаг — написал в 1800 году прошение Павлу. «Причина, побуждающая меня просить вашего императорского величества о дозволении мне приехать в Петербург, хотя маловажна кажется, но для чувствительного сердца довольна, а перед престолом твоим благим, в очах толико милосердого государя, может иметь оправдание. Причина — желание видеть детей моих, находящихся в Петербурге в службе вашего императорского величества, — один в полку лейб-гренадерском, другой в Морском кадетском корпусе гардемарином».

Совершенно очевидно, что свидание с детьми было всего лишь предлогом для поездки в столицу. По возвращении из Сибири старшие сыновья посетили отца в Немцове. Младший, Павел, всего год назад, в 1799 году, отбыл в Морской корпус.

Прошение Радищев написал 21 декабря 1800 года. 28 декабря оно уже было в канцелярии двора. Павел отказал в просьбе. Радищева принуждали сидеть в деревне под полицейским присмотром. И вдруг — известие о перевороте: на престол взошел Александр. Вопросы, которые задавал себе бессчетное число раз Радищев, вновь встали перед ним. Как поведет себя новый монарх, ратовавший за просвещение России?

Указ от 15 марта — «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся в Тайной экспедиции» — был первым шагом нового монарха. Указ провозглашал: «Обращая бдительное внимание на все состояние врученного нам от бога народа и желая наипаче облегчить тягостный жребий людей, содержащихся по делам, в Тайной экспедиции производившимся, препровождаем при сем четыре списка: 1. О заключенных в крепостях и разные места, сосланных с лишением чинов и дворянского достоинства... Всемилостивейше прощая всех поименованных в тех списках без изъятия, возводя лишенных чинов и дворянства в первобытное их достоинство и повелевая Сенату нашему освободить их немедленно из настоящих мест их пребывания и дозволить возвращаться, кто куда желает, уничтожа над последними и порученный присмотр». [1]

Так пришла свобода.

По первому списку шестым по счету стояло имя Радищева. Всего было выпущено 156 человек. Среди выпущенных нашлись и знакомые. По второму списку из Шлиссельбургской крепости освобождался Кречетов. Вышли из крепости и вернулись из ссылки многие смоленские вольнодумцы: среди них Ермолов, Бухаров и другие. Радищев быстро начал собираться в дорогу, навсегда расставаясь с местом своей ссылки. Весной он уже был в столице.

Следовавшие один за другим указы Александра вселяли надежду, что правительство действительно поведет

---

[1] Полное собрание законов, т. XXVI, стр. 584—585.

новую политику, что оно готовит нужные стране преобразования. В апреле была уничтожена ненавистная передовым людям России Тайная экспедиция. Объявлялась свобода выезда и въезда в Россию. Отменялся запрет на ввоз в Россию книг и нот. Возвращались на старые места сосланные Павлом офицеры. 5 июня Сенатом был дан указ о работе Комиссии по составлению законов.

Предварительное обсуждение всех государственных мероприятий новый царь проводил в кружке своих приближенных (П. А. Строганова, Н. И. Новосильцева, А. А. Чарторижского, В. П. Кочубея), получившем название «Негласного комитета». «Негласный комитет» начал свои заседания в июне 1801 года и продолжал работу до конца 1803 года. В 1801 году Комитет обсуждал вопрос о конституции, о даровании жалованной грамоты русскому народу, предложение Мордвинова о разрешении купцам и казенным крестьянам покупать незаселенные земли и целый ряд других проектов.

Жалованную грамоту русскому народу составлял А. Р. Воронцов. Сразу же по воцарении Александра он был вызван в столицу и приближен ко двору. В истории возвышения Воронцова любопытна одна деталь, великолепно характеризующая политическую атмосферу эпохи. Александр мало знал Воронцова, и он казался ему человеком консервативных убеждений, который не поймет его новой политики. Кочубей счел нужным рекомендовать Воронцова Александру. Но что это была за рекомендация! Оказывается, именно то обстоятельство, что Воронцов покровительствовал Радищеву, и делало его в глазах членов «Негласного комитета» фигурой, заслуживающей доверия. «Граф Александр Воронцов будет человеком подходящим, и не нужно бояться, что он будет слишком не уступчив... так как он меньше всего является сторонником деспотизма; он даже был обвинен во времена Екатерины II в демократизме за то, что покровительствовал Радищеву». [1]

Воронцов вскоре же после приезда в столицу стал доверенным лицом членов «Негласного комитета». А Чарторижский в своих мемуарах пишет: «Но еще гораздо более ценную поддержку нашла молодежь (члены «Негласного

---

[1] В. кн. Николай Михайлович, Граф П. А. Строганов, т. II, СПБ., 1903, стр. 33.

комитета») в лице графа Александра Воронцова. В России Воронцов считался самым опытным государственным человеком... Граф не присоединился к старым министрам... Он занял более высокое положение, взяв на себя роль посредника между новыми идеями императора и старой русской рутиной... Он был очень доволен, что благодаря такому положению мог в одно время и уступать желаниям государя и направлять их, и этим самым обеспечить себе царскую милость и власть. Он стал на сторону молодых». [1]

Совершенно очевидно, что Воронцов ввел Радищева в курс дел «Негласного комитета», готовившего реформы. Радищеву же он сразу поручил и практическую работу — отредактировать составленную им жалованную грамоту русскому народу. Жалованная грамота обсуждалась на заседаниях «Негласного комитета» 15 и 23 июня 1801 года. Следовательно, редактирование проходило в мае — июне. Это — первая работа Радищева после возвращения из ссылки.

В мае 1801 года Государственный совет рассматривал вопрос о непродаже крепостных без земли. Совет отказался решить вопрос, считая его несвоевременным. Члены совета боялись «волнений» «в простом народе, всегда жаждущем свободы». [2] Заключение Совета не удовлетворило Воронцова. Он стал подготавливать новый документ: «Рассуждение о непродаже людей без земли». 3 марта 1802 года «Рассуждение» было передано Воронцовым на вторичное обсуждение Государственного совета. С достаточным основанием В. И. Семевский [3] и В. П. Семенников [4] предполагают участие Радищева в подготовке этого документа.

Указом от 5 июня 1801 года руководителем Комиссии по составлению законов был назначен граф Завадовский, друг А. Воронцова, который и порекомендовал назначить членом Комиссии Радищева. Завадовский сделал пред-

---

[1] Мемуары князя А. Чарторижского, т. I, М., 1912, стр. 264—265.

[2] Архив Государственного совета, т. II, СПБ., 1878, стр. 762.

[3] В. И. Семевский, Крестьянский вопрос в России, т. I, СПБ., 1888, стр. 250.

[4] В. П. Семенников, А. Н. Радищев, Очерки и исследования, М., 1923, стр. 133—135.

ставление, и 6 августа специальным указом Радищев был назначен в Комиссию. 13 августа он уже вступил в должность, о чем свидетельствуют протоколы Комиссии.[1] Но неожиданное задание отвлекло Радищева от дел: 17 августа Завадовский сообщил другим членам Комиссии, что по случаю коронации он отъезжает в Москву и берет с собой коллежского советника Радищева.[2] Двор отбыл на коронацию 31 августа. Просмотр камер-фурьерского журнала показал, что Завадовского не было в числе лиц, сопровождавших Александра. Видимо, он отбыл с Радищевым раньше.

...И вот опять Радищев в пути из Петербурга в Москву. На этот раз ехал он туда в качестве члена Комиссии по составлению законов, члена Комиссии, которая находилась «под ведением» самого императора, Комиссии, которая своею деятельностью и должна была подтвердить искренность обещаний нового монарха, оправдать надежды лучших людей России.

Свидетельствовало ли согласие Радищева работать в Комиссии по составлению законов о сотрудничестве Радищева с Александром, о том, что он переменил свои прежние убеждения? Изменил ли Радищев своим революционным взглядам? Не стал ли он разделять те заблуждения, с которыми боролся всю жизнь: веру в просвещенного монарха? Нет. Никаких свидетельств о перемене убеждений Радищева не существует. Вывод же, к которому приходят некоторые исследователи на основе самого факта работы Радищева в Комиссии, что он перестал быть революционером, глубоко несправедлив и сделан без каких-либо на то оснований.

Изучение русской истории показало Радищеву, что были периоды, когда самодержавие осуществляло не только политику угнетения и порабощения народа, но и политику, отвечающую нуждам всей нации. Еще в 1783 году в «Письме другу, жительствующему в Тобольске» Радищев ясно и четко определил деятельность Петра — как монарха, справедливо названного великим. Он писал: «И хотя бы Петр не отличился различными учреждениями, к народной пользе относящимися, хотя бы он

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 3, д. 229/6.
[2] Там же, д. 233.

не был победитель Карла XII, то мог бы и для того великим назваться, что дал первый стремление столь обширной громаде, которая, яко первенственное вещество, была без действия». Тут же Радищев добавляет: «Да не уничижуся в мысли твоей, любезный друг, превознося хвалами столь властного самодержавца, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества».

Такова позиция революционера, умевшего исторически оценивать деятельность монархов. Первые указы и манифесты Александра, и особенно его устные заявления о необходимости крупных преобразований на заседаниях «Негласного комитета», о которых известно было Радищеву хотя бы через Воронцова, давали ему (да и не только ему) основание предполагать, что на престол вступил монарх, понимающий нужды отечества, идущий навстречу интересам всей нации, всей страны. Указ о Комиссии по составлению законов и приложенный к нему рескрипт с неопровержимой убедительностью свидетельствовали об этом. Отсутствие в России свода законов, отсутствие законов, соответствующих современным потребностям, наличие в судебной практике взаимоисключающих указов или указов устаревших, требовавших варварских мер наказания, указов, написанных темным, путаным языком, — все открывало пути к злоупотреблениям в судах, к преступной деятельности местной администрации, вело к произволу в толковании законов, к недопустимым многолетним проволочкам и т. д. В России по сути царили беззаконие и произвол. Упорядочить законы, заменить устаревшие законы новыми, ввести законность — было важной, исторически необходимой мерой. Действия правительства в этом направлении носили бы несомненно прогрессивный характер, имели бы общенациональное, общенародное значение.

Указы царя, касавшиеся судьбы Радищева, — освобождение из ссылки, прикомандирование к Комиссии по составлению законов, возвращение дворянства и ордена давали ему в 1801 году основание предполагать, что новый монарх руководствовался в своей политике всеобщими интересами.

Важна ли была с точки зрения освободительного движения работа в области законодательства? Вспомним, как вопрос о законности ставил Белинский полвека спустя

в письме к Гоголю: России нужны «права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их выполнение». Тем более необходимы они в России, продолжал Белинский, в которой «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей». [1]

Отсутствие в империи свода законов заставило Радищева еще в 80-е годы, то есть во время работы над «Вольностью» и «Путешествием из Петербурга в Москву», попытаться внести свою лепту в большой и общественно важный труд систематизации русских законов. Изучив законодательство ряда европейских стран, Радищев пришел к выводу: «Законы во всех государствах, как то история повествует, издаваемы были повременно и по случившимся нуждам и обстоятельствам. Издатели оных были к тому побуждаемы разными причинами или страстями. От того во всех, а особливо в единовластных правлениях, часто бывали они противоречащи. С течением времени столь становились они обширны, что редко находилися люди, коим бы они все были известны; малое число понимало их прямой смысл, а большая часть людей обращали их произвольными толкованиями в свою пользу. Сие побудило делать из законов выписки, извлекая оных единый смысл, дабы всем упражняющимся в законоучении подать способ единообразное иметь понятие о том, что право, и о том, что закону преступно».

Далее Радищев указывал, что такое упорядочение законов произведено было в Римской империи, а впоследствии в Англии. Перед Россией, писал он, стояла та же задача. «С издания в России уложения в России состоялися законы, коих число несчетно, и неудобства здесь таковы же, как и везде». Радищев отважно взялся за систематизацию законов: «Желаем мы извлечь по разумению нашему смысл доселе изданных в России законов, расположа их естественным порядком, коему Блекстон последовал».

В 1801 году ему было предложено принять участие в Комиссии по составлению законов. Естественно, что

[1] «Литературное наследство», М., 1950, т. 56, стр. 572.

Радищев не мог от этого отказаться, тем более что он не знал, как развернется работа Комиссии. Долг же революционера-просветителя обязывал его отдать все свои силы общественно насущному, национально необходимому делу составления новых законов, введения контроля за их исполнением.

Оправдались ли надежды Радищева увидеть в Александре монарха, «имя великого заслуживающего справедливо»? Протекала ли работа Радищева в 1801—1802 годах *только* в официальной Комиссии? Сумел ли найти Радищев в этих новых условиях пути для своей общественно-политической деятельности?

Факты свидетельствуют, что в период после возвращения из ссылки в Петербург до трагической гибели Радищев, наряду с работой в Комиссии, развернул широкую общественную и творческую деятельность. Главным делом была подготовка юридических сочинений — «О законоположении», «Проект для разделения Уложения российского», «Проект Гражданского уложения» и два особых мнения: «О ценах за людей убиенных», «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника». Эти произведения важны для понимания общественно-политической позиции Радищева в последний год жизни. Но прежде чем приступить к их анализу, следует остановиться на одном политическом стихотворении тех лет, которое требует своего объяснения. Речь идет об «Осмнадцатом столетии».

Мы не знаем точной даты написания стихотворения, но есть основание полагать, что над ним Радищев работал более или менее продолжительное время. Судя по упоминанию Александра как царствующего монарха, Радищев *закончил* работу уже в 1801 году, после 11 марта. Стихотворение же названо «Осмнадцатое столетие» и посвящено оно оценке *ушедшего* и *уходящего* века. Восьмая строка позволяет высказать предположение, что начало стихотворения относится к последнему году XVIII века: «С звуками грома течет наше столетье туда». «Наше столетье» — это «осмнадцатое» столетье, и оно еще течет, оно еще не закончило свой исторический цикл. Шестнадцатая строка продолжает ту же характеристику века как *уходящего,* еще длящегося: «Ах, омоченно в крови, ты

ниспадаешь во гроб». «Ты *ниспадаешь»* — то есть идешь к своему концу, еще не кончилось, еще продолжаешься.

Именно 1799 год был годом ожесточенных всеевропейских сражений, годом, оглашенным звуками грома, годом, «омоченным в крови». В конце века против революционной Франции создалась мощная коалиция в составе России, Турции, Англии, Австрии и Неаполитанского королевства. Бои происходили в 1799 году на территории многих стран. Суворов осуществил свой героический поход через Европу. 18 брюмера (9 ноября) того же 1799 года Наполеон произвел государственный переворот и, провозгласив себя первым консулом, начал политику удушения революции.

Политические события 1799 года и нашли свое отражение в стихотворении:

И сокрушил, наконец, корабль, надежды несущий,
Пристани близок уже, в водоворот поглощен,
Счастие, и добродетель, и вольность пожрал омут ярый.

Революционер Радищев приветствует великие события века — борьбу народов за свободу. Борьба за свободу отличает в истории XVIII столетие: «Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро». Восемнадцатое столетие не будет «забвенно» потому, что даровало людям «истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек».

Освященное борьбой за вольность, мудрое столетие в то же время не принесло свободы народам. «Но твоих сил недостало к изгнанию всех духов ада», «Их недостало на бешенство, ярость, железной ногою, что подавляют цветы счастья и мудрости в нас». Оттого вновь после революции утвердились «лютости, буйства, глад, мор». С горечью и болью спрашивает поэт: «Иль невозвратен навек мир, дающий блаженство народам?»

Радищеву, как известно, первому пришлось нарисовать картину будущего народного блаженства, высказать веру в счастье свободного народа в своей оде «Вольность». Теперь ему довелось увидеть великий обман народа в буржуазной революции. Завоеванная было свобода отнята, «цветы счастья» растоптаны «железной пятою». Условия исторической жизни России и Запада еще не давали Радищеву возможности понять причину трагического

явления. Он не мог знать, что таков закон развития буржуазного общества, буржуазной революции, когда народные массы, совершившие революцию, оказывались обездоленными и преданными классом-гегемоном, буржуазией, захватившей власть в свои руки. Но глубокий демократизм убеждений Радищева позволил ему преодолеть отчаяние. Он нашел в себе силы призвать читателя к надежде и вере:

Из недр гроба столетия глас утешенья изыде:
Срини отчаяние! смертный, надейся, бог жив.

Стихотворение не имело конца. Поэт, посвятивший его политическим событиям эпохи, не угадывал в событиях будущего. Но мы отлично знаем, что Радищев верил всегда в одно — только жизнь, только могучее течение истории может принести решение, может научить, может развеять сомнения, может открыть истину. И, видимо, поэт ждал. Тем более что политические события следовали одно за другим. Последние строки стихотворения несомненно *приписаны позже* — по всей вероятности, *во второй половине 1801 года.* В них также излагаются современные поэту политические дела России. Если в первой части Радищев определенно говорил о XVIII столетии как о столетии еще идущем («Ты ниспадаешь во гроб» и т. д.), то в финале речь идет уже о *новом, начавшемся XIX веке:* «Утро столетия нова кроваво еще нам явилось». Более того, поэт вспоминает о каком-то периоде уже прошедшего времени нового века, в течение которого совершились какие-то события. Так, столетие явилось «еще кроваво». Затем произошли перемены: «Но уже гонит свет дня нощи угрюмую тьму». Далее упоминается Александр и его политические действия — указы 1801 года: «Мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона». Читатель отлично мог разобраться в содержании стиха: «Мир» — Александр уже в марте 1801 года отменил поход в Индию. В июне дипломатическим путем была предупреждена возможность военного столкновения с Англией, а 5-го числа того же месяца в Петербурге была подписана конвенция между Россией и Англией. 8 октября 1801 года был подписан договор о мирных отношениях с Францией. Россия прекратила войну.

«Суд правды», «истина» — к такому утверждению давали повод указы Александра об уничтожении Тайной экспедиции, о работе Комиссии по составлению законов и т. д.

«Вольность» — Александр открыл двери крепостей для политических преступников, вернул свободу политическим ссыльным. Сам Радищев получил свободу по одному из таких указов.

Видимо, летом или осенью 1801 года и была написана последняя часть «Осмнадцатого столетия». Стихотворение заканчивалось:

Петр и ты, Екатерина! Дух ваш живет еще с нами.
Зрите на новый вы век, зрите Россию свою.
Гений-хранитель всегда Александр будь у нас...

Упоминание Петра поможет понять политический смысл финала. Он выбран не случайно. Отношение Радищева к Петру известно. Далекий от его идеализации, писатель-революционер в то же время объективно и исторически верно оценил прогрессивную деятельность Петра. Александр чего-то стоит потому, что в нем ожил (так казалось Радищеву) «дух» Петра. Так, в условиях, когда крестьянская революция в России не могла быть раньше, чем через столетие, когда революция во Франции неожиданно для Радищева не принесла народу желанной свободы и права боровшегося народа были попраны «железною пятою», когда реальный опыт буржуазной революции заставлял задумываться о характере будущей революции, Радищев, опираясь на реальные факты и документы, мог оценить положительно ту деятельность монарха, которая обеспечивала «мир», «суд правды», «истину», «вольность». С Радищевым произошло то, что через двадцать пять лет произойдет с Пушкиным. После разгрома декабрьского восстания Пушкин, опираясь на опыт русской истории, одно время считал, что деятельность монарха может быть прогрессивной, если он будет следовать Петру, будет вторым Петром, будет во всем «пращуру» подобен. Но как у Радищева, так и у Пушкина это признание, во-первых, не значило перехода на позиции абсолютизма, не было изменой демократическим убеждениям, и, во-вторых, отношение к современному монарху — в одном случае к Александру, в другом — Николаю —

действительно зависело от поставленного ему условия: *если* он будет вторым Петром. Жизнь быстро убедила Радищева, а впоследствии и Пушкина, что в Александре не восторжествовал «дух Петра», что Николай не оказался «пращуру подобным». [1]

Стихотворение при жизни Радищева осталось неопубликованным. Нельзя не задуматься над вопросом, почему оно не было им напечатано.

Первое предположение — стихотворение отвергла цензура, оно не могло быть пропущено по политическим мотивам. Реальная история стихотворения опровергает это предположение: в 1807 году оно благополучно прошло цензуру и было напечатано. Учитывая обстоятельства эпохи, ясно, что в 1801 году оно могло увидеть свет еще с большей легкостью.

Второе предположение: стихотворение могло быть напечатано, но без имени автора, ибо имя его было скомпрометировано, а Радищев не хотел печатать его без имени. Но это предположение не подтверждается фактами. Главное свое произведение — «Путешествие из Петербурга в Москву» — Радищев опубликовал анонимно. Следовательно, если бы ему предложили снять фамилию, он вряд ли на этом основании отказался бы напечатать то, что считал нужным. Но дело в том, что имя Радищева не было запрещено. Наоборот, его официальным указом назначили в Комиссию, которая находилась в «ведении» самого царя. Ему предложено было ехать на коронацию в Москву. Ему вернули орден Владимира. И, наконец, после конфликта с Комиссией, после самоубийства, казалось бы, имя Радищева должно было стать более опальным. Но, как известно, сыновья без каких-либо затруднений напечатали все оставшиеся сочинения его, в том числе и «Осмнадцатое столетие».

Следовательно, не объективные, а субъективные обстоятельства обусловили то, что стихотворение оказалось ненапечатанным. Докончив его летом — осенью 1801 года, Радищев, видимо, сразу по возвращении в Петербург, после начала работы в Комиссии, усомнился в правиль-

---

[1] На характере эпитета «гений-хранитель» в последней строке могло сказаться непосредственное человеческое чувство благодарности за возвращение из ссылки.

ности своих надежд на Александра. Реальная практика Комиссии, торжество старых порядков в государственных учреждениях, и в частности в Сенате, — все это и многое другое быстро рассеивало иллюзии и надежды увидеть в Александре второго Петра.

Отрезвление могло произойти уже в первые месяцы нового царствования. Вспомним, что через Воронцова Радищев был в курсе деятельности «Негласного комитета». А деятельность его оказывалась бесплодной даже с точки зрения молодых друзей Александра. Вот что рассказывает Чарторижский о заседаниях «Негласного комитета» после коронации: «Император продолжал устраивать свои тайные совещания; но, довольствуясь лишь обсуждением разных проектов, он попрежнему не обнаруживал решимости взять на себя почин в осуществлении преобразований. Даже оба брата Воронцовы были недовольны в этом отношении императором».[1]

Если даже Воронцовы, хлопотавшие всего лишь о реформе Сената, были недовольны, то тем больше оснований для недовольства имел Радищев, осведомленный своим влиятельным другом в том, что происходило в «Негласном комитете», и об уклонении царя от конкретных проектов государственных преобразований. В этих условиях отказ Радищева от публикации «Осмнадцатого столетия» в высшей степени знаменателен. Он позволяет многое понять в оценках Радищевым текущего политического момента, и в частности политики Александра.

2

1802 год — год напряженной литературной и общественно-политической деятельности Радищева. В центре ее стояла огромная по замыслу работа по подготовке проектов неотложных законодательных реформ. До нас дошли три его сочинения по вопросам законодательства, общим объемом около шести печатных листов.

Записка «О законоположении» — тщательно разработанный Радищевым план работы по подготовке новых законов для России. План Радищева противостоял

---

[1] Мемуары князя А. Чарторижского, т. I, М., 1912, стр. 267.

официальной программе деятельности Комиссии, возглавленной графом Завадовским. В Комиссии рассматривались и систематизировались старые указы и законы. Радищев же считал необходимым сначала изучить реальную судебную практику по губерниям, с тем чтобы установить характер преступлений, причину их, время прохождения судебных дел, «ухищрения» различных служебных лиц, и особенно «мздоимство судей», зарегистрировать все случаи ошибочных решений на основании неверного толкования написанных темным языком законов и т. д. Радищев предлагает обязать губернии присылать в специально созданное учреждение «ведомости» по лично им разработанной форме.

Но еще более замечательно другое предложение. Радищев указывает, что ведомости, составленные официальными лицами, несомненно помогут составителям новых законов, но удовлетвориться ими нельзя. Поэтому он предлагает привлечь широкий круг «частных людей», мобилизовать общественность, и в первую очередь писателей, для раскрытия всех злоупотреблений властей и преступлений судей. Ибо Радищев считал, что только эти сведения могут быть истинными, только в них будет подлинная правда, и потому они послужат отличным основанием для выработки таких законов, которые оградили бы народ от преступных действий исполнителей законов.

Вот с каким призывом обращался Радищев: «Сего рода ведомости хотя и покажут многое, но еще бы больше можно узнать, если бы сыскался или житель столицы, или житель в губернии, или путешествователь, довольно имеющий твердости духа, любящий отечество и правду, а сверх того находяся в независимости в своей особенности, не имел нужды бояться прослыть клеветником злоречивым и бояться мщения сильных, сделал бы картину преступающих в злоупотреблении власти».

Автор записки сам показывал пример «твердости духа». За каждым его словом виден человек, «любящий отечество и правду», не боящийся «мщения сильных». Предлагая подробный план составления новых законов, Радищев пишет, что всюду в губерниях творятся беззакония, в которых повинны местные власти. Он говорит о необходимости прежде всего «показать преступления судей или градоначальников» потому, что, во-первых,

«сего рода преступление тягчит всегда жребий граждан: в России зло сие обширные и глубокие пустило корни; сие известно всем, но преступления таковые из них редко становятся гласны».

Радищев дает перечень повседневных преступлений судей и градоначальников, утаиваемых властями, — «превратное приложение и истолкование законов», и «проволочка», и «лицеприятие», вследствие чего «обвиняются немощные», и «мздоимство», и, наконец, «злоупотребления власти». Все преступления судей и властей предлагает Радищев разоблачить писателям и гражданам.

В записке «О законоположении» встречаются целые разделы, напоминающие страницы «Путешествия», — стоит, например, отметить сатирическую характеристику «государевых наместников». [1]

Второй документ — «Проект для разделения уложения российского» — попытка Радищева установить новую классификацию законов соответственно основным разделам гражданского и уголовного права. Чтобы начать составление отдельных уложений, необходимо было их предварительное разграничение. Радищев предлагает свой проект последнего.

Третий и самый главный документ — «Проект гражданского уложения» — сочинение, требовавшее больших специальных знаний и огромного труда. Написать все эти три законодательные сочинения в такой короткий срок Радищев мог только потому, что опирался и на свои ранние опыты по «законодательству». Более того — как показывает анализ записки «О законоположении» и «Проекта Гражданского уложения», они включили в себя весь круг идей Радищева, изложенных еще в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в философском сочинении «О человеке, о его смертности и бессмертии». Можно утверждать,

---

[1] «Вообще великое мнение о чинах... больше чувствительно в губерниях, и зависимость, в которой все служащие в одном месте, или многих, находятся от одного в рассуждении одобрения и получения чинов; отчего происходит, что все, угождая одному, в разум стесненный, в сжатую голову вселяют великое о себе мнение. Известно довольно, сколько название государев наместник произвело смешных деяний и сколько голов вскружило; мне кажется, что хорошо было бы возобновить древних персов обыкновение, где каждый день приходили напоминать царю, что он есть смертный».

что, составляя проекты узаконений, Радищев сознательно использовал свои прежние произведения, законченные и хранившиеся в черновиках.

Приведу несколько примеров, подтверждающих основательность этих соображений. В «Проекте Гражданского уложения» сказано: закон «если он дарит, то дарит равно всех; перед ним все равны». В «Опыте о законодавстве», написанном в 80-е годы, читаем: «Вольность личная состоит: 1. в равенстве всех граждан». В «Проекте» подробно разработан вопрос о праве — праве личном и праве вещественном. Впервые та же мысль была сформулирована в «Опыте о законодавстве». В «Проекте» находим важное положение «о праве вообще»: «То, что закон дает человеку, не есть что-либо вещественное, не может изобразиться в чувствах, оно и не есть сила или способность какая-либо, ибо сила или способность могут явиться в своих действиях непосредственно, но то, что он дарит, есть то самое, что силы и способности человека делает деятельными, то, что в человеке направляет его волю, словом, закон человеку дает право, природа дает ему силу, способность; но они могли бы быть препятствуемы в действиях своих, если бы закон не дал ему того, что отдаляет всякое препятствие, что дает способности и силе деятельность невозбранную. Таково есть понятие, которое можно иметь о праве вообще». Но еще в 80-е годы Радищев в одной из заметок писал: «Кажется, что понятие о праве возродилося в общественном положении человека. Ибо право, содержа в себе только возможность к деянию, не может в естественном положении быть ощутительно, ибо возможность к деянию чувствуема бывает тогда только, когда есть к тому достаточные силы. Следовательно, и право естественное в естественном положении существует только по обстоятельствам действия и недействия. В общественном же положении естественное право заключает в себе всю возможность деяния и есть неограниченно».

В «Проекте» разработаны проблемы не только о правах личности, но и о правах общества, которые Радищев называет характерным именем «право соборное или нравственное». В сочинении «О человеке, о его смертности и бессмертии» последний вопрос разработан и сформулирован впервые: «Вообразим себе сие нравственное или соборное вещество, которое мы называем общество», и т. д.

Оказались перенесенными в законопроекты и такие идеи, высказанные в «Путешествии из Петербурга в Москву», как уничтожение сословных привилегий, равенство всех перед законом, уничтожение телесных наказаний, обличение государственных наместников, мздоимство судей, требование общественного воспитания и т. д. и т. п. Обращаю внимание на многочисленные примеры использования Радищевым точных цитат и важнейших формулировок из его прежних работ.

В «Путешествии» в главе «Подберезье» Радищев писал о Блекстоне, о значении его трудов по классификации и систематизации английских законов. О том же рассказано и в записке «О законоположении». Радищев тоже пишет о борьбе с суеверием и, в частности, о Вольтере, используя текст «Путешествия»: «Волтер проповедывал терпимость до безголосицы, бич гонения воздвиг на суеверия и пустосвятство преследующим оружием насмешки». Подобных примеров довольно много.

Ясно, что если к составлению основополагающих для будущего законодательства документов Радищев подошел со своих позиций 80-х годов, он не мог не разойтись с официальным курсом Комиссии. Наивно полагать, как то делают многие исследователи, что Радищев разошелся с Завадовским. Факты свидетельствуют, что Радищев разошелся в определении задач Комиссии не с Завадовским, а с императором Александром. Это обстоятельство и определило последующий трагический исход событий. Известно, что одновременно с назначением Завадовского руководителем Комиссии был дан высочайший рескрипт, который и определил программу ее работ. Рескрипт не привлек внимания исследователей. Однако именно он позволяет определить характер и особенность радищевских юридических сочинений.

Содержание рескрипта определяется двумя противоречивыми идеями — внешне-декларативной и внутренне-приказной. Рескрипт начинался с широковещательного торжественного обещания: «Поставляя в едином законе начало и источник народного блаженства и быв удостоверен в той истине, что все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их навеки, в самых первых днях царствования

моего и при первом обозрении государственного управления признал я необходимым удостовериться в настоящей части сей положении».[1] Александр признавал необходимым приступить к составлению новых законов,[2] которых так ждала передовая Россия.

Но далее указывалось, что, поскольку Комиссия располагает Уложением царя Алексея Михайловича и указами Петра, ей предстоит проделать в сущности простую работу по систематизации имеющихся законов: «По изобилию сих материалов, я имел причину мыслить, что существующей ныне Комиссии оставалось только привести их в употребление, дать им связь и взаимное отношение и, совокупя воедино рассеянные части законоположения, привесть их в состав».[3]

Радищевская записка «О законоположении» прямо отвечает на рескрипт. Александр констатирует: Комиссия, созданная еще при Павле, за четыре года даже не составила плана своих работ. Радищев, придя в Комиссию, прочтя рескрипт, начал составление собственного плана работ Комиссии, назвав его демонстративно «О законоположении» (в рескрипте говорилось о необходимости для России «лучшего законоположения»). Смысл записки — в подготовке прежде всего новых законов. И это опять-таки соответствовало первой части рескрипта, где молодой царь декларировал и обещал. Как бы опираясь на рескрипт Александра, используя его обещания и даже терминологию, Радищев в своей записке «О законоположении» писал о необходимости немедленно приступить к составлению именно новых законов: «Сии-то суть, как и многие другие, истинные причины, для которых всегда и везде нужно было исправление законов обветшалых, издание новых и уничтожение прежних. Но когда разум любомудрия, сопровождаемый светильниками наук, действие свое благотворное простер посреди народного общества, и даже на самых правителей народов; если все начинают заботиться о благе общественном, если начинают постигать основание своих прав и обязанностей; когда лучшие о всех вещах начинают иметь понятия, —

---

[1] Полное собрание законов, т. XXVI, стр. 683.
[2] Там же, стр. 683—684.
[3] Там же.

тогда настанет благопоспешный час дать народу новое Уложение».

Радищев знает, что монарха, желающего дать народу новые законы, ждут великие трудности, что ему предстоит преодолеть препятствия, что найдутся «неистовые самолюбцы» из числа придворных, которые всячески будут мешать осуществлению его намерения. И Радищев обращается со словами ободрения к Александру, с призывом быть мужественным, твердым и последовательным. *Обращение свидетельствует, что Радищев писал записку «О законоположении» не для Завадовского, а для Александра.* Вот одно из таких обращений:

«Но законодатель мудрый, не убоясь препятствий и трудностей от частных людей, неистовых самолюбцев, презрив негодования некоторых для пользы миллионов, сокрушит неясности прежних узаконений, низвергнет ненависть чиносостояния разделяющие, воздвигнет закон для всех единый, в действии своем неминуемый, в изречениях неумолимый, который обнажит всем начальную цель общества и незыблем водрузится в сердца всех сограждан. Тогда родится общая безопасность, престол правителей народных будет непоколебим, и блаженство народное не будет задачею, отдаваемою на решение одних только любителей человечества».

Политический смысл радищевского выступления с требованием новых законов, предложение конкретного плана работ для составления именно новых законов, с привлечением представителей общественности, на которых возлагалась обязанность не только собирать необходимые сведения, но и раскрывать преступления властей и судей, — станет ясным только тогда, когда мы поймем — все это явно противостояло тому, что предлагал Александр в конкретной деловой части своего рескрипта. Рескрипт отражал характерную особенность политики Александра — либеральные обещания, оторванные от практических дел. Деловая часть рескрипта не только не подкрепляла декларативную, но и полностью сводила ее на нет. Тоном царского приказа рескрипт определял программу работ Комиссии — заниматься систематизацией старых законов. «Но рассуждая, что материалы к сему собранные самые неудачные опыты в сем упражнении сделанные, должны быть в актах сей Комиссии сохранены

и поставлены в известность. Я имею утешение думать, что, пользуясь сими началами, можно открыть ближайший путь к достижению сего великого конца, что всей разнородной массе предположений дав образ и единство, можно будет надеяться, что возникнет из нее довольно твердое основание к лучшему законоположению».[1]

Определив в своей записке «О законоположении», как политически необходимую задачу, составление новых законов с помощью общественности, Радищев тем самым полемизировал с императорским рескриптом и, следовательно, решительно вступал на путь борьбы за свои убеждения.

3

В каких формах протекала эта борьба? Где она развернулась? Обычный, ставший традиционным в радищевской литературе, ответ гласит: после возвращения в Петербург вся деятельность Радищева протекала в рамках Комиссии по составлению законов. Сюда он был назначен царским указом, здесь он и развернул свою работу юриста, которая выразилась в написании ряда законодательных проектов.

Радищев — член Комиссии, утверждают все исследователи, писал именно для этой Комиссии свои законодательные сочинения, надеясь добиться от Завадовского принятия своих проектов. Но эти надежды не осуществились — Завадовский пригрозил Радищеву, и он покончил с собой. Такова схема.

Единственным ученым, занявшимся тщательным изучением работы Радищева в Комиссии, был М. И. Сухомлинов. Он обследовал архив Комиссии и опубликовал ряд ценных материалов, в частности два особых мнения Радищева.[2] С тех пор все пишущие о Радищеве опираются на сведения М. И. Сухомлинова. Но при всей ценности работы М. И. Сухомлинова необходимо признать, что она не отвечает на один важный вопрос — в чем состояла деятельность Радищева в Комиссии.

---

[1] Полное собрание законов, т. XXVI, стр. 684.

[2] М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, СПБ., 1889.

Пафосом исследования М. И. Сухомлинова явилось отыскание законодательных сочинений Радищева, о которых упоминал его сын, Павел Александрович. Обследование архива позволило ученому категорически заявить, что никаких сочинений юридического порядка, и конкретно — никакого Гражданского уложения, никаких проектов реформ законодательства, Радищев для Комиссии не писал, никаких заданий не получал, и, соответственно, они поэтому обсуждению не подвергались. Единственно, что удалось найти, — это два особых мнения, которые Радищев подал по поводу разбиравшихся в Комиссии казусных дел. Несмотря на категоричность такого заявления, сделанного в конце XIX века ученым, хорошо изучившим архивы Комиссии, современные исследователи не считаются с ним и, не обращаясь сами к делам Комиссии, все же считают себя вправе утверждать, что Радищев писал свои юридические сочинения для Комиссии. Связано это с тем обстоятельством, что известие, сообщенное П. А. Радищевым о написании его отцом законодательных сочинений, подтвердилось. В архиве Воронцова были обнаружены «Проект для разделения уложения российского» и «Проект Гражданского уложения», которые и опубликованы в 1936 году. [1] Еще ранее, в 1916 году, была опубликована записка Радищева «О законоположении». [2] Появившиеся реальные законодательные сочинения Радищева и позволили вновь возродить идею о том, что вся работа Радищева в александровское царствование протекала только в рамках Комиссии.

В литературе последних лет наметились две точки зрения о характере и содержании службы Радищева в Комиссии. Одни исследователи, избегая объяснения и оценки деятельности Радищева в Комиссии, допускают, что он, работая в Комиссии, отстаивал свои революционные убеждения. Так, например, М. А. Горбунов утверждает: «Состоя членом законодательной Комиссии, Радищев оставался попрежнему защитником интересов крепостного крестьянства, борцом против самодержавно-крепостнического строя»; «Хотя деятельность законодательной Комиссии

[1] «А. Н. Радищев, Материалы и исследования», АН СССР, М. — Л., 1936.

[2] «Голос минувшего», 1916, кн. XII.

протекала под непосредственным наблюдением самого императора, что, естественно, суживало рамки деятельности Радищева, однако это не помешало ему проводить свои взгляды в законопроектах и вести решительную борьбу с теми невеждами и рутинерами, которым Александр I поручил составление законопроектов». [1]

Так же примерно поступает В. С. Покровский, автор последней большой работы о Радищеве. Внимательно анализируя юридические сочинения Радищева, он делает следующий вывод: «Радищев не мог разделять тенденции Александра и Завадовского навязать России принцип уложения, при котором были бы сохранены дворянские привилегии, крепостное право с обязательной барщиной и другими повинностями». [2] Но, с другой стороны, автор утверждает без какой-либо аргументации, что Радищев не только писал для Комиссии свои законопроекты, но и отдавал их в Комиссию: «Как мы уже говорили, для Завадовского представление Радищевым законодательного проекта, явно неприемлемого и не имевшего по своему духу связи с прусским уложением, которое Александр ставил Комиссии в образец, было значительным ударом». [3]

Зачем же писал Радищев для Комиссии свои законопроекты, зачем добивался их обсуждения в этой Комиссии, если не верил в возможность их принятия Александром и Завадовским?

Есть и другая точка зрения: Радищев писал свои законопроекты для Александра, полагая возможным добиться от него необходимых реформ, потому что Радищеву всегда была свойственна вера в возможность реформ сверху. «И в таких условиях Радищев не отказался от мысли использовать открывающиеся, как ему казалось, возможности реформы русского законодательства в целях подготовки освобождения крестьян. Программа-минимум, проект постепенного освобождения крестьян был подготовлен им еще в «Путешествии» (глава «Хотилов»)... Следовательно, Радищев пытался и в «Проекте» («Проект

---

[1] М. А. Горбунов, Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева, Госполитиздат, М., 1949, стр. 99, 100.

[2] В. С. Покровский, Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева, Киев, 1952, стр. 197.

[3] Там же, стр. 198.

Гражданского уложения») поставить вопрос об отмене крепостного права, на этот раз в законодательном порядке — «сверху».[1]

В. С. Покровский, заявив в одном месте своей книги, что Радищев «не мог разделять тенденцию Александра и Завадовского», в другом месте утверждает противоположное: «Исторически именно Радищеву, жившему в век господства рационализма, всего сильнее могла быть присуща вера в возможность раскрепощения народа сверху. И он за то, что хотя бы на краткий срок поверил в такую возможность, заплатил жизнью».[2]

Согласиться со второй точкой зрения также нельзя, ибо она не подкрепляется фактами и воспроизводит старую легенду о том, что Радищев всегда верил в реформы «сверху». Ни в воспоминаниях сыновей Радищева, ни в новых автографах Радищева, ни в каких-либо других документах нет даже намека на намерение Радищева воздействовать *лично* на Александра, добиться передачи Александру своих законодательных проектов.

Разберемся в тех предположениях, которые высказаны исследователями. Если Радищев хотел передать свои законопроекты Александру, то зачем ему нужен был Каразин? У Радищева было много других путей прямого и непосредственного обращения к царю. Во-первых, работая в Комиссии, находившейся в ведении Александра, он имел возможность передавать ему свои юридические сочинения официально. Во-вторых, он мог воспользоваться Воронцовым, который, как известно, передал свою записку царю. В-третьих, он мог передать лично от себя: в то время на имя Александра шли десятки различных проектов. Послал же свои проекты Каразин без каких-либо посредников. Наконец, не желая почему-либо посылать проекты за своей подписью, Радищев мог отправить их анонимно.

---

[1] Л. Кулакова, А. Н. Радищев, Лениздат, 1949, стр. 110—111. Ту же мысль развивает и Ф. Я. Прийма, опубликовавший новые автографы Радищева. Для него смысл отношений Радищева с Каразиным в том, что Радищев пытался добиться права представления своих проектов Александру (Ф. Я. Прийма, Неизвестные автографы А. Н. Радищева — «А. Н. Радищев, Материалы и исследования», ЛГУ, 1951, стр. 24).

[2] В. С. Покровский, Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева, стр. 154.

Тогда эти проекты были бы в архивах двора. Нет, услуги Каразина для передачи проектов Александру не были нужны Радищеву.

В уже цитировавшейся работе В. С. Покровского, последней по времени, с наибольшей категоричностью заявлено, что Радищев писал свои юридические сочинения для Комиссии непосредственно по поручению Завадовского. За время службы в Комиссии, пишет В. С. Покровский, «Радищев проделал огромную работу, которая свидетельствует не только о его исключительной энергии, но и о том, что он считал, повидимому, возможным принятие его проектов Александром и полагал, что они в какой-то степени послужат делу, которому он посвятил всю свою жизнь, — делу облегчения участи крепостного крестьянства». В другом месте прямо утверждается, что «проект для разделения уложения Российского» есть «официальный документ, поданный в Комиссию».

Наконец, В. С. Покровский утверждает, что «Завадовский поручал Радищеву, как опытному юристу, наиболее крупные работы в Комиссии». [1] Подобные заявления решительно ни на чем не основаны. Вот почему для того, чтобы положить конец сочинительству о деятельности Радищева в последний период жизни, необходимо на основе документов показать, в чем состояла работа Радищева в Комиссии, руководимой Завадовским. Дела Комиссии, находящиеся в Центральном Государственном Историческом Архиве в Ленинграде, дают возможность ответить на этот вопрос.

Уже говорилось, что Радищев был назначен в Комиссию 6 августа 1801 года. 13 августа он впервые посетил Комиссию, но начать работу не успел, так как вынужден был сопровождать Завадовского, выехавшего в конце августа на коронационные торжества в Москву. 14 октября коронационные празднества кончились, и 15 октября Александр отбыл в столицу. Вернулся в Петербург и Завадовский. Радищев не торопился приступить к работе в Комиссии. Он попросил, видимо, у Завадовского отпуск (но не официально, поскольку в делах Комиссии отпуск не зафиксирован). Журнал заседаний Комиссии свидетель-

[1] В. С. Покровский, Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева, стр. 164, 172, 188.

ствует, что Радищев впервые после возвращения из Москвы посетил Комиссию только 21 декабря. Таким образом, реальная деятельность Радищева в Комиссии падает на 1802 год, вернее, на первые восемь месяцев этого года.

Чтобы понять, какие поручения выполнял Радищев, нужно представить себе, чем занимались все члены Комиссии. Согласно царскому рескрипту от 5 июня, Комиссия должна была вести работу по систематизации старых указов в свод законов. Но уже 25 августа Александр издал новый указ, которым Комиссия обязывалась немедленно заняться совсем другим — работой «по сокращению канцелярского порядка». Александр указывал, что этим делом Комиссия должна заниматься «предпочтительно всем другим»; «рассмотря его во всем пространстве и по различию дел дав каждому роду их свойственный ему обряд и производство, начиная от нижних присутственных мест до самого Сената, исправить, дополнить и приспособить форму о суде к настоящему времени, к законам и Уставам, впоследствии изданным, к скорейшему дел течению и к лучшему действию правосудия».[1] Указ уже открыто свидетельствовал о ликвидаторских намерениях Александра I.

В декабре Завадовский, в соответствии с указом от 25 августа, установил порядок деятельности Комиссии, определив задание каждому члену. Не имели поручений двое: Радищев и Салтыков. Член Комиссии Н. Ильинский в своих записках заявил, что Радищев и Салтыков «упражнялись на полной свободе». Архив подтверждает заявление Ильинского — в делах хранятся различные проекты, выполненные членами Комиссии. Нет только проектов Радищева, поскольку заданий он не получал. Все три известных нам радищевских проекта законодательных реформ не имеют никакого отношения к его деятельности в Комиссии. Более того, они противоречат целям Комиссии и по своему характеру далеки от реальных занятий всех членов Комиссии, в том числе и самого Радищева как члена Комиссии.

Можно предположить, что Радищев, написав юридические сочинения по собственной инициативе, пожелал поставить их на обсуждение Комиссии с целью повлиять на

---

[1] Полное собрание законов, т. XXVI, стр. 759—760.

ход ее работы. Но архивные дела ясно свидетельствуют: и таких попыток Радищев не предпринимал. В журналах-дневниках нет даже туманного намека на то, что у Радищева есть какие-то юридические сочинения или мнения, которые он хотел бы высказать членам Комиссии. Оттого все три известные нам законодательные работы Радищева были обнаружены не в архиве Комиссии, а в других местах.

Чем же тогда занимался Радищев в Комиссии? Как свидетельствуют документы, он довольно регулярно посещал заседания Комиссии, принимал участие в ее работах в течение восьми месяцев 1802 года.[1] Документы позволяют установить, что члены Комиссии составляли выписки из законов, знакомились с обширной юридической литературой, делали выписки из законодательств других стран и т. д. Но было в Комиссии дело, которое отнимало много времени, — вынесение заключений по казусным делам, присланным из Сената.

Еще 10 января 1800 года в Комиссию пришло 31 дело. После назначения в Комиссию Завадовского в июне — августе отдельным членам было поручено знакомство с делами. Так, в бумагах Комиссии сохранилось восемь мнений Прянишникова, которые он подал в конце августа 1801 года. Обсуждение казусных дел, после их тщательной подготовки на заседаниях Комиссии, началось, видимо, с 1802 года. Доказательством служат сохранившиеся в архиве заключения Комиссии, подписанные всеми членами. Поскольку же первое дело было подписано Радищевым, можно предположить, что оно рассматривалось не ранее января 1802 года. Всего Комиссия сумела разобрать 25 дел. Семнадцать заключений были готовы к 20 мая и, подписанные всеми членами Комиссии, переданы в Сенат. При этом два члена Комиссии — Прянишников и Радищев — подали по ряду дел свои особые мнения.

Радищев принимал участие в обсуждении двенадцати дел. В трех случаях он, не соглашаясь с мнением большинства членов Комиссии, подал свое особое мнение. Мнения Радищева не датированы. Но в одном случае Ра-

---

[1] В январе Радищев посетил Комиссию 17 раз, в феврале — 11, в марте — 14, в апреле — 9 (с 4 по 21 апреля предпасхальные и пасхальные праздники, когда присутствия не было), в мае — 14, в июне — 11, в июле — 13, в августе — 5 и сентябре — 2 раза (ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 3., д. 229).

дищев ссылается на мнение Прянишникова, с которым он согласен (о праве подсудимых отводить судей). Мнения Прянишникова помечены разными числами первой половины мая. Следовательно, свои мнения Радищев подавал тоже в мае 1802 года (но до 20-го числа, когда все заключения были отправлены в Сенат).

После отправки семнадцати решенных казусных дел Комиссия продолжала обсуждение оставшихся и вчерне закончила еще девять дел. Поскольку работа не была завершена, дела подписи не имеют. Таковы свидетельства архивных документов о роде занятий Радищева в Комиссии в течение восьми месяцев 1802 года.

О том же свидетельствует и сослуживец Радищева, Н. Ильинский. Радищев, пишет Ильинский, «как я приметил, мыслей вольных и на все взирал ⟨с⟩ критикою. Когда рассматривали мы сенатские дела и писали заключения, соглашаясь с законами, он при каждом заключении, не соглашаясь с нами, прилагал свое мнение, основываясь единственно на философском свободомыслии. Ему казалось все недостойным внимания, все обряды, обычаи, права, постановления глупыми и отягощающими народ». [1]

Воспоминания Ильинского важны и тем, что подтверждают действительный характер занятий Радищева в Комиссии — участие в обсуждении сенатских дел, и тем, что они характеризуют не только вольномыслие Радищева, но и трезвость его оценок деятельности Комиссии и убеждений ее членов. Если он расходился в мнениях с членами Комиссии при обсуждении только казусных дел, то совершенно очевидно, что договориться с такой Комиссией по вопросу о новом законодательстве было бы (в случае, если бы Комиссии действительно поручили это дело) невозможно.

Приведем свидетельство П. А. Радищева о службе его отца в Комиссии. В рукописи он записал: «Радищев, определенный в 1801 году в Комиссию составления законов... уже окончил «Проект Гражданского уложения» и *предполагал* его представить графу Завадовскому». [2] В печатной редакции то же место сформулировано иначе: «Радищев, помещенный в Комиссию... занялся сочинением Уложения

---

[1] Из записок Н. С. Ильинского — «Русский архив», 1879, № 12, стр. 416.

[2] В. П. Семенников, А. Н. Радищев, стр. 233—234.

и уже составил «Проект Гражданского уложения», полагая представить его гр. П. В. Завадовскому».[1] В обеих редакциях мемуарист говорит лишь о *намерении* Радищева передать проекты Завадовскому. В соответствии с действительным положением вещей (документы Комиссии) П. А. Радищев не говорит, что проекты отца обсуждались в Комиссии.

Прежде чем перейти к анализу законодательных сочинений и выяснению обстоятельств, при которых они были написаны, необходимо остановиться на характеристике тех двух мнений, которые подал Радищев при обсуждении казусных дел в Комиссии. До нас дошло два таких мнения: «О ценах за людей убиенных» и «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника».[2] Причину расхождения Радищева с членами Комиссии при составлении заключений Ильинский видит в том, что они «писали заключения, соглашаясь с законами», а Радищев основывался «единственно на философском свободомыслии». Как показывает изучение особых мнений и других юридических документов Радищева, дело тут было не только в «философском свободомыслии». Расхождение при обсуждении частных проблем выявляло расхождение по коренному вопросу: чем должна заниматься Комиссия — систематизацией старых законов или составлением новых?

На запрос Сената «О ценах за людей убиенных» Комиссия давала свое заключение на основе старых указов, а Радищев написал свое особое мнение, вытекавшее из тех новых законов, которые он в то время писал. В частности, мнение «О ценах за людей убиенных» есть лишь конкретизация одной из статей «Проекта Гражданского уложения».

Свое мнение Радищев начинает с прямого заявления, что нельзя решать вопрос этот на основе уложения Алексея Михайловича, поскольку прежде всего «должны отменены быть и многие постановления Соборного уложения, сообразные грубости нравов тогдашнего времени,

---

[1] «Русский вестник», 1858, декабрь, кн. 2, стр. 422.

[2] Обнаружил эти мнения М. И. Сухомлинов в архиве Комиссии по составлению законов и впервые опубликовал в «Сборнике отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXXIII, СПБ., 1883, № 6.

сообразные тогдашнему образу мыслей, но ныне уже несовместные». Нужны «новые постановления». Вслед за этим и следует проект такого нового постановления. Радищев дает обоснование, почему «цена крови человеческой не может определена быть деньгами». Все это рассуждение о «цене крови человеческой» есть простое повторение общего положения, изложенного в «Проекте Гражданского уложения». [1]

В своем мнении Радищев развивает мысль об убийстве умышленном и неумышленном и соответствующих наказаниях. И тут он пересказывает и цитирует соответствующее место своего «Проекта Гражданского уложения». [2] Следовательно, то единственное, что оказалось в архиве, — особые замечания, то есть то, что давал в Комиссию в качестве юридических сочинений Радищев, органически связано с его главными законопроектами, которые он не мог, да и не хотел передавать Завадовскому.

В чем же был общественный смысл законодательных трудов Радищева, если они писались не для Комиссии? Уже говорилось, что традиционная точка зрения состоит в том, что вся деятельность Радищева после возвращения в Петербург сводилась к службе в Комиссии. Однако основные труды Радищева этой поры заключались в разработке законопроектов, никак не связанных (как это видно из всего предыдущего) с работой Комиссии. Вот почему нельзя деятельность Радищева в ту пору сводить только к службе. Известно, что Радищев служил всю жизнь. Служба не мешала ему выступать со своими политическими сочинениями. Не оставил Радищев общественной деятельности и в начале XIX столетия, когда был определен в Комиссию.

4

Работу Радищева в области законодательства можно понять только в атмосфере политических событий 1801—1802 годов. Человек, активный по натуре, деятельность

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 3, АН СССР, М. — Л., 1952, стр. 246—247.

[2] Там же, ср. текст мнения на стр. 248 с текстом «Проекта» на стр. 190—193.

для которого была условием жизни, находивший возможность работать в крепости и в ссылке, он не мог быть в стороне от политической жизни, получив свободу.

Начало александровского царствования характерно появлением внутри дворянства различных групп политических деятелей, которые активно доказывали необходимость социального и государственного преобразования. Люди различных убеждений, неудовлетворенные реальной практикой самодержавия, они не были связаны между собою. Радищев имел возможность наблюдать деятельность Александра и Семена Воронцовых, Зубова, мечтавших об ограничении самодержавия в интересах поместной аристократии, хлопотавших о восстановлении прав Сената и перестройке государственных учреждений на английский манер. Знал Радищев о настроениях молодых друзей Александра — членов «Негласного комитета». Видел активность бывшего редактора «Санкт-Петербургского журнала» Ивана Пнина, выступившего на общественную арену в 90-е годы и еще тогда установившего контакт с наследником. С началом александровского царствования появились новые деятели — Сперанский, Каразин, Малиновский и многие другие. Радищев и решает объединить, сплотить усилия оппозиционных групп дворянства, направить их деятельность к одной цели. Объединить всех могла программа, которая бы указывала пути решения назревших насущных государственных и социальных проблем и была приемлемой для различных дворянских деятелей. Несомненно, удовлетворить такие требования могла только программа-минимум. Общественное значение законодательных работ Радищева состоит в том, что в них и предлагалась такая программа-минимум.

Какие требования легли в основу законодательных проектов Радищева? Прежде всего, Радищевым четко и ясно сформулировано положение о необходимости уничтожения сословных привилегий, введения равенства всех граждан перед законом. Хорошо известны слова Ленина о том, что идея равенства «самая революционная идея в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладе-

нием в особенности».[1] Автор «Проекта Гражданского уложения», последовательно и настойчиво проводя идею равенства, подчеркивал еще свое открытое сочувствие трудовому народу.

Прежде всего он категорически отстаивал право крестьян приобретать собственность: «На вопрос, кто может приобретать собственность, ответ естественный будет тот: что всякой, принадлежащий к обществу, может собственность приобретать сам или через другого по той единственно причине, что он к обществу принадлежит и есть его член».[2]

В другом месте сочувствие Радищева к крестьянам проявилось с еще большей откровенностью. Разрабатывая раздел об «оскорблении телесном», Радищев не только формулирует закон, требующий наказания оскорбителя, но и вводит особый момент — требование считаться с мнением обиженного. Тогда «закон оставит на воле обиженного искать удовлетворения судопроизводством уголовным или гражданским». Выиграют от такого закона крестьяне: «Из такого распоряжения в законе выйдет величайшее в некоторых отношениях добро; ибо через оное изведется из унижения и презрения большая часть народа, на которую высшие и богатые состояния взирают всегда с презрением. Всякой обиженной будет судить сам о сделанном ему оскорблении, и от него зависеть может воздать обижающему тем же, чем он обидел, и намеряющийся учинить обиду простолюдину (мужу от народа) воздержится и не захочет нарушать закона». Подобные статьи «Проекта Гражданского уложения» отчетливо свидетельствуют, что их автор стоит на стороне «мужа от народа», хлопочет о его правах.

Второй тезис радищевской программы формулировал мысль о необходимости упорядочения русского законодательства, создания нового уложения, новых, отвечающих потребностям времени и справедливых законов. Кроме того, Радищев считал необходимым ввести строгий контроль за судами и местными властями, контроль за правильным применением и исполнением уже систематизи-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 214.

[2] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 204.

рованных и вновь написанных законов. Радищев добивался введения законности в России. Осуществление этого тезиса программы привело бы к прекращению чудовищного произвола центральных и местных органов самодержавно-бюрократического государства.

Третий тезис программы требовал отмены телесных наказаний. В специальном пункте Радищев записал: «Намерение всяких наказаний не может иное быть, как или *предупреждение преступления,* или *исправление преступника»*. Радищев выступает против смертной казни, против жестоких наказаний: «Всякая жестокость и уродование не достигают в наказаниях своей *цели»*.[1] Перечисляя меры наказания, Радищев говорит о существующих по русскому законодательству телесных наказаниях: «Телесное наказание. Сие не иначе должно быть, как в виде исправления, а потому всегда легко и с великою осторожностью». Но, сохранив с оговоркой то, что было в русском законодательстве, Радищев счел необходимым в специальном примечании выступить решительно против самого принципа телесного наказания: «Польза наказания телесного есть (по крайней мере для меня) проблема недоказанная. Оно цели своей достигает ужасом. Но ужас не есть спасение и действует лишь мгновенно».

Программа Радищева, сформулированная в 1802 году, органически связана со всем тем, что писал он до своего ареста и ссылки. Вместе с тем она резко отличается от убеждений автора «Вольности» и «Путешествия», отличается тем, что нет в ней идеи крестьянской революции как единственного пути к свободе, нет решительного осуждения крепостного права, его преступности, нет отрицания самодержавной власти. Этот факт обычно в современной литературе всячески обходится. Исследователи предпочитают говорить в общей форме о том, что Радищев остался верен себе. В то же самое время выдвижение программы-минимум — знаменательное явление общественной жизни начала века, важный этап в развитии политических убеждений Радищева. *Ясно, что Радищев, с одной стороны, не изменил своим убеждениям, когда решил сформулировать программу-минимум, с другой стороны,*

---

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 169.

выдвижение программы-минимум есть свидетельство живого отклика революционера на насущные вопросы политического движения новой эпохи, отклик умного и реального политика, определившего новую тактику.

Нетрудно заметить, что три важнейших тезиса радищевской программы как бы предвосхищают основные политические требования Белинского, сформулированные им в его письме к Гоголю. В этом письме Белинский, стоявший на революционных и демократических позициях, вовсе не взывал к крестьянской революции, и не цензурные опасения были тому причиной, — письмо ведь писалось за границей и содержало в себе все, что считал нужным сказать критик. Тем не менее Белинский следующим образом определил насущные политические задачи, стоящие перед Россией: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже самое правительство».

Современные исследователи письма Белинского показывают, что программа-минимум революционного демократа означала исторически верное решение важнейших тактических проблем.

«Программа-минимум Зальцбруннского письма в условиях 1847 г. оказывалась единственно правильным разрешением стоявших перед Белинским тактических проблем. Ее тезисы: «уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть», отвечая интересам крестьянских масс, очень облегчили в то же время создание широкого антикрепостнического фронта, определение ближайших задач которого явилось одним из самых больших достижений Белинского как реального политика». [1]

Программа-минимум Белинского имела двоякое значение. Во-первых, она выдвигала важнейшие насущные вопросы национальной жизни России. Сколь важны были они, видно из того, что в 1914 году, то есть через пятьде-

[1] Ю. Г. Оксман, Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ — Ученые записки Саратовского университета, т. XXXI, Саратов, 1952, стр. 125.

сят лет после официальной отмены крепостного права, Ленин, оценивая письмо Белинского, в статье «Из прошлого рабочей печати в России» указывал, что оно, подняв в свое время важнейшие общественные вопросы, сохранило «громадное, живое значение и по сию пору».[1] Во-вторых, программа-минимум решала тактический вопрос: объединение различных оппозиционных общественных групп для достижения экономических и политических преобразований, вполне осуществимых в данных условиях.

Верность подобной тактики подтверждена Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Ленин указывал, что партия пролетариата, осуществляя свою политику революционного преобразования политического и экономического строя самодержавной России, может в известные моменты выдвигать и программу-минимум. Программа-минимум оказывается программой «ближайших политических и экономических преобразований, вполне осуществимых, с одной стороны, на почве данных общественно-экономических отношений, и необходимых, с другой стороны, для дальнейшего шага вперед».[2]

Программа Радищева была такой программой-минимум для передовой общественности начала XIX века. Она должна была служить основой объединения различных оппозиционных групп дворянства для совместных действий, она формулировала ближайшие политические и экономические преобразования, вполне осуществимые на почве данных общественно-экономических отношений. Верно ли предположение, что именно этот характер носила работа Радищева над законодательными проектами?

Да, верно. Вспомним прежде всего, что эти проекты проходили не через Комиссию, в официальную деятельность которой Радищев не верил и не мог верить. Обнаружение рукописи этих сочинений в архиве Воронцова — еще одно свидетельство намерения Радищева идти иным, не служебным путем к осуществлению своих целей. Ясно, что Воронцов знал законодательные работы Радищева,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 224.
[2] Там же, т. 9, стр. 13.

был знаком со всеми конкретными его предложениями. Но мало того: нам известно, что ознакомлением Воронцова с этим документом Радищев не ограничился. Он установил личные взаимоотношения с целым рядом других общественных и государственных деятелей — с Каразиным, Пниным, Сперанским.

Об отношениях Радищева с Каразиным мы знаем прежде всего из воспоминаний П. А. Радищева. «Особы, посещавшие Радищева во время последнего пребывания в Петербурге, — пишет биограф, — были: Каразин, уверявший, что имеет большое влияние при дворе и очень много ему обещавший...» [1] Каковы же были отношения Радищева и Каразина? Павел Радищев уточняет: Каразин интересовался законопроектами его отца: «Проект Гражданского уложения», написанный в Петербурге и переписанный им (Радищевым. — *Г. М.*) самим набело, был вверен некоторому Василию Назаровичу Каразину, был им удержан и пропал». [2]

Недавно найденные в архиве М. П. Погодина автографы Радищева подтверждают сообщение Павла Радищева и в части знакомства с Каразиным и в части передачи ему одного законодательного проекта Радищева. Первый автограф — записка Радищева, в которой говорится о желании увидеться и познакомиться с В. Н. Каразиным: «Если б я мог знать, в который день и в которое время можно мне видеться с Васильем Назарьевичем, то я за великое удовольствие почту быть у него». [3] Второй автограф — отрывок (видимо, оглавление) юридического сочинения Радищева, близкого к известному нам «Проекту для разделения уложения российского». На автографе есть позднейшая приписка В. Каразина. [4]

Установление только личных отношений Радищева с Каразиным и знакомство последнего с законодательными предложениями Радищева мало что дает исследователю. Важно понять, в чем был смысл взаимоотношений, какую цель преследовал Радищев, когда искал знаком-

---

[1] Цитирую по книге В. П. Семенникова «А. Н. Радищев», стр. 239.

[2] Там же, стр. 237.

[3] «Радищев. Статьи и материалы», ЛГУ, 1950, стр. 19. (Публикация Ф. Я. Приймы.)

[4] Там же, стр. 23.

ства с Каразиным и когда передавал ему свои законопроекты для их изучения. А понять это — значит решить общий вопрос: в чем общественный смысл законодательной работы Радищева в последний период его жизни; для кого писал Радищев свои проекты, каким путем собирался их осуществить?

Известно, что в Петербурге Радищев появился весною 1801 года. Первые месяцы были заняты устройством личных дел. Тогда же он по поручению Воронцова стал редактировать подготовленные им важнейшие политические документы. В конце августа Радищев уехал в Москву на коронацию. Можно утверждать, что за несколько месяцев, проведенных в столице, он не имел возможности начать работу над законодательными сочинениями. Затем он на четыре месяца уехал из столицы и вернулся только в конце декабря. Полтора месяца Радищев провел в Москве. Завадовский вернулся вместе с двором в столицу, Воронцов поехал к себе в имение во Владимирскую губернию, где и пробыл до середины ноября. Возможно, Радищев поехал с ним. По свидетельству камер-фурьерского журнала, 21 ноября 1801 года Воронцов был уже в Петербурге.[1] Видимо, после отъезда Воронцова в столицу Радищев воспользовался удобным случаем и заехал для ликвидации дел в Немцово.

Пребывание в Москве, несомненно, важное событие в жизни Радищева. К сожалению, ничего не известно о том, что он делал в дни коронации. Вместе с тем содержание занятий Радищева в Москве можно восстановить предположительно. Поехал он не по своей воле. Ему было предложено сопровождать Завадовского. Никаких официальных поручений по Комиссии Радищев не имел. Никаких поручений Завадовскому как председателю Комиссии во время коронации не давали и не собирались давать. Однако с какими-то целями он все же взял с собой Радищева. Можно предположить, что Завадовский, связанный дружбой с Воронцовым, знал об участии Радищева в редактировании жалованной грамоты, обнародования которой многие ожидали во время коронации. Возможны были новые поправки. Вот тут-то Радищев был бы весьма кстати. Напомним, что в Москве был и Ворон-

---

[1] «Камер-фурьерский журнал за 1801 год», СПБ., стр. 535.

цов, автор жалованной грамоты, и Сперанский — статс-секретарь Александра, исправлявший жалованную грамоту после того, как ее редактировал Радищев. Александр отказался от идеи обнародовать жалованную грамоту. Коронация прошла, и народу не было даровано никаких прав. В Москве после отказа Александра опубликовать жалованную грамоту стало ясно, что новый царь вовсе не собирается производить каких-либо серьезных государственных преобразований. Член «Негласного комитета» Чарторижский пишет: «Великие мысли об общем благе, великодушные чувства, желание пожертвовать ради них своими удобствами и частью своей власти и даже, в целях более верного обеспечения будущего счастья людей, подчиненных его воле, совсем сложить с себя неограниченную власть — все это искренно занимало некогда императора... но это было скорее юношеским увлечением, нежели твердым решением зрелого человека. Императору нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища; ему нравилось, что его правительство внешне походило на правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощения же их в действительность он не допускал». [1] Тот же Чарторижский свидетельствует, что во время бесконечно длившихся утомительных коронационных празднеств с их балами, иллюминациями, обедами для народа и для войск, с фонтанами из вина и т. д. и т. п. родилось чувство утраты надежды. «Какой-то оттенок грусти окрасил начало этого царствования, в полную противоположность с блеском пышных коронационных торжеств... За первой радостью, испытанной по случаю освобождения от необычайной тирании Павла, последовал упадок сил, обыкновенно порождаемый обманутыми ожиданиями». [2]

Если для Чарторижского во время коронации стало ясно, что все обещания Александра — не что иное, как «холостой выстрел», то как же можно без каких-либо оснований утверждать, что Радищев в 1802 году, когда писал свои законодательные сочинения, верил в возможность осуществления их Александром?

---

[1] Мемуары князя А. Чарторижского, т. 1, М., 1912, стр. 306—307.
[2] Там же, стр. 255.

Отказ Александра обнародовать жалованную грамоту убедил еще раз Радищева в правильности его отношения к монархии. Не собираясь играть роль маркиза Позы, он выполнял лишь то, что просил его Воронцов, — отредактировал написанный последним манифест. В процессе работы он кое-что поправил, кое-что вписал. В случае обнародования грамоты были бы осуществлены и те пункты, которые вписал Радищев, — равенство всех перед законом, свобода слова и совести, гарантия прав на собственность всех сословий, в том числе и крепостных крестьян.

Отвергнув жалованную грамоту, Александр тем самым как бы сплотил силы дворянской оппозиции. Факты свидетельствуют, что многие дворянские деятели не оставили своих намерений добиться каких-либо уступок от царя и потому усилили активность. Радищев общается в Москве с Воронцовым, который не мог быть довольным тем, что царь не принял составленную им жалованную грамоту.

Прямое следствие недовольства Воронцова — его записка «О России в начале нынешнего века», поданная Александру в том же 1801 году, сразу после коронации. «Записка» помечена ноябрем. Сочинялась она в Андреевском, имении Воронцова во Владимирской губернии. В Андреевское Воронцов поехал из Москвы после окончания коронации, то есть после 15 октября. 26 ноября он уже был в Петербурге. Следовательно, «Записка» писалась под впечатлением тех разговоров, которые велись во время коронации.

«Записка» давала оценку положения России «в начале нынешнего века». В ней довольно резко говорилось о царствовании Екатерины I и Екатерины II, отмечались гибельные следствия отсутствия законодательных органов: «Можно сказать, к сожалению, что Россия никогда прямо устроена не была, хотя еще с царствования Петра Великого о сем весьма помышляемо было». Изложил Воронцов и главное свое требование — реформировать Сенат, придав ему больше прав, чтобы вывести его из «ничтожества». Несомненно, Воронцов добивался осуществления своих старых идеалов — усиления власти аристократии. Но «Записка» не ограничивалась этим требованием. Она содержала немало и других предложений: «привести в ясность и порядок налоги», «соразмерить состояние и

число монеты», отменить указы, противоречащие один другому, проявить «внимание к торговле» и т. д. [1]

Можно не сомневаться, что Радищев знал о намерении Воронцова писать «Записку», знал и ее содержание и не мог не задумываться вновь и вновь над важнейшими политическими вопросами.

В Москве был и Сперанский. В. И. Семевский сообщает о знакомстве Сперанского и Радищева: «Сперанский... лично знал Радищева. Этот факт еще более расширяет сферу влияния Радищева». [2] Сперанский, как и многие деятели, разочаровался в возможности ожидать каких-либо реальных плодов от деятельности Комиссии, созданной Александром. Об этом свидетельствует политическое сочинение, написанное Сперанским в начале 1802 года, то есть после возвращения из Москвы. Сочинение в высшей степени характерно для умонастроения передовых кругов русского общества начала века.

В своем сочинении Сперанский, говоря об условиях составления в России нового Уложения, отметил, что важнейший залог успеха — подбор людей, которым будет поручена работа. Сказав об этом в общей форме, он счел нужным оговорить участие в работе Радищева, и только его одного. Два раздела будущего законодательства предлагал Сперанский поручить Радищеву: историю законов и историю закрепощения русских крестьян.

«Радищев, — писал Сперанский, — может с совершенным успехом составить историю законов — творение необходимое, в коем, по дарованиям его и сведениям, он может много пролить свету на тьму, нас облегающую». [3] Уже из этой характеристики Радищева ясно, что так мог говорить человек, который хорошо его знал. Получить же сведения подобного рода Сперанский мог, видимо, во время устных бесед с Радищевым, поскольку никаких печатных сочинений Радищева по законодательству он не читал. Рекомендуя же поручить Радищеву разработку крестьянского вопроса, Сперанский полагал, что «в составлении сей истории не худо будет дать ему особенно заме-

---

[1] Архив Воронцова, кн. XXIX, М., 1883, стр. 453—464.

[2] В. И. Семевский, Первый политический трактат Сперанского — «Русское богатство», 1907, кн. I, стр. 57.

[3] «Русское богатство», 1907, кн. I, стр. 57.

тить, чтоб углубился он разысканием, каким образом обычай укреплять крестьян превратился в право, и в каком положении сей род людей был в России при различных ее превращениях».[1]

Общение со Сперанским вновь столкнуло Радищева с подготовкой еще одного политического сочинения об условиях составления в России новых законов. И опять, как и в случае с «Запиской» Воронцова, подготавливаемое сочинение (в котором определялась роль и ему, Радищеву) шло не в русле официального движения бумаг.

Сперанский был одним из крупнейших государственных деятелей александровской поры. Его законодательная деятельность известна прежде всего по проекту реформ 1809 года. Политический трактат Сперанского 1802 года позволяет увидеть, что Сперанский за короткий срок первого десятилетия проделал значительную эволюцию. Сочинение 1802 года, посвященное важнейшей и острейшей проблеме — составлению нового Уложения, носит на себе следы радикальных убеждений, от которых Сперанский очень скоро отказался. Сперанский предлагает: сначала выработать конституцию — «будущее общее государственное постановление», а затем, опираясь на нее, специалисты-юристы составят Уложение. «В правлении самовластном не может быть Уложения: ибо где нет прав, там не может быть и постоянных их между собой отношений. То, что называется уложением и законом в сих правлениях, не что другое есть, как произвольное постановление власти предержащей, предписывающее взаимные граждан обязанности на известное время, доколе воля самовластная не рассудит переменить их или иным образом ограничить».[2]

Либерализм убеждений Сперанского проявился уже в этом проекте. Отстаивая идею выработки конституции как условия составления Уложения, Сперанский в то же время считает, что конституция не должна быть опубликована немедленно. Она может быть введена в действие позже, в далеком будущем. Конституция нужна лишь законодателям, чтобы, опираясь на ее общие постановления, можно было составить конкретные законы.

---

[1] «Русское богатство», 1907, кн. I, стр. 58.
[2] Там же, стр. 54.

Другое важнейшее условие выработки Уложения, утверждает Сперанский, — общественное обсуждение проекта законов. Сперанский считает, что законопроекты должны обсуждаться на собраниях представителей сословий, которые заседают не все вместе, а раздельно — каждое сословие самостоятельно.

Сперанский не обошел и крестьянский вопрос. «Я не говорю здесь о высших предметах, как то: об отношении крестьян к помещикам, то есть об отношении миллионов, составляющих полезнейшую часть империи, и горсти людей, захвативших бог знает почему и для чего все права и преимущества. Сии предметы относятся более к конституции, нежели к Уложению, хотя нельзя будет пропустить их в Уложении».[1]

Проект этот не имел ничего общего с официальными занятиями Комиссии по составлению законов. Не для Завадовского писал его Сперанский. Видимо, как большинство проектов этого времени, он предназначался для Александра I. Будучи статс-секретарем императора, Сперанский полагал возможным при каких-то обстоятельствах убедить Александра принять его предложения по государственному переустройству.

Пребывание в Москве создало для Радищева возможность познакомиться по крайней мере с двумя сочинениями, утверждавшими мысль о необходимости реформ и преобразований, — Воронцова и Сперанского. Можно утверждать, что Воронцов рассказал о своей «Записке» Радищеву. Так же трудно предположить, что лично знакомые Радищев и Сперанский, ежедневно встречавшиеся на торжественных церемониях, связанные одинаковыми служебными обязанностями (редактировали жалованную грамоту), охваченные идеей государственных преобразований, имеющие к тому же прямое отношение к делу законодательства, — трудно предположить, что эти два человека не беседовали на темы, которые их волновали. Не исключена возможность, что *именно* в беседах в Москве и узнал Сперанский Радищева как человека, который не только по дарованиям, но и по сведениям «может много пролить свету на тьму, нас облегающую».

---

[1] «Русское богатство», 1907, кн. I, стр. 158.

Все это позволяет высказать предположение, что в Москве Радищев не только понял игру Александра в либерализм, но и увидел среди дворянского общества людей, желавших добиться государственных преобразований, имевших свои проекты преобразований, но действовавших в одиночку, на свой страх и риск, вынужденных посылать царю свои проекты, письма, записки, то есть прибегать к приемам, которые использовал в Петербурге и Каразин. Возможно, там, в Москве, и созрела у Радищева идея написать свой проект нового Уложения, выдвинуть свои условия создания новых законов в самодержавной России, проектов, которые бы объединили усилия различных дворянских деятелей, сделались бы программой для общих действий. То, что никогда не удастся одиночке, — убедить царя,— может достичь группа деятелей, выражающих мнение широких общественных кругов. Вынужденного играть в либерализм царя можно было заставить принять программу-минимум — заставить силою общественного мнения. Существование в дворянстве таких сил позволило Радищеву рассматривать эту тактику как реальную политику. Таково предположение.

Вернувшись в Петербург, Радищев пишет свои законодательные проекты. Он работал напряженно и много. Все свободное от службы в Комиссии время он проводил дома. На стол были положены все рукописи по законодательству, над которыми работал он еще в 80-е годы. Из книжных лавок ему несли специальные сочинения по истории законодательства европейских стран. После его смерти сыновья продали юридическую библиотеку отца в Комиссию по составлению законов.

Радищев писал и принимал дома нужных ему людей. Квартира Радищева превращалась в центр общественной жизни Петербурга. Старшие сыновья Радищева Николай и Василий, начинающие литераторы, были помощниками отца.

Связанный с Воронцовыми, установив контакт с Каразиным и Сперанским, Радищев искал новых знакомств. Так возникли взаимоотношения с Иваном Пниным. Пнин был издателем, поэтом, политическим писателем. В 1798 году он издавал на средства наследника «Санкт-Петербургский журнал». После вступления Александра

на престол Пнин был назначен в только что созданный Государственный совет письмоводителем.

Знакомство Радищева с Пниным состоялось, по всей вероятности, в начале 1802 года. П. А. Радищев пишет, что среди других «особ», посещавших его отца, в это время был и Пнин. «Иван Петрович Пнин в 1802 году был молодой человек... даровитый, деятельный, с восторженной головой, в либеральном смысле». Пнин и другие молодые люди, приходившие к Радищеву, по свидетельству сына, слушали «его с восторгом, хотя он и был не совсем красноречив, но все, что он говорил, было хорошо обдумано. Его разговоры стоили профессорских лекций». [1]

Можно предположить, что во время встреч на квартире Радищева подвергались обсуждению политические вопросы, животрепещущие проблемы современной общественной жизни. Радищев в это время работал над своими законодательными произведениями, а Пнин — над книгой «Опыт о просвещении относительно к России» и сочинением «Вопль невинности». «Вопль невинности» написан в конце 1801 или в самом начале 1802 года. В том же 1802 году рукопись была передана Александру, а уже 24 ноября Пнина за это произведение наградили перстнем. [2]

Отношение к Александру у Радищева и Пнина было различным. Пнин стоял на позициях просвещенного абсолютизма, и Александр для него был именно таким желанным просвещенным монархом. Ему он посвятил «Вопль невинности», к нему он обращался с изложением своих просьб.

---

[1] В. П. Семенников, А. Н. Радищев, П., 1923, стр. 239.

[2] Вместе с Пниным, по свидетельству сына писателя, к Радищеву приходили Бородовицын и Брежинский. До сих пор мы ничего не знали о них, и потому неясны были и возможные темы их бесед. Как свидетельствуют обнаруженные новые данные, Иван Сергеевич Бородовицын и Андрей Петрович Брежинский служили вместе с Радищевым в Комиссии по составлению законов. Молодые люди, состоявшие в 90-е годы в армии (Бородовицын в Смоленском мушкетерском полку прапорщиком), с начала 800-х годов перешли на гражданскую службу и летом 1801 года определились в Комиссию. Те же материалы убеждают, что знакомство их с Радищевым могло произойти после его возвращения из Москвы. Следовательно, и беседы Радищева у себя на дому с Пниным, Бородовицыным и Брежинским происходили в 1802 году (см. послужные списки Бородовицына и Брежинского в ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. I, д. 234).

Политические убеждения Пнина резко расходились со взглядами Радищева. В законодательных проектах Радищева как раз и говорилось о том, что именно сейчас, во время царствования Александра, жизненно необходима работа по составлению новых законов, что необходимо установить строжайший контроль за исполнением существующих законов. Мы знаем, что Радищев был недоволен политикой Александра. Вспомним, что он отказался от мысли напечатать стихотворение «Осмнадцатое столетие», в котором был комплимент Александру. К тому же времени относится еще один документ, свидетельствующий о решительном нежелании Радищева устанавливать какой-либо личный контакт с Александром. В 1801 году он начал готовить прошение Александру личного характера. Тяжелые материальные обстоятельства заставили Радищева обратиться к царю. Но он не искал милости, как Пнин. Он лишь просил взять в казну его маленькое имение, которое было получено от отца в Калужской губернии. Радищев даже не назначил цены, соглашаясь с любой, какую «угодно будет назначить» царю. Почему Радищев не хотел просто продать свое имение и обратился с просьбой к Александру? Радищев не просто хотел продать крестьян, чтоб получить деньги, — он думал об их судьбе, их будущем: «Конечно, возможно бы было найти покупщика к моему имению, но я отвлечен всегда был от того тою мыслию, чтобы, доставшися в другие руки, состояние крестьян моих не сделалося хуже». [1]

Документ написан с чувством личного достоинства, как деловое письмо, а не как верноподданническое послание. Но главное — написав письмо, Радищев не послал его, отказавшись что-либо просить у царя. Таков еще один пример независимости Радищева, факт, свидетельствующий, что никаких иллюзий об Александре Радищев не имел.

Расходился Радищев с Пниным и во многом другом. В своей книге «Опыт о просвещении относительно к России» Пнин заявлял: «Неравенство сил человеческих соединяет и сохраняет людей». [2] Отсюда отстаивание сословного принципа. Пнин насчитывает четыре сословия:

---

[1] А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 534.

[2] «Опыт о просвещении относительно к России», СПБ., 1804, стр. 34.

земледельцы, мещане, дворяне и духовенство. Соответственно должно быть сословным и воспитание. В «Опыте» Пнин писал: «Просвещение, в настоящем смысле приемлемое, состоит в том, когда каждый член общества, в каком бы звании ни находился, совершенно знает и исполняет свои должности, то есть когда начальство с своей стороны свято исполняет обязанности вверенной оному власти, а нижнего разряда люди ненарушимо исполняют обязанности своего повиновения». [1]

Все это прямо и непосредственно противоречит тому, что писал Радищев не только в «Путешествии», но и в своих законодательных сочинениях, в которых излагалась всего-навсего только программа-минимум. Что же заставило Радищева искать знакомства, встречаться и вести разговоры с человеком, убеждения которого во многом были ему чужды? Оказывается, было и нечто, связывающее этих людей, — взаимная ненависть к крепостному праву, стремление способствовать освобождению миллионов русских крестьян. Проповедь идеи освобождения крестьян составляет пафос «Опыта». Это и определило стремление Радищева сблизиться с Пниным. «Обдуманные» речи Радищева, «стоившие профессорских лекций», касались вопросов спорных. Радищев, видимо, спорил с Пниным об отношении к Александру, стремился доказать ему правильность своих суждений, горячо поддерживая благородное стремление Пнина способствовать всеми силами освобождению крестьян.

Дружба с Пниным — образчик отношений Радищева с целым рядом других деятелей в ту пору; в чем-то расходясь с ними, не соглашаясь во многом с их убеждениями, он находил в то же время нечто общее, что могло бы связать людей для единых, продуманных, общих действий. Поскольку в дом Радищева приходил и Каразин, которому Радищев передал один из своих законопроектов, естественно предположить, что Пнин был знаком с юридическими сочинениями Радищева. Обсуждение их в кругу молодых деятелей типа Каразина и Пнина и в кругу братьев Воронцовых, обсуждение со Сперанским — все это и есть начало (именно только начало)

---

[1] «Опыт о просвещении относительно к России», СПБ., 1804, стр. 16—17.

объединения усилий оппозиционно настроенных деятелей дворянства, объединения вокруг программы-минимум, которая могла бы быть осуществлена Александром под натиском организованного общественного мнения.

Радищев угадывал историческую закономерность русского общественного движения, трезво учитывая, с одной стороны, что крестьянская революция может произойти не скоро, и с другой — что история выдвигает передовое дворянство в качестве политической силы, берущей на себя представительство общенародных интересов, он не мог не считаться с конкретной исторической обстановкой и, как практик, не мог не приступить к объединению сил передового дворянства своего времени.

Трагизм судьбы Радищева в том, что те передовые представители дворянской общественности начала 800-х годов, с которыми он вынужден был сталкиваться, не оказались и не могли стать деятелями, способными бороться за общенародные и общенациональные интересы. Условия для зарождения дворянской революционности еще не созрели. Радищев и тут опередил время и жестоко поплатился за это.

События второй половины 1802 года позволили Радищеву убедиться в невозможности осуществить свой план. Пнин не оказался союзником. Изданный после смерти Радищева «Опыт о просвещении» свидетельствует, что Пнин не изменил своим умеренно либеральным убеждениям, не согласился с Радищевым; значит, он не смог бы принять и его законодательных проектов. Каразин удовлетворился избранной им эффектной и утоляющей его честолюбие ролью маркиза Позы. Действительные интересы народа и России оказались ему глубоко чуждыми.

8 сентября был издан манифест Александра об учреждении министерств. Этим как бы подводился итог преобразовательной политики нового царя. Все широковещательные либеральные обещания, вызванные боязнью дворянской оппозиции, теперь, после укрепления личного положения царя, были отброшены. Александр стал укреплять бюрократическое самодержавное государство. Члены «Негласного комитета» превратились в министров и оказались удовлетворенными. Блестящая карьера открылась и перед Сперанским, назначенным в министерство внутрен-

них дел к Кочубею. Былые планы и проекты были надолго отложены.

В тот же день, 8 сентября, был обнародован второй указ — «О правах и обязанностях Сената». Хотя и в урезанной форме, указ все же возвращал Сенату его государственное и политическое значение. Сенату было даже предоставлено право возражать царю в случае, если его какой-либо указ будет противоречить действующим законам. Воронцов был удовлетворен, его проект восстановления прав Сената в общем приняли. О том, что Александр в самом ближайшем будущем откажется от этого манифеста и не будет считаться с Сенатом, Воронцов не мог ни знать, ни предполагать. Поэтому Воронцов торжествовал победу и притом двойную: по первому манифесту — об учреждении министерств Воронцов получил в свое управление министерство иностранных дел, да еще в звании, которого так добивался, — канцлера. Все это, естественно, должно было определить отношение его и к Александру и к его политике — и то и другое теперь вполне устраивало Воронцова. Он больше не был в оппозиции и едва ли хотел поддерживать тех, кто продолжал настаивать на более глубоких преобразованиях. Когда он услышал от своего приятеля Завадовского, что Радищев попрежнему «мыслей вольных», когда он сам услышал от Радищева речи, осуждающие Александра и его политику, он позабыл свой либерализм и разгневался на Радищева. Ильинский, видимо со слов Завадовского, записал один из таких разговоров Воронцова с Радищевым: «Воронцов, призвав его, жестоко выговаривал и что если он не перестанет писать вольнодумнических мыслей, то с ним поступлено будет хуже прежнего». [1]

Радищев все это воспринимал очень болезненно; гнев и угрозы старого сиятельного друга значили и конец их отношений и конец надеждам, которые он питал. Знаменательно, что именно в первые дни сентября произошли те события, которые разрушили его планы, его надежды. Вновь, как в ссылке, Радищев начал ощущать гнетущее одиночество.

Может быть, в этих условиях Радищев предпринял попытку отстоять хотя бы Комиссию как официально создан-

---

[1] «Русский архив», 1879, кн. 12, стр. 416.

ный орган для исполнения его целей — подготовки проекта новых законов. Об этой попытке Радищева рассказал в своих воспоминаниях его сослуживец Ильинский. Радищев, говорит он, «написал и Комиссии такое мнение, что она должна быть поставлена почти вместо Сената и для составления лучших и твердых законов требовать не только о производстве дел отчета, но и о всех приходах и расходах казенных».[1] Тот же Ильинский рассказывает, что Завадовский не только не принял проекта, «наскучив его требованиям», «отказал ему в желаемом, но еще сказал о том графу Воронцову».[2]

Об этом же разговоре Завадовского с Радищевым сообщают и сын писателя Павел Радищев и Пушкин. П. А. Радищев указывает, что его отец только «предполагал» представить одно из своих юридических сочинений Завадовскому. Но тот, заметя у Радищева «образ мыслей республиканский», «намекнул ему однажды, что его восторженные идеи об этом предмете ввергли его в несчастие, и дал ему понять, что он вновь подвергает себя этому и даже произнес слово: Сибирь. От этой ли угрозы или от других причин, но он вдруг сделался беспокоен, задумчив, недоволен. Напрасно старались его успокоить; он повторял часто, что на него имеют зло. Наконец, в сильной меланхолии он однажды сказал всем своим детям: «Ну что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?» Это волнение в нем усиливалось со дня на день».[3]

Дневник заседаний Комиссии уточняет даты происходивших событий. В течение августа Радищев почти не ходит на службу. В конце месяца — 25, 26, 27, 28 августа Радищев присутствовал на заседаниях. В сентябре он присутствовал на заседаниях только 1-го и 2-го числа. Без каких-либо объяснений он перестал посещать Комиссию. 11 сентября 1802 года, в 9 часов утра, он «вдруг берет стакан с приготовленной в нем крепкой водкой (азотной кислотой. — *Г. М.*) для выжига старых офицерских эполет его старшего сына и выпивает его разом».[4] В ночь на 12 сентября Радищев умирает в тяжелых мучениях.

---

[1] «Русский архив», 1879, кн. 12, стр. 416.
[2] Там же.
[3] В. П. Семенников, А. Н. Радищев, стр. 234.
[4] Там же.

В журнале Комиссии 16 сентября 1802 года появилась последняя запись, связанная с именем Радищева: «По доношению служащего в оной губернского секретаря Николая Радищева, в коем показывая, что родитель его, оной комиссии член коллежский советник и кавалер Александр Радищев сего сентября 12-го дня, быв болен, умер, просит о выдаче ему заслуженного родителем его по день смерти жалованья под его расписку. Рассуждено о смерти оного члена коллежского советника и кавалера Радищева Правительствующего сената герольдмейстерскую экспедицию уведомить и его из списка выключить, подлежащее же по день смерти его жалованье из тысячи пяти сот рублевого оклада, по каковому он получал сего сентября с 1-го по 12-е число, за вычетом на госпиталь достальное, сорок пять рублей тридцать семь копеек с половиною выдать под расписку объявленному сыну его, губернскому секретарю Радищеву, из положенной на жалованье Комиссии суммы, когда оная из государственного статского казначейства на раздачу комиссии членам и служителям жалованья на нынешнюю сентябрьскую треть отпущена будет».[1]

[1] ЦГИАЛ, ф. 1259, оп. 3, д. 228, стр. 181—185.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Почти три года прожил Радищев в новом, XIX веке. Вернувшись в Петербург, он вновь оказался участником литературного движения. Каким же было литературное движение первого десятилетия XIX века? Кто его участники? Какие направления существовали в литературе? В чем смысл и содержание их борьбы между собой? Что отстаивали передовые писатели, кто был в их числе? Какое место в литературном процессе занимало творчество Радищева? Подобные вопросы оставлены исследователями без ответа. В монографиях об отдельных писателях, в статьях и очерках, в учебных пособиях по истории литературы первой половины XIX века нет сколь-нибудь полной характеристики литературной борьбы начала восьмисотых годов.

Еще в 1907 году академик В. М. Истрин писал: «Было бы очень благодарной задачей уловить те настроения, с которыми жили десятки литераторов независимо от того или другого историко-литературного направления, определить ту нравственную атмосферу, которая окружала их» в первое десятилетие XIX века. [1]

К сожалению, до сегодняшнего дня эта «благодарная задача» не решена. Вот типичная для современного литературоведения характеристика восьмисотых годов: «В эту пору русская литература переживала переходный период

[1] В. М. Истрин, Опыт методологического введения в изучение русской литературы XIX века, СПБ., 1907, вып. 1, стр. 71.

своего развития. Такие писатели, как Радищев, Фонвизин, уже сошли со сцены. Державин оставался представителем давно ушедшей эпохи. Карамзин перешел к занятиям историей. Жуковский культивировал субъективно-эмоциональную лирику. Батюшков только начинал свой поэтический путь». «В это время на смену классицизму с его художественными принципами, завещанными XVIII веком, пришли новые литературные веяния, возникшие под знаком сентиментализма и романтизма». [1]

Итак, восьмисотые годы — эпоха литературного безвременья, основной смысл литературного развития — замена классицизма сентиментализмом. Сентиментализм представлен карамзинской школой. Карамзинисты, оказывается, не только держат знамя передового направления сентиментализма (они расширили жанровые возможности, человека и его переживания сделали предметом пристального внимания художника и т. д.), но и отстаивают его в борьбе с шишковистами. Так восстанавливается в современных условиях давняя, созданная дворянскими критиками, концепция о карамзинском периоде русской литературы, который сменяется периодом Пушкина и декабристов. «Карамзинский период русской литературы, сменившийся периодом декабристов и Пушкина, — такова та магистральная линия, которая определила и развитие критики в изучаемую эпоху». [2]

В то же время доказывать тезис о карамзинской школе как предшественнице декабристского направления на материале творчества учеников Карамзина 800-х годов нельзя. Школа не создала ни одного значительного произведения. Оттого вместо изучения реального литературного процесса первого десятилетия введен и принят термин «начало века». Под «началом» подразумеваются первые два десятилетия. И поскольку в десятые годы развернется творчество талантливого ученика Карамзина — Жуковского, постольку оказывается возможным на основании романтического творчества Жуковского и поэтов «Арзамаса» доказать тезис: карамзинская школа

---

[1] Н. Л. Степанов, И. А. Крылов, Гослитиздат, М., 1949, стр. 134—135.

[2] Н. И. Мордовченко, Русская критика первой четверти XIX века. Тезисы докторской диссертации, ЛГУ, 1950.

подготовила Пушкина, она обеспечила расцвет русского реализма 30—40-х годов. В академической «Истории русской литературы» читаем: «Все пути в русской литературе начала прошлого века неизбежно вели к реализму, к критическому изображению действительности. Вся литература эпохи была на пути, в движении к Пушкину, к Гоголю, к национальному языку и народности». [1]

«Вся литература» начала века — значит и карамзинская школа, и прежде всего она, — ведь Карамзин и его ученики занимали господствующее положение. Согласиться с таким тезисом нельзя: он не подкрепляется фактами, противоречит литературному развитию восьмисотых годов.

Что же в действительности происходило в литературной жизни восьмисотых годов? Каким сложился литературный процесс первого десятилетия XIX века?

Вожди сентиментальной школы, Карамзин и Дмитриев, практически отошли от литературы в это десятилетие. В 1803 году Карамзин написал свою последнюю повесть «Чувствительный и холодный». Затем попытался было написать еще одну повесть — «Рыцарь нашего времени», да так и не окончил ее. Писатель полностью переходит к работе над «Историей государства Российского». Дмитриев изданием «Сочинений и переводов» в 1803—1805 годах подвел итог своей творческой деятельности и замолк. Отдельные выступления Дмитриева в 10-х и даже 20-х годах уже не имели никакого значения. На арене литературной жизни оставались ученики, чье творчество носило откровенно эпигонский характер.

Следуя по стопам Карамзина, они породили поток «путешествий», написанных в подражание «Письмам русского путешественника». Вл. Измайлов опубликовал «Путешествие в полуденную Россию» (1800—1802), П. Макаров — «Письма из Лондона» (1803), М. Невзоров — «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбургскую губернию» (1803), П. Шаликов — «Путешествие в Малороссию» (1803) и «Второе путешествие в Малороссию» (1804) и т. д. Все эти «путешествия» писались по рецепту Карамзина. Сентиментализм явно вырождался. Если Карамзин

---

[1] «История русской литературы» АН СССР, М. — Л., 1941, т. V, стр. 41.

ориентировался на широкое движение европейского сентиментализма, преклонялся перед Стерном и глубоко уважал Руссо, то для русских сентименталистов 90—800-х годов не существовало большего авторитета, чем Карамзин. Карамзин сам признал: «В письмах Измайлова заметил я несколько периодов, с меня копированных, но ему простительно, он по-русски не читал ничего, кроме «Моих безделок». [1]

Следуя по стопам Карамзина, они на первое место в «путешествиях» выдвигали собственную личность, ее чувствования. Оттого по своему стилю все «путешествия» учеников Карамзина представляют собою бесконечный и утомительный лирический монолог. Измайлов так определил содержание своего «Путешествия»: «Я описываю собственное бытие мое». А бытие такого писателя было бытием частного, равнодушного к судьбам других людей, к судьбам родины и народа, примитивного, а порой и просто не очень умного человека. Такой герой, чуждый гражданских патриотических интересов, занятый созерцанием душевных движений, эгоистически любящий свои впечатления, беспрестанно предавался восторженным излияниям, чувствительным воспоминаниям.

Восторженность проистекала от созерцания строго определенных учителями предметов, которые и должны были вызывать у путешественника восхищение. Так появлялись описания природы («восхождение и захождение солнца», «темные дубравы», «светлые ручьи», «бархатные поля» и т. д.), «счастливых поселян», «просвещенных поселян», «прелестей сельской жизни», воспоминания о покинутой возлюбленной или покинутом друге и т. д. Поскольку предметы восхищения были одинаковыми, то и «бытие» оказывалось у всех путешественников также одинаковым. Вот почему произведения, стремившиеся запечатлеть «неповторимость» душевных движений личности, оказывались похожими друг на друга. Эстетика сентиментализма, сводя все к замкнутому мирку частной и эгоистической личности, не раскрывала перспектив для искусства, обрекала авторов на эпигонство.

Вслед за «путешествиями» литературный рынок заполняли повести. Приготовленные по рецепту и образцу

---

[1] «Вчера и сегодня», СПБ., 1845, кн. 1, стр. 58.

«Бедной Лизы», все повести, появившиеся в восьмисотые годы, были не хуже и не лучше карамзинских. Как и «путешествия», они все были удручающе похожи одна на другую. Вслед за «Бедной Лизой» появились «Бедная Маша» А. Измайлова (1801), «Обольщенная Генриета» И. Свечинского (1801), «Бедный Леандр» Н. Брусилова (1803) и т. д. и т. п. Чем больше выходило таких повестей, тем яснее становился процесс самоликвидации школы.

Пушкин, внимательно изучавший в 20-х годах сочинения сентименталистов начала века, определил их слабость — подражательность западным образцам, отсутствие национальных связей и корней, отсутствие больших мыслей. Карамзин и его школа оказали вредное влияние на литературу, которое проявилось в манерности, слащавости, робости, бледности.

Творчество самого Карамзина в свое время имело положительное значение. В эпоху развития революционного движения в России и на Западе, широкого распространения освободительных идей, утверждения в литературе интереса к личности и мысли о моральном равноправии людей привлечение внимания к внутреннему миру человека имело несомненно прогрессивное значение. Сентиментализм обновил содержание прозы, определил развитие новых жанров. Вместо авантюрного романа европейские сентименталисты, а вслед за ними и Карамзин, проявляя интерес к душевной, сердечной жизни человека, создали жанр повести. Но опыт Карамзина, внесшего свой вклад в развитие русской литературы, мог быть учтен и развит на другой, уже реалистической основе. Карамзин оказался в стороне от магистрального пути развития русской литературы. Дворянская идеология Карамзина и его последователей, боязнь больших социальных тем, антипросветительская деятельность, бегство в мир частных, интимных чувств и страстей лишили их творчество общественной и эстетической ценности. Даже творчество самого Карамзина оказалось живым явлением только в течение определенного и очень короткого периода времени. Об этом неоднократно писал Белинский, утверждая, что карамзинское направление было полезно как реакция на схоластику и рационализм классицизма, что произведения самого Карамзина представляют лишь интерес историче-

ский, что все в его произведениях — «и чувства, и мысли, и слог, и самый язык» — «все чуждо нашему времени».[1]

Верный ученик Карамзина, Жуковский начал, как и все деятели школы, с подражания учителю и в прозе и в стихах. Вслед за «Бедной Лизой» Карамзина пишется «Марьина роща», вслед за его историческими повестями — «Вадим новгородский». Повести свидетельствуют, что даже Жуковский не поднялся в 800-е годы выше уровня господствовавшей эпигонской литературы. То же было и в стихах. До «Людмилы» (1807) им не было создано ни одного крупного, интересного и самостоятельного стихотворения. Те же, что и у Карамзина, размышления о временности человеческой жизни, о ничтожестве человека, о его праве искать забвение от страданий в любви и дружбе, те же послания, мадригалы, стихи на случай, элегии, та же стилистика, тот же словарь.

Первое десятилетие XIX века — важный и знаменательный этап развития русской литературы. В эти годы, с одной стороны, обнаружился кризис карамзинской школы, с другой — начался активный процесс восстановления традиции просветительской литературы XVIII века после десятилетней ликвидаторской деятельности Карамзина и его последователей.

Создав направление, выработав идейно-эстетическую программу школы, Карамзин породил эпигонов. Единственно талантливым поэтом школы был Жуковский. И тот, пока находился в плену идей сентиментализма, ни в прозе, ни в стихах не поднялся выше подражания учителю. Лишь встав на почву романтизма, Жуковский смог внести свой вклад в литературное развитие.

Если карамзинская школа в 800-е годы не смогла породить ничего талантливого и значительного, то именно просветители и писатели, близкие Просвещению и враждебные Карамзину, создали в то же десятилетие замечательные произведения, устремленные в будущее. Характерной особенностью литературного развития этого десятилетия является возвращение в литературу просветителей 70—80-х годов XVIII века. Радищев с весны 1801 по

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, 1917, стр. 222.

сентябрь 1802 года жил в Петербурге. Поэтические сочинения Радищева 90-х и начала 800-х годов — три неоконченные поэмы и лирика — были собраны в первом томе его сочинений, изданном в 1807 году. *Выход этого тома поэтических сочинений Радищева,* открыто воевавших с литературой карамзинского направления, *был первой крупной победой просветительской литературы 800-х годов.*

Новиков после неудачной попытки в 1805 году вновь снять в аренду типографию Московского университета и начать в новых условиях просветительскую работу печатает в «Московском собеседнике» в 1806 году в переработанном виде свое лучшее антикрепостническое произведение — «Отрывок путешествия», который открыто противостоял потоку сентиментальных путешествий тех лет. В том же журнале Новиков перепечатал цикл сатирических очерков «Письма к Фалалею»; в литературу сентиментализма вторглась сатира, реалистически написанная картина жизни провинциальных помещиков.

Наиболее активно в новых условиях действует ученик русских просветителей XVIII века — Крылов. Просветительский опыт Крылова помогал окончательной победе реализма, правда пока еще только в одном жанре — басне. *Выход в 1809 году первой книги басен Крылова — вторая крупная победа просветительского лагеря 800-х годов.*

Тогда же выступили и молодые писатели и поэты, открыто связавшие себя с просветительской традицией, — Н. Гнедич, Ф. Глинка, С. Ферельцт и др. Свою роль сыграли и поэты Вольного общества.

В восьмисотые годы пишутся замечательные гражданские стихи Державиным, создаются такие шедевры реалистической поэзии, как стихи «Снигирь» и «Евгению. Жизнь Званская». И гражданские и лирические стихи Державина были враждебны Карамзину и его школе. Понимание человека Державиным, его поэзия «действительной живописи» чрезвычайно сближает его с просветителями. Вот почему его творчество было в этом лагере, оно устремлялось в будущее, навстречу Пушкину и декабристам. *Выход в 1808 году трехтомного собрания стихотворений Державина,* куда входили произведения, написанные

в 800-е годы, и лучшие стихи 80—90-х годов, среди которых были такие, как «Властителям и судиям», «Вельможа» и др., — *был третьей крупной победой передового лагеря литературы.*

2

Возвращение Крылова в литературу в новом, XIX веке ознаменовано было выпуском в 1802 году второго издания его журнала «Почта духов». В 1806 и 1807 годах Крылов написал две сатирические комедии: «Модная лавка» и «Урок дочкам». С 1806 года в московских и петербургских журналах начали появляться новые басни Крылова. В литературе вновь стало утверждаться сатирическое направление. Дворянство было сделано главным объектом сатиры. Жизнь с ее кричащими противоречиями, народная Россия с ее бесправием, ужасом рабства и помещичьим произволом предстала перед читателем.

Просветительские убеждения Крылова определили критическое отношение к действительности, обусловили формирование реалистической эстетики, правдивое изображение жизни. Борьба просветительской литературы с крепостничеством, произволом, бесправием народа, борьба за свободу человека и порождала русский реализм.

Басни были новым и высшим этапом в творчестве Крылова. Его сатирическая деятельность в «Почте духов», «Зрителе» и «Санкт-Петербургском Меркурии» опиралась на достижения и опыт новиковской и фонвизинской сатиры. Басни вобрали в себя и радищевский опыт. Сатира стала резче, она теперь направлялась не только на недостойных дворян и местную власть, но и на самодержавную политику Александра. В баснях восьмисотых годов Крылов поднялся до постановки остро политических, общенациональных проблем. Критика общественного строя России осуществлялась Крыловым с позиций демократических, с позиций интересов защиты трудового народа. Радищевский демократизм, его эстетический опыт изображения народа как творца истории, как «зиждителя», как хранителя национального духа и истинно человеческой нравственности, радищевский показ национальной и трудовой обусловленности морали — все это было усвоено

и воспринято Крыловым, все это органически вошло в его басенное творчество. Но Крылову были всегда чужды политические убеждения Радищева. Он не сумел подняться до понимания народной революции как единственного пути к достижению свободы и потому не оправдывал восстаний и революций, оставаясь на просветительских позициях. Крылов никогда не был политическим деятелем. Он выступал всегда только как художник. А в художественном творчестве именно Крылов был самым ярким и талантливым последователем радищевских традиций, последователем, бесконечно обогатившим эти традиции.

В первые годы нового века Крылов написал около тридцати басен. Из них пять на политические темы: «Мор зверей», «Лягушки, просящие царя», «Волк и ягненок», «Лев на ловле» и «Слон на воеводстве». После многолетних стараний сентименталистов изгнать политику, живую современность из литературы великая правда жизни вновь предстала перед читателем в баснях Крылова. Поэт использовал образы зверей, освященные многовековой басенной традицией; с их помощью он сумел отлично передать действительные, реальные, конкретно-исторические отношения между русским царем и русским помещиком, с одной стороны, и русским мужиком — с другой. Осуществить замысел оказалось возможным благодаря языковому мастерству поэта.

Басня «Мор зверей» зло раскрывала жестоко бесчеловечный и лицемерно-ханжеский облик дворянской идеологии. Великий мор начал свирепствовать среди зверей. Доведенные до крайности звери задают вопрос: кто виноват, что боги в гневе своем послали им этот мор? Лев, царь зверей, первым признался в своих грехах: «Овечек бедненьких — за что? совсем безвинно, дирал бесчинно». Льву отвечает Лиса. Ответ блестяще передавал сущность дворянской идеологии, которая получила свое обновленное либеральной фразеологией оформление именно в первые годы царствования Александра:

О царь наш, добрый царь! От лишней доброты, —
Лисица говорит, — в грех это ставишь ты.
Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
То прийдет с голоду пропасть нам наконец;
Притом же, наш отец!
Поверь, что это честь большая для овец,
Когда ты их изволишь кушать.

Заслуга Крылова в том, что он зло высмеял откровенно корыстный характер дворянской идеологии, в том, что показал бессмысленность ожиданий каких-либо изменений в стране, где так цинично оправдывается насилие: «это честь большая для овец, когда ты их изволишь кушать». Содержание басни поэтому значительно шире заключительного вывода: «Кто посмирней, так тот и виноват».

От басни «Мор зверей» прямой путь к «Пестрым овцам» и «Рыбьим пляскам», в которых мотивы политической сатиры раскрыты с еще большей силой. Так Крылов настойчиво, последовательно, с возрастающей из десятилетия в десятилетие активностью развертывал свою сатирическую и просветительскую деятельность.

Сущность отношений между дворянством и крепостными с обличительной силой вскрыта в таких баснях, как «Волк и ягненок» и «Слон на воеводстве». Вина ягненка определялась с поразительным цинизмом: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Используя свойственные басне специфические принципы типизации, связанные с понятием аллегоризма, Крылов разоблачил особенности дворянской идеологии его времени. В басне «Слон на воеводстве» писатель снова показывает, как волчья мораль определяет политику государей. Слону поступило прошение от овец, что «волки-де совсем сдирают кожу с нас». Слон вознегодовал и загорелся стремлением оградить овец. Он даже называет действия волков «преступлением». Вызванные на расправу волки дают слону свои объяснения: да, они сдирают кожу с овец, но, во-первых, слон сам разрешил это делать: «не ты ль нам к зиме на тулупы позволил легонький оброк собрать с овец», а во-вторых, нельзя во всем доверяться овцам: «а что они кричат, так овцы глупы: всего-то придет с них с сестры по шкурке снять; да и того им жаль отдать».

Каково же «мудрое» решение слона? Художественным открытием Крылова было создание таких ситуаций в басне, которые с беспримерной наглядностью и убедительностью учили читателя ненавидеть самодержавие, его гнусную, фарисейскую, лживо-либеральную политику, за которой скрывались циничные действия рабовладельцев,

поработителей народа. В ответ на «объяснение» волков слон выносит свое «справедливое» решение:

Ну то-то ж, — говорит им Слон: — смотрите!
Неправды я не потерплю ни в ком.
По шкурке, так и быть, возьмите:
А больше их не троньте волоском.

Трудно с большей резкостью, злостью и наглядностью обличить действия самодержавия, лживость и лицемерие всех широковещательных либеральных заявлений Александра о стремлении соблюдать законность в стране. Именно в подобном изображении действий и поступков героев басни, в критике политических взаимоотношений царя и народа, переданной в аллегорических басенных образах зверей, а не в осторожных и крайне узких, сделанных более для цензуры, моральных выводах и заключается подлинное политическое содержание басни.

Басни Крылова, развивая остро политические мотивы, воспитывали ненависть к власти, убедительно раскрывали антинародность монархического правления, органически входили в гражданскую поэзию, расширяя ее выразительные и жанровые возможности. Политические басни Крылова, написанные и в 800-е, и в 10-е, и в 20-е годы, воспринимались современниками в одном ряду с вольнолюбивыми стихами.

Несомненный интерес представляет басня «Лягушки, просящие царя». Воспользовавшись традиционным басенным сюжетом (его мы находим и у Эзопа, и у Федра, и у Лафонтена), Крылов создает острейшую политическую сатиру. Главное в басне не сюжет — он общеизвестен (это обстоятельство, между прочим, облегчало прохождение басни через цензуру, ибо она выдавалась как бы за упражнение в переводе), а образы двух царей, Чурбана и Журавля, созданные Крыловым. Дополнения Крылова Измайлов в своей критической статье назвал «фигурой разумножения». В «разумножении» характеристика царя была сделана так, что она способствовала развеиванию монархических иллюзий, подрывала веру в возможность появления доброго царя.

Оценивая Чурбана, Крылов всерьез пишет о его достоинствах: «Не суетлив, не вертопрашен, степенен, молчалив и важен, дородством, ростом великан, ну, посмот-

реть, так это чудо». Не менее достоинств имел и Журавль. Он строг, «не любит баловать народа своего», он «виноватых ест». Следующая фраза с крыловской злостью довершает характеристику царя: «А на суде его нет правых никого». Журавль с утра до вечера по царству ходит — «и всякого, кого ни встретит он, тотчас засудит — и проглотит».

Таковы цари. Именно все цари. Чего не знали лягушки, зараженные верой в хорошего царя, то знал Юпитер. Когда первый раз лягушки обратились к Юпитеру с просьбой заменить демократическое правление монархией, Крылов от себя оценивает их просьбу как «вздор». После жалоб на Журавля Юпитер сообщает свое решение: «Живите с ним, чтоб не было вам хуже». Вывод, который дал в басне Крылов, знамснателен: всякий новый монарх всегда «хуже» предыдущего, просьба ввести монархическое правление — «вздор». Так басня превращалась в политическую сатиру.

Вторая группа басен (таких, как «Обезьяны», «Муха и дорожные») посвящена была сатирическому изображению русского дворянства. В них нашли продолжение темы и мотивы «Почты духов». Новым в творчестве Крылова было стремление изображать жизнь народа, раскрывать его нравственный кодекс. В таких баснях, как «Старик и трое молодых», «Крестьянин и смерть», положительным образом Крылов сделал человека труда. В последующем Крылов населит свои басни садовниками, огородниками, сапожниками, работниками, от имени которых поэт и станет судить жизнь дворянства, порядки самодержавной России.

Используя традиционные басенные сюжеты, встречавшиеся в частности у Лафонтена, Крылов создавал картины русской жизни, раскрывал характер русских людей. В этом была одна из первых побед реализма — изображение крестьян, людей труда перестало носить отвлеченно-моральный и функциональный характер. В баснях Крылова изображались *русские* мужики; их чувства, мысли, поступки, представления, их мораль были национально обусловлены. Крыловым была открыта, по словам Белинского, «тайна национальности». Победа, одержанная пока в крайне узких рамках басенного жанра, была многообещающей; она открывала широкие перспективы развития

реализма, она нашла свое дальнейшее воплощение в творчестве Грибоедова, Пушкина, Гоголя.

В статье 1825 года, посвященной Крылову, Пушкин отметил, что баснописец сумел передать отличительную черту русского национального характера: «какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». [1]

Гоголь обратил внимание на родство морали, которую утверждал Крылов как положительный идеал, с моралью, выраженной русским народом в пословицах. «Это наша крепкая русская голова тот самый ум, который сродни уму наших пословиц». В пословицах, как в шедеврах народного искусства, «сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения... отразилось много народных свойств наших». [2] Особенность пословиц и определила реалистическое мастерство Крылова уже в самом образе выражений басенного стиха метко подмечать и запечатлевать многие народные свойства.

Крылов был далек от карамзинистов. Внешне враждебность Крылова к модному течению дворянской литературы проявлялась в том, что он посещал собрания шишковистов, а в 10-х годах — заседания в «Беседе». Но связь с шишковистами не означала согласия с их убеждениями, что, кстати сказать, очевидно было всем современникам. В сложной общественно-литературной борьбе 800-х годов Крылов не примыкал ни к одному из лагерей дворянской литературы, сохраняя свою независимую позицию писателя-просветителя.

Басня «Парнас», написанная в 1808 году, посвящена положению дел в литературе. Попытки комментаторов приурочить ее к каким-либо частным конкретным явлениям (например, к деятельности Российской академии) несомненно обедняют ее содержание. Крылов выступает против сословной корпорации в литературе, против использования власти для утверждения литературных авторитетов, против попыток расправиться с теми писателями, которые были неугодны власть имущим поэтам. Дворянские

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII, 1943, стр. 32.

[2] Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, АН СССР, 1952, т. VIII, стр. 392.

литераторы (последователи Шишкова, с одной стороны, Карамзина — с другой) в это время объединились для защиты своей идейно-эстетической программы. Каждая из двух групп выступала с требованием слепого следования рецептам и заветам своих учителей. Крылов сатирически изображает шумную борьбу дворянских литераторов.

Гора Парнас «отмежевана» новому хозяину. Тот стал пасти на ней ослов. Ослы решили, что они могут петь «громче девяти сестер». Они создали «братство». «А чтобы нашего не сбили с толку братства», то завели порядок: «коль нет в чьем голосе ослиного приятства, не принимать тех на Парнас». Нет сомнения, что басня была направлена против характерных явлений современной Крылову литературы. А для него равно были неприемлемы и оды Хвостова и элегии Шаликова.

В том же 1808 году была написана басня «Пустынник и медведь». В ее основе — старинный и широко распространенный в мировой литературе сюжет. В то же время в ней содержатся живые наблюдения над современной модной литературой. Напомню стихи, раскрывающие психологическую мотивировку ухода пустынника из глуши:

Про жизнь пустынную, как сладко не пиши,
А в одиночестве способен жить не всякой:
Утешно как и грусть и радость разделить.
Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?» —
«Прекрасны, что и говорить!
А все прискучится, как не с кем молвить слова».[1]

Вряд ли можно сомневаться, что здесь содержится сатирический выпад против сентименталистов, которые в стихах и прозе беспрестанно писали «сладко» о «прелести» пустынной жизни, о красоте «лужков» и «темных дубров» и т. д. Так, выступая против карамзинской школы, Крылов одновременно возрождал просветительские традиции в литературе (сатира, реализм, постановка острых политических проблем, их общественное обсуждение).

[1] Следует обратить внимание на то, что Гоголь использовал эти строки в монологе Хлестакова с той же сатирической по адресу карамзинской литературы целью: «Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом». См. также другой сатирический выпад Гоголя против Карамзина: «Для любви нет различия, и Карамзин сказал «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй», — говорит Хлестаков.

Третьей крупной победой литературы передового лагеря был выход в 1808 году трехтомного собрания стихотворений Державина. Вредность традиционной схемы историко-литературного развития первых двух десятилетий XIX века лишь как борьбы между реакционными кругами дворянства во главе с Шишковым и либералами во главе с Карамзиным проявляется, между прочим, и в оценке творчества Державина. Его целиком исключили из литературного движения эпохи. Исключили вопреки очевидным и ясным фактам. Державин продолжал писать, издавал свои новые стихотворения, создал лучшие свои стихи, и, наконец, многое из написанного ранее оказалось возможным напечатать и сделать достоянием общественности именно в 800-е годы. Невзирая на это, некоторыми исследователями начисто игнорируется творчество крупнейшего поэта, игнорируются его наилучшие достижения, его творчество изымается из реального процесса литературы начала века. Державин, вопреки истории, механически отнесен к эпохе 80—90-х годов XVIII столетия. Во всех учебниках и монографиях, посвященных писателям первой половины XIX века, Державин рассматривается как поэт XVIII века. Поэтому все то, что он написал в первое десятилетие XIX века, не только не изучается, но, главное, выпадает из реального литературного процесса.

Выключение из живого процесса литературы 800-х годов творчества Державина, искажая реальную картину литературно-общественной жизни, становится особенно ясным, когда мы себе представим, с какой активностью работал Державин тогда и что он написал. Среди вновь созданных произведений такие шедевры, как «Снигирь», «Лебедь», «Евгению. Жизнь Званская», стихотворения, посвященные изображению природы: «Зима», «Осень», «К музе», цикл анакреонтических стихов, среди которых были «Русские девушки», «Цыганская пляска» и другие. Не менее важным было опубликование Державиным в издании 1808 года стихотворений, написанных им в 90-е годы, но которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в свое время.

Творчество Державина, развернувшееся в 80-е годы XVIII столетия, испытало на себе плодотворное влияние

просветительской идеологии;[1] в новом, XIX веке оно продолжало развиваться навстречу будущему. Стихи, написанные в 800-е годы, — это шаг в творческом развитии поэта. В то же время его новые завоевания были значительным вкладом в молодое, растущее реалистическое искусство, помогали утверждению реализма в русской литературе. Изучение написанного и напечатанного Державиным в 800-е годы убеждает, как несправедливы, как глубоко ошибочны суждения литературоведов, повторявших измышления буржуазных ученых о Державине XIX века — реакционном министре, вдохновителе шишковской «Беседы», исписавшемся поэте. Буржуазная наука сознательно подменяла творчество поэта биографией чиновника. Изучение трехтомного собрания стихотворений Державина, изданного в 1808 году, подводившего итог не только деятельности поэта в XVIII веке, но и в первом десятилетии нового, XIX века, свидетельствует, что Державин-поэт принадлежал к передовой литературе, что его творчество помогало формированию пушкинской и декабристской поэзии. Читая собрание стихотворений, мы понимаем, почему декабристы подняли на щит Державина как талантливого и передового поэта, связавшего своим творчеством две эпохи русской литературы — просветительскую и декабристскую, почему они объявили его своим учителем, гражданским поэтом.

Цикл гражданских стихов Державина, собранных в издании 1808 года, был крупным явлением общественно-литературной жизни десятилетия. Потоку охранительной поэзии, бесчисленным виршам сентименталистов и шишковистов, прославлявших самодержавную власть или жизнь уединенного частного человека, стихам бесталанным, тусклым, риторическим, лишенным и тени таланта, была противопоставлена грозная, разящая и блистательная по художественному мастерству, энергичная и живописная поэзия Державина. Стихам Державина была свойственна высокая мысль о гражданском долге и патриотических обязанностях человека. Им руководило убеждение, что гражданский и патриотический долг с наибольшей силой и страстью должен выполнять поэт.

[1] См. об этом в моей книге «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», Гослитиздат, 1951, стр. 333—340.

Он не просто пописывал стихи, он писал не для «милых», не для забавы — всякий раз он судил, обличал и карал вне зависимости от звания и чина, судил за неисполнение высокого долга человека и гражданина так, как он этот долг понимал.

Державин всю жизнь вынужден был служить. Служба диктовала свои законы, которым подчинялся поэт. Честно исполняя свой служебный долг, какой бы пост он ни занимал, Державин умел делать карьеру и потому преуспевал, богател. Он был далек от общественного движения эпохи; «возмутители», «бунтовщики», кто бы они ни были, мужики или дворяне, — раз они выступали против самодержавно-крепостнических порядков — его враги. Но Державин был сыном своего века, и передовая просветительская идеология наложила свою печать на его мировоззрение. Она помогла ему усвоить представление о гражданских обязанностях человека.

Представление о человеке как о гражданине и патриоте, чье достоинство определяется не происхождением, не сословной принадлежностью, а делами, общеполезной деятельностью, составляет основу общественных и философских воззрений Державина-поэта. Считая законным существующий в России социально-политический режим, Державин-поэт в сущности никогда идеологически не защищал этот режим.

Державин славил человека, когда он того заслуживал. Оттого героями его стихов были или Суворов, или русский солдат-герой, или Румянцев, или простая крестьянская девушка. Он превозносил дела человека, а не знатность, не его породу, не сословную принадлежность. Державин поэтизировал мораль деятельной жизни, труда, подвига, мужества. В то же время Державин обличал зло и беспощадно тех, кто отступал от высоких обязанностей человека и гражданина. И тогда этими людьми оказывались вельможи, сановники, откупщики и цари.

Державин-поэт был бесконечно выше Державина — государственного деятеля. Противоречивость мировоззрения Державина наложила свою печать на все его творчество. Консервативные политические взгляды, особенно последнего периода, обусловили ограниченность многих его произведений. Однако в лучших стихах он запечатлел свою эпоху, эпоху нараставшей борьбы с феодализмом,

запечатлел передовой идеал человека, выдвинутый просветителями, раскрыв самосознание передового русского человека конца XVIII — начала XIX века. Его поэзия поэтому служила нараставшему общественному движению. И ее брали на вооружение люди, чьи политические убеждения были бесконечно далеки и враждебны Державину. И Пушкин и декабристы это отлично понимали. Равно они знали и то, что Державин-чиновник был в оппозиции к либеральному правительству Александра, состоял в «Беседе», дружил с Шишковым.

Гражданские стихи Державина оказали мощное влияние на вольнолюбивую русскую поэзию. Хилым и тощим поучениям Карамзина, воздыханиям и слезам слабого, беспомощного, ничтожного героя его стихов Державин противопоставил мужественную и смелую мысль и дела гражданина, сознающего свое величие, свою силу, свое достоинство, свои возможности. Отсюда суровость и требовательность поэта к царям. В стихотворении «Властителям и судиям» он писал: «Ваш долг есть: сохранять законы, на лица сильных не взирать, без помощи, без обороны сирот и вдов не оставлять». Требование было выражено необыкновенно категорически — холодело сердце, наполняясь отвагой, когда читались эти и подобные им властные слова поэта. Человек по великому праву человека учит царей, указывает им на их проступки, негодует и даже грозит им: «Не внемлют! видят и не знают! покрыты мздою очеса: злодействы землю потрясают, неправда зыблет небеса».

Екатерина, как уже говорилось, назвала эти стихи «якобинскими». Понятно почему, попав в 1808 году юному поколению будущих декабристов, они воспринимались с восторгом, любовью и сочувствием.

От оды «Властителям и судиям» начинает свою родословную русская гражданская высокая поэзия; в ней впервые были выработаны черты стиля, которые в последующем были восприняты и Пушкиным и декабристами. В главе о «Вольности» было показано, как первая редакция оды, напечатанной в «Санкт-Петербургском вестнике» в 1780 году, была прочтена Радищевым, и опыт использования мотивов и фразеологии библии для создания высокого стиля гражданского стихотворения был учтен им в революционной оде «Вольность». В 1808 году

Державин опубликовал новую, более совершенную и полную редакцию стихотворения «Властителям и судиям». Новое поколение поэтов, двинувшее вперед русскую вольнолюбивую поэзию, имело в своем распоряжении два образца — оду «Вольность» и оду «Властителям и судиям». Поэзия и Радищева и Державина логикой исторического развития оказывалась в одном лагере. В 800-е годы и радищевская и державинская поэзия равно противостояла стиховому потоку карамзинской школы, равно восстанавливала в правах русское гражданское стихотворение, служила прочным и могучим основанием для поэтов нового поколения.

В 80—90-х годах Державин ищет реального героя, который был бы носителем дорогих ему добродетелей. Во многих стихах он воспел великих полководцев своего времени — Румянцева, Суворова, крупного государственного деятеля Потемкина. Самое замечательное в одах — стремление поэта раскрыть те черты их характера, их деятельности, которые носят биографический индивидуальный характер.

Но если любимые герои Державина оказывались вылепленными в его стихах 80—90-х годов только в парадном величии, то самого себя поэт раскрыл с беспримерной и небывалой дотоле яркостью, полнотой и сложностью живого характера, со всеми страстями деятельной личности. Это и было главным завоеванием Державина в XVIII веке. Просветительская философия увлекла Державина, он почувствовал и понял, в чем величие свободной личности, осознал себя впервые в единстве поэта и человека. В прозаическом плане стихотворения «Видение мурзы», построенном как обращение к Екатерине, мы читаем: «Твой просвещенный ум и великое сердце снимают с нас узы рабства, возвышают наши души, дают нам понимать драгоценность свободы, столь свойственной существу разумному, каков есть человек».

Совершенно очевидно, что Державин, говоря о «драгоценности свободы», подразумевает себя, что он не только не считает нужным требовать такой свободы мужику, но и искренно полагает, что мужик не поймет «драгоценной свободы», что она ему несвойственна, да и не потребна. В то же время державинское понимание свободы бесконечно далеко от «вольности дворянской».

Художественное воплощение лирического героя Державина, осознавшего себя свободной личностью, было величайшим открытием русской поэзии XVIII века. Оно было сделано до Карамзина, на иной философской и эстетической основе. Стихи Державина раскрывали обаятельный мир души русского человека, гражданина и патриота. Белинский это почувствовал: «Ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности... его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством патриотизм». [1]

Главным в открытии Державина было изображение своего лирического героя в единстве общего и частного, гражданина, исполняющего свой долг, и частного человека. Читатель видел грозного поэта-обличителя и нежного возлюбленного, страстного патриота, взволнованного великими победами русского воинства, и гостеприимного хозяина, гастронома, любящего вкусно поесть, мыслителя, раскрывавшего величие человека, тонкого наблюдателя природы и влюбленного в жизнь семьянина, опьяненного красотой и яркостью красок окружающего его мира. Такое восприятие мира раскрывало его душевное богатство, передавая лично державинский характер. Вот почему ломался жанр: в оду, посвященную высокой теме, вторгался сам поэт, рассказ о герое дополнялся сообщением сведений о себе, подчас интимного характера. И это не было смешением разных тем. Все в конце концов подчинялось одной и единственной теме — выражению личности Державина. Он воспевал Суворова или Румянцева не потому, что того требовали от него. Он писал стихи по велению сердца, выражая прежде всего *свое* отношение к миру.

В стихах Державина и запечатлелась его индивидуальность. А как только на мир стала смотреть неповторимо богатая личность, так в стихах оказалось возможным запечатлеть реальность, точность, конкретность окружавшей поэта природы. Она впервые перестала носить в поэзии условно-номенклатурный характер, перестала быть перечнем основных типовых признаков весны, зимы, осени, лета. Природа у Державина была русской, северной,

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, 1900, стр. 339.

раскрывающейся в неповторимых чертах и приметах, тонко подмеченных человеком, восхищенным красотой мира.

В пору, когда поэты карамзинской школы, в том числе и Жуковский, отрешали, по словам Гоголя, «нашу поэзию от земли и существенности», «унося ее в область бестелесных видений»,[1] Державин продолжал свое великое дело раскрытия красоты земного мира, показа реального человека, человека, наделенного страстями и чувствами, человека, живущего в действительном, красочном и богатом мире. Эта позиция Державина оказывалась близкой Радищеву. И Радищев в «Бове» пародировал произведения карамзинской школы за их отрыв человека от реальной почвы земных отношений, и Пушкин в 10-е годы пошел по пути Радищева в «Руслане и Людмиле», пародируя поэзию видений и бесплотной мечты. Державин замечательными стихами рисовал реального человека с реальными страданиями в окружении конкретно зримого и вещного мира.

Самым крупным произведением Державина 800-х годов было стихотворное послание «Евгению. Жизнь Званская». Это послание — первая попытка в русской литературе создать роман в стихах. Предметом поэзии стала обыкновенная, будничная жизнь обыкновенного человека. Его интересы, его вкусы, его мысли, его занятия, описанные за один день, с утра и до вечера, стали поэзией, и притом интересной читателю. Читателя привлекала в стихах красота жизни. Описание быта оказывалось не сниженным в поэзии. Поэзия приобретала новые, неведомые ей раньше качества, способность передавать читателю живое и тонкое отношение к жизни, раскрывать внутренний мир личности, и этим *личным* началом оказывались окрашенными все изображенные предметы.

Поэт выходит ранним утром из покоев своего деревенского дома. «Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос, зрю на багрец зари, на солнце восходяще». Его внимание привлекают голуби: «Накормя моих пшеницей голубей, смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги». Перед читателем не только возникала картина: раннее свежее утро, когда еще не обсохла ночная роса, дом у реки, над которым кружат накормленные хозяином голуби, но ему

---

[1] Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 379.

передавалось настроение человека, его душевный покой, его тихая радость, его наслаждение жизнью.

Наступает час обеда. Поэт описывает обеденный стол. И опять дело не только в том, что в поэзии победила реальность и красота живого мира:

Я озреваю стол, — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!
Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус.

Поэт добивается очеловечивания всех окружающих его предметов. Они появляются потому, что нужны человеку, потому, что удовлетворяют его потребности, служат ему, они потому и *прекрасны*, что «манят» «взор и вкус» поэта. В данном случае все это показано на предметах, так сказать, «низких», призванных удовлетворять гастрономические потребности человека. Но сделано это нарочито, демонстративно, с вызовом, ибо в сущности для Державина нет низких и высоких тем, низких и высоких предметов, низких и высоких слов. Есть человек и мир. Человек (именно человек, а не дворянин) — хозяин мира. Его стремление к счастью и наслаждениям естественно, и все в земном мире должно служить этому.

Как поэт жизни действительной, Державин при описании своего отдыха в имении Званка не мог не показать, что он описывает жизнь помещика, которому служат «рабы». Герою Державина чужда мысль о правах рабов, их желаниях, о законности их мечты также наслаждаться свободой и покоем. Державин считает описанный им порядок жизни и законным и разумным. В этом и проявилась ограниченность Державина. Но в то же время важно вновь подчеркнуть, что в своих стихах Державин не дает идеологического обоснования рабства, не отстаивает крепостнические порядки. Нет! Державин-поэт прославляет человека (хотя в его субъективном сознании им был дворянин), его права, его власть над окружающим миром. В эпоху борьбы с феодализмом, с сословной идеологией такие стихи воспитывали чувство независимости и человеческого достоинства, они пропагандировали прогрессивную философию и оттого брались на вооружение даже

участниками освободительного движения. В плане эстетическом эти стихи раскрывали человека и его внутренний мир, учили изображать неповторимо индивидуальный, живой и реальный облик личности.

Художественным открытием Державина было изображение окружающей его героя русской природы.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым,
И сходит солнышко на нижнюю ступень
К холмам и рощам сине-темным.

Природа представала у Державина в своих неповторимых признаках. Поэт нашел нужные, точные слова и краски, он впервые изображал живую, вечно меняющуюся природу. Созданные поэтом картины ранней русской весны, неповторимо золотой осени, не жаркого, короткого лета открывали новую эпоху в русской поэзии, прямо предваряя позднейшие достижения Пушкина.

Не только природу, но и окружающих его людей умел изобразить поэт. Они выступали в стихах в своем конкретном индивидуальном облике. Вот староста, дающий отчет, — «усатый староста, иль скопидом брюхатой дают отчет казне, и хлебу, и вещам, с улыбкой часто плутоватой». А вот крестьянские девушки, в весенний праздник пляшущие «бычка»: «склонясь главами, ходят, башмачками в лад стучат». Зоркий взгляд поэта увидел и то, как у одной из пляшущих «сквозь жилки голубые льется розовая кровь». Читатель ясно видит пляшущую девушку, чувствует прелесть и красоту ее юности.

Но наивысшего успеха в изображении человека Державин добился в стихотворении, посвященном памяти Суворова, — «Снигирь». Суворов предстал перед читателем в единстве черт и свойств великого мужа и личности. Общее и частное сливается воедино, гениальный полководец и обаятельный характер самобытного русского человека—вот что такое державинский Суворов в этом стихотворении:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари,
В стуже и зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари.

Тема Суворова, его жизнь, его подвиги — высокая тема. Державин и облекает ее в высокую лексику: «Кто

перед *ратью* будет, *пылая»,* «в стуже и зное *меч закаляя», «бдеть до зари».* Здесь поэт как бы следует давней одической традиции. Но, с другой стороны, для поэта Суворов не только «полководец», не только «муж», но и реальная личность, милый и дорогой его сердцу друг, со своим оригинальным, ярким и самобытным характером. И тогда появляется этот оригинальный характер, этот частный человек. Но, тоже в соответствии с традицией, эта тема — обыденный человек в своем быту — воплощена низкими словами. Отсюда *«ездить на кляче, есть сухари», «спать на соломе»* и т. д.

В «Снигире» смешение высоких и низких слов дало новое качество прежде всего потому, что для Державина перестали существовать высокие и низкие слова. Теперь все слова для Державина равны. Они отличаются друг от друга только своей выразительностью и способностью передать то или иное действие, цвет, качество изображаемого поэтом явления, эмоцию и мысль. Данные в единстве и в одном стихотворении, они были подчинены задаче воссоздать живой образ Суворова — полководца и человека, и в том и в другом качестве бывшего равно индивидуально неповторимой личностью с самобытно русским характером. Эту задачу, как мы уже видели, поэт выполнил блестяще.

Подобная художественная практика разрушала каноны не только классицизма, но и сентиментализма, который продолжал насаждать и культивировать неравенство слов. Деление слов на «подлые» и «благородные», проводившееся Карамзиным, было глубоко вредным явлением, оно мешало развитию литературы, литературного языка, искусственно изолируя его от богатой, живой и вечно обновляющейся речи народа.

Антикарамзинская направленность державинского творчества в 800-е годы была подчеркнута и опубликованием цикла стихов о роли поэта и месте поэзии в общественной жизни: «Памятник», «Лебедь» и «Храповицкому». «Памятник» написан в 1796 году и впервые опубликован в издании 1798 года. В издании 1808 года он был перепечатан в конце первого тома. «Лебедь» написан в 1805 году и впервые опубликован в издании 1808 года. Стихотворение «Лебедь» тесно связано с «Памятником». В обоих стихотворениях отчетливо сформулирована тема

гражданского служения поэта своему народу. Бессмертие поэта, утверждает Державин, — его дела, исполнение гражданского долга. Оглядываясь на свое творчество, Державин видит свое право на память народа в том, что бесстрашно умел «и истину царям с улыбкой говорить». В стихотворении «Лебедь» развита та же мысль. Заслуга поэта в том, что он «языком сердца говорил и, проповедуя мир миру, себя всех счастьем веселил». Гражданская направленность поэзии делает имя поэта бессмертным в памяти благодарного народа. В пору торжества сентиментальной школы, вдохновителем и вождем которой был Карамзин, Державин, видимо, сознательно хотел противопоставить свое понимание роли поэта карамзинскому. Вне всякого сомнения объективная враждебность державинского понимания роли поэта карамзинской декларации о поэте — «искусном лжеце», чью заслугу составляет умение «вымышлять приятно» и «строить замки на песке».

4

Николай Гнедич — видный и заслуженный поэт передового лагеря литературы эпохи декабризма. Друг Пушкина и Рылеева, один из руководителей «Вольного общества любителей российской словесности», где протекала деятельность многих декабристских поэтов, Гнедич, не состоя в тайных обществах, был поэтом, идейно близким декабристам. Старший по возрасту, преданный идеям гражданской поэзии и страстный проповедник мысли о высоком предназначении поэта, он выступал наставником многих молодых литераторов. Посвящение Рылеевым своей думы «Державин» — программного произведения декабристской поэзии — Гнедичу было актом общественного значения: вождь новой литературы открыто заявлял о преемственности славной традиции гражданской поэзии XVIII века, выражая свое уважение и почтение поэту, чье творчество было живой связью между просветителями XVIII века и декабристами. [1]

---

[1] Выяснению связей Гнедича с передовой литературой начала XIX века посвящена богатая новыми фактами и наблюдениями работа И. Н. Медведевой «Н. И. Гнедич и декабристы» — «Дека-

В среде передовых поэтов декабристской эпохи Гнедич занимал особое место, так как он принадлежал старшему поколению. С 1800 по 1803 год Гнедич учится в Московском университете. В ту пору с особой силой проявились в университете новиковские традиции. В университетской библиотеке были изданные Новиковым книги и журналы, в самом университете служили люди, близкие Новикову, его почитатели и последователи, передовые профессора, ездившие к нему, опальному деятелю, в подмосковную деревню Тихвинское. Характерной особенностью университета 800-х годов была напряженная идейная жизнь студенчества, интерес молодежи к социальным и политическим проблемам, увлечение литературой русского и французского Просвещения. Естественно поэтому, что из числа студентов Московского университета несколько десятков вошли в число активных членов тайных декабристских обществ. М. В. Нечкина, внимательно изучившая идейную атмосферу университета начала века, пришла к следующему выводу: «Идейные истоки тайного общества относятся к более раннему времени, чем принято думать. Вопрос об идейной атмосфере, в которой жило московское студенчество до 1812 года, представляет, оказывается, большой интерес и многое поясняет об истоках декабризма». [1]

Во второй половине 800-х годов в центре кружков студентов и воспитанников университетского пансиона были Грибоедов, Чаадаев, Каверин, Артамон и Никита Муравьевы, Владимир Раевский — все в будущем крупные деятели декабризма. В первую половину десятилетия в университетском пансионе учились Николай Тургенев, Михаил Фонвизин, Алексей Юшневский, Николай Гнедич. С Юшневским, впоследствии декабристом, Гнедич находился в дружеских отношениях.

Любовь к литературе, и прежде всего просветительской, пропагандировавшей тираноборческие идеи, про-

---

бристы и их время». Материалы и сообщения. Под редакцией М. П. Алексеева и Б. С. Мейлаха. АН СССР, М. — Л., 1951. См. также В. Базанов, Вольное общество любителей российской словесности, Петрозаводск, 1949. Об учете опыта Гнедича в политической лирике декабристов см. «Литературное наследство», т. 60, стр. 528—529.

[1] М. В. Нечкина, А. С. Грибоедов и декабристы, АН СССР, 1951, стр. 82.

будила в юноше Гнедиче дар литератора. В годы обучения в университете он уже активно занимается литературной работой. В 1802 году он переводит трагедию Дюсиса «Абюфар, или арабская семья»; в следующем году из печати выходит «республиканская трагедия» Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе». В том же 1803 году издается первое оригинальное прозаическое произведение Гнедича — роман «Дон Коррадо де Герера». И переводы и оригинальный роман (при всей его художественной беспомощности) свидетельствуют, что начинающего литератора волнуют большие общественные вопросы, из которых свобода человеческой личности — главный. Он проповедует человечность, возглашает ненависть к деспотизму. В стихотворении, написанном в качестве предисловия к сборнику его произведений в 1832 году, Гнедич счел нужным охарактеризовать свои убеждения эпохи юношества. Стихи тех лет, говорит он, выражали его убеждения. Читатель

Узнает из них, что в груди моей бьется, быть может,
Не общее сердце; что с юности нежной оно трепетало
При чувстве прекрасном, при помысле важном иль смелом,
Дрожало при имени славы и гордой свободы.[1]

В 1803 году, не кончив университета, Гнедич уезжает в Петербург и поступает на службу в департамент народного просвещения. В департаменте под руководством директора департаментской канцелярии, писателя и журналиста И. Мартынова, образовался кружок литераторов в составе И. Пнина, Н. Радищева, Д. Языкова, К. Батюшкова. В кружок и вошел Гнедич. Для членов кружка было характерно глубокое уважение к памяти Радищева, умершего осенью 1802 года. Иван Пнин написал стихотворение на смерть Радищева. Стихотворение Пнин не напечатал, но оно стало известно в рукописи членам Вольного общества. В год приезда Гнедича в Петербург вышел альманах Вольного общества «Свиток муз», в котором Иван Борн напечатал некролог «На смерть Радищева». Сын Радищева, Николай Александрович Радищев, член Вольного общества, именно в эти годы — 1803—1806 — готовил собрание сочинений своего покойного отца, которое начало выходить с конца 1806 — начала 1807 года. Иван

[1] Стихотворения Н. Гнедича, СПБ., 1832, стр. 2.

Мартынов в своем журнале «Северный вестник» в 1805 году опубликовал, с целью напомнить о Радищеве, главу «Клин» из книги «Путешествие из Петербурга в Москву». Константин Батюшков, знавший хорошо сочинения Радищева, собирался посвятить ему часть своей статьи по истории русской литературы. Современный исследователь справедливо усматривает в ранних стихах Батюшкова следы знакомства его с одой «Вольность». [1]

Пребывание Гнедича в этом кружке помогло ему познакомиться с произведениями Радищева, в частности с «Путешествием из Петербурга в Москву» и одой «Вольность». Практически знакомство было легко осуществимо, ибо члены кружка располагали этими сочинениями. Самым ярким и убедительным свидетельством знакомства является творчество самого Гнедича. Радищевские идеи во многом определили формирование его просветительских убеждений, и в частности понимание дела литературы как гражданского служения. Не оказавшись способным принять идею революции Радищева, Гнедич вместе с тем в течение всего творческого пути неизменно опирался на литературный опыт Радищева-поэта.

В условиях господства карамзинского представления о роли поэта было чрезвычайно важно отстоять и развить просветительский идеал поэта-гражданина, радищевское учение о писателе-борце. Гнедич был одним из первых поэтов XIX века, который усвоил это учение. В последующем, в 10-е и 20-е годы, он окажется одним из тех, кто сам будет активно пропагандировать просветительский идеал писателя, стремясь вооружить литературу складывающегося декабризма опытом просветительской литературы. К 1821 году относится программное выступление Гнедича в Вольном обществе. Вот при каких условиях оно произошло. В 1820 году в связи с высылкой Пушкина несколькими поэтами были написаны стихи в его защиту (Кюхельбекером, Дельвигом, Глинкой). Пушкин откликнулся стихотворным посланием Федору Глинке. Через год, в июне 1821 года, Гнедич выступил на заседании Вольного общества со специальным рассуждением на тему о гражданской роли

---

[1] Н. Фридман, Батюшков и поэты-радищевы — «Доклады и сообщения филологического факультета МГУ», 1948, вып. 7.

поэта. Речь Гнедича как бы подводила итог суждениям о назначении и месте поэта в общественной жизни, возникшим в связи с конкретной ситуацией — преследованием Пушкина, и намечала целую программу развития гражданской литературы. Прямо следуя за русскими просветителями XVIII века (за Радищевым и Фонвизиным), Гнедич развивал мысль о писателе-гражданине, о высоком назначении поэта: «Перо писателя может быть в руках его оружием более могущественным, нежели меч в руке воина». Естественной в этой связи оказалась резкая оценка карамзинистов, чуждых такого понимания роли писателя: «Я не о тех говорю писателях, людях, впрочем, с дарованием, которые, усилием и навыком приобретая известную легкость в слове, заставляют читать себя и слушать».

В своей речи Гнедич предложил программу деятельности писателя-просветителя — писатель своим мнением действует на мнение общества: «Мнение есть властитель мира», «Да будет же перо в руках писателя то, что скипетр в руках царя: тверд, благороден, величествен!», «Писатель сражается с невежеством наглым, с пороком могущим и сильных земли призывает из безмолвных гробов на суд потомства. Чтобы владеть с честью пером, должно иметь более мужества, нежели владеть мечом».

Гнедич говорит совершенно в радищевском духе: «Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородные, чувства высокие, любовь к вере и отечеству, к истине и добродетели — вот что нужно в такое время, когда благороднейшими свойствами души жертвуют эгоизму». «В такое время нужнее чрезмерить величие человека, нежели унижать его». [1]

С наибольшей силой и плодотворностью влияние Радищева проявилось на оригинальном поэтическом творчестве Гнедича, прежде всего на его гражданских стихах.

Первым гражданским стихотворением Гнедича, обогатившим русскую вольнолюбивую поэзию, было «Общежитие». Оно представляет собой обработку оды французского писателя Антуана Тома́ «Общественные обязанности». Ода Тома́, «обращенная к человеку, живущему

---

[1] «Соревнователь просвещения и благотворения», 1821, № VIII, стр. 136—137, 138, 145.

в одиночестве», развивала просветительские представления о гражданских обязанностях человека, вытекающих из его жизни в обществе. Видимо, оттого ода и была популярна в России. Одним из первых ее перевел друг Радищева Андрей Рубановский во время пребывания в Лейпциге.[1] Затем она была переведена и издана Василием Петровым.[2] В 80—90-х годах появилось еще несколько переводов.

Отталкиваясь от хорошо известной русскому читателю оды, сохраняя главную мысль Тома́ — осуждение тех, кто пренебрегает долгом, кто эгоистически отказывается от обязанностей гражданина, предпочитая заниматься устройством своего личного счастья и благополучия, Гнедич по существу написал *новое гражданское стихотворение. Новое* состояло в переводе отвлеченно-моралистических рассуждений Тома́ на язык современной общественно-литературной борьбы — в придании стихотворению злободневного, остро политического звучания.

Тома́ начинал свою оду с моралистического поучения: «Проснись, смертный, и стань полезен миру. Выйди из безразличия, в котором томятся твои дни. Время бежит. Спеши. Завтра глубокая ночь поглотит тебя навсегда» и т. д. Гнедич с первых же строк начинает полемизировать с хорошо известным ему противником. Он не поучает, а задает вопросы, которые уже звучат как осуждение точки зрения антагониста:

Неужли в этот мир родится человек,
С зверями дикими в лесах чтобы скитаться?
Или в бездействии, во сне провесть свой век,
Не знать подобных и ничем не наслаждаться;
Как будто в пустоте ужасной — в мире жить,
И прежде смерти мертвым быть?

Тон активной полемики составляет главную тему стихотворения. Автор непрестанно обращается к своему противнику: «Проснися, человек, проснися, ослепленный, и цепи общие не разрывай собой!» Или: «Взгляни на

---

[1] См. «Опыт исторического словаря российских писателей» Н. Новикова, СПБ., 1772; на стр. 193 сказано: «Рубановский Андрей... перевел... оду славного Томаса о должностях общежития».

[2] Сочинения В. Петрова, СПБ., 1782.

этот мир!» Или: «Какой ужасный стон! Не слышишь ты его — прерви, прерви свой сон!» и т. д.

Гнедич выпускает несколько строф оды Тома́, в которых подробно перечисляется, чем обязан «живущий в одиночестве человек» обществу: до его рождения создано искусство, приносящее ему радость, построен дом, приютивший его, взращен хлеб и т. д. и т. п. Но поэт сохраняет композиционный прием оды и вслед за Тома́ включает в свое повествование возражения антагонистов. У Тома́ человек говорит: «Как? Чтобы я пожертвовал собой для неблагодарных! стремящихся к выгоде, искусных в коварстве, в грудь благодетеля, давшего им жизнь, вонзающих кинжал! Каждый из людей либо тиран, либо жертва. К ногам преступного счастливца повержен праведный, золото душит честь; и успехи преступления оскорбляют мою добродетель. Дай мне умереть в моем безвестном убежище». Гнедич отказывается от перевода этих строф и сочиняет наново ответ своего противника:

Трудиться? — говорит: — мне жертвовать собою
Завистникам, льстецам,
Живущим подлостью одною,
Мне жертвовать сердцам,
Что, злобою кипя, тех самых умерщвляют,
Которые и их питают?
Хочу трудиться я, а змеи уж шипят,
Тружусь — труды мои к добру людей клонятся,
Но люди за добро одно лишь зло творят.
Так лучше буду я в лесах с зверьми скитаться.

Написание новых стихов взамен стихов Тома́ и обнаруживает намерение Гнедича придать ответу своего антагониста злободневный современный характер, в котором бы читатель угадывал знакомые по литературе мысли, поэтические формулы. Намек Гнедича был более чем прозрачным — его антагонист не просто абстрактный «человек, живущий в одиночестве», а некий деятель, активно проповедующий мысль о своем праве на бегство из общества, праве на собственное личное счастье, праве равнодушно взирать на страдания и бедствия человечества. По типу своего сознания антагонист Гнедича в стихотворении «Общежитие» — карамзинист. Поэт заставляет его повторять знакомые читателю формулы из стихотворений Карамзина, и в частности из «Послания

к И. И. Дмитриеву». Истина, говорит Карамзин, никому не дорога:

Никто не хочет ей внимать,
И часто яд тому заплата,
Кто гласом мудрого Сократа
Дерзает буйству угрожать.
Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещенья,
Итак, лампаду угасим,
Желая доброй ночи им. [1]

Что же делать, спрашивает далее Карамзин, «когда не можем быть полезны, не можем пременить людей?» И отвечает: «Оплачем бедных смертных долю» и уйдем из общества:

Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли,
И где б без страха и надежды
Мы в мире жить с собой могли,
Гнушаться *издали* пороком
И ясным, терпеливым оком
Взирать на тучи, вихрь сует... [2]

В самом деле, нельзя считать случайным и отказ Гнедича от текста Тома́, и написание новых стихов, которые развивают мотивы карамзинской лирики и используют характерную карамзинскую лексику. Декларацию Карамзина — взирать «спокойными очами» на несчастия людей и стремиться «чем можно наслаждаться» — повторяет антагонист Гнедича. И если он призывает: «лучше буду я в лесах с зверьми скитаться», то потому только, что это Карамзин, обосновывая свой идеал, писал: уйду из общества и построю «тихий кров за мрачной сению лесов». (У Тома́, между прочим, сказано совершенно иначе: «Дай же мне умереть в моем безвестном убежище». Ясно, что «леса» у Гнедича карамзинского происхождения.)

Изменен и финал стихотворения. Он полностью написан Гнедичем, а в нем-то и заключается главная мысль

---

[1] «Мои безделки», изд. 2-е, М., 1797, ч. II, стр. 70.
[2] Там же, стр. 71.

всего стихотворения: призывать человека к гражданской активности, к сопротивлению злу, к деятельному утверждению справедливости и правды, показать несостоятельность карамзинской философии равнодушия к нуждам людей. С гневом обращается он к своему противнику: взгляни на жизнь общества, изгони из своей души эгоистическое равнодушие к людям, не «скитайся по лесам», «сердце ты холодно разогрей» и

Всем другом истинным себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодея,
И что гнетомый прав, — ты свету покажи.
Неблагодарных обяжи!

«Общежитие» — замечательный пример вдохновляющей силы просветительских идей. Эти идеи помогли сформироваться гуманистическому мировоззрению поэта, позволили разглядеть антиобщественный смысл поэтического творчества Карамзина, вдохновили на открытое выступление против признанной философии общественного поведения, пропагандируемой дворянской литературой. Позитивная программа Гнедича раскрывалась в борьбе с враждебной ему идеологией. Опровергая карамзинскую идею «слабого», «беспомощного», покорного и равнодушного человека, Гнедич воевал против пассивности, смирения, за идеал человека-гражданина, борца с общественным злом, за человека, увлеченного мечтой о героическом деле общественного служения. В стихотворении Гнедича звучала просветительская мысль о коренном условии «блаженства» личности — жизнь в общежитии, и раскрывалась она поэтом с радищевских позиций. Отличным эпиграфом к «Общежитию» могла бы быть поставлена строчка из «Вольности»: «В сожитии найдешь блаженство».

Вслед за «Общежитием» Гнедич пишет второе гражданское стихотворение «Перуанец к гишпанцу», которое уже было открыто связано с одой «Вольность». Стихотворение «Перуанец к гишпанцу» примечательно именно тем, что оно демонстрировало жизненность и плодотворность поэтических достижений и открытий Радищева; стихотворение несомненно вдохновлено одой «Вольность». Гнедич воспринял главную радищевскую мысль — о праве человека силой сбросить с себя ярмо

рабства, усвоил радищевскую лексику для выражения идей свободы и борьбы человека с тиранией, воспользовался созданной Радищевым композицией гражданского стихотворения.

Уже первые строки «Перуанца к гишпанцу» — «Рушитель моея отчизны и свободы», «Всего священного навек меня лишил» — прямо перекликаются с радищевской похвалой вольности, которая есть «дар бесценный». Для Гнедича свобода — самое «священное» состояние человека. Вслед за гимном вольности Радищев спрашивал в оде: «Но что претит моей свободе?» И отвечал: закон, созданный самодержавной властью. «Закон се божий, — царь вещает». Гнедич следует за мыслью Радищева:

Властитель и тиран моих плачевных дней!
Кто право дал тебе над жизнию моей?
Закон? Какой закон?

Радищев утверждает, что закон охраняется церковью: «Власть царска веру охраняет, власть царску вера утверждает, союзно общество гнетут». Гнедич пишет, что закон, который тирану «нас мучить право дал», освящен богом:

Коль хочет бог сего, немилосерд твой бог!
Свиреп он, как и ты...

Радищев делает вывод: раз самодержец создает законы, направленные против народа, раз он лишает его свободы, превращает бывших некогда свободными людей в невольников, то такой самодержец — «злодей», которого народ имеет право судить и казнить. Гнедич также по-радищевски называет «владетеля» и тирана «злодеем», «хищником». В своем гневе и справедливой ярости народ поднимается на царскую власть, учит Радищев. Им руководит мщение: «Се право мщенное природы на плаху возвело царя». Гнедич подхватывает центральный мотив оды о праве «мщения» угнетенных своему царю, «злодею» и «мучителю». Перуанец у Гнедича восстает и гордо заявляет:

Так, варвар, ты всего лишить меня возмог;
Но права мстить тебе ни ты, ни сам твой бог,

Хоть громом вы себя небесным окружите,
Пока я движуся — меня вы не лишите.
Так в правом мщении тебя я превзойду.

Рабство унижает человека, лишает его «величественных преимуществ человека», — так учил Радищев. Восставший раб возвращает себе не только свободу, но честь, достоинство, то есть те самые великие преимущества, без которых нет личности. Учение о том, что только в борьбе за свободу, в мщении, в протесте человек утверждает себя как личность, было великим открытием Радищева. В своей оде он показал, как призыв к мщению поднимает угнетенных: «Возникнет рать повсюду бранна, надежда всех вооружит, в крови мучителя венчанна омыть свой стыд уж всяк спешит». Дух свободы — «к величию он всех зовет», «живит, родит и созидает». Рабы, составившие армию мстителей, это уже не рабы, а «свободные мужи». «Не скот тут согнан поневоле, не жребий мужество дарит, не груда правильно стремится, вождем тут воин каждый зрится».

Гнедич усвоил это учение Радищева. Он не стал революционером, но понял главное: следует помнить не только о природном величии человека, но прежде всего о его деятельности, активной общественной жизни. Смирившийся человек недостоин гордого звания человека. У него мелеет душа, «холодеет сердце». Усвоив радищевскую мысль, Гнедич с пламенной страстью и вдохновением пропагандировал ее в своем творчестве до конца дней своих. Впервые она была изложена в стихотворении «Перуанец к гишпанцу». Прямо идя вслед Радищеву, Гнедич писал:

Так некогда придет тот вожделенный час,
Как в сердце каждого раздастся мести глас;
Когда рабы твои, тобою угнетенны,
Узря представшие минуты вожделенны,
На все отважатся, решатся предпринять
С твоею жизнию неволю их скончать.
И не толпы рабов, насильством ополченных,
Или наемников, корыстью возбужденных,
Но сонмы грозные увидишь ты мужей,
Вспылавших мщением за бремя их цепей.

В последующем мысль о том, что только самоотверженная и героическая борьба, только протест полностью

раскрывает все лучшие стороны души и характера человека, делая его прекрасным, определила обращение к «героическому миру» — к жизни греческого народа в период его великой битвы, запечатленный в «Илиаде» Гомера. Красота, гармоничность, сила, благородство бессмертных героев раскрывались в самоотверженной борьбе, в героических битвах. Поэтому перевод «Илиады» имел не только общекультурное значение; он давал возможность Гнедичу проповедовать свой идеал человека, который сформировался у него при чтении сочинений Радищева. В стихотворении 1821 года «Военный гимн греков» Гнедич не только развернул уже знакомые нам идеи, но связал борьбу восставших греков с прошлой эпохой героической истории их страны:

Воспряньте, Греции народы!
День славы наступил.
Докажем мы, что грек свободы
И чести не забыл.
Расторгнем рабство вековое,
Оковы с вый сорвем;
Отмстим отечество святое,
Покрытое стыдом!

Неустанно пропагандируя идеал человека русского Просвещения, Гнедич в новых условиях 10—20-х годов, так же как и в 800-е годы, активно и решительно выступал против враждебных ему представлений. Усвоение радищевских идей, восприятие принципов поэтического развертывания и воплощение этих идей в вольнолюбивом стихотворении неминуемо вело к овладению и радищевской политической и поэтической фразеологией. Появление в 1805 году стихотворения «Перуанец к гишпанцу» потому и замечательная веха в развитии русской гражданской поэзии. После пятнадцатилетнего господства Карамзина и его школы, пытавшейся ликвидировать радищевские традиции в поэзии, Гнедич вновь вернул вольнолюбивую поэзию к ее истокам — оде «Вольность» Радищева, смело и широко вводя в свои произведения разработанный первым русским революционным поэтом поэтический словарь.

Прежде всего Гнедич восстановил радищевское значение слов «вольность», «свобода». Властитель и тиран объявляются Гнедичем, вслед за Радищевым, «злодеем»,

«мучителем». Закон, прославляющийся Карамзиным, вновь выступает в радищевском значении обмана народа. И, главное, — вновь с радищевской силой зазвучало введенное им слово «мщение». Оно — центр стихотворения. Оно определяет развитие действия и отбор лексики. В самом деле — как магнит, оно тянет за собой целую группу определенных слов, передающих идею справедливой расправы угнетенных со своими угнетателями: «И мой унылый дух *на месть* одушевляет», «Так некогда придет тот вожделенный час, как в сердце каждого родится *мести глас»,* «Вспылавших *мщением* за бремя их цепей», «Сей самою рукою, которой *рабства цепь* влачу *в неволе злой,* я знамя *вольности* развею пред друзьями», «По грудам мертвых тел к тебе я притеку и из души твоей *свободу извлеку!* Тогда твой каждый раб — наш каждый *гневный воин»,* и т. д. Совершенно очевидна из приведенных примеров организующая роль в стихотворении слова «мщение». Оно привело за собой и определенные слова и определенные выражения: «рабства цепь», «рабы твои», «гневный воин», «знамя вольности» и т. д. Стихотворение оказалось насыщенным политической лексикой, которая в результате поэтического преображения становилась поэтической лексикой. На радищевский опыт такого преображения и опирался Гнедич.

Поэтическое творчество Гнедича 800-х годов было живым и ярким свидетельством и плодотворности традиций Радищева и неодолимости развития русской поэзии по магистральному пути, который ясно и отчетливо определился как путь органической связи литературы с освободительным движением. Стихи Гнедича обогащали русскую вольнолюбивую поэзию, они двигали ее вперед, указывая в то же время и ее истоки, ее вдохновляющий пример. Последующее развитие русской гражданской поэзии пошло путем, верно угаданным Гнедичем. Творчество Пушкина, развернувшееся в следующем десятилетии, окончательно подтвердило закономерность обращения к просветительскому наследию. Пушкин начал, как и Гнедич, с учета радищевского опыта. А в 1819 году, написав свою оду и озаглавив ее «Вольность», он мужественно назвал вдохновивший его источник открыто.

5

Первым гражданским стихотворением юного Пушкина было «К Лицинию» (1815). Поэт ценил свое раннее стихотворение, печатал его в прижизненных изданиях произведений (а известно, что из большого числа лирических стихов Пушкин печатал всего около полутора десятка) и даже открыл им издание стихов 1829 года.

Комментаторы Пушкина считают, что «римский колорит» придан стихотворению из цензурных соображений. Согласиться с этим никак нельзя. Пушкинский историзм стал складываться очень рано. Интерес к истории пробудился у него уже в лицейские годы. Стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» — пример глубокого внимания к событиям русской истории. К тому же 1816 году относится замысел исторической поэмы «Игорь и Ольга». В том же ряду должно рассматривать и интерес Пушкина к античности, который обусловил написание стихотворения «К Лицинию». [1]

Стихотворение лишено каких-либо намеков на современность. Пушкин не обманывал цензуру и под видом Рима не изображал александровского Петербурга. В эпоху широкого внимания европейской общественности (особенно французской) к героическим страницам римской истории, идеализации героев республиканского Рима, превознесения их добродетелей Пушкин выдвигает другую тему — показ «развратного» Рима, торжество тирании, гибель свободы. Именно такое понимание римской истории, такая трактовка политических событий, такой отбор фактов истории, наконец показ того, как римские императоры «похищали» у народа свободу и утверждали «ярмо рабства», и помогают обнаружить ту традицию, которую подхватил Пушкин. Впервые в России так (без идеализации) тема Рима была подробно раскрыта Радищевым в поэме «Песнь историческая». [2]

Первый том сочинений Радищева, где были собраны стихотворения и поэмы (в том числе и «Песнь истори-

---

[1] Рассматриваю первую журнальную редакцию («Российский Музеум», 1815).

[2] Эта связь впервые была вскользь отмечена в брошюре Н. Н. Степанова «Исторические воззрения А. С. Пушкина», 1949.

ческая»), был известен Пушкину уже в 1814 году. Поэт в своей неоконченной поэме «Бова» указывал, что он писал ее «вслед» за Радищевым. Чтение «Песни исторической» вдохновило Пушкина, он воспринял главную мысль Радищева — свободу Рима уничтожили императоры, и когда-то процветавший вольный народ оказался погубленным, попав в ярмо рабства. Каждый из правителей Рима, утверждал Радищев, постепенно ограничивал права народа. В итоге царствования нескольких императоров Рим окончательно утратил свою свободу, склонив «выю свою горду под ярем насильства». У Пушкина та же мысль: Ветулий отнял у народа свободу и «на Рим простер ярем, отечество бесславит».

Радищев показал в своей поэме, как народ, теряя свободу, терял власть. Потеряв власть, он стал игрушкой в руках военачальников, диктаторов, императоров. Говоря об императоре Клавдии, Радищев делает обобщение:

О Рим, Рим! Кто царь твой ныне?
Старец дряхлый, но младенец
Он умом: ум слабый, глупый.

В другом месте Радищев упрекает народ Рима в пассивности, в смирении перед грубой силой:

Ах, достоин ли свободы
Ты, который лишь желаешь
Хлеба, хлеба, игр на цирке?

То же горькое чувство выразил и Пушкин:

О Ромулов народ! пред кем ты пал во прах?
Пред кем восчувствовал в душе столь низкой страх?
Квириты гордые под иго преклонились!..
Кому ж, о небеса! кому поработились?..
Скажу ль — Ветулию! — Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей,
Любимец деспота Сенатом слабым правит.[1]

Обличение «любимца-деспота», продажности власти (в Риме «все на откупе: законы, правота, и жены, и мужья, и честь, и красота»), «разврата» римской монархии составляет основу первого гражданского стихотво-

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, АН СССР, 1937, стр. 111.

рения Пушкина, его агитационную силу. Центральная идея выражена лапидарной строкой: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Но в стихотворении есть и вторая тема — тема общественного поведения человека, осознавшего невозможность жизни в «гордом крае разврата, злодеянья». Пушкин спрашивает: что должен в подобных условиях делать человек? В радищевской поэме эта тема отсутствует. Пушкин же, столкнувшись с новой и важной для него проблемой, не мог предложить какого-либо выхода. Да и обстоятельства политического развития России тех лет еще не подсказывали выхода поэту. Но человек, осознавший «позор», «разврат» монархической власти, не мог сидеть сложа руки, оставаться равнодушным. Не поднявшись до политического протеста, Пушкин оказался вынужденным перевести конфликт действительной жизни в мир моральный, предложить отчаявшейся личности индивидуальный выход — уйти, убежать вон из развратного Рима, не принимать участия в позоре, не подчиняться власти «любимца деспота».

Новая тема — бегство из мира зла — уводила поэта от политики к морали. И тогда Пушкин попадал во власть другой традиции. Карамзин, как известно, создал поэзию, где проблемы политического бытия человека решал с отвлеченных моральных позиций, где политику подменил моралью. Карамзин оправдывал общественную пассивность человека, отчего во многих стихах он прославлял бегство личности из мира, где торжествуют пороки и зло, в поисках своего личного счастья отъединившегося от других людей. Эта тема получила и свое конкретное, образное воплощение: человек, признав свое бессилие изменить мир, уходит из «мрачного света» в «пустынный уголок» и там под «сению лесов» он строит «тихий кров», и, живя «в темном шалаше», он «в чистом сердце наслаждался мерцанием вечерних лет». Он, наконец, оказывался способным «спокойными очами на мир обманчивый взирать». Образ «беглеца», наслаждающегося своим одиночеством, центральный в творчестве Карамзина и в творчестве его учеников, и в частности Жуковского, несомненно волновал воображение молодого Пушкина, когда он писал вторую часть своего стихотворения.

Однако идейное содержание образа беглеца у Карамзина и Пушкина глубоко различно. Карамзин, проповедуя бегство, прославляет равнодушие человека к судьбам других людей, воспевает его права на свое эгоистическое счастье. Пушкину чужда подобная философия. Бегство его героя — это прежде всего *вызов*, протест, нежелание смириться. Отсюда и автохарактеристика героя: «кипит в груди свобода», и его грозное пророчество Риму: «придет ужасный день — день мщенья, наказанья», «исчезнет Рим». Ясно, что такой строй чувств бесконечно далек от чувств карамзинских героев и близок к радищевскому.

Итак, каждая из двух тем нашла свое особое стилистическое оформление в стихотворении молодого Пушкина. Радищевское начало оказалось ведущим. Оттого стихотворение оправданно воспринималось как гражданское, было своего рода политическим выступлением поэта. Вольнолюбивая русская поэзия обогатилась новым произведением, и оно оказалось написанным в той традиции, родоначальником которой был Радищев. Вот почему в стихотворении встречается уже знакомая нам характерная поэтическая лексика: «иго», «ярем», «поработились», «отчизна», «деспот», «народ», «законы», «свобода», «рабство», «злодеяние», «разврат» и т. д., и характерные фразеологические единицы: «отчизне стыд», «народ несчастный», «кипит в груди свобода», «сыны священной брани», «придет ужасный день, день мщенья». Слово «мщение», введенное Радищевым в вольнолюбивую поэзию, оказалось усвоенным и Пушкиным, усвоенным и непосредственно от Радищева и через стихи Гнедича.

Впервые Радищев назвал народное восстание «мщением» в оде «Вольность». Говоря о начале будущей революции в России, Радищев приветствует ее следующими словами: «О день, избраннейший всех дней». Победившая революция утвердит «блестящий день». Радищевская формула, выразившая страстное ожидание будущего, приветствие свободы, была усвоена гражданской поэзией. Уже у Гнедича находим: «Так некогда придет тот вожделенный час, как в сердце каждого раздастся мести глас». «День» («час») мщения оказывался, таким образом, связанным с днем свободы, с днем гибели тирана, уничтожения самодержавия. Пушкин тоже введет радищевскую поэтическую формулу в свои стихи: «При-

дет ужасный день — день мщенья». Но отношение к этому дню у Пушкина не радищевское, так как поэт далек от проповеди революции. В последующем в своей оде «Вольность» он вообще откажется от слова «мщение». В стихотворении же «К Лицинию» слово «мщение» присутствует, но оно для поэта означает не революцию, а лишь возмездие, наказание тирана.

Пересечение двух различных и враждебных друг другу традиций — характерная особенность раннего творчества Пушкина. В следующем и наиболее зрелом гражданском стихотворении — оде «Вольность» — поэт решительно заявит о своем разрыве с карамзинской традицией и верности радищевской. «Вольность» знаменовала определенный этап в идейном и эстетическом развитии поэта, подводила итог первому, юношескому периоду творчества. Пушкин преодолевал поэтическую несамостоятельность. Несамостоятельность и приводила к противоречивому сочетанию различных традиций в лицейском творчестве. Ода «Вольность» свидетельствовала о развитии могучего таланта поэта, определившего свой путь, самостоятельно и неодолимо двигавшегося вперед. После «Вольности» поэзию Пушкина вдохновляли, ее развитие определяли общественные потребности отечества, ход освободительного движения, нужды и чаяния народа.

Начиная новый путь, нужно было рассчитаться с прежними увлечениями, рассчитаться категорически, чтобы не было ни у кого из читателей (и прежде всего у новых читателей и друзей типа Николая Тургенева) никаких сомнений в его идейных позициях.

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру.

Эти строки лишены риторичности и условной поэтичности, они носят глубоко автобиографический характер. Когда Пушкин писал оду «Вольность», он имел в виду определенные свои стихи, выражавшие его представление о поэзии и роли поэта, которое ныне он преодолел, о чем торжественно и заявлял.

Период 1815—1818 годов знаменовался влиянием на Пушкина сентиментально-романтических поэтов. Сила влияния обусловливалась личными отношениями с Жуковским и Карамзиным. Влияние старших поэтов наиболее отчетливо определилось в понимании Пушкиным идеала поэта. Так же, как и для Жуковского и Карамзина, для Пушкина поэт — «певец», певец частной жизни человека, «певец любви» и наслаждений. Пушкин даже выработал устойчивую формулу: «Певец любви, певец своей печали». Пушкинский идеал поэта эпохи юности с наибольшей поэтической силой выражен в стихотворении «Певец». Здесь и определение поэта как певца и образ его — унылый юноша, ожидающий с отрадой смерти, и тема его песен — любовь и печаль, и стилистический рисунок — все от Жуковского. Тематика и стилистика Жуковского определили и такие элегии, как «Я видел смерть», «Я думал, что любовь погасла навсегда», «Любовь одна — веселье жизни хладной», и такие стихи, как «Желание» («Медлительно влекутся дни мои»), «Наслаждение» («В неволе скучно увядает едва развитый жизни цвет, украдкой младость отлетает, и след ее — печали след»), «Послание Лиде» и т. д. Центральным в цикле стихов, конечно, было послание «К Жуковскому». В нем Пушкин открыто декларировал свою приверженность направлению Карамзина и Жуковского.

В стихах 1816—1818 годов Пушкин продемонстрировал овладение не только темой своих наставников, но и их поэтической лексикой. Поэтому такие слова, как «лира», «Цитера» и т. д., органически вошли в поэтический словарь молодого Пушкина. В стихотворении «Сон» Пушкин сообщает о себе: «Мне не дает покоя Цитерея». В «Послании Лиде» он писал:

Тебе, наперсница Венеры,
Тебе, которой Купидон
И дети резвые Цитеры
Украсили цветами трон...

В стихотворении «К ней» (начало 1817 года) сообщалось: «На лире счастливой я тихо воспевал волнение любви, уныние разлуки», «Вновь лиры сладостной раздался голос юный» и т. д.

На подобные свои стихи, в которых поэт открыто сближал свой путь с путем Карамзина и Жуковского, и отвечал Пушкин резко и категорически в оде «Вольность»: «Беги, сокройся от очей, Цитеры слабая царица!». Поэт призывает «певицу свободы», «грозу царей». К ней он обращается с призывом: «Приди, сорви с меня венок, разбей изнеженную лиру». С другой традицией связывает ныне себя поэт — с Радищевым, делая это открыто, дерзко и мужественно, сочиняя свою оду «Вольность» вслед за одой «Вольность» Радищева, за которую судили и преследовали поэта.

Обнажение традиции было не случайным явлением — оно вытекало из ясного осознания поэтом своего нового пути. В 1823 году в письме к декабристу А. Бестужеву по поводу его обзора русской словесности Пушкин прямо указывает, что у декабристов есть свои предшественники, что на опыт этих предшественников и должно опираться прежде всего. Статья Бестужева — интересное явление декабристской критики. Автор выступил против подражательности, активно призывал к изучению родного языка, изгонявшегося из общества. Но вместе с тем статья отражала и слабые стороны мировоззрения Бестужева той поры, и прежде всего — его антиисторизм. Критик не видит развития, вместо истории литературы он дает лишь перечень бывших или современных явлений. Критик не сумел выделить различные направления в литературе XVIII века и начала XIX века, не увидел борьбы между ними. На первое же место в современной литературе Бестужевым была поставлена школа Карамзина и Жуковского. Он так, например, характеризовал заслуги поэтов этой школы: «Легкие стихотворения Карамзина ознаменованы чувством: они извлекают невольный вздох из сердца девственного и слезу из тех, которые все испытали»; [1] «С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа в поэзии»; стихи Жуковского «чаруют сладостными звуками»; «Душа читателя потрясается чувством унылым, но невыразимо приятным». [2]

---

[1] А. Бестужев, Взгляд на старую и новую словесность в России — «Полярная звезда». Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1823 год, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым, стр. 15.

[2] Там же, стр. 21—22.

Понятно, что Пушкин, автор «Вольности», «Деревни», «К Чаадаеву», «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Кинжала» и других, не мог согласиться с такими оценками. Осторожно он написал в письме: «О «Взгляде» можно бы нам поспорить на досуге». Но замалчивание Радищева Пушкин не мог простить. Поэтому он решительно заявил: «Покамест жалуюсь тебе об одном: как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить? Это умолчание непростительно ни тебе, ни Гречу, — а от тебя его не ожидал». [1]

О глубокой связи радищевской и пушкинской од написано довольно много. Последняя и самая обстоятельная работа принадлежит Д. Д. Благому. [2] Исследователь справедливо указывает не только на сходство двух стихотворений, но и подробно рассматривает характерные различия, проистекающие из неприятия Пушкиным радищевской идеи народной революции, впервые изложенной в оде «Вольность». Связь «Вольности» Пушкина и «Вольности» Радищева очевидна и не требует дополнительных иллюстраций. Менее ясен вопрос об усвоении Пушкиным радищевских принципов построения революционной оды, об овладении его достижениями в области поэтического языка гражданского стихотворения.

В радищевской «Вольности» впервые нарисованы новые картины, введена новая лексика. Радищев выдвинул образ поэта — певца свободы. Его ода начиналась гимном вольности. Пушкин не только идет вслед за Радищевым в развитии образа поэта — певца свободы, но и прямо подхватывает его поэтические слова: «Хочу воспеть свободу миру, на тронах поразить порок». Радищев рассказывает о том, как гибельны действия самодержавия, как оно лишает народ свободы, как народ поднимается на восстание. Пушкин следует за одой Радищева, исключая, естественно, из своей оды картину народного

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. X, М. — Л., 1949, стр. 61.

[2] См. книгу Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина», М. — Л., 1950, стр. 157—169. См. также работу Н. Л. Степанова «Пушкин и Радищев», М., 1949. В свое время автор настоящей книги касался этой проблемы в статье «Пушкин и Радищев» — Ученые записки Ленинградского университета, 1939, № 33, вып. 2.

восстания и суда над монархом. Но во всем остальном Пушкин чутко относится к языку первого русского революционного стихотворения: поэт использовал слова оды «Вольность» именно в том значении, которое придал им Радищев. Он переносил в свою оду обороты и речения, выработанные Радищевым. Оттого поэтический словарь Пушкина резко изменился: у него появились такие слова, как *свобода, вольность, трон, народ, закон, преступная секира, злодейская порфира, злодей, власть, тиран, убийца, царь, глава, врата, владыка, плаха* и т. д. Радищевский характер такого словоупотребления очевиден не только в степени насыщенности стихотворения политической лексикой, но и в использовании специфически радищевских значений слов. В своей оде Радищев употребил слово «злодей» в новом смысле — царь, самодержец. Пушкин открыто переносит в свою оду то же слово в радищевском значении. Наполеон для него «самовластительный злодей», Павел — «увенчанный злодей». В том же значении слово «злодей» войдет и в политический словарь декабристов. Например, у Рылеева — «Взнесенный в важный сан пронырствами злодей», «Так страдал злодей кровавый», у Рылеева и Бестужева строки о Павле — «как курносый злодей воцарился за ней» и т. д.

Радищев первый бросил самодержцу вызов, выступил с угрозой царю: «Но мститель, трепещи, грядет». Екатерина, отметив эти строки, записала в обвинении: «Царям грозит плахою». У Радищева угроза была выражена характерным словом: «трепещи». Пушкин усвоил его. «Тираны мира! трепещите!» — восклицает поэт. Рылеев подхватывает радищевское словоупотребление: «Тогда вострепещи, о временщик надменный!» или «Все трепещи, тиран!»

Радищевские истоки поэтической лексики вольнолюбивых стихотворений Пушкина и декабристов особенно видны в использовании определенных словосочетаний или в создании определенных картин и образов. В оде Радищева находим такое описание надменного и самовластительного самодержца: «Схватив железный скипетр, царь». Пушкин перенес это выражение в свое стихотворение «Наполеон» для характеристики самодержца: «схватив железный свой венец». У Радищева самодержавное правление характеризуется словами «сгущенная мгла».

У Пушкина такое выражение и в том же значении: «Власть в сгущенной мгле предрассуждений воссела — рабства грозный гений и славы роковая страсть». У Радищева есть такая устойчивая фразеологическая единица: «В царе зря образ божества», или «Он образ божий на земле». Пушкин, отталкиваясь от этого словоупотребления, пишет: «Упрек ты богу на земле». Точно так же усваивается Пушкиным и декабристами характерное для Радищева словоупотребление «ярем порабощения». Радищев, стремясь передать своим читателям веру в торжество свободы, впервые употребил выражение: «надежда всех вооружит». В том же конкретном значении стих этот усвоен Пушкиным в его политической фразеологии — слово *«надежда»* всегда вера в торжество свободы: «Ужель надежды луч исчез?» или «Когда надеждой озаренный» и т. д.

Не приняв радищевской идеи народной революции, Пушкин, естественно, в своей оде опустил центральную картину оды Радищева — картину народного восстания и суда над царем. Но когда в 1825 году он писал стихотворение «Наполеон», и ему предстояло рассказать о французской революции, о суде над Людовиком XVI и его казни, он вспомнил первую в русской поэзии картину народного восстания и народного суда над монархом.

Напомню строки радищевской оды, в которых повествуется о начале восстания:

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит,
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.

Народ в ярости,

Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его как гражданина...

Говоря далее о торжестве революции, Радищев создает образ светлого дня свободы — «Блестящий день родил из туч».

Создавая картину французской революции и казни короля, Пушкин не только шел от реального события, но и от традиции изображения в поэзии народной революции:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежный,
Свободы яркий день вставал.

Как естественно Пушкин использовал поэтическую лексику Радищева, которая выражала близкие ему идеи, так же естественно оказывалось отсутствие у Пушкина тех характерных радищевских слов, которые выражали неприемлемые для него идеи. Не приняв народной революции, Пушкин не включил в свой словарь и слово «мщение». Зато оно взято на вооружение революционерами-декабристами.

В поэзии Раевского мысль о революции получила радищевское лексическое выражение. Уже в его ранних патриотических стихах, где лишь впервые зазвучала гражданская тема, появилось это слово: «Дух мести наше божество», или: «Заутра грозный час отмщенья». Впоследствии эта терминология будет закреплена. Характеризуя ненавистника рабства, поэт пишет: «Призрак отмщенья в духе его гнездится». В «Послании к Батенькову» мы находим:

Тиран стремительной стопой
Вспять хлынул с ханскою ордой!
И вслед ему бич бранный мщенья!

Когда Раевский был арестован, он из крепости обратился с стихотворным посланием «К друзьям». В нем он взывал к «торжественному мщенью».

Мотив мщения встречается у Рылеева. Характерное радищевское слово вошло и в его поэтический словарь. О значении слова «мщение» в поэтическом языке Гнедича уже говорилось.

Нет возможности перечислить все случаи прямого усвоения радищевской высокой поэтической лексики Пушкиным и декабристами. Но совершенно очевидно, что поэтическое наследие Радищева, основоположника русской вольнолюбивой поэзии, было взято на вооружение и Пушкиным и декабристами. Они отчетливо осознавали традиции Радищева, его опыт они изучали, на него

опирались, его достижения усваивали. Так, в частности, был освоен опыт радищевского использования славянизмов и древнерусcизмов для выражения гражданских и революционных идей. Начатая Радищевым и Державиным традиция воплощения в поэзии гражданских мотивов при помощи славянизмов и древнерусcизмов получила новое мощное развитие и у Пушкина и у поэтов-декабристов — Рылеева, Ф. Глинки, Раевского, Кюхельбекера.

6

В литературном движении 800-х годов известное место занимают поэты «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Творчество четырех из них — Востокова, Пнина, Попугаева и Борна — наиболее значительно. В течение последних лет к деятельности Вольного общества было привлечено внимание литературной общественности. В издании «Библиотеки поэта» были опубликованы лучшие произведения поэтов Вольного общества, а творчество их было освещено в ряде специальных исследований. Им также отведены главы в учебных пособиях и вузовских программах. Монография Вл. Орлова «Русские просветители 1790—1800-х годов», вышедшая в 1950 году, подведя итог многолетним изысканиям ученого, определила идейно-эстетические позиции таких поэтов, как Пнин, Попугаев, Востоков и Борн, их роль и место в общественно-литературной борьбе 800-х годов, их значение для последующего этапа развития литературы.

Несомненно, творчество членов Вольного общества было важным явлением литературно-общественной борьбы первых лет XIX века. Крылов, Державин, Гнедич, каждый по-своему, опираясь на опыт своих учителей, умножили и обогатили просветительские традиции, отстояли их в борьбе с карамзинской школой, передали новым поколениям поэтов декабристской эпохи, способствовали расцвету гражданской поэзии в России и развитию реалистической эстетики. Особая роль принадлежала в этой борьбе поэтическому творчеству Радищева.

Деятельность членов Вольного общества шла в том же направлении, они оказывались в ходе борьбы в передовом лагере. В работе Вл. Орлова вскрыт характер идеологи-

ческих позиций членов Вольного общества. На основе тщательного изучения их прозаических и поэтических сочинений исследователь показал, как в реальных условиях первого десятилетия нового века, когда господствовала карамзинская школа, они отстаивали просветительские принципы в литературе. Ими была продолжена тема человека-творца и зиждителя, они подчинили литературу служению «общей пользе», задачам воспитания, некоторые из них открыто высказали сочувствие к личности Радищева и впервые назвали его «великим человеком», поставили его жизнь гражданина в пример обществу. Все это заставляет историка литературы с вниманием отнестись к их деятельности, раскрыть ее действительное место в процессе литературно-общественной борьбы.

В то же время нельзя допускать идеализации их политической программы, преувеличивать значение их деятельности в истории литературы начала века. К сожалению, такая идеализация и такое преувеличение существуют в науке. Они проявились в создании легенды о них как *наследниках и продолжателях Радищева* (со всеми оговорками), как *поэтах-«радищевцах»*. Отклик Пнина и Борна на смерть Радищева послужил основанием для объявления их радищевцами. Пнин написал стихотворное «Послание Брежинскому», Борн — некролог «На смерть Радищева». Ясно, что сочувствие, проявленное к личности Радищева, создание стихов, героем которых стал известный всей России автор вольнолюбивых произведений, — значительное явление общественно-литературной жизни 800-х годов. Но сочувствие *личности* Радищева вовсе не означает сочувствия его *делу* революционера, не обязательно предполагает идейную близость. Внимательное чтение стихотворения Пнина и некролога Борна убеждает, что такое сочувствие личности, а не делу, и воодушевляло молодых поэтов.

В стихотворении «Послание Брежинскому», посвященном памяти Радищева, Пнин рисует обаятельный облик человека и гражданина. Радищев у Пнина — не революционер, но человек, чье сердце «добром дышало», чьи уста «истину вещали», кто «жертвовал собой не для своих, но общих благ», был «отечеству сын верный, был гражданин, отец примерный и смело правду говорил». Все в характеристике конкретно и точно. Поэт прямо заявляет, что его

цель — создать образ гражданина, и осуществляет свое намерение в соответствии с традицией изображения гражданина, которая существовала в русской поэзии к тому времени.

Вспоминаются прежде всего державинские стихи. В широко известном стихотворении «Вельможа» поэт, рисуя образ гражданина, говорил, что он должен «о благе общем их стараться, змеей пред троном не сгибаться, стоять и правду говорить». Только такой человек может снискать «себе почтенье от граждан». Нетрудно увидеть, что характеристика Радищева Пниным чрезвычайно близка к державинским стихам. Тут и служение «общему благу», и умение «смело правду говорить», и независимость — «кто ни пред кем не изгибался». Державинская характеристика гражданина и верного сына отечества была усвоена поэзией. В том же ключе следует рассматривать и следующую характеристику Пниным Радищева:

Сей друг людей, сей друг природы,
Кто к счастью вел путем свободы,
Навек, навек оставил нас. [1]

В стихах сформулирован просветительский идеал человека, и осуществлен он просветительской лексикой, ставшей общеупотребительной в литературе 800-х годов. Использование в стихах слова «свобода», выражения «святая свобода» и т. д. после Карамзина вовсе не означало призыва к революции. В самом деле, в карамзинской оде «На коронацию» мы встречаем хвалу свободе. Поэт писал, что «свобода мудрая свята», что «свобода нам мила» и т. д. Радищев не только «любил свободу» и видел счастье в свободе — он провозгласил революцию единственным путем к свободе. Он был революционером, мстителем, а не просто «другом людей». Но нарисовать облик революционера Пнин не мог, потому что не принял радищевского пути к свободе, потому что ему чужда была революция.

Написав стихотворение на смерть Радищева, Пнин не напечатал его. Естественно возникает вопрос — почему в условиях, когда совершенно свободно можно было опу-

---

[1] «Радищев в русской критике», М., 1952, стр. 25. Здесь напечатан полный текст стихотворения Пнина.

бликовать стихотворение (пример Борна, напечатавшего некролог о Радищеве), поэт отказался от своего намерения? Научная литература не дает ответа на этот вопрос.

Смерть Радищева вызвала отклик другого поэта Вольного общества, Ивана Борна. Некролог, состоящий из стихотворения и прозаического текста — краткой биографической справки, видимо, написан был сразу после получения известия о смерти Радищева. Сам Борн указывает: «На сих днях умер Радищев». Значит, он мог быть написан в сентябре 1802 года. Напечатан же он был в следующем году, во второй части «Свитка муз».

Из текста некролога ясно, что Борн не был знаком с Радищевым, но довольно хорошо знал его жизнь, его судьбу. Борн сообщает интересные факты из жизни Радищева в годы пребывания его в илимской ссылке. Не желая касаться политической биографии Радищева, Борн опускает все, что предшествовало аресту, ограничиваясь лишь несколькими туманными фразами: «Жизнь подвержена коловратности и всяким переменам. Нет дня, похожего на другой. Как легчайший ветер возмущает поверхность вод, так жизнь наша есть игралище вечного движения. Радищев знал сие и с твердостию философа покорился року».

Борна привлекает в Радищеве сильная личность, он видит в нем человека твердой воли, не впадающего в отчаяние и находящего при любых испытаниях утешение в деятельности на благо других людей. Он с воодушевлением и восторгом пишет о жизни Радищева в илимской ссылке; именно там гонимый и преследуемый человек сумел сделаться «благодетелем той страны; ум его просвещал, а добродушие утешало всех, помогало всем, и память добродетельного мужа пребудет там священною у позднейшего потомства». Борн рассказывает о том, как Радищев лечил в Илимске больных, как помогал страдавшим зобом. Сведения о жизни Радищева в Илимске, сообщенные Борном, как свидетельствуют новые документы,— достоверны. Следовательно, Борн первый рассказал в печати о жизни Радищева в сибирской ссылке. Важно отметить, что о жизни Радищева в ссылке Борн узнал от жителей Сибири во время своего путешествия. «В проезд мой через Тару, — сообщает Борн, — остановился я в том

доме, где он ⟨Радищев⟩ прожил неделю, и хозяин не мог нахвалиться его добродушием, его ласковостию». Рассказ Борна о пребывании Радищева в Таре также точен. Дневник Радищева, который он вел на обратном пути из Илимска в Немцово, засвидетельствовал остановку в Таре, куда он прибыл в воскресенье 16 марта 1797 года и вынужден был провести в городе две недели, так как заболела Елизавета Васильевна Рубановская. В том же путевом дневнике Радищев записал: «Пробыв в Таре доле, нежели бы желание наше было, мы выехали 27-го числа в половине дня». Через некоторое время в том же доме, где прожил две недели Радищев, побывал Борн. Хозяин и рассказал Борну о жизни Радищева в Илимске. Борн свидетельствует: «Радищев с горестью расстался с илимскими жителями; на возвратном своем пути остался он везде в памяти».

Но некролог важен прежде всего тем, что он был единственным общественным выступлением передового деятеля начала века по поводу гибели Радищева. Борн полон глубокого сочувствия к жизни «истинно великого человека», жизнь которого была подчинена большой и светлой цели сделать счастливыми своих соотечественников: «пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности». Борн первый заговорил в печати о значении радищевского подвига как примера для любящих добродетель: Радищев, заявляет он, «муж всем известный», «коего смерть более, нежели с одной стороны, важна в очах философа, важна для человечества». «Важность для человечества», считает Борн, определяется тем, что жизненный путь Радищева засвидетельствовал, как, несмотря на гонения и преследования, человек, «любящий истину и добродетель», продолжает деятельность, не изменяет своим убеждениям, не отказывается от осуществления своих идеалов, какие бы ни возникли трудности.

Сочувственно относясь к Радищеву, Борн в то же время нигде не говорит о деятельности Радищева как революционера, но не по цензурным соображениям. Борн принципиально рассматривает деятельность Радищева совершенно с другой точки зрения. Она для него пример высокого, самоотверженного служения добродетели. Для Борна, как просветителя, добродетельный человек делает

добро людям, чего бы это ему ни стоило, и делает не для славы, не для вознаграждения, а потому, что вне этой деятельности для него нет счастья.

Поэтому-то в центре некролога — рассказ о помощи Радищева больным. Для Борна важно показать на конкретном примере: вот человека преследуют, а он не предался отчаянию, не уединился, а пошел к людям, чтоб помогать им, заботиться о них; к Радищеву стекались «благодарные» за пятьсот верст, «всякий нес что-нибудь от сердечной благодарности, слеза каждого мешалась со слезами торжествующего честного человека. О минуты, достойные вечности! Кто из грозных бичей человечества, сих кровожаждущих завоевателей, опустошавших страны цветущие и сковавших в цепи рабства вольных граждан! — Кто из них, говорю я, наслаждался такими минутами? Никто! Радость их была буйством, торжество их — поруганием человечеству. О добродетель, добродетель! ты составляешь единственное истинное счастие».[1]

Радищев у Борна, как и у Пнина, — образ гражданина, добродетельного мужа, не больше. Борн не был революционером, не сочувствовал идее народной революции и потому не стремился изображать Радищева революционером. В том, что образ Радищева оказался сниженным, в том, что Борн сознательно революционера подменил гражданином, — слабость некролога, вытекавшая из идейных позиций Борна. В то же время, как уже говорилось, выступление Борна имело и прогрессивное общественное значение, как первый сочувственный отклик на гибель Радищева.

Радищевцами называют Пнина и Борна за их гражданскую лирику; именно в поэзии они будто бы подхватили радищевскую традицию и продолжили ее. Наиболее последовательный радищевец — Василий Попугаев. Изучение же поэтического наследия Пнина и Попугаева приводит к выводу, что это утверждение несправедливо. Единственное стихотворение Радищева, которое они могли знать, — ода «Вольность», но ода не могла быть принята ими по идейным мотивам. Естественно, не оказались воспринятыми и принципы поэтики революционного стихотворения. В действительности не Радищев, а другой поэт

[1] «Поэты-радищевцы», «Советский писатель», 1935, стр. 245.

оказал на них влияние — поэт, активный и популярный в ту эпоху.

Обратимся к стихам Попугаева, и прежде всего — к его гражданской лирике. «Воззвание к дружбе», напечатанное в сборнике Попугаева «Минуты муз» (1801), — гимн дружбе, которая, как считает поэт, обладает силой, способной преобразовать мир. Он призывает дружбу спуститься с небес, ибо верит, что, как только она восторжествует на земле, немедленно наступит покой и счастье во вселенной:

В жилах наших огнь прольется,
Сердце смертно оживит,
Страшной брани огнь уймется,
Агнца с волком примирит;
Гордость — изверг утесненья, —
Истребится пред тобой,
В все живущие творенья
Водворится мир, покой.
Раб не будет пресмыкаться
Пред владыкою своим,
Тяжки цепи истребятся,
Зло рассеется, как дым.

Что радищевского в этих стихах? С каких пор прославление дружбы как панацеи от социального зла и народных бедствий есть выражение радищевских идей? В действительности стихи Попугаева восходят к совершенно другой и враждебной Радищеву традиции, традиции Карамзина. Карамзин первым провозгласил: «любовь и дружба — вот чем можно себя под солнцем утешать». Карамзин в программном стихотворении «Дарование» заявил: «И ты, о дружба, дар небесный». Попугаев и подхватил карамзинское выражение: «Дружба! дар небес бесценной». Карамзин в стихотворении «Песнь мира» призвал мир спуститься с небес:

Он в дыхании зефира
Ниспускается в наш край
И от горних стран эфира
В тьму нисносит светлый рай...

а Попугаев вторит ему, и, как поэт несамостоятельный, вторит буквально, используя карамзинские обороты, слова и даже рифмы:

Божество души моей!
Низлети с кругов эфирных,
Ниспади на круг земной, —
Да услышим глас в зефирных
Тихих веяньях мы твой.

Карамзин утверждает: как только спустится мир с неба, «все в природе оживает». Попугаев идет вслед за образцом: «Сердце смертных оживит». Карамзин рисует будущую идиллию: «Агнец тигра не боится», «Все творение дружится», все люди — «миллионы» обнимутся, «как объемлет брата брат». Прекратятся горести, ибо станет ясным, что не надо «нам губить друг друга, сирым слезы проливать». Попугаев точно следует нарисованной картине; у него будущее общественное устройство — тоже идиллия, оно наступит тогда, когда дружба спустится с небес на землю. Всесильная дружба «агнца с волком примирит», «Крез услышит бедных стоны, будет сирому внимать» и т. д.

Стоит отметить и такую колоритную деталь стихотворения Попугаева, как полемика с Радищевым. Первая строка попугаевского стихотворения открыто полемизирует с известным началом оды «Вольность». Радищев писал:

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный...

В первых строчках «Вольности» звучала декларация революционера: источник всех великих дел человека — вольность. Попугаев демонстративно поправляет — не вольность, а дружба:

Дружба! дар небес бесценной,
Сладкий нектар жизни сей,
Гений мира, всей вселенной.

Та же мысль повторена с усилением в конце стихотворения:

Дружба! дар небес бесценной,
Утешитель жизни сей.

Большое место в поэзии Попугаева занимает тема счастья человека; два стихотворения даже так и

назывались: «Счастье жизни сей». Тема счастья — одна из центральных и в поэзии Карамзина. Развернута она, в частности, в таких его стихах, как «Послание к И. И. Дмитриеву», «Послание к А. А. Плещееву», «К самому себе», «Дарования» и т. д. Интерес к теме счастья не случаен — ее разрешения ждало общество, и поэт со всей силой убежденности развивал ее в своих стихах.

Не имея сил идти вслед Радищеву, Попугаев, Пнин и другие логикой развития обрекались на пассивность. Выступая же в качестве поэтов, они подчинялись влиянию той фразеологии, которая благодаря усилиям Карамзина стала господствующей в литературе.

Человеку по природе своей трудно исполнить должность гражданина — повторяет беспрестанно Попугаев. В стихотворном «Письме к Борну» эта тема выражена с наибольшей полнотой. Человек «любит истину» «и пользы обществу как патриот желает». Для каждого жизнь Сократа — пример. Поэтому он «для пользы лишь одной отечества живет», согражданам служит и т. д. Но как только наступает пора решительного дела — «в минуту в нем и жар и огнь его пропал». «Мудрец, как лист, затрепетал», но не от опасности, а от воображенья. И тогда, оказывается, он «не пользы обществу, покоя лишь желает».

Существует мнение, что поэт сатирически обличает «мнимых «друзей человечества», либеральных краснобаев, решительных на словах и робких на деле».[1] Вряд ли это так. Заявляя, что человек, преданный идее служения общей пользе, на деле «не пользы обществу, покоя лишь желает», Попугаев вовсе не собирался обличать краснобаев, так как он сам проповедовал в стихах идеал покоя. В стихотворении «Счастье жизни сей» поэт писал: «Человек — ищи покою, счастлив, коль его снискал». В другом стихотворении под таким же названием мысль выражена следующим образом: «Лишь тот благополучен, доволен кто судьбой и, титлов не желая, в спокойствии живет». В стихотворении «Воззвание к дружбе» Попугаев призывает: «Дай покой вселенной всей». В стихотворении «К друзьям» провозглашается: «Мудрец о сем не суе-

---

[1] Вл. Орлов, Русские просветители 1790—1800-х годов, Гослитиздат, 1950, стр. 400.

тится; с Камиллом в хижине своей живет на лоне он покоя». Если допустить, что в образе человека, жаждущего покоя, Попугаев обличает краснобаев, тогда, поступая последовательно, должно краснобаем признать самого Попугаева. В действительности он никого не обличает, он просто констатирует: человек, понявший, что надо жить для общей пользы, попадает в тяжелое и трудное положение. В реальных условиях русской жизни тяжело исполнять должность гражданина. Об этом противоречии, о трагическом положении личности и писал Попугаев. Надо сказать, что именно в этой теме наиболее полно отразилась противоречивость положения просветителя, не принявшего революционного пути. В условиях, когда уже известно, что «правдивость в мире не живет», когда известно, что царствует зло, что бедственна и трагична судьба честного человека, гражданина и патриота, —

...мудрый втуне иссякает,
В желанье жить лишь для людей,
О бедствах ближних воздыхает
И в узах стонет как злодей.

(«Судьба»)

Потому и рушится у Попугаева вера в человека.

В своем ощущении трагичности судьбы гражданина, «истинного человека», в реальных условиях самодержавно-крепостнической России Попугаев не был одинок. Его друг Борн (к которому и адресовано стихотворение) в некрологе, посвященном Радищеву, размышляя о причинах самоубийства замечательного человека, писал: «Радищев умер, и, как сказывают, насильственною, произвольною смертию. Как согласить сие действие с неколебимою оною твердостию философа, покоряющегося необходимости и радеющего о благе людей в самом изгнании, в ссылке, в несчастии, будучи отчужденным круга родных и друзей?.. Или познал он ничтожность жизни человеческой?» Здесь уже знакомая нам мысль Попугаева. Для Борна оказывается возможным приписать даже Радищеву те же мысли и убеждения, что исповедовал он и его друзья. Такова неизбежная логика вещей: не приняв революционного пути, и Пнин, и Попугаев, и Борн, ратуя за идеал человека-гражданина, в то же время уводили своего читателя с поприща политической деятельности, с пути проте-

ста и борьбы. А ограничив деятельность человека-гражданина сферой «делания добра», они чувствовали и понимали, как в сущности жалка позиция такого патриота. Трагизм своего положения и приводил к грустным раздумьям и выводам о ничтожности человеческих усилий, о слабости человека, о неспособности его покончить со злом на земле. Вот чем знаменательна поэзия членов Вольного общества. Она продемонстрировала, как губительно сказывается на просветительских взглядах неприятие революционного метода действия. Такая поэзия, проповедуя идеал человека-гражданина, не достигает своей цели, ибо человек оказывается обреченным на пассивность. И тогда в реальных условиях 800-х годов, когда господствующее место занимал Карамзин и его школа, создавшая либеральную фразеологию на основе использования общепросветительских положений, поэзия Попугаева и Пнина часто попадала в один поток с карамзинской, так как близкими оказывались и тематика и стилистика подобных стихов. Радищевского же в них не было ничего.

Сближение с Карамзиным и разрыв с радищевской традицией проявились и в определении роли поэта и в той полемике с Радищевым, которую повели поэты Вольного общества. Обе темы с наибольшей полнотой выражены в творчестве Ивана Пнина.

Взгляды Пнина на роль поэта изложены в стихотворении «Послание к некоторым писателям». Пафос стихотворения в призыве не «злословить» то сочинение, которое хотя и «худо писано, но имеет цель полезную». Несомненно, Пнин защищает «содержательную» поэзию, выступает против «пустячков», против «безделок», против только эстетической оценки литературного произведения. Каждое произведение, говорит Пнин, надо ценить по его содержанию, по той пользе, которую оно приносит. Тем самым он как бы выступает против писателей карамзинской школы, против многочисленных эпигонов и подражателей. Тон выступления спокойный, в нем нет даже и тени негодования, он скорее просительный: «Извинить умейте слабости», «Почитайте дарование возникающих писателей» и т. д. Здесь же изложено и требование Пнина к писателям, которое раскрывает его понимание «содержательной» поэзии:

Истребите из сердец своих
Навсегда яд злобной критики
И старайтесь исправлять людей
Без насмешек и ругательства.

По мнению Пнина, поэт исправляет людей, но исправляет «без насмешек и ругательства», то есть исключая сатиру. Нет нужды доказывать, что Пнин в данном случае отступает от идеала писателя, созданного русскими просветителями XVIII века, запечатленного Державиным. И Новиков и Фонвизин требовали от писателя быть сатириком, гневным обличителем общественных пороков, социальной несправедливости, даже центральной власти. Их сатирические произведения показывали, каким должен быть писатель. Фонвизин указывал, что писатели «имеют долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству», они могут быть «советодателями государю», «а иногда и спасителями сограждан своих и отечества».[1] Пнин бесконечно далек даже от фонвизинского требования. Радищевский же взгляд на роль писателя просто чужд и враждебен ему. Пнин знал «Путешествие из Петербурга в Москву». Знал и требование Радищева к писателю, сформулированное в книге: «быть мужественным» и «восставать на губительство и всесилие». Знал и то, как Радищев выполнил свое требование и действительно мужественно «восстал на губительство и всесилие». В своем стихотворении Пнин сознательно отходит от требований Радищева, ставит перед писателями совершенно другую цель. Отвергнув радищевское понимание роли писателя, Пнин оказался в плену тех требований к поэту, которые сформулировал и усиленно пропагандировал антагонист Радищева Карамзин.

Карамзин принципиально исключал сатиру из литературы. В стихотворении «К бедному поэту» Карамзин писал, что поэт есть «хитрый чародей», который может «вымышлять приятно», обогащать «бедную» «существенность», и в этом его благо. И пусть он будет, восклицает поэт, «искусный лжец», — «ему и слава и венец». Откровенная формулировка Карамзина, естественно, была чужда просветителю Пнину. Но было бы ошибочно сводить

[1] Д. И. Фонвизин, Сочинения, письма и избранные переводы, СПБ., 1866, стр. 230.

представления Карамзина о назначении поэта только к данной формуле. Считая, что поэт обязан показывать зло жизни и страдания утесненного человека, Карамзин в ряде стихов изложил свое широкое понимание проблем, стоящих перед писателями. Вот типичное требование Карамзина:

Не будь ни в чем излишне строг,
Щади безумцев горделивых,
Щади невежд самолюбивых,
Без гнева обличай порок,
Прощая слабости другим,
Ты будешь слабыми любим.

Близость карамзинской формулы «без гнева обличай порок» к призыву Пнина — «и старайся исправлять людей без насмешек и ругательства» — совершенно очевидна. И дело тут не в том, чтобы устанавливать влияние и зависимость, важно подчеркнуть: в определении роли поэта Пнин отступил не только от радищевского идеала, но и от идеала писателя, сформулированного русскими просветителями, и в частности Новиковым и Фонвизиным. Отступив от просветительских требований к искусству, он неизбежно сближался с карамзинской точкой зрения.

И все же при всех колебаниях, при всей непоследовательности — в основах своего мировоззрения Пнин был просветителем. Далекий от революционных убеждений Радищева, он усвоил просветительское представление о человеке. Отлично знакомый с учением французских материалистов, и в частности с сочинениями Гольбаха, Пнин выразил в своих стихах материалистический взгляд на человека. Те же просветительские воззрения определили интерес к человеку и у других членов Вольного общества. Тема человека для многих поэтов Вольного общества, и особенно для Пнина, — важнейшая, кардинальная. Ода Пнина «Человек» — это восторженный гимн человеку. Ода напечатана в 1805 году. Цензуру она проходила в конце 1804 года. Видимо, около этого времени она и написана. Пнин начал писать оду после смерти Радищева. Ода действительно пронизана пафосом утверждения материалистических воззрений на человека. Он — «природы лучшее создание». Не бог определил его достоинство, его силу, его разум. Не бог вдохновил его к великим открытиям; он «сам всех дел виною». «Снискавший

мудрость сам собою чрез труд и опытность свою», человек «прешел препятствия пучину», «природной бедности помог». Антицерковный, антирелигиозный характер подобных утверждений очевиден.

Основная цель поэта — показать, как велик человек, помочь людям узнать себя, влить в них веру в свои силы, в свое достоинство, в свое высокое призвание. «Ты царь земли — ты царь вселенной», — восклицает поэт. Человек «велик мыслию своею», он «зиждитель есть вселенной» —

Ты все как бог устроиваешь,
Ты невозможностей не знаешь, —

с восторгом отмечает поэт творческие победы человеческого труда, человеческого разума. Человек нерушимо связан с природой: «С природой связан ты судьбою, ты ей живешь, она тобою свой жизненный являет вид». Человек создал великое искусство, правосудие, «исчислил звезды», построил каналы, города, проник в тайны природы и т. д. и т. п. В восторге поэт заключает: «Прими мое благословенье, зиждитель-человек, прими!»

Нет надобности доказывать, какое общественное значение имело такое возвеличение человека, чем прежде всего и определяется ценность поэзии Пнина и других членов Вольного общества, из которых следует особо отметить талантливого поэта Востокова. Лучшие стихи поэтов Вольного общества действительно противостояли карамзинской школе. Но даже в оде «Человек» Пнин бесконечно далек от Радищева.

В основе оды лежит просветительское учение о человеке. В проповеди материалистического взгляда на человека — сила Пнина. Но Пнин остался на уровне просветительских представлений о характере деятельности человека, которая сводится лишь к подчинению природы, к овладению ее тайнами. Деятельность общественная, политическая поэтом исключается. Не случайно, что политические представления французских просветителей, так же как и Пнина и Попугаева, сводились к концепции просвещенного абсолютизма. Уповая на преобразовательную силу законов, которые дает мудрый, просвещенный монарх, просветители обрекали человека на общественную пассивность. Согласно этим представлениям, человек должен ждать, когда будут созданы условия для раскрытия

его природных дарований, его творческих сил. Та же концепция определяла и общественную позицию философа, писателя — он не борец, не протестант, а воспитатель.

В предисловии к своей книге «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» Гельвеций так определил значение философии вообще, и своей в частности: «К составлению этого труда меня побудила любовь к людям и к истине. Пусть только они узнают себя, пусть они приобретут ясные идеи о нравственности, и они станут счастливыми и добродетельными». [1]

Пнин также движим любовью к людям. Он стремится помочь им «узнать себя», ибо искренне и глубоко верит: как только они узнают себя, то станут счастливыми и добродетельными. Вот почему в его стихах нет не только протеста личности против условий, ее порабощающих, против обстоятельств, которые мешают проявлению ее дарований, но нет даже намека на общественную деятельность человека. В этом смысле Пнин отошел от традиций русского Просвещения. Русские просветители требовали, чтобы человек утверждал свое величие в общественно-патриотической деятельности, и естественно, что и Новиков, и Фонвизин, и другие просветители, не веря в революцию и будучи далекими от идеала человека-борца, в то же время подчеркивали, что человек должен быть активным общественным деятелем, что его деятельность должна носить политический и патриотический характер. То, что они не понимали и не принимали революционного метода действия, было их бедой. Радищев, первый русский революционер, потому и разрешил идеологический кризис русского Просвещения, что указал на ясный и единственно правильный путь — народную революцию, создал учение о человеке — деятеле нового типа, человеке — революционере.

На взглядах французских и русских просветителей лежит печать исторической ограниченности. Гельвеций и Гольбах, Вольтер и Дидро писали до французской революции. Политическая теория просвещенного абсолютизма указывала на слабость их идейных позиций. Но из их великого материалистического учения о человеке французский народ сделал правильные революционные выводы и

---

[1] **Гельвеций**, О человеке, М., 1938, стр. 1.

изменил феодальные отношения не мирным, не просветительским, а революционным путем. Русские просветители Козельский, Новиков, Фонвизин, Н. Д. и другие сложились как мыслители до выступления Радищева, создавшего революционную идеологию. Развитое ими учение, на котором была печать исторической ограниченности, подхватил Радищев, двинул вперед, поднял на новую ступень.

Пнин писал после французской революции и после деятельности Радищева. Не приняв революционного метода, отвергнув мысль о народной революции, он оказался в идейном тупике. Когда он писал свои принципиальные, декларативные оды «Человек», «Ода на правосудие», он вольно или невольно стал полемизировать с Радищевым, и в первую очередь с его одой «Вольность».

Следует прежде всего подчеркнуть, что оба указанных стихотворения содержат в себе открытые цитаты из оды «Вольность». Наличие цитат — прямое свидетельство того, что при написании своих стихотворений Пнин отчетливо помнил радищевскую «Вольность». Пнин пишет:

Земные недра разверзая,
Металл блестящий извлекая,
Богатство по свету разлил.

У Радищева читаем:

Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

Строка Пнина «Так дух зиждительной свободы» явно радищевского происхождения. Вспомним: «Велик, велик ты, дух свободы, зиждителен, как сам есть бог». Радищевские строки «Источник всех великих дел, о вольность, вольность, дар бесценный» Пнин перефразирует в «Оде на правосудие»: «Душа покоя и устройства — источник всех великих дел». Подобных примеров множество. Но Пнин не ограничивается цитированием отдельных строчек «Вольности». Он использует и композиционные приемы оды «Вольность». Так, у Радищева важная часть стихотворения отведена речи восставшего народа, которую он произносит во время суда над монархом. В этих строфах утверждается важная мысль: народ — творец всех материальных и духовных благ. Пнин использует в оде «Человек»

и в «Оде на правосудие» радищевский прием. Центральная часть оды «Человек» — перечисление творческих дел человека. Многое из перечисленного Радищевым используется и Пниным. Уже приводились выше строки о добыче металла из недр земли. Можно увеличить количество примеров. У Радищева сказано: «Покрыл я море кораблями, устроил пристани в брегах». Соответственно у Пнина: «Каналы чистых вод проводишь и строишь пристани, суда». В «Оде на правосудие», показывая значение правосудия для человека, Пнин явно отталкивается от оды «Вольность». У Радищева описывается свободный земледелец, который трудом своим добывает богатый урожай. Пнин вслед за ним описывает тоже земледельца, довольного и счастливого, собирающего для себя плоды своей работы. Радищев описывает поведение воина, вдохновленного свободой. Пнин вслед за Радищевым также изображает воина, готового умереть спокойно, так как знает, что правосудие торжествует, и т. д. и т. п.

Явные и скрытые цитаты, следование за планом «Вольности» не случайно. Использование цитат нужно для полемики с Радищевым. В самом деле, Радищев выступил с одой «Вольность», в которой провозгласил: свобода есть главный дар человека. Вне свободы нет человеческого счастья. Дух свободы зиждителен, животворящ. Он поднимает человека к большой, высокой, прекрасной жизни. Вольность — «источник всех великих дел». Из них самое великое — революция. Пнин пишет свою поэтическую декларацию — «Оду на правосудие». Предложенный им путь враждебен Радищеву. Так логика обстоятельств заставила Пнина полемизировать с революционным стихотворением. Цитируя оду «Вольность», Пнин одновременно и напоминал о революционном стихотворении и демонстрировал отличие своих идейных позиций от радищевских. Как же еще можно понять цитаты и это следование за «Вольностью»? Радищев декларирует: вольность — источник всех великих дел; Пнин решительно возражает: не *вольность,* а *правосудие* («Душа покоя и устройства — источник всех великих дел»).

Радищев показывает жизнь земледельца после получения *свободы,* утверждая, что его счастье, его достаток есть следствие *свободы* («Но дух свободы ниву греет» и т. д.). Пнин возражает: земледелец счастлив и доволен

потому, что в стране торжествует *правосудие* («Любуется, смотря на ниву, в ней видя жизнь свою счастливу, благословляя твой покров», то есть покров правосудия).

Радищев свидетельствует: свобода вдохновляет человека на борьбу с рабством, делает его героем, бесстрашным, презирающим смерть («Вождем тут воин каждый зрится, кончины славной ищет он»). Воин готов умереть за свободу («Твой вождь — свобода», — восклицает Радищев). Пнин отметает радищевское представление. Не *свобода,* говорит он, а *правосудие вдохновляет воина.* Он готов умереть за родину, исполнить свой долг, потому что знает: оставленную семью не забудет закон («Паду ли от врагов моих, и более меня не будет, тогда закон их не забудет, есть правосудие для них»). Интересно отметить, что Пнин, одобряя патриотический поступок своего воина, остается верным себе. Его солдат сражается не за установление правосудия. Правосудие кем-то уже установлено в стране. Воин лишь пользуется благами того строя, где торжествует правосудие; потому-то он и может исполнить свой долг перед родиной.

Радищев своими стихами призывал к действию, к мести, к борьбе за отнятую свободу. Пнин славит то состояние общества, когда люди будут счастливы. Новый общественный строй, по Пнину, характеризуется торжеством правосудия. Поэт хочет, чтобы люди поняли и осознали его мысль. При этом у Пнина речь идет о *всех* людях. Он обращается ко *всем,* убежденно говоря, что где нет правосудия, там *все* несчастны:

Где нет тебя — там все несчастны,
От земледельца до царя,
Законы дремлют и безгласны,
Там всяк живет лишь для себя.

Радищев же считал царя виновным в отсутствии справедливых законов и призывал народ судить монарха и создавать новые законы.

Та же полемика в оде «Человек». У Радищева речь идет о творящей силе *народа.* Человек, утверждает Радищев, ничтожен в своей «единственности». *В оде «Вольность» Радищев показывает всесилие народа; Пнин воспевает одинокого человека, у которого нет никаких связей*

с другими людьми. Он дан вне общества, вне общественной деятельности, вне общественных интересов.

Противоположность позиций двух поэтов проступает с тем большей силой, чем отчетливее обнаруживается формальная близость двух стихотворений. Радищев показывает творящую силу народа только для того, чтобы раскрыть возможность, законность и необходимость его протеста, его стремления уничтожить режим рабства, возвести самодержца на плаху. Пнин наглядно демонстрирует другую цель поэта: помочь человеку понять свое величие, «узнать себя».

Полемика Пнина с Радищевым не имеет ничего общего с той полемикой, открытой и скрытой, какую вел с последним Карамзин. Полемика Карамзина носила характер борьбы с враждебной идеологией. Пнин полемизировал потому, что не верил в революционный метод действий, потому, что пытался обосновать свой взгляд на возможность мирного пути социального преобразования. В то же время сторонники мирного пути не могли не чувствовать бесперспективности своей пропаганды, своего идеала. Отсюда — нотки трагизма и пессимизма в их воззрениях. Для Борна и Попугаева характерна мысль о ничтожности каких-либо усилий человека изменить мир зла, о бессмысленности каких-либо действий, направленных на благо людей. Те же мысли свойственны были и Пнину. В «Оде на правосудие» поэт с горечью констатирует, что, пока в стране не воцарится правосудие, трудно человеку быть добродетельным: «видны лишь злодейств примеры», там «шипят пороки и язвят, там выгод нет быть добрым, честным, быть другом искренним, нелестным, там чашу смерти пьет Сократ». С наибольшей силой чувство пессимизма выражено в стихотворении «Послание к В. С. С⟨опикову⟩ на Новый год», напечатанном в том же 1805 году. В мире, говорит Пнин, торжествует зло. Он залит слезами несчастных. Поэт призывает к спокойствию и мужественному терпению:

Взгляни спокойными очами
На участь общую людей,
Взгляни на царствы, что пред нами
Погибли в пропасти своей:
Иные вновь чело подъемлют,
Из праха нову жизнь приемлют,

На что ж? — чтобы влачить в цепях
Себя — и будущие роды...
Вот что с собой приносят годы,
Вот что мы зрим во всех веках!

Так было. Но, увы, так будет и всегда. Наступающий новый год ничего не меняет:

Род смертный тот же остается,
Он все невежеством ведется;
Лжесвятство, рабство и война
Владели им и днесь владеют,
Народы к ним благоговеют,
А истина!.. удалена.

Что же делать человеку, если неумолимо торжествует зло и «добродетель погибает», когда нет надежды на счастье? Поэт с горечью восклицает: и все же он должен творить добро, ибо ничего не остается другого. Грустен и печален вывод поэта: «Тот муж не умирает, кто ближнему добро творит».

Слабость и ограниченность мировоззрения Пнина определили и пессимизм, и оправдание пассивности, и перевод политических проблем в моральный план (не революция, а воспитание, познание человеком самого себя и т. д.). И вот когда с таких позиций Пнин, поэт небольшого дарования (так же как и Борн и Попугаев), вступил на поэтический путь, он, естественно, оказался во власти той традиции, где внешне сходные чувства были уже выражены. Полемизируя с Радищевым, он невольно, так же как и Попугаев, перекликался с Карамзиным.

Напомню стихотворение Карамзина, в котором выражена близкая Пнину тема — в мире всегда торжествовало и будет торжествовать зло:

Что есть, то было, будет ввек,
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек,
И прежде был он жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

Сходство мыслей и чувств влекло к усвоению поэтической лексики. Карамзин писал: судьбы определили мир быть «жилищем призраков сует, немногих благ и многих бед». Поэтому делался вывод: «Ах, зло под солнцем бесконечно». Пнин усваивает подобную терминологию:

«В жизни каждое мгновенье родит беду и заблужденье, сей мир, мой друг, есть мир для злых».

Карамзин констатировал: «Добра не много на земле». Пнин соглашался с ним: «К добру весьма случаев мало». Карамзин утверждал, что в этом мире все люди несчастны, все рабы случая — и бедный и царь в порфире: «Мы живем в печальном мире, всякий горе испытал, в бедном рубище, в порфире». Мысль карамзинского обличения переходит в стих Пнина: «И раб в цепях и царь в порфире творят, что случай повелит». Карамзин, считая, что зло торжествует в мире, поучает: «Умей спокойными очами на мир обманчивый взирать». Ничего, кроме слабого утешения, нет и в стихах Пнина. Здесь на помощь приходит уже готовая формула: «Взгляни спокойными очами на участь общую людей».

Нет ни малейшего основания зачислять членов Вольного общества в последователей и наследников Радищева. Легенда о радищевцах не помогает изучению историко-литературного процесса, но затемняет его. Место легенды должна занять картина действительного исторического содержания идейно-эстетической программы каждого из членов Вольного общества. Не приняв радищевских идей, радищевского наследия, они развивались в духе общепросветительских традиций и в меру своих сил и очень скромных талантов, в условиях господства Карамзина и его школы, осуществляли свое скромное дело.

Исследователь глубоко прав, когда на ряде конкретных примеров, на точном анализе прозаических сочинений членов Вольного общества показывал просветительский характер их идеологической программы, когда вскрывал не только ограниченность, но нередко и консервативность многих их точек зрения. В центральном произведении Пнина «Опыт о просвещении относительно к России» наряду с просветительским идеалом нашли свое выражение взгляды консервативные, возникшие под влиянием страха перед революцией. Так, «через всю его книгу, — пишет Вл. Орлов, — красной нитью проходит идея сословной и имущественной иерархии, как основы основ нормального, благоустроенного общества». [1] Более того, Пнин выступил решительным противником равенства, то есть против цен-

[1] Вл. Орлов, Русские просветители..., стр. 144.

трального и главного тезиса в просветительской идеологической программе. Значит, тот, кто выступил против равенства, был очень непоследовательным просветителем. Как же мог непоследовательный, робкий просветитель, отвергающий даже идею равенства и проповедующий сословность как основу будущего общества, быть преемником, наследником и продолжателем Радищева?

Все члены Вольного общества (за исключением Востокова) были малоталантливыми поэтами. О Попугаеве, например, Вл. Орлов писал, что «талантом поэта он одарен не был».[1] Оттого их творчество не могло играть какойлибо значительной роли в развитии поэзии, поскольку художественный уровень этого творчества был крайне низок. В посредственных стихах высказывались довольно умеренные морально-просветительские взгляды. Значение поэтического вклада поэтов Вольного общества оказывалось небольшим еще и потому, что они, не будучи одарены талантом, не смогли поэтически самостоятельно воплотить даже свои скромные общественно-политические взгляды. Поэтическая несамостоятельность привела к тому, что они попали под влияние карамзинской школы. Тем самым они не двигали вперед русскую гражданскую поэзию, не оказались способными развить ее дальше Радищева и Державина, то есть обогатить ее своими открытиями, своими достижениями. Не приняв радищевского мировоззрения, они не усвоили и его принципов высокой поэзии, воплощением которых была прежде всего ода «Вольность». Русская вольнолюбивая поэзия от Радищева пошла к Пушкину и декабристам, минуя поэтов Вольного общества.

Поэты Вольного общества не были и не могли быть звеном (да еще единственным!) между Радищевым и декабристами. Этот тезис родился из преувеличения роли поэтов Вольного общества, из недооценки творчества Крылова, Гнедича, Державина и прежде всего поэтического наследия самого Радищева, участвовавшего в общественно-литературной борьбе 800-х годов.

Определить действительное место творчества поэтов Вольного общества в литературном движении 800-х годов совершенно необходимо, чтобы увидеть истинную перспективу исторического развития русской вольнолюбивой поэ-

---

[1] Вл. Орлов, Русские просветители..., стр. 263.

зии. Радищев — высший итог русской культуры, русской освободительной мысли, русской литературы, русского Просвещения XVIII века. Он — основоположник новых и плодотворнейших традиций. Его опыт, как и опыт всего русского Просвещения (и таких писателей, как Фонвизин и Новиков прежде всего), по-разному и в разной мере подхватили и освоили крупнейшие талантливые поэты начала XIX века. Ими были Крылов и Гнедич, Грибоедов, Пушкин и поэты-декабристы. Гражданская поэзия Державина, вдохновленная просветительской идеологией, при всей ограниченности политических и социальных взглядов поэта также шла навстречу Пушкину и декабристам. Передовые поэты новой эпохи восприняли традиции русского просветительства через поэтическую практику таких активно работавших поэтов, как Крылов и Державин. Радищев своим творчеством принимал непосредственное участие в литературно-общественной жизни начала века. Радищева усваивали и Крылов, и Гнедич, и Пушкин, и декабристы без посредников.

7

В области прозы начала века в «белодневной», «правительством терпимой», по выражению Огарева, литературе [1] господствовала карамзинская школа. За два десятилетия XIX века книжный рынок был наводнен произведениями карамзинистов, которые завели прозу в тупик. К 1822 году относятся замечания Пушкина о русской литературе, и прежде всего о прозе; вывод его в высшей степени суров — даже лучшие образцы прозы, принадлежащие самому Карамзину, не могут удовлетворить.

Почему же карамзинисты завели прозу в тупик? Пушкин считает тому причиной подражательность, отрыв от национальных корней и национальных традиций. И Карамзин, и Дмитриев, и все их последователи принципиально ориентировались на французскую словесность. По словам Пушкина, «овладевают русской словесностью» не великие писатели Франции, но «бездарные пигмеи,

---

[1] Н. П. Огарев, Стихотворения и поэмы — «Библиотека поэта», 1937, т. 1, стр. 294.

грибы, выросшие у корня дубов: Дорат, Флориан, Мармонтель, Гишар, madame de Жанлис...»

Подражание породило «вредные последствия — манерность, робость, бледность». Манерность исключала возможность точного изображения реальной действительности. Сентименталисты были врагами обыденной жизни, вещей обыкновенных, которые ими объявлялись «низкой» действительностью, недостойной художественного изображения. Пушкин с возмущением записывал: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами». [1]

Борясь с манерностью, с «блестящими выражениями», требуя точности и краткости, Пушкин боролся за идейность прозы. Проза, указывал Пушкин, «требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Проза карамзинистов уводила читателя от актуальных вопросов жизни своего отечества и народа. Мысль подменялась чувством, которое вырождалось у эпигонов в пошлую, слезливую чувствительность.

Расцвет и торжество русской прозы связаны с деятельностью Пушкина и Гоголя. В своей работе они опирались на творчество, опыт и достижения той литературной традиции, которая была враждебна Карамзину, которая и в новых условиях выдержала проверку временем. Решительно выступая против подражательности, призывая литераторов создавать произведения «в русском роде», Пушкин писал: «Но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки и проч.». И тут же отмечал: «Некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, коего слог русский». [2]

Кто же эти «некоторые», писавшие вместе с Крыловым «в русском роде»? Каково значение их творчества для развития русской прозы? Изучение литературы 800-х годов помогает понять замечание Пушкина. В первом десятилетии XIX века шел подспудный, но замечательный по своим последствиям процесс сложения иной, не карамзинской

---

[1] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, 1949, т. VII, стр. 14—15.

[2] Там же, стр. 532, 533.

прозы, иного, не карамзинского слога. Суть процесса — *восстановление* традиций просветительской прозы, вытесненной из литературы Карамзиным и его школой. Восстановление проявилось прежде всего в том, что в литературу вновь возвращались лучшие произведения просветителей 70—80-х годов XVIII столетия. В 1802 году Крылов переиздал две части своего сатирического журнала «Почта духов». В 1806 году Новиков переиздал лучшие свои произведения — «Письма к Фалалею», «Отрывок путешествия». В 1811 году перепечатано «Житие Федора Васильевича Ушакова» Радищева. В литературных кругах были известны запрещенные книги и сочинения — такие, как «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, «Придворная грамматика», очерки из журнала «Друг честных людей, или Стародум» и, наконец, политическое сочинение «Рассуждение о непременных государственных законах» Фонвизина.

Просветительские прозаические сочинения были сатирическими произведениями. Они ставили на общественное обсуждение важнейшие проблемы социально-политического развития крепостной России. Но следует помнить, что, конечно, на слоге всех этих произведений XVIII века отчетливо видны следы исторической ограниченности. Слог каждого из писателей страдал своими конкретными недостатками (например, излишнее увлечение Радищева славянизмами и т. д.). Но это была проза, вдохновленная большой, гневной и страстной мыслью. Она писалась языком, который стремился к точности. Авторы очень часто умели «изъяснять просто вещи самые обыкновенные», они щедро и смело вводили в язык литературы пословицы и песни, открыто опирались на живую речь народа. В лучших сочинениях просветителей не было раздражавших Пушкина «вялых метафор», манерности, «блестящих выражений» и т. д. В том, что просветительская проза, враждебная сентиментальной школе, устремлялась в будущее, и состоит ее значение, и определяется ее роль в литературе первых лет XIX столетия.

Жизненность прозы просветителей, получившей в эту пору второе рождение, состоит еще и в том, что она вдохновляла и молодых писателей нового века. Писатели, опираясь на прозу просветителей, используя их опыт, в то же время открыто боролись с прозой сентименталистов,

пародировали их слог, высмеивали манерность и неестественность их стиля. Первым прозаическим произведением, вторгшимся в литературу 800-х годов, была «Почта духов». Значение «Почты духов» в том, что в ней с просветительской силой обличались дворянство и власть. В 1802 году, в условиях, когда общество было отучено от сатиры, сочинение Крылова вызвало интерес не меньший, чем в год первого издания.[1]

Другим интересным явлением прозы 800-х годов были антидворянские и антикрепостнические произведения Новикова. Живя под Москвой, он поддерживал тесные дружеские взаимоотношения с профессорами университета, и прежде всего с Чеботаревым и Мудровым. Обремененный долгами, разоренный правительством, больной, постаревший, Новиков с прежним пылом мечтал о возвращении к деятельности. Вне работы, вне труда он не мог жить. Он писал о себе Чеботареву: если «я целый день не могу ничего делать, так у меня делается тоска и беспокойство».[2] Приходилось же заниматься главным образом хозяйством, ибо иных средств к существованию не было.

Связь с Московским университетом, с его передовыми профессорами позволила Новикову предпринять попытку вернуться к общественной деятельности. По новым правилам министерства просвещения, утвержденным Александром в 1803 году, менялась система управления университетом. Вместо четырех кураторов назначался один попечитель. Директор же выбирался из числа профессоров на ежегодных собраниях. Первым попечителем был назначен М. Н. Муравьев, известный писатель-сентименталист. Директором университета до 1805 года был Чеботарев. В 1805 году истекал очередной срок аренды типографии Московского университета. По условиям директор университета объявлял торги, и типография сдавалась тому, кто предлагал наивысшую цену. Новиков решил попробовать вновь взять в аренду университетскую типографию. Главным благоприятствующим обстоятельством было директорство Чеботарева. Получение Новиковым типографии

---

[1] Подробнее о «Почте духов» см. в кн. Н. Л. Степанова «И. А. Крылов», Гослитиздат, 1949.

[2] Б. Модзалевский, К биографии Новикова, СПБ., 1913, стр. 52

в аренду, видимо, обсуждалось в кругу близких просветителю людей. Несомненно, итог обсуждения — решение о помощи Новикову, поскольку ему одному было просто не под силу поднять такое большое дело. Да и прежде всего не было у Новикова необходимых денег.

В 1805 году состоялись долгожданные торги. Накануне же торгов произошли события, оказавшиеся роковыми для Новикова: при очередном выборе директора университета Чеботарев был заменен Страховым. Торги Новиков провел энергично. Объявленная цена аренды — 9 тысяч рублей в год — была превышена: Новиков предложил 11 тысяч, и типографию оставили за ним. Совет профессоров университета передал типографию Новикову. Но против передачи выступил новый директор, Страхов. Нарушая все правила и уставы, Страхов *после торгов* выдвинул предложение вообще не сдавать типографию в аренду и оставить ее на содержании университета. Совершенно очевидно, что предложение директора возникло как повод для отказа Новикову. Со своим предложением Страхов обратился к попечителю — Муравьеву, и тот принял его. Новикову отказали.[1] Так были приняты все меры, чтобы не допустить Новикова на поприще просветительской деятельности.

В том же 1805 году Новиков предпринял попытку вернуться в литературу. Лучшие свои сатирические произведения из «Живописца» он передал в журнал, который должен был выходить в новом, 1806 году, — в «Московский собеседник». Издателем «Московского собеседника» был А. Г. Решетников,[2] старый знакомый Новикова. В программу журнала входило ознакомление читателей с лучшими произведениями писателей XVIII века. В «Московском собеседнике» появились басни Сумарокова, сатирические произведения Новикова, статьи из «Детского чтения» и т. д.

Сочинения Новикова появились в «Московском собеседнике» несомненно по инициативе самого автора. Писательская воля проявилась прежде всего в отборе про-

[1] Биографический словарь императорского Московского университета, М., 1865, ч. II, стр. 457—458.

[2] Факт издания А. Г. Решетниковым «Московского собеседника» окончательно установлен П. Н. Берковым; см. его книгу «История русской журналистики XVIII века», АН СССР, 1952, стр. 223.

изведений. Из своего довольно обширного наследия Новиков выбрал всего шесть произведений — четыре «письма к Фалалею», «Отрывок путешествия» и «Следствие худого воспитания». Писатель-просветитель, печатая свои лучшие произведения, как бы вновь бросал вызов дворянской литературе, которая открыто выступала с апологией крепостничества, священных прав благородного сословия. В образах Трифона Панкратьевича и Ермолая Терентьевича Новиков показал новому читателю страшный лик русского помещика, хищника и циника, разорителя и богомола, невежды и ханжи, лицемера и развратника. Крепостная деревня была показана без прикрас, «бедность и рабство» описывались «с величайшим содроганием чувствительного сердца» писателем-гражданином.

Но отбором Новиков не ограничился и все перепечатываемые им сочинения заново переработал. Писатель завершал художественную отделку и убирал все то, что связывало эти сочинения с публикацией в «Живописце», для которого они в свое время писались. После переработки произведения зажили новой жизнью, как цельные и самостоятельные очерки.

В «Письмах к Фалалею» Новиков показал семью русского помещика, нарисовал живые образы русских провинциальных дворян: Трифона Панкратьевича, его жены Акулины Сидоровны, их сына Фалалея и дяди Фалалея, Ермолая Терентьевича. Фалалей уехал из имения в Петербург на службу. Там он сблизился с кругами передового дворянства, и в частности с издателем «Живописца». К нему, Фалалею, и были обращены письма его родственников — два письма отца, одно письмо матери и одно письмо дяди.

В этом цикле сатирических писем впервые в русской литературе оказалась изображенной жизнь провинциальной помещичьей семьи с беспримерной достоверностью, точностью, с богатством жизненных наблюдений.

Уже первое письмо Трифона Панкратьевича своему сыну погружало нас в атмосферу быта, будничных интересов русского помещика. Представления и мораль, поступки и суждения помещиков выступали в письмах итогом опыта жизни. Новиков показывал человека, обусловленного средой, в которой он жил. А показывать

обусловленность характера обстоятельствами его жизни и значило создавать новую эстетику, эстетику реализма.

Чувство возмущения и негодования охватывало читателя, когда он читал письма Трифона Панкратьевича. Муж, любующийся женой, которая сама «кожу спускает» с крепостных, — нельзя выразительнее показать растлевающую силу крепостничества, превращающую человека в тупое и жестокое животное. Но читатель в то же время понимал, что не в личных пороках Трифона Панкратьевича, Акулины Сидоровны и Ермолая Терентьевича дело. Не изверги они рода человеческого, не исчадия ада. Они обычные, рядовые, каких множество, русские помещики. Но помещичье житье, помещичье право владеть крепостными, помещичья воля — весь строй жизни, основанный на крепостном праве, рождает ад, воспитывает бесчеловечных хищников, жадных до денег людей, бессердечных, скотоподобных, диких и невежественных тунеядцев. Так произведения, созданные на основе только еще зарождающейся реалистической эстетики, уже выносили приговор устоям крепостнического общества.

Опыт Новикова был в свое время подхвачен. В комедии «Недоросль» Фонвизин с новой силой заговорил о гибельности и преступности крепостного права. И раскрывалась эта тема показом жизненного уклада семейства помещиков Простаковых. Реализм в «Недоросле» получил дальнейшее развитие. Так было положено начало изображению жизни и деятельности русских помещиков, обличению крепостного права раскрытием житейско-будничных дел дворянско-помещичьей семьи. В последующем в литературе появились семейства Фамусовых, Лариных, Троекуровых, Гриневых, Собакевичей, Негровых — вплоть до господ Головлевых.

Еще более знаменательно появление на страницах «Московского собеседника» «Отрывка путешествия». Жанр сентиментального путешествия после «Писем русского путешественника» Карамзина был канонизирован его эпигонами. Из года в год появлялись многочисленные «Путешествия», и все путешествующие авторы взапуски создавали идиллические картины русской крепостной деревни. Руководствовались они рецептами своего учителя: не обходить опасных проблем, и в частности не

обходить показа жизни крестьян, быта деревни, но давать читателю соответствующее принципам сентиментальной эстетики изображение деревни. Это диктовалось насущной идеологической необходимостью, да и трудно было, описывая путешествие по России, пройти мимо деревни, крепостных крестьян, их жизни, их быта, их бедности и страданий. Карамзин же создал не только образцы изображения деревни, соответствующей его идеалам, но и преподал философию понимания крестьянской жизни. С позиций такой философии его эпигоны могли бесстрашно пускаться в путешествия и описывать жизнь крестьян. Карамзин учил, что «все люди имеют душу, имеют сердце: следственно, все могут наслаждаться плодами искусства и науки, и кто наслаждается ими, тот делается лучшим человеком и спокойнейшим гражданином». Соответственно и поступали новые сентиментальные путешественники: их крестьяне находят «тысячу удовольствий» в жизни и «не имеют причин роптать на судьбу».

Например, В. В. Измайлов, молодой последователь Карамзина, хорошо помнил завет своего учителя, писавшего, что «просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой зелени с нежною своею подругою, не позавидует счастью роскошного сатрапа». Крестьяне, изображенные В. Измайловым в его «Путешествии», всегда довольны своей судьбой, ни на что не жалуются, не ропщут: «Они обработывают один уголок земли для пропитания себя в течение года; вся прочая земля остается под лугами, на которых зреет их главное богатство и где гуляют многочисленные и тучные стада волов... Я видел круги семейства их — видел, что супруги любят друг друга и детей своих, так же как дети любят своих родителей... Все деревни или хуторы их расположены в прекрасных местах; каждая хата, чистая и белая, окружена цветущим садом со зрелыми плодами; окна покрыты тенью лип и осокарев; у каждого поселянина есть скрипка и любимая овечка в стаде. Не кажется ли, что это самый просвещенный поселянин?»[1]

---

[1] «Путешествие в полуденную Россию» Владимира Измайлова. (Новое издание, вновь обработанное автором, М., 1805, ч. I, стр. 4, 5, 7—8).

Под Кременчугом В. Измайлов наблюдал несколько крестьянских семейств, живущих в нищете по вине корыстолюбивых помещиков, которых, поспешно оговаривает автор, «к счастью, не много». После этого следует описание бедной деревни. «В одном бедном селении, где дряхлые старики со слезами рассказывали мне об их положении, два мальчика просили милостыни, — я подал им — и тотчас сбежалось их около пятидесяти, мальчиков и девочек. Каждого обделял я несколькими копейками; дети прыгали от радости; матери благословляли меня, и я был сердечно доволен».[1] Даже при описании несчастий и страданий крепостных крестьян в центре все же оказывался сам автор, любующийся собственной добротой, отзывчивостью, наслаждающийся своей добродетелью и чувствительностью.

Характерна сцена встречи автора с крестьянами, некогда принадлежавшими его родителям и в свое время проданными «за сходную цену». «На другой день явилось ко мне несколько бывших крестьян наших, которые также живут в Николаеве. Они пришли — я говорю их словами — взглянуть на сына их доброго господина, благословляли память моих любезных родителей и хотели знать, живут ли они еще в сем мире для счастья сердец им подвластных... «Да будет ввек счастливо все его семейство!» — повторил другой. «Да продлит бог лета детей его и да будет добродетель всегдашним наследством сего дома!» — сказал третий. Другие стояли и плакали. Судите, что я чувствовал в сию минуту».[2] Подобные сцены свидетельствуют, что крестьянская тема была в сущности находкой для сентименталистов. Они «безбоязненно» касались страшной и грозной крестьянской проблемы и извлекали из нее поучительные примеры добродетели. Поэтому В. Измайлов обращался с призывом к писателям: «Писатели романов! не утомляйте вымыслами вашего воображения, ищите подобных примеров добродетели и опишите их нам красноречивым пером Стерна или Жан-Жака».[3] В то время, когда сочинения

---

[1] «Путешествие в полуденную Россию» Владимира Измайлова, ч. I, стр. 140—141.

[2] Там же, часть II, стр. 43—44.

[3] Там же, стр. 45.

учеников Карамзина были господствующими, и раздался суровый голос мужественного писателя-обличителя, сказавшего истинную правду о русской крепостной деревне, о жизни русского крестьянина: «Бедность и рабство повсюду встречалися со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение...» Так начиналось популярнейшее произведение русской литературы последней трети XVIII века, вновь напечатанное в 800-е годы, — «Отрывок путешествия» Николая Новикова. В свое время это было первое правдивое описание деревни. Затем появилась революционная книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». «Отрывок путешествия», перепечатанный в 1806 году и вновь исправленный автором, воспринимался новым читателем уже в одном ряду с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева. В нем не было революционных выводов, но была та же правда жизни, тот же честный и мужественный вывод, что в бедности и рабстве крестьян виноваты помещики: «Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками».

«Отрывок путешествия», опубликованный в «Московском собеседнике», утверждал особый, отличный от сентиментального, жанр просветительского путешествия еще и потому, что в итоге последняя редакция «Отрывка» давала более обобщенную картину крепостнических порядков России, чем первоначальная, напечатанная в «Живописце».

Добролюбов считал, что автор «Отрывка путешествия» ушел «гораздо далее всех обличителей того времени». «В его описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе».[1] Если Добролюбов пришел к такому выводу на основании чтения «Отрывка путешествия» в редакции, напечатанной в «Живописце», то с тем большим

---

[1] Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. II, ГИХЛ, 1935, стр. 170.

основанием его вывод относится к редакции «Московского собеседника». Ведь здесь мысль о том, что все бедствия крестьян проистекают из крепостного права, высказана не только с категорической ясностью, но и со смелостью гражданина. Так вслед за Радищевым и Крыловым Новиков в новом, XIX веке выступил со своими сочинениями и не смягчил, а усилил в них мотив протеста против главного зла России — крепостного права.

Новиков был талантливым писателем, одним из основоположников просветительской прозы. Новиковская эстетика «действительной живописи» прокладывала дорогу русскому реализму, его сочинения внесли свой вклад в развитие литературного языка. В исторической перспективе развитие русского литературного языка шло по линии сближения его с живой речью народа. Пушкин и Гоголь завершили подготовлявшуюся с середины XVIII века реформу литературного языка. Огромный вклад сделали в самом начале этого процесса русские просветители. Необходимо подчеркнуть, что работа Радищева в области языка подкреплялась и подтверждалась творчеством таких писателей, как Новиков, Фонвизин, Крылов, Державин.

Опубликование в «Московском собеседнике» сильнейших сатирических сочинений Новикова, да еще в специально переработанном, улучшенном виде, делало их событием литературной жизни 800-х годов. Историк литературы не может пройти мимо них. Они помогают наглядно представить действительные богатства прозы русского Просвещения, которая не сводится к произведениям одного Радищева. А такое сведение всего наследия XVIII века к Радищеву приняло в нашей науке характер опасной болезни: во всяком произведении, затрагивающем крепостное право, обязательно видят отблеск радищевских идей; любого писателя, говорящего о том, что крестьяне подобны во всем дворянам, объявляют радищевцем.

Художественный уровень произведений Новикова, Фонвизина и Крылова выше радищевских; эстетически они оказывались более близки тому новому, что рождалось в творческой деятельности Пушкина и Гоголя. Пушкин был неудовлетворен прозой Радищева и, наоборот,

восторженно признавал Фонвизина. Сочинения Новикова живо воспринимались читателями в течение первых десятилетий нового века. Характерная деталь: в 1832 году Н. Полевой стал издавать журнал, который назвал «Новый живописец». В предисловии Полевой заявил, что он хочет продолжать традицию «Живописца» Новикова. Чтобы так назвать свой журнал, чтобы так разговаривать со своим читателем, нужно было быть уверенным, что новиковский «Живописец» отлично известен читателю, привыкшему уже к сочинениям Пушкина.

В «Путешествии из Петербурга в Москву», в ряде поэтических сочинений и особенно в «Бове» Радищев широко использовал лексику и фразеологию живой устной речи народа. До Радищева ту же работу еще в 70-е годы проводил Новиков. Обратимся к его «Письмам к Фалалею»: «дом его был как полная чаша», «хлеб-ат мы и русский едим, да таково ж живем», «и не куркай», «кожу сдеру», «я, кажется, таки и так не плошаю», «да что изволишь делать», «ума не приложу», «погубил ты, супостат, мою головушку», «совет да любовь», «пора своим умом жить», «дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свет мой», «да что с эдаким чертом, прости господи, сделаешь», «на ладан дышит» и т. д. То же видим мы в «Отрывке путешествия», но уже не в речи героя, а в авторском повествовании: «худой урожай», «небольшие одоньи хлеба», «осиплый лай», «они были босиками», «волокиты... скакали на берег» и т. д.

Радищев считал, что народная песня и пословица помогают раскрывать душу народа. Раньше всех и полнее всех использовал в своем творчестве пословицу Новиков. Она пронизывает всю его прозу. Пословица включалась в авторский текст, пословица служила средством раскрытия характера, на ее основе строились сатирические образы, пословицы, наконец, помогли написать даже самостоятельный цикл рассказов.[1]

Пословица в речи сатирических персонажей имеет у Новикова глубоко обличительный смысл. Помещик

[1] Отмечу пословицы, использованные в авторской речи: «Хотела синица море зажечь: море не зажгла, а славы много наделала», «Не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки», «Нужда и бедность — мать вымыслов», «В новый год — новое счастье», «Чужую душу в рай, а сам ни ногой», «Близ царя — близ смерти».

или чиновник прибегает к пословице у Новикова для того, чтобы оправдать себя, спрятаться за нее: «То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались, и царское, и дворянское, и купецкое, все было их; у всех, кроме бога, отнимали», «И мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо, и курицы некуда будет выпустить», «За честью, свет, не угоняешься; честь, честь! худа честь, коли нечего есть».

Особый интерес представляет речь дяди Фалалея — Ермолая; она вся построена на пословицах: «Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в эдакие управители; перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшко, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадется, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет?» и т. д.

Приведенные фразы — наглядный пример того, как пословица не только помогает создать характер чиновника-казнокрада и взяточника, но и свидетельствует о том, как она организует структуру и стиль самой речи чиновника. Лаконизм и афористичность пословиц определяет стиль письма Ермолая. То же самое и в письме Трифона Панкратьевича. Он свободно употребляет пословицы, и оттого его речь так выразительна и лаконична, синтаксически проста и естественна по лексике: «Чего же ему больше, прости господи, вить не рожна? Да полно, нынче и винцота в сапогах ходит: экое времечко; вот до чего дожили; и своего вина нельзя привезть в город: пей-де вино государево с кружала да делай прибыль откупщикам».

Развитие русской прозы связано с расцветом деятельности просветителей. Политическая программа русского Просвещения обусловила круг тем складывающейся прозы. Центральная тема — положение народа в крепостной России. Пристальное внимание к условиям жизни народа определило интерес к его истории, его культуре, его духовной жизни. Уже с конца 60-х годов стали появляться в печати сборники народных песен, сказок и пословиц. Автором одного из первых сборников был Курганов. В творчестве Новикова, Фонвизина, Радищева и Крылова

широко используются народные песни, и прежде всего — пословицы. Стремясь понять «образование души народа» и раскрыть национальный характер русского человека, просветители, видя в трудовом народе хранителя национальных добродетелей, естественно, относились с любовью к песням и пословицам. Позже интерес к народному творчеству проявляли Пушкин и Гоголь.

В пословицах, писал Гоголь, запечатлелся ум русского человека. «Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположенье о деле, но уже подведенный итог делу, отсед, отстой уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной. Это выражается и в поговорке: «Одна речь не пословица». [1]

Пословица, выражая мудрость народа, национальный характер мышления, запечатлелась в живом, ярком, метком, отшлифованном слове. Тем самым пословицы могли сыграть немалую роль в становлении русской прозы, так как давали образцы художественного языка, естественного способа выражения, точности и краткости. Писатели-сатирики, обличавшие «благородное» сословие дворян — помещиков и чиновников, придворных и вельмож — и отстаивавшие тем самым чаяния и интересы народа, находили в пословицах уже сформулированное народом отношение к власти, к своим господам, к вершителям судеб России (например, «Вор слезлив, плут богомолен», «Близ царя — близ смерти» и т. д.), и характер, стиль выражения этого отношения — издевка, насмешка, презрение, упрек, осуждение. Так «в самом образе выражения» пословицы в художественно обработанном и преображенном слове запечатлевали дух народа, основные черты его характера. Поэтому пословица (как и песня) имела такое важное значение в формировании прозы. Писатели-просветители, освоившие народное творчество, учились смотреть на явления социальной и политической жизни, на практику крепостников, вельмож и монарха глазами народа, учились большую и важную мысль облекать в ясную, четкую, естественно построенную словесную форму, смело черпая язы-

[1] Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, АН СССР, 1952, стр. 392.

ковые средства из живой речи народа, из его художественного творчества. В этом и объяснение того, почему проза просветителей, создававшаяся в 60—80-е годы XVIII века, когда господствовал классицизм, была враждебной сентиментализму, утвердившемуся в 90-х годах, и в то же время оказалась близкой прозе пушкинской поры, когда уже давно была забыта манерная, вялая проза Карамзина и его последователей.

Просветительская проза была создана теми «мужественными писателями», чья душа навсегда оказалась уязвленной страданиями человечества. Оттого так высока покоряющая сила правды в изображении жизни действительной, «умное сострадание» страждущему народу, отсюда ориентация в языке на живую речь народа, «естественность», стремление к точности слова, выражающего мысль о судьбе, о страданиях, о счастье народа и о будущем родины.

Говоря о состоянии молодой русской прозаической литературы начала XIX века, Пушкин писал, что она еще принуждена «создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных», что она должна бороться с манерностью, робостью и бледностью. В борьбе за «нагую простоту» русской прозы свою очевидную роль сыграли произведения просветителей, созданные в XVIII веке и вновь вошедшие после своего переиздания в литературу 800-х годов.

В 40-х годах, когда русская реалистическая проза достигла огромных успехов, когда ее облик определяли сочинения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, — Белинский по поводу «Писем из Франции» писал, что «читать Фонвизина есть истинное наслаждение. В его лице русская литература как будто даже преждевременно сделала огромный шаг к сближению с действительностью, его сочинения—живая летопись той эпохи». [1] В лучших сочинениях Новикова, Радищева, Крылова — то же «сближение с действительностью», они так же были «живой летописью той эпохи», они поэтому подготавливали расцвет русской прозы 30-х годов.

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, 1914, стр. 392.

Но прозаические сочинения русских просветителей имели значение не только для прозы 20—30-х годов. Уже в 800-е годы, вторгшись в живой процесс литературы, они вдохновили новых писателей и тем самым приняли участие в литературно-общественной борьбе. Из писателей, которые открыто опирались на опыт просветительской прозы, в первую очередь следует назвать Савелия Ферельцта, Федора Глинку, Василия Нарежного.[1]

Сосредоточение всего внимания исследователей на «белодневной», по выражению Огарева, литературе, то есть, применительно к данной эпохе, — на литературе карамзинской школы, привело к забвению многих интересных сочинений противоположного лагеря, явлений демократической литературы. Из числа замалчиваемых до сих пор произведений должно быть названо в первую очередь сочинение «Путешествие критики, или письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, которых большею частью сам был очевидным свидетелем». Автор книги счел нужным укрыть свое имя за инициалами С. фон Ф. «Путешествие критики», как свидетельствует цензурное разрешение, было подписано к печати в 1810 году. Но вышла книга в Москве из типографии Селивановского только в 1818 году. Многолетняя задержка выхода книги из печати несомненно объясняется ее антидворянским, антикрепостническим, сатирическим содержанием. Теми же причинами объясняется и ее малое распространение — сразу же после выхода она стала библиографической редкостью. Это обстоятельство несомненно затруднило дальнейшее изучение «Путешествия критики». Только через сто лет после написания книги о ней было упомянуто сначала в 1911 году в работе

---

[1] О творчестве В. Т. Нарежного см.: Н. А. Белозерская; В. Т. Нарежный. Историко-литературный очерк, СПБ., 1896; Н. Л. Степанов, «Российский Жил Блаз» В. Нарежного — В. Т. Нарежный, Российский Жил Блаз, или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова, ГИХЛ, 1938; В. А. Бурдин, Последний роман Нарежного «Гаркуша, малороссийский разбойник» — Ученые записки Молотовского педагогического института, вып. X, 1946; Б. Мейлах, Русская повесть 20—30-х годов XIX в. — в сборнике «Русские повести XIX в. 20—30-х годов», Гослитиздат, 1950.

Н. Сидорова,[1] а затем через три года в книге В. Евгеньева.[2] Но и эти упоминания не привлекли к себе внимания исследователей. Так, до самого последнего времени книга не была включена в круг изучаемой литературы первой четверти XIX века. Только в 1951 году «Путешествие критики» наконец-то было перепечатано. Профессор А. В. Кокорев, снабдивший книгу предисловием, не имея доказательств для раскрытия имени автора, высказал предположение, что им мог быть С. П. Фонвизин — племянник известного писателя. Но предположение не подтвердилось. Обнаруженные в 1951 году в Ленинградском историческом архиве цензурные ведомости позволили документально установить подлинное имя автора — это был Савелий Карлович фон Ферельцт.[3]

Савелий Ферельцт родился около 1770 года в городе Аугсбурге. Уже в 90-е годы он оказывается в России. Живя в России без средств к существованию, он вынужден был искать службу. Поиски и привели его в город Владимир, где он сначала служит учителем в главном народном училище, а с августа 1804 года — в открывшейся Владимирской гимназии. В «Алфавитном списке дворянских родов Владимирской губернии» (Владимир, 1905) Савелий Карлович Ферельцт числится в разделе тех лиц, которые «Правительствующим сенатом в правах дворянства по разным причинам не утверждены». Итак, Савелий Ферельцт — разночинец. Всю жизнь он служит: шестнадцать лет — во Владимирской гимназии, а с 1822 по 1827 год — заседателем в уездном суде, затем заседателем во Владимирском гражданском суде. После 1827 года о Ферельцте — его жизни и службе — никаких сведений нет.

---

[1] Н. Сидоров, Крепостные крестьяне в русской беллетристике — кн. «Великая реформа», М., 1911, т. III.

[2] В. Евгеньев, Писатели — борцы с крепостной неволей, СПБ., 1914.

[3] ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, ед. хран. 38762. Разрешена цензором профессором Мерзляковым 14 февраля 1810 года. См. мою статью об этом «Кто автор «Путешествия критики», — «Огонек», 1952, № 50. В «Вестнике Московского университета», 1952, № 11, появилось сообщение о том, что сохранившийся протокол заседания Совета университета от 26 мая 1820 года позволяет установить, что автором «Путешествия критики» был С. К. фон Ферельцт. В конце 1952 года вышла книга Вл. Орлова «Радищев и русская литература», в которой на основе неопубликованной работы М. А. Шнеерсон раскрываются инициалы С. фон Ф. как С. К. фон Ферельцт.

Литературной работой Савелий Ферельцт стал заниматься сразу по приезде в Россию. Библиограф В. Н. Рогожин обнаружил в делах Московского цензурного комитета указание, что в 1797 году в Комитет поступила на рассмотрение от Ферельцта драма в пяти действиях «Сифроа и Женевия, или изобличенная невинность».[1] Будучи учителем Владимирской гимназии, Савелий Ферельцт сочинил учебное пособие «План географии, или практическое изъяснение терминам и естественным изображениям географическим». Книга напечатана Московским университетом в 1808 году. В следующем, 1809 году Савелий Ферельцт подал в Московский университет проект обложения всех частных, главным образом иностранных, учителей, с тем чтобы собранные таким образом средства употребить для пособия беднейшим ученикам.

Савелий Ферельцт отлично знает русскую литературу XVIII века, и особенно сочинения Новикова, Фонвизина и Радищева. Живя во Владимире, он пользуется библиотекой гимназии, пополнявшейся книгами, присылаемыми из университета, среди которых значительное число изданных Новиковым.

Савелий Ферельцт — ученик русских просветителей XVIII века, причем безусловно в большей мере ученик Фонвизина и Новикова, чем Радищева, хотя радищевское «Путешествие» он отлично знал. Служебные и общественные дела Савелия Ферельцта прямо связывают его с Московским университетом; он предлагает различные проекты издания учебных пособий для школ, планы изыскания средств для обеспечения бедных и неимущих учеников, установления контроля за иностранными учителями и содержателями частных пансионов и т. д. Это все сближает его с типично новиковскими деятелями, которые были объединены вокруг его типографий, его журналов, его училища для бедных, где, как известно, учащиеся содержались на средства частных пожертвований. Но Савелий Ферельцт не только педагог, — он писатель. Книга «Путешествие критики» лучше всего характеризует его как ученика русских просветителей. Ведущим в сочинении был показ «следствий худого воспитания». Дворяне — чинов-

---

[1] Материалы для русской библиографии XVIII — начала XIX веков, СПБ., 1902, ч. I.

ники и помещики, развращенные крепостным правом, — утрачивают свойства, «разумному существу приличные», превращаются в тиранов, плутов, «извергов и чудовищ, услаждающихся мучениями других», становятся низкопоклонниками (для них «заморская и грязь дорога»), «бесполезными отечеству» в силу своего тунеядства и «бездельства». Как известно, такое же понимание «следствий худого воспитания» и было выдвинуто Фонвизиным и Новиковым. Книга Ферельцта наполнена многочисленными намеками на известные сочинения русских просветителей. Автор, описывая жизнь помещиков, называет их Простаковыми, изображает нового Митрофанушку, ссылается на поучения Правдина и т. д. У Новикова в «Живописце» есть письмо «Следствие худого воспитания», перепечатанное в 1806 году «Московским собеседником», в котором раскаявшийся дворянин рассказывает о том, как под влиянием домашнего воспитания и родительского примера он стал крепостником и тираном. Савелий Ферельцт в ряде глав своей книги открыто пишет «о последствиях худого воспитания». В письме XXI изображена такая картина: дети, наблюдая, как отец их сек людей на конюшне, в том числе и дядьку-наставника, немедленно, под впечатлением виденного, обмениваются следующими суждениями: «Как я буду настоящим барином, — сказал меньшой брат, — так стану сечь людей еще больше, нежели батюшка». — «Так и должно, — отвечал другой: — я часто слыхал от матушки, что без побой от них и добра не видеть, а бить их ничуть не грех: лакей хуже собаки». [1]

Вся положительная программа воспитания, пропагандируемая автором «Путешествия критики», прямо и откровенно развивает новиковские положения, изложенные им в сочинении «О воспитании и наставлении детей». Заслуживает внимания использование имен героев Фонвизина и Новикова. Еще Радищев в своих сочинениях называл героев Новикова и Фонвизина, ссылался на них. Савелий Ферельцт делает то же самое. Любопытно, что, называя увиденного им дворянского недоросля современным Митрофаном Трифоновичем, в этом имени он сразу восстанавливает в памяти читателя образы двух известных ему героев сатирической литературы XVIII века: Митро-

---

[1] С. фон Ф., Путешествие критики, М., 1818, стр. 207.

фана из «Недоросля» (отчество которого было Терентьевич) и Фалалея из «Живописца» (отчество которого было Трифонович).

Стоит, например, Савелию Ферельцту изобразить учителей — наставников дворянских детей, как он сразу вспомнит или Вральмана, или назовет их «французскими, немецкими и италианскими кучерами», явно намекая на «Недоросля» Фонвизина. Далее автор указывает, что от своих учителей дети «вступают в школу поросятами, а из нее выходят взрослыми свиньями». Ферельцт несомненно сознательно намекает читателю на известное новиковское сатирическое объявление в «Трутне», в котором сообщалось, что «молодой российский поросенок возвратился из-за границы совершенною свиньей» и т. д.

Но эти и многие другие свидетельства и примеры, разбросанные по книге «Путешествие критики», есть лишь частные случаи проявления основного стремления Савелия Ферельцта показать себя учеником и последователем тех писателей, кого замалчивала современная дворянская литература, которые были в опале. Прямо продолжая дело своих предшественников, он выступил с сочинением, в котором поставил центральные проблемы социально-общественной жизни России: крепостное право, тунеядство и паразитизм дворянства, беззаконие и произвол дворян-помещиков и дворян-чиновников. В годы, когда под идейным руководством Карамзина процветала литература, умилявшаяся добродетелями пастухов и пастушек, рисовавшая счастливую жизнь ликующих поселян, на которых их господа изливали свои щедроты, Савелий Ферельцт издал книжку, в которой изобразил безмерные страдания крепостных, «плачевное состояние» русских крестьян, мужественно сказал старательно скрываемую сентименталистами правду о русской деревне.

Как истый ученик русских просветителей, Савелий Ферельцт избрал для своего сочинения форму и жанр, развитые его предшественниками, — путешествие. Считая, что главный воспитатель человека — жизнь, русские просветители избрали жанр путешествия для показа того, как под влиянием реальной действительности, живого наблюдения и правды жизни складывались у человека убеждения, осуществлялись его просвещение и воспитание.

Следуя за своими учителями, автор «Путешествия критики» писал: «Опыт есть самый лучший учитель». И прежде всего опыт путешествия.

В отличие от сентиментальных путешествий, где героем был автор, заполнявший свою книгу описанием собственных «чувствований», «наслаждающим размышлением самого себя», герой в «Путешествии критики» не автор. Это молодой русский патриот, «прямой сын России», поверивший было уверениям дворянских сентименталистов, что в России восторжествовало «блаженство», и ужаснувшийся открывшейся перед ним картиной дикого рабства. Герой Ферельцта, как и путешественники из «Отрывка путешествия» и радищевского «Путешествия», — человек открытого сердца, истинного сострадания, обращается к крестьянам, расспрашивает их о жизни, дает им советы, ищет возможности быть им полезным. Как в «Путешествии» Радищева (глава «Медное»), герой «Путешествия критики» присутствует при готовящейся продаже крепостных (письмо II); как радищевский герой (глава «Едрово»), герой «Путешествия критики» помогает крепостной девушке и советом и деньгами (письмо X), как в «Путешествии из Петербурга в Москву» герой обращается к крестьянам с призывом верить, что есть законы, что они запрещают мучить людей (глава «Любани»), так и герой «Путешествия критики» пытается объяснить крестьянам, что им нечего бояться исправников, что они разберутся во всем и обязательно «по окончании дела невинных оправдают». И, как у Радищева, крестьянин отвечает неверием, будто в России «мучить людей законы запрещают». «Мучить? правда, но небось, барин, не захочешь в мою кожу», так и у Савелия Ферельцта крестьянин отвечает: «Ах, сударь! Вить часто невинный от робости своей страждет за виновного смельчака, а земский судья не свят дух: как же их не бояться».

Автор «Путешествия критики» вслед за Новиковым беспрестанно утверждает мысль, что «крестьяне подобны во всем дворянам». На этом просветительском основании и строится обвинение дворянству, которое беззаконно превратило крестьян в скотов, «почитая их за собак», преступно продает их, сечет, обирает, разоряет, насильничает.

Вслед за русскими просветителями XVIII века автор показал, что ни тяжелый рабский труд, ни бесправие, ни

потрясающие нищета и бедность не убили в народе высокого человеческого и гражданского достоинства. «Поверь, друг, простое рубище так же удобно может покрывать великого человека, как пышный наряд — подлого и гнусного». Савелий Ферельцт создает образ крестьянской девушки (письмо X), которая, находясь в страшном горе, проявляет черты «истинного величия человеческого». При чтении письма нельзя не вспомнить образ радищевской девушки Анюты (глава «Едрово»).

Есть в книге еще одна замечательная черта: показав действительное положение русских крепостных, их бесправие, их безмерные страдания, обличив помещиков, которые «сосут кровь крестьян» (письмо II), «секут беспрестанно» (письмо XVI и XXI), «насильничают над беззащитными девушками» (письмо X), «беззаконно продают крепостных в рекруты» (письмо XVII), «беспрестанно накидывают на крестьян» для пополнения своих доходов (письмо III), Савелий Ферельцт сумел передать и вызревающую в народе неукротимую и неугасимую ненависть к своим господам, к своим помещикам-поработителям. Уже в первом письме автор рассказывает о встрече помещиков с крестьянами в чрезвычайно красноречивых тонах. Письмо заканчивается выводом: крестьяне «ненавидят и самых добрых владельцев своих».

Несомненно, в изображении крестьянской ненависти к помещикам автор как-то перекликается с Радищевым, что ни в коем случае не дает оснований зачислять его в последователя Радищева, в ученика Радищева, в радищевца, как это делает А. В. Кокорев[1] и другие литературоведы. Ученик русских просветителей, Савелий Ферельцт развивал традиции Новикова, а не Радищева. Нечего и говорить, что в «Путешествии критики» нет темы крестьянского восстания, темы народной революции. Автор боится даже затронуть эту проблему. Описывая произвол помещиков, автор в конечном счете объясняет все испорченностью человеческой натуры, не поднимаясь до политики. Поэтому в книге отсутствует тема власти, нет и намека на критику самодержавия. А ведь даже Новиков и Фонвизин выступали с критикой екатерининского правления. Боязнью политических вопросов объясняется и пассивная

[1] «Путешествие критики», МГУ, 1951, стр. 8, 10, 19.

позиция путешественника в тех случаях, когда он сталкивается с помещичьим произволом. Утверждая, что «не устоит и каменное сердце, видя таковые примеры бесчеловечья», автор заставляет путешественника всякий раз бежать прочь, так как он «не имеет возможности облегчить несчастным их участь». Таким бегством кончается большинство писем.

Пассивность поведения путешественника несомненно определяется идейной позицией автора книги. Савелий Ферельцт не знает выхода из того крепостнического ада, который он увидел вместе со своим путешественником. Его герой бежит прочь от «извергов и чудовищ». В некоторых других случаях Савелий Ферельцт заставляет своего путешественника произносить сентенции о необходимости исправления порочных людей и искоренения злонравия. Только один раз путешественник высказывает свое положительное суждение о том, что́ надо делать, как надо себя вести честному человеку в крепостной России. В письме XXXI рассказывается о том, как путешественник, выслушав обличительную, резкую и прямую речь встреченного им полковника о беззакониях и преступлениях, творимых судьями, не выдержав, высказывает свое восхищение поступком полковника, подсказывая тем самым путь общественного поведения всем честным людям: «Как приятно слушать прямого сына России, когда он с твердым, решительным русским духом, без лести и прикрас, говорит русскую правду». [1]

Вслед за русскими просветителями XVIII века Савелий Ферельцт выступил против эстетических принципов сентиментализма, против литературной практики карамзинской школы. Своей книгой он дал бой господствующей литературе по самому важному вопросу — как изображать крепостную деревню. Важно помнить, что и здесь Савелий Ферельцт шел по путям, проложенным его предшественниками. Радищев с Крыловым боролись с сентиментальной эстетикой, Новиков обличал писателей-классиков, сочинявших пастушеские идиллии; Савелий Ферельцт начинает свою книгу сатирическим изображением сентиментальных путешествий, показывая их лживость, их антинародный характер.

---

[1] С. фон Ф., Путешествие критики, М., 1818, стр. 282.

«Теперь я не удивляюсь, любезный друг! почему многие путешественники наводят на читателей тягостную дремоту сочинениями своими, состоящими большею частию в длинных описаниях и скучных рассказах о всем том, что они видели и слышали во время путешествия своего. — Собственный опыт удостоверил меня, что и сами они, переезжая из одного места в другое, не беспрестанно восхищаются новостию зрелищ: но иногда, или позабыв, что они от природы *весьма любопытны*, или утомясь от любопытства, подобно обыкновенным смертным зевают, дремлют и нередко засыпают от скуки. — Не везде миртовые аллеи; не везде прекрасные равнины, усеянные благоуханными цветами; не везде резвые ручейки с нежным журчанием пробегают по камешкам; не везде слышно сладкогласное пение соловья. Есть места дикие, каменистые, песчаные, безводные, где ничего не слышно, кроме отвратительного карканья галок и ворон...

...Далее представилось взору моему обширное поле, на котором видно было множество земледельцев. Я захотел в последний раз испытать верность чувствительных путешествователей и готов был божиться за их честь, предположив за верное, что земледельцы более постоянны, нежели пастухи и пастушки. Следовательно, я буду иметь удовольствие слышать веселые песни их; но, к сожалению, узнал, что и они веселятся, занимаясь трудною работою, в одном воображении писателей, известных в публике под именем *чувствительных*. — Весело чувствительному празднолюбцу смотреть на работающих: каково-то работать? Весело и работать, но с прогулкою и для прогулки. А работать для того, чтобы трудами своими доставлять пропитание не только себе, но и сим чувствительным сочинителям, есть действие столько же несообразное с негою и веселостью, сколько и сама праздность несходна с трудолюбием». [1]

Антикарамзинизм Савелия Ферельцта проявился не только в пародировании сентиментальных путешествий, но и в смелом использовании народных пословиц, которые он свободно вводит в текст книги для того, чтобы вслед за Новиковым и Крыловым в своем суде явлений жизни крепостной и дворянской России опираться на их же мнения.

---

[1] С. фон Ф., Путешествие критики, стр. 1—5.

«Путешествие критики» — ярчайший пример того, как остро протекала в те годы борьба демократической литературы с литературой дворянской, что в борьбе этой передовые деятели брали на вооружение идейно-эстетическое оружие русских просветителей, отстаивали просветительские традиции, используя книги просветителей как живое явление современности.

9

Федор Глинка принадлежит к кругу ранних поэтов-декабристов дорылеевского периода. Поэтический талант Глинки был разбужен событиями Отечественной войны. Начал же он свой путь литератора как прозаик. Получив воспитание в Петербургском кадетском корпусе, он сразу по окончании его пошел на войну, участвовал в кампании 1805—1806 годов в качестве адъютанта генерала Милорадовича. Во время военных походов молодой офицер вел дневник, который он выпустил в 1808 году отдельной книгой под названием «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях в Венгрии с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805—1806 годах».

«Письмами русского офицера» Глинка вошел в ряды передовых писателей. Его книга была заметным явлением в литературной жизни десятилетия, она намного превосходила своими художественными достоинствами сочинения сентименталистов и отчетливо примыкала по своему идейному и жанровому содержанию к просветительским путешествиям. Прежде всего с просветительской традицией книгу Ф. Глинки роднило горячее, заинтересованное отношение к окружающему автора миру, к людям, к их жизни, к их делам и чувствам. Свои «Письма» Глинка начинает с декларативного отказа от традиций субъективистских путешествий и полемики с основоположником этого жанра Стерном.

В обращении «К другу моему», помещенном в начале книги, Глинка писал: «Чувствительный путешественник Стерн в предисловии своем, рассуждая о причинах, побуждающих людей к путешествиям, разделяет всех путешественников на разные роды. Он называет их: 1) праздными, 2) любопытными, 3) лживыми, 4) гордыми, 5) пу-

стыми, 6) мрачными. Читая сие, я не мог причислить себя ни к одному из сих отделений, ибо путешествовал по обязанности, а не от праздности или пустого любопытства». Так же полемически заострен автором вопрос о содержании его путешествия, которое будет «не зеркалом души», а «изображением всех военных происшествий и многих геройских деяний россиян». Полемически же пишется и о стиле путешествия: «Что касается до слога, то я не старался, а может быть, и не мог сделать его витиеватым и кудреватым; я желал одного, чтобы все повествования мои отличались простотою и истиною».

«Письма» Федора Глинки — замечательное свидетельство вдохновляющего влияния идей русского Просвещения XVIII века на будущего декабриста; они показывают, как органически русское Просвещение было связано с идеологией первого этапа русского революционного движения.

Несомненно, что не только произведения Фонвизина, Новикова, Крылова, но и Радищева были известны Глинке. В то же время радищевская революционность чужда Глинке, система убеждений Радищева не могла быть воспринята писателем вообще, и особенно в 800-е годы. Однако естественно, что некоторые радищевские идеи — о свободе человека, радищевская «уязвленность» человеческими страданиями, радищевский интерес к жизни народа — были близки молодому писателю. Но на этом основании неверно именовать его радищевцем, рассматривать его как ученика русского революционера. «Письма русского офицера» свидетельствуют, что на мировоззрении Глинки сказалось прежде всего влияние просветительских идеалов, а не идеалов, характерных именно для Радищева, присущих только ему. Более того, даже просветительские воззрения оказывались не всегда выраженными в книге с достаточной четкостью и последовательностью. Подчас они облекались в словесные формулы внешнего либерализма, заимствованные у Карамзина. Выяснение этого вопроса чрезвычайно важно и принципиально. В последние годы появилось множество литературоведческих работ, «открывающих» «радищевцев». Верное положение — Радищев не был одиноким — в подобных работах в сущности искажается, так как Радищев обрастает «учениками» и «наследниками», писателями

малоталантливыми, убеждения которых в действительности глубоко чужды Радищеву. Для того чтобы поверстать кого-либо в «радищевцы», достаточно двух-трех цитат, вырванных из контекста того или иного произведения, в которых говорится о любви к свободе, общем благе, выражается сочувствие крестьянам и т. д. Забывается, что сочувствие крестьянам, описание их бедности, забота о просвещении, о благе людей и т. д. вовсе не составляют радищевских убеждений. Собственно же радищевские убеждения заключаются в *отрицании* крепостного права, а не в простой критике крепостничества, в *отрицании* самодержавия, а не просто в обличении излишеств самовластия, в *отрицании* дворянства как сословия, *в вере в революционную преобразующую силу народа,* а не в простом сочувствии к крестьянам и не только в вере в творческую силу труда.

В. Базанов в книге «Очерки декабристской литературы» справедливо выступил против поспешного и бездоказательного «расширения круга идейных единомышленников великого русского революционера», против включения в число «радищевцев» малоизвестных писателей, «не развивавшихся в русле передового мировоззрения и не оставивших после себя значительного следа в истории русской культуры».[1] К сожалению, характеризуя «Письма русского офицера», исследователь рассматривает их в радищевской традиции. В другой своей книге В. Базанов прямо называет Ф. Глинку «радищевцем».[2] Как свидетельствуют «Письма русского офицера» издания 1808 года, подобное суждение — далеко от истины.

«Письма русского офицера» — произведение талантливого писателя; тем знаменательнее тот факт, что и на слоге, а порой и на взглядах Ф. Глинки видна отчетливая печать карамзинского влияния. И это не случайное явление: такое же влияние испытали и поэты Вольного общества. Позднее, в 1815—1816 годы, влияние Жуковского и Карамзина испытает на себе Пушкин. Выявить следы карамзинизма в книге Глинки значит показать на конкретном примере особенность развития передовой русской

---

[1] В. Базанов, Очерки декабристской литературы. Гослитиздат, М., 1953, стр. 14.

[2] В. Базанов, Поэтическое наследие Федора Глинки — Ф. Глинка, Избранное, Петрозаводск, 1949.

прозы начала века, значит увидеть, как новое вырастало в борьбе с карамзинской идеологией, в преодолении карамзинского слога вообще и карамзинской литературной фразеологии в частности.

«Письма русского офицера» в двух частях впервые вышли в 1808 году. В них были описаны события войны с Наполеоном 1805—1806 годов. В 1815—1816 годах Глинка выпустил расширенное издание «Писем» в восьми частях, куда вошло описание событий Отечественной войны и заграничных походов русской армии. В первых двух частях карамзинских элементов больше. В частях, посвященных событиям Отечественной войны, и в содержании и в слоге энергичнее и определеннее проявились черты, свойственные просветительскому путешествию.

Книга 1808 года открывалась стихотворным посланием брату, Сергею Глинке. Стихотворение — гимн дружбе, которая воспевается в полном соответствии с карамзинской традицией, с использованием устойчивых карамзинских выражений: «Но дружба сладостна, се дар благих небес». Дружба рассматривается как «свойство» россиян: «Хранить дружество с соседями, помогать ближним и защищать утесненных издавна было священным обычаем россиян».

В духе и стиле Карамзина написаны многие лирические монологи. Таков, например, монолог о мире: «Приди от стран благословенных, из обителей тишины и вечных радостей, приди от краев эфирных, где ты предстоишь лучезарному престолу мира творящего, приди! — и тихо по лазоревым зыбям спустися на землю — жилище суеты и горестей, священный мир».[1] Нетрудно увидеть, что все это навеяно «Песней мира» Карамзина: «Мир блаженный, чадо неба, к нам с оливою летит... Он в дыхании зефира ниспускается в наш край и от горных стран эфира в тьму нисносит светлый рай...»

Карамзин описывал швейцарских, английских и немецких поселян, «которые пашут землю и собирают библиотеки», «читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их». Глинка, в свою очередь, рисует картину жизни немецкого

---

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, М., 1808, ч. II, стр. 15—16.

крестьянина, начиная с описания его жилища: «Это прекрасная, уютная светлица, окны большие из чистых стекол, печь из кафель, столы и лавки все белые, у стены стоит постель... Стены все выбелены. В углу на нескольких полках светится чистая оловянная посуда; в маленьком стенном шкапике стоят чашки и кофейник; всякий крестьянин имеет стенные часы и календарь». [1]

Отчего эти крестьяне так хорошо живут? — спрашивает автор. И отвечает: «Оттого, что трудолюбивы и не притеснены», оттого, что помимо земледелия занимаются ремеслами, оттого, что просвещены и культурны, а потому и не пропивают своего дохода. Очевидно, что ответ написан в духе Карамзина.

Нередки случаи, когда две традиции — просветительская и карамзинская — сталкиваются. Так, например, происходит при описании жизни крестьян в Галиции. «Теперь сижу я в хате у мужика, в Старой Галиции: печь топится, трубы нет; густой, черный дым наполняет и коптит всю хату; вместе с нами лежат коровы. Взглянешь на хозяев — и ужаснешься; все они в лохмотьях и закоптели, на бледных лицах их изображается горесть; они живут в убожестве и нищете». [2] Такое точное описание крестьянской избы несомненно сделано в духе сочинений русских просветителей. Но вывод подсказан Карамзиным. Сравнивая счастливую жизнь немецкого крестьянина и горестное существование крестьянина Галиции, автор пишет: «Верно, всякой подумает, что благоденствие первых происходит от свободного, а последних — от рабского состояния, в коем они живут; но заключение сие будет не совсем справедливо». [3]

В 1803 году в «Вестнике Европы» Карамзин опубликовал одну из принципиальных своих статей — «Письмо сельского жителя». В «Письме» писатель решительно выступил против свободы крестьян: «Воля, мною им данная, обратилася для них в величайшее зло: то есть в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства». Глинка как бы вслед за Карамзиным заявляет: «Немецкий крестьянин свободен, и это хорошо, но если бы сии самые

---

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, ч. II, стр. 97—98.
[2] Там же, стр. 103.
[3] Там же, стр. 105.

права даны были и крестьянам Галиции, то они послужили бы не к пользе, но к пагубе их; ибо в Галиции крестьяне, так сказать, еще не созрели для того, чтобы наслаждаться независимостью». Карамзин делает вывод: «Бог видит, люблю ли я человечество и народ русский, имею ли предрассудки, обожаю ли гнусный идол корысти — но для истинного благополучия земледельцев наших желаю единственно того, чтобы они имели добрых господ». Глинка так же искренно пишет, что крестьянам для их подлинного счастья нужен добрый барин: «Одним словом, добрый господин может назваться отцом своих крестьян», и потому крестьянам «лучше быть под его покровительством, нежели на свободе, влекущей их к пьянству и разврату». [1] Глинка даже считает, что «дарование им свободы, конечно, превратится в необузданность». Как же можно автора, проповедующего такие идеалы, зачислять в последователи радищевской традиции?

В «Письмах» Ф. Глинки не все сводится к карамзинской традиции. В них немало точных, объективных описаний виденного, и страницы эти отличаются «простотою и истиною» слога. Вот описание военного похода: «От Браунау до Кремса около четырехсот верст, шли мы день и ночь, все время становились лагерем всегда на голом поле, без палаток и всякого прикрытия, кроме самых худых шалашей из соломы и тростнику; а от сильного холоду согревались у огня, который каждый у своего шалаша раскладывал. Надобно испытать таковую нужду, чтобы иметь о ней понятие: идти целые ночи насквозь, в грязи по колено, измокнуть от снега или дождя, и, дрожа на холоду или в изнеможении от усталости, на одну минуту броситься на солому, которая тогда покажется несравненно приятнее бархатных и сафьянных диванов». [2]

Вслед за первой своей книгой Глинка написал другую — «Письма русского офицера в отставке», содержащую запись наблюдений во время путешествия по Тверской губернии и впечатлений от Москвы, Киева и других городов. Двойственность в слоге отличает и новую книгу. Но автор прежде всего спешит дать правдивую картину

---

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, ч. II, стр. 110.
[2] Там же, часть I, стр. 94—95.

«нравов своего народа». И характерно, что в описании русских деревень Ф. Глинка оказывается чрезвычайно близок к «Отрывку путешествия» Новикова. Близость особенно заметна в главе «Сетования поселянки». Глинка пишет: «Посреди деревни С... преломилась у нас под повозкою ось. Между тем как старались о починке, мы вошли в ближайшую избу. Это было рано поутру: облака дыму, вытекая из растопленной печи, клубились у потолка и, окуривая стены, стремились сквозь растворенную дверь в сени. Мы застали одну только пожилых лет хозяйку, которая стряпала в печи. Слово за слово завели мы разговор о их житье-бытье». [1]

Как и в новиковском «Отрывке путешествия», так и у Глинки центральное место занимает речь крестьянки: «У нас, батюшка, не как у людей: отдыху нет ни на минуту, и воскресный день кряхтим да потеем на работе». Глинка заканчивает речь крестьянки пожеланием, чтобы их барин был отцом своим крестьянам, чтобы заботился о мужиках: «Было б ему хорошо... Вот у нас сосед Г... — то-то барин, отец своим крестьянам: за таким можно не выроня слезинки век свековать». [2] Та же мечта была высказана и новиковскими крестьянами: и им кажется, что если б помещик их «миловал», «то бы мы жили как в раю». Так же как и у Новикова, сцена заканчивается обличением «буйного самовластия» помещиков.

Во время путешествия Глинка с особой любовью наблюдает за проявлением «коренных русских добродетелей», проявляет интерес к народу, к талантливым русским самородкам — изобретателям, художникам. Большое впечатление на Глинку произвела история жизни Волоскова и Свешникова. «Все сии описания, послужа лучшим опровержением на клеветы иноземцев, убедят их, что и у нас были, есть и будут *самородные дарования* и что русские точно ко всему способны». [3] Мысль чисто просветительская — о народных талантах неоднократно писали и Новиков и Радищев. Просветительское начало, побеждая в «Письмах» Глинки, позволило ему обогатить русскую

---

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, М., 1815, ч. II, стр. 92.

[2] Там же, стр. 90.

[3] Там же, стр. 9—10

литературу замечательными образами талантливых людей из народа.

Отправляясь в первое путешествие в 1805—1806 годах, Глинка многие впечатления, получаемые от действительности, невольно воспринимал через призму сентиментальных путешествий — так мал был его жизненный опыт. Нередко происходила у него подмена в изображении истинного — традиционным, действительного мира — книжным. Положение изменилось в годы Отечественной войны 1812 года. Глинка-гражданин накопил большой жизненный опыт, Глинка-писатель был уже к этому времени автором двух книг. В «Письмах русского офицера», посвященных Отечественной войне, оттого торжествует правда жизни и в содержании и в слоге. Главным предметом наблюдений писателя стал народ, его поведение на войне, его подвиг, выносливость, моральная красота и мужество.

«Наши поспешно отступали к Дорогобужу... Третьего дня дралися, сего дня дерутся, и завтра будут драться! Злодеи берут одним *многолюдством*. Вооружайтесь все, вооружайся всяк, кто только может, гласит, наконец, главнокомандующий в *последней прокламации* своей. — *Итак — народная война!*» [1] При изображении больших и драматических событий войны речь писателя стала напряженной, эмоционально насыщенной, граждански патетической, истинно высокой; война пробудила лучшие чувства в человеке — его патриотизм, глубокую любовь к отечеству, и эти чувства находили естественно высокое лексическое выражение. В своем творчестве Глинка несомненно опирался на опыт просветителей, ориентируясь на созданные ими образцы высокого стиля и в прозе и в стихах. Известная нам по Радищеву высокая лексика оказалась подхваченной Глинкой, воспринятой им и талантливо использованной для выражения патриотических чувств русского человека в годы Отечественной войны. В словаре Глинки появились такие слова, как «отечество», «злодеи», «твердость», «мщение», «свобода», «рабство», «мужество», «воины», «мужи» и т. п. Писатель смело использует фразеологические единицы, созданные его предшественниками-просветителями, и по высоким образцам создает

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, ч. IV, стр. 37.

новые: «народная война», «огнь мщения», «дух русской земли», «воскреснет дух народный», «твердость духа» и т. д.

Писатель, поставивший своей целью изобразить народную войну, передать «воскресший дух народный», должен был создавать новые обороты, изобретать выражения, делать слог естественным, то есть способным выразить силу и, главное, правду чувствований героически сражавшихся русских людей. И успехи Глинки замечательны. Его фразы лаконичны и естественны, полны экспрессии, его слова и точны и полны высокого чувства негодования, гордости, веры. «Но войско наше кипит мужеством, но любовь к отечеству овладела сердцами всего народа». «Оскорбленная вера, разоренные области, поруганные алтари и прахи отцов, обиженные в могилах, громко вопияли о мщении и мужестве». «Народ просит *воли,* чтоб не потерять *вольности*». [1] «Нет! Русские не выдадут земли своей! Если недостанет воинов, то всяк из нас будет *одною рукою водить соху, а другою сражаться за отечество*». [2]

«Письма» Глинки запечатлели расцвет и мужание внутреннего мира личности гражданина и патриота. «Вид пылающего отечества, бегущего народа и неизвестность о собственной судьбе сильно стеснили сердце. Я вышел и смотрел на заходящее солнце, которое усиливалось сохранить блеск свой в мутных облаках, гонимых холодным ветром. Ужели, — думал я, — и древняя слава России угаснет в бурях, как оно!.. Нет! Восстал *дух Русской земли!* Он спал богатырским сном и пробудился в величественном могуществе своем. Уже повсюду наносит он удары злодеям. — Нигде не сдается: не хочет быть рабом». [3]

Преодолев субъективизм, герой Глинки оказывается тысячью нитей связанным с миром и, главное, — с народом. Проснулся «дух русского народа» и в груди героя «Писем». Вместе с народом он проделывает тяжкий и горестный, вдохновенный и радостный путь поражений и побед Отечественной войны. Отсюда и глубокий оптимизм «Писем», выраставший из веры в несокрушимость народ-

---

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, ч. IV, стр. 32.
[2] Там же, стр. 10.
[3] Там же, стр. 57, 58.

ного духа, в непобедимость народа, поклявшегося защищать свое отечество.

Лиризм и патетичность «Писем» не мешали их автору передавать точно и конкретно будничные дела войны, описывать кровопролитные сражения. Высокое и низкое, как в жизни, так и в «Письмах», были рядом. Вот как описана жизнь армии накануне боев за Смоленск: «Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъясняют желание сие самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: *«мы уже видим седые бороды отцов наших, — говорят они; — отдадим ли их на поругание? Время сражаться!»* [1]

Утро Бородинского сражения, самое его начало: «Застонала земля и пробудила спавших на ней воинов. Дрогнули поля, но сердца покойны были. Так началось беспримерное сражение Бородинское 26 августа. Туча ядер, с визгом пролетавших над шалашом нашим, пробудила меня и товарищей...» [2]

«Письма русского офицера» Глинки — крупное явление русской литературы. Передовой лагерь одержал еще одну победу. Проза обогатилась отличным произведением. Автор «Писем», освоив опыт просветительских путешествий и преодолев карамзинское влияние, сумел изобразить крупнейшее, всемирно-историческое событие эпохи — Отечественную войну 1812 года, нарисовать картину народного подвига, передать народный дух войны.

«Письма русского офицера» исполнены были больших и высоких мыслей. Слог сочинения был чужд витиеватости, манерности, перифрастичности. Автор был захвачен великим патриотическим подъемом. Описывая картины народной войны и торжества народного духа, он создавал слог, передававший высокий строй чувств патриота. В то же время строй чувств человека, трепетавшего при священных словах «отчизна» и «свобода», уже предвещал «дум высокое стремленье» декабристов. Исторически так и было: просветительская гражданская традиция подготовляла патриотическую литературу начала века. В огне

---

[1] Ф. Глинка, Письма русского офицера, ч. IV, стр. 21.
[2] Там же, стр. 65—66.

Отечественной войны, когда лучшие из дворян поняли на поле брани пробудившийся народный дух, патриотическое чувство переплавилось в революционное. «Письма русского офицера» запечатлели этот процесс.

10

Поэтическое наследие Радищева невелико. Но стихи занимают важное место в его творчестве. Значительная часть стихов написана в последний период жизни Радищева — они яркое свидетельство творческой активности поэта, в них находим выражение его личности в трудные для поэта годы; они запечатлели богатый духовный мир поэта-революционера, который всегда активно вторгался в общественно-политическую и литературную жизнь своего времени.

Лирика Радищева развивала реалистические традиции и, так же как лирика Державина, вся была обращена в будущее. Тем самым она оказывалась враждебной господствующей поэзии карамзинской школы. Враждебность несомненно была осознаваема самим Радищевым. На стихах Радищева лежит печать открытой полемики со стихами Карамзина и его последователей. Полемичность проявилась и в решении тем, и в использовании жанров, и в разработке стиля и размера стихов.

Значение лирики Радищева, запечатлевшей опыт жизни преследуемого и гонимого самодержавием революционера, определяется еще и тем, что его стихи были опубликованы в 1807 году в первом томе его сочинений и потому стали достоянием широкого круга читателей и приняли участие в общественно-литературной борьбе начала XIX века.

Лирические стихи Радищева и Карамзина, посвященные раскрытию внутреннего мира человека, показывают, как враждебны друг другу два поэта, с каких отличных позиций они относятся к человеку. Каков идеал человека, созданный сентименталистами, какие чувства личности нашли у них свое поэтическое выражение? Человек, выступивший в субъективистской лирике карамзинизма, это человек, убежавший из мира социальной жизни, раскрытый в интимном мире своих чувствований. Он проповедует

отказ от какого-либо вмешательства в общественно-политическую жизнь, для него характерно равнодушие к судьбам окружающих его людей. Вслед за Карамзиным и другие поэты этого направления настойчиво твердили: человек слаб и беспомощен перед силами природы, перед государством и обществом.

Принизив человека, подчеркнув его слабость, беспомощность в земной жизни, уведя его из общества и погрузив в спасительное уединение, сделав «единственником», карамзинисты стали изображать те чувствования, которые делали человека счастливым в знаменитом «наслаждающем размышлении самого себя» (как это сформулировал Муравьев): любовь, дружба, наслаждение природой, покой. Карамзинисты культивировали камерные жанры: элегию, дружеское послание, письмо к другу, лирические отрывки, в которых фиксировалось мгновенное, минутное бытие сердца. Общий характер чувствований человека в лирике сентиментализма — трагический. Человек чувствует себя неуютно на земле. Он одинок, все в земной жизни — и люди и общественные отношения — ему враждебно. Трагическое восприятие жизни осложнялось мрачной мыслью о неизбежности смерти.

Мысль о смерти вызывает у героя лирических стихов чувство страха. Он полон смятения, смерть для него утрата «единственности». Он ведь пытался себя в чем-то утвердить, но в чем? В любви и дружбе. Но вдруг оказывается, что очень непрочны и зыбки связи личности с миром: любимая может умереть, или друг может покинуть. Оказывается, немногое связывает одинокого человека с людьми, с жизнью на земле. Это чувство определяло обращение к богу. На помощь приходила религия, в лирику вторгалась религиозная, мистическая идея загробного существования, бессмертия души, по-новому раскрывая смысл жизни человека. Человек — временный жилец на земле и потому должен терпеливо и безропотно переносить все страдания, для того чтобы получить в награду вечное блаженство на небесах. Философия русского сентиментализма воплощена в стихах талантливого поэта М. Н. Муравьева, и в частности в стихотворении «Неизвестность жизни».

Когда небесный свод обнимут мрачны ночи
И томные глаза сокрою я на сон;

Невольным манием предстанет перед очи
Мгновенье, в кое я из света выду вон.
Ужасный переход и смертным непонятный!
Трепещет естество, вообразив сей час,
Необходимый час, безвестный, безвозвратный,
Как вихрь, что, убежав из северной пещеры,
Вскрутится и корабль в пучину погрузит:
Так смерть нечаянно разрушит наши меры
И в безопасности заснувших поразит.
Гоняясь пристально за радостью мгновенной,
Отверзтой пропасти мы ходим на краю.
Цвет розы не поблек, со стебля сриновенной:
Уж тот, кто рвал ее, зрит бедственну ладью.
На долгий жизни ток отнюдь не полагайся,
О смертный! Вышнему надежды поручив
И помня краткость дней, от гордости чуждайся,
Ты по земле пройдешь; там будешь вечно жить.[1]

Нетрудно заметить, что в стихотворении уже и тематически и стилистически подготавливалась манера, характерная не только для Карамзина, но и для Жуковского. Муравьев впервые показал, как из смятения, трепета перед смертью рождалась утешительная надежда на бессмертие души. Карамзин уже более активно пропагандирует идею загробного существования. Он пишет стихотворение с характерным названием «Надежда»:

Когда ж, о милый друг! нам должно
В сем мире только слезы лить,
В другом, в другом еще возможно
Несчастным счастливыми быть!

В «Стихах на скоропостижную смерть Пельского» Карамзин развивает мотивы, которые в последующем подхватит Жуковский. Здесь и сама тема — любование смертью, и словарный состав подготавливают знаменитую поэтику ужасов и страхов Жуковского. Сначала Карамзин говорит о смерти жены Пельского, о том, как он страдал, оставшись один, как мир стал для него миром скорби, ибо он утратил единственное счастье жизни, как он ходил на кладбище и как, наконец, кончились все мученья и наступило полное и окончательное блаженство — «свидание» с женой после его смерти:

Теперь супруги неразлучны.

---

[1] Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева, СПБ., 1819, ч. I, стр. 33. Издание подготовлено К. Н. Батюшковым. В предисловии он открыто признавался: «Я многим обязан покойному автору».

Здесь новый оттенок темы: оказывается, смерть лучше жизни. Кто умер, тому хорошо, кто живет — тому плохо. Карамзин даже пишет стихотворение «Могила». Два голоса ведут диалог. Один выражает смятение, ужас и страх человека перед смертью. Другой успокаивает, внушая, что смерть — счастье и покой. «Страшно в могиле, холодной и темной», — говорит первый. «Тихо в могиле, мягкой, покойной», — утверждает другой. «Странник боится мертвой юдоли, ужас и трепет чувствует сердце, мимо кладбища спешит», — робко заявляет первый. Неправда, отвечает второй: «Странник усталый видит обитель вечного мира, посох бросая, там остается навек». Все это немедленно перенималось молодым поэтом Жуковским, который и в последующем уже, став на романтические позиции, не отказывался от проповеди мотива «сладостной» смерти.

В 1801 году появляется декларативное стихотворение Жуковского «Человек». «Ничтожный человек! Что жизнь твоя? Мгновенье», — так начинаются «философские» размышления поэта. Человек, оказывается, в земной жизни обречен на страдания: «Сей мир — вертеп страданий, слез», «В бессилии своем, пристанища лишенный, гоним со всех сторон, ты странник на земли». Но в том виноваты не обстоятельства, не бог, а сам человек: «Творец твой не тиран, ты страждешь от себя». Поэтому человек должен помнить, что «могила — к вечной жизни путь». Это стихотворение писалось Жуковским еще при жизни Радищева.

Смерть для Жуковского, как и для Карамзина, — избавительница от мук земных, от вечного страдания. Для него человек не хозяин жизни, а жертва. В стихотворении с характерным названием «Путешественник» поэт восклицает: «Там, в нетленности небесной, все земное обретешь». В стихах Жуковского появляются многозначительные подчеркивания, выделение курсивом таких слов, как *«небесное», «земное», «там», «здесь»* и т. д.

В цикле любовных стихов Жуковский развивает те же мистические идеи. Поскольку любовь — чувство, которое могло бы связать человека с земными интересами, не может осуществиться в условиях земной жизни, то и надежда на счастье людей также переносится в «лучший мир». В «Песне» (1811) сказано: «О милый друг, нам рок велел разлуку». Но человек может найти утешение

в страданиях: «Но и в дали моя душа с твоей согласна, любовь ни времени, ни месту не подвластна». А если так, то можно жить сладостной надеждой на счастье любви и после смерти. В земной жизни нет свободы, печаль, злые обстоятельства, разлучающие любящих. После смерти — свобода и счастье соединения:

О милый друг, пусть будет прах холодный
То сердце, где любовь к тебе жила:
Есть лучший мир; там мы любить свободны.
Туда моя душа уж все перенесла.

С наибольшей полнотой философия, составляющая душу лирики Жуковского, выразилась в балладе «Теон и Эсхин».

Философия частного человека, мотивы бегства из земной жизни, проповедуемые Жуковским, и породили обильный стиховой поток элегий, в которых доказывалось, что жизнь есть приготовление к смерти, что смерть лучше жизни, что единственное счастье человека есть счастье любви, которое связывает его с земной жизнью и людьми. С этой поэзией и повели бои декабристы и Пушкин. Философию, стиль поэзии Жуковского и приходилось преодолевать, отстаивая принципы гражданской поэзии, воплощая в стихах иное понимание человека, которое продолжало традиции Ломоносова, Державина, Радищева. Тем важнее подчеркнуть, что начал эту борьбу еще Радищев.

Радищев в своих сочинениях «Житие Федора Васильевича Ушакова», «Путешествие из Петербурга в Москву» и в особенности в работе «О человеке, о его смертности и бессмертии» подвел итог учению русских просветителей о человеке. Он подошел к важнейшей проблеме эпохи как революционер. Для него участие в революционной работе есть наивысшая патриотическая деятельность. Радищевский человек — деятель нового типа, борец, «прорицатель вольности». В сочинении «О человеке, о его смертности и бессмертии» он широко и последовательно развил русское понимание взаимоотношений человека и общества, определив национально русскую меру цены человека. Главное в произведении — то, что впервые в теоретическую разработку коренных проблем материализма Радищевым вносилась *революционная* идея, выдвинутые

вопросы решались с революционных позиций. Этим радищевский материализм отличался от материализма Гельвеция и Гольбаха — сторонников мирного пути социального преобразования, возлагавших надежды на просвещенного монарха.

Революционер Радищев внес новое в развитие материализма потому, что признал не только зависимость человека от окружающих его обстоятельств, но и право человека и, главное, возможность изменений обстоятельств насильственным путем, изменения собственными силами. Отсюда учение Радищева об активном, общественном человеке, о творящей и преобразующей силе народа, о деятельности общественно-полезной, патриотической и революционной как условии развития личности. Такое понимание человека и его долга делало сочинение Радищева боевым произведением русской эстетической мысли.

Радищевские художественные сочинения, прозаические и поэтические, его теоретическая работа донесли до писателей нового, XIX века революционное понимание человека, помогли формированию положительного героя в жизни и литературе эпохи декабризма.

Уже в первом после оды «Вольность» стихотворении, написанном по пути в илимскую ссылку, Радищев точно определил свое понимание человека. Стихотворение было автобиографичным. Опираясь на опыт своей революционной борьбы, поэт на пути в ссылку заявлял:

Я тот же, что и был и буду весь мой век, —
Не скот, не дерево, не раб. но человек!

В небольшом стихотворении — обаятельный мир души революционера, притягательная и покоряющая сила его чувств проявились в мужестве личности, в светлой и неукротимой вере в правоту своего дела, своего подвига, понимания нужности его народу, в прекрасной гордости, что именно им открыт путь, по которому пойдут «борзые смельчаки» — его последователи, его продолжатели. Жизнь человека оказывалась безбрежно широкой: ссыльный, гонимый самодержавием, человек, только что переживший пытку смертью (целый месяц сидел Радищев в Петропавловской крепости в ожидании приведения в исполнение вынесенного ему смертного приговора),

лишенный властью каких-либо надежд на будущее, жестоко определенный «на десятилетнее безысходное пребывание в Илимском остроге», он продолжал деятельно жить и сегодняшним и завтрашним днем, он преодолевал условность навязанных ему обстоятельств и жил сегодня тем будущим, наступление которого он приближал своей деятельностью.

Во всех последующих стихах Радищев пел хвалу человеку, «зиждителю» и «творцу», раскрывал его величие, его могущество, его способность творить, создавать и переделывать мир.

Стихотворение «Осмнадцатое столетие» на примере реальной истории, недавних и всем памятных событий показывало творящую, зиждительную силу человека. Здесь же с замечательным мастерством раскрыт источник этой силы — связь личности с обществом, человека с народом. Великие достижения XVIII века переданы поэтом в образе единства человеческих усилий. «Немощны, дебелы, расслаблены во единице, едва не всесильны стали в сообщении, творяй чудеса яко боги», — писал Радищев в одном из своих философских сочинений. В лирике та же мысль была воплощена поэтически. Эпиграфом к ней могут быть поставлены такие радищевские слова о человеке: «Блажен в общественном союзе, блажен и в твоей единственности».

Вся лирика Радищева объективно носила воинствующе антикарамзинский характер, показывая в то же время, как гибельна для человека философия «единственности», философия, отказывающаяся видеть в человеке прежде всего сына своей страны, гражданина своего отечества. Трагическому восприятию жизни, отчаянию и тоске Радищев противопоставляет мужество, веру в жизнь, оптимистическую надежду, радость бытия. Он пишет в жанрах, внешне близких жанрам карамзинской лирике, но наполняет их иным содержанием; сходные темы он решает с противоположных идейных позиций. Радищевские стихотворения «Почто, мой друг» и «Ода к другу моему» — типичные дружеские послания. Стихотворение «Журавли» — типичная элегия. В них раскрывалось тайное тайных человека, заповедный мир интимных чувствований, глубокая и содержательная жизнь сердца. В этих стихах нет больших социальных и политических идей, таких, как в оде «Воль-

ность», в «Осмнадцатом столетии», в «Песни исторической». И в то же время они носят глубоко общественный, гуманистический и в конечном счете революционный характер, ибо исполнены пафоса утверждения веры в человека, ибо раскрывают его духовные богатства, ибо полны притягательной красоты чувств личности, утверждающей себя в деятельности, в борьбе, в любви и жизни, в мужественном преодолении жизненных бед, испытаний и несчастий.

Радищев прямо обрушивается на тех, кто, подобно карамзинистам, представляет жизнь как страдание, как муку, как бесконечные стенания. «Почто безвременно печалью дух крушится? Ты бедствен не один». У человека есть нечто большее, чем его личные сердечные страдания, — его широкие связи с миром общественным: «Дела твои с тобой, душа твоя с тобою, престань стенать». В исполнении своего долга, в глубокой связи с людьми человек находит нравственную опору: «А если твоего сна совесть не тревожит и память прежних дел печаль твою не множит, то верь, что всем бедам уж близок стал конец». «Мужайся и будь тверд, с тобой пребуду я».

Строй чувств радищевского героя великолепно передан в элегии «Журавли». Улетают журавли. Один из них, подбитый охотником, начинает отставать. Он останавливается. Его сначала пытаются тянуть за собой другие, но потом все улетают, и он остается один. Он борется за жизнь и, медленно передвигаясь, преодолевая все препятствия, все-таки достигает цели. История журавля выливается в гимн человеческому мужеству:

О вы, стенящие под тяжкою рукою
    Злосчастия и бед!
    Исполнены тоскою,
    Клянете жизнь и свет;
Любители добра, ужель надежды нет?
Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
Сей краткий жизни путь. На он-пол поспешайте:
Там лучшая страна, там мир вовек живет,
Там юность вечная, блаженство там вас ждет.

Это призыв к мужественному преодолению трудностей, к твердости в достижении цели.

Стихотворение «Ода к другу моему» посвящено важной в карамзинской поэзии теме — отношению человека

к смерти. По форме оно — послание другу. Смятенна и удручена мыслью о смерти душа друга. К нему и обращены слова Радищева, но не слова утешения, ложной надежды, упования на бессмертие, а слова мужественной и суровой правды. Человек смертен, говорит поэт, и ты, мой друг, умрешь, «оставишь дом, друзей, супругу». Не услаждай же себя бесплодными мечтаниями и напрасной мольбой, «не мни, чтоб смерть своей косой тебя в полете миновала». Таков закон жизни — закон мудрый и животворящий. В стихотворении «Почто, мой друг» Радищев, прямо излагая главную мысль своего философского сочинения «О человеке, о его смертности и бессмертии», писал: закон незыблемый, «чтоб обновление из недр премен рождалось, чтоб все крушением в природе обновлялось, чтоб смерть давала жизнь и жизнь давала смерть».

Но, уверив друга своего в смертности человека, Радищев не впадает в отчаяние. И в этом-то прежде всего сказалась новизна мировоззрения Радищева, новаторство его лирики. Радищевский лирический герой не «единственник». Он тысячами нитей связан с жизнью, с людьми. Он живет не только жизнью сердца, но жизнью деятельной, общественной, потому он и тверд перед лицом смерти, ему чужда мистическая вера в загробное существование; с жизнью будущей его связывает деятельность, осуществляемая им сегодня.

Лирика Радищева учила, что человек — властелин своей судьбы. Он сохраняет величие свое, пока исполняет долг, пока каждое дыхание свое отдает делу «прорицания вольности», пока добродетель его, рожденная в борьбе, торжествует, творя победу над врагами, мучителями, обстоятельствами. Смерти гражданин не мог бояться. Для него нет божьего суда, которого надо трепетать, он сам творит свой строгий суд при жизни. Он не станет исступленно рыдать в страхе за утрату своей «единственности». Его личность — в мыслях и делах, а они бессмертны. Так писал Радищев и, главное, — так жил. Оттого поразительны по своему мужественному спокойствию его последние стихи. «Ода к другу моему» — предпушкинский гимн жизнелюбию и мудрому русскому спокойствию перед лицом великой неизбежности. Только русский человек, чуждый религиозных верований и мистицизма, мог писать

так спокойно и так веруя в торжество земной жизни: «Ты мертв; но дом не опустеет».

До нас дошло только одно стихотворение Радищева, посвященное любви, — «Сафические строфы». Его тема — призыв к чистоте, жестокой правде человеческих взаимоотношений. Человек любит, его любовь преданная, глубокая, чистая. Он не может жить, не веря. Вера — залог счастья. И вдруг его обманывают, клятва «верной быть вовеки» нарушена. Любящий не упрекает, но просит:

Ах! почто быть клятвопреступной!.. Лучше
Будь всегда жестока, то легче будет
Сердцу. Ты, маня лишь взаимной страстью,
Ввергла в погибель.

Его любовь земная, он страдает, но ему чужда мысль о возможном счастье в загробном мире. Его страдания вызваны не роком, не судьбой, не гневом божьим, но женщиной. К женщине он и обращает свою просьбу: будь правдивой, не обманывай, не «ввергай в погибель», а если хочешь покинуть — покинь, и будь счастлива, если можешь быть счастливой без любви:

Будь блаженна, если ты можешь только
Быть без любови.

Чистота чувства любящего, его жажда правды и веры, его гуманность — пожелание счастья той, которая его обманула, — все было новым в лирике. За всем стоял кодекс морали большого человека. Во всем уже угадываются те чувства, которые будут раскрыты и у Пушкина (в его лирике), и у Грибоедова (в монологе Чацкого).

Особый интерес представляет первая строфа. В ней описана ночь и объяснение любящих. В лирике Радищева очень мало пейзажей. Можно вспомнить еще описание осени в «Журавлях». Тем интереснее строки, посвященные изображению природы. В «Журавлях» истории раненого журавля предшествует картина осени. Пейзаж реалистический, точный. В поэзии так изображать природу начал Державин.

У поэтов-классиков природа носила условный характер. У них часто можно встретить пейзаж. Как правило, они описывали какое-либо из времен года, чаще всего лето или весну. Но поэт не столько *описывает*, сколько *пере-*

числяет признаки названного им времени года, не умея создать конкретной живописной картины. В описаниях поэта-классициста нет изображения, оно подменяется номенклатурным перечнем общих признаков.

Карамзин внес новое в поэзию — чувство личности, разрушил рационалистический стих классиков, раскрыл жизнь сердца. Но природа описывалась и у сентименталистов так же номенклатурно. Карамзин не мог *изобразить* природу. Субъективизм мешал поэту передать ее как объективную реальность. Предметом поэзии становилась не природа, а *отношение* к природе. В стихотворении «Соловей» находим такие строки:

Что в роще громко раздается
При свете ясныя луны?
Что в сердце, в душу сладко льется
Среди ночные тишины,
Когда безмолвствует природа
И звезды голубого свода
Сияют в зеркале ручья?

Здесь нет ничего, кроме общих признаков. В соответствии с поэтической традицией, если появляются звезды, то они отражаются в ручье. В стихотворении нет ничего увиденного, подмеченного зорким взглядом поэта, нет неповторимых черт того ночного пейзажа, который стоял перед умственным взором поэта, когда он писал стихотворение. Верно замечание Добролюбова о том, что природу Карамзин берет из Армидиных садов.

Иначе к изображению природы подходит Радищев. Вслед за Державиным он передает черты пейзажа и не перечисляет номенклатурно признаки, а рисует видимую им точную картину:

Осень листья ощипала с дерев,
Иней седой на траву упадал,
Стадо тогда журавлей собралося,
Чтоб прелететь в теплу дальну страну,
За море жить.

Здесь не только точно нарисованная картина *поздней* осени, когда деревья уже голые, а на траве лежит иней, не только очень верно найдены слова: осень «ощипала» листья с дерев, но и самое главное — картина *живой* природы, оттого все в ней в движении, в строгой причинной

связи. Наступившая поздняя осень сопровождается перелетом птиц, они улетают в теплые края и т. д.

На тех же принципах строится пейзаж и в «Сафических строфах». Радищев описывает ночь. Но у него не сумма ставших уже традиционными признаков, а картина; поэт не перечисляет, а изображает ночь в ее конкретных, неповторимых чертах, тонко подмеченных им. Это не ночь вообще, а именно та, во время которой состоялось объяснение, так запомнившаяся герою стихотворения — когда веяло прохладой, ярко светили звезды, тихо шумели листья. Уточняется и место объяснения: у тополей, что стоят у источника:

Ночь была прохладная, светло в небе
Звезды блещут, тихо источник льется,
Ветры нежно веют, шумят листами
Тополы белы.

В «Сафических строфах», так же как и в «Журавлях», передана глубокая связь между явлениями природы: прохлада ночи обусловливает яркость звезд, веют ветры, и от этого реального ветра, а не от условного зефира, шумят листья тополя. Последний стих особо замечателен: «Тополы белы». Это опять точная деталь, а не случайный эпитет. Ствол тополя покрыт белой корой, потому он заметен ночью. Но и еще: нижняя сторона листьев тополя покрыта белым пухом. Когда тихо, то у тополя белеет лишь ствол, все же дерево зелено, а ночью черное. Но когда подымается ветер, листья колышутся, и становится видной их покрытая белым пухом сторона. И тогда весь тополь на ветру вдруг становится белым. Белый тополь отчетливо виден в ночи. Так создает поэт живописную картину ночи с шумящими белыми тополями у тихо льющегося источника.

Лирические стихи Радищева создавались, когда в поэзии торжествовал карамзинизм, а были опубликованы в 1807 году, когда развернулась деятельность Жуковского. Тем самым они оказались противостоящими господствующему направлению дворянской литературы. С середины 10-х годов гегемония сентиментальной школы будет поколеблена, в литературу придут Пушкин и декабристы. Живой связью между русским Просвещением

XVIII века и декабризмом в первом десятилетии XIX века и была поэтическая работа Радищева.

Между тем до сегодняшнего дня значение поэзии Радищева (может быть, за исключением оды «Вольность») для декабристов, и особенно Пушкина, недооценивается. Начало поэтической деятельности Пушкина обычно связывается почти целиком с Жуковским. В действительности связи Пушкина с национальной традицией были куда более широкими. Даже в период ранней юности (эпоха лицея) увлечение поэзией Жуковского и Батюшкова не было единственным и определяющим. Поэт уже тогда читал и Державина, и Майкова, и Радищева и пытался пойти им вслед («Воспоминания в Царском селе», поэма «Бова» и другие). Множество ранних стихотворений Пушкина свидетельствует с несомненностью, что юный поэт учился у своих старших современников — Жуковского и Батюшкова. Он усвоил их образ поэта — «счастливого ленивца», «певца любви, певца своей печали»; вслед за ними он воспевает дружбу, негу, наслаждение, делая героем стихов частного человека, живущего интересами своего сердца. Многие лицейские стихи, описывавшие страдания от неразделенной любви, декларировавшие о желании смерти и т. д., были всего лишь талантливым пересказом традиционных тем своих учителей. Отсюда их книжность, условность у шестнадцатилетнего юноши, влюбленного в жизнь.

Как свидетельствует творчество Пушкина, это влияние было недолгим и не определяющим — в оде «Вольность» поэт декларирует отказ от «изнеженной лиры» и желание следовать гражданской поэзии, интерес к которой выявился уже в лицее. Пушкин как бы вернулся вновь к Радищеву, потому и назвал свое стихотворение именем его революционной оды. Именно вернулся: первый том сочинений Радищева с его стихами, вышедший в 1807 году, уже в 1814 году был прочитан поэтом. Сатирическая поэма «Бова» писалась под влиянием радищевского «Бовы» («Петь я тоже вознамерился, но сравняюсь ли с Радищевым»). До конца жизни Пушкин помнил Радищева, читал и перечитывал его, спорил с ним, высоко оценивая его стихи, а в «Памятнике», оглядывая свой путь поэта, точно определил свою связь с традицией поэта-революционера: «Вослед Радищеву восславил я свободу».

Преемственность очевидна, и ее обычно отмечают. Но отмечают лишь в плане соотношения идей. Радищевская лирика не принимается в расчет.

В то же время лирические стихи Радищева, прочитанные Пушкиным в 1814 году, хорошо запомнились ему. Известно, например, как высоко ценил он «Журавли», «Осмнадцатое столетие». Образ раненого журавля, созданный Радищевым, оказался использованным при характеристике Алеко:

Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда поднимется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.

«Поэтическое сравнение Алеко с подстреленным журавлем, печально остающимся на поле в то время, когда станица высоко поднимается на воздух, чтоб лететь к благословенным краям юга, выше всякой трагической сцены». [1]

Пушкин сознательно использовал фразеологию радищевской оды «Вольность». Стихи Пушкина убеждают, что он не только был знаком с лирикой Радищева, но и отлично помнил отдельные строчки и образы, помнил и даже использовал. Так, например, был использован поэтом образ белого тополя в ночи из «Сафических строф». Впервые он появился в стихотворении «Мое завещание»:

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой...

Здесь простое перенесение в собственное стихотворение понравившейся строки. В дальнейшем, когда Пушкин встанет на реалистические позиции и создаст изумительные по своей точности и живописности картины природы, радищевский образ белого тополя вновь вспомнится поэту

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, 1926, стр. 39.

и окажется в центре замечательного описания украинской ночи. Вспомним хорошо известные каждому стихи:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.

Радищевский образ белого тополя в ночи («светло в небе звезды блещут... шумят листами тополы белы») по праву вошел в пушкинский стих и зажил новой жизнью, обогащенный рукой гениального поэта-живописца.

Значение лирики Радищева прежде всего в том, что она, раскрывая обаятельный внутренний мир человека-революционера, патриота и деятеля, помогала преодолевать карамзинскую философию частного человека, живущего только жизнью своего сердца, отказываться от карамзинского определения роли поэта как «певца своей печали». Помогала, в частности, и Пушкину, гениальному наследнику всех богатств русской литературы. Движение Пушкина, условно выражаясь, от Жуковского к Радищеву в ранний период его творчества декларативно и обнаженно проявилось в переходе поэта к темам политическим. «Изнеженная лира» разбита, восторжествовала «гроза царей — свободы гордая певица». Но не менее отчетливым было движение и в собственно лирических стихотворениях, в которых развивалось новое понимание человека.

Разбив «изнеженную лиру», Пушкин отказался и от навязанного Жуковским идеала жизни и впервые всерьез задумался о цели человеческого существования и о смерти. К 1823 году относится стихотворение, передающее эти размышления поэта: «Придет ужасный час... молчанье вечное твои сомкнет уста, ты навсегда сойдешь в те мрачные места». Стихотворение не окончено, но уже здесь мы чувствуем не былую игру, не кокетство со смертью, а подлинно человеческое, суровое и скорбное чувство.

В 1825 году написано стихотворение «19 октября». В поэтическом обращении к друзьям выражена глубокая дума о жизни, о прошлом, о будущем. Давно Пушкин стал вождем молодой России, певцом свободы, а его поэтический голос стал «эхом русского народа». Именно

потому восторжествовало в этом стихотворении и радищевское решение старой темы. Без смятения и ужаса говорит он о смерти милых друзей, о редеющем круге, о приближении конца. Голос его спокоен, чувство его печально, но печаль эта прозрачна и чиста.

То же радищевское чувство полноты жизни, полноты особой, рождающейся только в душе человека, занятого деятельным приготовлением будущего, той полноты, которая появляется у человека, умеющего в сегодняшнем дне жить днем завтрашним, им завоеванным, проявляется с могучей силой в стихах «Здравствуй, племя младое, незнакомое».

«И благо тому, — писал Белинский о людях радищевского типа, — кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шумно-несущейся жизни, кто видел в нем не одни обломки кораблей, яростно-вздымающиеся волны, да мрачную, лишь молниями освещенную ночь, кто слышал в нем не одни вопли отчаяния и крики гибели, но кто не терял при этом из вида и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремления, кто не был глух к голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои насладятся им».[1]

Вот почему Пушкин, мысль которого была делом, а высокое чувство — подвигом, писал о себе: «Нет, весь я не умру». Для него «здесь» и «там» сливалось, говоря словами Белинского, в одно реальное небо исторического прогресса и исторического бессмертия. И опять Радищев в оде «Вольность» первым выразил это высокое счастье личности, которое определялось и чувством удовлетворения своей деятельностью и сознанием, что твое дело, твоя борьба будут подхвачены, послужат потомкам. «Да хладный прах мой осенится величеством, что днесь я пел», да, потомки вспомнят его добрым словом и скажут о нем: ведь это он «нам вольность первый прорицал».

Говоря о радищевском начале в пушкинской лирике, о радищевской «струе», о торжестве радищевского понимания человека, не должно вульгарно сводить все к влиянию. Не в этом дело. Известно, что сентименталисты и просветители выдвинули идеал внесословной ценности

---

[1] В. Г. Белинский, т. XI, 1917, стр. 272.

человека. Человек как неповторимая индивидуальность, как личность стал героем их литературных произведений. Но это был человек «вообще», естественный, природный человек. Чувства, мысли и дела человека не были обусловлены конкретно-историческими условиями его бытия. Его мышление носило универсальный, общечеловеческий характер, его мораль выражала тот свод норм, который якобы был свойственен людям от природы, дарован им от рождения.

Мировоззрение Радищева лишено просветительской ограниченности. Он — революционер. И революционные убеждения определяли его обращение к конкретно-историческим условиям жизни человека, порабощенного русского народа. Народные движения позволили определить основные черты русской национальности, особенности русского национального характера: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский».

Известная доля историзма и демократизма, свойственная всему русскому Просвещению в целом, определила особый интерес просветителей к национальному русскому характеру. Помимо Радищева, Новиков, Фонвизин, Крылов сумели показать в своем творчестве некоторую национальную обусловленность нравственного кодекса изображаемых ими героев. Захваченный просветительскими идеями Державин оказался чужд идеологии дворянского искусства — и классицизма и сентиментализма. В его сочинениях 80—90-х годов, по словам Белинского, уже «видна практическая философия ума *русского;* посему главное отличительное их свойство есть *народность,* народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи». [1]

Радищев-писатель выступил новатором, когда в своем «Путешествии» и в «Слове о Ермаке» изобразил народ. Образы людей из народа, созданные Радищевым, — Анюта, слепой клинский певец, крепостной интеллигент из Городни, Ломоносов и, наконец, Ермак — прежде всего

---

[1] В. Г. Белинский, т. I, 1900, стр. 339—340.

русские люди. Лирика Радищева также раскрывала внутренний мир не только революционера, но и русского человека. Ему свойственны твердость и мужество, гордое свободолюбие и человеческое достоинство. У него ясный, не терпящий мечтательности и мистики ум, он любит труд, и вообще деятельность определяет все его существо. Он чужд пессимизма, и глубокая вера в будущее вдохновляет его на преодоление всех трудностей и испытаний, которыми полна его жизнь и борьба. Национальная обусловленность чувствований радищевского лирического героя обнаруживается со всей очевидностью при соотношении его морального кодекса с моральным кодексом русского народа, нашедшим свое воплощение в песнях, сказках, пословицах.

Радищев всегда проявлял глубокое внимание к народному творчеству, в частности к песне и пословице. И в том и в другом он видел «образование души нашего народа». Реалистическое искусство открывало «тайну национальности». Писатель-реалист смотрит на изображаемые им явления жизни глазами своего народа. В 1833 году Гоголь писал в статье «Несколько слов о Пушкине»: истинный поэт — поэт национальный, «потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа». [1]

Радищев, наряду с Державиным, был одним из первых поэтов, которые закладывали основы той реалистической поэзии, когда поэт, даже изображая «сторонний мир», смотрит на него глазами своего народа. На пути к этому большое значение имело овладение народным творчеством.

Как же в лирике Радищева воплотились черты русского характера, «ума русского»? Обратимся к теме смерти: как ее решает народ в пословицах и как Радищев — в стихах.

Народ сурово, просто и материалистически относится к смерти. «Смерти бояться — на свете не жить», «Люди мрут — нам дорогу трут», «Бойся жить, а умирать не

---

[1] Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 51.

бойся», «Умел пожить — умей и умереть» и т. д. Как же вести себя, зная, что смерть неизбежна? Бояться ее наступления, утраты своей единственности? Предаваться отчаянию, «плакаться»? Нет, народ говорит другое: «Чем жить, да век плакать, лучше спеть, да помереть», «Чем с плачем жить, лучше с песнями помирать».

Русскому народу чужда идея загробного существования, не свойственны мистические верования: «Как ни вертись, а в могилку ложись», «На небо крыл нет, а в землю путь близок», «Помрешь, так прощай белый свет и наша деревня» и т. д.

Народ — труженик. Жизнь человека он оценивает его трудом, его деятельностью, его делами. Эта мораль определяет и отношение к смерти. «Не тот живет больше, кто живет дольше», «Жизнь дана на добрые дела», «Смерть злым, а добрым вечная память», «Жили люди до нас, будут жить и после нас».

Суждения подобного рода можно приводить бесконечно. Ясно, что в них выражена практическая философия ума русского, русский человек со своим, именно ему только свойственным, отношением к людям, к обществу, к труду, жизни и смерти. В стихах Радищева тот же строй чувств. Замечательной особенностью Радищева-поэта и является то, что он раскрыл в своих стихах практическую философию ума русского, философию человека, вытекавшую из исторического опыта жизни русского народа. Радищевская мораль, строй чувств, поэтически запечатлевшийся в лирике, как бы обобщал то, что народ накопил в своей жизненной практике; в своем труде, в своей многовековой деятельности.

В национальной обусловленности идеала человека радищевской лирики — ее сила. Нежизненность и слабость позиций сентиментализма и романтизма в том, что проповедуемая ими философия человека и его мораль чужды национальному духу русского народа. Движение Пушкина от увлечения Жуковским в лицейский период к Радищеву — это движение к народности, к раскрытию национального духа русского народа, к поэтическому воплощению «тайны национальности». В великом движении Пушкина к реализму и народности поэт не мог не опираться на опыт того, кто первым начал прокладывать новый путь в поэзии и прозе.

Естественно, на этом пути не все удавалось Радищеву. На его стихах лежит печать исторической ограниченности, свойственной и стихам Державина, и стихам Карамзина, и стихам Жуковского — всем поэтам до Пушкина, который гениальным художественным даром, как указывал Белинский, поднял на новый, небывало высокий уровень русское стихотворство.

Свойственны были радищевской лирике и особенности, проистекавшие из индивидуальной манеры автора. Пафосом его поэзии была мысль. Радищеву — философу и политику важно было передать всю новизну, всю сложность рождавшейся революционной мысли. Это определило словарь стиха: он был насыщен словами и терминами, передававшими философскую проблематику, социальные и политические теории, события и понятия, научные открытия и картину прогресса человеческого общества. Таковы, например, стихи: «О незабвенно столетие! Радостным смертным даруешь истину, вольность и свет, ясно созвездье вовек», или: «Даже летучи пары ты заключила в ярем, молнью небесну сманила в узы железны на землю», или: «Из недр густейшей мглы, смертообразна сна, возобновленну жизнь земле несет она».

Используя опыт научной поэзии Ломоносова, Радищев расширил выразительные возможности стиха, завещая будущим поэтам смело прибегать к поэзии для передачи и воплощения человеческих чувств и мыслей во всей их сложности, соответствующей сложности общественной роли человека, хозяина мира, творца жизни. Но нередко поэтическое воплощение мысли подменялось логической ее формулировкой. Стих утрачивал легкость, художественную ясность, выразительность и простоту, а подчас и самую поэтичность.

В последних своих стихотворениях Радищев продолжал применять метод, определенный им еще в оде «Вольность»: негладкость стиха должна была служить изобразительным выражением трудности действия, сложности мысли. Отсюда обилие инверсий, синтаксическая затрудненность, насыщение речи славянизмами, устарелыми оборотами, усеченными, неполными формами слов и т. д. Но затрудненность, — как правило, оправдывавшая себя в «Вольности» и «Осмнадцатом столетии», — явно

мешала в лирических стихах. Такие, например, стихи о юности с ее смелыми желаниями, презрением к смерти, жаждой деятельности и счастья нельзя признать удачными:

Твой поступь был непреткновен,
Гордящася глава вздымалась;
В желаньях ты не пречерчен,
Твоим скорбь взором развевалась,
Яко прах.

Подбор слов «поступь», «непреткновен», «гордящася глава», «не пречерчен» и т. д., инверсионный оборот «твоим скорбь взором развевалась, яко прах» отяжеляли стих, лишали его поэтической ясности, затемняли смысл образа. Использование славянизмов в политической оде, где они были нагружены новым, «высоким» содержанием, — бесспорная заслуга Радищева. Нагнетение славянизмов в лирическом стихотворении явно не оправдывало себя. Скопление таких слов, как «протек», «прах», «глава», «женёт», «яко», «око», «чело», «тыл» и т. д., в стихотворении «Ода к другу моему», которое должно было передать мужественное и мудрое чувство русского человека перед лицом смерти, явно вступало в противоречие с замыслом поэта. Пример иного решения той же задачи мы находим в народных пословицах, песнях; в данном случае Радищев не воспользовался этим опытом.

Следует в то же время сказать, что, когда Радищев отступал от своего принципа негладкостью стиха передавать трудность действия, он немедленно одерживал замечательные победы. У него есть стихи, полные изобразительной силы и живописного мастерства: это уже разбиравшиеся выше «Журавли» и «Сафические строфы».

Радищев стремился к лаконизму, афористической четкости стиха. При этом большая и новая мысль находила свое выражение в ясном, звучном и гармоничном стихе. Например:

И память прежних дел печаль твою не множит.

Или:

Душа моя во мне, я тот же, что я был.

Глубокая философская мысль о вечности материальной жизни, о том, что смерть в природе означает одно-

временно и рождение новой жизни, находила выражение в стихах, полных энергии:

Из недр густейшей мглы, смертообразна сна,
Возобновленну жизнь земле несет она.

Легки и гармоничны такие стихи: «Будь блаженна, если ты можешь только быть без любови», «Ты мертв, но дом не опустеет».

Художественно удавшиеся Радищеву стихи принадлежали будущему, они шли навстречу Пушкину. Радищев был из числа тех замечательных людей, которые всегда «устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и не проложенные. Деятельность есть знаменующая их отличность, и в них-то сродное человеку беспокойствие становится явно. Беспокойствие, произведшее все, что есть изящное, и все уродливое, касающееся обоюдно до пределов даже невозможного».

Писатель-новатор Радищев всюду — и в прозе, и в философии, и в поэзии — пролагал новые стези, вдавался в области неизвестные, смело искал, а иногда и находил нужное. «Нововводителем в душе» называл Пушкин Радищева-поэта. Новатора, нововводителя, смело пролагавшего пути развития русской поэзии, и ценил в Радищеве основоположник новой русской литературы — Пушкин.

* * *

Бурный расцвет русской литературы начался с первых десятилетий XIX века. Первый этап русской революции стал эпохой изумительных побед русского художественного гения, эпохой творческой деятельности Пушкина и Грибоедова, Рылеева и Крылова, Гоголя и Лермонтова. «В истории развития литературы европейской наша юная литература, — писал Горький, — представляет собой феномен изумительный; я не преувеличу правды, сказав, что ни одна из литератур Запада не возникала к жизни с такой силой и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот, при таких неописуемо тяжких условиях». [1]

---

[1] М. Горький, Литературно-критические статьи, ГИХЛ, М., 1937, стр. 57.

У русского реализма есть своя богатая и славная родословная — он наследник всего лучшего, созданного русским народом в письменном и устном творчестве. Литература XVIII века, творчество Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Державина, Крылова, с одной стороны, народная песня, сказка, пословица — с другой, все это непосредственно стоит у колыбели русского реализма, русского литературного языка. Но особая роль в приуготовлении будущего мощного расцвета родной литературы выпала на долю Радищева. Он — первый русский революционер и первый писатель-революционер, навсегда связавший дело литературы с делом революции. Своей деятельностью и творчеством он заложил основы передового политического мировоззрения, основы русской революционной идеологии. Революционные убеждения Радищева определили небывалое до того содержание и качество его эстетики, его эстетического идеала. Вот почему Радищев открывал новую страницу в истории русской литературы. Вот почему он явился основоположником новых и таких плодотворных, таких органически русских традиций.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аббади — 232
А.Б.Д. — 347
Аблесимов А. — 69, 90, 167
Август Октавиан — 391, 553
Агишев, капитан — 202
Азадовский М. К. — 490
Александр I — 257, 363, 526, 533, 538, 547, 548, 551, 569, 577, 581—585, 587, 588, 590, 592—595, 599—601, 604—607, 612, 619—621, 623—629, 639, 640, 642, 649, 705
Александр Македонский — 485, 552
Александр Невский — 283
Александров С. — 17, 421
Алексеев М. П. — 9, 558, 559, 657
Алексеев, солдат — 133, 136—140
Алексей Михайлович — 315, 600, 610
Алпатов М. А. — 423
Анаксимен — 99
Андреев Петр, дворовый — 178
Аничков Д. С. — 26
Антонин — 553
Апушкин И., барабанщик — 202
Аргамаков А. М. — 25, 26, 28
Аргамаков М. Ф. — 25, 26
Арзуманова М. А. — 36
Аристов И. С., сержант — 202
Аристотель — 99
Архипов, солдат — 186
Арцыбашев, дворянин — 139

Бабеф Г. — 56
Бабкин Д. С. — 9, 12, 127, 128, 421
Базанов В. Г. — 657, 728
Базедов И. Б. — 519
Бак И. — 71, 77
Бакаев И., солдат — 202
Барков И. — 167
Барсков Я. Л. — 7, 32, 50, 124, 125, 127, 128, 157, 162, 180, 333—335, 398—400, 503, 506
Баратаев, капитан — 203
Барсов А. А. — 26, 72, 318
Батюшков К. Н. — 377, 542, 633, 658, 659, 675, 738, 748
Бахина А., помещица — 136
Беккария Ч. — 34
Белинский В. Г. — 5, 87, 88, 242, 247, 282, 324, 493, 499, 544, 545, 588, 589, 615, 616, 636,

637, 643, 651, 716, 749, 751, 752, 755
Белозерская Н. А. — 717
Белосельский - Белозерский А. М. — 10, 35, 37, 41, 45—48, 117, 120, 121
Беме И. Г. — 31, 38, 42, 43, 45, 46, 49
Берков П. Н. — 8, 9, 91, 126, 127, 150, 153—155, 157, 158, 165—171, 259, 262, 278, 350, 421, 503, 569, 706
Бестужев А. А. — 675, 677
Бестужев А. Ф. — 582, 583
Бецкий И. И. — 134, 135
Бибиков А. И. — 199
Бибиков — 134
Бильбасов В. А. — 27, 30
Благой Д. Д. — 8, 9, 150, 151, 165, 350, 421, 565, 676
Блекстон В. — 589, 599
Бобров С. С. — 285, 556, 559
Богданович И. Ф. — 26, 52, 220, 221, 223, 224, 229, 363, 540, 557, 559, 565, 566
Богданович П. И. — 280
Бокум И. — 10, 31—34, 36, 38—50, 338, 342, 439
Борн И. М. — 545, 658, 680, 681, 683—685, 689, 698, 699
Бородовицын И. С. — 625
Бороздин А. К. — 19, 396
Брежинский А. П. — 625
Брусилов Н. П. — 636
Брут — 554
Брюс П. А. — 180
Брюс Я. А. — 11, 122—125, 128, 129, 135, 140, 147—149, 156, 158, 163, 164, 179, 180, 182, 185—189, 198, 201, 204, 205, 211, 212
Бугер П. — 104
Букингам — 285
Буйди И. Н. — 12
Бурдин В. А. — 717
Бухаров И. — 584
Бухарский А. И. — 347
Бэкон Ф. — 51, 293

Вадим — 571, 572
Варахсов, сержант — 136
Васильев К., солдат — 202
Вахонин И., солдат — 189, 190
Вемиус И. Г. — 36
Венгеров С. А. — 87
Вергилий — 90, 520
Вернадский Г. В. — 237
Верри П. — 583
Виланд Х. М. — 239
Виленская Э. С. — 9, 325
Виноградов В. В. — 382, 389, 390
Волков Ф. Г. — 100
Вольней К. Ф. — 583
Вольтер Ф. А. — 21, 22, 30, 54, 59, 60, 74, 78, 106, 107, 174, 209, 218—221, 232, 241, 291, 293, 309, 311, 317, 508, 542, 599, 694
Воронцов А. Р. — 152, 154, 211, 257, 336, 387, 475, 504, 507, 542, 551, 580, 582, 585, 586, 588, 595, 603, 605, 612, 616—618, 620—624, 627, 629
Воронцов С. Р. — 595, 612, 624, 627
Востоков А. Х. — 545, 680, 693, 701
Всеволожский А., пензенский воевода — 178
Всеволод, князь Новгородский — 314, 382
Вяземский А. А. — 29, 95, 124, 130, 132, 148, 149, 178, 262
Вяземский И. А. — 132

Вяземский П. А. — 95, 96, 251, 259, 475

Галилей Г. — 408
Ганичев Я., сержант — 186
Геллерт Х. Ф. — 239
Гельвеций — 21, 52, 54, 74, 77, 79, 116—118, 159, 209, 232, 247, 291—294, 296, 297, 299, 300, 304, 309, 311, 508, 510, 694, 741
Герцен А. И. — 4, 5, 19, 102, 103, 243, 244, 302, 324, 362, 417, 431, 467, 477, 488, 498
Геснер С. — 239
Гете И.-В. — 34, 491
Гика А. — 119, 174
Гишар Ж.-Ф. — 542, 703
Глазов, депутат Комиссии 1767 г. — 83, 368
Глинка С. Н. — 276, 278, 285, 729
Глинка Ф. Н. — 496, 638, 659, 680, 717, 726—735
Гнедич Н. И. — 377, 638, 656—668, 672, 679, 680, 701, 702
Гоббс Т. — 293
Гоголь Н. В. — 324, 491, 495, 496, 589, 615, 634, 644, 645, 652, 703, 712, 715, 716, 753, 757
Голенищева-Кутузова Е. И. — 163, 332
Гольбах П. Г. — 21, 54, 79, 159, 209, 232, 241, 292—299, 301, 303, 304, 306, 311, 340, 341, 351, 472, 508, 510, 583, 692, 694, 741
Гольберг Л. — 73, 90
Гомер — 667, 729
Гоммель К. Ф. — 34, 37, 38
Гораций — 285
Горбунов М. А. — 9, 32, 128, 421, 510, 603, 604
Горбунов М., солдат — 202
Горемыкин, подполковник — 504
Горчаков К. — 525
Горшков, пугачевец — 195
Горький А. М. — 324, 757
Готшед И. К. — 36
Греч Н. И. — 676
Грибовский А. Д. — 286
Грибоедов А. С. — 4, 19, 20, 285, 477, 497, 644, 657, 702, 745, 757
Гримм М. — 59, 117, 218
Громов Н. И. — 9, 17, 421
Грот Я. К. — 5, 285
Гуковский Г. А. — 7, 8, 77
Гуляев, кабинет-курьер — 52
Гуляев, прокурор — 136
Гюберт — 37

Давид — 389
Даламбер Ж. — 59, 60, 73, 74
Даль Г. — 212
Даниил, библейский пророк — 431
Даниловский Н. — 285
Дашкова Е. Р. — 74, 230, 261, 263, 265, 268, 276
Деге Д. — 17
Дельвиг А. А. — 659
Державин Г. Р. — 5, 69, 89, 228—230, 242, 260—262, 276, 285, 286, 302, 361, 385, 386—390, 394, 426, 500, 503, 525, 540, 571, 633, 638, 646—656, 680, 691, 701, 702, 712, 736, 740, 745, 746, 748, 752, 753, 755, 758
Десницкий В. А. — 8
Десницкий С. Е. — 26
Дидро Д. — 22, 30, 54, 59, 60, 73, 74, 78, 107, 117, 159, 209, 218, 239—241, 246, 296, 309, 311, 510, 694

Диоген — 99
Дмитревский И. А. — 52, 154, 303
Дмитриев И. И. — 240, 285, 350, 522, 525, 634, 702
Добролюбов Н. А. — 5, 86, 272, 543, 711, 746
Додонов Е., солдат — 202
Долгоруков И. М. — 184, 185
Домашнев С. Г. — 52, 74, 281, 282
Донсков А., фурьер — 202
Дорат (Дора) Ж. — 542, 703
Дорожин Т., солдат — 189
Древиц, полковник — 199
Дюсис Ж. Ф. — 658

Евгеньев Б. — 127
Евгеньев В. Е. (Максимов) — 718
Екатерина I — 620
Екатерина II — 12, 14, 15, 22, 27—31, 33, 39, 41, 42, 47—50, 52, 58, 59, 60, 65—69, 72—76, 83—87, 90, 94, 101, 126, 127, 130—132, 134, 135, 142—144, 153, 168, 188, 191, 192, 194, 198, 200, 201, 204, 208, 209, 212, 217—233, 234, 237, 239, 241, 243, 245, 246, 256, 258—272, 274—276, 278, 279, 284, 285, 300, 303, 310, 311, 318, 330, 337, 345, 351, 353, 355, 356, 363, 364, 367, 370, 373, 385, 387, 439, 445—494, 503—507, 514, 518, 524, 525, 527, 548, 551, 572, 577, 583, 585, 620, 649, 650, 677
Елагин И. П. — 132
Елеонский С. Ф. — 17, 195
Елизавета Петровна — 27, 65, 142, 329
Ермак Тимофеевич — 302, 511, 512, 513, 562, 752
Ермолов А. П. — 580, 584
Ефремов П. А. — 259, 336, 396—398, 416
Ефстифеев О., солдат — 202
Ешевский С. В. — 237

Жанлис Ф. — 542, 703
Жерар — 271
Жеребцов И., депутат Комиссии 1767 г. — 83, 94, 179, 368
Жокур — 75
Жуковский В. А. — 377, 542, 545, 567, 633, 637, 652, 671, 674, 675, 728, 738—740, 747, 748, 750, 754, 755

Завадовский П. В. — 11, 586, 587, 596, 599, 601, 602, 604—611, 618, 623, 629, 630
Западов А. В. — 105
Зарубин И. Н., пугачевец — 194
Зейдлиц, профессор — 31
Зеллиус, писец — 44
Зенон — 99
Зиновьев В. — 31, 38, 52
Золотницкий В. Т. — 69
Зотов Г. К. — 503, 504
Зубов П. А. — 612
Зутис Я. — 212, 518

Иван IV — 315, 369, 511—513
Иванов И. В., капитан — 203
Иванов Н., лекарь — 178
Игнатьев, солдат — 188, 189
Изъединов, капитан — 135
Измайлов А. Е. — 636, 642
Измайлов В. В. — 525, 634, 635, 709, 710
Ильинский Н. С. — 607, 609, 610, 629, 630
Истрин В. М. — 632
И. Т. — 11, 124, 128, 164, 166

Каверин П. П. — 657
Казимиров, капитан — 139
Кайсаров П. — 525
Калигула — 352, 553
Каллаш В. В. — 150, 396
Кантемир А. Д. — 20, 88, 167, 350, 426
Капнист В. В. — 242, 286, 367, 525
Карабанов П. М. — 285
Каразин В. Н. — 605, 606, 612, 617, 618, 624, 627, 628
Карамзин Н. М. — 6, 20, 35, 157, 158, 162, 163, 235, 236, 238, 240, 242, 331, 332, 350, 361, 376, 394, 429, 494, 495, 520—540, 542—546, 551, 555, 557—560, 562—565, 567, 579, 633—638, 645, 646, 649, 651, 655, 656, 662—664, 667, 668, 671—673, 674, 675, 682, 686—692, 698—700, 702—704, 708—710, 716, 721, 727—731, 736—739, 746, 755
Карины (братья) — 69
Карл XII — 588
Картуш — 485
Карякин Ю. Ф. — 18
Катон — 524, 554
Кафенгауз Б. Б. — 423
Каховский А. М. — 579—581
Каховский Г. А. — 580
Кеплер — 101
Кир — 552
Кирпичников А. И. — 103
Клавдий — 553, 670
Клопшток Ф. Г. — 332
Клушин А. И. — 344, 350, 525
Княжнин Я. Б. — 224, 261, 276, 286, 346, 350, 572
Коган Ю. — 71
Кожевников М., пугачевец — 194
Кожевников С., пугачевец — 194
Козельский П. С. — 71
Козельский С. П. — 72
Козельский Я. П. — 13, 26, 53, 70—73, 76—84, 91, 93—96, 109, 115, 126, 144, 167, 179, 208, 209, 216, 255, 281, 293, 301, 309, 316, 317, 339—342, 344—346, 579, 583, 695
Козельский Я. П., майор — 67, 71, 72, 77, 126, 316, 368, 579
Козицкий Г. В. — 69, 87
Козловский Ф. А. — 69
Козодавлев О. П. — 229—232, 234, 263, 276
Коклес — 554
Кокорев А. В. — 718, 723
Кольцов И. — 512
Колумб Х. — 408
Кондильяк Э. Б. — 293
Кондратьев, солдат — 136, 137, 140, 189
Кондратьев Е., беглый рекрут — 188
Коновалов, пугачевец — 194
Коперник — 101
Коргин, подпоручик — 189
Коробкина О. С. — 71
Коробов, солдат — 186
Коробьин Г. — 67, 93, 126, 179
Костров Е. И. — 220, 229, 285, 525
Кочубей В. П. — 585, 629
Крашенинников С. П. — 72, 428, 429
Кребель Г. — 37
Крестова Л. В. — 165, 171, 175
Кречетов Ф. В. — 14, 182, 203, 215, 250, 354—356, 579, 584
Кромвель О. — 387, 388, 406, 485
Кружков В. С. — 421—423
Крылов И. А. — 15, 89, 223, 242, 250, 280, 284, 344, 346, 347, 349, 354—356, 364, 493, 494,

522, 525, 638—645, 680, 701—705, 712, 714, 716, 724, 725, 727, 752, 757, 758
Кукулевич А. М. — 90
Кулакова Л. И. — 9, 150—152, 154, 155, 157, 325, 420, 421, 605
Курганов Н. Г. — 13, 53, 82, 83, 97—113, 115, 116, 231, 300, 309, 318, 579, 714
Курций — 554
Кутузов А. М. — 10, 31, 35, 36, 38, 49, 120, 122, 124, 129—131, 146, 147, 157, 158, 162, 163, 180, 206, 235, 236, 238, 240, 242, 331—337, 399, 434, 503, 524
Кучум — 511, 512
Кюхельбекер В. К. — 102, 382, 659, 680

Лагарп Ф. — 582
Лапшин И. И. — 396
Лафонтен Ж. — 642, 643
Лебедев — 397
Лейбниц Г. В. — 51, 232
Лемке М. К. — 103, 488
Ленин В. И. — 4, 5, 19, 54, 55, 57, 62, 63, 66, 87, 213, 253, 316, 323, 325, 326, 435, 581, 612, 613, 616
Лепехин И. И. — 281, 428, 429
Лермонтов М. Ю. — 491, 716, 757
Лехтблау Л. Б. — 420
Ликург — 552
Локк Д. — 51, 225, 293
Ломоносов М. В. — 20, 25, 26, 64—66, 72, 88, 90, 98, 100, 167, 208, 301, 302, 318, 328—330, 361, 362—365, 378, 386, 394, 426, 428, 433, 485, 494, 500, 516, 540, 571, 740, 752, 755, 758
Лонгинов М. Н. — 396—398, 411
Лопухин И. В. — 162, 227, 234, 244, 332
Лотман Л. М. — 558, 559
Лотман Ю. М. — 9
Львов Н. А. — 242, 525, 557, 559, 567
Любомиров П. Г. — 199
Людовик XVI — 678
Лютер М. — 408
Ля-Шоссе Н. — 239

Мабли Г. Б. — 50, 52, 56, 116, 123, 125, 143—146, 149, 159, 171, 172, 209, 257, 309, 312
Майков А. — 347
Майков В. И. — 26, 69, 90, 224, 565, 748
Майков Л. Н. — 166
Макаров П. И. — 634
Малевинский, доносчик по делу Кречетова — 355
Малиновские А. Ф. и В. Ф. (братья) — 344, 612
Мамаев, солдат — 186
Маметкул — 512
Мамонтов П. (Сума) — 24
Марешаль С. — 107
Мариво П. — 291
Марий — 391
Мария Федоровна, великая княгиня — 233
Марк Аврелий — 553
Маркези Г. — 464
Маркс К. — 54—56, 58, 215, 240, 299
Мармонтель Ж. Ф. — 74, 231, 542, 703
Мартынов И. И. — 658, 659
Маслов А., депутат Комиссии 1767 г. — 94, 179
Медведева И. Н. — 656

Мейлах Б. С. — 657, 717
Меллин, комендант — 202
Мелье Ж. — 106, 107, 241
Мерзляков А. Ф. — 718
Меринг Ф. — 58
Мерсье С. — 239, 285
Миллер Г. Ф. — 511, 513
Милорадович М. А. — 726
Милюков П. Н. — 418
Михайлов А. С., иркутский вице-губернатор — 334
Мияковский В. В. — 5, 29, 38
Мневский А. Ф., поручик — 203
Модзалевский Б. — 705
Модзалевский В. — 71
Мозер К. Ф. — 82
Монтескье Ш. Л. — 74, 75, 77, 144, 311, 312, 314
Монтэнь М. — 291
Мор (Морус) Т. — 523
Морамберт — 28, 29
Мордвинов, секунд-майор — 133, 137—139
Мордвинов Н. С. — 578, 579, 585
Мордовченко Н. И. — 633
Морелли Н. — 56
Мотонис Н. — 95
Мудров М. Я. — 705
Муравьев А. — 657
Муравьев М. Н. — 238, 240, 242, 376, 394, 520, 540, 542, 543, 705, 706, 737, 738
Муравьев Н. Е. — 52
Муравьев А. З. — 657
Муций Сцевола — 554
Мюллер Э. — 23, 41
Мюнцер Т. — 56
Мягков, прапорщик — 138
Мякин, майор — 138, 139

Наполеон I — 591, 677, 729
Нарежный В. Т. — 717
Нарышкин А. В. — 74, 83, 95, 368
Насакин И. — 31, 38, 44, 45, 47, 48
Н. Д. — 285, 289, 291—297, 299—301, 303—307, 339—341, 343, 344, 351, 469, 470—473, 695
Невзоров М. И. — 634
Незеленов А. И. — 418
Нелединский-Мелецкий Ю. А. — 525
Нерон — 352, 553
Несвицкий А. — 31, 38, 42
Нестор, летописец — 381
Неустроев А. Н. — 280
Нечкина М. В. — 19, 657
Николай I — 593, 594
Николай Михайлович, великий князь — 585
Николев Н. П. — 224, 525
Новиков Н. И. — 6, 13—15, 18—20, 26, 53, 69, 72, 82—96, 105, 106, 111, 112, 115, 116, 124, 126, 144, 164—174, 179, 187, 198, 209, 215, 216, 223, 226, 227, 231, 233, 234, 237, 242—249, 253—255, 264, 278, 283, 284, 300—303, 305, 309, 316, 318—320, 339—341, 344—346, 351, 352, 356, 362—364, 378—380, 393, 426—430, 431, 445, 469, 470, 473, 474, 478—480, 493, 494, 509, 514, 517, 522, 524, 525, 532, 579, 581, 638, 657, 661, 691, 692, 694, 695, 702, 704—708, 711—714, 716, 719, 720, 722—725, 727, 732, 752, 758
Новосильцев Н. И. — 582, 585
Ньютон И. — 51, 101

Овчинников И., солдат — 188
Огарев Н. П. — 5, 20, 702, 717

Озерецковский Н. Я. — 428, 429
Оксман Ю. Г. — 107, 615
Олейников, депутат Комиссии 1767 г. — 94, 179, 368
Олсуфьев А. В. — 35, 41, 45, 46, 50, 52, 120, 132
Олсуфьев Д. — 38, 52
Орлов А. Г. — 52, 117, 118
Орлов В. Г. — 31, 42
Орлов В. Н. — 9, 421, 545, 680, 688, 700, 701, 718
Орлов Ф. Г. — 52, 117
Остолопов И. — 136
Отвей Т. — 73

Павел, иеромонах — 39, 46
Павел I — 27, 28, 203, 256, 257, 475, 514, 518, 519, 527, 547, 577, 578, 580, 583—585, 600, 677
Павлова Н. Г. — 558
Павлов-Сильванский Н. П. — 32, 123
Падуров Т., депутат Комиссии 1767 г. — 194, 195
Пак Р. — 186
Пален П. А. — 578, 579
Паллас П. С. — 283, 428
Панин Н. И. — 10, 41, 46—49, 95, 117, 120, 134, 250, 254, 256, 257, 264, 475, 578
Панин Н. П. — 475, 578, 579
Панин П. И. — 199
Пассек В. В. — 12
Пахомов М. — 232
Пекарский П. П. — 5, 266
Пельский П. А. — 738
Пестель П. И. — 249, 326
Петр I — 27, 61, 65, 112, 155, 181, 233, 268, 269, 270—276, 282, 283, 301, 302, 308, 312, 315, 329, 330, 349, 369, 554, 587, 593—595, 600, 620
Петр III — 27, 196, 200, 366, 548
Петров А. А. — 235, 240, 242, 522
Петров В. В. — 90, 220, 661
Пигарев К. В. — 251, 253, 254, 258—260, 262
Пиксанов Н. К. — 9
Питтак — 99
Плавильщиков П. А. — 344
Платнер Э. — 34, 35, 37
Платон — 99, 232, 234, 291
Плеханов Г. В. — 209, 238, 241, 242, 320
Плимак Е. Г. — 18
Плутарх — 291
Пнин И. П. — 545, 579, 582, 583, 612, 617, 624— 628, 658, 680—682, 685, 688—700
Погодин, купец — 135
Погодин М. П. — 522, 617
Покровский В. С. — 9, 604—606
Полевой Н. А. — 713
Полычалов С., барабанщик — 202
Попп А. — 105, 108, 291
Попов Г. — 12
Попов М. И. — 69, 90
Попов С., прапорщик — 203
Поповский Н. И. — 26, 64, 72, 105
Попугаев В. В. — 545, 680, 685—690, 693, 698, 699, 701
Потемкин Г. А. — 217, 221, 233, 238, 239, 650
Походяшин Г. М. — 525
Почиталин И., пугачевец — 194, 195
Прасковья Клементьевна, няня А. Н. Радищева — 24
Прийма Ф. Я. — 605, 617

Приказчикова Е. В. — 9, 421, 422—424, 547
Прозоровский А. А. — 227
Прянишников И. Д., член Комиссии по составлению законов — 608, 609
Пугачев Е. И. — 61, 64, 67, 123, 163, 190—204, 207, 208, 214, 217—221, 356, 368, 370, 373, 488, 489, 491, 505, 524, 580
Пуффендорф С. — 75
Пушкин А. С. — 4, 8, 19—21, 30, 66, 89, 102, 191, 201, 302, 324, 362, 377, 389, 394, 417, 477, 478, 491, 493, 496, 498, 499, 500, 502, 516, 542, 545, 556, 557, 567, 568, 593, 594, 630, 633, 634, 636, 638, 644, 649, 652, 654, 656, 659, 660, 668—680, 701—704, 712, 715, 716, 728, 740, 745, 747—751, 754, 755, 757
Пыпин А. Н. — 5, 237
Пятковский А. П. — 259

Радищев В. А. — 624
Радищев М. А. — 24
Радищев М. Н. — 334, 335
Радищев Н. Ал. — 23, 125, 180, 210, 334, 546, 624, 631, 658
Радищев Н. Аф. — 23—25, 199, 436
Радищев П. А. — 23, 165, 199, 396—398, 404, 410, 411, 415, 416, 556, 584, 603, 609, 610, 617, 625, 630
Раевский В. Ф. — 377, 382, 657, 679, 680
Разин Степан — 485, 491
Растрелли В. В. — 28
Рахманинов И. Г. — 349
Рейналь Г. Т. — 505
Рейц Ф. — 37
Репнинский, полковник — 580
Решетников А. Г. — 706
Ржевский А. А. — 74
Риммер — 23
Римский-Корсаков А. — 31, 32
Ричардсон С. — 491, 542
Робеспьер М. — 549, 550
Рогожин В. Н. — 719
Рубан В. Г. — 101, 230
Рубановская А. В. — 210, 504, 546
Рубановская Е. В. — 504, 684
Рубановский А. К. — 10, 31, 35, 36, 38, 49, 120, 122, 129—131, 146, 157, 158, 174, 210, 661
Рубановский В. К. — 158
Рубановский К. С. — 158
Рубановский М. К. — 158, 387
Рубинштейн Н. Л. — 214
Руднев С., подпоручик — 136
Румянцев П. А. — 61, 283, 302, 648, 650, 651
Руссо Ж.-Ж. — 21, 54, 77, 78, 116—118, 128, 144, 150, 159—161, 163, 209, 225, 232, 239—241, 280, 291, 294, 298, 299, 309—314, 317, 337—338, 491, 519, 520, 526, 635, 710
Рылеев К. Ф. — 4, 302, 326, 362, 377, 382, 477, 514, 656, 675, 677, 679, 680, 757
Рылеев Н. И., цензор — 399
Рычков Н. И. — 428, 429
Рычков П. И. — 428
Рюрик — 571

Саади — 361
Сазыкин Ф., купец — 136, 141
Сакулин П. Н. — 8
Салманов А., секунд-майор — 202
Салтыков, член Комиссии по составлению законов — 607

Самарин А., капитан — 188
Сапожников Ф., солдат — 202
Сарычев Г. А. — 102
Светлов Л. Б. — 9, 12, 399
Свечинский И. — 636
Семевский В. И. — 5, 317, 586, 621
Семенников В. П. — 7, 123—125, 127, 128, 164—166, 170—175, 281, 282, 356, 395, 397, 398, 400—402, 411, 419, 586, 609, 617, 625, 630
Сенека — 234
Сивков К. В. — 194, 203
Сидоров Н. — 718
Сиповский В. В. — 5
Скафтымов А. П.— 419, 420
Скворцов, свидетель по делу Кречетова — 355
Снытко Т. Г. — 579
Соколов А. Н. — 547
Сократ — 99, 234, 688
Солон — 552
Сопиков В. С. — 292
Сорен Ж. — 150, 154
Соснин Г., прапорщик — 202
Сперанский М. М. — 612, 617, 619, 621—624, 627, 628
Сталь фон Гольштейн — 189
Старцев А. И. — 9
Степанов Н. Л. — 633, 676, 705, 717
Степанов Н. Н. — 669
Стерн Л. — 17, 239, 418—420, 427, 434, 435, 439, 491, 505, 542, 635, 710, 726
Страхов П. И. — 706
Стрелевский И. К. — 12
Строганов П. А. — 582, 585
Строев С., прапорщик — 203
Суворов А. В. — 302, 579, 580, 591, 648, 650, 651, 654, 655
Суворов, генерал-майор — 134
Сулдашев Е., прапорщик — 203
Сулимов, купец — 141
Сулла — 391, 549, 552
Сумароков А. П. — 5, 26, 95, 100 110, 168, 224, 240, 361, 366, 386, 394, 706
Сухомлинов М. И. — 5, 35, 37, 430, 602, 603, 610
Сырейщиков Е. Б. — 229

Тарасов М. — 334
Темкин, отставной поручик — 136
Теплов Г. Н. — 31, 32—33
Тиверий — 547, 548, 553, 560
Тимофеев И., солдат — 202
Тихонравов Н. С. — 5, 254, 276
Тоди М. Ф. — 464
Толстой Л. Н. — 4, 302, 324
Томас (Тома) А. — 174, 660—663
Тредиаковский В. К. — 25, 516
Тройницкий С. Н. — 396, 398
Трубецкой В. — 31, 38, 42—46
Тургенев Н. И. — 657, 673
Туманский И. — 74, 144, 145
Туманский Ф. О. — 15, 250, 280—289, 300, 344—346, 348—351, 522
Тучков С. А. — 12, 357

Ульянский А. И. — 158
Ушаков М. В. — 31, 38, 43, 48
Ушаков Ф. В. — 23, 31—34, 37, 38, 40, 43, 45, 48, 50, 116—120, 174, 208, 293, 302, 337—339, 341, 439

Фадеев, солдат — 188—190
Фалес — 99
Фальконе Э. М. — 329

Федоров Е., солдат — 202
Федр — 642
Ферельтц С. К. — 638, 717—725
Фиалковский А. — 233
Филанджиери Г. — 288, 289
Филарет Милостивый — 506
Филипп Македонский — 552
Флориан Ж. П. — 542, 703
Фонвизин Д. И. — 5, 13—15, 20, 26, 53, 72, 82, 83, 89—92, 94—96, 111, 115, 116, 167, 216, 223, 225, 228, 229, 231, 234, 242, 245, 246, 250—269, 271—279, 291, 301, 304, 305, 309, 340, 344, 345, 353, 354, 362—364, 366, 378, 393, 427, 445, 469, 470, 475, 476, 493, 494, 517, 522, 524, 578, 581, 633, 660, 691, 692, 694, 695, 702, 704, 708, 712—714, 719—721, 723, 727, 752, 758
Фонвизин М. А. — 475, 657
Фонвизин П. И. — 52
Фонвизин С. П. — 718
Франклин В. — 288
Фридман Н. В. — 659
Фридрих II — 300, 311

Харламов И. Г. — 235
Хвостов Д. И. — 525, 645
Херасков М. М. — 26, 74, 76, 100, 229, 238, 240, 242, 276, 394, 500, 525, 540, 557, 559, 567
Хованский И. А. — 525
Ходнев А. И. — 366
Храбровицкий А. В. — 25
Храповицкий А. В. — 128, 131, 503—505

Царевский — 399
Цявловский М. А. — 102

Чаадаев П. Я. — 657
Чарторижский А. А. — 582, 585, 586, 595, 619
Чеботарев Х. А. — 705, 706
Челищев П. И. — 12, 23, 31, 38, 48
Чернышев, генерал-майор — 189
Чернышевский Н. Г. — 4, 5, 301, 302, 324, 325, 477
Чехов А. П. — 4, 324
Чингис-хан — 485
Чичерин Н. И. — 132
Чулков М. Д. — 102, 105, 318, 494
Чулков Н. — 355
Чупров И., депутат Комиссии 1767 г. — 83, 94, 179, 368

Шигаев М., пугачевец — 194
Шаликов П. И. — 634, 645
Швабе И. Г. — 36
Шварц И. Г. — 234, 509
Шведова Н. Ю. — 376, 501
Шекспир В. — 223
Шендзишевский И. А. — 183, 184
Шереметьев Б. П. — 112
Шестаков, секунд-майор — 204
Шефтсбери А. — 51, 291
Шешковский С. И. — 122, 153, 180, 205, 237, 436, 504, 505
Шиллер Ф. — 658
Шильдер Н. К. — 582
Шишков А. С. — 541, 555, 579, 645, 646, 649
Шмаков Л. И. — 9
Шмидт Ж. Л. — 34, 42, 43, 45, 50—52
Шнеерсон М. А. — 718
Шотт Ф. — 36
Штейнгель В. И. — 19
Шторм Г. — 181, 205
Штрекк И., профессор — 41

Шувалов И. И. — 263
Щеголев П. Е. — 396, 410
Щедрин Н. (Салтыков М. Е.) — 324
Щербатов М. М. — 69, 83, 95, 368, 417
Щипанов И. Я. — 9, 421, 423, 510

Эзоп — 642
Эмин Н. Ф. — 350
Эмин Ф. А. — 97
Энгельс Ф. — 54, 56, 215, 240, 299
Эпиктет — 99

Юлий Цезарь — 553, 554
Юматов И., прапорщик — 203
Юнг Э. — 239, 331
Юрьев, капрал — 136
Юсти И. Г. — 36
Юшневский А. П. — 657

Языков Д. И. — 658
Яковлев, кабинет-курьер — 52
Янов С. — 23, 31, 36—38, 49, 50, 332
Яновский Н. М. — 285, 289, 290, 292, 295, 344, 346
Ярослав I, князь Киевский — 381

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая

Детство Радищева. Годы учения в Лейпцигском университете. (По материалам архивов.) Аттестаты о прослушанных лекциях на юридическом факультете. «Мятеж» против Бокума. Самообразование. Ф. В. Ушаков и его роль в воспитании Радищева. Связь с Россией. Труды первых русских просветителей — Я. Козельского, Н. Новикова, Д. Фонвизина, Н. Курганова. Окончание занятий Радищева в Лейпцигском университете. Рекомендательные письма Белосельского 23

Глава вторая

Возвращение Радищева в Петербург. Определение в первый департамент Сената протоколистом. Дела, которыми приходилось заниматься Радищеву. (По материалам архива.) Поездка в отпуск к родным и болезнь. Работа над переводом книги Мабли «Размышление о греческой истории». Подготовка перехода в армию. Перевод «Офицерских упражнений». Работа над «Дневником одной недели». Проблема датировки «Дневника» в свете новых документов. Радищев и Кутузов. Вопрос об авторе «Отрывка путешествия». Служба Радищева в Финляндской дивизии в качестве прокурора. Круг занятий прокурора дивизии. (По материалам Военно-исторического архива.) Дела о беглых рекрутах. Наблюдение за работой полковых судов. Радищев и полковые аудиторы. Радищев и аудитор Тобольского полка Ф. Кречетов. Начало пугачевского восстания и пер-

вые сведения о нем в дивизии. Дела об офицерах и солдатах, перешедших на сторону Пугачева. Значение событий восстания для идейного развития Радищева 122

Глава третья

Активизация идеологической деятельности Екатерины и правительственного лагеря литературы после подавления пугачевского восстания. Развитие масонства. Дворянский сентиментализм. Деятельность первого дворянского сентименталиста Алексея Кутузова. «Собеседник любителей российского слова» и «Растущий виноград». Развертывание деятельности русских просветителей. Новиков и просветительский центр в Москве. Сатирические сочинения Новикова 80-х годов. Фонвизин и его сочинения. Борьба Фонвизина с Екатериной на страницах «Собеседника». О принадлежности Фонвизину некоторых анонимных сатирических произведений, напечатанных в «Собеседнике». Преследование Фонвизина Екатериной. Создание в Петербурге учено-просветительского центра во главе с Ф. Туманским. Научные и литературные издания Ф. Туманского. Журнал «Зеркало света», его общественная, философская и литературная позиция. Пропаганда Гольбаха. Сочинения Н. Д. Выступление Крылова в журнале Ф. Туманского «Лекарство от скуки и забот». Журнал Крылова «Почта духов». Крылов — ученик русских просветителей. Ф. Кречетов и его общество. Программа Ф. Кречетова. Радищев в 80-е годы. Радищев и русские просветители. Незавершенные сочинения Радищева по истории и философии. Начало литературной работы: «Слово о Ломоносове», «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», «Житие Федора Васильевича Ушакова». «Общество друзей словесных наук» и Радищев. «Беседа о том, что есть сын отечества» 214

Глава четвертая

Ода «Вольность». Анализ идейного содержания оды. Вопросы стиля первого русского революционного стихотворения. Радищев и Державин. Творческая история оды. Анализ различных списков «Вольности». Критика текста так называемого лонгиновского списка. Список оды Центрального литературного архива. Первопечатный полный текст оды (список П. А. Радищева в издании «Сириус»). Цензурная история первого издания оды. Проблема канонического текста оды «Вольность» 361

Глава пятая

«Путешествие из Петербурга в Москву». Противоречия в оценках идейного содержания «Путешествия» в буржуазной науке и советском литературоведении. Вопрос о жанре и традиции. Русские ученые «путешествия». Тип просветительского «путешествия» — «Отрывок путешествия» Новикова, «Письма из Франции» Фонвизина. Композиция «Путешествия из Петербурга в Москву». Проблема героя-путешественника. Идейный анализ «Путешествия»: отрицание, а не критика крепостного права, отрицание самодержавия, а не критика излишеств самовластья, проповедь народной революции, а не призыв к монарху осуществить реформу «сверху». Народ в «Путешествии». Эстетическое новаторство Радищева. О реализме «Путешествия». Идейное и эстетическое значение книги Радищева для русской литературы. «Путешествие из Петербурга в Москву» и его роль в истории русского романа. Издание книги. Арест Радищева и следствие. Приговор суда и ссылка Радищева в Илимск. Жизнь в Илимске. Работа над новыми сочинениями — «О человеке, о его смертности и бессмертии» и «Слово о Ермаке» 417

Глава шестая

Состояние литературы в пору реакции 90-х годов. Екатерина II в борьбе с русским Просвещением. Расцвет деятельности дворянских сентименталистов. Карамзин — глава школы. Политическая, философская и эстетическая программа Карамзина. Общественный смысл и историко-литературное значение творчества Карамзина. Перевод Радищева из Илимска в Немцово. Литературная работа этого периода. «Памятник дактилохореическому витязю». Пародирование произведений карамзинской школы. Поэмы Радищева — «Песнь историческая», «Бова», «Песни, петые на состязаниях...» Датировка поэм. Их идейно-стилистический анализ. Использование опыта радищевской поэмы «Бова» Пушкиным. Вопросы стиля в поэмах Радищева и в стихах декабристов 515

Глава седьмая

Характеристика общественного движения конца 90-х годов. Рост протеста против политики Павла I. Переворот 11 марта 1801 года. Политическая амнистия и переезд Радищева в Петербург. Назначение в Комиссию по составлению зако-

нов. Отношения Радищева с Воронцовым на новом этапе. Поездка в Москву на коронацию. Анализ стихотворения «Осмнадцатое столетие». Радищев и Сперанский. Радищев и Пнин. Записка «О Законоположении: «Проэкт гражданского уложения». Критика существующих в научной литературе мнений о содержании и общественном смысле радищевских законодательных проектов. Гипотезы ученых и свидетельства документов Комиссии по составлению законов. Работа Радищева в Комиссии. (По новым архивным документам.) Общественно-политическая деятельность Радищева в новых исторических условиях. Драма Радищева 577

Глава восьмая

Литературно-общественное движение первых лет XIX столетия. Кризис школы карамзинского сентиментализма. Шишковисты и карамзинисты, их борьба внутри одного дворянского лагеря. Лагерь передовой литературы, противостоящий им. Возвращение в строй в 1807—1811 годах лучших просветительских сочинений Радищева. Крылов и его басни в 800-е годы. Первая книга басен Крылова 1809 года — новая победа просветительской литературы. Восстановление и обогащение просветительских традиций, торжество реалистической эстетики в жанре басни. Державин и его сочинения 800-х годов. Собрание стихотворений 1808 года — третья крупная победа передовой литературы. Поэты Вольного общества. Имеют ли право Пнин, Борн и Попугаев называться «радищевцами»? Возвращение в литературу лучших антикрепостнических сатирических сочинений Новикова и переиздание их в идейно-переработанном виде. Борьба за реалистические и сатирические принципы изображения действительности. Савелий Ферельтц и его «Путешествие критики». Федор Глинка. «Письма русского офицера» издания 1808 и 1816 годов. Преодоление карамзинского влияния и торжество просветительских идей и эстетики «действительной живописи» в «Письмах». Лирика Радищева 632

Указатель имен 759

Георгий Пантелеймонович
Макогоненко

РАДИЩЕВ И ЕГО ВРЕМЯ

Редактор Ф. Иванова
Художественный редактор
А. М. Гайденков
Технический редактор
Л. А. Чалова
Корректор И. Ф. Кузнецова

Сдано в набор 9.IV.1956 г.
Подписано к печати 26.VII. 1956 г.
А-10032. Тираж 30 000 экз.
Бумага 84×108 1/32—24,25 печ. л.
39,77 усл. печ. л. Учетно-изд. л. 40,65.
Заказ № 999. Цена 18 р. 25 к.

Гослитиздат
Москва, Ново-Басманная, 19

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография „Печатный Двор"
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.